

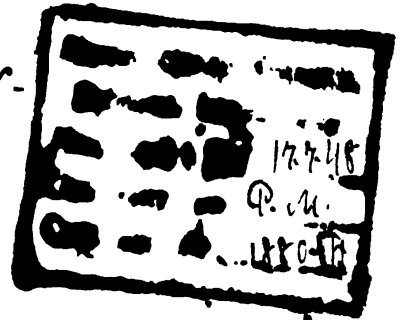
Русская
РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЬ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

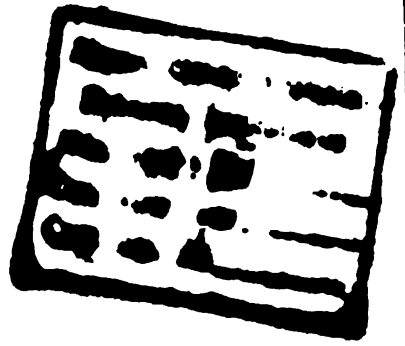
1880.

Редакция и контора Русской Мысли: Малая
Дмитровка, д. Роlederь.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

AK50
K 875
V. 1:4
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изящная словесность.

	<i>Стр.</i>
I. Великій расколъ. Истор. повѣсть. Д. Мордовцева. XVI—XVII.	1
II. Между вѣчностью и минутой. Романъ. М. Югея, часть I, главы XI—XXII.	27
III. Петербургское дѣйство. Истор. ром. въ 3-хъ част. Гр. Салиасъ. Главы I—XIV.	104
IV. Въ устьяхъ и морѣ. Сѣверо-каспійскіе очерки. Бобылева . . .	173
V. Въ слободѣ. Стихотвореніе. Л. Пальмина.	

Русская жизнь.

✓VI. Боярская дума древней Руси. В. Блочевскаго. Гл. IV.	1
VII. Земельная община въ Днѣпровскомъ уѣздѣ. Ф. Щербины.	38
VIII. Наша эпоха. Стихотвореніе. Л. Пальмина.	

Славянскіе народы.

IX. Вторичное правленіе Милоша Обреновича. Нила Попова. Гл. I.	1
X. Мысли о предполагаемой русской ученой экспедиціи въ южно-славянскія земли. Графа Петра Кутузова.	39

Иноплеменные народы.

XI. Народное образованіе въ Америкѣ. В. Миропольскаго. (Продолженіе).	1
XII. Судьбы французскихъ крестьянъ. Гл. I—III. III—а.	30

XIII. Библиографія.

1—24

Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка. Изданіе Михаила Боткина. Спб. 1880.

Нравственная философія утилитаризма. Историко-критическое изслѣдованіе А. Мальцева. Спб. 1879 г.

Max Büdinger. Vorlesungen über englische Perfassung's Geschichte, 1880. Wien. (Максъ Бюдингеръ. Чтенія по исторіи англійской конституціи).

Ueber das Nationalgefühl. Friedrich II und Jean Jacques Rousseau.
Zwei Reden in öffentlichen Sitzungen d. Akademie d.
Wissenschaften zu Berlin gehalten von Emil Du Bois-Rey-
mond. (О национальномъ чувствѣ. Фридрихъ II и Ж. Ж.
Руссо. Двѣ торжественныя рѣчи, сказанныя въ засѣда-
ніяхъ Берлинской Академіи науки Эмилемъ Дюбуа-Ремо-
номъ).

XIV. Внутреннее обозрѣніе	25.
XV. Земство.	
1. Земское обозрѣніе	44
2. Одно изъ земствъ Приволжскаго края. Очеркъ. Б. Н. Н.	84
XVI. Политическое обозрѣніе	99.
XVII. Поземельныя приобрѣтенія и уступки Россіи за послѣднія трид- цать лѣтъ. М. Венюкова	124
XX. Объявленія.	

Въ конторѣ Редаціи, въ Москвѣ, на Малой Дмитровкѣ, въ
домѣ Роlederъ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М.
Лаврова и В. А. Федотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и рассказы. Изд. 2. Москва. 1878 г.
Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина—Сны на яву. Собраніе стихотвореній. Мос-
ква. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

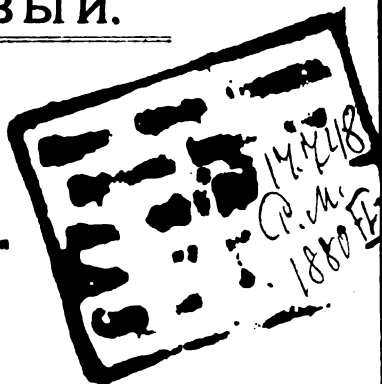
Кондратовича Людвиг (В. Сырокомли). Избранныя стихотво-
ренія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ
изданій 20% уступки.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

АПРѢЛЬ.

МОСКВА.

1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изящная словесность.

	<i>Стр.</i>
I. Великій расколъ. Истор. повѣсть. Д. Мордовцева. XVI—XVII.	1
II. Между вѣчностью и минутой. Романъ. М. Югеля, часть I, главы XI—XXII.	27
III. Петербургское дѣйство. Истор. ром. въ 3-хъ част. Гр. Салиасъ. Главы I—XIV.	104
IV. Въ устьяхъ и морѣ. Сѣверо-каспійскіе очерки. Бобылева . . .	173
V. Въ слободкѣ. Стихотвореніе. Л. Пальмина.	

Русская жизнь.

VI. Боярская дума древней Руси. В. Ключевского. Гл. IV.	1
VII. Земельная община въ Днѣпровскомъ уѣздѣ. Ф. Щербины.	38
VIII. Наша эпоха. Стихотвореніе. Л. Пальмина.	

Славянскіе народы.

IX. Историчное правленіе Милоша Обреновича. Нила Попова. Гл. I.	1
X. Мысли о предполагаемой русской ученой экспедиціи въ южно-славянскія земли. Графа Петра Кутузова.	39

Иноплеменные народы.

XI. Народное образованіе въ Америкѣ. В. Миропольскаго. (Продолженіе).	1
XII. Судьбы французскихъ крестьянъ. Гл. I—III. III—а.	30

XIII. Библиографія. 1—24

Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка. Изданіе Михаила Боткина. СПб. 1880.

Нравственная философія утилитаризма. Историко-критическое изслѣдованіе А. Мальцева. СПб. 1879 г.

Max Büdinger. Vorlesungen über englische Perfassung's Geschichte, 1880. Wien. (Максъ Бюдингеръ. Читенія по исторіи англійской конституціи).

ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЬ.

Историческое повѣствованіе.

XVI.

Изъ хмурой, холодной Москвы, гдѣ птица налету замерзала, а волки отъ стужи укрывались въ человѣческое жильѣ, перенесемъ на теплый югъ, въ благодатную Украйну.

Весна, усыпавъ землю опавшими лепестками розъ, шиповника, горицвѣта, желтаго дрока и пахучей липы, уже уступала мѣсто жаркому лѣту, предшествуемому «зелеными святыми», «русальными игрищами», «клевчальными ходами» и отпѣвающими свой положенный природою терминъ соловьями и кукушками. Вмѣсто цвѣта желтаго дрока и горицвѣта зеленныя рощи, возлѣски и садоочки горятъ «червоными чоботками» чернолѣна, пунцовыми съ чернымъ крапомъ глазами бруслины, пышными лепестками маку, чернобровцевъ и гвоздичи. Неумолчныя ночныя трели соловьевъ и гугнявья покуливанья кукушекъ замѣнились неумолчными «русальными» пѣснями звонкоголосыхъ «дивчатъ». Молодежь, въ ожиданіи рабочей поры, дни и ночи проводятъ на улицѣ, либо у рѣки, либо въ полѣ за цвѣтами, за выискиваньемъ утиныхъ и перепеляныхъ яицъ, либо разсыпается по лѣсу. Старыя бабы бродятъ по лугамъ и полямъ, рвутъ добрыя и недобрыя травы: отъ порчи и дурнаго глаза, травы чаровницкія и всякое полезное и вредное зѣлье.

Шла «русальная» недѣля. Слышались розказни о томъ, что Пилипъ, возвращаясь изъ лѣсу, лунною ночью, видѣлъ, какъ русалка качалась на гибкихъ вѣтвяхъ вербы и манила къ себѣ Пилипа; но Пилипъ сказалъ: «цуръ тобі, проклята мавка—вотъ

тебѣ дуля», и благополучно дошелъ домой; или какъ Харько, переѣзжая на човнѣ черезъ Псѣль, вечеромъ, тоже видѣлъ, какъ на берегу, въ высокой осоцѣ, какая-то дивчина чесала косу, а когда онъ вынулъ изъ шапки горсть полыни и показалъ ее дивчинѣ, она захохотала не своимъ голосомъ и бултыхнулась въ воду. Говорили также, что на Остапа Прудкого напало разомъ пять русалокъ и стали его щекотать, а онъ былъ немножко выпивши,—да и ну ихъ всѣхъ «мацать» куда попало,—такъ они, аспидскія, простоволосыя дѣвки всѣ и разбѣжались отъ него съ визгомъ, а онъ, Остапъ — ничего-то онъ не боится — да за ними, да все кричить: «улю-лю-лю! улю-лю-лю!» Послѣ парубки говорили, что это были не русалки, а свои же гадячскія дивчата, которыя хотѣли испугать пьяненькаго Остапа; — такъ не на таковского наскочили: онъ ихъ всѣхъ полапалъ-таки порядкомъ. А Явдоха Танцюрчиха — такъ та застала ночью русалку у себя на огородѣ: русалка рвала молодой бутъ; такъ Явдоха какъ кинетъ на проклятую русалку пучокъ «любистку»; а она какъ перекинется возою, да какъ закричитъ: «меке-ке-ке!» — да какъ махнетъ черезъ плетень — только её и духу было....

Вотъ уже третью такую «русальную» недѣлю — третью весну — проводить въ Гадячѣ молодая пани гетманова, боярыня Брюховецкая, которую мы видѣли еще княжною Долгорукою въ кремлевскомъ дворцѣ, въ мастерскихъ царицыныхъ палатахъ, вмѣстѣ съ боярынею Морозовою, княгинею Урусовою и маленькою царевною Софьюшкою. Третье лѣто боярыня Брюховецкая живетъ въ Украинѣ, слышитъ и веселыя, и тоскливыя управскія пѣсни, видитъ и привѣтливыя, и сумрачныя лица этихъ черкасовъ и черкашеновъ, эти черные чубы и усы, эти черныя, увитыя лентами и цвѣтами красивыя головки — и все тоскуетъ по своей родной сторонущкѣ, по хмурой, но дорогой ей Москвѣ бѣломанной.

Недавно муженекъ ея, гетманъ Иванушко, «съ великимъ поспѣшеніемъ» выступилъ въ походъ съ казаками, а куда, противъ кого — она не вѣдаетъ: не то противъ татаръ, не то противъ поляковъ, не то противъ Дорошонка. Ужъ этотъ ей Петрушка Дорошонокъ-воръ! Почему-то она давно не любитъ его и боится. Должно быть, онъ недоброе что затѣваетъ противъ матушки Москвы и супротивъ его царскаго пресвѣтлаго величества.... А что-то на Москвѣ дѣлается? — Говорятъ, что былъ тамъ соборъ и на немъ патріарха Никона съ престола низложили, а

черкаскіе люди на Москву за это серчаютъ: сказываютъ, что его низложили неправедно, по злобѣ бояръ. И за то черкаскіе люди серчаютъ, что съ Москвы прѣхали писчики — перепись дѣлать на Украйнѣ, да всѣхъ въ московское тягло записывать.

— А ты, матушка боярыня, все по муженьку, по боярину Иванъ Мартынычу убиваешься? Полно, родная, — погляди — какъ вонъ люди веселятся, говорила старая няня Ансентьевна, которая не хотѣла разставаться съ своей боярышней и вмѣстѣ съ нею оставила родную Москву для этой востылой черкасской стороны. — Такое ужъ его ратное дѣло, матушка.... А нобѣтъ — погромить этихъ татаръ да поляковъ — и къ тебѣ, голубушкѣ, воротится.

— Да я, няня, по Москвѣ соскучилась, отвѣчала молодая гетманша-боярыня. — Легко сказать — третій годъ не вижу родной стороны.... Хоть бы собачка съ родимой сторонужии прѣбжала.

— И-и, родная! что объ Москвѣ-то убиваться! что тамъ? утѣшала ее старуха, а у самой тоже сердце щемило. — Однѣ смуты топереве на Москвѣ и по всей московской землѣ стоять.... Гонцы вонъ сказываютъ — и не приведи Богъ!.. Никона патриарха поскинили, протопопа Аввакума заслали, сказываютъ, туда, куда воронъ вѣстей не занашивалъ.... И стала на Москвѣ шатость: не знаютъ люди, какъ и молиться, какъ и метанія въ церкви творить.... И просвиры, матушка, сказываютъ, ужъ не тѣ нонѣ пекутъ — все по новому, по хохлацкому, сказываютъ.... А на Дону, сказываютъ, и по Волгѣ воровскіе казаки царскимъ воеводамъ дурно чинятъ: проявился у нихъ, сказываютъ, воровской атаманъ, по прозванію Стенька Разинъ; — такъ его, мать моя, и пуля не беретъ: въ ево это стрѣляютъ, а онъ пули рукой хватаетъ, да назадъ пушаетъ.... А коли ему нужно черезъ воду плыть, такъ онъ, собачій сынъ, разстелетъ это зипунъ, сядетъ на ѣмъ — и поплылъ по морю, словно бы на кораблѣ.

— А все же на Москвѣ, няня, лучше, чѣмъ тутъ, не унималась молодая боярыня.

— И-и, родная! а ты-то послушай, какъ они, черкашенки-то, пѣсни свои играютъ, — ишь голосищи какіе! и въ Москвѣ такихъ не сыскать.... А вонъ какъ они вкружатся-то, плетень чтоли заплетаютъ, — вона короводы какіи водятъ, — дѣвчаты да паробки — видный народъ.... Смотри-тко, смотри, матушка: — а вонъ и наши парни, стрѣльцы молодые, туда жъ въ короводъ затесались — то-то дѣло молодое — весело....

Домъ гетмана Брюховецкаго, въ Гадячѣ, гетманской временной резиденціи, расположенъ былъ на возвышенности, недалеко отъ берега Псла, и фасадъ выходилъ на эту небольшую, но живописно текущую среди зелени рѣчку. Въ большому деревянному гетманскому дому, обнесенному стройными тополями, примыкалъ садъ, тянувшійся по снату и густо заросшій вѣтвистыми съ серебряной листвою тополями, дубомъ и липами. Въ густой листвѣ искрились золотомъ на солнцѣ и высвистывали золотистыя иволги. Иногда, какъ-бы нечаянно или ошибкой, начинала гудѣть кукушка, но тотчасъ же срывалась съ голоса и кончала крикливымъ и хриплымъ говоркомъ. Звонко бикали надъ вершинами копчики, гоняя отъ своихъ гнѣздъ сорокъ и галокъ. Пустельга пряталась въ высокой, прозрачной синевѣ своими подвижными крыльями и разомъ срывалась въ траву, завидя добычу. Пчелы усердно работали и гудѣли въ вѣтвяхъ развѣсистой липы.

Подъ одной изъ этихъ липъ, у ствола которой разостланъ былъ богатый персидскій коверъ, на деревянномъ рѣзномъ креслѣ сидѣла молодая гетманша и вышивала золотымъ бисеромъ и мелкимъ жемчугомъ кисеть для своего мужа; а старая нянька, повязанная платкомъ, сидѣла на коврѣ и вязала свивальникъ: — ея молодая боярынька была, если еще не на сносъ, то все-таки уже съ замѣтнымъ спереди округленіемъ. Внизу, передъ глазами у нихъ, по берегу Псла, двигались или неподвижно сидѣли на травѣ живописныя группы гадячской молодежи. Шли «русальныя» игры подъ звонкій смѣхъ и пѣніе десятковъ молодыхъ женскихъ голосовъ, которымъ иногда вторили, передразнивая ихъ, голоса мужскіе.

Проводили русалочки, проводили,
 Щобъ вони до насъ не ходили,
 Да нашего жятчка не ломили,
 Да нашихъ дивочекъ не ловили.

Свѣжіе, чистые, сильные голоса разомъ обрывались, потому что выходило какое-то замѣшательство. Молодой съ русыми кудрями стрѣлецъ погнался было за круглолицей, утыканной цвѣтами дивчиною, настигъ было ее, звонко хохочущую и звонко звенящую монистами, у самаго хорадова, но та его разомъ оборвала.

— Геть, москалю! оученись! протестовала она; защищаясь кокетливо, когда стрѣлецъ хотѣлъ дать волю своимъ московскимъ рукамъ. — Жартуй съ своею московкою.

Послѣдовалъ дружный хохоть. Всѣ дивчата, переставъ пѣть, вооружились противъ стрѣльца, швыряя въ него травою и цвѣтами.

— Женитайся съ своими товстопузыми московками! смѣясь, кричали ему.

— Да московки, дѣвыньки, далеча—гдѣ жъ ихъ взять! оправдывался стрѣлецъ.

— Геть, геть, поганый!

Стрѣлецъ, почесывая затылокъ, удалялся, тѣмъ болѣе, что ближайшіе парубки поглядывали на него не особенно дружески.

Солнце, спускавшееся къ западу, играя на раскрасившихся лицахъ дивчатъ и на цѣлыхъ горстахъ цвѣтовъ, украшавших ихъ головы, кидало, длинные двигавшіяся тѣни на воду. Хохлята, роясь у воды въ пескѣ, оглашали воздухъ своимъ пѣніемъ:

Савка-бувалка
 Покотивъ булку,
 Та вбивъ бурку,
 Положивъ на столі:
 Дивитесь, мосналі.

— Явдохо! Явдохо! чи не тая русалка у тебе на городи буті? кричалъ Остапъ Прудкій, указывая на гетманскаго козла, котораго дражили дѣти, а онъ становился на заднія ноги и трясъ бороною.

— А то-жъ— вона: може и тебе такі русалки доскотали, а ты ихъ, пьяненькій, мацавъ, отрѣзала Явдохе Танціорчиха.

Опять взрывъ хохота, который прекратился только тогда, когда къ берегу Псла потянулась изъ города процессія старухъ и молодежи съ ковшами и черепками въ рукахъ. Въ ковшахъ и черепкахъ было молоко. Старухи и молодежи, мокая въ молоко пучками полыни, кропили вокругъ себя и дорогу, по которой шли. Это они задабривали молокомъ русалокъ: когда по тѣмъ мѣстамъ, которыя въ русальную недѣлю окроплены молокомъ, будутъ ходить коровы, то русалки не станутъ ни портить ихъ, ни доить.

— Охъ, матушки! никакъ намъ Богъ гостей посылаетъ, радостно сказала старая няня гетманши, отънявъ ладонью глаза и взглядываясь въ приближавшуюся группу прохожихъ съ котомками за плечами.

— Гдѣ-гдѣ, няня? встрепенулась молодая боярыня, бросая работу и мгновенно покрываясь румянцемъ.

— Да вонъ идутъ къ нашему двору.

Дѣйствительно, берегомъ, по которому мимо гетманскаго двора пролежала большая дорога, двигалась группа богомольцевъ. Ихъ можно было сразу узнать по длиннымъ палкамъ въ рукахъ, по буракамъ и тыгвяннымъ кубышкамъ у пояса и по котомкамъ за плечами. Въ группѣ виднѣлись старики и молодые парни, а больше всего бабы и дѣвушки. Всѣ они смотрѣли заторѣлыми, запыленными и усталыми. Ноги, обутыя въ лапти, съ трудомъ передвигались.

— Бѣги, нянечка, голубушка,—заверни ихъ къ намъ, видимо волновалась боярыня:—это наши московскіе страннички,—и вижу.

Старуха торопливо пошла навстрѣчу прохожимъ. Она издали махала имъ рукой и кланялась.

— У-у! москали въ лантяхъ! кричали хохлята съ берегу, завидя прохожихъ.

Брюховецкая торопливо, насколько позволяла ей это ея «не-праздность», пошла къ дому, чтобы встрѣтить странничковъ, и притомъ странничковъ съ родной стороны. Стрѣльцы, стоявшіе у воротъ гетманскаго дома и издали любовавшіеся «русальными» играми хорошенькихъ «хехлатогъ», также радостно привѣтствовали своихъ запыленныхъ земляговъ и землячекъ.—«Давно ли съ Москвы?—Что тамъ дѣлается, въ Расеюшкѣ-матушкѣ—все ли здорово?—Какъ крестятся? не тремя ли персты?—Какъ схимили Никона патриарха?» слышались вопросы. Страннички наскоро отвѣчали, что «съ Москвы давно—какъ рѣки прошли», что теперь идутъ «отъ угодничковъ, изъ Кеива», а насчетъ креста и Никона—«и-и! и не приведи Богъ!...»

А съ берега широкимъ потокомъ лилась чуждая московскому уху мелодія:

Передъ воритьми долина,
А въ той долини калина,
Ой тамъ Ганночка гуляла
Жемчугъ-намисто бирвала....

Богомолки и богомольцы, ведомые старою нянею, у которой отъ удовольствія даже морщины сгладились и щеки покраснѣли, гуськомъ взошли на галерею съ навѣсомъ, примыкавшую къ

гетманскому дому, и низко кланялись гетманшѣ, которая встрѣчала ихъ со слезами радости на глазахъ.

— Вотъ, матушка боярыня, ты говорила, что хуть бы собачка съ родимой сторонки прибѣжала, анъ вонъ на—Богъ послалъ своихъ странничковъ, тараторила няня, развода руками.

— Какъ-то, матушка-боярынюшка, поживаете на чужой сторонущи?—А мы вамъ святости отъ святыхъ угодничковъ принесли, говорила передняя странница въ костюмъ чернички.— О-охъ! давно-давно не видали мы на Москвѣ твоихъ ясныхъ очушень, матушка, не слышали твоего гласу медоваго.... А частенько-таки про твою милость вспоминали съ матушкой боярыней Федосьей Прокопьевной, да сестрицей ея милости, княгинюшкой Авдотьей Прокопьевной: — что-то-де, говоримъ, наша гетманша золотая на чужой черкасской сторонѣ? Далеко-де, выско-де, говоримъ, залетѣла наша пташечка сизокрылая....

А съ берега неслись надрывающіе душу «черкаскіе» голоса:

Ой туда пріѣхавъ миленькій,
 Ставь съ коника слизати,
 Ставь намиста збирати:
 Збирай, миленькій, збирай,
 Съ тобою я гуляла,
 Дороги намиста порвала....

Брюховецкая, томимая этою мелодією и разбереженная словами старой странницы, закрывъ лицо ладонями, плакала.

Старуха няня, между тѣмъ, размещивала гостей на лавкамъ, тянувшимся вдоль всей галлерей. Сошлась и челядь гетманская—бабы и пахоята. Разомъ нанесли жбаны квасовъ, медовъ, и тутъ же на галлереѣ стали накрывать столъ, чтобъ угощать дорогихъ гостей.

Послѣ неожиданнаго взрыва слезъ, Брюховецкая успокоилась. Она подходила ко всѣмъ и со всѣми здоровалась. Странницу черничку, какъ особу повидимому бывалую, она распрашивала о своихъ безчисленныхъ родныхъ—Долгорукихъ, Ртищевыхъ, Морозовой и Урусовой, объ Аввакумѣ и о томъ, что дѣлалось «наверху», при дворѣ. Въ то время, когда правильной почты не существовало; когда гонцы съ грамотами и отписками посылались въ два-три мѣсяца, а иногда и въ полгода разъ, когда, ни телеграфовъ, ни газетъ не существовало,—извѣстія изъ одного края въ другой передавались устно, чрезъ странничковъ и торговыхъ

людей, и человекъ, заброшенный куда либо въ даль отъ роднаго мѣста, чувствовалъ, что онъ, дѣйствительно, «на чужей дальней сторонѣ», а «чужа дальня сторона—горемъ горожена, слезами поливана, тоскою-кручиною изнасяна....»

— А ужъ Морозову боярыню, Федосѣюшку свѣтъ Проконьевну, и узнать нельзя—таково свято житіе ея стало, говорила словоохотливая черница, которую звали сестрою Акинфіею (она была изъ богатаго дворянскаго рода Даниловыхъ; но поэтическая натура увела ее изъ родительскаго дому, и она сдѣлалась странницей).—Ужъ она нонѣ-дѣтай отъ всѣхъ и отъ царицы, на тѣлѣ своемъ власяницу носить, а дожь отъ ея помонъ людей божіихъ—нищихъ, пустынничювъ, юродивыхъ, странничювъ бѣдомныхъ;—всѣмъ-то она своими руками служить, гнойныя ихъ язвы омываетъ, сама ихъ кормитъ и ѣсть изъ одной съ ними чаши—не брезгуетъ матушка... Утромъ, чуть свѣтъ, помолясь истово, она ужъ на ногахъ: то судъ творить своимъ домочадцамъ, да вотчиннымъ деревенскимъ людямъ, да все по-божьему, милостиво, то поучаетъ ихъ отъ писанія, а тамъ, родная моя, за прялку сядетъ,—сама придетъ и сама рубахи, да порты шьетъ, и вечеромъ, сойма платье цвѣтное, боярское, вздѣнетъ на себя рубище, да и пошла бродить по Москвѣ, по дальнимъ закоулочкамъ, гдѣ бѣдность, матушка, гнѣздо свила, да по темнымъ темницамъ—и всѣхъ-то жалуетъ: кому рубаху, кому деньги, кому и иное одѣяніе, а то и рубъ, и десять рублей, а то и мѣшокъ сотной при случаѣ. Узнаетъ ли кого на правезѣ—съ правезю выкупаетъ, на кого падетъ гнѣвъ царскій—изъ опалы того выручаетъ святая душа... И отецъ Авакумъ, бывало, не нахвалится ею: «такой у меня, говорить, дочери и не бывало: единое, говорить, красное солнышко на небѣ, единое красное солнышко и на Москвѣ—Федосѣюшка свѣтъ Проконьевна.»

Сестра Акинфѣя, увлекшись разговоромъ, совсѣмъ преобразилась. Запыленное и загорѣлое лицо похорошѣло, живые сѣрые глаза почернѣли какъ-то и были прекрасны. Какой-то дебелый молодой парень, босой, съ потрескавшимися отъ солнца и пылы ногами, съ длинными, никогда нечесанными, рыжими волосами, съ корявымъ веснучатымъ лицемъ и добрыми дѣтскими глазами, подошелъ къ ней, сѣлъ у ея ногъ на полъ и не спускалъ съ нея глазъ. Акинфѣя улыбнулась своими красивыми глазами.

— Ты что, Агапушка? спросила она.

— Сказочку хочу слушать, отвѣчайь тотъ, глупо улыбаясь.—

— Какую тебѣ сказочку?

— Въонь ту, что ты ей (онъ указалъ пальцемъ на Брюховецкую) называла, святеьную сказочку... А меня Никонъ посохомъ побилъ за двуперстное сложеніе — «вотъ тебѣ», говорить, «вотъ тебѣ!»—И юродивый паренъ расхохотался идиотическимъ смѣхомъ.

Сидѣть зайчикъ пидъ липкою — очки тре;

— Похваляються розаченьки битъ мене...

доносится съ берега. Юродивый паренъ изумленно вслушивается.

— Инь какая хохлацкая служба — водосвятіе, бормочеть онъ:—безъ попа поють.

Между тѣмъ, молоденьгіе пахоляты таскали на столъ бѣлыя хлѣббы, кувшины съ цвѣтными питьями, ковши, солоницы; нанесли горы зеленыхъ свѣжихъ огурцовъ, вяленой рыбы, пиროговъ.

Мимо двора, по дорогѣ, гурьбой бѣжали хохлята. Они радостно подпрыгивали, размахивали руками.

— Казаки йдутъ! татаръ везутъ! слышалесь ихъ званіе гомоса.

— Гетьманъ! гетьманъ йде!

Брюховецкая встрепенулась и испуганно поглядѣла вдоль большой, тянувшейся въ гору, дороги. Она не ожидала такъ скоро своего мужа, и эта неожиданная вѣсть, что онъ идетъ, и радовала и пугала ее. Неужели походъ конченъ? Не можетъ быть; онъ не надѣялся такъ скоро вернуться. Притомъ же она замѣчала въ послѣднее время, что онъ часто и долго о чемъ-то тайно совѣщался съ своими полковниками, разсылалъ во всѣ концы гонцовъ, и, видимо, что-то таилъ отъ нея. Но она и не старалась проникнуть въ его дѣловыя тайны: на то онъ гетьманъ, у него на плечахъ государево великое дѣло, такъ ей, бабѣ, не слѣдъ совѣщаться въ него. Иногда у него какъ-бы нечаянно стали прорываться сердитыя замѣчанія насчетъ Москвы, насчетъ бояръ и воеводъ... «А! забирается бисова Москва, мовъ голодїя вовки, въ нашу отару!» срывалось у него иногда съ языка. Но жена не придавала этому большаго значенія: «осерчалъ что-то Иванушка на бѣдную Москву... только Богъ дастъ не надолго — отойдетъ его сердечко...»

Дѣйствительно, скоро позазались толпы конныхъ и пѣшихъ. Они поднимали невообразимую пылъ по дорогѣ. Слышались громкіе голоса, смѣхъ, иногда выкрикивалось начало пѣсни, которая тотчасъ же и обрывалась. Что-то недоброе слышалось въ этихъ звукахъ: такой сумятицы при гетманѣ никогда не было слышно... Это не гетманъ ѣдетъ... Нестройная толпа приближалась къ гетманскому дому. Русальныя пѣсни замолкли, и толпы гулявшаго народа, бабы съ черепками и ковшами, дивчата въ цвѣтахъ и парубки съ вѣтками любистки въ рукахъ или съ люльками въ зубахъ сыпнули навстрѣчу двигавшейся толпѣ. Заходившее солнце освѣщало всю эту пеструю картину косыми лучами и видало длинныя тѣни впереди толпы.

Видиже всѣхъ выдавался казакъ въ багряномъ, словно кровь, кармазинѣ. Онъ размахивалъ саблей и кричалъ: «школа москалямъ верховодити! годи вже! непогодували мы ихъ своимъ тиломъ! часъ имъ додому!...

У Брюховецкой и руки, и ноги похолонули. Странники поднялись и смотрѣли то на яркій кармазинъ, то другъ на дружку съ недоумѣніемъ и страхомъ.

Въ багряномъ кармазинѣ Брюховецкая узнала Василька Многогришного, роднаго брата генеральнаго асаула Демки Многогришного. Ни того, ни другого она не любила за ихъ пьяную необузданность и подслуживанье, когда они трезвы.

— А! пани боярыня! злорадно воскликнулъ Василько, увидавъ Брюховецкую:—идить, вельможна боярыня, стричати своего мужа, пана гетьмана боярина! Онъ винъ нямый лешить на воши—уцився казацкою та мищанскою кровью, и головы не аведе!...

Брюховецкая стояла, дрожа отъ ужаса. Въ толпѣ, между тѣмъ, раздавались и пьяные голоса, и испуганные крики, и отчаянный вопль. — «Отъ-такъ голода! повенъ визъ буралимв наклада!» — «Охъ матинно! о-о! Иванечку мій!—о-о-о!» — «Гуляй, голода, поки штанивъ чортма!» — «Ой-ой? ой лищечко! кровь—мертви забити!»

Показалась телѣга, запряженная волами. Чѣмъ ближе подъѣзжала телѣга, тѣмъ очевиднѣе становилось, что она наполнена дѣверху мертвыми человѣческими тѣлами. Ярко и страшно, кричали глазу черныя пятна крови...:

— Пріймайте, пани боярыня, вашего мужа! разбудить ёго—кришко заснувъ! Поцмуйте ёго кари очи, та черни брови—заразь прокинеться! раздавался пьяный, злой голосъ Василька.

Брюховецкая ринулась къ телѣгѣ, протягивая впередъ руки, какъ безумная. Телѣга остановилась. Брюховецкая, добѣжавъ до телѣги, ухватила рукою за высокую ея перегородку — и, казалось, застыла. На телѣгѣ, поверхъ обезображенныхъ труновъ — то была побитая голою по подстрекательству Дорошенка лѣвобережная старшина — лежалъ, откинувшись навзничь, гетманъ Брюховецкій. Онъ былъ въ одной только окровавленной и исколосованной въ клочки рубашкѣ: — голова раздѣла его до-нага... На широкой, поросшей черными волосами, груди блестѣлъ обрызганный кровью золотой крестъ... Видѣлись голыя подошвы мертвыхъ ногъ, перебитыя дубьемъ колѣни, пробитые бока и обезображенное лицо, съ выскочившимъ изъ орбиты и висѣвшимъ на щекѣ лѣвымъ глазомъ... И брови, и усы остались кѣлы...

Эти-то брови и усы и увидѣла несчастная жена его и, казалось, внимательно разсматривала ихъ... Въ одно мгновенье безумная, пораженная ужасомъ мысль ея перенеслась въ Москву, въ Кремль, и она увидѣла, какъ тогда, въ первый разъ, изъ-за тафты каретнаго окна, и эти длинные усы, и эти черныя дугою брови... но только тогда подъ бровями были глаза... а теперь ихъ нѣтъ... конь одѣжъ виситъ на щекѣ... Мосюва... Кремль...

Изъ груди ея вылетѣлъ глухой стонъ какъ-бы свозъ крѣпко сжатые зубы, и несчастная женщина грохнулась на-земь, взмахнувъ руками, какъ крыльями...

— О Господи! о-охъ! кто-то кринулъ сюда.

— У-у! тай гаспидельи-жъ нижни! отъ ноги! мовъ у дитинки — таки маленьки — увъ одну жиею забереешь! дивился няный голосъ маленькижъ ножкамъ, выглядывавшимъ изъ-подъ юбки упавшей на землю боярыни...

XVII.

Прошло три года. Много изъ того, что было три года назадъ, было забыто или вспоминалось съ небольшою остротою памяти и чувства: острые боли утраты или разбитыхъ надеждъ замѣнились тихой грустью воспоминаній; радость замела собой старыя слѣды горя; новое горе потемнило нѣкогда яркую, свѣтлую радость; смерть замѣнила жизнь, новая жизнь стала на то мѣсто, гдѣ еще недавно стояла смерть со всѣми ея ужасами. А въ общемъ, мѣръ божій былъ все тотъ же: все то же было небо

голубое; такъ же свѣтило солнышко, такъ же зеленѣла зелень, цѣли птицы, колосилась рожь, какъ и тогда, когда молодая боярыня Брюховецкая ждала изъ похода своего Иванушку. И Москва осталась все та же, какъ и весь остальной божій миръ. Вонъ она—и старое, и малое, сапогъ и лапоть; кафтанъ и сермига—стремится куда-то за городъ, за Рогожскую заставу. Вѣроятно, встрѣчатъ кого-нибудь? Ужъ не Никона ли?—Нѣтъ, —его надо было бы ждать не со полудня, а со полуночи: онъ гдѣ-то тамъ въ заточеніи—у Бѣла-озера. Не Аввакума-ли?—Нѣтъ, онъ еще полуночиѣе. А можетъ новаго гетмана на мѣсто убитаго?—Нѣтъ, —говорятъ, что донскіе казаки везутъ воровскаго атамана, самаго страшнаго Стеньку Разина. Москвѣ радость — новое зрѣлище.

Выступилъ за Рогожскую заставу и отрядъ стрѣльцовъ. Впереди отряда шелъ стрѣлецкій сотникъ, тотъ самый, къ которому пять лѣтъ назадъ, во время свирѣпыхъ морозовъ, въ день еуда надъ Никономъ, упалъ на шалку мертвый голубь: это былъ рашій мужчина со шрамомъ черезъ всю щеку, полученнымъ имъ отъ литовской сабли—визьмитинъ Ондрейко Подшабринъ. Стрѣльцы должны были встрѣтить ужаснаго гостя, имя котораго прошло трепетомъ чрезъ всю русскую землю. За стрѣльцами громыхала кованными колесами и звенѣла цѣпами необыкновенная телѣга, вся выкрашенная черною краскою, съ возвышающеюся на мѣстѣ сидѣнія высокою черною висѣлицею. Далеко изъ-за народа видѣлась эта подвижная молодецкая «изба не мшдная и не верщная» и далеко слышно было рѣзкое погромыхиваніе цѣпей, ввѣченныхъ въ столбы висѣлицы и въ ея толстую перекладину. По бокамъ телѣги шло шестеро палачей съ блестящими широкими топорами на плечахъ, по три палача съ каждой стороны. Рукава красныхъ рубахъ ихъ были засучены на мускулистыхъ, словно изъ плетеныхъ жилъ, рубахъ вверхъ за локти.

Когда стрѣльцы расчистили впереди телѣги скучившіяся вдоль дороги толпы народа, то невдалекѣ показался отрядъ всадниковъ въ высокихъ съ вылетами изъ краснаго сукна курпейчатыхъ шапкахъ, съ пиками въ рукахъ и винтовками и стрѣлами за плечами. И они также конвоировали телѣгу; только ихъ телѣга была не пустая: въ ней сидѣли рядомъ два человѣка, скованные по рукамъ и по ногамъ и, сверхъ того, прикованные толстыми цѣпами къ краямъ телѣги. Они были похожи другъ на друга, какъ два родные брата, только у старшаго, болѣе плечи-

стаго, и въ окладистой бородѣ съ ярною просѣдью, глаза были невиданные: они, казалось, не были ни свирѣпы, ни дерзки, но необыкновенно спокойны, а, между тѣмъ, когда они глядѣли на человѣка, то человѣкъ невольно пятился отъ нихъ, а собаки отъ взгляда этихъ глазъ визжали, какъ отъ неожиданнаго удара палкой. На немъ было богатое съ золотымъ шитьемъ платье, хотя пообтертое цѣпями, а мѣстами запачканное и разорванное. Другой былъ одѣтъ проще:

Обѣ телѣги остановились одна противъ другой. Стрѣлецкій голова подошелъ къ сопровождавшему вторую телѣгу богато одѣтому казацкому атаману и проговорилъ:

— По указу великаго государя,—вору, злодѣю и измѣннику Стенькѣ прислана позорная колесница, на чемъ ему, вору Стенькѣ, въ Москву въѣхать.

Онъ глянулъ на сидѣвшихъ въ телѣгѣ арестантовъ и съ дрожью попятился назадъ. Онъ узмалъ ужасные глаза: это были тѣ глаза — глаза невѣдомаго казака, котораго онъ, Ондрейко Поджабринъ, шесть или семь лѣтъ тому назадъ видѣлъ выходящимъ изъ кельи Никона патріарха въ Воскресенскомъ монастырѣ—«буржалы», еще и тогда необыкновенно поразившіе Ондрейку. Какъ будто огонь прошелъ по немъ и холодъ разомъ, и волосы подъ шапкой зашевелились.... «Такъ вотъ кто это былъ у Никона.... вонъ съ кѣмъ этотъ еретикъ водился.... такъ вотъ откуда и три персты!» Эти мысли ожгли Ондрейку,—онъ растерялся.

Между тѣмъ, палачи при помощи казаковъ расковали желѣза, которыми прикованы были къ телѣгѣ Стенька съ братомъ Фролкою, сорвали съ нихъ цвѣтное золотое платье и надѣли на нихъ гуньки кабацкія, оборванные и грязныя. Стенька своими спокойными глазами оглядывалъ толпу, которая со страхомъ пятилась назадъ, дави другъ дружку и открегиваясь—«чурь-чурь! съ нами вѣсная сила». Фролка смотрѣлъ потерянно и грустно своими добрыми глазами.

— Эй, Фролка! не будь бабою! ободрялъ его Стенька.—Вонъ какъ насъ почестно встрѣчаютъ: самые большіе бояра вышли посмотрѣть на насъ.

Толпа, дѣйствительно, была разнообразная, словно на водосвятіи. Виднѣлись и богатая одежда на зрителяхъ. На лицахъ ихъ было что-то непередаваемое:—то выраженіе, какое придаетъ лицу человѣка ужасъ, смѣшанный съ удивленіемъ. Гдѣ-то за-

кричалъ ребенкомъ: это онъ встрѣтился со взглядомъ Разина. Стенька свободно и быстро взошелъ на московскую телѣгу; и, стоя на ней и увидавъ пролетѣвшую съ испугомъ ворону, закричалъ такъ, что всѣ дрогнули.

— Эй, божья птичка! прилети уже ко мнѣ въ гости—моего мясца поѣсть.... А я боярскаго мясца поѣлъ гораздо.

Палачи обвини вонругъ его воловьей шею огорліе цѣпи спускавшей съ перекладины висѣлицы и заменили это огорліе огромнымъ висятимъ замкомъ. Стенька потѣшался надъ этой ужасной церемоніей.

— Эко честь какая: золоту гривну мнѣ на шею повѣсили, говорилъ онъ, потрясая замкомъ.

Руки и ноги его палачи приковали особыми цѣпями къ краямъ телѣги и къ столбамъ висѣлицы, такъ что онъ стоялъ какъ бы распятый. Стенька чихнулъ....

— Будь здоровъ! послышалось въ толпѣ нѣсколько привѣтствій.

Стенька улыбулся и повелъ глазами по толпѣ.

— Утри носъ! сказалъ онъ палачу.

Палачъ повиновался, и рукавомъ рубахи утеръ носъ страшному арестанту. На шею Фролки также надѣли цѣпь съ огорліемъ и замкомъ, и приковали къ боку телѣги.

— Али онъ собака? сердито спросилъ Стенька, а потомъ обратясь къ брату, прибавилъ:—то-то Фролушко,—я говорилъ тебѣ—надо больше было дѣлать, чтобы быть въ чести, какъ я вотъ.

Московская телѣга, звѣня цѣпями, повернулась передомъ къ Москвѣ и тронулась. Фролка шелъ низко опустивъ голову, какъ бы считая послѣдніе шаги, которые онъ долженъ сдѣлать на этой землѣ, далеко отъ своего родимаго Дона. Онъ казался необыкновенно жалкимъ съ его кроткимъ, убитымъ видомъ. Многія бабы, глядя на него, утирали слезы рукавами и тихоюко молились за него. Черничка Акифѣя, шедшая тутъ же въ толпѣ, глядя на энергичное лицо Разина, почему-то вспомнила своего свѣта Аввакумушку и прониклась сама страстнымъ желаніемъ «пострадать», перенести всевозможныя муки, вотъ такъ, какъ переноситъ этотъ, распятый цѣпями нодъ висѣлицею. И она, глубоко впечатлительная и страстная, молилась за него.

По бокамъ телѣги шли стрѣльцы. Что-то большее чѣмъ покорность службъ было написано на ихъ лицахъ. А Ондрейко

Подшабринъ тревожно думалъ что-то и повременамъ потряхивалъ головой, какъ-бы силѣе отрясти съ своихъ густыхъ волосъ неотвязчивую мысль: За стрѣльцами слѣдовали казаки, дивуясь на золотоглавыя маковки церквей.

— Здравствуй, матушка Москва-золотыя маковки! неожиданно крикнулъ Стеньга:—не такъ я думалъ вступить въ тебя—такъ не пришлось.... эхъ!

Чѣмъ дальше эта необыкновенная телѣга слѣдовала по улицамъ Москвы, тѣмъ больше высыпало на улицы народу, которому издали видѣлась высившаяся между двухъ столбовъ висѣлицы фигура страшнаго человѣка.

Телѣга проѣзжала мимо богатаго дома Морозовой. Стеньга глянулъ на окна, и глаза его встрѣтились съ чьиими-то прекрасными и свѣтлыми, какъ у ребенка глазами.... Ему показалось, что это глядитъ на него та его первая любовница, персидская княжна, красавица дочь астраханскаго хана Менды, которую онъ въ припадкѣ бѣшеннаго безумія утопилъ въ Волгѣ. Сердце Стеньки первый разъ въ жизни заняло жгучею тоской по той, которую онъ любилъ и съ которою одной онъ находилъ счастье, вообще ему неизвѣстное въ жизни; что-то вродѣ слезъ блеснуло въ его глазахъ.... Онъ снова глянулъ на окна: бѣлая рука крестила его, а свѣтлые, дѣтскіе глаза плакали отъ страстнаго умиленія.... Это была Морозова: ея возбужденная страстію душа умилялась видомъ страданій и мученій, къ которымъ она тайно подготавливала себя, какъ въ подвигу, къ вѣнцу своей жизни....

Стеньга долго оглядывался на ея домъ... Сердце его колотилось и точно таяло подъ теплыми лучами солнца: ему разомъ стало жаль погубленной жизни. Брошенный на него взглядъ доброты, слезы сожалѣнія невѣдомой женщины, престащая его бѣлая рука, образъ той, которую онъ одну любилъ въ жизни и самъ же погубилъ—пробудили въ немъ желаніе жизни, счастья, добра.... Поздно!—Онъ угроже пониже головою..

Но съ этой минуты онъ замолчалъ, крѣпко стиснулъ свои мощныя, какъ у волка, челюсти.

Когда его подвели къ земскому приказу и сняли съ телѣги—онъ молчалъ. Ввели въ приказъ, поставили передъ боярами и дьяками—молчить. Алмазь Ивановъ сталъ его допрашивать—молчить;—глянулъ только на Алмаза своими странными глазами, которые показались Алмазу добрыми и грустными.... «Это не онъ»,

шевельнулось въ душѣ Алмаза Иванова: — «на него наклепали — это честные, добрые глаза — не чета Никомовымъ....» Въ этотъ моментъ Разинъ дѣйствительно былъ и добръ, и честенъ: могущество доброты той, которая изъ она перекрестила его буйную, кровавую душу, переродило эту душу въ такую, какою она была когда-то, когда Стенька въ Соловкахъ молился о страждущихъ, голодныхъ, обиженныхъ....

Что ни спрашивали у него; — молчить.... Онъ думалъ о той, которая крестила его.

Повели въ застѣнокъ, къ пыткамъ. Что жъ дѣлать, когда онъ молчить?

Стенькѣ сыромятнымъ ремнемъ связали назадъ руки: палачи страшно сврутили ихъ. Потомъ такимъ же ремнемъ связали ноги. Рубаха была сорвана съ него. Подвѣсили за руки къ врыку, вбитому въ невысокій потолокъ свода застѣнка. Одинъ палачъ тянулъ за ремень, которымъ были связаны ноги, а другой билъ по спинѣ толстою, жесткою, какъ желѣзо, съ острыми краями ременною полосою въ пять локтей.... Бнуть стегалъ по голой спинѣ медленно, съ полного размаху; руки въ плечахъ выскочили изъ суставовъ, хрюкнули, вдулись подъ мышками.... Каждый ударъ оставлялъ на спинѣ багровую полосу. Съ слѣдующими ударами кожа трескалась, отставала отъ тѣла, лохмоты ея приставали къ кнуту, отлетали къ потолку, падали на цвѣтное платье бояръ, на бумагу, которую держалъ въ дрожащихъ рукахъ Алмазъ Ивановъ, и кровавили собомъ все.... Бояре и дьякъ пятились, съ ужасомъ переглядываясь и видя, какъ багровѣли отъ натуги лица палачей, какъ со спины повѣшеннаго струилась на полъ застѣнка кровь.... А онъ все молчитъ! Хоть бы стень!

Долго полосовалъ кнутъ живое мясо. Первый десятокъ ударовъ отсчиталъ дьякъ и записалъ, — молчить. Второй десятокъ отсчиталъ и записалъ дрожащею рукою, — молчить... Третій, четвертый, пятый, — рука отказывается служить, — перо не попадаетъ въ чернилицу.... Еще десятокъ — еще.... Хоть бы звукъ — только зубы скрипнули.... Восьмой десятокъ — девятый.... Фу, ты дьяволъ! — не выдерживаютъ бояре....

— Винись! сказывай вины свои! кричитъ Алмазъ Ивановъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Молчить — ни звука.

Принесли сажельную чугунную плиту, на которой пламенѣли отъ перебѣгающаго по нимъ огонька раскаленные дубовые уголья,

и положили подъ виской. Стеньку спустили съ круга, какъ кровавое паникадило, съ котораго, вмѣсто тающаго воска, капала багровая кровь, и положили животомъ прямо на уголья. Зашкварчала кровь, падая со спины на уголья, зачадило жаренымъ мясомъ, зашипѣли притухающіе отъ крови угли.... чадь кругомъ, въ глазахъ у бояръ зеленѣеть.... А его все жарятъ, какъ барана на вертелѣ—экой шашлыкъ!

— Винись, дьяволъ! падаетъ въ изнеможеніи на скамью Алмазь Ивановъ.

Нѣтъ—молчить!... Попробуй бояръ треплетъ лихорадка.... Съ палачей потъ градомъ катится.... Фролка, упавъ на земь, стучитъ лбомъ объ полъ—молится.... А Стенька все молчитъ.... Передъ нимъ мелькаетъ крестящая его изъ окна бѣлая рука....

— Молосу! кричатъ палачи, — а то заживо изжаримъ,—не смикнетъ дьяволъ....

Внесли раскаленную до бѣла шину съ желѣзными на концѣ пальцами, отъ которыхъ отдѣлялись красныя искры. Желѣзной раскаленной пятерней стали водить по избитымъ и изожженнымъ членамъ.... Шкварчитъ запекающееся, какъ оладье на сковородкѣ, почернѣвшее, поджарившееся тѣло.... А онъ все молчитъ!

— Будеть! невольно крикнулъ Алмазь Ивановъ, очнувшійся отъ обморока: это не человекъ—сатана!

Стеньку сняли съ жаровни, развязали ремни на рукахъ и на ногахъ. Онъ всталъ, выпрямился во весь ростъ, потянулся, глянулъ на палачей и на бояръ, тряхнулъ своими могучими плечами—и вывихнутыя въ плечахъ руки сами вправились въ свои суставы.

Потянули Фролку на дыбу. Тотъ не вынесъ мученій. Раздались вопли.

— Экая ты баба! въ первый разъ проговорилъ Стенька.... Вспомни-ко наше прежнее житье.... Проживали мы со славою, повелѣвали тысячами людей,—надо же и теперь вынести.... Али это больно! эхъ—словно баба иглою колетъ!

Зазвенѣли ножницы. Стригутъ Стеньку—не стригутъ, а рвутъ съ тѣломъ. А тамъ стали брить макушку тупою бритвою. Стенька тѣшится, глядя на палачей, у которыхъ дрожатъ руки и ноги.

— Вона какъ! слышали мы, что ученыхъ людей въ попы постригаютъ, а мы съ тобою, братъ, неучъ, простяки—анъ и насъ постригаютъ....

Но когда стали капать на темя изъ ковша со льдомъ холодною водою, Стенька опять смолкъ. Мучительно долго капали. Этой адской муки никто въ мірѣ не выносилъ, не выносить: отъ этой муки здоровые съ ума сходятъ, къ бѣшеннымъ возвращается разумъ... А Стенька вытерпѣлъ и это. Онъ только такъ стиснулъ челюсти, что хряснуло во рту, не выдержали здоровые, какъ у лошадей, зубы—и онъ выплюнулъ ихъ на полъ съ пѣной и кровью....

— Не понадобятся ужъ больше—къ чорту зубы!

Даже палачи ахнули.... Вся вода вышла—всю вылили на бритое темя; а онъ какъ ни въ чемъ—смѣется....

— Хорошо послѣ бани—полейте еще!

Нѣтъ, и сатана этого не вынесетъ, убѣждаются бояре. Осталось у Стеньки одно мѣсто цѣлое, не избитое и неизожженное—подшвы. Стали бить по ногамъ палками.

— Куйте, дьяволы, крѣпче! кричитъ Стенька: далекая мнѣ дорога выпала—на тотъ свѣтъ.... Куй крѣпче! подковывай!

Его бросили....

Ночь. Южный, теплый, но порывистый вѣтеръ шумитъ вершинами липъ, густо и широко разросшихся въ прилегающемъ къ земскому приказу, съ тыльной стороны, давно запущенномъ саду. Въ ночномъ, обманчивомъ полусвѣтѣ, какимъ отличаются сѣверныя іюньскія ночи, деревья кажутся какими-то великанами, которые машутъ множествомъ рукъ и пугаютъ робкое воображеніе. Не смотря на вѣтеръ, въ воздухѣ марить, какъ передъ грозой, и сонную Москву только изрѣдка оглашаетъ то пѣніе пѣтуха, то лѣнивый лай собаки.

— Славенъ городъ Москва! пропосится въ воздухѣ окликъ часоваго.

— Славенъ городъ Новгородъ! отвѣчаетъ ему другой окликъ съ другого конца.

Вдоль стѣнъ земскаго приказа двигаются человѣческія тѣни. Очертанія ихъ не ясны, какъ и все въ эту полумрачную, полужасную ночь; но можно различить, что двѣ тѣни женскія, а одна мужская.

— Я сама видѣла, Ондреюшко, что на немъ нѣтъ креста, тихо говорилъ женскій, нѣжный голосъ:—такъ мы вотъ съ сестрой Акинфѣюшкой и принесли ему святой крестецъ да сорочечку чистеньку, да порты.... Да мы же, другъ Ондреюшко, по заповѣди

отца нашего духовнаго, блаженнаго протопопа Аввакума, хотимъ ему, узничку-то, утѣшеніе духовное преподать, по слову Христа Спасителя: «заключенныхъ посѣтите....»

— Охъ, матушка боярыня! и Богомъ бы радъ пустить васъ къ нему—потому, какъ мы сами отца Аввакума заповѣдь блюдемъ о двухъ перстахъ неуклонно—только, ей-же-Богъ, къ этому-то самому колоднику я васъ пустить не смѣю—видитъ Богъ, не могу ни коими мѣры, потому самъ крестъ цѣловалъ подъ тяжкою вѣтвюю, и ломать крестное цѣлованье, сохрани меня Богъ!

Это отвѣчалъ мужской голосъ. Онъ видимо хотѣлъ убѣдить просительницъ въ невозможности исполненія того, о чемъ онѣ просятъ.

— Христомъ Богомъ заклинаю тебя, Ондреюшко, другъ! еще настойчивѣе умолялъ женскій голосъ:—пропусти насъ на малый часокъ... Самъ съ нами поди, голубчикъ,—тебѣ это можно.

— Матушка! Богомъ прошу—не смущай меня! отчаянно защищался мужской голосъ: ты сама вѣдаешь, золотая моя боярыня, что коли можно было, я тебя вездѣ пушалъ—и къ отцу Аввакуму, когда онъ былъ въ тюрьмѣ, и къ Федѣ юридивому... А къ этому—не могу, Богомъ клянусь—не могу!.. Я самъ утречкомъ передамъ ему все, что ты принесла, а пустить къ нему—ни Боже мой!

Въ это время изъ нижняго окна приказа, изъ - за желѣзной съ острыми зубьями рѣшетки, послышалось тихое пѣніе. Мелодія этой неожиданной пѣсни и голосъ ночнаго пѣвца въ мрачной темницѣ душу пронизывали болью и жалостью. Шедшіе у стѣны остановились, какъ вкопанные. Сильный грудной голосъ пѣлъ, сливаясь съ порывами вѣтра, бушевавшего на вершинахъ столѣтнихъ липъ:

Не шуми ты, мати, зелена дубравушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати...

Невидимый пѣвецъ пѣлъ протяжно, заунывно, дѣлая продолжительные голосовые роздыхи на анти-строфахъ, какъ-бы вдумываясь въ внушительный смыслъ того, что пѣлось. Въ иныхъ мѣстахъ голосъ плакалъ, и впечатлѣніе выходило потрясающее.

— Славенъ городъ Сибирской! издали доносился сонный окрикъ.

— Славенъ городъ Кострома! отвѣчали издали еще слабѣе.

А пѣсня невидимаго пѣвца все больше и больше плакала подъ завыванья вѣтра.

— Это онъ поеть, опять слышится тихій мужской голосъ.

— Онъ!... охъ — силы святыя! стонетъ женскій голосъ.—
Пусти насъ, Ондреюшко! кровью Господа заклиная тебя! Ему молитва нужна, а не пѣсня.

А пѣсня все плакала;—выплакивались послѣднія слова.

— О-о-охъ! Господи всемогущій! спаси его! вскрикнула Морозова (это была она въ одеждѣ чернички) и, бросившись къ окну съ рѣшеткой, упала на колѣни, поднимая руки къ небу.

Пѣсня мгновенно оборвалась. Въ окно выглянуло блѣдное лицо—это было лицо Разина.

Морозова рыдала, глядя на доброе, какъ ей казалось, грустное лицо Стеньки.

Утро. Вѣтеръ утихъ. Висѣвшія всю ночь надъ Москвою тучи отогнало на западъ и онѣ стояли тамъ неподвижно, сплошною стѣною, рѣзко отдѣляясь отъ земли всхолмленною линіею горизонта. Онѣ казались еще сумрачнѣе оттого, что изъ-за восточнаго горизонта давно выплыло солнце и лило растопленнымъ червоннымъ золотомъ и на вершины ближняго лѣса, и на золотыя маковки церквей и на восточные откосы Воробьевыхъ горъ.

Москва рано проснулась, чтобъ не проспять зрѣлище, которое ей предстояло. Наканунѣ, на всѣхъ базарахъ было оповѣщено, что на утро будутъ четвертовать воровскаго атамана Степана Тимошенча Разина съ его братомъ роднымъ—съ Фролгою. Какъ же не взглянуть и не полюбоваться такимъ рѣдкимъ зрѣлищемъ, какъ четвертованье! Иной отродясь не видалъ такого дива. Много разъ видывали, какъ и вѣшаютъ людей, какъ и головы имъ рубить, какъ и на срубъ жгутъ. Да это что! Это очень просто, и ничего занятнаго тутъ нѣтъ: вздернуть на веревкѣ къверху, подрыгавъ онъ маленько ногами—и готово; али хватятъ топоромъ по шеѣ—голова прочь, кровь какъ изъ вола, лупанулъ раза два глазами—и баста; ну и на срубъ тоже не находка—за огонь да дымомъ почти ничего не видать—пустое! Какая это казнь! То-ли дѣло четвертовать молодца! Любо-дорого... Сначала это топорикомъ по лѣвой рученькѣ тукъ!—рука прочь. А тамъ, братцы, по правой ноженькѣ топорикомъ хватъ—нога прочь! По лѣвой—шалишь!—и лѣвой нѣту; правая одна осталась. «Крестись-де, рабъ божій, правой рукой въ послѣдній разъ, да кре-

стись истово, двумя персты!»—Крестится... Тяпъ!—и послѣдняя отскочила... А ужь тамъ буйну голову... Вотъ это, братцы, такъ казня—разлюбезное дѣло!

Такъ разсуждали молодцы изъ Охотнаго ряду, лавой привалившіе на Красную площадь.

Красная площадь была залита народомъ, по которому какъ-бы перекатывались волны говору и ропоту. Говорили о предстоящей казни. Особенно поразила москвичей вѣсть, облетѣвшая Москву вслѣдъ за привозомъ Разина,—вѣсть о томъ, что воровской атаманъ Стенька, погромившій всю Волгу—Астрахань, Царицынъ, Саратовъ и Симбирскъ, громившій и берега Хвалынскаго моря и самую персидскую землю,—что этотъ Стенька находился въ сношеніяхъ съ Никономъ патриархомъ. Вѣсть эта, какъ громомъ, поразила Москву. Стрѣлецкій сотникъ Ондрейко Поджабринъ божился и образъ со стѣны съымалъ въ томъ, что онъ самъ, своими глазами, видѣлъ этого Стеньку, лѣтъ шесть-семь тому назадъ, въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ образной кельѣ самаго Никона — и Никонъ благословлялъ его, называлъ своимъ «сыномъ». Ондрейкъ потому это особенно осталось памятнымъ, что онъ пораженъ былъ необыкновенными глазами Стеньки — такіе глаза, какіе онъ видѣлъ на страшномъ судѣ у Андронья—у эфіоповъ рисуютъ: бѣлки съ голубиное яйцо. Еще тогда Ондрейко не вытерпѣлъ и сказалъ: «эки буржалищи»!

— Такъ вонъ онъ каковъ — Никонишко-тъ! вонъ откедова троеперстное-то слѣженіе: эфіопское оно дѣло, воровское! Правъ былъ Аввакумъ, помощи ему Богъ и спаси его, говорилъ Охотный рядъ.

— Чего не правъ! Вонъ онъ у меня, у снохи Афимьи бѣса крестомъ друперстнымъ выгналъ... Билъ ее бѣсъ гораздо, кои годы мучилъ ее: ударить это ее о землю, омертвѣеть вся, яко камень станеть;—руки, ноги размечеть ей, и лежитъ она яко мертва. Такъ вотъ, братецъ ты мой, Аввакумъ возьми да и проговори надъ ней «о всепѣтую», да кадиломъ это, да крестъ-отъ и сотвори ей на головѣ двумя персты;—голова-то и свободна стала;—глянула баба, а вся мертва. Онъ далѣ: по рукамъ перстами провелъ,—руки свободны стали; по животу провелъ,—Афимья сѣла;—чудо да и только; а ноги еще камены у ней... Онъ и ноги ей — икры и голяшки — перстами погладилъ; вся Афимья встала! Мы такъ и ахнули! А она показываетъ на окно: «бѣсъ, говорить во образѣ мухи на окошкѣ сидитъ и лапками

перебираетъ». Онъ къ окну—бѣсъ на печку—жужжить, что муха. Аввакумъ за нимъ,—онъ въ окошко, дьяволовъ сынъ—и исчезе яко дымъ.

— Везуть! везуть!

Изъ-за сплошной массы головъ, показалось что-то длинное, высокое, качающееся. Это былъ громадный черный *покой*—гигантская буква церковно-славянской азбуки, изображавшая висѣлицу. Подъ висѣлицей, въ серединѣ этой страшной деревянной буквы видѣлась стриженная голова и лицо съ эфіопскими бѣлками въ голубиное яйцо. Отъ шеи тянулась цѣпь къ перекадинѣ висѣлицы, къ вершинѣ *покоя*. Скоро показался и весь человекъ, стоявшій на черной телѣгѣ и прикованный къ вдѣланной въ телѣгу висѣлицѣ. Это былъ Разинъ. Фролка, какъ и прежде, словно корова, былъ прикованъ къ боку телѣги и шелъ, понуря голову. Стенька, напротивъ, смотрѣлъ на толпу своими эфіопскими, какъ казалось сотнику Ондрейкѣ, глазами. На немъ была чистая бѣлая рубаха—подарокъ Морозовой. На груди блестѣлъ большой золотой крестъ на голубой лентѣ: лента эта была въ дѣвичей косѣ Морозовой въ то время, когда ее въ послѣдній разъ чесали къ вѣнцу дѣвушки-подруженьки и пѣли, надрываясь отъ слезъ, вмѣстѣ съ невѣстою:

Не трубынька трубила рано по зарѣ—

Федосѣюшка плакала слезно по косѣ:

Свѣтъ ты, моя косынька, мелко-трубчата, узорчата,

Вечоръ мою косыньку дѣвушки плели...

Большіе глаза Стеньки видимо искали кого-то въ толпѣ, и это-то исканіе наводило ужасъ на близъ-стоявшихъ: всѣ, какъ овцы, шарахались отъ волка и жались, стараясь спрятать свои глаза отъ страшныхъ глазъ атамана. А они были совсѣмъ не страшны, напротивъ—самъ онъ былъ блѣденъ и задумчивъ, а глаза смотрѣли грустно, напрасно ища кого-то въ сплошной массѣ головъ. Толпа дышала усиленно, какъ одна грудь.

Черная телѣга, окруженная стрѣльцами, дрогнула и остановилась у самаго Лобнаго мѣста. Зазвенѣли цѣпи и смолегли. Сотникъ Ондрейко сдѣлалъ знакъ, и стрѣльцы вмѣстѣ съ налачами расковали арестантовъ и Стеньку свели съ телѣги. Онъ молчалъ. Сотникъ задрожалъ, когда, пропуская мимо себя Разина къ Лобному мѣсту, встрѣтился съ его глазами. Впереди Стеньки

шелъ главный катъ, низенькій, съ маленькою головою, но необыкновенно коренастый мужчина, съ широкими почти безъ выгибовъ плечами, нѣсколько съ сутоловатою, съ широчайшими лопатками спиною и съ толстыми, какъ сучковатыя бревна, руками. Корявые съ ногтями, крѣпости лошадиныхъ копытъ, пальцы, казалось, совсѣмъ не сгибались по своей жесткости. Рукава красной рубахи были засучены выше локтей и обнаруживали нечеловѣческіе мускулы. На плечѣ у него блестялъ широкій съ дугообразнымъ основаніемъ треугольникъ, то былъ роковой топоръ. Рядомъ съ Стенькою и Фролкою всходили на Лобное мѣсто пять другихъ палачей, сподручниковъ главнаго московскаго ката. Стрѣльцы стали вокругъ Лобнаго мѣста сплошною цѣпью, между которою и мѣстомъ казни оставалась свободная площадь съ вбитыми въ разныхъ мѣстахъ островерхими кольями и игравшими на ней собаками, которыя вмѣстѣ съ палачами всегда бѣгали изъ острога на мѣста казни, въ ожиданіи добычи. Стрѣльцы не отгоняли собакъ—это были казенные псы, принадлежавшіе острогу.

На Лобномъ мѣстѣ уже находились власти—думный дьякъ Алмазь Ивановъ и дьякъ разбойнаго приказа. У послѣдняго дьяка въ рукахъ дрожала бумага.

Стенька сталъ прямо, снова повелъ глазами по толпѣ и, какъ бы съ досадою, тряхнулъ головою.

Дьякъ дрожащимъ голосомъ сталъ вычитывать «несказанныя и несостижимыя вины» Стеньки. Стенька слушалъ, и по временамъ лицо его говорило: «не то—не то.... Эхъ, кабы все они знали!»... На лобъ къ нему сѣла муха—онъ ее согналъ досадливо и какъ-то странно улыбнулся.

Всѣ «вины» вычитаны.... Дьякъ отошелъ.... Подошелъ главный катъ....

Стенька повернулся лицомъ къ востоку и сталъ молиться.... По толпѣ прошелъ ропотъ радостнаго удивленія....

— Онъ истово крестится—двумя персты.... о-о! у-у-у!

Сотникъ Ондрейко глядѣлъ недоумѣвающими глазами....

Помолившись, Стенька кланялся на всѣ четыре стороны.... Выбритая маковка зловѣще бѣлѣла....

— Простите, православные, въ чемъ согрубилъ вамъ! Простите!

— Богъ простить! Богъ простить!

Палачи обступили Стеньку, намѣреваясь брать его. Главный катъ не двигался, сверкая только лезвиемъ широкаго топора. Стенька движеніемъ глазъ остановилъ палачей и сдѣлавъ шагъ къ главному катъ.

— Побратаемся, добрый человекъ, глухо сказалъ онъ.— Прими меня за брата передъ смертью: помѣняемся крестами.

И онъ, снявъ съ себя золотой крестъ, подалъ его катъ. Последний оторопѣлъ было, отшатнулся назадъ, но скоро пришелъ въ себя, перенесъ топоръ въ лѣвую руку и на лѣвое плечо, дрожащею рукою взявъ крестъ у Стеньки, перекрестился, поцѣловалъ его, снялъ съ своей воловьей шеи свой мѣдный крестикъ, подалъ его Стенькѣ, а вмѣсто своего надѣлъ Стенькинъ. Стенька сдѣлавъ то же—перекрестился, поцѣловалъ крестикъ и надѣлъ на себя. Всѣ смотрѣли на эту сцену съ глубокимъ изумленіемъ. Многие крестились.... «Господи! что-жъ это»!...

— Поцѣлуемся теперь, братъ,—простимся.

Они поцѣловались, обхвативъ другъ друга жилистыми руками. Топоръ блеснулъ надъ головою Стеньки—многіе ахнули—думали конецъ.... Нѣтъ, Стенька обратился къ брату Фролкѣ и такъ-же обнялъ его. Фролка плакалъ и испуганно крестился.

Стенька оглядѣлся кругомъ. Къ правому краю Лобнаго мѣста примощенъ былъ толстый досчатый помостъ, родъ кровати. Стенька догадался, что это его смертная кровать. Онъ самъ подошелъ къ ней, влѣзъ на доски, разстегнулъ воротъ рубахи и легъ плашмя такъ, что бородой опирался на край этого ужаснаго дожа. Глаза его опять глянули на толпу;—по толпѣ прошелъ трепеть отъ этого взгляда. Между тѣмъ, палачи подняли толстую дубовую доску, положили ее на спину Стенькѣ, поперекъ спины, такъ, что и широкія плечи его были видны, и руки и ноги оставались свободны, а сами сѣли на концы доски, по два палача на тотъ и другой конецъ. Лицо Стеньки, до того блѣдное, побагровѣло. Глаза налились кровью.

— Руби лѣвую руку! хрипло сказалъ Алмазь Ивановъ главному катъ.

Тотъ не двигался, безмолвно шевеля поблѣднѣвшими губами.

— Руби! повторилъ Алмазь.

— Не буду рубить! онъ мой братъ! мрачно отвѣчалъ катъ, и бросилъ топоръ.

Лязгъ топора заставилъ вздрогнуть и толпу и палачей. Алмазь Ивановъ растерялся было, но тотчасъ же опомнился.

— Возьми ты топоръ,—руби! еще болѣе хрипло сказалъ онъ сподручному палачу.

Тотъ нагнулся, поднялъ топоръ, обхватилъ конецъ топорнища обѣими руками, предварительно поплевавъ на ладони, широко разставилъ ноги, какъ-бы собираясь рубить толстое бревно, и занесъ топоръ высоко за голову.

— Гись! проревѣлъ онъ—и лѣвая рука Стеньки отлетѣла, стукнулась объ полъ, сжала пальцы, снова разжала ихъ—и застыла.

Со стороны Стеньки хоть бы крикъ, хоть бы стонъ, хоть бы движеніе лицевыхъ мускуловъ—ничего не бывало! Глаза продолжали смотрѣть на толпу, ища кого-то.

Палачъ зашелъ съ другой стороны, нацѣлился, натужился... «Руби!»

— Гись!—и правая нога отлетѣла.

А глаза все смотрять на толпу;—только губы, захвативъ блокъ бороды, крѣпко сжались... Въ толпѣ мертвая тишина... Не вынесъ этого вида Фролка...

— Я знаю слово и дѣло государево! болѣзненно, истерически выкрикнулъ онъ.

— Молчи, собака! остановилъ его Стенька, выпустивъ изъ сжатыхъ губъ блокъ бороды.

Но вдругъ глаза его вспыхнули и лицо преобразилось счастьемъ. Въ толпѣ онъ увидалъ ее—то свѣтлое видѣніе, которое крестило его изъ окна въ день вѣзда въ Москву, а ночью приходило подъ окно его тюрьмы съ крестомъ и бѣлою сорочкою. Она глядѣла на него, осѣняя крестомъ и плакала... Самъ онъ уже не могъ перекреститься—нечѣмъ было...

— Прощайте, православные! крикнулъ онъ на всю площадь, и дрогнула площадь:—прощай, святая душа! я еще приду къ вамъ—помните меня—я...

Онъ не договорилъ. Голова его отскочила отъ туловища и глухо стукнулась лбомъ объ помость. Гулъ прошелъ по площади. Руки поднимались вверхъ и торопливо крестились...

— О, Боже Всесильный и Вѣчный! сподоби мя таковыхъ же мученій тебя ради, страстно шептала Морозова, стоя въ толпѣ, рядомъ съ сестрою Акинфіею, въ одеждѣ чернички.

А тамъ — палачъ рубилъ мертвое тѣло Стеньки на куски, какъ въ мясницкой рубятъ воловью тушу, а сподручники встыкали эти кровавые куски на колья.... Голова взоткнута была на самый высокій колъ и продолжала смотрѣть на площадь своими эфиопскими глазами.....

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕЖДУ ВѢЧНОСТЬЮ И МИНУТОЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ I.

Глава XJ.

Между тѣмъ, въ гостинной всѣ, начиная съ Марьи Кондратьевны и кончая Васею, теряли терпѣніе въ ожиданіи Наташи.

Марья Кондратьевна, надо отдать ей справедливость, была женщина трудолюбивая. «Я не люблю быть праздною», говаривала она. «Праздность—мать пороковъ! Вотъ, я всегда занята: или читаю, или вяжу чулокъ, или чищу малину, или, наконецъ, растираю табакъ.... Все дѣло, все дѣло, и все нужно.» Въ 9 часовъ она, обыкновенно, вставала и уже въ 10 сидѣла въ своемъ покойномъ креслѣ, съ черепашечьими, черной оправы, очками на носу и чулкомъ въ рукахъ.

— Наташа, а Наташа, ты-бы почитала мнѣ что-нибудь.

— Да мы вѣдь ужъ все прочли, маменька. Защищалась Наталья Игнатьевна.

— Ну что-жъ за бѣда, мать моя, хорошую книгу и два раза прочитать не грѣхъ. Возмиска-сь какую-нибудь, да и читай!

— Да какую-же, маменька?

— Ахъ, Боже мой, какая ты скучная, Наташа! Ну да какая попадетъ первая, ту и читай!

Дѣлать нечего; Наталья Игнатьевна брала первую попавшуюся книгу, и читала: «Стояла тихая, теплая, апрѣльская ночь.... Луна, разливая свой блѣдный, матовый свѣтъ, одухотворяла землю созна-

ниемъ безпредѣльности, единства и величія естественныхъ силъ Творца.... На стѣнныхъ часахъ каедральнаго собора прогудѣло два, и глухое эхо густымъ, перерывистымъ раскатомъ пронеслось надъ скалой и у подножья. На сосѣднемъ дворѣ залаяла собака, въ мутныхъ водахъ Глядичи заквакала лягушка.»

— Наташа! строго перебивала Марья Кондратьевна.

— Что, маменька?

— Что это ты на-смѣхъ читаешь?

— Какъ на-смѣхъ, маменька? изумлялась Наталья Игнатьевна.

— Да что-жъ тутъ интереснаго.... Собака лаетъ, лягушка квакаетъ! Тифу, какая гадость!... И при томъ врать, все врать!... горячилась она. Ишь ты, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ у него теплыя ночи. Да кабы въ апрѣлѣ бывали теплыя ночи, такъ мы-бы, въ самыхъ первыхъ числахъ мая, уже укосъ имѣли, а тутъ и къ Петрову-то едва дождешься!

— Да вѣдь это на югѣ, маменька, возражаетъ Наталья Игнатьевна, какъ-бы защищая забракваннаго автора.

— На югѣ? Да что-жъ мнѣ за дѣло до юга-то!... Вѣдь я туда свою Щебринку не перенесу. Нѣтъ, Наташа, брось это!... А прочти-ка лучше дальше, знаешь, гдѣ говорить, объясняются, и Марья Кондратьевна, вдругъ останавливалась, какъ-бы опасаясь дальнѣйшимъ развитіемъ своего желанія внушить Натальѣ Игнатьевнѣ не дѣвичьи мысли.... Дѣло въ томъ, что Марья Кондратьевна, не смотря на ея 70 слишкомъ лѣтъ, помнила любовь и готова была просиживать ночи надъ какимъ-нибудь произведеніемъ въ родѣ «Тысяча и одна ночь».

— А если тутъ вовсе не объясняются, возражала Наталья Игнатьевна, раздосадованная.

— Какъ такъ вовсе не объясняются.... Да во всѣхъ книжкахъ объясняются.... Что ты это, матушка, городишь!

— Нѣтъ, маменька, теперь есть такія книжки.... Историческія, природоописательныя, въ которыхъ нѣтъ никакихъ разговоровъ.

— А ну такъ брось.... Что-жъ въ ней хорошаго!? Бери другую!...

Наталья Игнатьевна, перелиставъ книгу, читала: «Марья Петровна задумчиво перебирала листы альбома, Алексѣй Ивановичъ, потирая руку объ руку, взволнованно ходилъ взадъ и впередъ, стараясь быстротою движенія сократить минуты томящей неизвѣстности.»

— Вотъ, вотъ, радовалась Марья Кондратьевна, оставляя дулокъ.

— «Такъ что-жь, Марья Петровна, хотите вы быть моею женою? слегка дрогнувшимъ голосомъ обратился онъ. Марья Петровна молча протянула ему руку. Черезъ недѣлю счастливая молодая чета съ почтовымъ поѣздомъ уже выѣхала изъ Москвы въ Петербургъ.»

— И все?! ужаснулась Марья Кондратьевна.

— И все, спокойно удостовѣрила Наталья Игнатьевна.

— Стоило читать!... Ужь я и не понимаю, что это такое? Литераторы-ли эти самыя, нынѣшнія, совсѣмъ выдохлись, или ужъ теперь и любви-то совсѣмъ не знаютъ!... А какъ прежде-то, снимая очки, увлекалась она. — Какъ это?... Да.... Ромео и Жульетта. Ромео и Жульетта объясняются у окна.... Ихъ освѣщаетъ зарница.... Она на возвышеніи, а онъ.... надъ водою.... Она: «Ромео.... Ро...мео»! Онъ: «Жульетта, Жульетта»! Руки вмѣстѣ, глазами такъ и тонуть, такъ и тонуть другъ въ дружку.... Ахъ! Теперь не то, совсѣмъ не то.... Да, что далеко ходить!... Вотъ я и покойный Игнатій Павловичъ, твой отецъ!... Царствіе ему небесное!... Вѣдь ужъ какъ любилась-то, какъ любилась, казалось, вотъ возьми да и рѣжь насъ на части, а мы все-бы цѣловались, да цѣловались!

Теперь, Марья Кондратьевна не вязала, не слушала и не читала, даже очки не заботили ее, и она вся сосредоточилась въ нетерпѣливо-напряженномъ ожиданіи, а Наташа все не шла и не шла. «Здорова-ли, не скрываютъ-ли?» мелькнуло Марьѣ Кондратьевнѣ, и она круто, всѣмъ фасомъ повернулась къ сидѣвшей противъ нея на диванѣ Натальѣ Игнатьевнѣ.

Наталья Игнатьевна ласкала Жужу. Она то подымала ей мордочку и нѣжно смотрѣла въ ея большіе, черные глаза, то, чуть-чуть касаясь, водила мягкою ладонью по ея волнистой, бѣлой, какъ снѣгъ шерсти!... Жужу, счастливая Жужу!... Приподнявъ мордочку и, не спуская глазъ съ своей хозяйки, она даже хрипѣла отъ прилива волновавшихъ ее сладостныхъ чувствъ, какъ будто кусокъ сахара попалъ ей въ ротъ и все скользятъ, то по губамъ, то по самому кончику языка, какъ бы дразнилъ ея избалованный вкусъ.

— Наташа!... Да кончишь-ли?!.. Даже въ такой день, ты не можешь разстаться съ твоей мерзопачостной Жужу! закипѣла Марья Кондратьевна. Тебѣ и горя мало.... Всѣ дожидають, без-

покоются, у меня все сердце изныло, а ты только и знаешь, что амуришься! Ты-бы лучше сбѣгала, да узнала-бы, что съ Наташей?

— У меня, маменька, въ жизни одна радость, такъ и то вамъ помѣшала! краснѣя, упрекнула Наталья Игнатьевна.

— Ахъ, Боже мой, да никто и не отнимаетъ у тебя твоей радости.... Ну хоть съ нею сбѣгай! тихо оправдывалась Марья Кондратьевна.

— Сбѣгай, сбѣгай!... Да что я, дѣвчонка развѣ?!.. Вѣдь мнѣ ужъ 40 лѣтъ, маменька.

— Вотъ, мать моя, поѣхала, поѣхала, ну такъ что-жь, что 40, а все-жь таки ты меня моложе, и я тебѣ мать!

— Позвольте, маменька, я узнаю, вызвался Николай Ермолаевичъ Неволинъ, мужъ Юліи Игнатьевны Щебринской.

— Тебѣ-то что!... Тебѣ-то что!!.. Чортъ мизинцу домъ приказалъ!!!. всполошилась Юлія Игнатьевна....

— Надя!... Да узнай ты, слышалось въ кружкѣ дѣвочекъ.

— Нѣтъ ужъ ты, Батя, или вотъ Зина, возражала Надя, горячась.

— Нѣтъ, нѣтъ!... Я боюсь! Наташа всегда сердится, когда ей мѣшаютъ одѣваться, защищалась Зина.

Наталья Игнатьевна усмѣхнулась, встала и молча вышла изъ гостиной.

Жужу, позвякивая бубенчиками ошейника, весело побѣжала впередъ.

Между тѣмъ, Николай Ермолаевичъ, взбѣшенный возраженіемъ жены, вышелъ въ залъ и, скрестивъ руки за спиною, крупными шагами заходилъ взадъ и впередъ по просторной комнатѣ.... Ему было не болѣе 24 лѣтъ. Средняго роста, слегка сутуловатый, широкоплечій, онъ, по корпусу, напоминалъ собою большую статуэтку, поставленную на маленькій пьедесталъ.

Улыбка его пріятна, взглядъ небольшихъ косыхъ, карихъ глазъ мягокъ и лукавъ; лицо желтовато, и, вообще, въ фигурѣ, во всѣхъ движеніяхъ, какая-то вялость, странно противорѣчившая его молодымъ годамъ. Когда онъ подходилъ къ дверямъ гостиной, брови его были сдвинуты; какъ-бы отъ внутренней нестерпимой боли сжимались губы; руки, крѣпко охватывая другъ друга, держались на спинѣ. Но, едва онъ переступалъ только половину комнаты къ тому концу, отъ котораго одностворчатая, раскрытая Натальею Игнатьевною, дверь вела къ лѣстницѣ бу-

дуара Наташи, какъ руки разжимались, брови расходились, и подъ усами мелькала чуть-чуть примѣтная улыбка.

— Жужу, Жужу! долетѣло сверху.

Николай Ермолаевичъ такъ и замеръ на концѣ вытянутого имъ лакированного носка правой ноги.

— Жужу, Жужу! донеслось опять.... И Наташа громко разсмѣялась серебристымъ, безпечнымъ, оживляющимъ смѣхомъ.

— Voilà une belle idée! Я въ ожерелья, Жужу въ новомъ ошейникѣ. А, Жужу.... Жужу! ласково повторяла она.

И Николай Ермолаевичъ слышалъ тихое звяканье бубенчиковъ Жужу.

«Ласкаеть», сообразилъ онъ. «Счастливая Жужу! И какъ бы я желалъ быть на ея мѣстѣ, этой несносной Жужу!» досказалъ его, какъ бы умоляющій, взглядъ, сосредоточенный на запертой двери будуара.

— Семнадцать лѣтъ.... семнадцать лѣтъ, выговорилъ вдругъ попугай, мѣрно раскачиваясь въ кольцо своей красивой клетки.

— Семнадцать лѣтъ, тихо повторилъ Николай Ермолаевичъ, повторилъ и вспыхнулъ, какъ будто попугай сообщилъ ему какую-нибудь особенно радостную новость.... И, Боже мой, какъ хорошо было Николаю Ермолаевичу. Теперь, ему казалось, что и эта Жужу, и этотъ попугай были его первыми друзьями. Они будто говорили Наташѣ за него, говорили все то, что онъ чувствовалъ и думалъ, но не долженъ былъ изболочить подъ страхомъ никогда болѣе не видѣть ее въ жизни, не долженъ былъ изболочить ни словомъ, ни даже взглядомъ.

Николай Ермолаевичъ вздохнулъ порывисто, нервно; брови сдвинулись, губы опять сжались, но теперь это не было приторно, какъ у дверей гостинной. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и, моментально вытянувъ руки, стиснулъ пальцы въ кулаки. И смѣшонъ, и жалокъ былъ онъ въ эту минуту. Хотѣлъ ли разбить свою же голову своими же кулаками, или разнести, созданную самому себѣ, тяжелую, зависимую долю?... На указательномъ его пальцѣ сверкнулъ крупный, чистый брилліантъ цѣннаго перстня и его осыпь, его розы заиграли на солнечномъ лучѣ миллиардами огней и переливовъ.... Онъ судорожно поднялъ надъ нимъ лѣвую руку, какъ бы желая сорвать и отбросить.... Но рука такъ и замерла въ воздухѣ, не сорвавъ и не отбросивъ.... Въ гостинной зашелестѣло тяжелое шелковое платье. Николай

Ермолаевичъ содрогнулся и, заложивъ руки за спину, опять зашагалъ въ томъ же направленіи.... То шелестѣло голубое фایсовое платье Юліи Игнатьевны.

Юліи Игнатьевнѣ на видѣ было лѣтъ 29. При маломъ ростѣ, чрезмѣрно полная, она, какъ бы изнемогая подѣ собственною тяжестью, ходила всегда медленно и осторожно, животомъ впередъ, слегка откинувъ голову. Довольно рѣзкій подбородокъ продолговатаго лица почти сливался съ полною, короткою шеєю Юліи Игнатьевны. Она откидывала голову и полнота скрадывалась, опускала ее и подѣ подбородкомъ выростала другой, въ видѣ полукруглой, нѣжной и мягкой, какъ пухъ, складки. И не любилъ же Николай Ермолаевичъ этой складки. «Подбери жиръ-то, жиръ-то подбери!» крикнетъ онъ въ раздраженіи, крикнетъ и даже отвернется. Вся кровь ударитъ въ лицо Юліи Игнатьевны, щеки побагровѣютъ и задрожать, темно-сѣрые глаза сверкнуть зеленоватымъ отливомъ. Правый такъ и остолбенѣетъ надѣ Николаемъ Ермолаевичемъ, а лѣвый, шалунъ, тутъ же и скакнетъ въ самый дальній отъ носа уголъ зрачка....

Юлія Игнатьевна, старшая изъ сестеръ, воспитанная крѣпостнымъ правомъ и всегда предпочитавшая дѣвичью гостинной, рѣзко отличалась отъ сестеръ и манерами, и языкомъ, которые были грубы и рѣзки. Тяжело жилось ей на свѣтѣ. Она всегда была возбуждена, склонна вспылить и раздражиться.... И дышала-то она какъ-то особенно, какъ будто везла непосильный грузъ, такъ что лицу, незнакомому съ ней близко, могло взбрести на умъ, что она, Юлія Игнатьевна, какъ съ насморкомъ родилась, такъ и будетъ пребывать съ нимъ до гроба. Теперь, свѣтло-голубое праздничное платье Юліи Игнатьевны болѣе чѣмъ когда либо противорѣчило и ея внѣшнему виду, и ея настроенію. Хмурая, недовольная мужемъ и еще болѣе того собою, она, сидя на диванѣ противъ матери, нервно грызла ногти, попеременно поднося ко рту то правую, то лѣвую руку. На лбу набѣжали двѣ-три складки; надѣ глазами тоже двѣ-три незванныя морщинки, раннія подруги тревоженій. Марья Кондратьевна, праздно постукивая пальцами морщинистыхъ рукъ о серебряную съ позолотой табакерку, отъ времени до времени взглядывала то на нее, Юлію, то на Александру Игнатьевну. Александра Игнатьевна, чуть-чуть прикасаясь, играла рукою въ кудряхъ Васи, тогда какъ кузинки его, Надя, Зина, Катя, Маша, шушукались между собою, любуясь подарками, ожидавшими Наташу на маленькомъ кругломъ столикѣ, покрытомъ бѣлою, какъ

снѣгъ, салфеткою.... И среди этого общаго затишья особенно неловко и одиноко чувствовалъ себя Загорскій.

«Вотъ тихо, тихо и вдругъ сорвется, непременно сорвется... что-нибудь рѣзкое, неприятное», думалось ему. «Или тетушка Юля развернется, по своему обыкновенію, и выбрать всѣхъ изъ-за своего Бокоси, или Бокоса выкинетъ какое-нибудь новое, небывалое колѣнцо.... Или бабушка сдурить.... Непременно сдурить», рѣшилъ онъ и подошелъ къ окну.... Любимецъ бабушкинъ, рослый дворняга, лохматый Полканъ, подъ самымъ окномъ заигрывалъ съ какою-то красоткой бѣглянкой. «Привольно имъ, весело», подумалъ онъ.

— Семнадцать лѣтъ, семнадцать лѣтъ, рѣзко проговорилъ въ залѣ скучающій, одинокій попугай.

Николай вздрогнулъ.

— Сама себя раба бьетъ, что нечисто жнетъ, заговорила вдругъ въ полголоса Марья Кондратьевна, обращаясь къ Юліи Игнатьевнѣ. — Вотъ, видно, волосъ-то дологъ, а умъ-то коротокъ.... Можно и должно руководить, внушать тихо, ласково!... Вотъ какъ бывало я.... покойника Игнатія Павловича, твоего отца. Да ему и во снѣ-то не снилось, что онъ по моей дудочкѣ пляшетъ и пѣсенки по ней поетъ, а, межъ тѣмъ, и пѣлъ, и плясалъ.... А ты все хочешь крикомъ, да командой, точно съ дубу, отчитывала она.

— Да отстаньте, маменька, авось, не глупѣе васъ, круто повертываясь на диванъ, окрысилась Юлія Игнатьевна.

«Поѣхало!...» подумалъ Николай.

Марья Кондратьевна обидѣлась и замолчала; опять наступила пауза. «Для краснаго словца, говаривала она, не пожалѣю и роднаго отца». И какъ говаривала, такъ и дѣлала. Признавая себя женщиною умною и весьма опытною, Щебринская считала любовь своею специальностью и въ этомъ щекотливомъ предметѣ каждое свое слово читала, какъ законъ.

— Человѣкъ неповиненъ ни душою, ни тѣломъ, а ты злишься, топаешь, кричишь.... Чортъ мизинцу домъ приказалъ!... Ну да развѣ это, мать моя, обращеніе?... опять не выдержала она.

— А по вашему какъ же?... Онъ будетъ языкъ показывать, а я должна ему улыбаться! Какъ же, шалишь!... Жирно будетъ, неровно обкушается, все болѣе и болѣе раздражалась Юлія Игнатьевна.

— Такъ, значить, ты потому и сама два-то мѣсяца не жаловала и его не пускала, вслухъ додумалась Марья Кондратьевна.

— Да, потому, вотъ именно потому, вставая, подтвердила Юлія Игнатьевна.

— Да что-жъ онъ такое сдѣлалъ? изумилась Марья Кондратьевна.

— Что онъ сдѣлалъ?! Смотрѣлъ!

— Смо-трѣлъ! на распѣвъ повторила старуха, какъ бы соболѣзнуя, что все кончилось тѣмъ, что онъ только смотрѣлъ.

— Ну и что-жъ тутъ такого, мать моя? Ничего не понимаю.... Вѣдь, вотъ и я на тебя смотрю, и всѣ другъ на друга смотреть.... Для того Господь Богъ и глаза намъ далъ.

— Съ вами нѣтъ никакихъ силъ разговаривать, маменька, и Юлія Игнатьевна побагровѣла. Вы точно разучились понимать.... Если бы онъ смотрѣлъ на нее вотъ такъ, какъ я, какъ Николай, какъ сестра, ну, какъ всѣ, а то, вѣдь, онъ уставится, да такъ и вопьется, такъ и вопьется въ нее глазищами.

— Вопьется?! изумленно перебила Марья Кондратьевна.

— Ну, да, глазами такъ и вопьется, нетерпѣливо удостовѣрила Юлія Игнатьевна.

— Вопьется глазами, медленно повторила Марья Кондратьевна, и ея лицо освѣтилось улыбкою.—Вопьется!... Какъ это должно быть интересно!... Миѣ даже въ романахъ не приходилось читать, чтобы влюбленные впивались другъ въ друга глазами.

— Какъ это глупо!... раздражительно вскрикнула Юлія Игнатьевна. — Все, что вы говорите.... глупо! отрѣзала Юлія Игнатьевна, и правый глазъ ея, какъ самъ демонъ зла, остолбенѣлъ надъ неповинною старухою, а лѣвый такъ и метнулся въ свой излюбленный уголокъ.

— Ну, да, мать моя, ты совсѣмъ спятила! рассудила Марья Кондратьевна, ни мало не смущаясь, и, запустивъ пальцы въ табакерку, медленно, съ наслажденіемъ потянула въ носъ цѣлую щепотку чернаго французскаго табаку. Потянула и такъ и замерла въ мысли, что какъ должно быть интересно видѣть, когда Николай Ермолаевичъ впивается глазами въ Наташу.

Между тѣмъ, Юлія Игнатьевна, отбросивъ шейфъ и тяжело дыша, заходила по гостиной, какъ разъ перпендикуляромъ къ той линіи, что держался Николай Ермолаевичъ въ залѣ.

«Ишь расходилась!» подумалъ Николай. «Дышетъ-то точно паровозъ», думалъ онъ и, съ нѣкоторою робостью, еще ближе прижался къ подоконнику.

Всѣ какъ будто забыли о Наташѣ. Александра Игнатьевна внимательно слѣдила за сестрой; Вася съ неподдѣльнымъ страхомъ смотрѣлъ на нее же. Бузинки замолчали и въ инстинктивномъ ужасѣ жались другъ къ другу. Даже попугай, увидѣвъ какое-то новое, объемистое, свѣтлое явленіе, повисъ клювомъ на одной изъ переднихъ спицъ кѣтки и, сосредоточивъ на Юліи Игнатьевнѣ свои большіе, круглые глаза, сталъ зорко слѣдить за нею. Юлія Игнатьевна прошла еще нѣсколько разъ, остановилась у порога и, пропѣвъ носомъ какую-то мелодію, тяжело перевалила въ залъ навстрѣчу Николаю Ермолаевичу. Николай Ермолаевичъ, какъ бы мысленно спомановавъ себѣ: лѣво кругомъ марши, повернулся къ ней спиною. За то попугай, видимо интересуясь все болѣе и болѣе, склонивъ головку, заглянулъ ей прямо въ лицо. Юлія Игнатьевна теперь, видимо, терялась въ соображеніяхъ, что предпринять и какъ подступиться.

— Коко! осликнула она нѣжно.

Попугай, тряхнувъ головой, подставилъ ухо и такъ и замеръ въ своемъ нѣмомъ вниманіи.

— Коко!... Милый Коко! заигрывала Юлія Игнатьевна, осторожно, даже робко, подходя къ мужу.

— Ко...ко! передразнилъ попугай.—Коко, Коко, Коко! радостно кричалъ онъ теперь, ударяя о спицы кѣтки то правою, то лѣвою сторонами клюва.

— Попка, попка, улыбаясь, отнесся къ нему Николай Ермолаевичъ.

— Кокоша, милый Кокоша, обрадовалась Юлія Игнатьевна, схватывая его руку обѣими руками.

— Ну и что тебѣ, чего ты опять вѣщилась, освобождая руку, замѣтилъ ей, наконецъ, Николай Ермолаевичъ.

— Ты не сердись, не правда-ли, ты не сердись? умоляя его и голосомъ, и взглядомъ, спрашивала Юлія Игнатьевна.

На верху стукнула защелка двери.... Николай Ермолаевичъ чувствовалъ, какъ вся кровь бросилась ему въ голову.

— Ну, ты не сердись, Коко?

— Боже мой! Да не зови меня такъ.... Что я за Коко? Вѣдь, я-жъ не попка твой!... Ну, Николай, Коля, а то Коко! негодовалъ онъ.... содрогаясь при одной мысли, что Юлія Игнатьевна

опять будетъ его такъ звать при Наташѣ.— Не сержусь! Только отстань и не гримасничай больше, тихо отводя ея руки, сдался Николай Ермолаевичъ.

Жужу, громко звякая бубенчиками, кубаремъ скатилась съ лѣстницы. Все задвигалось, оживилось. Впереди воѣхъ летѣлъ Вася, и, казалось, никакая земная сила болѣе не могла удержать его. За нимъ кузинки въ разсыпную, а тамъ тетюшки, Николай Ермолаевичъ, Николай и, наконецъ, сама Марья Кондратьевна.... Темно-коричневое шелковое въ гвоздикахъ платье Марьи Кондратьевны совершенно сливало ея расплывшуюся отъ полноты и старости талію съ полными, обвисшими плечами; бѣлый, кружевной чепецъ съ бантомъ подъ подбородкомъ, палевыми и черными бархатными бантиками вокругъ головы, ушей и нижней части лица украшалъ ея сѣдую, какъ лунь, голову; ея полное, продолговатое, по складу, и рѣзкое въ профиль лицо, съ широкими, красноватыми полудугами вмѣсто бровей, бодрое и веселое, оживлялось теперь пронизательнымъ взглядомъ маленькихъ, бойкихъ, свѣтло-сѣрыхъ глазъ.— Тяжело переступая, подвигалась она. Добродушная улыбка полныхъ губъ, какъ-бы хвастаясь своими сохранившимися, бѣлыми, крѣпкими зубами, готовилась встрѣтить и обласкать Наташу.

Наташа вошла. Тѣмъ же гордымъ сознаниемъ красоты и силы дышала ея высокоприподнятая головка.

— Ахъ! изумился Вася.

— Ахъ! какъ бы эхомъ, еще тише, въ одинъ голосъ отзывались кузинки.

— Наташокъ, Наташокъ, протягивая обѣ руки на встрѣчу Наташѣ, проговорила Марья Кондратьевна, слегка дрогнувшимъ голосомъ. У.... Да какая ты славная дѣвчурка, Наташа!

Наташа вспыхнула, потупила голову и, тихо склонившись, нѣжно поцѣловала обѣ руки бабушки.... Теперь она даже забыла, что у нея руки всегда въ табакъ.

— Поздравляю, поздравляю! Дай Богъ тебѣ счастья, да хорошенькаго женишка, поднимая ей головку за подбородокъ и цѣлуя въ лобъ, привѣтствовала Марья Кондратьевна.— Семнадцать лѣтъ!... Шутка-ль сказать.... Семнадцать лѣтъ!... Вѣдь въ нашу-то пору въ это время выдавали замужъ. Въ семнадцать лѣтъ я уже была замужемъ, хлѣбъ соль водила, домогъ свой держала. Ну, дай Богъ, дай Богъ.... А нутка, повернись! и, взявъ ея за правую руку, она повернула ея къ себѣ

сминою. Каково сидить-то... а?! Просто чудо!... Точно литая, и шлейфъ.... На-жъ ты, поди-жъ ты. Большая, совсѣмъ большая.... А давно-ли еще кажется на рукахъ-то тебя ничила.... Вверхъ подынешь, внизъ опустишь, а ты-то заливаешься, ты-то заливаешься.... Всегда такая шустрая, веселая была.... Двѣ капли воды маменька.... покойная твоя мать, и Марья Кондратьевна даже прослезилась. Да взгляни въ глаза-то, Наташокъ.... Что ты все прячешься, точно виноватая!

Наташа полуприподняла долги, темныя рѣсницы и, мелькомъ взглянувъ въ лицо бабушки, порывисто обняла ее.

— Спасибо, Наташокъ, спасибо!... Согрѣла ты меня, старуху старую, чуть слышно отозвалась Марья Кондратьевна. Благослови тебя Богъ счастьемъ за твою любовь, за твою ко мнѣ, старухѣ, ласку.

Теплы были слова Марьи Кондратьевны. Ея голосъ дрожалъ отъ слезъ, и всѣ, всѣ, не исключая даже Юлии Игнатьевны, какъ одинъ человекъ, глубоко проникнутый впечатлѣніемъ минуты, затаивъ духъ, сосредоточились въ нѣмомъ къ Наташѣ вниманіи.—Ни кровинки въ лицѣ, какъ-будто все замерло въ ней, ни тѣни того выраженія, которымъ еще за нѣсколько минутъ назадъ такъ изумила Васю и своихъ скромныхъ кузинокъ. Видно, вся кровь работала въ сердцѣ.... Но вотъ она тихо вздохнула, приподняла голову и съ замѣтнымъ волненіемъ обратилась къ Марьѣ Кондратьевнѣ.

— Пусть жизнь ваша, бабушка, длится и длится, какъ неугасаемый свѣтильникъ; пусть все васъ радуетъ, все улыбается вамъ, какъ вы улыбались и улыбаетесь мнѣ; пусть судьба ласкаетъ васъ, какъ ласкали и ласкаете меня!

Марья Кондратьевна опять привлекла ее, обняла, поцѣловала и, видно, не сдержавъ свои старушечьи слезы, увлажнила ими ея восторженную головку.

Вася дрогнулъ. Александра Игнатьевна потупила голову. Наталья Игнатьевна, безъ всякой видимой цѣли, перешла отъ двери къ роялю. Вѣра Павловна заинтересовалась чѣмъ-то въ окнѣ. «Ишь-ты», пробормоталъ Николай, пробормоталъ и вспыхнулъ. Николай Ермолаевичъ, какъ-бы забывъ о самомъ существованіи Юлии Игнатьевны, не спуская глазъ, лихорадочно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Наташи. Голова кружилась, мысли путались, какъ въ чадѣ не могъ онъ сознать,—развертывались-ли передъ нимъ картины сна, или же явленія дѣйствительной жизни....

Лишь Юлія Игнатьевна, забывъ теперь и мать, и Наташу, и всѣхъ, и все, напряженно слѣдила своими взбѣшонными *разночинцами* за забывшимся Николаемъ Ермолаевичемъ.

— Стара стала.... Охъ, стара стала.... Чѣмъ бы радоваться, да веселиться.... А я-то.... и, не договоривъ, Марья Кондратьевна стала отирать ладонями обѣихъ рукъ неожиданно набѣжавшія слезы.

— Приходи въ гостинную, Наташокъ.... Тамъ тебя уже, я чай, съ 8-го часа, кое-что дожидаетъ, проговорила она, улыбнулась своею доброю, свѣтлою улыбкою и, тяжело повернувшись, медленно поплелась изъ зала.

Наташа проводила ее до гостинной.... выпрямилась, вздохнула, провела рукою по глазамъ и, мелькомъ глянувъ на Васю, опять съ опущенными рѣсницами, съ яркой краской на лицѣ, направилась къ нему.

— Какъ хороша, Боже мой, какъ хороша! какъ бы говорила ошеломленная фигура Николай Ермолаевича.—И она, дѣйствительно, хороша была въ эти минуты, и особенную ея прелесть составляла неуловимая въ переливахъ отъ холодной гордости до безотчетнаго увлеченія, отъ восторга до раскаянія, игра, игра въ глазахъ, въ складѣ губъ, въ приемахъ и движеніяхъ. Гордая въ сознаніи своей красоты и силы, сошла она внизъ и все, что волновалось тамъ ею, уже представлялось ей ничтожнымъ, не заслуживающимъ вниманія, все, кромѣ, пожалуй, Васи, да и тотъ, что онъ передъ нею?!.. Ни больше, ни меньше, какъ мальчикъ, мальчикъ, которому вполнѣ достаточно дать грошъ, чтобъ онъ отдалъ рубль, и вотъ холодное, сдержанное, нигдѣ незамѣченное до той поры ея настроеніе вызвало дружное: «ахъ» и Васи, и кузинокъ, и всѣхъ. Въ ея ушахъ еще звучить это «ахъ», она наслаждается имъ, наслаждается еще больше общимъ затишьемъ, какъ необходимой данью изумленія ея красотѣ. Но вдругъ она опомнилась, овладѣла собою. «Что это я?—Точь въ точь Карамзинъ у зеленой лужайки», и вдругъ ей стало стыдно своей слабости, своего ребячества. «А вѣдь всѣ, всѣ, всѣ смотрѣли, всѣ видѣли».... кольнуло ее.... и въ нервныхъ движеніяхъ, во всемъ сказалось смущеніе. «Какъ это глупо!» какъ бы говорила теперь ея досадливо-своеправная гримаска.

Вася, краснѣя по самыя уши, смущенный, взволнованный, молча подалъ ей изящный ящикъ чернаго дерева. На верхней его доскѣ красовалась вытѣсенная золотомъ надпись: «Кузинкѣ

Наташѣ Загорской, въ день ея семнадцатилѣтія, отъ Васи Бояринова.»

— Мегсі, Вася, милый, и еще ярче вспыхнувъ, опять улыбающаяся, радостная, она поцѣловала его въ губы своими горячими, какъ огонь, губами.

— Тамъ еще, внутри, Наташа, вздохнувъ, указаль онъ.

— Послѣ, послѣ и она быстро перешла отъ него къ теткамъ.

— Поздравляю, поздравляю, Наташа, поднимались теперь голоса, покрывая другъ друга.

Принимая поздравленія, она совершенно непримѣтно для самой себя подходила все ближе и ближе къ Неволину. — Опять прилила кровь къ головѣ Николая Ермолаевича. Желая скрыть свое смущеніе отъ Юліи Игнатьевны, онъ круто повернулся лицомъ къ клѣткѣ попугая.

— Семнадцать лѣтъ, семнадцать лѣтъ! растерянно шепталъ онъ.

— Семнадцать лѣтъ, вѣско проговорилъ попка.

— Bravo! И ты попка меня поздравляешь. Всѣ, кромѣ васъ, Николай Ермолаевичъ, улыбаясь, отнеслась къ нему Наташа.

— Коко, коко! кричалъ попугай.

Николай Ермолаевичъ смѣшался совершенно.

— Нѣтъ-съ и я... поздравляю и желаю... пожимая ея руку своею холодною, какъ ледъ, рукою, бормоталъ онъ.

«Какой потѣшный!» подумала Наташа, и чуть-чуть ему отвѣтила. «Онъ никогда еще не былъ такимъ смѣшнымъ!» думала она, отходя отъ него.

— Я такъ всегда!... Я всегда отлагаю на-послѣдокъ все, что меня интересуетъ, или можетъ порадовать, весело говорила Наташа, садясь на козетку своего маленькаго будуара и осторожно ставя на стулъ передъ собою подаренный Васею ящикъ.

— Я боюсь только, что тебѣ не понравится, Наташа! Тамъ....

— Пожалуйста, молчи!... Что тамъ, я увижу сама!... У меня на то есть глаза. Фу, какъ жарко! и, отмахнувъ рукавъ выше локтя, оттолкнувъ ящикъ, она, медленно, какъ бы намѣренно все сильнѣе и сильнѣе раздражая свое любопытство, приподняла крышку.—Подъ нею, въ глубинѣ ящика, на малиновомъ бархатѣ плотно закрывавшей чернильный приборъ накладки, была вторая золотыми буквами надпись.

— Вотъ прелесть-то!... Чудо, чудо что такое!... Ну, прочти же, милый!

— А сама?

— Нѣтъ, я хочу, чтобъ ты, и, усмѣхнувшись капризно-настойчиво, она закрыла надпись рукою, отодвинула ящикъ. Онъ колебался, ему какъ будто не хватало силы прочитать то, что самъ же написалъ.

— Вася! и ея брови уже сошлись, уже сердились на него. — Ну! и, откинувшись на спинку козетки, она остановила на немъ нетерпѣливый взглядъ.

— «Въ дни разлуки», сильно дрогнувшимъ голосомъ началъ онъ,—«въ часы раздумья, въ минуты воспоминаній о быломъ, вспомни, Наташа, вечеръ нашихъ тихихъ, дѣтскихъ грѣзъ; вспомни наши игры, споры, твой смѣхъ, мои надъ капризною ласкою твоею радостныя слезы.... вспомни и сознай, что живешь и вѣчно будешь жить во мнѣ свѣтлою, радостной мечтою».... и голосъ замеръ, точно потонулъ въ груди.

Она поникла, молчала. За долгими рѣсницами не видно было выраженія ея глазъ. Все еще слышался ей взволнованный голосъ Васи; мольбою и укоромъ звучали проникнутыя любовью и грустью слова надписи.

— Тебѣ не нравится, Наташа?

— Глупый! и, мелькомъ заглянувъ въ глаза Васи, она сжала ему губы своей маленькой ручкой....

— Милая, милая! осыпая ея руки поцѣлуями, восторженно шепталъ Вася.

— Ну, полно, полно, перестань, Вася!... Тебѣ дай палецъ, такъ ты ужъ радъ забрать всю руку, стараясь освободиться отъ него, все болѣе и болѣе волнуясь, говорила она.

— Наташа, идите внизъ!... Что вы тамъ пропали? донесся съ площадки дѣстницы голосъ Вѣры Павловны.

— Я сейчасъ, Вѣра Павловна, торопливо оправляя кружево на рукавахъ, откликнулась она.—Фи, Вася!... Какой ты косопалый!... Ну, и можно-ль было такъ измять, уже досадливо говорила она.

— Ну, прости, Наташа, не сердись, голубчикъ!... Я нечаянно, право нечаянно!... Вѣдь я такъ, такъ люблю тебя.

Въ передней раздался отчетливый, рѣзкій звонокъ.

— Вотъ видишь!... Кто-то еще прѣхалъ, а я вся измятая!... Противный! и, оправивъ волоса, она вышла изъ будуара.

Въ залъ вошелъ высокій, стройный кавалергардъ. На видъ ему было не болѣе двадцати-двухъ лѣтъ. Свѣтло-русые, пепельнаго отлива, волоса красиво округляли его продолговатую голову. Маленькіе усики гнулись въ щегольскія кольца. Голубые глаза смотрѣли холодно.

— Баронъ....

Кавалергардъ быстро оглянулся. За нимъ стояла, на него радостно смотрѣла, ему улыбалась Наташа....

— Ну можно-ль, можно-ль такъ пропасть?!

— Пропать!... Ничуть!... Я здѣсь, и здѣсь, какъ разъ, въ первый же день вашей взрослости, Наталья Алексѣевна, и, мелькнувъ на нее изъ-подъ свѣтлорусыхъ усовъ вызывающе улыбкою своихъ алыхъ, еще юношескихъ губъ, онъ крѣпко, медленно, пожалъ ей руку.—Эти три, четыре года въ моей жизни мелькнули, какъ сонъ, въ которомъ вашъ образъ всегда былъ самымъ свѣтлымъ видѣньемъ, но.... и онъ порвался, слегка вздохнулъ, и, опять улыбаясь, посмотрѣлъ на нее.

Она почувствовала этотъ взглядъ.... Она вспыхнула, понизла, смѣшалась; замѣтно всколебалось на груди кружевное жабо. Онъ тихо любовался ею.

— Вы давно пріѣхали? избѣгая его взгляда, едва слышно спросила она.

— Дня.... три, четыре.

— Здравствуйте, баронъ! примѣтно дрогнувшимъ голосомъ перебилъ его вошедшій въ залъ Вася, и его тревожный взглядъ въ упоръ остановился на Наташѣ. Она еще больше смутилась, отвернулась отъ него, какъ будто испугалась, что въ эту минуту онъ можетъ прочитать въ ея глазахъ, въ ея волненіи, именно то, чего никогда и никто не долженъ знать. По крайней мѣрѣ, такъ понялъ это движеніе Вася.—«Да!... Она его любила тогда, она еще больше любитъ его теперь», съ тревогою, съ невыносимою болью въ сердцѣ подумалъ онъ.

— Bonjour, мой маленькій Дон-Жуанъ! и пожавъ ему руку полувнимательно, полунебрежно, баронъ опять взглянулъ на нее.— Я даже въ Петербургѣ не рѣдко вспоминалъ, Наталья Алексѣевна, тотъ вечеръ, когда онъ разгнѣвался на васъ за то, что вы больше говорили со мною, чѣмъ съ нимъ.

Вася выпрямился, поблѣднѣлъ. Онъ, видимо, хотѣлъ отвѣтить, но сдержался и, подавивъ въ себѣ вздохъ, быстро ушелъ отъ нихъ въ гостинную.

— О, вы попрежнему любите кусаться, баронъ! Узнаю васъ, выходя изъ гостинной къ нему на встрѣчу, отчетливо проговорила Вѣра Павловна.

— Только при васъ; только при васъ, Вѣра Павловна, протягивая ей руку, весело отозвался онъ.—И притомъ съ единственною цѣлью останавливать на себѣ какъ можно чаще ваше сдерживающее всѣхъ и все сердобольное вниманіе, и по его тонкимъ губамъ скользнула чуть примѣтная, насмѣшливая полуулыбка.

— Вы забыли добавить, баронъ, въ предѣлахъ приличія, смѣривъ его съ ногъ до головы пристальнымъ взглядомъ, спокойно отвѣтила, слегка вспыхнувши, Вѣра Павловна.

— Тысяча извиненій, я не зналъ, что это васъ касается.

— Баронъ, взволнованно-тихо упрекнула Наташа.—И когда вы перестанете ссориться?!.. Стоить только встрѣтиться и уже готовы.

— Марья Кондратьевна, Наталья Игнатьевна, здоровы, по прежнему, и веселы, и довольны? перебилъ онъ, какъ-бы поставивъ въ скобки ея замѣчаніе.

— Да, и давно ждуть васъ во второй гостинной, и она быстро прошла впередъ. Баронъ едва поспѣвалъ за нею.

Всѣ, начиная отъ Загорскаго и кончая Марьею Кондратьевною, одинаково привѣтливо встрѣтили его. Все засуетилось, задвигалось; посыпались разспросы, поднялся общій, веселый говоръ. Баронъ сразу почувствовалъ свое вліяніе и на Наташу, и на всю эту «добрую деревенщину.» Ему самому стало весело. Онъ шутилъ, острилъ, такъ картинно, такъ образно описывалъ и людей, и обстановку великосвѣтскаго петербургскаго общества, что Наташа уже какъ бы чувствовала себя въ немъ. Ей казалось теперь, что вмѣстѣ съ нимъ въ ихъ домъ внезапно, радостнымъ вихремъ ворвалась иная лучшая жизнь,—жизнь волненій, жизнь борьбы, жизнь увлеченій, жизнь интригъ, и что она, эта раздольная, широкая, порывистая жизнь въ немъ, именно въ немъ, баронѣ, и никогда ужъ больше не оставитъ ее.... И чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ больше хотѣлось ей слушать его, тѣмъ взволнованнѣе билось сердце въ груди. Совсѣмъ иначе чувствовалъ себя Вася. Съ каждымъ новымъ рассказомъ барона, съ каждою новою острою, съ каждою новою шуткою надъ людьми, которымъ тамъ, въ Петербургѣ, онъ и жалъ руку, и улыбался, все глубже и глубже раздражался Вася. И, въ то же

время, не могъ не почувствовать, не сознать, въ какой степени былъ онъ и блѣденъ, и ограниченъ, и ничтоженъ во мнѣніи Наташи, передъ нимъ, блестящимъ барономъ, кавалергардомъ. Болѣло сердце за себя, болѣло за нее, что она такъ слѣпо, такъ довѣрчиво увлекается этимъ пустымъ, хвастливымъ, «противнымъ Толькой», какимъ онъ уже не надѣлалъ его въ тотъ вечеръ, четыре года назадъ. Но напрасно искалъ онъ ея взгляда, напрасно хотѣлъ ей безъ словъ сказать, что груститъ надъ ея радостью, надъ ея увлеченіемъ. Она его забыла, она не замѣчала его даже, и все тоскливѣй и тоскливѣй ныло у него сердце въ груди.

Между тѣмъ, баронъ коснулся оперы, театра, пожаловался на утомительную скуку петербургской жизни и тутъ-же, заглянувъ какъ-бы случайно, въ прошлое, въ дни юности, въ отрадные воспоминанія, спросилъ Наташу, — намѣрена ли она выѣзжать этою зимою.

— О, непременно, непременно!... Я ждала только семнадцати лѣтъ, и теперь первый же балъ, мой балъ! вся разгорѣвшись, оживленно-радостно отозвалась она.

— Да, тихо согласился баронъ. — Если-бъ я зналъ, когда будетъ онъ, этотъ вашъ балъ, то непременно бы пріѣхалъ, чтобъ танцевать съ вами вашу первую мазурку; танцевать и любоваться, то невольнымъ смущеніемъ, то тѣмъ восторгомъ, съ какимъ вы будете переживать эти счастливыя, теперь еще непонятныя, совѣмъ непонятныя вамъ минуты.

— Ахъ, прелесть, прелесть! и она еще ярче вспыхнула, опять поникла подъ его тихимъ, сосредоточеннымъ взглядомъ, столь много чаръ сулившимъ ей.

Баронъ всталъ, взялся за фуражку.

— Куда-жъ вы, батюшка? Оставайтесь обѣдать, сдвигая очки на самый кончикъ носа, пригласила Марья Кондратьевна.

— Виновать, Марья Кондратьевна, никакъ не могу, далъ слово, и отъ зоркаго вниманія Васи не ускользнула складка сжатыхъ бровей Наташи, отгнѣвившая ей лицо выраженіемъ ни то тревоги, ни то досады.

— Ну такъ вечеромъ, добродушно настаивала старуха.

— Постараюсь, Марья Кондратьевна, но слова дать не могу, и, быстро обойдя всѣхъ, баронъ вышелъ изъ гостиной.

Наташа, не смотря на пристальный, очевидно желавшій сдержать ее, взглядъ Вѣры Павловны, пошла за нимъ.

Вася, оставшись во второй гостиной, прослѣдилъ ихъ тревожнымъ взглядомъ вплоть до порога зала. Вотъ остановились. Вотъ она ему что-то тихо сказала. Онъ отвѣтилъ.... Вотъ опять она.... и въ тотъ же мигъ ея лицо приняло столь любимое имъ настойчиво-капризное выраженіе. Баронъ едва слышно разсмѣялся и, пожавъ ей руку, торопливо прошелъ въ залъ. Она все еще слѣдила за нимъ.... Вотъ наклонила голову, улыбнулась снова и снова, и оживленная, и радостная возвратилась въ гостинную.

Глава ХІІ.

Стѣнные часы въ залѣ пробили семь. Приемныя комнаты были ярко освѣщены. Марья Кондратьевна занимала свое обычное мѣсто и, праздно сложивъ руки, видимо съ минуты на минуту ожидала гостей. Александра Игнатьевна тихо разговаривала съ сестрою, Натальею Игнатьевною. Кузинки, разложивъ карты на томъ самомъ столигѣ, гдѣ еще утромъ красовались подарки Наташи, играли въ лото съ Васею.

— Вася, 22, повторила Катя.

— 22, обращаясь къ картамъ, разсѣянно переповторилъ онъ.

— Да, вотъ, 22, нетерпѣливо указала Надя.

— Какой ты смѣшной, Вася. Хочешь быть съ Наташей, ступай къ Наташѣ, а хочешь играть, такъ играй, какъ всѣ играютъ, уже горячилась она.

— Да, я играю, слегка вспыхивая, удостовѣрилъ онъ и опять черезъ зеркало въ гостиной глянулъ на Наташу, разговаривавшую въ залѣ съ Николаемъ и Неволинымъ.

— Кого вы ожидаете сегодня, Наталья Алексѣевна? спрашивалъ, между тѣмъ, Николай Ермолаевичъ.

— Мясоѣдовыхъ.... Вѣдь вы ихъ знаете?

— Да, какъ-то видѣлъ раза два.

— Тебѣ, Николай, будетъ весело.

— Мнѣ и такъ не скучно, Наташа.

— Пусть.... А тогда будетъ еще веселѣй, Марфиньга премилая, всегда веселая, такая простая.... Ну ужъ за то Елена Александровна, какъ я ее не люблю, и она даже вспыхнула при одномъ воспоминаніи, до такой степени дѣйствительно не любила ее.

— Это та, что поеть соловьемъ, замѣтилъ Неволинъ.

— Вотъ, вотъ.... Такая змѣйка, охарактеризовала Наташа.

— Да и братецъ-то, кажется, того же поля ягода, какъ бы вскользь замѣтилъ Неволинъ.

— И онъ будетъ? въ свою очередь озаботился Загорскій.

— Вѣроятно, но это меня ни мало не интересуеть.... Я его тоже не люблю. Маленькій, худощавый, востроносый, востроглазый.... точь въ точь бѣла въ колесѣ, и она звонко разсмѣялась.

Подъ окнами во дворѣ мелькнули фонари. Наташа быстро подошла къ зеркалу, оправивла прическу. Неволинъ и Загорскій прошли въ гостинную.

— Коля, тихо позвала Юлія Игнатьевна, все время слѣдившая за мужемъ и Наташею чрезъ щель полуоткрытой двери второй гостиной.

Загорскій поморщился, вошелъ. Онъ предчувствовалъ, что будетъ подвергнуть строжайшему искусу, и не обманулся въ этомъ предположеніи. При его входѣ, Юлія Игнатьевна поднялась съ кресла, своей засады. Взыгнанная кровь багровыми пятнами выступила на лицѣ, глаза свергали.

— О чемъ вы тамъ говорили? отрывисто спросила она.

— Да обо всемъ, нерѣшительно отвѣчалъ онъ.

— Какъ это, обо всемъ? Глухой отвѣтъ!... Ты укрываешь ихъ, молокосось! Меня не проведешь.... Говори правду! подступая къ нему, хриплымъ отъ раздраженія голосомъ, настаивала она, и онъ уже чувствовалъ на лицѣ ея горячее дыханіе,—меня не проведешь, молокосось, говори правду! дрожалъ въ его ушахъ ея охрипый голосъ. Онъ смѣшался, невольно отступилъ, такъ страшень былъ ея блуждающій взглядъ.

«Да она спятила», мелькнуло ему.

— Говори-жь, говори все, какъ есть, какъ было! опять наступала Юлія Игнатьевна.

— Ну, говорили о Мясоѣдовыхъ, о театрѣ и больше ни о чемъ, весь красный, какъ-бы защищался Николай.

— Врешь, все врешь!

— Да право не вру, тетя.

— Нѣтъ, врешь!... А что-же Коля благодарилъ ее?... А?! взвизгнула Юлія Игнатьевна.

— Благодарилъ! растерянно переповторилъ Николай, рѣшительно забывъ въ эту минуту, за что это въ самомъ дѣлѣ Неволинъ благодарилъ Наташу.

— Да ты не вилай!.... Да, благодарилъ, жаль ей руку, а она такъ мило шурилась.... Ха, ха, ха! и Юлія Игнатьевна злобно разсмѣялась.

— Ахъ, Боже мой!... Да онъ благодарилъ ее за первую кадрилъ.

— Такъ, она съ нимъ танцуетъ первую кадрилъ?

— Да, съ нимъ.

— Съ нимъ!... Вотъ это мило.... Тридцатилѣтній болванъ, съ дѣвченкой.... въ плясъ!... Наташа, Наташа! задыхаясь крикнула она. Но Наташа, за общимъ оживленнымъ говоромъ въ гостиной, не слышала этого зова.

— Душенька.... Да какая вы стали красотка!... Двѣ капли воды покойная ваша маменька.... Въдъ я ее знала, какъ-же, очень хорошо знала.... Красавица была. Генералъ-губернаторъ за нею ухаживалъ.... Да еще какъ! вкрадчиво говорила ей, между тѣмъ, Мясоѣдова, средняго роста, полная, сѣдоватая женщина, сосредоточивъ на ней свои маленькіе, желтоватаго отлива, сѣрые, какъ-бы плавающіе въ маслѣ глазки. И какою нѣжностію звучалъ томный голосокъ м-ше Мясоѣдовой, какъ она улыбалась, какъ смотрѣла, будто задыхаясь въ приливѣ самыхъ сладостныхъ чувствъ къ Наташѣ.

Елена Александровна, брюнетка 18-ти лѣтъ, маленькая и стройная, съ острыми чертами лица, насмѣшливо сдвинувъ брови, выразительно посмотрѣла на нее. Варвара Львовна прищурилась, и, еще разъ пожавъ руку Наташи, обратилась къ Александрѣ Игнатьевнѣ.

— Матушка, голубушка.... Васъ-то не видѣла сколько лѣтъ, сколько зимъ.... Ну, что, Вася, красавчикъ?

— Да онъ здѣсь, Варвара Львовна. Вася!

Вася, всыхнувъ, медленно выступилъ изъ-за Неволіна.

— У.... У.... Какой хорошій! Вѣрите-ль, Александра Игнатьевна, молюсь, и вставая и отходя ко сну молюсь. Вотъ за Андрей Петровича не молюсь.... Баюсъ. А объ васъ-то обоихъ, какъ припомню, что вы такая слабая.... И Варвара Львовна опять умилилась.

— Благодарю васъ, Варвара Львовна, вы всегда такая внимательная, избѣгая ея взгляда, тихо отозвалась Бояринова.

— А съ вами-то, душенька, давно мы въ карточки не играли.... Совсѣмъ забыли вы меня, говорила Мясоѣдова, обращаясь къ Натальѣ Игнатьевнѣ. Ну, что Жужу? Здорова?

— Наташа! потерявъ терпѣніе, громко крикнула Юлія Игнатьевна.

— Кто это кричить? обезпокоилась ш-ше Мясоѣдова.

— Жена, коротко отвѣтилъ Неволинъ.

— Ахъ, Юлія Игнатьевна. Ну, вотъ очень рада, что свидѣлся. Я ее люблю.... Такая добрая, чистосердечная ваша жена.... Такихъ теперь мало, наставительнымъ тономъ проговорила она.

— Иду, отозвалась Наташа, ничего не подозрѣвая и даже съ удовольствіемъ уходя отъ нѣжностей приторной Варвары Львовны. Вася быстро прошелъ за нею.

— Что ты оглохла! Ты не будешь танцевать съ мужемъ.... Не будешь.... Слышишь-ли, не будешь! задыхаясь, осадила ее Юлія Игнатьевна уже въ спальнѣ Марьи Кондратьевны.

— Это почему? мгновенно блѣднѣя, спокойно спросила Наташа.

— А вотъ, не будешь и все тутъ!

— Нѣтъ, милая тетя, вы ошибаетесь. Я буду танцевать съ нимъ первую-же кадрили, твердо отдѣляя слово отъ слова, проговорила она и, медленно приподнявъ голову, бѣглымъ взглядомъ смѣрила съ головы до ногъ въ конецъ взбѣшенную Юлію Игнатьевну.

Вася инстинктивно стиснулъ холодѣющую руку Наташи.

«Только посмѣй!» какъ-бы говорилъ теперь очнувшійся Николай, лихорадочно слѣдя за каждымъ словомъ тетки.

— Не будешь!... Говорю тебѣ, мерзкая дѣвчонка, дрожа отъ злости, взвизгнула Юлія Игнатьевна.

— Какъ вы смѣете обижать Наташу! дрогнувшимъ голосомъ, блѣдный, какъ смерть, заступился Вася.

— Молчать! Щенокъ! крикнула Юлія Игнатьевна, стараясь словить его за ухо.

Наташа дрогнула, перехватила, стиснула, отбросила руку. Это было дѣломъ мига. Теперь, она была блѣдна, какъ смерть. Глаза горѣли, будто въ нихъ сосредоточилась вся энергія ея, весь гнѣвъ. Тонкія губы дрожали, нервно передергивались, и, наконецъ, сложились, въ презрительную усмѣшку.

— Миѣ жаль васъ! отчетливо проговорила она.

— Молчать! вскрикнула, точно ужаленная, Неволина.

— Молчать, да не ей! вспыхнувъ, перебилъ Загорскій.

— Ахъ, оставь ее, Николай!... Ты видишь она больна, и, снова усмѣхнувшись, она спокойнымъ, твердымъ шагомъ вышла изъ спальни:

Пріѣхало еще нѣсколько московскихъ подругъ Наташи, нѣсколько мальчиковъ гимназистовъ. Началась первая кадрилъ. Пары двинулись, смѣшались.

— Виновать! извинился Неволинъ, наступивъ на шлейфъ Марфы Александровны и тутъ-же столкнулся съ Николаемъ.

— Какъ вы ловки! смѣясь, сказала Загорская.

— Вѣдь я рѣдко танцую, Наталья Алексѣевна, слабо защитился онъ.

— То есть, я думаю первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ женились. Ваша жена сейчасъ сдѣлала мнѣ сцену за то, что я согласилась танцевать съ вами.

— Какъ?... Вамъ?

— Ну, да мнѣ!

— За то, что вы?...

— За то, что я.... Вамъ начинать вторую, Николай Ермолаевичъ.

— Что я согласилась съ вами танцевать, возвратившись, досказала Наташа.

— Извините меня, Наталья Алексѣевна, перебирая на бархатномъ жилетѣ кольцами цѣнной, золотой цѣпочки, чуть слышно проговорилъ Неволинъ.

— Какая красивая цѣпочка.... Это вамъ она подарила? перебила Наташа.

— Да, она, не поднимая глазъ, удостовѣрилъ Неволинъ.

— А кольцо тоже?

— Тоже.

— Вотъ видите.... Вы должны ее любить.

Неволинъ вспыхнулъ; Наташа начала третью.

— За кольцо и за цѣпочку? спросилъ онъ, окончивъ фигуру.

— Ну да, за кольцо, за цѣпочку, за красивый эмишажъ.... Вѣдь это все любовь!

— Да развѣ въ этомъ любовь, Наталья Алексѣевна?

— А еще-бы.... Балуетъ, значитъ любить.... Вотъ тетя Наташа любитъ Жужу.... Нѣжить, ласкаетъ, каждое воскресенье новый шейникъ дарить.... И Жужу ее любитъ.

У Неволина помутилось въ глазахъ.

— Намъ начинать четвертую, протянувъ ему руку, бѣгло проговорила она.

— Что это у васъ такая холодная рука, Николай Ермолаевичъ?

Неволинъ смолчалъ.

— Вы сердитесь? окончивъ четвертую, спросила она.

— Нѣтъ, чему же-съ!

— Ахъ! вскрикнула Наташа.

— Что съ вами?

— Какъ она зло смотритъ на васъ и на меня.

— Да гдѣ, гдѣ? тревожно озираясь, спрашивалъ онъ.

— Вотъ видите, какъ вы ее боитесь.... Я пошутила, а вы ужъ поблѣднѣли. И она звонко размѣялась.

— Вы смѣетесь надо мною, Наталья Алексѣевна?!.. опутивъ голову, глухо проговорилъ Неволинъ.

— Намъ начинать пятую.

— Вы съ вашимъ кавалеромъ все больше въ молчанку играете? въ пятой обратилась она къ Марфѣ Александровнѣ.

— Да и нѣтъ!... Онъ мною неособенно озабоченъ.

Загорскій покраснѣлъ.

— Фи, Nicolas, какая ты мямля, смѣясь упрекнула Наташа, упрекнула и, какъ-бы желая смягчить свои слова, слегка пожала ему руку.

Николай растерялся совершенно.... Онъ даже не отвѣтилъ тѣмъ-же движеніемъ.

— А я-то глупая, слегка сблизивъ брови и смотря въ полъ, уже говорила она Неволину, я-то глупая вообразила, что вы и тетя любите другъ друга.... Такъ мило ссоритесь, такъ мило миритесь.... Вѣдь и тетя Наташа иногда сердится на Жужу, а потомъ такъ ее ласкаетъ.... Право!

— Грѣшно смѣяться надъ несчастіемъ человѣка, Наталья Алексѣевна! надорваннымъ голосомъ отозвался Неволинъ.

— Надъ несчастіемъ? и она изумленно посмотрѣла на него.
— Вѣдь вы же ее любите?

— Какъ собака палку.

— Вы собака, а она палка.... Bravo! и снова смѣхъ.

— Пусть я собака, но съ человѣчьимъ сердцемъ, а она такъ человѣкъ съ собачьимъ сердцемъ.

Наташа внимательно посмотрѣла на Неволлина; Неволлинъ уклонился отъ ея взгляда. Лицо его было блѣдно, нижняя челюсть нервно вдрагивала.

Началась шестая фигура.

— Такъ поднимитесь надъ собакой и опять станьте человѣкомъ, тихо, внятно проговорила она, налагая лѣвую руку на плечо Неволлина и пожимая его лѣвую своею правою.... И такъ страненъ былъ голосъ, такъ рѣзко противорѣчилъ всему предшествующему, такъ сладостно было это мимолетное, совсѣмъ неожиданное пожатіе, это вниманіе и даже ласка среди ряда насмѣшекъ и уколовъ.

Кадриль кончилась.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ, крѣпко сжимая ея руку.

— За кадриль или за все?

— За все.

— Николай Ермолаевичъ, васъ тетя зоветъ. Она въ спальнѣ у бабушки, подбѣгая, сообщила Катя.

— Чтѣбъ она провалилась! сорвалось съ языка Неволлина.

— Ахъ, нѣтъ!.. Идите, идите, вы должны! подстрекнула Наташа. Неволлинъ поморщился и быстро вышелъ. Наташа презрительно усмѣхнулась ему вслѣдъ.

Глава ХІІІ.

Вѣра Павловна, танцующая съ Мясоѣдовымъ, все тревожище и тревожище слѣдила за Наташею и ничто, ни ея глухое «ахъ», ни нервный смѣхъ вслѣдъ затѣмъ, ни испугъ Неволлина и его смущеніе, ничто не ускользнуло отъ ея зоркаго взгляда и чуткаго уха. — Наташа очевидно была взволнована, даже раздражена. — Но, чѣмъ-же?... Вѣдь не имъ-же!.. Давно-ли еще смѣялась надъ нимъ, давно-ли, обзывая хомякомъ, считала его заслуживающимъ скорѣе насмѣшекъ, чѣмъ сочувствія, или даже какого-нибудь вниманія. — Юліи Игнатьевны не было ни въ залѣ, ни въ гостинныхъ. — Тоже странно. — Ужъ не оскорбила-ли она чѣмъ-нибудь Наташу, по своему обыкновенію, и не мститъ ли Наташа?... мелькнуло ей. — «И, фи!.. Что за мерзость!.. Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть?... Не можетъ быть, чтобы она была способна къ столь низкому движенію!.. Да еще такими путями!.. Нѣтъ!.. Это ни больше, ни меньше, какъ новая прмчуда, но-

вая шалость!»!—«Но ея волненіе», мелькнуло снова, и она опять тревожилась, опять, и еще съ большимъ напряженіемъ; слѣдила за нею.—Кадриль кончилась! Вѣра Павловна выдохнула, осмотрѣлась.—Неволина уже не было. Наташа о чемъ-то горячо разговаривала съ Загорскимъ. Елена Александровна Мясоѣдова оживленно спорила съ гимназистомъ Правдинымъ, —высокимъ, красивымъ брюнетомъ.

— Все, что разумно—сосредоточено, говорилъ онъ,

— Vous trouvez? насмѣшливо передернувъ губами, проговорила Мясоѣдова.

— А, oui, oui!... Все, что разумно — сосредоточено... Все въ природѣ имѣетъ свой центръ... центръ тяготѣнія... атомъ, свой первородный атомъ, вмѣшался Мясоѣдовъ, поднимая носъ въ воздухъ и крѣпко посаживая на него pinse-pez.

Вѣра Павловна разсмѣялась.

— Что.... Что такое?.. Первородный атомъ? присоединясь къ кружку, оживленно вступила Наташа

— Да... Первородный атомъ-съ... Это... какъ вамъ сказать-съ... Это... Богъ! Вытягивая изъ подъ накрахмаленныхъ воротничковъ, свою длинную, какъ у цапли, худощавую шею, разъяснилъ Мясоѣдовъ.

— Богъ—первородный атомъ?! пожимая плечами, еще болѣе изумилась Наташа.—Eh! allons manger des bonbons!

Общій смѣхъ покрылъ ея голосъ. Всѣ пошли за нею.

— Вѣра Павловна, идите скорѣе къ тетѣ Юль... Ей дурно... ужасно дурно, вбѣжавъ въ гостинную, торопливымъ шопотомъ сообщила Надя.

Вѣра Павловна, мелькомъ глянувъ на Наташу, быстро вышла. «Кривляется», мелькнуло Наташѣ, и въ тотъ же мигъ очеркилась предъ нею неуглаемая фигура разодѣтой Юли Игнатьевны, съ ея носомъ въ воздухъ, съ блѣднымъ, свислымъ подбородкомъ, съ томной улыбкой угнетенной немощности на ласнящемся отъ злорадствъ лицѣ. «Ахъ, какъ это смѣшно... Ихъ горе... Поссорятся, шаркаются, повернутся другъ къ другу спиной и... опять поцѣлуются, какъ самые примитивные inséparables».

«Фи! Какая тряпка этотъ Неволинъ!.. И какъ это все противно», подумала Наташа.

— Что это вы, Наталья Алексѣевна, точно клопа проглотили? смѣясь обратилась къ ней Елена Александровна. Наташа повела

плечами и ея губы сложились въ такую гримаску, какъ будто, и въ самомъ дѣлѣ, она раздавила клопа зубами.

— Иные люди мнѣ противныѣ клоповъ.

— Какіе-жъ это? съ легкой краскою на лицѣ, перебила Елена Александровна.

— Пресмыкающіеся!

— Именно, именно пресмыкающіеся, согласился Мясоѣдовъ.

Николай и Вася прислушались.

— Пресмыкающіеся, вмѣшалась Мясоѣдова—мать. Je ne comprends pas. Животныя бываютъ пресмыкающіяся, а человѣкъ jamais de ma vie! Человѣкъ всегда—человѣкъ.

— А что такое пресмыкающійся человѣкъ? заинтересовалась Марфа Александровна.

— Пресмыкающагося человѣка скорѣе чувствуешь, чѣмъ знаешь, пояснила Наташа.

— Алексѣй Александровичъ, что-же вы конфекты?

— Благодарю васъ... Я сладкаго ни въ чемъ не люблю... Нашъ вѣкъ... Это—вѣкъ-съ горькой чаши борьбы и труда за общее и на общее... А я-съ... Я, сынъ времени!...

— У... у.... у... протянула Наташа.... И звонко, весело разсмѣялась.

— Что-жъ вы нашли смѣшнаго въ словахъ брата, Наталья Алексѣевна? горячо вступилась Елена Александровна.

— Мнѣ представилось, что въ большую гору, маленькая, со-всѣмъ маленькая лошадка силится втянуть шестнадцати-мѣстную бабушкину карету.

— Вотъ оригинальный выводъ.

— И нисколько не оригинальный, а самый вѣрный, опять вмѣшалась старуха Мясоѣдова. Я вамъ очень благодарна, очень благодарна за мѣткое сравненіе. Вы не можете себѣ представить, какъ онъ бѣситъ меня этими ахинеями... Семь чертей, то-бишь, семь червей, душенька, обратилась она къ Александрѣ Игнатьевнѣ.

— Вамъ-бы съ ними, Наталья Алексѣевна, четвертой засѣсть въ вистъ по грошу, кольнула Наташу, выведенная изъ терпѣнія Елена Александровна.

— Извините-съ... Я право не зналъ, что вы такая отсталая. Красный, какъ ракъ, въ свою очередь окрылся на Наташу Мясоѣдовъ.

Вася напряженно улавливалъ каждое слово, каждый оттѣнокъ на лицѣ Наташи. Теперь она вспыхнула, минутно смѣялась... Онъ чувствовалъ, что Елена Александровна и Мясоѣдовъ оскорбили ее и ему такъ хотѣлось отвѣтить имъ тѣмъ-же, заставить покраснѣть, какъ покраснѣла Наташа. «Сынъ времени!.. Лошадь бабушкиной кареты... Вы-бы сѣли съ ними въ вистъ... Отсталая» путалось въ его головѣ. «Фи, какой я глупый!» порѣшилъ онъ, досадливо хруснувъ палець о палець.

Лицо Наташи вдругъ оживилось насмѣшливою улыбкою.

— М-г Мясоѣдовъ!

— Что-съ? и онъ дерзко осмотрѣлъ ее черезъ ринсе-пез съ ногъ до головы.

— Вотъ видите, какой вы странный, опустивъ рѣсницы, надувъ губки, медленно проговорила она.

Мясоѣдовъ очень любилъ, когда его признавали страннымъ....

— Чѣмъ странный? уже безъ оттѣнка раздраженія въ голосѣ, скорѣе смѣясь, чѣмъ досадуя, спросилъ онъ.

— Мнѣ такъ живо вспомнилось, такъ захотѣлось.... подъ вліяніемъ вашихъ словъ.

— Что, что захотѣлось?

— Въ день семнадцатилѣтія, въ день... взрослости, мучила Наташа.

— Да что же такое, что вамъ угодно? уже горячился заинтригованный Мясоѣдовъ.

Наташья Игнатьевна, Бояринова и Мясоѣдова оставили карты. Марья Кондратьевна сдвинула очки на самый кончикъ носа. Вася замеръ; Николай совсѣмъ близко подошелъ къ Наташѣ; даже серьезная Елена Александровна заинтересовалась тѣмъ, чего такъ сильно хотѣлось Наташѣ.

— Мнѣ захотѣлось.... и она еще ниже опустила голову, какъ будто ей совѣстно было того, чего она хотѣла, какъ будто стыдилась обнаружить всѣмъ волновавшее ее въ тѣ минуты черезъ-чуръ шаловливое желаніе. Она была прелестна!.. И стыдъ, и страхъ, и капризная, несдержанная воля.

— Да, ну-же Наташа! не выдержала Наташья Игнатьевна.

Теперь Мясоѣдовъ, не менѣе Васи, любовался ею.

— Мнѣ захотѣлось.... поднимая головку, проговорила она, и ее искрящійся взглядъ остановился на Мясоѣдовѣ. Въ день совершеннолѣтія младенчеству пустить послѣдній мыльный шаръ!

Общій дружный смѣхъ покрылъ ее голосъ.

Мясоедовъ побагровѣлъ. Елена Александровна пребольно, больно закусила нижнюю губу. Вася торжествовалъ. Теперь онъ чувствовалъ и въ общемъ дружномъ смѣхѣ, и въ краскѣ на лицѣ Наташи, и въ смущеніи Мясоедова ея побѣду, чувствовалъ и радовался за нее отъ всего сердца.

— О... вы... знаете... меня... Я не позволю шутить... издѣваться, донесся изъ спальни въ гостинную хриплый голосъ Юліи Игнатьевны.

Наташа тревожно вслушивалась. Вася торопливо подошелъ къ дверямъ второй гостиной.

— Изваргъ, негодница, донесся опять тотъ-же голосъ.

Наташа поблѣднѣла.

— Поди, Бога ради!.. закрой двери, уйми, все глубже и глубже волнуясь, прошептала она почти на самое ухо Васи, и онъ въ тотъ же мигъ вышелъ изъ гостиной.

— И я изобличу васъ въ вашихъ мерзостяхъ! задыхаясь отъ слезъ, говорила въ спальнѣ Марья Кондратьевны Юлія Игнатьевна.

— Да чортъ съ тобой и съ твоими свидѣтелями... И ты-то сама и все твое, что на мнѣ, давить меня камнемъ. Понимаешь! Душить, дышать мнѣ не даетъ, слышался теперь надорванный голосъ Неволіна. Вася торопливо вошелъ въ спальню.

— Ты можешь оставить меня, но ты не можешь лишить меня права жить, такъ какъ я хочу, а не такъ, какъ тебѣ это благоугодно... Брошу все, все брошу и уйду, хотя съ сумой, но безъ тебя, безъ тебя!.. Понимаешь-ли ты, сколько въ этомъ для меня счастья.

Юлія Игнатьевна глухо рыдала.

— Вотъ, вотъ, Николай... Вѣдь ты видѣлъ, вѣдь ты видѣлъ? схватывая за руку Загорскаго и, обливаясь слезами, спрашивала она.

— Что видѣлъ, тетя?

— Вѣдь ты видѣлъ, что онъ танцевалъ съ Наташей?

— Видѣлъ! все еще ничего не понимая, удостовѣрилъ Николай.

— А ты видѣлъ, какъ онъ жалъ ей руку?

— Нѣтъ не видалъ.

— Лжешь, негодий, лжешь! Я знаю, что ты видѣлъ.

Юлія Игнатьевна была въ себя. Какъ бѣшеные, въ своихъ широкихъ обритахъ, металась ея разночинцы. И жалко, и страшно было на нее смотрѣть.

— Этого нельзя видѣть, Юлія Игнатьевна, это можно только чувствовать, мягко защитила Вѣра Павловна.

— Ужъ довольно, довольно... Вы-бы молчали. Вы извергъ!.. Вы развратили Наташу, вы сдѣлали ее способною къ такимъ мерзостямъ!.. Есть-ли крестъ на васъ? Наставить дѣвчонку отнимать мужа у жены!

Вѣра Павловна выпрямилась, поблѣдѣла.

— Да ты совсѣмъ спятила! крикнулъ Неволинъ, вотъ пиши еще, я уйду и никогда не найдешь меня!

Юлія Игнатьевна сдѣлала движеніе рукой... Такъ и замерло слово на полуоткрытыхъ губахъ. Нервный спазмъ сдавилъ, стиснулъ ей горло.

— Ахъ, Боже мой! отчаянно вскрикнула Вѣра Павловна.

— Да помогите-же, помогите!

Николай растерялся совершенно. Неволинъ, спокойно скрестивъ руки на груди, смотрѣлъ теперь на страданія Юліи Игнатьевны, какъ смотритъ лишь опытный цѣнитель на игру плохой драматической актрисы...

— Это низко... Это недостойно человѣка, Николай Ермаловичъ! вѣ себя крикнула на него Вѣра Павловна, растирая обѣими руками конвульсивно подергивающуюся шею Юліи Игнатьевны. Неволинъ и не дрогнулъ.

— Николай, Вася, догадайтесь хотя вы вонпрыснуть ее водою.

Николай метнулся... Тяжело приподнялась грудь Юліи Игнатьевны. Она вдохнула. Не такъ уже сильно бился переполнившіяся кровью жилы въ вискахъ... Прошло еще нѣсколько минутъ невыносимаго, тяжкаго затишья.

— Что, легче вамъ?

— Легче, слабо отвѣтила Неволнца.

— Нѣтъ, я хочу, онъ долженъ сознаться, что измѣнилъ мнѣ, обманулъ меня... Николай!

— Да успокойтесь-же, Юлія Игнатьевна!

Неволина, молча, отвела отъ себя руки Вѣры Павловны. Опять тѣмъ-же раздраженемъ, тою-же злобою загорѣлись ея зелено-вато-сѣрые глаза...

— Николай!

— Что, тетя?

— Вѣдь ты видѣлъ?

— Да что, тетя?

— Вѣдь рука Наташи была въ его рукъ?

— Была.

— И онъ ее жалъ, онъ жалъ руку этой мерзкой дѣвочки. Вся кровь опять прилила къ сердцу Вѣры Павловны.

— Я снесла отъ васъ, Юлія Игнатьевна, сильную обиду, но я не позволю вамъ даже взглядомъ безнаказанно обидѣть Наташу, дрогнувшимъ голосомъ вступилась она.

— Наташу... вы, вы... извергъ, убійца!... Нѣтъ, шалишь! Живу, Николай Ермолаевичъ и буду жить вамъ на зло, на зло буду жить!

Юлія Игнатьевна даже не замѣтила, что его уже не было больше въ комнатѣ.

— Николай Ермолаевичъ ушелъ, тетя!

— Ушелъ! и такъ съ растегнутымъ лифомъ, опять, не помня себя, кинулась она изъ спальни матери. Вѣра Павловна и Загорскій едва успѣвали за нею.—Опершись ладонью о бѣлый съ синими разводами изразецъ лежанки, остался Вася въ спальнѣ бабушки.

Никогда еще не былъ онъ очевидцемъ подобныхъ настоящимъ происшествій, никогда не думалъ и даже не могъ вообразить, чтобы страсть въ такой степени могла быть сильна надъ человекомъ... Что-то порывистое, дикое, на столько-же грозное, на сколько отвратительное сказалось ему въ ней... Но онъ былъ далеко отъ какой-бы-то ни было оцѣнки совершившихся фактовъ, отъ самой мысли объ ихъ причинахъ и значеніи.

Эти факты и вся картина, сопровождавшая ихъ, назойливо представлялись ему во всей ихъ яркости. Высокая кровать съ цѣлою горою подушекъ подъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, покрываломъ; письменный, зеленымъ сукномъ крытый, столъ съ массивною, подъ абажуромъ, лампою надъ нимъ, образница съ мелькающимъ передъ нею огонькомъ лампы; стулья, кресла и даже самъ понойникъ дѣдушка Игнатій Павловичъ въ его тяжелой позолоченной рамѣ съ румянцемъ на лицѣ, съ пронизательнымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей его черныхъ, какъ бы живыхъ глазъ, все жило, все двигалось, все мѣшалось и кружилось.—Ахъ, Боже мой, Боже, да помогите-жъ, помогите! и опять передъ нимъ блѣдная Вѣра Павловна и, какъ-бы въ рельефъ ей, на запрокинутой ея рукѣ съ лицомъ въ багровыхъ пятнахъ, голова задыхающейся Юліи Игнатьевны. Неподвижны надъ нимъ ея потускнѣвшіе глаза; страшень видъ кровью задитыхъ зрачковъ, бѣлыхъ, отвислыхъ, то конвульсивно сжимающихся, то вновь разбѣгающихся складокъ пол-

ной атласистой шеи... А подлѣ... Подлѣ нея здоровое, румяное, улыбающееся лицо Неволлина. Будто смѣется надъ нею, будто радуется ея страданіямъ. Это низко, недостойно человѣка!... Слышится ему опять голосъ Вѣры Павловны. — Наташа и Неволлинъ... Наташа всему причиной, во всемъ виной она, одна она, Наташа!.. мелькнуло ему, и при этой мысли холодный потъ выступилъ на его лбу.

Легкіе шаги и чуть-чуть слышный шелестъ заставили Васю вздрогнуть и осмотрѣться. На площадкѣ, у лѣстницы мелькнуло свѣтло-сѣрое платье Вѣры Павловны.

— Вѣра Павловна, шопотомъ обликнулъ онъ, выходя изъ комнаты и останавливаясь у первой ступеньки.

— Кто тамъ?

— Позвольте на минутку, къ вамъ, Вѣра Павловна.

— Ахъ, это вы, Вася! Идите, и она легкими, едва слышными шагами, торопливо поднялась на верхнюю площадку.

По лѣстницѣ, изъ пріотворенной двери будуара, струился слабый, розовый полусвѣтъ.

Легкая кисея на розовомъ чехлѣ, вокругъ туалетнаго зеркала и подъ нимъ вокругъ маленькаго столика; двѣ свѣчи въ бронзированныхъ подсвѣчникахъ; шесть креселъ мягкихъ, розоваго ситца; небольшой чернаго дерева шкафчикъ, отъ верха до низу наполненный книгами; маленький столикъ съ альбомомъ у изголовья мягкой кушетки, вотъ и вся обстановка веселаго и привѣтливаго уголка Наташи. Въ него-то и скрылась теперь Вѣра Павловна отъ только что испытанныхъ и столь тяжелыхъ впечатлѣній.

Войдя въ будуаръ, она вздохнула, слегка коснулась пылавшаго лба, какъ ледъ, холодною рукою и, медленно опустившись на козетку, поникла, задумалась. Болѣзненно-нервно сжались губы; лицо приняло строгое, даже суровое выраженіе; между бровей обозначились характерныя складки тяжкаго, тревожнаго раздумья. Вася зорко слѣдилъ за нею участливымъ взглядомъ, и съ каждымъ новымъ мигомъ все тяжелѣе становилось ему подъ гнетомъ ея тоскливаго настроенія.

Ужъ сколько разъ выводила она его изъ такого состоянія; сколько разъ смягчала его горе своимъ энергическимъ протестомъ; сколько разъ облегчала ему сердце отъ скорби по Наташѣ, и онъ уже давно любилъ въ ней человѣка; давно уважалъ въ ней друга, давно, безъ словъ, сталъ понимать ее; но что-же могъ теперь, въ эти минуты, сказать ей утѣшительна-

го, чѣмъ могъ-бы оправдать Наташу, когда самъ такъ глубоко, такъ живо угнетается сознаниемъ дурныхъ сторокъ ея поступка.

— Ахъ, Боже мой, Боже!... Ну и могло-ли мнѣ прійти въ голову, что Наташа, увлекающаяся, правдивая до смѣшнаго, дѣвочка, какою развивалась она на моихъ глазахъ, когда-нибудь станетъ способною на подобную гадость, на месть, и кому-же; какииъ путемъ?!.. Родной теткѣ, черезъ дядю! А? мелькомъ, глянувъ на него, дикородно-быгло высказалась она.

— Полноте, перестаньте, Вѣра Павловна, перестаньте, милая!.. Вѣдь сердце болитъ смотрѣть на васъ... Ну и развѣ возможно себя мучить изъ-за этой сумасшедшей Юли Игнатьевны?!.. Развѣ она сознаетъ, что говорить, что дѣлаетъ?!... И при томъ, кто-жъ вызвалъ Наташу на этотъ поступокъ, кто началъ, какъ не она сама?

— Пусть!... Но развѣ подлость одного даетъ право на нее другому?!.. Да, если-бъ такъ всѣ стали разсуждать, то на землѣ не осталось бы ни одного честнаго человека, горячо перебила она.

— Да развѣ это обдуманно, Вѣра Павловна? Она вспылала и сдѣлала, а потомъ сама же первая и раскается. Развѣ не также поступаетъ она съ вами, со мною?!.. Развѣ не мучить меня, не огорчаетъ чуть-ли не изо-дня въ день, а когда же желала или можетъ пожелать мнѣ зла?! и его голосъ дрогнулъ, онъ вздохнулъ, поникъ...

Снизу донеслись громкіе, веселые звуки сигнала второй кадрили.

— А помните, Вася, ваше слово?—«любить въ ней кузину, и навсегда, навсегда забыть Наташу» и она участливо заглянула ему въ глаза.—Онъ не отвѣтилъ, онъ еще глубже поникъ... На рѣсницахъ набѣжали слезы....

— Вася, Вѣра Павловна, идите танцевать! у лѣстницы, громко позвала Наташа.

— Полноте, перестаньте ребячиться, Вася!.. Вѣдь это только еще больше раздражаетъ ее. Будьте-жъ взрослымъ, наконецъ! Она никогда не оцѣнитъ въ васъ ни слезъ, ни мольбы, и чѣмъ меньше будете показывать чувство, тѣмъ выше поставитъ она васъ. Ну перестаньте-же, идите, не оскорбляйте меня! и ладонью закрывъ ему глаза, она отерла набѣжавшія на нихъ крупныя, горячія слезы.—Онъ тихо сжалъ ей руку, улыбнулся и, не вымолвивъ ни слова, торопливо вышелъ изъ будуара.

Глава ХІУ.

Вася эту кадрили танцевалъ съ Наташею, и ему такъ безотчетно, такъ горячо, такъ о многомъ желалось высказаться ей: ему еще чужда была мысль о томъ, — можетъ-ли, будетъ-ли баронъ играть какую либо роль въ ея жизни, но въ то же время онъ чувствовалъ, что этотъ противный Толька, не смотря на свои крайне рѣдкіе пріѣзды въ Москву, не смотря на свое видимое равнодушіе къ ней, пользовался несравненно большимъ ея расположеніемъ, и это его угнетало, бѣсило его.

Развѣ она не всегда была мечтою его дѣтскимъ грѣзъ, развѣ она, теперь, — не вся его жизнь, — не всѣ его радости и надежды, развѣ онъ не предпочелъ любовь и вниманіе своихъ кузинокъ ея прихотливой ласкѣ; но улыбнулась-ли она ему хоть разъ такъ, какъ все утро улыбалась Беренсдорфу, слушала-ли его когда-нибудь съ такимъ вниманіемъ, хотя разъ убѣждала-ли остаться?!.. Чѣмъ же, чѣмъ онъ выше его? — «Да тѣмъ, что меньше показываетъ ей чувства, чѣмъ вы», отчетливо отвѣтила Вѣра Павловна. — Да онъ это знаетъ, знаетъ и безъ нея, но гдѣ-жъ взять ему на столько силы воли, чтобы заставить умолкнуть въ себѣ это чувство, когда она — вся его жизнь. И онъ опять волновался, опять не могъ безъ раздраженія, безъ упрека, безъ печали смотрѣть на нее. — Пары выдвинулись, смѣшались.

— Вася, чего ты пугаешь?!.. Ты все еще, должно быть, съ Вѣрою Павловною ма верху, окончивъ первую фигуру, досадливо замѣтила она.

— Я думаю, что съ кѣмъ бы я ни былъ, я одинаково съ тобою, слегка вспыхнувъ, отозвался онъ горячо.

— Будто?!.. и ея глаза такъ насмѣшливо посмотрѣли на него, какъ бы сказали ему: «Ты опять съ твоими глупостями и какъ тебѣ не надѣсть.»

— Но, Наташа.

— Но, Вася, начинай вторую.

Да и конечно, что ей дыше въ эту минуту, — онъ, его страданія, или эта глухая вторая фигура? Фигура, конечно, фигура! Вотъ, если-бы она танцевала съ барономъ, то сама-бы первая забыла о ней, переходя на сторону Вѣры Павловны, съ болью въ сердцѣ подумалъ онъ.

— Чего ты опять точно муху проглотилъ, Вася?!

— Да и не одну!.. Глотаю цѣлый день.

— Вотъ, то-то, что у тебя все только на словахъ; и день, и ночь твердишь, что любишь, а самъ кислятничаешь, танцуя со мною, да еще въ день моего рожденія.

— Тѣмъ хуже для меня!.. Вотъ если-бъ... и онъ вспыхнулъ, смѣшался.

— Если-бъ я отвѣчала тебѣ?!.. И полно, что за шалости!.. Начинай третью, и ея глаза опять смѣялись надъ нимъ.

— Вася!

— Что? не поднимая глазъ, чуть слышно отозвался онъ.

— Если ты не перестанешь играть роль рыцаря печальнаго образа, то я никогда больше не стану съ тобою танцовать.

— Оно все-таки будетъ лучше, чѣмъ танцовать лишь для того, чтобъ надо мною смѣяться, мучить.

— Гадкій, слегка сжимая его руку въ четвертой, чуть слышно прошептала она, и такъ пріятно прожурчалъ, такую непонятно-сладостною щемью замеръ въ груди Васи ея полный тихаго упрека голосъ.

— Развѣ не знаешь, — кого люблю, того и бью, окончивъ четвертую, прошептала ему Наташа, почти на самое ухо, и въ тотъ же мигъ поникла, точно смутилась того, что сказала, что сорвалось.

— Милая... и такъ радостно, такъ трепетно забилось сердце, точно въ огнѣ горѣлъ онъ, рдѣлись самыя уши.

— А, Боже мой, если-бъ я только зналъ, если-бъ только подозрѣвалъ, развѣ былъ бы такимъ, развѣ бы этотъ день не былъ бы самымъ свѣтлымъ въ моей жизни!

Наташа не отвѣтила. Она только еще медленнѣе, еще крѣпче пожала ему руку, начиная пятую. Онъ тихо, радостно улыбнулся.

Въ передней раздался звонокъ. Наташа вопыхнула и, разсѣянно оставивъ его руку, не сводила теперь глазъ съ дверей. Въ залъ вошелъ баронъ. Ихъ глаза встрѣтились. У нея зардѣлись самыя уши.... Она потупилась, смѣшалась.... «Чего это?... Чего!...» мелькнуло Васѣ.... Онъ поблѣднѣлъ, выпрямился.... Не любить же она и меня, и этого противнаго Только въ то же время?! Онъ ненавидѣлъ въ эту минуту барона, онъ готовъ былъ рѣшиться на все, лишь-бы навсегда вырвать изъ ея сердца самое воспоминаніе о немъ.

Третью кадрили Вася танцевалъ съ Вѣрой Павловною vis-à-vis съ барономъ и Наташею.

— Смотрите, смотрите, Вѣра Павловна, какъ она измѣняется въ лицѣ.... То блѣднѣетъ, то краснѣетъ!... Нѣтъ, что ни говорите, она влюблена въ него! А, Боже мой, неужели она не видитъ, что онъ хвастунъ, враль, что онъ не стоитъ и ея мизинца, и совсѣмъ, совсѣмъ не любитъ ее?

— Бога ради, тише, Вася!... О такихъ вещахъ думаютъ, но никогда не говорятъ. Вамъ начинать третью.

— Нѣтъ!... Такъ не любить, Вѣра Павловна!... Я не могу его больше видѣть, не могу выносить. Посмотрите, какъ онъ ломается.

— Ну и что-же вамъ за дѣло?... Что вы ему: отецъ, братъ, свать?...

— Пусть, и я все-жъ таки....

— Пожалуйста, молчите.... Они сейчасъ начнутъ четвертую.

— Я стѣснялся, я ихъ оставлялъ. Но, теперь, какъ только кончится кадрили, я его срѣжу, я при немъ ей скажу, что онъ пустой фать.

— Да?... Если хотите разъ навсегда забыть, что я была дружна съ вами. Оставьте его безъ вниманія, и она сама же пожметъ вамъ руку, скажите хоть слово, и она только посмѣется надъ вами.

— Вѣдь очень весело?... Неправда-ли, да?! перво усмѣхнувшись, обратился онъ къ Наташѣ запальчиво въ пятую.

— Ужъ конечно веселѣй, чѣмъ съ тобой, и, улыбнувшись барону, она отдала ему руку.

— Что, получили? окончивъ пятую, мягко отнеслась къ нему Вѣра Павловна.—Ужъ вѣрьте, что я ее знаю лучше, чѣмъ вы.

— Да если я не могу, Вѣра Павловна!... Если это меня мучить, бѣснѣтъ.

— Докажите, что вы не ребенокъ, какъ она васъ признаетъ, сдержите себя.... А иначе она будетъ смотрѣть на васъ, какъ на совершеннаго мальчика и вполицъ вправѣ.

— Grand rond, chaîne à droite, громко крикнулъ Беренсдорфъ.

— Котораго клопа ты глотаешь, мой печальный рыцарь, и, весело, звонко разсмѣявшись, Наташа, отбросивъ его руку, перешла къ Загорскому.

Вася вздрогнулъ. Вся кровь прилила ему къ сердцу и тихимъ, гнѣвнымъ, раздраженнымъ чувствомъ закинула въ груди.

— Вѣра Павловна, голубчикъ, снажите мамашѣ, что я уѣхалъ, задыхаясь, блѣдный, какъ полотно, проговорилъ бы.

— Какъ!... Ни съ кѣмъ не простившись?... Я васъ не пу-
щу.... Что за глупости!... И при томъ это такъ ветревожить
Александрѣ Игнатьевну.

— Прошу-же васъ, Вѣра Павловна, и онъ дрожаль, точно
въ лихорадкѣ. Его поблѣднѣлыя губы судорожно подергивались.

— Боже мой, Боже! растеряннѣо шептала теперь она. — Да не
глупите-же такъ, не убивайтесь, Вася! и, заслонивъ его собою
отъ оживленно-разговаривавшей группы молодежи, она сама по-
могла ему открыть дверь въ переднюю.

— Памятенъ мнѣ этотъ самый уголокъ!... Сколько разъ въ
Петербургѣ, среди всѣхъ удовольствій, и на балѣ, и въ циркѣ, и
въ театрѣ, переносился я въ него, и опять, опять чувствовалъ себя
съ... тобою, едва слышно проговорилъ баронъ и, слегка вздох-
нувъ, тихо схватилъ ей руку, взглянулъ на нее. За опущенными
рѣсницами не видно было ея глазъ. Всего примѣтнѣе колебалось
на груди кружевное жабо, все ярче и ярче разгорался румянецъ
въ лицѣ. Вся—нѣга, вся—оумщеннѣ, и стрѣйная, и гибкая, точно
купалась она въ плавучихъ лучахъ розоваго полусвѣта будуара,
и все трепетнѣе билась нервная жилка ея горячей руки въ рукѣ
барона.

— А ты, ты помяншь.... Ты любишь? и онъ ее обнялъ,
привлекъ; онъ ужъ чувствовалъ на лицѣ ея горячее дыханіе.

— О, можно-ль, можно-ль!... Толя, Толя, слегка откинувъ
голову, точно въ бреду шептала она. Полуоткрытыя алънѣжныя,
нервные губы; волнуется грудь; какъ въ огнѣ, горитъ она вся...
и смущенная, и ридостная, и любящая, и робѣющая... Толя,
Толя, все шепчетъ и шепчетъ, и снова замираетъ сладостный,
трепетный голосъ.

Баронъ восторженно улынулся, нѣжно заглянулъ ей въ глаза,
прижалъ къ груди, поцѣловалъ горячимъ, долгимъ поцѣлуемъ.

— Баронъ, васъ зоветъ Марья Кондратьевна, громко крик-
нула у лѣстницы Вѣра Павловна.

Наташа оторвалась; отбросилась, какъ ужаленная. Она го-
рѣла, она съ трудомъ переводила духъ и, закрывъ лицо руками,
склонилась надъ столомъ. Баронъ вздохнулъ, еще разъ посмот-
рѣлъ на нее, тихо поцѣловалъ у нея руку и, поднявшись на
носки, не слышно вышелъ изъ будуара.

На стѣнныхъ часахъ въ залѣ пробило двѣнадцать. Уже разъѣзжались.

— Неужели вы не можете остаться до послѣ-завтра, баронъ? протягивая ему руку у дверей передней, въ полголоса говорила Наташа.

— Никакъ. Уже завтра истекаетъ срокъ отпуска.

— Ну такъ прѣзжайте обѣдать завтра! избѣгая его взгляда, еще тише проговорила она.

— Не могу! Я общалъ быть у князя Шелихова.

— А, Боже мой, стоить захотѣть. Увѣдомьте, что нездоровы, что не можете, вспыхнувъ, горячо перебила его Наташа.

— Простите, не могу, Наталья Алексѣевна. Вы сердитесь?

— О, ничуть, холодно отозвалась она, и такъ близко; такъ нервно сжались ея брови.

Баронъ поклонился и вышелъ.

Глава ХУ.

Между тѣмъ, Вѣра Павловна, жалуясь на головную боль, прошла къ себѣ на верхъ еще въ одиннадцать часовъ. Ее все тревожило въ этотъ день, все растреивало, ей хотѣлось уйти въ себя, хотя на нѣсколько часовъ укрыться отъ этихъ несносныхъ Мясоѣдовыхъ и имъ подобныхъ, и даже отъ самой Наташи, такъ сильно, такъ глубоко огорчившей ее въ теченіи цѣлыхъ десяти часовъ. Но не всегда ли, тѣмъ настойчивѣе гонимъ мы то, что насъ волнуетъ; тѣмъ упорнѣе преслѣдуетъ оно насъ?

Минута проходила за минутой, а она не прочла и строчки, не взглянула даже въ раскрытыя страницы, лежавшей у нея изголовья на письменномъ столѣ, книги. Все еще, то билось, то замирало взволнованное тяжелой сценою сердце, сценою, въ которой любовь такъ близко, такъ нераздѣльно сливалась съ ненавистью, что невозможно было опредѣлить, сознать, гдѣ кончается первая, гдѣ начинается послѣдняя... И все, какъ живые, передъ нею... И Юлія Игнатьевна, и Неволгинъ, и блѣдный Вася, и въ дали... стыдомъ охваченная Наташа!—«Убийца!... Извергъ!!» слышался ей опять надорванный голосъ Юліи Игнатьевны.—И кто же? Кто говорить это? Жена мужу!! Женщина должна потерять всякое понятіе о нравственности, если не уважаетъ человѣка, котораго называетъ своимъ, котораго, всѣмъ и каждому

говорить, что любить, любить, какъ собственную жизнь.... Убийца, извергъ! Страшныя, отвратительныя слова! И это все отъ любви! Любовь?—Да, вѣдь, любовь—это высшая степень уваженія.... Любовь, это—честное, высокое чувство; но только тогда, когда оно вполнѣ отрѣшено отъ разсчета, отъ мелкаго самолюбія, когда оно является невольнымъ, непреодолимымъ влеченіемъ человѣка къ человѣку,—могучимъ, какъ сама природа, разумнымъ, какъ ея законы.... На этомъ чувствѣ, на этомъ влеченіи основана и поддерживается имъ жизнь человѣчества, всего міра.... Но, подчиняясь грубымъ инстинктамъ и возбуждая ихъ къ дѣятельности развращеннымъ воображеніемъ, рѣшаясь надѣвать маску любви ради наживы, ради обезпеченія себя, посредствомъ брака, въ удовлетвореніи потребностей вкуса и комфорта, человѣкъ изгоняетъ изъ любви нравственный элементъ и прикрываетъ именемъ этого великаго чувства жалкую пародію на него.... тогда является нѣчто дикое, не человѣческое, не созидающее жизнь и счастье, но уничтожающее все, даже самый человѣческій образъ.... и въ воображеніи Вѣры Павловны очертилась малорослая, широкоплечая, оплывшая жиромъ фигура Юліи Игнатьевны!—«Вы развратили ее!... Вы научили отнять мужа у жены!» и дрожать отвислыя подъ подбородкомъ складки, конвульсивно подергиваются блѣдныя губы, дрожить вся, вся отъ пяты до корня волосъ. А подлѣ—самодовольная, улыбающаяся фигура виновника всѣхъ бѣдъ—Колоши. Онъ, какъ будто гордится этимъ, будто говорить:—нате, молъ, смотрите, смотрите, какъ меня любить. Fi, какая мерзость.... И неужели всякій, всякій изъ насъ можетъ пасть такъ низко, пасть до такого страшнаго извращенія, оскорбляющаго самую природу. И что человѣкъ послѣ всего этого?... Что такое онъ въ этомъ круговоротѣ преступленій и проступковъ, въ этомъ самопоруганіи?!... Долго ли еще будетъ онъ обособлять свое счастье отъ счастья близкихъ, даже вродно связанныхъ съ нимъ людей;—долго ли на ихъ страданьяхъ и жертвахъ будетъ пытаться строить собственное счастье?... «Fi!» содрогнувшись, прошептала она. Видно, что-то холодное, острое, какъ лезвіе стальное, пронизало ее, и быстрымъ поворотомъ головы откинувъ за плечи размѣтавшіяся по лицу пряди волосъ, она отстегнула, у ворота кофты, пуговицу.... Изъ-подъ батиста сорочки, нѣсколько ниже шеи, засквозилъ, зазолотился массивный медальонъ.... Приподняла его, заглянула:... Дрогнули, полуоткрылись алая, нѣжныя, полныя губы. Глаза расширились,

засверкали и въ тотъ же мигъ будто замерли надъ чѣмъ-то, въ немъ, въ этомъ раскрытомъ медальонѣ.... Вошла Наташа.... Вѣра Павловна быстро спрятала медальонъ и, положивъ руку на грудь, склонилась надъ книгой.

— Лиза! громко крикнула Наташа, дойдя до середины спальни. Она, видимо, была раздражена: брови ея были сближены;— въ движеніяхъ, въ самомъ голосѣ проявлялось что-то лихорадочное, нетерпѣливое.

— Лиза, Лиза!... Вѣра Павловна!—Да что-жъ это Лиза?

— Не знаю, не отрывая глазъ отъ книги, глухо отозвалась Вѣра Павловна. Наташа поморщилась, какъ будто что-то кислое связало ей ротъ.

— Лиза, Лиза, Лиза! кричала она теперь, пристукивая по полу каблучками своихъ голубыхъ атласныхъ полусапожекъ.

— Сейчасъ, барышня, сейчасъ, торопливо входя въ комнату, скороговоркой отозвалась Лиза.

— Ахъ, какъ это скучно! Что это, ты, Лиза, вздумала!... Раньше куръ на нашестъ. Кличешь, кличешь—не докличешься.... Разстегивай! и Наташа, рѣзкимъ движеніемъ головы, указала ей на пуговицы.

— Виновата, барышня, визъ ходила.

Шелковистыя пуговицы съ трудомъ проходили чрезъ узкія петли.

— Фу, тоска какая!... Вотъ глупое платье.... Не 20 же часовъ мнѣ только застегивать и разстегивать пуговицы.

— Да что-жъ вамъ еще-то дѣлать, барышня?

— Молчать! топнувъ ножкой, крикнула она.

Вѣра Павловна внимательно посмотрѣла на нее; Лиза даже вздрогнула; никогда еще барышня не сердилась такъ на нее.

Наташа потупилась. Лиза разстегнула платье, распустила корсетъ.

— Снимай-же! проговорила уже мягче Наташа и отвернулась.... Лиза сняла платье.

— Ступай.... Я сама расчешусь.

Лиза поцѣловала у нея ручку и, не вымолвивъ ни слова, тихо оставила спальню. Наташа вздохнула, провела рукою по глазамъ, посмотрѣла на Вѣру Павловну, опять вздохнула и, уѣвшия противъ зеркала, тихо стала разбирать шпильки въ волосахъ. Одна, другая, восьмая.... Разсыналась вышняя коса и, какъ потокомъ, охватила плечи, спину, талию своими легкими,

какъ воздухъ, дымчато-русскими волнами.... Опять засмотрѣлась на себя въ зеркало Наташа и улыбка заиграла на ея губахъ. Но вотъ опять, опять сошлись брови. Какъ не бывало улыбки.

— Вѣра Павловна!

— Что?

— Если.... если мужчина любить, вѣдь онъ никогда не откажетъ исполнить.... что его просятъ, а если отказывается, значить, не любить?

— Значить, и въ голосѣ Вѣры Павловны послышалась насмѣшка.

Наташа отвернулась. Ея лицо приняло въ тотъ же мигъ досадливо-негодующее выраженіе.

— Вы не хотите говорить со мной, Вѣра Павловна?

— Напротивъ! Даже хотѣла заговорить сама, только не о глупостяхъ, на которыя не стоитъ тратить словъ.

— А если это серьезно?! горячо перебила она.

— Что это серьезно?! Что вы барону дали рубль, а онъ вамъ грошъ, и Вѣра Павловна усмѣхнулась. Скорѣе смѣшно, чѣмъ серьезно!... И притомъ прекрасный урокъ. Впередъ не будете такъ бросаться и окружать такимъ вниманіемъ подобныхъ ему людей.... Пустой фразеръ, фатъ и больше ничего!

— Быть можетъ потому онъ и фатъ, и фразеръ, что не обращаетъ на васъ никакого вниманія, поблѣднѣвъ, отчетливо, медленно отвѣтила Наташа.

Вѣра Павловна, вся вспыхнувъ, смѣрила ее пристальнымъ, холоднымъ взглядомъ. Разговоръ порвался. Вѣра Павловна, казалось, со всѣмъ вниманіемъ углубилась въ книгу. Наташа тревожными шагами расхаживала вдоль спальни. Прошло минутъ десять. Ея движенія становились все умѣреннѣе, тише, и она все чаще и чаще взглядывала на точно забывшую объ ея существованіи Вѣру Павловну.

— Вѣра Павловна, ну, не сердитесь, милая! Вы знаете, какъ мнѣ всегда тяжело, когда вы дуетесь на меня.... Перестаньте-же, Вѣра Павловна! Ну, улыбнитесь-же, милая, — улыбнитесь, и, закрывъ книгу рукою, она заглянула ей въ глаза, не то умоляющимъ ее, не то негодующимъ на самое себя взглядомъ.

— Знаете, Наташа, бываютъ минуты, когда вы меня возмущаете!... Вотъ, какъ весь сегодняшний день, какъ сейчасъ!... Вѣдь вы уже не ребенокъ!... Вѣдь то, что было простительно

дѣвочкѣ, того никто не проститъ дѣвушкѣ. Ужъ не буду говорить ни о себѣ, ни о баронѣ, ни о Васѣ, но ваша продѣлка съ Невольнымъ!! Развѣ она не возмутительна, развѣ ея одной не достаточно, чтобъ каждый разумный и честный человѣкъ составилъ объ васъ самое невыгодное понятіе! И что же?! Вы даже забыли объ ней! и Вѣра Павловна увлекалась съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе. Она отодвинула книгу. Лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ. Напряженное вниманіе выражалось въ ея сосредоточенномъ взглядѣ.... Я три года боролась съ вами.... Я все надѣялась, что у васъ доброе сердце, и что рано или поздно оно поможетъ мнѣ одержать верхъ надъ вашей капризною, своенравною натурою. Но, увы!—Сегодня вы сказались. У васъ дурное сердце, Наташа. Съ дурнымъ только сердцемъ человѣкъ можетъ посягать на счастье другаго, съ дурнымъ только сердцемъ, можетъ онъ наслаждаться страданіемъ ближняго, какъ возмездіемъ за личную обиду.... Вы бы тогда только поняли меня, вы бы только тогда почувствовали, что чувствую я теперь, если бѣ были вмѣстѣ со мною, если бѣ ваше, не мое сердце, надрывалось отъ слезъ этой несчастной, безумной Юліи Игнатьевны.... Если бы видѣли, какъ задыхалась она отъ слезъ, отъ боли, боли сердца.... О, храни васъ Богъ, Наташа, испытать когда-нибудь это страданіе, страданіе отъ самой мысли, что у васъ отнимаютъ, пытаются отнять любимаго вами человѣка.... Нѣтъ, нѣтъ страданія ужаснѣе этого! и Вѣра Павловна судорожно положила руку на грудь.—Вотъ тутъ, тутъ сжимается, стонетъ.... Какъ будто на клочки разрывается сердце ваше, подъ вліяніемъ слова, взгляда, намека, подтверждающихъ ваше подозрѣніе, и, между тѣмъ, все способно возбуждать въ васъ это подозрѣніе, разъ вы усомнились въ любви того, безъ кого немислимо для васъ счастье, сама жизнь.... при этихъ словахъ голосъ Вѣры Павловны дрогнулъ, глаза сосредоточились, заискрились, какъ будто что-то отвратительное, что опять смѣялось надъ нею, опять надрывало ея истерзанное жизнію сердце, стояло тутъ, совсѣмъ возлѣ.— А подлѣ—чуть слышно, почти шопотомъ продолжала она: подлѣ, эта противная, точно крупчатая, фигура идиота-мужа.... Доволенъ, ухмыляется.... И съ нимъ рядомъ, рука объ руку, вы, вы, Наташа, вы—моя радость, вы—гордость лучшихъ надеждъ моихъ!.. «Вы развратили ее, вы наставили отнять мужа у жены»... Вся кровь застыла во мнѣ!... Я васъ развратила, я васъ наставила на такую низость. И не стыдно-ли вамъ, не видите-ль

теперь, какъ тѣсно жизнь моя связана съ вашей жизнью, какъ каждый вашъ проступокъ тяжело дѣйствуетъ на меня!

Вся красная, не смѣя взглянуть на Вѣру Павловну, стояла теперь передъ нею Наташа.... Кровь горѣла, сердце усиленно билось, нервно вздрагивали въ вискахъ рельефныя, синія жилки. Все туманилось, все кружилось.... Безсвязно бродили, путались, переплетались мысли, возбужденныя пылкими, бичующими словами. Въ Наташѣ преобладало въ этотъ моментъ одно только чувство, чувство состраданія, но не къ упрекамъ и слезамъ доведенной ею до отчаяннiя Юліи Игнатьевны, а только къ ней, Вѣрѣ Павловнѣ, глубоко страдающей отъ причиненнаго ей горя. Впервые въ жизни чужое горе, горе Вѣры Павловны, заставило содрогнуться, сжаться, занять ея сердце.... И не было, казалось, жертвы, на которую бы не рѣшилась она, лишь бы смягчить это жгучее горе Вѣры Павловны, согнать съ лица ея надвинувшуюся глубокую думу, освѣтить его доброю, привѣтливою, всегда ласковою къ ней улыбкою.

— Простите, простите мнѣ, Вѣра Павловна, прошептала она.

Вѣра Павловна медленно подняла голову и взглянула на Наташу. Румянцемъ смущенія рдѣлись ея щеки; грудь волновалась, отъ усиленнаго дыханія вздрагивали полуоткрытыя губы...

— Простите мнѣ! съ лихорадочнымъ жаромъ повторяла она.

— Не мнѣ.... Совѣсти вашей простить васъ, Наташа.... А я лишь радуюсь, и радуюсь отъ всего сердца, что съумѣла, смогла вызвать въ васъ раскаяніе....

— Такъ вы не сердитесь, Вѣра Павловна, въ васъ больше не рвется, не стонетъ сердце за меня, глупую? и она подняла на Вѣру Павловну полныя слезъ глаза.

Вѣра Павловна просвѣтѣла, улыбнулась тою доброю, ласковою улыбкою, которую такъ всегда любила и такъ искала Наташа.— И прощаю, и люблю, люблю, какъ прежде, какъ всегда, и горячо, и безпредѣльно, сказала ей безъ словъ эта отрадная улыбка.

И не было, казалось, точки на лицѣ и шем Вѣры Павловны, къ которой радостная Наташа не прильнула-бы своими пылающими губами...

— Ну, полноте, что за ребячество, Наташа,—и Вѣра Павловна осторожно отклонила ее.

Она улыбнулась Вѣрѣ Павловнѣ; провела платкомъ по глазамъ, по лицу, и опять улыбнулась.— Не такъ-ли въ весеннюю

пору улыбается намъ солнце сѣвось прозрачныя облака разсѣ-
явшихся тучъ, послѣ упорной грусть-тоску нагонявшей непого-
дицы.

— Вѣра Павловна!

— Что, моя радость?

— Отчего это, когда я только что пришла сюда, мнѣ было такъ тяжело... Что-то мучило, давило меня.. Я даже обидѣла бѣдную Лизу? Ахъ, если-бъ вы знали, какъ мнѣ досадно было тогда на себя... Когда я замѣтила, что она огорчилась, такъ у самой сжалось, заняло сердце, будто, что-то порвалось въ немъ... А теперь, мнѣ такъ легко, такъ весело, Вѣра Павловна.

— Васъ мучила совѣсть, Наташа. Сама природа говорить намъ чрезъ нее... Совѣсть! Это нѣчто безсмертное, всесильное въ человѣкѣ... Въ добрыхъ дѣлахъ, въ жертвахъ, въ испытаніяхъ она улаживаетъ, крѣпитъ, поддерживаеетъ; въ борьбѣ и невзгодахъ даетъ силу, живить, успокоиваеетъ... Въ проступкахъ же нашихъ, гнететъ, давитъ, мучить насъ, такъ сказать, самоощущеніемъ нами же самими созданныхъ страданій и несчастій другихъ людей... Васъ тревожила дурнота Юліи Игнатьевны, васъ смущало поведеніе ваше съ Неволинымъ... Какъ это разыграеетъ, что изъ всего этого выйдеть? Чтобъ не было несчастья, чтобъ не узнала, не опечалилась бабушка, всегда та-кая добрая, нѣжная къ вамъ бабушка, и тогда... Ахъ, Боже мой!—какъ тяжело бы было сознаться вамъ тогда, что вы одна—причина и этого несчастья, и этой печали; словомъ, совѣсть налагала на васъ свою тяжелую, карающую руку.—Но между вами и совѣстью поднялось самолюбіе... Вы боролись, боролись всѣми силами съ требованіями совѣсти, съ ея угрозами;—вы пытались успокоить себя мыслию, что все это шутка, все обойдетъ, все кончится смѣхомъ... Но напрасно... Все сильнѣе, все лихорадочнѣе преслѣдовалъ васъ страхъ, все глубже, все отчетливѣе ощущали вы, неизвѣстныя еще вамъ, но несомнѣнно вами вызванныя страданія Юліи Игнатьевны... Вы уже чувствовали силу совѣсти, но еще не сознавали своего проступка: правильнѣе — упрямилась, не хотѣли сознаться. — Но помните, запомните навсегда, Наташа, что чѣмъ дальше убѣгаемъ мы отъ совѣсти, тѣмъ энергичнѣе она преслѣдуетъ насъ; — чѣмъ сильнѣе, отчаяннѣе боремся съ нею, тѣмъ тяжелѣе па-даетъ на насъ ея карающая рука... И досадно было мнѣ, и жалъ смотрѣть на васъ. Тогда я пришла на помощь къ вамъ: олице-

творила совѣсть вашу, вамъ въ глаза суровымъ укоромъ бросила ея грозныя требованія... Вы смирились, раскаялись... Я сняла съ вашего сердца гнетъ ощущенья виновности вашей... Я достигла цѣли... И свѣтло, и легко, вѣдь, вамъ, Наташа?...

— Да, и свѣтло, и легко, Вѣра Павловна... Ахъ, какая вы умная, Вѣра Павловна! Вѣдь это все, все, что вы говорили, я все чувствовала, только не понимала, не могла понять, что дѣлается со мною... Мнѣ и пріятно было подумать, что я наказала эту противную тетю Юлю за то, что она назвала меня мерзкой дѣвченкой, и, вдругъ, становилось страшно за нее, за все, что можетъ выйдти изъ этого... И тогда мнѣ было стыдно и васъ, и самой себя; — я какъ будто сама чувствовала, что дѣйствительно я мерзкая дѣвченка, и я сердилась на все, на себя, на васъ, на Лизу, на пуговицы, словомъ—на все, на все.—А тутъ еще... и она потупилась...

— А тутъ еще? улыбаясь, тихо спросила Вѣра Павловна.

— Этотъ противный Толька.

— Что же онъ?

— Не хотѣлъ пріѣхать завтра, и она еще глубже поникла, у нея зардѣлись самыя уши.

— И изъ-за него... и голосъ порвался,—я опять обидѣла бѣднаго Васю, добавила едва слышно и, глубоко вздохнувъ, такъ посмотрѣла въ глаза Вѣрѣ Павловнѣ, точно опять пожаловалась на себя-же.

— Вотъ видите, и я снова права! Вася всѣ свои рубли отдалъ вамъ!... Сколькихъ удовольствій лишилъ себя бѣдный мальчикъ ради улыбки вашей... Какъ ваша тѣнь, робко, застѣнчиво, слѣдилъ онъ за вами... Я нѣсколько разъ смотрѣла на него... Вы смѣялись,—онъ улыбался, вы хмурились—у него на глазахъ наворачивались слезы.—Странный мальчикъ этотъ Вася! Меня нерѣдко тянетъ къ нему... Что-то въ немъ есть не дѣтское... сосредоточенное, вдумчивое... А вы, Наташа... и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не стыдно вамъ!.. Не подойти, не приласкать даже ни разу... Вотъ, теперь сами видите, что значить не умѣть владѣть собою, не хотѣть и не слѣдовать разумнымъ совѣтамъ. Бѣдный Вася... Онъ далъ вамъ всѣ свои рубли, а вы ему не дали и гроша... Ну, полно говорить обо всемъ этомъ... Что съ воза упало, то, пиши, пропало... Пусть, только, сегоднешній день не изгладится изъ памяти вашей, Наташа, пусть послужитъ урокомъ, какъ и доброе, прекрасное сердце, при не-

обдуманности дѣйствій, при господствѣ увлеченій надъ разсудкомъ, можетъ многимъ сдѣлать зло... и, въ концѣ концовъ, все это зло падеть на васъ же. — Наташа опять вздохнула и, нервно выпрямившись, отчетливо хрустнула палецъ о палецъ.

— Однако, мы слишкомъ заговорились съ вами, Наташа, ужъ догораетъ свѣча. Прощайте, спите спокойно!

— Да, правда, Вѣра Павловна, я такъ что-то устала, и бѣжливо, дружески поцѣловавъ ее, она задумчиво стала раздѣваться.

Давно погасла и послѣдняя свѣча въ домѣ Щебринскихъ. Звонили уже къ заутрени, а Наташа все еще не могла и даже не хотѣла заснуть. Она опять чувствовала себя въ будуарѣ, опять ея рука содрагалась въ рукѣ барона, опять слышала 'его мягкій, сладостною щемью замиравшій въ груди, голосъ: «а ты, ты помнишь, ты любишь», говорилъ онъ ей, и снова горѣлъ на ея губахъ поцѣлуй.

Глава ХУІ.

Вася не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до дому. Войдя въ свою комнату, онъ точно боясь, что за нимъ пойдутъ, его настигнутъ, плотно закрылъ за собою дверь, и далеко, въ самый уголъ отшвырнувъ свою барашковую шапку, опрометью бросился въ кресло, зажался въ немъ, будто, и въ самомъ дѣлѣ, ушелъ отъ всѣхъ ихъ, отъ всѣхъ, даже и отъ самой Наташи.... Безъ мысли, безъ желанья проходили минуты; безотчетная тоска овладѣла имъ. Все, рѣшительно все раздражало его: и портретъ дяди, такъ угрюмо-сурово смотрѣвшій на него со стѣны; и говоръ прислуги въ сосѣднихъ комнатахъ, и даже малѣйшій шорохъ на улицѣ пробѣжавшихъ подъ огнами экипажей.

— Вася! рѣзко окликнула Александра Игнатьевна.

— Что, мама? вздрогнувъ, точно отъ выстрѣла и быстро ее встрѣчая, тревожно отозвался онъ.

— Скажи на милость, когда ты перестанешь мучить меня твоими глупыми выходками?!.. Я растревожилась, не докончила пульку, должна была раздѣлать ремизы, и изъ-за чего же это?!.. Изъ-за того, что тебѣ опять вздумалось поссориться съ Наташей. Да что ты ей, въ самомъ дѣлѣ, женихъ что-ли?... Что ты ровня,

чтобь могь требовать отъ нея вниманія?!.. Ты одурѣлъ, совсѣмь одурѣлъ. И я никогда не думала, чтобь ты былъ такъ глупъ. Я разъ уже сказала тебѣ, и теперь, завтра же скажу ей, чтобь она отдѣлала тебя, какъ слѣдуеть, чтобь ты понялъ, что ты мальчишка и больше ничего!

— Ну, такъ я тогда брошу гимназію, все, все брошу.

— А вотъ я отцу скажу!... Такъ онъ у тебя въ нѣсколько минутъ выколотитъ изъ головы эту дурь.

— Мама! хватаясь рукою за край стола, блѣдный, какъ полотно, судорожно вскрикнулъ онъ.

Въ передней раздался рѣзкій звонокъ.

— Скажи на милость!... еще смѣетъ кричать, и, быстро повернувшись, хлопнувъ дверью, Александра Игнатьевна вышла.

На стѣнныхъ часахъ въ залѣ пробило три. Въ голубой просторной гостиной мерцалъ свѣтъ одинокой свѣчи.

— Юлинька!... это ты? изумленно оклинула Александра Игнатьевна, съ трудомъ узнавая Юлію Игнатьевну въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась передъ нею.

Юлія Игнатьевна, тяжело переводя духъ, грузно опустилась въ кресло. Перомъ украшенная, бархатная шляпка, сбившись съ затылка, на распутившихся лентахъ болталась по спинѣ; путались, переплетались разметавшіяся по груди и по плечамъ черныя, густыя пряди волосъ. Отъ предмета къ предмету смутно бродилъ озлобленный взглядъ; лицо было покрыто багровыми пятнами; широко раздвинувъ пересохнувшія отъ волненія губы, и носомъ, и ртомъ дышала она.

— Да что съ тобой?

— Сбѣжалъ, вздохнувъ во всю грудь, проговорила, наконецъ, Юлія Игнатьевна.

— Такъ что-жъ такое, что сбѣжалъ.... Вотъ горе!... Публикуй и пригоняй.

— Какъ пригоняй?

— Да такъ, просто пригоняй,—ну, приведуть.

— Да развѣ есть такой законъ?... Вѣдь это, кажется, только женъ пригоняють къ мужьямъ.... А я не знаю, Саша, могутъ ли мужей пригоняять къ женамъ!

— Какъ мужей?—и Александра Игнатьевна отступила.

— Да ты объ чемъ-же говоришь-то, Саша?

— Да все о немъ-же и говорю.... объ Амишкѣ.... Вѣдь онъ сбѣжалъ?

— Да, будь онъ проклятъ, Амишка.... Бого сбѣжалъ!

— Бого! усмѣхнувшись, повторила Александра Игнатьевна, — ну, это дѣло другое.... Вѣдь я думала — Амишка.... А онъ самъ придетъ.

— Ты думаешь, Саша? и поднявъ носъ въ воздухъ, Юлія Игнатьевна сапнула.

— Конечно.

— А какъ не придетъ?

— Да вѣдь деньги-то у тебя?

Юлія Игнатьевна, вмѣсто отвѣта, торопливо подобрала шубку и, запустивъ руку въ карманъ, вытащила огромную связку ключей.

— Тутъ, и она тяжело перевела духъ.

— Впрочемъ, можетъ быть у него тоже есть?

— У него-то? сосредоточиваясь, переспросила Юлія Игнатьевна.

— У него, да?

— Нѣтъ... Шалишь, голубчикъ.... Я всякій день пересчитываю. Сегодня утромъ у него было всего два рубля бумажками и рубль мелочью.

Опять звонокъ.

— Андрей Петровичъ!

— Кокоша! вскрикнула Юлія Игнатьевна.

— Ахъ, Боже мой, съ какой стати Кокоша, — это Андрей Петровичъ.

— Здравствуйте, Юлія Игнатьевна, небрежно протягивая ей руку, обратился Бояриновъ. Андрей Петровичъ не долюбивалъ Юлію Игнатьевну и даже, не стѣсняясь постороннихъ, называлъ ее разбухшею брюквою.

— Что это за ночная конференція? обратился онъ къ женѣ.

— Видишь-ли, мой другъ, у Юлиньки мужъ сбѣжалъ.

— Ну, и слава Богу.... Давно пора.... Я ужъ за него начиналъ терпѣнье.

Юлія Игнатьевна такъ и запырнула надъ Бояриновымъ своими взбѣшенными разночинцами.

— Ну, полно, Андрей Петровичъ, шепнула Александра Игнатьевна.

— Ну, такъ что-же вы... въ погоню?

И задала-жь бы въ другое время Юлія Игнатьевна Андрею Петровичу, но теперь онъ ей былъ нуженъ, и она благоразумно сдержалась.

— Андрей Петровичъ! мягко, на сколько смогла, обратилась она.

— Что прикажете?

— Вѣдь вы такой дѣловой.... Скажите.... вы все знаете, есть такой законъ, что если мужъ сбѣжитъ, то его обязаны возвратитъ женѣ?

— Никогда не было, нѣтъ и не будетъ.

— Да какъ же такъ!... Помилуйте.... Вѣдь это же разбой!... Вѣдь онъ мой мужъ.... Вѣдь онъ долженъ меня любить, меня, одну меня!

— А если не можетъ?

— Какъ не можетъ? и, задыхаясь, Юлія Игнатьевна подпрыгнула на креслѣ. Долженъ!... Понимаете? долженъ!

— Да какъ-же долженъ, когда не можетъ?

— Вѣдь онъ же женился, вѣдь онъ же клялся любить меня одну.

— А если вы ему надоѣли хуже горькой рѣдьки.

— Такъ онъ измѣнникъ, отступникъ, негодяй, христонпродавецъ, дрожа отъ злости, шипѣла Юлія Игнатьевна.

— И все прочее, все, что вамъ угодно, а все-таки вы не можете и никакая власть не можетъ заставить его васъ полюбить, когда онъ никогда васъ не любилъ. Его тянетъ къ молодому и это естественно.

— А, такъ я стара!... Я стара, по вашему? Нѣтъ, ужъ вы извините; а имѣй мой Кукоша такія убѣжденія, какъ вы, такъ я бы давно сама, понимаете, собственными руками вытолкала его въ шею, и, сведя пальцы въ кулаки, она рѣшительно наступала теперь на насмѣшливо-улыбавшагося Андрея Петровича.

— Мужъ, это крѣпостной жены.... Онъ ея принадлежность, собственность, на которую никто не имѣетъ права, кромѣ меня. Понимаете,—кромѣ меня!

— Какъ лошадь, какъ собака, какъ туфли, подстрекнулъ Бояриновъ.

— Да-съ, какъ лошадь, какъ собака, какъ туфли.

— Ну, что-жь удивительнаго.... Вотъ онъ и сбѣжалъ.... Да я бы на его мѣстѣ предпочелъ мостить скорѣе мостовую, чѣмъ жить съ такою супругою.

- Сбѣжалъ!! Да вы бы и мостили, если-бъ....
 — Молчать! крикнулъ онъ, мгновенно блѣднѣя.
 — Ахъ, Боже мой, Андрей, да будь же хоть ты благоразуменъ.

Въ передней снова звонокъ. Теперь уже безъ словъ, совсѣмъ обезсиленная злостью, едва переводя духъ, стояла Юлія Игнатьевна передъ Бояриновымъ.

«Молчать», — дрожалъ въ ея ушахъ его голосъ, и опять спазматически подергивался подъ подбородкомъ подбородокъ.

— Барыня... Баринъ нашлись, — вся въ снѣгу, вваливъ въ гостинную, оповѣстила служанка.

— Какъ, дома?

— Дома-съ.

— Ну, и что-же?—Спросили про меня?

— Какъ же-съ... Барыня дома?... спросили-съ.

— Ну, и что-же?

— Андрей и доложилъ,—что ни какъ нѣтъ-съ.

— Ну, и что-же?

— Плачуть-съ!

— Плачеть? Не можетъ быть, ты врешь, Агашка?!

— Помилуйте, сударыня, какъ же я могу вашей милости врать-съ... Сидятъ, значить, за столомъ-съ, облокотившись, и такъ горько плачуть-съ.

— Когоша, милый Когоша! и Юлія Игнатьевна даже прослезилась,—такъ тронуло ее, что Когоша по ней плачеть.

— А васъ, мнѣ.... тфу, сплюнула она, и, не простившись даже съ сестрою, такъ со шляпкой за спиною, и выкатилась изъ гостинной Бояриновыхъ.

— Вотъ съумасшедшая баба!—вслѣдъ благословилъ Бояриновъ.

Глава ХУІІІ.

Вася на слѣдующій день не пошелъ въ гимназію. Проснувшись часовъ въ десять, онъ лѣниво одѣлся, нехотя выпилъ стаканъ чаю и, окинувъ комнату разсѣяннымъ, тоскливымъ взглядомъ, подошелъ къ окну.

Вьюномъ вертѣлась по улицѣ снѣжная пыль. — Никого не видно на тротуарѣ и улицѣ. Скучно. Заниматься не хочется,

да и не стоитъ, не изъ-за чего. — Читать — лѣнь, и такъ отъ чего-то ноетъ, ноетъ сердце.... А тутъ, опять Наташа. «Гадкій», шепчетъ ему.... И чего это онъ вчера такъ обрадовался, точно не знаетъ, что она только смѣется, только играетъ, забавляется имъ, и то лишь, когда нѣтъ этого противнаго Тольки. И такъ досадно стало на него, такъ опять хотѣлось бы доказать ей, что онъ и пусть, и глупъ.— «Точно и въ самомъ дѣлѣ женихъ!.. Мальчишка ты и больше ничего!... Вотъ, я скажу ей, чтобъ она отдѣлала тебя, какъ слѣдуетъ», вспоминалъ онъ слова матери, и еще тоскливѣе становилось на душѣ, еще досаднѣе и на Тольку, и на Наташу, и на мать.

Вошелъ Новосвѣтовъ.

— А, Алексѣй Михайловичъ! быстро его встрѣчая, оживился Вася.

— Э, да что, братъ, «Алексѣй Михайловичъ!»... Напрасно изволишь!.. Я пріѣхалъ съ тобою ссориться.

— За что?

— А вотъ подумай, авось и надумаешься.

— Не знаю, право не знаю, Алексѣй Михайловичъ, видимо теряюсь, смущенно говорилъ Вася.

— За то, что ты начинаешь забывать, что родился человекомъ.

— Какъ такъ?!.. и Вася недоумѣло осмотрѣлся.

Новосвѣтовъ усмѣхнулся.

— Да вотъ такъ, просто, что такое человѣкъ? закуривая папиросу и усаживаясь на стулъ у окна, уже серьезно спросилъ онъ.

— Человѣкъ, растерянно повторилъ Вася.

— Человѣкъ, другъ мой, это мысль въ формѣ. Всякая мысль имѣетъ свою цѣль, стало и ты, какъ развивающійся уже человѣкъ, долженъ имѣть свою. Ну и какая-же она у тебя, скажи, откройся?

Вася смущенно молчалъ.

— Вотъ, видишь! Вотъ и не знаешь, вотъ и не надумаешь. И понятно, иначе даже и быть не можетъ!... Гдѣ же тебѣ найти время заниматься, читать, мыслить, когда ты весь, всѣми твоими помыслами и хотѣніями въ твоей вертлявой кузинкѣ Наташѣ. Стыдно, братъ!—Не для того мы провели съ тобою столько хорошихъ часовъ, такъ много вмѣстѣ читали, разговаривали, чтобъ ты все забылъ ради юбки!... Это недостойно человѣка.

Это уже не человекъ, значить, изъ тебя выйдетъ, а двуногое животное человѣческаго вида!... Ихъ, братъ, много развелось и безъ тебя! И если ты будешь продолжать хныкать по твоей кухнѣ и ради нея забывать твои обязанности и къ семьѣ, и къ обществу, то забудь, что я былъ когда-нибудь друженъ съ тобою, и, быстро поднявшись, онъ тревожными шагами пошелъ отъ Васи въ противоположный конецъ комнаты.

Вася стоялъ красный по самыя уши. Онъ не смѣлъ взглянуть ему въ глаза. Онъ теперь даже не могъ понять, какъ самому не пришло всего этого въ голову.

— Что, братъ, стыдно?... Да я и зналъ, что ты слишкомъ не глупъ для того, чтобы въ тебѣ молчали и сознаніе, и совѣсть!... Припомни!... Сколько разъ ты смѣялся надъ Неволиннымъ, что онъ только и знаетъ, что спать, ѣсть, да въ карты играть!... Ну, а самъ-то ты, самъ, — чѣмъ лучше его?! Онъ въ карты играетъ, а ты изо-дня въ день вздыхаешь по Наташѣ!... Ну, и развѣ это не все равно, не одно и то же?... Развѣ вы не стоите другъ друга, развѣ не оба одинаково паразиты?! Мнѣ такъ и кажется, что ты сидишь подлѣ Наташиной юбки и хнычешь, точно нищенка на паперти! и, презрительно усмѣхнувшись, Новосвѣтовъ отошелъ.

Точно пронизанный электрическою искрою выпрямился Вася.

— Я могу любить, но никогда не унижался и не унижусь передъ нею, Алексѣй Михайловичъ, сильно дрогнувшимъ голосомъ, отделился онъ.

— А!... Ну, докажи это, докажи на дѣлѣ, а не на словахъ, и мы опять будемъ друзьями.—Перестань хныкать, помни, что разумный человекъ не можетъ, не унижая себя, весь отдаться юбкѣ;—да, и будемъ опять, по прежнему, вмѣстѣ думать, вмѣстѣ работать, общими усиліями создавать твое хорошее, честное будущее. Дѣла дома нѣтъ, скучно,—пріѣзжай ко мнѣ, будемъ читать, разсуждать, жена сыграетъ намъ что-нибудь, и еще какъ заживешь-то, братъ! Помани мое слово, будешь смѣяться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ теперь плачешь, и, улыбнувшись, крѣпко пожавъ его холодную руку, онъ взялся за шапку.

«И въ самомъ дѣлѣ, чего-жъ это я?» мелькнуло Васѣ, и онъ точно выросъ; глаза расширились, оживились.

— Куда же вы, Алексѣй Михайловичъ, посидите, голубчикъ!... Мнѣ такъ всегда пріятно, весело съ вами....

— Нельзя, другъ мой, по дѣлу. Не вѣрь тому, кто говоритъ, что дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжить. А вотъ вечеромъ пріѣзжай, и, дружески кивнувъ ему головой, Новосвѣтовъ вышешь.

Чѣмъ глубже вникалъ Вася въ сказанное Новосвѣтовымъ, тѣмъ смѣшнѣе казалось ему его положеніе по отношенію къ Наташѣ, тѣмъ сознательнѣе досадовалъ онъ на себя, тѣмъ настойчивѣе развивалось въ немъ желаніе стать выше, какъ можно выше всѣхъ этихъ Неволиныхъ, Бернсдорфовъ, Мясоѣдовыхъ и онъ все чаще и чаще бывалъ у Новосвѣтова, все охотнѣе и охотнѣе ѣздилъ къ нему.

Г л а в а ХУJIIJ.

Загорская съ самаго перваго бала до такой степени полюбила выѣзжать, что и музыку, и чтеніе, и тихія бесѣды съ Вѣрой Павловной, словомъ, все, что такъ интересовало, такъ нравилось ей прежде, забыла она ради выѣздовъ.... И весела была она, и просыпалась съ улыбкой лишь въ тѣ дни, когда собиралась на балъ, на семейный вечеръ въ дворянскій клубъ, въ театръ или оперу.... Она окружила себя толпой молодежи, и въ этой толпѣ, какъ прежде среди кузинъ и Васи, была то капризно-настойчива, то требовательна до раздраженія, какъ-будто каждый изъ этихъ всѣхъ обязанъ былъ вознаграждать ее и вниманіемъ, и заботливостью, и рядомъ непрерывныхъ услугъ за одну улыбку, за одно слово.... Кумиръ дома, она теперь порывисто, нервно стремилась быть кумиромъ общества.—И въ этомъ лихорадочномъ стремленіи быть первой вездѣ и во что бы то ни стало, ничто не могло сдержать ее... Замѣчанія Натальи Игнатьевны только смѣшили ее.... Отыгрываясь шутками отъ горячихъ доводовъ Вѣры Павловны, она въ душѣ лишь снисходила къ ней, какъ къ голосу природы, обездоленной, сжатой, ограниченной въ средствахъ и возможностяхъ.—Зависть окружающихъ, ихъ тайная злоба или ѣдкость на ея счетъ только радовали ее, только еще болѣе поощряли на борьбу.... Удовольствіе само въ себѣ не было для нея цѣлью; оно было только средствомъ, только непремѣннымъ условіемъ сближенія съ средою, въ которой, ей не только казалось, но она была увѣрена, что всѣ, или почти всѣ заняты ею, на нее смотрять, объ ней говорятъ.... И ей, дѣйствительно, оказывали вниманіе.... За ней слѣдили, ее окружали.... По, не

смотря на все это, она все жъ таки не была довольна,—все еще не была удовлетворена, и съ каждымъ новымъ успѣхомъ жажда его разгоралась все сильнѣй и сильнѣй.—Весьма часто, отправляясь на балъ въ самомъ оживленномъ настроеніи духа, она возвращалась въ крайнемъ раздраженіи, и какъ не пыталась тогда Вѣра Павловна проникнуть въ причину этого недовольства, ничего не получала отъ нея, кромѣ отрывочныхъ, уклончивыхъ отвѣтовъ, скорѣе затемнявшихъ истину, чѣмъ дававшихъ какую либо возможность уяснить ее. Чѣмъ глубже страдала, тѣмъ глубже таилась она.

Наступилъ второй день Рождественскихъ праздниковъ, день бала въ Благородномъ собраніи.... Яркое блистало морознаго полудня солнце.... Свѣтло и радостно было въ будуарѣ Наташи....

— Посмотрите, Вѣра Павловна, и, поднявъ бѣлый чехоль, она открыла приготовленное къ балу платье....

— Посмотрите!... Какъ жива, естественна гирлянда чудныхъ цвѣтовъ.... И какъ хорошъ этотъ серебристый газъ, какъ лежокъ, прозраченъ.... Точно изъ воздуха сотканъ онъ.... Ахъ!... Вотъ, вѣдь совсѣмъ забыла, быстро опуская чехоль, спохватилась она. У меня опять до васъ просьба, Вѣра Павловна.... Вы не сердитесь?... Я такъ часто теперь надѣдаю вамъ съ этими глупостями, и, опустивъ рѣсницы, будто оплакивая самое себя въ своихъ же глупостяхъ, она остановилась передъ нею....

— Что?

— Я васъ прошу съѣздить къ Омину, выбрать розу, только что распустившуюся, и притомъ непременно блѣдную.

— Въ волоса?

— Да.... Чтобъ онъ сохранилъ ее часовъ до 10, никому бы не отдавалъ, а въ 10 я пришлю.

— Да вѣдь тогда опять опоздаете, какъ въ прошлый разъ.

— Нѣтъ, сегодня *balagé*, я поѣду безъ четверти двѣнадцатъ. Только, не забудьте, Вѣра Павловна, непременно блѣдную.... И вы мнѣ ее такъ заколите, чтобъ она имѣла видъ, будто таится, прячется въ волосахъ моихъ.

— Робѣя ихъ прелести и пышности, улыбаясь, перебила Вѣра Павловна.

— Вотъ именно, и Загорская зарумянилась.

— Почему вы всегда выбираете блѣдную розу, Наташа?

— А! значительно проговорила Наташа. Это особый, совершенно особый смысл.... По моему, въ жизни все должно имѣть свою цѣль.... Каждый нашъ шагъ, каждое слово, какъ и всякая бездѣлица, что мы надѣваемъ на себя. Роза, вообще, выражаетъ юную, только что создавшуюся красоту, ея неприкосновенность и самую силу въ ней, въ этой неприкосновенности.... Роза свѣжа, хороша, пока ничто стороннее не коснулось ея... Отсюда роза—вся я! Она теряется въ волосахъ моихъ, какъ я теряюсь въ толпѣ, она блѣдна; а не всегда ли блѣднѣетъ чело-вѣкъ холодный,—слѣдовательно, тутъ она эмблема моей холо-дности, того ровнаго, совершенно безразличнаго вниманія, съ которымъ я отношусь ко всѣмъ и каждому.

Вѣра Павловна поникла, задумалась. Она, какъ будто, не слышала послѣднихъ словъ Наташи.

Въ передней раздался громкій звонокъ.

— Ахъ, Боже мой, да который же часъ?... Опять я кончу тѣмъ, что никого не уснѣю принять.

— Охота же вамъ такъ по долгу любоваться собою!... Ужъ скоро два.

— Лиза, Лиза!... Ужъ не Долинъ-ли? А я еще обѣщала ему, что непременно сама приму его сегодня.... Ахъ, Боже мой! Лиза!...

— Да, давайте.... я помогу вамъ. Вѣдь вотъ ваше платье.

— Пожалуйста, Вѣра Павловна!

Не прошло и минуты, а ужъ сиреневое, серебристаго отлива платье съ длиннымъ, предлиннымъ шлейфомъ, охватывало стройную фигуру Наташи. Пуговицу за пуговицей безъ словъ, спѣшно, нервно застегивала она. Пуговицы не поддавались, выскакивали.

Въ передней раздался второй звонокъ.

— Ну вотъ!... Это уже непременно онъ, топнувъ ножкой на непокорную, третью съ конца пуговицу, окончательно разсердилась она.

— Дайте! Чѣмъ больше гнѣва, тѣмъ меньше толка.

— Князь Одоленскій, доложила Лиза.

— А теперь кто звонилъ?

— Не знаю-съ.

— Какъ ты глупа!

— Ну, вотъ и готово, перебила Вѣра Павловна.

— Какъ сидитъ!—Прелесть!...

— Хорошо?

Наташа улыбнулась и, поправивъ волосы, быстро подошла къ трюмо. Посмотрѣлась прямо.... Повернулась правымъ плечомъ и, чуть-чуть откинувъ голову, осмотрѣла себя съ шлейфа.

Снова звонокъ.

— Да идите-же, Наташа.

— Иду, иду, подбирая шлейфъ, торопливо отвѣтила она.

— Голубчикъ, Вѣра Павловна, поѣзжайте-же сейчасъ.... А то разберутъ всё розы.

Войдя въ залъ, Наташа приостановилась, прислушалась.

— Положимъ, такъ!.... Но, вѣроятно, вы не будете оспаривать, Елена Александровна, что гордиться собою, настолько же приятно, на сколько и естественно, донесся мягкій голосъ Долина.

— Пусть такъ!... Однако, видѣть въ этомъ цѣль жизни, какъ нѣкоторыя, по меньшей мѣрѣ, смѣшно!... Да, и притомъ развѣ правда все, что говорятъ?... А какъ смѣшно, принимать лесть за правду и кичиться неискренними, часто въ насмѣшку дѣлаемыми похвалами.

Наташа свела брови и, рѣзкимъ движеніемъ отбросивъ шлейфъ, пошла къ дверямъ гостиной.

— О, вы увлекаетесь, Елена Александровна, перебилъ Одоленскій. Зачѣмъ даже въ такихъ случаяхъ говорить не то, что чувствуешь?

— Наталья Алексѣевна, наконецъ-то!... Вы истомили насъ, и, выступивъ ей на встрѣчу, Мясоѣдова дружески пожала ея руку.

— Ну, что вы! и бросивши на нее насмѣшливый взглядъ, Наташа быстро передала руку Одоленскому. — Долинъ, вспыхнувъ, торопливо схватился за костыли.

— Бнязь! и, предупредивъ его движеніе, она сама подошла къ дивану.

— Вотъ, видите, я сдержала слово.

Бнязь, слегка вдохнувъ, крѣпко сжалъ ей руку.

— О чемъ это вы такъ горячо спорили? подходя къ Марьѣ Бондратьевнѣ и, взглянувъ на Одоленскаго, оживленно спросила она.

— А, нутко, покажись, Наташокъ, перебросивъ табакерку изъ правой руки въ лѣвую, съ добродушно-счастливою улыбкой, перебила Марья Кондратьевна.

Наташа, быстро взглянувъ на Мясоѣдову, словила скользнувшую по ея тонкимъ губамъ ироническую усмѣшку.

— Куда-жь ты, Наташокъ? препроводивъ табакерку изъ лѣвой руки опять въ правую, изумилась Марья Кондратьевна.

— Я нѣсколько слышала, садясь на кресло подлѣ Долина, перебила ее Наташа, съ гримаской легкой досады. — Елена Александровна, гажется, бичевала тщеславіе.

— И даже со всею горячностію, дополнилъ Одоленскій.

— О, и я ее вполне понимаю, горячо перебила Наташа. Вѣдь, ей такъ давно, давно прискучили эти любезности и признанія, не имѣющія никакого значенія.

Мясоѣдова вспыхнула и, точно ища чего-то въ рукавахъ, перебрала кружева подъ ними.

Разговоръ порвался. Всѣмъ стало нѣсколько неловко.

— Вы будете сегодня на балѣ, Наталья Алексѣевна? обратился Одоленскій.

— Да, непременно.

— Ахъ, я совсѣмъ забыла вамъ сказать, Наталья Алексѣевна, что сегодня васъ ожидаетъ въ Собраніи весьма интересная встрѣча, перебила Мясоѣдова.

— Съ кѣмъ это? медленно поднимая рѣсницы, какъ-бы нехотя, спросила Загорская.

— Съ барономъ Бернсдорфомъ, съ особымъ удареніемъ, отчетливо отвѣтила Мясоѣдова.

Загорская вспыхнула, смѣшалась, поникла.

Мясоѣдова внимательно посмотрѣла на Долина. Онъ весь, казалось, былъ въ брелокахъ своей цѣпочки.

— Я встрѣтила его сегодня на Кузнецкомъ.

— Какого барона?... Нашего?

— Вашего, Марья Кондратьевна, усмѣхнувшись, утвердила Мясоѣдова.

— Да какъ же это онъ гь намъ то?!... вслухъ задалась Марья Кондратьевна.

— Онъ давно здѣсь? перебила Загорская такимъ тономъ, какъ будто это ее не интересовало, но чтобы только что-нибудь спросить.

— Ужь нѣсколько дней.

— Вѣдь вотъ вертопрахъ! опять вслухъ сообразила Марья Кондратьевна, запуская пальцы въ табакерку.

— Гдѣ жъ ему, мягко отозвалась Мясоѣдова. Вѣдь онъ такъ занятъ своею княжною.

Загорская мгновенно выпрямилась, и, мелькомъ взглянувъ на нее, опять скрыла взглядъ отъ тревожно наблюдавшаго надъ нею Долина.

— Княжна Шелихова!.. Говорятъ, что онъ уже сдѣлалъ предложеніе, вмѣшался Одоленскій.

— А, Шелихова! Это та, что, какъ говорить, какъ будто что-то пережевываетъ, презрительно сощурившись, перебила Загорская.

Мясоѣдова звонко засмѣялась.

— Это одинъ изъ тѣхъ недостатковъ, Наталья Алексѣевна, что легко изглаживаются такимъ состояніемъ, какъ у нея.... говорить 200 тысячъ.

— О, вздоръ какой! почти вскрикнула Мясоѣдова. У нея никакъ не больше сорока. Это я знаю отъ моей подруги, одной изъ ея ближайшихъ родственницъ.

— Я не думаю, чтобъ баронъ далъ столь сильный промахъ!... Вѣроятно, онъ уже со всѣхъ сторонъ попробовалъ почву прежде, чѣмъ позволилъ себѣ вступить на нее, съ отѣнкомъ раздраженія въ голосъ, перебила Загорская.

Разговоръ порвался.—Одоленскій взялся за шляпу. За нимъ поднялся и Долинъ.

— Вы будете сегодня въ Собраніи, князь?

— Скорѣе, что нѣтъ, Наталья Алексѣевна, что-то нездоровится.

— Нѣтъ!.. Вы будете! и ея брови сошлись, ея губы приняли, столь любимое имъ, настойчиво-негодующее выраженіе.— Да?

— Да, вспыхнувъ, едва слышно отозвался Долинъ, и, торопливо пожавъ ей руку, отошелъ къ Марьѣ Кондратьевнѣ.

— Слава Богу!... Едва выпроводила эту прищурю.... Съ каждымъ новымъ разомъ она становится мнѣ противнѣе. То шпилька, то дружеское пожатіе. Юлить, юлить, а сама, если бъ смогла, потопила бъ меня въ стаканъ воды. Терпѣть не могу такихъ!... Совершенная пивка, войдя въ будуаръ, раздражительно высказалась Загорская.

— Стоит волноваться, замѣтила Вѣра Павловна, внимательно взглянувъ на Наташу.

Наташа слегка вздохнула и, развернувъ книгу, задумчиво склонилась надъ нею. Трудно было уловить не только причину, но даже и самый характеръ настроенія ея лица. Оно то было холодно и даже строго, то какъ будто дышало тоскою, то вдругъ освѣщалось презрительной усмѣшкой.

— Есть новость, нетерпѣливо оттолкнувъ книгу, сказала она, съ выраженіемъ презрѣнія, — княжна Шелихова за 200 тысячъ покупаетъ барона Бернсдорфа!

— И что жъ тутъ удивительнаго? Кто жъ болѣе способенъ на подобный поступокъ, какъ не баронъ, для котораго блескъ — первое условіе жизни.

— Блескъ — блескомъ, а чувство — чувствомъ, вспыхнувъ, горячо перебила Загорская и, быстро вставъ, вышла изъ будуара. Вѣра Павловна проводила ее тревожнымъ взглядомъ.

За обѣдомъ Наташа была необыкновенно оживлена. Она шутила, надъ всѣми подтрунивала и смѣялась, но въ ея смѣхѣ было что-то напряженное, лихорадочное, и Вѣра Павловна все болѣе и болѣе тревожилась за нее.

Глава XIX.

У барона Анатолія Львовича Бернсдорфа было три горя въ жизни. Первое горе — безденежье. Оно въ особенности часто посѣщало его. Второе — неудавшееся любовное предпріятіе; — это горе тревожило рѣдко барона. Оно являлось лишь только, какъ исключеніе изъ общаго правила его безчисленныхъ успѣховъ. И третье горе, самое ужасное, когда злымъ рокомъ безденежья онъ оеужденъ былъ провести хотя нѣсколько часовъ наединѣ съ самимъ собою. Тутъ баронъ чувствовалъ рѣшительно то самое, что чувствуетъ человѣкъ, на всю жизнь приговоренный къ одиночному заключенію.

И чего, чего только не предпринималъ онъ въ этомъ отчаянномъ положеніи, чтобы развлечься, хотя на нѣсколько минутъ. Онъ, то сжигая папиросу за папиросою, расхаживалъ крупными шагами по мягкимъ бархатнымъ коврамъ своего комфортабельно обставленнаго кабинета; то вынималъ изъ боковаго кармана жилета маленькую перламутровую щеточку, намазывалъ на нее

что-то розовое, и старательно, съ напряженнымъ вниманіемъ, водилъ по ней ногтями; то садился противъ зеркала, подбиралъ на головѣ волосъ къ волосу, пока волоса не ложились ровно на право и на лѣво отъ пробора или, слегка приподнявъ сначала усъ правый, а потомъ лѣвый, тихо, нѣжно дулъ въ нихъ. Когда же часамъ къ 10, 11 вечера, а иногда и ранѣе весь запасъ саморазвлеченій барона истощался, онъ взбирался на кушетку или кровать, и, подложивъ правую руку подъ шею, старательно разыскивалъ въ ней ту самую жилу, о которой ему не одинъ разъ рассказывали, что если хорошенько поналечь на нее, то заснешь, — непременно заснешь.... Но жила не находилась, а баронъ опять мучился, мучился такъ, что долго уже не забывалъ этихъ адскихъ мукъ, соединенныхъ съ безденежьемъ и старался, какъ можно осторожнѣе раскодовать деньги, чтобы впередъ не попадать въ такое анафемское положеніе.

Но нельзя-жъ однако допустить, чтобы баронъ въ это время ровно ни о чемъ не думалъ. — Нѣтъ, онъ думалъ, но только думы его въ часы этого страшнаго самозаключенія были невзрачны, какъ небо въ осеннюю пору, — и онъ отгонялъ ихъ отъ себя, какъ гонить каждый изъ насъ муху или другое насѣкомое, дерзко, навязчиво раздражающее наши нервы то укусомъ, то судорожнымъ скачкомъ. Да... Баронъ гналъ... До того гналъ, что даже отмахивался обѣими руками, точно, въ самомъ дѣлѣ, отъ мухи, отъ назойливо преслѣдующей въ ту пору все одной и той же мысли: «Что, моля, сѣлъ?... А вотъ, если такъ дальше будешь тратить, то все чаще и чаще придется сидѣть».

Тутъ баронъ уже отплевывался, — до того нестерпима была ему эта муха—мысль.... Впрочемъ баронъ не только страдалъ, — онъ и наслаждался, даже болѣе, несравненно болѣе, чѣмъ страдалъ. У него было много радостей.... Первая радость, — онъ самъ въ мундирѣ; вторая — лошади и третья — женщины. Которая же изъ этихъ двухъ послѣднихъ радостей была ближе сердцу барона?... Онъ и самъ не зналъ.... Да вѣдь въ этомъ; строго говоря, нельзя было его и винить. Этотъ вопросъ и щекотливъ, и черезъ-чуръ условенъ.... И женщина могла увлечь его сильнѣе лошади, и лошадь, въ иной разъ, могла заставить забыть красавицу изъ красавицъ; вѣдь это все не отъ него и не отъ нихъ, а вполне отъ внѣшнихъ, окружающихъ и эту женщину, и эту лошадь условій.... Но, не смотря на всю условность, на всю безцеремонность отношеній своихъ къ женщинамъ, увлеченія жен-

щинами нерѣдко заставляли его жестоко страдать сознаниемъ промаха или неловкости, могущихъ скомпрометировать его въ общественномъ мнѣніи, его, который по собственному признанію, былъ высшимъ образцомъ порядочности. Анатолій Львовичъ, имѣя самое высокое понятіе о порядочности и, никогда, ни при какихъ условіяхъ, не забывая, что во первыхъ онъ — баронъ, во вторыхъ — представитель древняго, дворянскаго рода Бернсдорфовъ и въ третьихъ — конногвардеецъ, — считалъ первымъ своимъ долгомъ быть всегда въ высшей степеніи порядочнымъ, то есть сдержаннымъ, тактичнымъ, примѣняющимъ къ заслугамъ и положенію, рыцарски-вѣжливымъ къ женщинамъ, устойчивымъ въ словѣ, вѣрнымъ чести полка, снисходительнымъ къ низшимъ, щедрымъ къ прислугѣ. Странный человекъ былъ баронъ. Онъ ничего не уважалъ и не любилъ въ себѣ, какъ въ человекѣ, никогда ни къ чему и ни къ кому не располагался, не привязывался разумно, точно также какъ ничего не искалъ въ окружающихъ его, какъ людей.... Мало того, не понимая ни мольбы, ни тихихъ, покорныхъ, робкихъ слезъ покинутой имъ и, въ свое время, всѣмъ пожертвовавшей ему женщины, онъ даже тщеславился, наслаждался ея страданіями, ея отчаяніемъ, какъ прямою и самую естественною данью его красотѣ, мужеству и остроумію, и въ то же время, ни минуты не задумываясь, готовъ былъ подставить грудь подъ пулю перваго встрѣчнаго, дерзнувшаго грубо отнестись къ которому либо изъ его товарищей.... И пусть, пусть онъ далеко этому товарищу, онъ все-таки выступить, выступить, во всемъ освѣщеніи страстнаго порыва, за честь мундира своего полка, за честь мундира, носимаго имъ самимъ, — барономъ Бернсдорфомъ.

И всѣ въ полку, начиная отъ младшаго корнета и кончая полковымъ командиромъ, при имени барона Бернсдорфа съ уваженіемъ склоняли головы. Баронъ не игралъ въ карты, не пилъ, и все свое свободное время, а вѣдь онъ почти всегда былъ свободенъ, отдавалъ обществу со всею развязностью, веселостью и предупредительностью его оживленной натуры. Общество любило барона. Отцы семействъ видѣли въ немъ достойнаго молодаго человека; матушки многихъ дочерей даже умилялись при одной мысли о возможности пристроить за него одну изъ своихъ многихъ, тщетно вздыхающихъ дочекъ. Баронъ наслаждался такимъ отношеніемъ къ себѣ и дорожилъ имъ, какъ своею честью, а честь вѣдь для него всегда составляла синонимъ жизни, и при-

томъ честь, въ узкомъ смыслѣ этого слова, не личная, не всѣмъ людямъ свойственная, эта презрѣнная, мѣщанская честь, а рыцарская, баронская, вонногвардейская честь.

И понятія эти такъ глубоко засѣли въ душу барона, что онъ соткалъ изъ нихъ весь свой внутренній мірокъ, и въ немъ, независимо даже отъ мнѣнія окружающихъ, могъ и страдать, и наслаждаться.

Душою мірка являлось въ высшей степени развитое, чуткое и требовательное самолюбіе барона.

Въ немъ, въ этомъ міркѣ, баронъ не терпѣлъ ничего, что противорѣчило самымъ строгимъ правиламъ порядочности. Въ одномъ изъ первыхъ параграфовъ кодекса порядочности было выражено, «что порядочный человѣкъ, только до той поры можетъ считаться таковымъ, — пока держитъ слово и платитъ долги».

И вотъ, баронъ содрагался при каждомъ новомъ срогѣ вѣся, платилъ, платилъ всегда, бралъ у втораго и платилъ первому, или даже рѣшался на рядъ анафемскихъ пытокъ новаго самозаточенія. Бѣ сожалѣнію, въ этомъ кодексѣ очень туманно и весьма условно опредѣлялись отношенія такого утонченнаго въ своей порядочности человѣка къ женщинѣ.

«Порядочный человѣкъ, comme nous le prenons, долженъ по-рыцарски относиться къ женщинѣ, vous comprendrez bien, — женщинѣ «поставленной.» Онъ долженъ идти на встрѣчу ея малѣйшимъ желаніямъ, угадывать даже ихъ, эти желанія, удовлетворять имъ и свято хранить въ себѣ тайну женщины.»

Но баронъ мыслялъ порядочнаго человѣка только въ толпѣ женщинъ, да это иначе не могло и быть, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ низвелъ бы себя по отношенію къ женщинѣ до этого «презрѣннаго», «мѣщанскаго» «мое и твое.» Какъ сознавалъ, такъ и поступалъ. Онъ, со всею свойственною ему чуткостью, угадывалъ сокровенныя желанія женщины, шелъ имъ на встрѣчу, разжигалъ ихъ, творилъ тайное, и, сохраняя тайну въ тайнѣ, истинно наслаждался сознаниемъ и своего успѣха, и своей скромности.

Но и эта умѣренная сдержанность, и это совершенно внѣшнее уваженіе къ женщинѣ могли имѣть и дѣйствительно имѣли мѣсто; по понятіямъ барона, лишь только по отношенію къ женщинамъ «поставленнымъ», то есть, свѣтскимъ женщинамъ, принадлежащимъ къ обществу «хорошаго тона», что же касается до этихъ остальныхъ, до массы женщинъ всѣхъ національностей и всѣхъ

положеній, не имѣющихъ ни постановки, ни отношеній, ни прошлаго, ни будущаго въ этомъ обществѣ, его обществѣ, словомъ женщинъ, такъ сказать, лишенныхъ всякаго значенія самымъ фактомъ рожденія отъ неизвѣстныхъ свѣту людей, доступныхъ всѣмъ и каждому, и ему, барону, какъ и всякому простому смертному, то онъ оскорбилъ бы и себя, и всѣхъ людей своего круга, если бы позволилъ себѣ признать за ними хотя какія-нибудь права и на эту сдержанность, и на это уваженіе.

Вотъ этихъ то женщинъ, весьма и весьма нерѣдко попадавшихъ въ широкія, раскидистыя сѣти барона, онъ и называлъ бабочками своего огня.

«Бабочка» — какъ бы не была она хороша физически, какъ бы не была развита нравственно, — могла только подарить себя барону, могла бросить въ его жизнь, какъ въ море, еще нѣсколько безслѣдныхъ капель минутно-сладостной нѣги, но никогда не могла, ни оскорбить его, ни возбудить въ немъ состраданье къ себѣ. Въдъ ей, этой бабочкѣ, чуждо общество хорошаго тона, она не имѣетъ въ немъ ни отца, ни матери, ни даже людей, чувствующихъ и мыслящихъ такъ, какъ чувствуетъ и мыслить она.

Ни ея мольбы, ни тихій, сдержанный укоръ, ни страстное требованіе, ни громкій ропоть, ничто не могло достигнуть, чуткаго только къ себѣ и своимъ, уха свѣтскаго человѣка хорошаго тона...

И сколько жъ ихъ, этихъ бабочекъ погибло, погибло безвозвратно въ нѣсколько лѣтъ рыцарскаго подвижничества, по кодексу приличій, этого до утонченности порядочнаго человѣка. Какъ вокругъ вечерняго огня, ночью порою, и только ночью порою, когда не могли ни оскорбить, ни скомпрометировать барона близостью своею, изъ мѣсяца въ мѣсяць, а иногда и изъ недѣли въ недѣлю все новыя и новыя порхали онѣ, эти, покорныя мановенію, бабочки, порхали, улыбались ему, радовались на него, ласкали, заигрывали, чуть-чуть прикасаясь къ нему своими бархатно-нѣжными крылышками; но едва только занималась заря, онѣ исчезали изъ глазъ барона, и онѣ, тутъ же, въ тотъ же мигъ забывалъ ихъ, какъ каждый изъ насъ, вмѣстѣ съ чувствомъ жажды, забываетъ и освѣжившую его влагу.

И ничего, ровно ничего не значили, никакихъ, рѣшительно никакихъ правъ не имѣли онѣ во внутреннемъ міркѣ барона. Онѣ не могли заставить его страдать, точно такъ же, какъ вни-

жаніемъ удивить, какъ ласкою порадовать. Баронъ былъ равнодушенъ къ нимъ, какъ каждый изъ насъ къ явленію, только случайно мельгающему въ нашей жизни и не имѣющему никакого значенія ни въ нашемъ настоящемъ, ни въ будущемъ.

Но такъ или иначе, благодаря ли успѣху среди женщинъ «поставленныхъ» и улыбку, и привѣтъ которыхъ такъ высоко цѣнилъ баронъ, или же вліянію, несознанному имъ самимъ, вліянію цѣлаго роя слѣпо подвластныхъ ему бабечекъ, онъ до того проникся сознаніемъ своихъ достоинствъ, что малѣйшая неудача, даже самый намекъ на нее уже возмущалъ его, заставлялъ страдать, страдать порывисто, нервно, страдать уже въ самомъ себѣ и за самого себя, независимо и отъ отношенія къ нему, и отъ мнѣнія объ немъ окружающихъ.

Глава XX.

Баронъ былъ весьма радъ, узнавъ отъ Мясоѣдовой, что Загорская будетъ въ Собраніи. Ему такъ живо вспомнилось бывшее ихъ игры, шутки, рукопожатья, поцѣлуи..., и въ особенности послѣдній поцѣлуй въ будуарѣ; онъ какъ бы чувствовалъ еще этотъ поцѣлуй на своихъ губахъ, этотъ поцѣлуй какъ бы жегъ еще его губы огнемъ впервые загорѣвшейся страсти... И какъ все нравилось ему въ ней,—и ростъ, и гибкій станъ, и прихотливая улыбка ало-нѣжныхъ губъ, и взглядъ ея глубокихъ, темныхъ глазъ, съ какъ бы спадающей на нихъ тѣнью долгихъ рѣсницъ... Баронъ, не смотря на свою молодость, зналъ толкъ въ женщинахъ, и нерѣдко безсонною ночью порою, поднималась она во весь ростъ передъ нимъ, во всей силѣ своей красоты и страсти. Тогда онъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, онъ рвался къ ней, онъ готовъ былъ даже рѣшиться сдѣлать предложеніе; но разумъ бралъ верхъ, и снова возвращалъ его къ обыденнымъ условіямъ и требованіямъ жизни....

«И отъ чего она не княжна Шелихова, отчего у нея нѣтъ 200 тысячъ?» досадливо думалъ онъ, подъѣзжая къ дому князя Шелихова. Но, какъ ни гналъ онъ отъ себя эту раздражающую мысль, она все упорнѣе и упорнѣе преслѣдовала его, и за обѣдомъ у Шелиховыхъ, и въ номерѣ, за стаканомъ чаю. Онъ невольно сопоставлялъ Шелихову съ нею и все съ большимъ и большимъ удовольствіемъ думалъ о встрѣчѣ. Ему даже стоновилось досадно,

что онъ ни разу не видѣлъ ее за эти четыре дня, что не поѣхалъ къ нимъ. Да развѣ могъ? Развѣ бы это не было величайшей безагафностью? Она, а, въ особенности, Марья Бондратьевна, и эта півка, Вѣра Павловна, могли бы вообразить себѣ невѣсть что, считать его за жениха даже!... И понятно!... Гдѣ-жъ имъ додуматься, что она, ни по положенію, ни по средствамъ, не можетъ составить ему партіи.—Миленькая дѣвочка и больше ничего!... Табъ таки ровно ничего, пытался онъ себя убѣдить;—но время тянулось необычайно долго, и онъ все съ большимъ и большимъ нетерпѣніемъ дожидался одиннадцати.—Ровно въ одиннадцать баронъ сошелъ съ лѣстницы гостиницы Дрезденъ. Онъ даже чувствовалъ нѣкоторую дрожь, такъ волновало его теперь: «будетъ-ли Загорская въ Собраніи, какъ встрѣтится съ нимъ, вспомнить ли сцену въ будуарѣ?! Ну и что-жъ, что-жъ тутъ особо важнаго въ томъ, что я женюсь на Шелиховой и что она выйдетъ замужъ за какого-нибудь штафирку или несчастнаго армейскаго офицера,» думалъ онъ, садясь въ карету.—*Qu' est ce que c'est le mariage de nos jours?! Bien du tout, une bêtise...! сдѣлка!.. О, mon Dieu, кто на это смотреть, кто обращаетъ вниманіе?! Мужъ... Это щить, это прикрытіе, et rien d'autre,* и онъ уже видѣлъ Загорскую наединѣ съ собою, въ ея роскошномъ будуарѣ; онъ уже чувствовалъ ея талію въ своей рукѣ, его лица уже касалось ея дыханіе и все горячѣй и горячѣй цаловалъ онъ ее!

— Гей! рѣзко крикнулъ кучеръ.

Баронъ вздрогнулъ, взглянулъ. Карета остановилась у подъѣзда.

Завидѣвъ его, жандармы и городовые вытянулись въ струнку. Слегка сдвинувъ брови, онъ небрежно отдалъ имъ честь. Толпа мужчинъ и женщинъ въ швейцарской.... Ярко освѣщена краснымъ ковромъ устланная лѣстница.... Сверху доносились звуки кадрили. Ровно въ четверть двѣнадцатаго баронъ вошелъ въ залъ... Балъ былъ въ полномъ разгарѣ, но, не смотря на всеобщую оживленность, нѣсколько паръ глазокъ «барышень-крестьянокъ» свользнуло по немъ. Пронесся легкій, нуть слышный шорохъ. Баронъ понялъ, почувствовалъ этотъ шорохъ, даже вспыхнулъ, такъ приятно было это, очевидно имъ вызванное, движеніе. Кадриль кончилась. Начались общія фигуры. Въ морѣ свѣта мелькали пара за парой. Шумно, весело проносились онѣ, эти оживленные пары. Пара къ парѣ, къ парамъ пары, пока не сомкнулись въ одинъ общій огромный *rand*.—*Chaîne à droite*, раздался

голосъ дирижера, и все смѣшалось, задвигалось, зашевелилось.... Баронъ оживился.... Цѣлыми нескончаемыми вереницами пронеслись теперь въ его воображеніи, какъ свѣтлыя тѣни, воспоминанія прошлаго.... Фигуры кончились, музыка смолкла. Точно рой жужжащихъ мухъ, поднялся въ залѣ общій говоръ.

— Баронъ! слегка насаясь его руки вѣеромъ, отчетливо проговорила Мясоѣдова.

— А, Елена Александровна, и, коротко пожавъ ей руку, онъ мелькнулъ надъ нею вызывающе улыбкою своихъ бѣлыхъ зубъ.

— Чего это вы такъ задумались?... Когда я только что взглянула на васъ, не могла не усмѣхнуться, до такой степени ясно написано было на вашемъ лицѣ, что вы не отъ міра сего.

— Унесся; это со мной бываетъ всегда, когда я одинъ среди столь любимой мною кипучей жизни!

— Конечно; нечего и спрашивать!... Унесли въ вашу раззолоченный Петербургъ, на балы, на рауты, въ толпу безсмертныхъ львицъ, и по ея тонкимъ губамъ въ тотъ же мигъ скользнула насмѣшливая улыбка.

Баронъ чуть примѣтно передернулъ усами.

— Безсмертныхъ нѣтъ. Есть только смертныя, фигурирующія и нефигурирующія, сухо отвѣтилъ онъ.

— Да!... Значущія и незначущія, слегка вспыхнувъ, сказала Мясоѣдова. Разговоръ порвался.

— Вы не знаете, Елена Александровна, Загорская будетъ?

— О, какъ же, еще бы, я была у нея послѣ встрѣчи съ вами. Отъ нея проѣхала къ Зерновой.

— Кто это Зернова? обѣгая залъ зоркимъ взглядомъ, полурассѣянно спросилъ баронъ.

— Бузина княжны Шелиховой, Ольги Владиміровны.

— Вы ее знаете? быстро взглянувъ на нее, перебилъ баронъ.

— Нѣтъ, не знаю! Только слыхала отъ Власовой. Вездѣ волненья, вездѣ хлопоты, бѣгло продолжала она.—Княжна то же хлопочетъ. Власова говорила, что ужъ кто-то собирается помочь ей въ этомъ.

— Кто же этотъ кто-то? улыбаясь, снова перебилъ баронъ.

— Право не знаю. Но, во всякомъ случаѣ, кто бы онъ не былъ, мнѣ жалъ.

— Это отчего?

— Разочаруется, и она распустила вѣеръ.

— Въ чемъ? не сводя съ нея испытующаго взгляда, перебилъ ее баронъ.

— Носится легенда, играя вѣеромъ, медленно проговорила она, что за нею двѣсти тысячъ, а въ дѣйствительности онажится сорокъ.

— Да почему же это вамъ извѣстно? и баронъ свелъ брови.

— Стоитъ только спросить мужа ея сестры, Верховскаго.... А, Софи! самое себя перебила Мясоѣдова и, быстро отойдя отъ барона, она дружески протянула руку какой-то невзрачной блондинкѣ.

Баронъ нахмурился. Ему и раньше намекали. Но, развѣ онъ могъ вѣрить?!.. Теперь ему стала ясна и уклончивая, растяжимость князя въ разговорахъ о средствахъ къ жизни, и смущеніе самой княжны при его намекахъ вскользь, что конногвардейскій мундиръ въ высшей степени дорогъ и что семейная жизнь въ Петербургѣ требуетъ широкихъ средствъ. Баронъ теперь даже забылъ, что онъ на балѣ, такъ взволновало и растревожило его это, какъ бы нечаянное, сообщеніе.

— И еще занялъ 10,000!... Изъ какихъ рудниковъ платить теперь? и досадливо звякнувъ шпорою о шпору, онъ разсѣянно осмотрѣлся. Танцовали вальсъ.

— Ну, и можно ли было думать, что даже столь солидно поставленные люди, способны на такую мерзость?! и, глубоко вздохнувъ, баронъ безотчетно взглянулъ въ даль зала.

Въ противоположномъ концѣ толпою двинулись фраги. Высокая, стройная брюнетка.... «Ба!... Да это Загорская!» и такъ радостно ёкнуло сердце у барона.... Взволнованный, пошелъ онъ къ ней навстрѣчу....

Выступила, положила руку на плечо, пошла.... «Кавалеръ ниже ея ростомъ.... Очевидно ниже!... Смѣшно даже!» и ему не настолько было смѣшно, насколько досадно, что эта «короткохвостая штафирка» предупредила его....

Вотъ мелькнуло ея бѣлое платье, все ближе и ближе. Такъ близко прошла, что даже задѣла его шлейфомъ.

Точно сотканная изъ воздуха тѣнь, едва касаясь паркета, кружилась она съ своимъ кавалеромъ. Перешла къ другому.... Вонъ, вонъ.... Вонъ теперь мелькнула живая, блѣдная роза, что такъ робко украшала ея гордую головку.... Опять пошла.... Уже съ третьимъ.... Что за взглядъ.... сосредоточенный, холодный. «Вертись, моль, вертись.... А мнѣ какое дѣло», какъ бы гово-

рила она этимъ равнодушнымъ взглядомъ своему, счастливому близостью къ ней, кавалеру.

— Прелесть, созналъ баронъ и, чуть вздохнувъ, невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону вихремъ уносившейся пары.... Опять, опять, все ближе и ближе.... Теперь уже съ высокимъ, красивымъ брюнетомъ.... Снова поровнялась.... «*Pas si vite, pas si vite, mon prince....*» прожурчалъ въ ушахъ барона ея мягкій, грудной голосъ.... «*Mon prince!*» особенно вѣско отозвалось въ баронѣ. Онъ тревожно всмотрѣлся. Брюнетъ статенъ и ловокъ. На лѣвомъ борту фрака малиновая бутоньерка распорядителя. Барономъ все глубже овладѣвало безотчетно-досадливое чувство и ему такъ улыбалась мысль однимъ разомъ низложить, уничтожить и этого красиваго, стройнаго князя и эту толпу увивающихся вокругъ нея штафирокъ. Онъ быстро пересѣкъ залъ къ той точкѣ, на которой будто замеръ князь въ парѣ съ ней.... Опять пошла. Теперь съ какимъ-то несчастнымъ армейскимъ офицеромъ. Баронъ поморщился. Его безотчетно оскорбляла въ ней эта готовность танцовать со всѣми и каждымъ, со всякою дрянью, лишь бы только танцовать.... Въ нѣсколькихъ шагахъ снова очертилась ея стройная фигура. У барона такъ сильно забилось сердце, что онъ, подходя, съ трудомъ преодолевалъ свое волненіе, и ему все свѣтлѣе улыбались ея радость, ея смущеніе при столь внезапной встрѣчѣ съ нимъ.—«А если эта пустая трещетка сказала ей, что я въ Москвѣ?» Эта мысль даже ужаснула его.

— *Un tour de valse, mademoiselle*, вепыхнувъ и, быстро склоняясь, пригласилъ онъ ее.

Загорелая смѣрила его холоднымъ, пристальнымъ взглядомъ и, слегка нагнувъ голову, молча отдалась въ его руку.

Быстрѣе и быстрѣе, кругъ за кругомъ, все легче и шире.... Ея горячее дыханіе касалось его лица; онъ чувствовалъ въ своей вѣрнопой рукѣ ея гибкую, стройную талию; совсѣмъ, совсѣмъ близко, подъ самыми губами мелькало ея точно выточенное изъ мрамора плечо, и, не смотря на всю эту внѣшнюю близость, онъ также далеко чувствовалъ себя отъ нея, какъ и въ тѣ минуты, когда мелькала она предъ нимъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ сонма своихъ кавалеровъ.... Какимъ-то непостижимымъ холодомъ вѣяло на него. Въ ней, какъ будто, не было жизни. Въ ней не было и признака прежней Наташи. Баронъ почувствовалъ себя чужимъ, потерялся. Какими-то пятнами мелькали въ глазахъ его пары.

— Merci, раздался въ немъ ея чуть слышный голосъ.

Онъ быстро отвелъ руку.

— La contredanse suivante, mademoiselle.

— Je danse.

— Et la troisième, la quatrième?

— Aussi, и, взглянувъ на него съ нетерпѣливо-досадливой гримаской, она отошла къ Натальѣ Игнатьевнѣ.

Баронъ выпрямился, поблѣднѣлъ и, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ Натальи Игнатьевны, быстро пошелъ въ противоположный конецъ зала.

«Чего она?... Что съ нею?!.. Но что бы ни было, развѣ можно допустить, что она забыла меня, забыла будуаръ!... Нѣтъ, нѣтъ!... эта холодность притворная, рассчитанная. И ей надо отвѣтить тѣмъ же, ея надо не замѣтить, выказать ей пренебреженіе, чтобы поняла, что она, по отношенію ко мнѣ, ни больше, ни меньше, какъ дѣвочка, какъ воспоминаніе прошлаго, какъ скромная, ничтожная «барышня-крестьянка».... какихъ сотни, какихъ тысячи.... что я и подошелъ къ ней собственно ея ради!» досадливо думалъ баронъ, подходя къ Одоленскому. Онъ представился. Князь въ свою очередь представилъ его своей сестрѣ, какой-то графинѣ и еще двумъ сестрамъ, скромнымъ «барышнямъ-крестьянкамъ». Началась полька. Баронъ, пригласивъ княжну Одоленскую на слѣдующую кадрили, сталъ между колоннъ. И опять закружились пары. Теперь онъ бѣсился уже на самого себя. Онъ со всею ясностью сознавалъ, что долженъ былъ забыть объ ней, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ, что забылъ, что ея для него какъ бы не было въ залѣ, и, между тѣмъ, какъ бы намѣренно, какъ бы на зло, все холоднѣй становилось рукамъ, все напряженнѣе слѣдилъ его взглядъ за ея, такъ часто мелькавшею въ толпѣ блѣдною розою. И что за чудная роза!... Точно дышетъ, точно говоритъ, и такъ робко-застѣнчиво высматриваетъ на него, на всѣхъ изъ-подъ густыхъ, темныхъ волосъ на ея гордо откинутой головкѣ.... Все тотъ же холодъ, — холодъ сознанія своей силы, своего непобѣдимаго господства. Вотъ опять, опять возлѣ него.... Только что, только оставила ея рука плечо Одоленскаго. Баронъ замеръ. Тихо, плавно вздымалась ея взволнованная грудь, трепетно-знойно вздрагивали полуоткрытыя губы.... Истомой нѣги, истомой страсти дышала она вся, вся, въ ту, волную чаръ, минуту. Онъ вспыхнулъ, подошелъ, склонился. Загорская, молча, подала руку. Еще вѣроче, еще ближе охва-

тилъ онъ своей сильной рукою ея гибкую талию.... Она и не замѣтила, но только еще дальше, дальше чѣмъ въ вальсѣ отвела отъ него свою гордую головку.... Онъ не сводилъ глазъ съ ея лица.... Кругъ за кругомъ, и за каждымъ кругомъ все блѣднѣе она.... Опять и холоденъ, и сосредоточенъ, устремленный куда-то въ сторону отъ него взглядъ... И опять—холодное шегсі. Баронъ остановился. Наташа быстро оставила его руку и такъ оживленно, такъ легко вздохнула, какъ будто, вмѣстѣ съ этою рукою, сбросила съ себя неприятно давившую гибкій станъ ея тяжесть....

— Наталья Алексѣевна! сильно дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ, избѣгая, точно робѣя, ея пристального взгляда.

— Что?

— Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ удѣлить десять минутъ.

— Pardon, и не взглянувъ даже, она подала руку какому-то лысому барину.

Баронъ болѣзненно сжалъ губы, вспыхнулъ и отошелъ.

— Bonsoir, bonsoir, внятно проговорилъ мягкій, мужской голосъ.

— Bonsoir, prince. Et—mademoiselle la princesse?

— Elle regrette beaucoup. Mais.... у нея такъ разболѣлась голова, что она не была въ силахъ даже одѣться.

— Скажите!... Какъ жаль!

Балъ оживлялся. Баронъ танцевалъ безъ конца; но онъ уже не подходилъ больше къ Загорской.

Загорская танцевала съ княземъ Одоленскимъ, баронъ съ его сестрою. Княжнѣ было весело. Баронъ былъ такъ оживленъ, такъ остроуменъ, такъ хорошо танцевалъ мазурку, и точно весь, всѣмъ своимъ вниманіемъ, былъ въ ней, княжнѣ.... Княжна даже два раза, чуть-чуть прищурившись, такъ посмотрѣла на Загорскую, какъ будто подсмѣивалась надъ нею въ своемъ успѣхѣ надъ самымъ блестящимъ представителемъ молодежи.

И дѣйствительно, мазурка тянулась уже около получаса, а баронъ не только не выбралъ Наташу, но даже ни разу и не взглянулъ въ ея сторону.... И чѣмъ болѣе онъ овладѣвалъ собою, тѣмъ холоднѣе, тѣмъ равнодушнѣе на всѣхъ, на все смотрѣли его большіе, выразительные темно-голубые глаза, и только, обращаясь къ княжнѣ, они расширялись и, расширяясь, оживлялись какимъ-то особымъ выраженіемъ, заставлявшимъ княжну вспыхивать.... Началась фигура троекъ.... Въ первой парѣ выступила Загорская съ княземъ Одоленскимъ. Князь хо-

рошо танцовалъ мазурку. Его движенія были настолько же скромны, сдержаны, непринуждены, насколько легки и граціозны.... Въ полушагѣ, полуборотомъ къ нему, мелькая изъ-подъ платья носками своихъ крохотныхъ ножекъ, скользила она.... Та же холодность гордаго сознанія красоты и силы. «Любуйтесь, любуйтесь мною.... И я знаю это, и я позволяю вамъ», какъ бы говорила ея стройная фигура.

Полуопущены рѣсницы.... Лишь отъ времени до времени вздрагиваютъ ноздри, да въ тонкомъ прозрачномъ румянцѣ рдѣетъ взволнованная кровь.... Баронъ забылся....

— Вамъ нравится м-ше Загорская? нервно передернувъ губами, обратилась княжна.

— Она была бы лучше, если бъ не такъ ломалась; она слишкомъ неестественна, уклонился баронъ и невольно повернулъ голову въ ту противоположную сторону зала, съ которой приближалась теперь Загорская.

Вотъ уже уголь, вотъ сейчасъ поворотъ.... Князь отскользнулъ, въ два, три па описалъ полукругъ и, повернувшись теперь лицомъ къ барону, стройно, шагъ въ шагъ съ нею, повелъ ее по прямой къ нимъ.... Баронъ забылъ княжну.... Вотъ она уже въ нѣсколькихъ шагахъ.... Князь будто замеръ на вытянутомъ правомъ носкѣ. Загорская отскользнула, выпрямилась и вся—жизнь, вся—огонь, стремительно отдалась въ руку князя.... Баронъ ненавидѣлъ въ эту минуту Одоленскаго.... Но вотъ онъ оставилъ ее. Она выбрала три ленты изъ общей связки лентъ и, мелькомъ глянувъ на барона, направилась къ нему.... У него дрогнуло и въ тотъ же мигъ замерло сердце....

— Это любимѣйшая моя фигура, съ трудомъ переводя духъ, и дѣлая видъ, что не замѣтилъ ни ея, ни движенія къ себѣ, проговорилъ баронъ. Но вотъ она приостановилась, приостановилась прямо противъ него, и, какъ бы недоразумѣвая или колеблясь, замерла на мѣстѣ. Тутъ не видѣть ее можно было только намѣренно. Баронъ ужъ полувсталъ, такъ близко подошла она, такъ вызывающе улыбаясь, посмотрѣла на него и, тутъ же, съ тѣмъ же выраженіемъ, какъ бы и не замѣтивъ лихорадочной его готовности, отскользнувъ, протянула руку какому-то лысому барину вправо отъ барона, мельнула съ нимъ подлѣ самаго барона такъ близко, что задѣла его шлейфомъ, и, гордо откинувъ голову, понеслась съ своимъ кавалеромъ въ противоположный конецъ зала.... Опять вся кровь прилила ему въ голову. Все спута-

лесь, смѣшалось... Баронъ впервые въ жизни почувствовалъ себя въ положеніи человека; получившаго крупный щелчокъ...

— Это тонко, улыбнувшись, замѣтила княжна.

— Вы хотите сказать дерзко!

— Опять, опять!.. Ей нужно третьяго.

— Третьяго, особенно означила княжна; Баронъ покосился.

Загорская съ тѣми же кавалерами чрезъ весь залъ неслась теперь къ нему, очевидно къ нему.

— Баронъ, протягивая руку, тихо проговорила она.

Теперь она казалась смущенной. Ни то стыдилась столь побѣдившаго ее желанія выбрать его, ни то робѣла передъ нимъ, барономъ Бернсдорфомъ, львомъ петербургскаго бомонда, ни то смѣялась надъ княжною, въ себѣ теперь отражая ее къ нему, барону, лихорадочное вниманіе... Тагъ-ли: поняла княжна?... Только она вспыхнула по самымъ ушамъ... «Что же?... Новая васмѣшка»?.. кольнуло барона. Онъ медленно всталъ, и съ ногъ до головы охвативъ Загорскую холоднымъ, стальнымъ взглядомъ, молча протянулъ ей руку.

Балъ кончился.... Баронъ торопливо пожалъ руку княжѣ, и тутъ же, смѣшавшись съ толпою, выслѣдилъ Загорскую. Долинъ и Одоленскій сопровождали ее.... Баронъ видѣлъ, какъ Одоленскій набросилъ ей на плечи шубку, какъ Долинъ завязалъ концы ея шарфа, видѣлъ, какъ мелкнула ея рука въ его рукѣ.... Что-то сказала, чему-то улыбнулась и все смѣшалось передъ барономъ, зашепталось, задвигалось....

Глава XXJ.

Баронъ уѣхалъ изъ Собранія съ твердымъ намѣреніемъ вовсе не быть у Щебринскихъ, и, между тѣмъ, на слѣдующее-же утро, въ два часа, онъ уже былъ у нихъ. Марья Кондратьевна и Наталья Игнатьевна приняли его, по прежнему, радушно; Вѣра Павловна холодно; Загорская спокойно-привѣтливо, и это еще сильнѣе раздражило его. Теперь его даже оставила мысль, что она только притворялась равнодушною, что только играла роль. Нѣтъ!... Она была вполнѣ естественна,—она просто стала ему чужою, и, съ такимъ характеромъ, какъ у нея, если уже чужою разъ, то чужою навсегда. Она сохранила свое спокойствіе даже и тогда, когда онъ намекнулъ ей на ихъ прошлое. Значитъ, и

«Это прошлое мелькнуло ей, какъ сонъ, тогда какъ въ немъ было такъ живо, такими чарами непонятными волновало его: «Такъ неужели исчезло это прошлое безъ последствий, исчезло такъ, какъ будто и не было его вовсе?» и такъ холодно установилось у него на сердце при этой невыносимо-грозавшей, непрерывно преслѣдовавшей его мысли. «И что-же, и что тутъ причиною?» У него началась лихорадка...

На балу подь новый годъ заставила Загорская барона ждать долго ея прѣзда, но за то она дала ему и вторую кадрили, и мазурну.

Въ мазуркѣ баронъ оживился до послѣдней степени. Его радовала ея улыбка и блескъ ея глазъ. Онъ осыпалъ, смѣялся, подтрунивалъ надъ опрушающими.... Загорская съ каждой минутой оживлялась все болѣе и болѣе.... Въ grand rond она, она, еще нѣсколько десятковъ часовъ тому назадъ, гордая, надменная, холодная, — пожала ему руку.... Да, пожала.... Онъ мушествовалъ отчетливо, ясно чувствовалъ пожатіе тонкихъ пальцевъ ея крохотной руки.... Пожала.... И тутъ-же, въ тотъ-же мигъ опять стала холодной, какъ въ тотъ и очаровательный, и ненавистный вечеръ встрѣчи съ нею въ Собраньи.

Раза три послѣ этого бала былъ баронъ у Щебринскихъ и всякій разъ встрѣчалъ у нихъ князя Долина.

Всегда серьезная, всегда, повидимому, одинаково-внимательная къ Долину, она въ одинъ вечеръ по нѣсколько разъ измѣнялась къ нему. То оживлена, игрива; то холодна, какъ ледъ; то внимательно слушаетъ его, слѣдитъ за нимъ глазами; то, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, отойдетъ отъ него къ Долину, какъ отъ явленія безинтереснаго къ явленію полному жизни и интереса. Баронъ смѣялся надъ Долинымъ и ненавидѣлъ его....

Уѣзжая въ Петербургъ, баронъ, какъ-бы вскользь, сказалъ, что онъ будетъ въ Москвѣ лѣтомъ. И Марья Бондратьевна, и Наталья Игнатьевна просили его заѣхать въ Щебринку; только Наташа ни взглядомъ, ни улыбкой не поддержала этой просьбы. Развѣ не ясно было изъ этого, что она даже не желала его больше видѣть.

Г л а в а . X X J J .

Тревожно провелъ баронъ ночь наканунѣ отъѣзда... Что-то мучило, что-то томило, угнетало, и все, рѣшительно все, раздражало его.

— Что ты мечешься, точно бѣлены обѣлся, сердито крикнулъ онъ, ни съ того ни съ сего на номернаго, со всею властичностью лакея-аристократа, поставившаго на столъ передъ диваномъ серебряный подносъ со всевозможными закусками.

— Никакъ нѣтъ-съ! оправдывался лакей.

— Пошелъ вонъ!

Лакей, поднявшись на носки, тихо вышелъ.

Баронъ подошелъ къ столу, налилъ рюмку водки, поднесъ къ губамъ, откинулъ голову и, разомъ выпивъ, вздернулъ усы до самаго носа.

— Фай!... Какая мерзость! Не то водка, не то укусъ, со спиртомъ.... Эй!

Никто не отозвался.

Баронъ крѣпко нажалъ пружину у портьеры.

У двери въ ту жъ минуту точно выросъ изъ-подъ земли только что изгнанный лакей-аристократъ.

— Отчего у васъ такая отвратительная водка?!... крикнулъ онъ такимъ голосомъ, что лакей поблѣднѣлъ и какъ будто выросъ.

— Водка хорошая-съ, защищался онъ.

— Молчать, дуракъ!

Лакей молчалъ.

— Ступай вонъ!

Лакей вышелъ.

— Да крикни деньщика, уже за дверью приказалъ баронъ, и, возвратившись, взялъ съ подноса кусокъ хлѣба съ сардинкой. Опять поморщился. Теперь и сардинка казалась ему прокислой....

Вошелъ деньщикъ и тоже вытянулся.

Баронъ посмотрѣлъ.

«Какая глупая морда», подумалось ему. «И отчего я считалъ его до сихъ поръ неглупымъ малымъ?»

— Все уложилъ?

— Точно такъ, ваше благородіе,—мигая, удостовѣрилъ деньщикъ.

— Нѣтъ.... ужасно глупая морда. Пошелъ вонъ!

Деньщикъ вышелъ. Баронъ занеръ дверь и крупными шагами заходилъ во всю длину номера. Опять подошелъ къ столу и теперь взялъ кусокъ хлѣба съ сыромъ, попробовалъ, черезъ чуръ остеръ и.... липнетъ. Рѣзко щелкнулъ палецъ о палецъ. Еще прошелъ нѣсколько разъ, взялъ свѣчу и остановился съ нею противъ зеркала. Это значило, что баронъ скоро намѣренъ былъ идти спать;—ибо по разъ на всегда установленному порядку, отходя ко сну, онъ имѣлъ обыкновеніе тщательно всмотрѣться въ себя.... Не произошло-ли, молъ, за этотъ день въ его лицѣ какихъ-либо особо-важныхъ измѣненій.... На этотъ разъ, баронъ нашелъ, должно быть, измѣненіе не въ свою пользу.... Онъ поморщился и, быстро повернувшись къ зеркалу спиною, прошелъ въ спальню.... Раздѣлся, легъ. Погасилъ свѣчу.... Нѣсколько разъ повернулся съ лѣваго бока на правый, съ праваго на лѣвый, разыскалъ спички и опять зажегъ свѣчу.... собственно потому, что ему кто-то сказывалъ, что когда не спится, то надо напротивъ глазъ поставить огонь, и тогда уже непременно заснешь. Но нѣтъ, видно баронъ былъ серьезно разстроенъ. Не помогла и свѣча. Надвинулъ вѣки на сколько могъ. Огонь исчезъ, а вѣки все не тяжелѣютъ. Но вотъ теперь ужъ вѣрно заснетъ. Что-то такое зашевелилось, засѣрѣло, затуманилось. Вотъ опять свѣтъ. Просторная высокая комната, оклеенная малиновыми, бархатными обоями; направо два зеркала въ рѣзныхъ старинныхъ, краснаго дерева, рамкахъ, противъ, надъ диваномъ, тоже зеркало. Странно.... Вѣдь, я-же на кровати?!... Отчего-же это теперь мнѣ кажется, что я на диванѣ, и что противъ меня не занавѣсъ, а какая-то картина.... И чего онъ радуется, этотъ глупый Тиролецъ на эту поселянку съ цвѣтами?! Вѣдь у нея нога больше головы. Пребезобразная пога. Точно, только что по ней колесомъ проѣхали и расплюснули.... Уголь.... Печка изъ бѣлыхъ изразцовъ. Даже не оклеена обоями.—Да что это такое?—Трактиръ или гостинница какого-нибудь Афонасія Ивановича? —Туманъ, положительно, туманъ.... Какія-то облака, дымчатая, прозрачныя.... Что-то мельнуло.... тамъ, въ этомъ туманѣ.... Не то двѣ звѣздочки, не то?... Нѣтъ, это свѣчи.... Зеленый столъ....—Семь пикъ! Душенька.... проговорилъ знакомый голосъ.—Три женскія фигуры.... Всѣ согнулись, точно что-то ловятъ на столъ.... Ба, ба, ба!... Да это Щебринская, Бояринова и Мясоѣдова....И какъ это имъ

не надоѣсть всю жизнь свою рѣзаться въ карты!... А вотъ и кожаное кресло, отъ царя Гороха Марья Кондратьевна наследіе.... Сидитъ.... Вотъ и безобразные черепашечьи очли.... Сдвинула на самый кончикъ носа. Какія отвратительныя!—И чего это я ихъ такъ люблю?!... А что, если бы ее, эту затхлую Марью Кондратьевну на этомъ креслѣ и съ очками на носу, такъ и перенести на какой-нибудь раутъ chez nous, à Pétersbourg! баронъ громко засмѣялся; разсмѣялся и тутъ-же далъ себѣ слово никому не говорить въ Петербургѣ, что у него есть въ Москвѣ такая знакомая, Марья Кондратьевна, въ кожаномъ, истертомъ креслѣ съ черепашими очками на носу и съ табакомъ подъ носомъ.... И чего она ухмыляется, точно ясочка? Глупо, ужасно глупо!... Ужъ не радуется ли, что этотъ безногий философъ поневолѣ врѣзался въ ея Наташеньку по самыя уши!... Однако, какой онъ отвратительный.... этотъ князь!... И чего, чего находить по дѣлымъ часамъ говорить съ Натальей Алексѣевной?... Вонъ, и теперь.... Нѣтъ! Это не она... Это—поселянка. Только, что же это мнѣ показалось, что у нея большая нога?!.. Напротивъ того, маленькая, совсѣмъ маленькая, и притомъ прелестная ножка! Вотъ, и другая.... Вотъ мелькнула правая, лѣвая; мелькнули будто обѣ разомъ.... Брохотныя, бѣлоснѣжныя. Шалуныя, ахъ, какія прелестныя шалуныя!!... Точно пересмѣиваются, точно заигрываютъ другъ съ дружкой.... Спрятались, обѣ спрятались.... Опять, опять скользятъ, дразнятся изъ-подъ волнующихся, легкихъ, какъ воздухъ, тарлатановыхъ складокъ бѣлаго бальнаго платья.... Свѣтло, оживленно.... Плавно, весело несетъ пара за парой.... Фраки, мундиры, платья всѣхъ цвѣтовъ.... А, вонъ и роза... Вонъ, вонъ съ малиновой бутоньеркой. То роза, то бутоньерка, то бутоньерка, то опять роза... Вотъ. приостановилась, замерла.... Баронъ стремительно бросился къ ней.... «Ахъ, Боже мой!... Да это жъ не роза, это—Загорская... Вотъ ея плечо, и холодное, и стройное, точно выточенное изъ мрамора. Робко, будто боясь изболочить себя, вздымается грудь.... Дышетъ, вся дышетъ, дышетъ своими алыми, нѣжными, вздрагивающими губами.... Вотъ, вотъ.... Уже почти въ рукѣ тонкая, гибкая талія. Баронъ охватилъ.... стремительно, страстно.... Что это?... Да ничего и никого.... Только что-то носится, только что-то смѣется надъ самой его головой.... Роза.... Это она порхаешь, она и вѣетъ, и смѣется надъ нимъ. Она отъ него, онъ за ней, опять отъ него, опять за нею.... Ничего не видитъ, не слышитъ, не

понимаетъ.... То роза, то опять Загорская, то снова роза, и снова Загорская.... Настигъ и крѣпко, безжалостно стиснулъ гибкій стебель блѣдной розы.... Да это—не роза, это—талиа стройнаго Загорской стана.... Баронъ замеръ.... Лицомъ къ лицу съ ней надменная, гордая головка Наташи....—«Merci», слышится ему ея голосъ. Снова и пусто, и холодно. Какъ будто не было даже въ его рукѣ талии Наташи. Опять малиновая комната.... Вотъ очки, черепашьи очки на самомъ кончикѣ пожелтѣвшаго носа Марьи Кондратьевны; уродливая поселянка, рука объ руку съ глупо ухмыляющимся тирольцемъ.... «Удивительно этотъ тиронецъ похожъ на моего деньщика», сообразилъ баронъ. Опять свѣчи, опять три граціи у стола.... А вдали, въ полуосвѣщенномъ углу, Загорская вся въ черномъ.... «И какъ къ ней идетъ черное.... Еще блѣднѣе, еще строже и рѣзче выступаетъ профиль со вниманіемъ склоненной въ сторону Долина головы. И чего, чего они тамъ?!» Баронъ не выдержалъ, всталъ и подошелъ къ ней.—«Кто ты?», полуприподнявъ на него долгиа рѣсницы, медленно спросила Наташа.... «Я.... я.... золото....» самъ даже не отдавая себѣ яснаго отчета, почему онъ золото, отвѣтилъ баронъ.—«Не все то золото, что блеститъ», усмѣхнувшись, замѣтила Наташа и опять повернулась въ сторону князя.... Вся кровь бросилась въ голову барона. «Кто жъ сказалъ ей это, какъ не князь?» мелькнуло ему. Что-то судорожное пробѣжало въ баронѣ. Онъ поднялъ руку и со всего размаха ударилъ князя въ правую щеку.... Что-то зязвенѣло, что-то разбилось.... Баронъ медленно открылъ глаза.—Свѣча сгорѣла на половину. На столикѣ лежали опрокинутыми колокольчикъ и пепельница. Подъ столикомъ на коврѣ, едва примѣтно блестѣли осколки разбитаго стакана.

— Фу! какъ это глупо! разомъ вставая, вслухъ сообразилъ баронъ.

«Не все то золото, что блеститъ», живо вспомнились ему слова Наташи.

«И неужели, неужели въ самомъ дѣлѣ, она составила обо мнѣ такое именно мнѣніе», кольнуло вновь барона. Онъ не могъ заснуть уже во всю остальную ночь.

На слѣдующій день, баронъ съ курьерскимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Москвы. Онъ унесъ съ собой твердое намѣреніе вер-

нуться какъ можно скорѣе, и во что бы то ни стало, воскресить въ Загорской прежнюю Наташу... Что потомъ, — онъ не задавался. Да и вообще избѣгалъ даже думать объ этомъ, и только все порывистѣе, все лихорадочнѣе чувствовалъ въ себѣ потребность ея любви и такъ пусты, такъ ничтожны были теперь передъ нею всѣ удовольствія петербургской жизни, всѣ его прежніе интересы, всѣ надежды....

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

М. Гоголь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ДѢЙСТВО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

(1762 г.).

Посвящается Александру Алексѣевичу Нарышкину.

.... а совершилось оное дѣйство съ общаго отъ всѣхъ составной согласія и восторга; и самое происхожденіе всего было безъ единыя капли пролитыя крови.

(Изъ частнаго письма современника переворота).

Mais c'est un conte de mille et une nuits!!..

(Восклицаніе Людовика XV при чтеніи депешки посла о воцареніи Екатерины II).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зима, морозъ трескучій, полночь, но свѣтло какъ днемъ!... Вдали отъ жилья, среди густаго лѣса, укрываясь среди чащи, гдѣ топырятся и переплетаются голые сучья и вѣтки, обсыпанные серебристымъ снѣгомъ, стоитъ человекъ.

Среди глуши и дичи лѣса, среди тиши ночной, ярко озаренный луннымъ свѣтомъ, такъ что лиловатая тѣнь пятномъ лежитъ за нимъ на сугробѣ — онъ одинъ здѣсь — шевелится, дышетъ, живетъ.... Все окрестъ него, мертвецъ нѣмой и бездыханный, окутанный и увитый бѣлымъ саваномъ.

Морозъ все убилъ и все зарылъ будто кованыя и закалённыя снѣговыя глыбы.

Круглый мѣсяцъ сіяетъ среди яснаго, синевадаго неба и только изрѣдка укрываютъ его, низко и быстро несущіяся округлыя и крѣпкія облака. Какъ клубы дыма, облака чередою, на мгновеніе, застилаютъ мѣсяцъ и желтѣютъ отъ сквозящаго свѣта.... Но тотчасъ же мѣсяцъ, будто самъ прорѣзавъ ихъ, вы-

летаетъ изъ облачной паутины и мѣгунимъ взмахомъ стремительно идетъ прочь, будто несется побѣдно въ безпредѣльной и многотумной синевѣ ночи.

И каждый разъ только легкая и мгновенная тѣнь скользнетъ по бѣлымъ глыбамъ снѣговъ и исчезнетъ.... Будто таинственный призракъ, безмолвно, безслѣдно промесся по замѣт и умчался въ свой невѣдомый путь!...

А ясный мѣсяцъ въ небѣ, холодно-веселый, будто тоже льдистый, равнодушно глядя сюда съ великой заоблачной шири, только и находитъ, что голую, сѣрую, шероховатую чащу лѣсную, да бѣлыя глыбы. И все здѣсь серебристо, лучисто и мертво.... Только синіе и цинковые огоньки и искры вспыхиваютъ, сверкаютъ и меренуть, будто бѣгаютъ и играютъ по стволамъ, вѣтвямъ и сугробамъ.

Незнакомецъ стоитъ на самой опушкѣ лѣса, полуукрытый сосной, а предъ нимъ маленькая прогалина лѣсная и бѣла она... Бѣла и чиста, какъ только можетъ быть бѣла снѣжная полянка, среди дремучаго бора, по которой нога человѣчья не ступала еще ни разу съ начала зимы. Ни пятышка, ни соринки, ни единой точки темной. Ясная и гладкая глыба, какъ бы сахарная, вся усыпана алмазными искрами и серебрится, играя въ лучахъ мѣсяца; а утонетъ онъ на мгновеніе въ облакахъ, то синевой отливать начнетъ глубокой сугробъ.

Человѣкъ этотъ — охотникъ. Близъ него, на подачу руки, стоятъ, у ствола дерева, короткій мушкетонъ и длинная, здоровая рогатина, о двухъ стальныхъ зубцахъ. Но охотникъ забылъ, видно, про оружіе и, прислонясь спиной къ большому обледенѣлому дубу, отвачнулся на него, засунувъ руки въ карманы мѣховаго кафтана, закинулъ голову въ мѣховой шапкѣ и все задумчивое лицо его въ лучахъ мѣсяца. Высокій ростомъ, плотный, могучій въ плечахъ, удалый по лицу и взгляду, онъ или забылъ, зачѣмъ стоитъ въ ясную полночь среди дикаго лѣса, или просто усыпало его — дѣло привычное. Или просто скучно стало, потому что давно ужъ онъ здѣсь. Во всей фигурѣ его есть что-то осанистое и гордое, что-то простое и важное вмѣстѣ и въ лицѣ, и въ позѣ, и даже въ одеждѣ. Молодое выбритое лицо, безъ усовъ и бороды, красивый профиль чистаго лица, большіе темные глаза, задумчиво слѣдящіе за игрой мѣсяца съ облаками, — все говоритъ, что это не простой охотникъ — звѣроловъ мзъ-за куска хлѣба.

Тишь полночная не нарушается уже давно ни единымъ звукомъ и не мудрено было задуматься ему и заглядѣться на небо. Долго стоялъ онъ такъ, не двигаясь и опрокинувъ голову, но, наконецъ, шевельнулся; тихо опустилъ голову, опустилъ глаза на серебристую полянку и вымолвилъ шепотомъ:

— Эхъ, моя бы воля...

Онъ вздохнулъ, зашевелился, передвинулъ ногами на уютнѣйшемъ мѣстѣ сѣвгу и сталъ озираться.

Оглядѣвъ онъ полянку, голову съѣтъ стволовъ, ея окаймляющую; потомъ глянулъ около себя на оружiе, но, казалось, не вполне еще сознавалъ окружающаго. Мысль его была еще слишкомъ далеко и еще не вернулась сюда, въ глушь, гдѣ топчирится кругомъ этотъ обмерзлый лѣсъ, гдѣ этотъ морозъ трещитъ и гдѣ стоять, прислоненные къ обледѣлой корѣ, рогатина и мундбетонъ, для любимой забавы, для боя, одинъ-на-одинъ, съ страшнымъ и сильнымъ, но всегда побѣждаемымъ врагомъ.

Однако онъ взялъ машинально сильной большой рукой тяжелую рогатину, откачнулся отъ дерева и оперся на нее.... ради перемѣны положенiя и отдыха тѣла.

Полупрерванная, движенiемъ его, мысль снова овладѣла имъ.

— Да, моя бы воля! вдругъ вслухъ сказалъ онъ и его собственные слова разбудили и его самого и окрестъ молчалий лѣсъ.

Вдали раздался едва слышно канной-то звукъ. Не то хрустнуло что-то, не то звякнуло. И послѣ одинокаго робкаго звука снова воцарилось то же затишье, тотъ же застой... Только и жизни, что въ облакахъ, а на землѣ все замерло, все недвижно.

— Чтожъ, однако... Тоска какая... Да и морозно! Нынѣ, должно быть, незадача отъ нѣмцева глазу, пробормоталъ онъ, едва слышно, и повелъ плечами.

Онъ начиналъ чувствовать, что сильный морозъ сталъ, наконецъ, пробираться и подъ его мѣховой кафтанъ, опоясанный ремнемъ, съ серебряными нашивками. У ремня торчалъ большой турецкiй пистолетъ и висѣлъ длинный, кривой кийжалъ. Но, однако, охотникъ тотчасъ же снова поднималъ голову и лицомъ къ мѣсяцу, снова забывъ про морозъ, лѣсъ и свою затѣю.

— Да. Лейбъ-Компанцы.... Въ одну ночь все дѣйство произвели! вымолвилъ онъ снова вслухъ, но вдругъ тотчасъ же какъ бы опомнился, оглядѣлся на дикiй лѣсъ и задвигался, окончательно разбуженный собственными мыслями.

Не сказаннаго вслухъ оробѣлъ, конечно, молодецъ, а тѣхъ мыслей, что наплывали, бились, роились и, не угадываясь въ головѣ его, бѣжали и смѣнялись другими. Одна только изъ нихъ постоянно будто рѣзала остальныхъ, пропускала ихъ всѣ, а сама оставалась въ головѣ, тотъ-въ-точь какъ вотъ этотъ мѣсяцъ: пропускаетъ мимо себя встрѣчныя причудливыя кучки облаковъ и рѣжетъ ихъ.... Они бѣгутъ прочь; дальше, невѣдомо куда, по далекой синевѣ, и исчезаютъ въ полночномъ небѣ, а мѣсяцъ хоть будто и плыветъ; а все тутъ, на мѣстѣ, и снова свѣтитъ, и снова сияетъ.

Мысль эта тоже, какъ мѣсяцъ въ небѣ, давно ясно и несмѣняемо воцарилась въ головѣ его. Мысль эту неотвязную онъ и выразилъ вслухъ, словно въ отвѣтъ на все остальное, что наплывало въ молодую голову и смущало ее образами и картинами, которыя, одна ярче другой, одна заманивѣе другой, были всѣ вполне чужды всему окружающему. Чужды и окрестному дикому лѣсу и его вооруженію. И, зная, не забавить его та затѣя, которая привела его сюда: мерзнуть терпѣливо на морозѣ и, озираясь, прислушиваться ко всякому шороху или звуку, ко всему, что можетъ ожить вдругъ среди этой нѣмоты ночью, среди глубокихъ снѣговъ и помертвѣлой чащи.

— Времена не тѣ были.... Да!... снова отдался онъ своимъ грезажъ.—За то въ одну ночь.... Простые рядовые, гренадеры.... Теперь они лейбъ-компанцы, да дворяне, а то Ваньки, да Васьки были. А лѣггарь-то этотъ, французъ, да еще съ французскими же и деньгами, былъ тутъ не при чемъ. Эдакаго одними деньгами не купишь!... Сама государыня, сказываютъ, только вздыхала, да робѣла.... Лестокъ чуть не силкомъ свезъ ее въ казарму.... Божье изволенье все сотворило. Гласъ народа—гласъ Божій А не будь его, какіе тутъ французскіе червонцы что сдѣлаютъ. А нынѣ гласъ народа воистину слышенъ. И черный народъ, и нашъ братъ, дворянинъ, и гвардія.... Только кличь кликни кто.... Первый! Да, но кто?! Кто?... Моя бы воля.... Эхъ, все пустое! Мысли одни!!

Раздался шорохъ среди чащи направо отъ полянки и охотникъ привычнымъ глазомъ быстро и зорко окинулъ оружіе за поясомъ; крѣпче обхватилъ рогатину и сталъ глядѣть пристальнѣе въ чащу. Что-то хрустнуло звучнѣе и ближе и шорохъ приближался.... Охотникъ двинулся слегка изъ-подъ дерева и сталъ на краю опушки, весь освѣщенный луной. Въ ту же минуту на

противуположной сторонѣ тоже появилась фигура человѣка и раздался голосъ.

— Эй! Не медвѣдь. Смотри, не пальцы!

— А я ужь было думалъ и онъ! отозвался этотъ.

Появившійся на опушкѣ былъ тоже охотникъ и будто двойникъ перваго. Такого же могучаго роста, такой же плечистый и молодець съ виду. Оба были къ тому же и одѣты и вооружены одинаково, только у втораго, не было рогаины.

Охотники богатыри, увязая въ снѣгу по колѣна, сошлись на ясной полянкѣ. Это были братья Орловы: первый — Григорій, вновь подошедшій — Алексѣй.

II.

— Что, Адеханушка?... Видно чухонецъ-то во снѣ видѣлъ Мишку.... Должно медвѣдей тутъ и не бывало никогда съ тѣхъ поръ, что мы цѣлую семейку объ Рождество ухлопали.

— Не можетъ статься, Гриша, отозвался младшій братъ.— Тутъ на сто лѣтъ хватить и досей, и медвѣдей, и всякаго звѣрья. Просто незадача. Говорилъ я — сглазить насъ этотъ проклятый Будбергъ. Знамое дѣло! Молодцы ѣдутъ на охоту, а онъ пути жемлетъ, да удачи.... Ну, и сглазилъ окаянный голштинецъ.

— Видишь ли, по ихнему изъ вѣжливости такъ слѣдь. Да это и вздоръ.... глазъ-то, вымолвилъ Григорій Орловъ.

— Вздоръ.... Толкуй. У тебя все вздоромъ стало послѣ граничнаго житья. Это российская примѣта—самая вѣрная.

Братья помолчали. Алексѣй снова заговорилъ.

— А меня, братъ, морозъ сталъ одолевать съ тоски. Пора бы ужь въ Красный. Поужинаемъ, да и домой. Ей-Богу! Мало-ль что?... Можетъ даже нужда въ насъ случиться. Да и морозина тоже чертовскій, всю ночь не выстроишь. Какъ, Гриша, на твой разсудокъ?

— Обидно съ пустыми руками.

— Нашихъ-то не слышать. Словно померли всѣ.... Надо думать, они за версту уползли. Если и поднимутъ Мишку, не намъ достанется. Пойдемъ-ка къ лошадямъ? А?...

— Пойдемъ, коли хочешь, равнодушно отозвался Григорій.

— У меня, по истинѣ, и не то на умѣ. Не такъ, какъ бывало прежде. Какія теперь забавы, да охоты.... тише сказалъ Алексѣй Орловъ.

— Да. Нынѣ не таковой медвѣдь изъ Нѣмечин пожаловалъ вдругъ, да на шею сълѣзъ! весело разсмѣялся вдругъ старшій братъ, потрясая могучими плечами, и звонко раздался его смѣхъ богатырской среди серебристой чащи.

Нѣсколько снѣжинокъ отъ смѣха и отъ движенія его посыпались съ ближайшей сосонки и засверкали при беззвучномъ паденіи.

— Тинге.... Чего горланишь!...

— Въ лѣсу-то. Господь съ тобой, Алеханушка.

— Въ лѣсу? При Бироновѣ, сказывалъ родитель, опѣнки изъ лѣсу бѣгали доносить про все, что толковалось въ чащѣ.

— А тутъ теперь и опѣнокъ нѣту. Зима! шутили Григорій Орловъ.

— Береженого Богъ бережетъ. Да, времена нынѣ пришли. Два мѣсяца, какъ померла Лизаветь Петровна, а что ужъ воды утекло.... А все этотъ принцъ. Все онъ. Государь тутъ, ей-ей, ни причемъ. Не прѣзжай онъ....

— Да этотъ принцъ Жоржъ не то, что вонъ лѣсной Михаилъ Иванычъ Ведмѣдевъ, тише вымолвилъ братъ. Этотъ не насъ однихъ сомнетъ своими порядками.

— Насъ?... Какъ бы всю гвардію не помялъ, отозвался Алексѣй. Да что гвардія! Все можетъ поломать и вверхъ ногами вывернуть. А мы будемъ смотрѣть, да моргать! Да! какъ-то странно и желчно выговорилъ онъ. Мы будемъ въ кустахъ сидѣть, да ворчать, да шипѣть показывать за версту. И не робость помѣхой дѣлу. А стыдъ сказать что.... Лѣнь! Да, лѣнь.... Все какъ-то чрезъ пень колоду валимъ. Погодите, да обождите, да отдохните.... Да эдакъ вотъ два мѣсяца и годимъ. Устанемъ отъ сидѣнья—на охоту.... А то за бабьемъ ухаживать.... И какъ право не наскучить. Все бабы да бабы, да все разныя. Что ни недѣля, новая зазнобушка. Чудно, право. Да и тому-ли теперь на умъ быть.

Алексѣй замолчалъ и будто слегка приунылъ.

Григорій заговорилъ первый послѣ минутнаго молчанія и голосъ его зазвучалъ какъ-то нѣжнѣе, будто онъ винулся. Упрекъ брата прямо относился къ нему и онъ мысленно сознался въ правотѣ его.

— Чтожъ, Алеханушка. Я не отпираюсь. Правда твоя. Да вѣдь это съ тоски. А начните, поведите дѣло по еройски. И все я брошю. И охоту, и вино, и картежъ.... А барынь-то вашихъ я и безъ того порѣшилъ бросить. Ну ихъ....

— Толкуй! усмѣхнулся недоувѣрчиво Алексѣй. Бросишь? Ты? Да тебѣ безъ нихъ дня не прожить. Ты съ колыбельки бабій угодникъ уродился.

— Угодникъ? Никогда я имъ не бывалъ. А по пословицѣ: на ловца и звѣрь бѣжитъ. Я только не зѣваю. А искать, я не ищу.

— Почему бы это такъ? веселѣе заговорилъ Алексѣй. Я зачастую вотъ думалъ: вѣдь не краше же ты другихъ нашихъ молодцевъ. А ни за кѣмъ изъ нихъ наши франтихи такъ не бѣгаютъ. И чѣмъ ты берешь.... Наговоръ что-ли какой вѣдаешь? У нѣмца какого за границей купилъ приворотъ какой?

— Наговоръ? На кофейную гущу на тощагъ дую. Угольки по водѣ пускаю, да причитываю, разсмѣялся Григорій. Нѣтъ, братъ. Мое колдовство простое, да не въ домѣкъ нашимъ молодцамъ, хоть они и прятче меня. А нѣтъ проще дѣла.

— Что же? Приворотъ что-ль какой изъ травъ заморскихъ?

— Мой приворотъ тотъ, что у меня любовное дѣло—мертвое дѣло!

— Мертвое?

— Да, мертвое. Такое дѣло, что про него я одинъ знаю, да она одна знаетъ. А это нынѣ въ Петербурхѣ для всякой молодицы чужой жены и довольно. Когда дѣло какое ни есть—мертвое, такъ тутъ все одно, что есть оно, что нѣтъ его.

— А Буракина? Всему Питеру, братъ, вѣдомо, что ты изъ-за нее чуть не по трубѣ водосточной лазилъ, да по крышѣ.

— Это одно дѣло съ оглаской и было. И то потому, что она сама того хотѣла на всю столицу напумѣть. Ея воля была. За то полсотни было тавихъ, объ комъ ты, братъ, родной мой, никогда и въ умѣ ничего не держалъ. Да что, Алеханушка!... Боли къ слову пришлось! Григорій Орловъ оживился и глаза его блеснули ярче.—Можетъ и теперь вотъ.... Можетъ со мною теперь такое приключается, такое на душѣ легло, что кабы ты вѣдалъ, такъ ахнулъ бы.... Какое тутъ ахнулъ? Заоралъ бы благимъ матомъ на весь вотъ этотъ лѣсъ.

— Въ принцессу что-ль какую влюбился? разсмѣялся Алексѣй. Ихъ теперь съ принцемъ Жоржемъ много прѣхало изъ Голштинии.

— Нѣтъ. Что мнѣ твои принцессы. Невидалъ!

— Не ври.

— Зачѣмъ врать.... Мы здѣсь не въ трактирѣ, грустно вымолвилъ Григорій. Да и не ради похвалы я рѣчь завелъ. А

ради тяжести душевной.... Вотъ ужъ недѣлю камнемъ лежитъ оно у меня на душѣ.

— Кто-жъ такая твоя новая ворожея. Такой и дѣтъ въ столицѣ. Русскихъ принцессъ у насъ въ Питерѣ теперь нѣту! весело говорилъ Алексѣй; но вдругъ, глянувъ въ лицо брата, запнулся и прибавилъ взволнованнымъ голосомъ. Гриша, балагуришь? Во снѣ видѣль....

Григорій Орловъ махнулъ рукой и прошепталъ:

— Охъ нѣтъ, въ яви, братъ. А и радъ бы въ яву; пору, чтобъ мнѣ та явь, сномъ обернулась!

Алексѣй Орловъ схватилъ брата за руку и замеръ въ движеніи.

— Гриша, да Господь же съ тобой.... шеннулъ онъ почти задохнувшись.

— Алеханушка, я не говорилъ.... а коли ты самъ по догадкѣ дошелъ, то молчи.

— Молчать.... Я.... Что ты, Гриша. Да тутъ Иуда промолчить, а я тебѣ братъ.... Ты самъ-то.... Самъ молчи. Себѣ самому въ горницѣ не сказывай.... Гриша.... Зачѣмъ? Вѣдь это нашему дѣлу только помѣха! И какъ это все. Ахъ, Гриша.... Вѣдь это смертью пахнетъ.

— Любовь, что пьянство, Алеханушка! Себя не помнишь.... Да и сердце нешто спрашивается? А что смертью пахнетъ мнѣ всегда любо было, воскликнулъ Григорій Орловъ чуть не на весь лѣсъ. Чудны вы, погляжу я. Ты вотъ въ трактиръ ломишься, гдѣ Шванвичъ со всей своей компаніей буянить и гдѣ тебя могутъ кіемъ или кудакомъ убить зря.... Въ войнѣ, въ битвѣ на пушки, да на завалы лѣзешь, гдѣ тебя самый лядащій нѣмецъ можетъ изъ пистолта уложить какъ муху.... Ночью опять бываетъ, проселкомъ гдѣ ѣдешь, зная, что весь тотъ путь грабители заставили и, того гляди, ухлопають изъ-за забора или изъ-за пня.... Ну? А вѣдь не робѣешь, лѣзешь на смерть!... А тутъ, въ любовномъ дѣлѣ трусить, объ опаскѣ думать!... Тутъ когда, бываетъ, тебя ждетъ твоя.... твоя.... Ужъ не знаю какъ и называть-то.... Вся-то жизнь твоя и душа-то твоя тамъ будто осталась съ вечера, да опять поджидаетъ.... Такъ тутъ виднѣшь-ли, раздумывай, да опаску соблюдай.... Что ты, братъ!... Тебя зная еще не одна не ждала. Смертью, говорить, пахнетъ. Тогда-то и любо братъ, какъ въ ночь-то вы втроемъ на свиданіи; ты, она, да смерть за плечами.

Алексѣй Орловъ стоялъ понурившись и не шевелясь и уныло глядѣлъ въ чашу лѣсную.

— Что? Не по твоему?... Эхъ братъ, право, тѣмъ жизнь и мила, что смерть есть!

— Охъ, Гриша, Гриша....

— Чего?...

— Охъ, Гриша.... Что ты мнѣ сказалъ. Вѣдь за это хоть прямо на площади голову снимай.

Григорій Орловъ выпрямился.

— Голову! За что? Любовь никому не обида! А еслибъ и такъ. Пускай!... Ты, Алеханушка, знать, еще не любилъ никого, какъ я теперь. Голову, говоришь? Да десять, сто, ихъ сымай, тыщу.... Голову! Да я самъ себѣ, коли нужно, оторву свою обѣими руками, да брошу ей въ ноги. На, молъ! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!!

Григорій смолкъ и, сдвинувъ шапку на затылокъ, проводилъ рукою по горячему лбу. Алексѣй тихо поднялъ голову и задумчиво глядѣлъ на круглый мѣсяцъ; сіявшій въ небѣ.

III.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Григорій Орловъ собрался было снова заговорить, но младшій братъ вдругъ поднялъ на него руку и сталъ прислушиваться. Оба вдругъ притаили дыханіе. Особый шорохъ послышался невдалекѣ отъ нихъ; что то хрустнуло и зашуршало, потомъ все смолкло.... потомъ опять хрустнуло что то.... Другихъ охотниковъ, кромѣ нихъ, вблизи быть не могло.

Братья поняли, переглянулись и усмѣхнулись. Страсть къ любимой забавѣ сказалась съ разу. И все было забыто! Оба лица за мгновеніе унылыя—просвѣтлѣли.

— Мишенька! почти нѣжно и страстно шепнулъ Григорій Орловъ.

— Твое счастье. На тебя вышелъ, отозвался братъ, тоже шепотомъ.

Шорохъ близился и наконецъ шагахъ въ двадцати отъ нихъ показалось за прогалиной, на противоположной опушкѣ, что то круглое, темное и странно двигалось оно, будто катилось влуккомъ по снѣгу.

Алексѣй Орловъ быстро досталъ изъ за спины мушкетонъ.

— Палить? шепнулъ онъ вопросительно брату. Я на тебя поднять.... а не бить.

— Да, пугни! Нѣтъ, бей по лапамъ. А то на двухъ, пожалуй, не выйдетъ.

Раздался выстрѣлъ. Животное рывнуло и повернуло было въ чашу, но Алексѣй Орловъ крикнулъ, затопалъ и, доставъ пистолеть, выпалилъ снова на удачу.

Медвѣдь матёрый, темнорыжій и огромный вернулъ на охотниковъ. Поднявшисъ въ тѣни, среди голыхъ стволовъ, онъ зашагалъ на заднихъ лапахъ и вышелъ на свѣтъ, отчетливо рисуясь на освѣщенной луною проталинѣ. Длинная ошняя тѣнь легла предъ нимъ на сугробъ и двигалась вмѣстѣ съ нимъ на охотниковъ:

Григорій Орловъ, готовый на бой, будто преобразился, будто выросъ еще на аршинъ. И отъ него немалая тѣнь шевелилась на хрустящемъ снѣгу. Ухвативъ рогатину на перевѣсь, онъ шагнулъ шире на медвѣдя и крикнулъ весело.

— О-го-го, Миша, здорово. Вишь ты какой почтенный! Стоить погрѣться съ тобой.

Медвѣдь, испуганный выстрѣлами и криками двухъ враговъ, злобно сапѣлъ и несъ себя высоко на ногахъ.

Орловъ шагнулъ еще ближе къ самому животному и привычной рукой, размахисто ткнулъ въ него рогатиной, глубоко всадилъ лезвее. Медвѣдь заревѣлъ.

— Разъ! весело крикнулъ сзади Алексѣй и прибавилъ крѣпкую шутку, отъ которой братъ разсмѣялся; но дикій ревъ на весь лѣсъ заглушилъ и слова и смѣхъ.

Медвѣдь ударилъ лапами по рогатинѣ, вонзенной въ его животъ и обхватилъ ее. Оружіе дрогнуло отъ этихъ ударовъ въ рукахъ охотника; онъ быстро вырвалъ лезвее и тутъ же снова вонзилъ. Кровь, дымясь, хлестнула изъ раны на серебристый снѣгъ.

— Два! Мишенька! крикнулъ онъ весело, чуть не на весь лѣсъ.

— Ой! Шибко бьетъ разбойникъ! Придержи, Алеханушка.

Оба брата съ одушевленными лицами уперли толстую и длинную рогатину въ землю и держали. Медвѣдь все ревѣлъ, все болѣе налѣзалъ на лезвее, рвавшее его внутренности, топталъ подъ собой окровавленный снѣгъ и уже хрипливо завывая, слабѣе билъ по рогатинѣ, напрасно стараясь достать удалыхъ вра-

говъ. Царь легкими клубами валилъ отъ него и дымкой вился на морозъ, вокругъ мохнатой шкуры....

— Сядь, Миша, сядь! весело кривнудъ Григорій.

— Полно хлопотать-то, садись, родимый, прибавилъ и Алексѣй.

Животное, ослабѣвшее, наконецъ, отъ потери крови, осунулось и слегка опустилось, поджимая заднія лапы. Только дикій ревъ оглашалъ лѣсъ.

— Валишь? сказалъ Алексѣй, придерживавшій рогатину.

— Чего? Не слышать. Ишь орётъ....

— Валишь, говорю. Не встанеть, небось....

— Рано. Ну, да въ двоемъ-то осмилишь. Не здоровѣе же онъ Шванвича! крикнулъ Григорій.

Оба брата при этомъ имени громко расхохотались. Медвѣдь съ испуга приподнялся снова отъ дружнаго взрыва смѣха, но осунулся опять и совсѣмъ сѣлъ. Братья вырвали изъ снѣга свой конецъ рогатины уперлись въ нее оба и съ усиленіемъ повалили животное навзничъ. Медвѣдь слабо забарахтался среди окрашеннаго сугроба и затѣмъ, не смотря на вырванную рогатину, не поднялся.

Григорій Орловъ досталъ длинный кинжалъ изъ-за пояса, быстрымъ движеніемъ нагнулся надъ животнымъ и размахисто вонзиль въ него весь кинжалъ, распоролъ горло. Медвѣдь зашипѣлъ какъ-то и, зарывая горячую морду въ снѣгъ, только судорожно подергалъ задними лапами и распластался во всю свою длину.

— Ладно, Миша. Такъ-то лучше.... весело сказалъ Григорій. Погрѣлись однако знатно, обратился онъ къ брату и, снявъ мѣховую шапку, обтеръ себѣ лобъ.

— Да, силенъ былъ покойникъ Михайло Ивановичъ.

— Будь одинъ съ нимъ, пришлось бы палить. Сдался бы ты, Мишутка, не иначе, какъ на нѣмцевъ ладъ. А то-ли дѣло эдакъ.... Побарахтаться, да погрѣться! Ишь вѣдь здоровенный!... нагнулся Григорій надъ медвѣдемъ.

— Пожалуй, даже посильнѣе Шванвича, усмѣхнулся Алексѣй. Того мы вдвоемъ легче одолѣваемъ.

Братья разсмѣялись.

— Ну, теперь надо звать Ласунскаго и своихъ Чухонъ.

— Врядъ дозовемся. Боли на зовъ горластаго Мишки не прибѣжали, стало такъ далеко, что и не добличешься.

Алексѣй Орловъ досталъ изъ-за спины охотничій рогъ и сталъ трубить. Потомъ прислушался.

Все было тихо, и не только отъ отсутствія звука другой трубы, ни шелеста, ни шороха не слышно было кругомъ среди морознаго затишья и застоя.

— Вотъ что, братъ, нечего даромъ-то за музыкой время терять, сказалъ онъ. Берись! Вырвемся мы въ Мишку, какъ парой въ дышло, да за заднія лапы и потащимъ къ лошадямъ. Тутъ болѣе вереты не будетъ.

И два богатыря, ухвативъ распластавшуюся дохматую махину, легко потащили ее, бодро шагая рядомъ.

Бровавый слѣдъ багровой лентой вился за ними по серебру снѣговъ.

— Эхъ, кабы намъ, братецъ, дѣла наши всѣ также вотъ лихо вершить, какъ на охотѣ!

— Кабы съумѣть управиться также споро, какъ мы вотъ съ Мишками справляемся, договорилъ Григорій Орловъ на ходу....

— Тамъ не сила, а разсудокъ, да смѣлка дѣло вершать.... А главное и первое всему начало—согласье.... отозвался Алексѣй.

— Я все тутъ стоялъ въ лѣсу.... Ждалъ вотъ этого.... А прозвѣвалъ бы непременно, потому что все въ головѣ у меня Лейбъ-Компанцы прыгали.... Вотъ кабы эдакъ то!... Въ одну ночь.... Безъ шуму, безъ драки.... безъ убивства своего брата, офицера какого или солдата.

— Вишь чего захотѣлъ! Нешто можно? Статочное ли это дѣло? Вѣдь тутъ не тѣтушка Леопольдовна, да шестимѣсячный младенецъ на престолѣ.... Да оба Нѣмцы.... Да и охраны никакой....

— А нынѣ-то кто-жь? Все то же....

— То же, да не то. Тѣ-же щи, да съ говядиной.... Голштинское-то войско глядѣтъ что ли будетъ?... Да что Голштинцы!... Вонъ свои Измайловцы да Семеновцы по сю пору никакимъ голосомъ не откликаются. Э—эхъ. Все это.... сновидѣнья одни наши! вздохнулъ Алексѣй Орловъ.

— На мой толкъ, Алеханушка, прежде всего рогатиной намъ хохлацкой заручиться. Тогда все, какъ по маслу, пойдетъ.

— Какой рогатиной?!

— Хохлацкой. Въ ней вся сила! смѣлся, шагая, Григорій.

— Что ты приплетаешь? Какая хохлацкая рогатина?

— А гетманъ! Графъ Кирилла Григорьевичъ.

Алексѣй Орловъ усмѣхнулся и тряхнулъ головой.
— Мудрено. Къ Разумовскимъ и воротъ не найдешь; не знаешь съ какой стороны и подъѣхать къ нимъ. Они оба доми—мигко стлать.

— Говорю—пустите меня!

— Пустите? Рано. Что зря въ петлю лѣзть! отвѣчалъ серьезно младшій братъ. Они по первому слову велютъ тебя арестовать и поведутъ къ государю.... Намъ за тобой вслѣдъ и пересчитаютъ всѣмъ головы. Да и зачѣмъ? Мы еще и не знаемъ сами съ какого конца взяться.

— Гетманъ не таковъ чѣловѣкъ, чтобъ доносить. Да и хитерь. Онъ, поди, давно носомъ чуетъ, чего вся гвардія желаетъ.

— Вся гвардія. Вся ли, Гриша? Кабы вся то желала, такъ мы съ тобой не болтали бы зря, а дѣло дѣлали.

— Ну, а не въ примѣръ мудренѣе, говорю, начать, коли гетмана не достанешь себѣ.

— Начинать-то, Гриша, покуда нечего, а то и безъ него обойдемся. Что тутъ гетманъ?... А тяжелъ вѣдь проклятый. Руки обломаетъ объ него.

— Гетманъ-то? Да, лѣнивъ на подъемъ; какъ всѣ они, сказываютъ, хохлы.

— Вотъ этотъ гетманъ тяжелъ, говорю! разсмѣялся Алексѣй Орловъ и бросилъ лапу животнаго.

Братья остановились отдохнуть и молча стали надъ медвѣдемъ.

— А вотъ что, Гриша, выговорилъ вдругъ Алексѣй. Веселый и бодрый голосъ его понизился и звучалъ иначе. Ты подумалъ ли о томъ, братецъ, что нынѣ постъ идетъ? Не за горами и Срастная, да говѣнье. Какъ же теперь быть, если священникъ на духу, что-либо такое къ нашему дѣлу подходящее спросить вдругъ?

— Не спросить, не бойсь.

— Не спросить? Ты всегда такъ. Ну, а спросить, говорю?...

— Да съ чего-жь?...

— А хоть съ того вотъ, что ужъ мѣсяцъ цѣлый, то и дѣло у насъ спрашиваетъ всякъ: что у тебя на дому за сходбища, да что мы поздно засиживаемся за полночь? Пить не пьемъ и спать не идемъ.

Григорій Орловъ глянулъ на брата и молчалъ.

— А лгутъ, Гриша, на исповѣди только перекресты изъ тарвы.

— Вѣстимо. Но и открыться на духу, Алеханушка, хоть бы малость—избави Богъ. Не можно. Пошь изъ-за камелавки—изъ мухи слона сдѣлаеть и въ набать ударить.

— Вотъ то-то и есть! Я вотъ эдакъ и думаю все: какъ быть?... тихо выговорилъ Алексѣй.

И два молодца-богатыря задумались, стоя надъ мертвымъ Мишкой. Огромное лохматое животное, сраженное въ пятиминутной борьбѣ, было для нихъ дѣло привычное и заурядное, надъ которымъ думать не приходилось. А говѣть или нѣтъ, лгать на духу или нѣтъ?—это былъ вопросъ далеко не заурядный. Было о чемъ молодецкія головы поломать.

— Что-жъ? Отложи говѣть до времени, вымолвилъ, наконецъ, Григорій Орловъ. Богъ простить!

— А ты, Гриша? съ изумленіемъ воскликнулъ братъ.

— Вѣстимо тоже... Я, ты знаешь, завсегда за тобой. Какъ ты... А попадемся въ чемъ послѣ, такъ въ Пелымѣ ужъ и отговѣемъ, усмѣхнулся онъ. И времени-то тамъ у насъ, Алеханушка, много будетъ, Богу-то молиться. Молись себѣ, да молись; никто не помѣшаетъ; хоть Четью-Минсю тамъ на память себѣ вычитывай.

— Гдѣ?

— А въ Пелымѣ-то, или въ Соловкахъ.

Алексѣй Орловъ въ свою очередь весело разсмѣялся, но тотчасъ стихъ и, раздумывая, вздохнулъ.

— Такъ, стало, не говѣть? свазалъ онъ, наконецъ, какъ бы рѣшаясь.

— Не говѣть... Что-жъ? Богъ простить.

— Ну ладно... Берись-ко...

Братья снова ухватили медвѣда за заднія лапы и снова легко поволокли лохматую махину по сугробамъ... Широкое темно-багровое пятно осталось на мѣстѣ, гдѣ лежалъ медвѣдъ, и снова узкій кровавый слѣдъ лопнулъ по ихъ слѣдамъ на лѣсныхъ сугробахъ....

IV

Послѣ получаса ходьбы, Орловы вышли изъ лѣсу на опушку, гдѣ, близъ шалаша, стояли двѣ тройки, привязанныя къ деревьямъ и нетерпѣливо двигались на мѣстѣ, позвякивая бубенчиками. Бучера сжали въ шалашѣ и богатырски храпѣли, увернувшись въ рогожи.

Алексѣй Орловъ, растолкавъ людей, разбранилъ ихъ за то, что полузамерзшія лошади были брошены безъ надзору.

Оба кучера стали класть медвѣдя въ большія сани, но не могли поднять его на столько, чтобъ перетащить черезъ откосы въ дно саней. Лошади оглядывались, храпѣли, а ближайшая пристяжная ужъ фырнула разъ и поджигаясь, собиралась ударить...

Орловы велѣли одному изъ кучеровъ садиться, другому держать тройку и, легко взмахнувъ медвѣдя, бросили его въ сани и затѣмъ усѣлись тоже, приказавъ другимъ санимъ дожидаться капитана Ласунскаго, который съ двумя крестьянами и съ проводникомъ изъ чухонцевъ еще остался въ лѣсу, они двинулись съ своею добычей....

— Скажи Михайлѣ Ефимовичу, весело приказалъ младшій Орловъ, что мы вотъ лѣну его дѣски изжаримъ для него подъ сосномъ, въ Кабачкѣ. Чтобы скорѣе ѣхалъ. А если они еще долго провозятся въ лѣсу, то чтобъ не заѣзжали въ Кабачекъ а ѣхали прямо въ городъ. Мы тамъ долго не засидимся. Ну, пошелъ..!

Лошади, прозябшія на морозѣ, охотно взяли съ мѣста вскачь. Отвязанный колокольчикъ звонко залялелъ среди снѣжной равнины и скоро тройка исчезла изъ глазъ кучера, оставшагося съ другими саними ждать капитана Ласунскаго, пріятеля Орловыхъ.

Алексѣй Орловъ всю дорогу покрикивалъ на лошадей, наконецъ, недовольный ѣздой кучера, перелѣзъ на облучекъ и забралъ самъ возжи.

— Гляди, ротозѣй! Это что?! Коренникъ шлепаетъ въ хомутѣ. Пристяжныя то и дѣло что рвутъ, да отдають. Эхъ ты, Маланья—пеки олады... Гдѣ тебѣ править!

Алексѣй выровнялъ возжи въ рукахъ и, взмахнувъ ими, ахнулъ на тройку... Почувывъ ли другую руку, или по натянутымъ возжамъ прошла искра какая-то въ коней, но они дружно и ровно подхватили сани и лихо помчались.

— Миѣ бы въ ямщикахъ быть, Гриша, крикнулъ Алексѣй Орловъ, обернувшись къ брату облучка. Какая смерть стоять на ученьи ротномъ; гляди... Сани-то самыя, живыми кажутъ!... Вся-то тройка съ саними, точно звѣрь какой трехъ-головый катится по снѣгу. Въ книгѣ Апокалипсисъ та-кой-то вотъ нарисованъ...

Тройка неслась во весь опоръ по гладкой однообразно-бѣлой равнинѣ, окоймленной лѣсами; морозный воздухъ рѣзалъ лица и мелкимъ сухимъ снѣгомъ, какъ пескомъ, швыряло изъ-подъ

пристяжныхъ и закидывало Григорья Орлова и шкуру медвѣдя, лежавшаго въ его ногахъ. Голова, отвиснувшая съ тусклымъ глазомъ, съ кровью у оскаленныхъ зубовъ, да одна лапа съ острыми когтями—торчали изъ саней. Григорій наступилъ ногой на лохматую спину животного и пристально глядѣлъ на него, почти не слушая брата. Ему пришло на умъ: «Куда дѣвалось теперь то, что ревѣло на весь лѣсъ подь рогатиной; куда дѣвалась эта сила, что налегала на него, когда онъ сдерживалъ этого Мишку? Былъ страшный звѣрь, а теперь лежитъ шуба какая-то. А гдѣ же *то*... что было въ этой шкурѣ еще часъ назадъ?»

— Если-бъ я былъ богатъ, продолжалъ брату кричать съ облучка Алексѣй, обращиваясь и не глядя почти на несущуюся вихремъ тройку, богатъ, вотъ какъ графъ Разумовскій — я бы не сталъ служить, а уѣхалъ бы въ вотчину, да завелъ бы сотни, тысячи коней и все каталъ бы на нихъ... А что теперь, при нынѣшнемъ государѣ въ столицѣ? Утромъ ученье на ротномъ дворѣ; въ полдень ученье на полковомъ дворѣ, а тамъ сейчасъ ученье и смотръ на плацѣ, а вечеромъ артикулъ прусскій, экзерциціи. На дому еще обучаешься у Нѣмца какого... Ты выучилъ какъ къ ногѣ спускать, чтобъ тыръ-тыръ-то этотъ выходилъ?... Гриша! Ты не слушаешь?

— Вотъ, погоди, не такъ еще учить начнуть. Доканаютъ совсѣмъ! отозвался Григорій.

— А что?

— Новый учитель пріѣдетъ на-дняхъ изъ Берлина, отъ Фридриха. Любимецъ его, слышь. Государь его выписалъ. Ему даже цѣлый флигель, говорятъ, готовится въ Рамбовѣ. Сначала онъ государевыхъ голштинцевъ обучить, а потомъ за васъ примется.

— Кто-жъ такой?

— Офицеръ фридриховскій, звать Котцау. Онъ изъ лучшихъ тамошнихъ фехтмейстеровъ.

— Какъ? какъ?!

— Фехтмейстеръ.

— Это что-жъ такое?

— Мастеръ, значить, на эспантонахъ драться и вообще на счетъ холоднаго оружія собаку съѣлъ. Какъ пріѣдетъ, такъ ему чинъ бригадира и дадутъ.

— Ну, вотъ еще!

— Отчего же не дать? Золотаря, да бриллиантника изъ живодовъ—Позье, сдѣлали бригадиромъ. Спасибо скажи, что еще не командуешь вашей какой ротой Преображенцевъ.

— А ты насъ не хай! Благо самъ цалмейстеръ! шутливо крикнулъ Алексѣй.

Братья замолчали.

Григорій Орловъ, задумавшись, глядѣлъ на медвѣдя, щуря глаза отъ снѣжной пыли и комковъ, что били и сыпались чрезъ крылья саней. Алексѣй, повернувшись къ лошадямъ, передергивалъ и подхлестывалъ пристяжныхъ, а потомъ сталъ снова учить кучера, показывая и рассказывая.

Вскорѣ снова пошелъ густой боръ; высовія ели и сосны, обсыпанныя снѣгомъ, стояли, какъ въ шапкахъ. Внизу чернѣлись, въ полусумракѣ, толстые стволы, макушки же ярко рисовались на чистомъ небѣ и блестяли. Луна сбоку смотрѣла чрезъ нихъ на тройку и деревья будто проходили подъ ней мимо несущихся саней.

Чрезъ полчаса тройка была уже въ виду трехъ избъ, стоявшихъ одиноко среди лѣса. Невдалекѣ, отдѣльно отъ нихъ, виднѣлся большой двухъэтажный домъ, съ дворомъ, обнесеннымъ тыномъ. Это былъ прежде простой кабакъ, мостепенно превратившійся въ большой постоялый дворъ. Онъ стоялъ мочи на полпути изъ Петербурга въ Петергофъ. Здѣсь останавливались всегда проѣзжіе, ради отдыха лошадей и здѣсь же братья Орловы отдыхали всегда послѣ своихъ медвѣжьихъ охотъ. Этотъ постоялый дворъ остался со старымъ прозвищемъ: *Красный Кабакъ*.

V.

Слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ, въ то время, когда, по указу молодого царя Петра Алексѣевича, властолюбивая Софья была схвачена въ Кремлѣ и отвезена въ Дѣвичій монастырь, въ селѣ Преображенскомъ, мимо 18-ти-лѣтняго Петра, шли тихо, рядами, бунтовщики стрѣльцы, неся въ послѣдній разъ на плечахъ своихъ свои буйныя головы; а затѣмъ, на глазахъ его, кто волей, а кто неволей клали они эти головы подъ тепоры работавшихъ палачей. Въ одномъ изъ проходившихъ рядовъ, орлиный взоръ царственнаго юноши случайно уналъ на очень высокую, осанистую и богатырскую фигуру сѣдаго старика, съ овладистой серебряной бородой.

Онъ мѣрнымъ, степеннымъ боярскимъ шагомъ безтрепетно выступалъ впередъ, среди другихъ осужденныхъ, робко шагавшихъ въ мѣсту казни, и среди другихъ лицъ, запуганныхъ и искаженныхъ страхомъ наставшаго смертнаго часа, его лицо глядѣло бодро, воодушевленно и почти торжественно. Будто не въ послѣдній разъ и не подъ топоръ несъ онъ свою посѣдѣвшую голову, красивую и умную.... А будто, въ праздникъ большой, отъ обѣдни медь, или въ крестномъ ходу за святыми иконами....

Царь остановилъ старика и, вызвавъ изъ рядовъ, спросилъ, какъ звать.

— Стрѣлецкій старшина Иванъ, Ивановъ сынъ, Орловъ.

— Не срамное ли дѣло, старый дѣдъ, съ такими бѣлыми волосами крамольничать?!... Да еще кичишься, страха не имѣшь: выступаешь, гляди, соколомъ, будто на пиръ.

Старикъ упалъ въ ноги царю.

— Срамъ великъ, а грѣхъ еще того великъ! воскликнулъ онъ. Не кичюся я, царское твое величество, и иду радостно на смерть лютую не ради озорства. Утѣшаюся, что смертью воровскою получу грѣхамъ прощенье и душу спасу. Укажи, царь, всѣмъ намъ, ворами государскимъ, безъ милости головы посѣчь. Не будетъ покоя въ государствѣ, пока одна голова стрѣлецкая на плечахъ останется. Ни единой-то, единешенькой, не повели оставить.... Попомни мое слово, стариково.

Но царь молодой задержалъ старика стрѣльца разспросами о прошлыхъ крамолахъ и бунтахъ. А ряды осужденныхъ все шли, да шли мимо.... и головы вляли. И всѣ прошли подъ ту бесѣду. И всѣ головы скатились съ плечъ, обагривъ землю. И не кончилась еще бесѣда царя съ старшиной крамольникомъ, какъ пришли доложить, что все справлено, какъ указалъ юный царь, только вотъ за «автими дѣдомъ» дѣло стало:....

— Иду! иду! засигъшилъ дѣдъ.

— Нѣтъ, врешь, старый! сказалъ царь.—Семеро одного не ждуть. Изъ-за тебя одного не приходится съизнова начинать расправу. Если опоздалъ, такъ оставайся съ головой.

И изъ всѣхъ осужденныхъ головъ, за своимъ умнымъ отвѣты, осталась на плечахъ одна голова старшины Ивана Орлова.

Сынъ его, Григорій Ивановичъ, участникъ во всѣхъ войнахъ великаго императора, даровавшаго отцу его жизнь, отплатилъ тою же монетою, не жалѣя своей головы въ битвахъ, какъ не жалѣлъ ее Иванъ Орловъ, неся на плаху. За то, когда онъ былъ

уже генераль-маіоромъ, великій государь собственноручно надѣлъ на него свой портретъ. А немного было такъ жалованныхъ.

Григорій Иванычъ всюду и всегда первый въ битвахъ и никогда, нигдѣ не побѣжденный и никогда, нигдѣ не плѣненный—вдругъ заплатилъ дань искушеніямъ мірскимъ. Уже имѣя полста лѣтъ на плечахъ и чуть не полста ранъ въ могучемъ тѣлѣ, былъ онъ въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ безъ войны завоеванъ, сраженъ къ ногамъ побѣдителя и полоненъ на-вѣки. Сразилъ воина генерала, какъ въ сказкѣ сказывается, не царь Салтанъ, не шведъ-басурманъ, а царица красота, не мечъ булатный, не копье острое, а очи съ поволокою, уста вишенныя, да за поясъ коса русая. Григорій Иванычъ былъ полоненъ безъ бои въ Москвѣ бѣлокаменной 15-ти-лѣтней дочерью стольника царскаго Ивана Зиновьева. И тутъ, въ Москвѣ, женился онъ и зажилъ. Прижили мужъ съ женой пять сыновъ и послѣ долгой, мирной жизни, близъ Никитскихъ воротъ, скончались оба и нынѣ лежатъ тамъ же рядомъ, въ церкви Егорья, что на Вепольѣ....

Сыны стали служить родинѣ, какъ училъ ихъ служить, своими разсказами о себѣ, Григорій Иванычъ. Старшій изъ братьевъ, Иванъ Григорьевичъ Орловъ, одинъ остался въ Москвѣ и, схронивъ отца, заступилъ его мѣсто въ любви и почтеніи остальныхъ братьевъ. Второй, Григорій Григорьевичъ, былъ отправленъ еще отцомъ въ Петербургъ, въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, и, выйдя изъ него, полетѣлъ на поля германскія, гдѣ шла упорная и славная борьба.

Двадцатилѣтній Орловъ не замедлилъ отличиться и послѣ кровопролитной битвы при Цорндорфѣ сталъ всѣмъ извѣстенъ отъ генерала до солдата. Онъ попалъ въ тотъ отрядъ, который неразуміемъ начальства былъ заведенъ подъ пыль и дымъ отъ обѣихъ армій и неузнанный своими polegъ отъ огня и своихъ и чужихъ. Раненый не разъ и опасно—Орловъ до конца битвы стоялъ впереди своихъ гренадеръ. И всѣ они стояли безъ дѣла и ни одинъ не побѣжалъ и многіе полегли.

Послѣ трудной кампаніи 1758 года, русская армія отправилась на роздыхъ въ Кенигсбергъ и тамъ началось веселье, не прекращавшееся всю зиму. Побѣдители мужей германскихъ объявили теперь войну женамъ германскимъ и на этомъ полѣ битвы равно не посрамились. Григорій Орловъ былъ первымъ и въ этой войнѣ.

Кенигсбергъ изображалъ тогда полурусскій городъ. Русское начальство не жалѣло рублей на празднованія и торжества, да и

рубли-то эти чеканились хоть и на мѣстѣ, нѣмцами, но съ изображеніемъ российской монархини Елизаветы.

Черезъ годъ послѣ своихъ воинскихъ и любовныхъ подвиговъ Григорій Орловъ вернулся въ Петербургъ. Взятый тогда въ плѣнъ графъ Шверинъ, любимый адъютантъ короля Фридриха, былъ вытребованъ императрицей въ столицу, а съ нимъ вмѣстѣ долженъ былъ отправляться приставленный къ нему поручикъ Орловъ.

Въ Петербургѣ Орловъ увидалъ братьевъ, служившихъ въ гвардіи, преображенца Алексѣя, семеновца Федора и юношу—кадета Владимира. Онъ вскорѣ сошелся ближе съ братомъ Алексѣемъ и очутился, незамѣтно для обоихъ, подъ вліяніемъ энергической и предприимчивой природы младшаго брата.

Получивъ отъ брата Ивана, безвыгздно жившаго въ Москвѣ, свою часть отцовскаго наслѣдства, неразлучные Григорій и Алексѣй весело принялись сыпать деньгами, не думая о завтрашнемъ днѣ. Скоро удалъ, дерзость и молодечество, неслышанная физическая сила, и, наконецъ, развеселое «безпросыпное пирваніе обоихъ господъ Орловыхъ» вошли въ поговорку.

Послѣдній парнишка на улицѣ, трактирный половой, или извожикъ, или разнощикъ Адмиралтейскаго проспекта и Большой Морской—знали въ лицо Григорія и Алексѣя Григорьевичей. Знали за щедро и часто перепавшіе гроши; знали и за какую-нибудь здоровую затрещину или тукманку, полученную по башкѣ, не въ урочный часъ подвернувшейся имъ подъ руку,—въ часъ беззавѣтнаго разгула, буйныхъ шалостей и тѣхъ потѣшныхъ затѣй, отъ которыхъ смертью нахнетъ.

Дерзкіе шалуны были у всѣхъ на виду, ибо дворъ и лучшее общество Петербурга давно прігнуло и боялось веселиться, какъ бывало, по случаю болѣзни государыни Елизаветы Петровны, которая все болѣе и чаще хворала. Баловъ почти не было, маскарады; столь любимые прежде государыней, прекратились, позарницъ и торжествъ уличныхъ тоже уже давно не видали.... Даже народъ скучалъ и всѣ ждали конца и восшествія на престолъ молодого государя. Всѣ ждали, но всѣ и боялись.... Давно уже не бывало царя на Руси! И бояринъ-сановникъ, и царедворецъ, и гвардейцы,—бригадиръ ли, сержантъ ли, рядовой ли,—и кушцы, и послѣдній казачекъ въ дворнѣ боярина,—всѣ привыкли видѣть на престолѣ русскомъ монарховъ-женщинъ, и какъ-то свыклись съ тѣмъ; чтобы Русью правили, хоть по виду, женскія руки и женское сердце.

Отъ наследника престола и будущаго государя можно было ожидать много новаго, много переживнй и много таковаго, что помнили люди, пережившии Миниховы и Бироновы времена, но о чемъ молодежь только слыхивала въ дѣтствѣ. Для вышннихъ молодець гвардейцевъ розсказни ихъ мамокъ о зломъ сѣромъ волкѣ, унесшемъ на край свѣта Царевну Милку и розказы ихъ отцовъ о Биронѣ, слились какъ-то вмѣстѣ, во что-то таинственное, зловѣщее и ненавистное. А тутъ вдругъ стали поговаривать, что съ новымъ государемъ—опять масляная придетъ Нѣмцамъ, притихнувшимъ было за Елизаветино время. Говорили то же — и это была правда — что и Биронъ прощенъ и ѣдетъ въ столицу изъ ссылки.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины государыни и восшествіи на престолъ новаго императора, слава о подвигахъ всякаго рода Григорія Орлова дошла до дворца и, наконецъ, до покоевъ великой княгини. Екатерина Алексѣевна пожелала, изъ любопытства, лично видѣть молодаго богатыря и сердцеѣда, кружившаго головы многимъ придворнымъ дамамъ. При этомъ свиданіи, унылый образъ красавицы великой княгини, всѣми оставленной и ея грустный взоръ, ея грустныя рѣчи глубоко запали въ душу молодаго офицера.... Послѣ нѣсколькихъ частныхъ свиданій и бесѣдъ сначала съ великой княгиней, а потомъ съ вполнѣ оставленной супругой новаго императора, Орловъ подстерегъ въ себѣ новое чувство, быть можетъ, еще не испытанное имъ среди своихъ легко-дающихся сердечныхъ похощеній и легкихъ побѣдъ. Онъ смутился.... не зная, кто заставляетъ порывисто биться его сердце — Государыня ли, побинутая царственнымъ супругомъ, избѣгаемая всѣми, какъ опальная и даже оскорбляемая подъ часъ прислужниками и прихлебателями новаго двора, или же красавица-женщина, вѣчно одинокая въ своихъ горницахъ, сирота, заброшенная судьбой на чужую, хотя уже дорогую ей сторону, но гдѣ теперь не оставалось у нея никого изъ прежнихъ немногихъ друзей. Кто изъ нихъ не былъ на томъ свѣтѣ — былъ въ опалѣ, въ изгнаньи. Давно ли стала она изъ великой княгини русскою императрицей, а завтрашній день являлся уже для нея въ грозныхъ тучахъ и сулилъ ей невзгоды, бури, борьбу и, быть можетъ, печальный, безвременный конецъ, въ казематѣ или въ кельѣ монастырской. И вотъ случайно, или волею неисповѣдимаго рока, нашелся у нея вѣрный слуга и другъ. И кто же? Представитель цвѣта дворянства и блестящей гвардіи,

гоноводъ и душа отчаяннаго кружка молодежи, заносчивый и дерзкій на словахъ, но объ двухъ головахъ и на дѣлѣ. Этотъ извѣстный всему Питеру и обществу, и простонародью, Григорій Орловъ, всацѣло отдалъ свое сердце красавицѣ женщинѣ, всецѣло отдался разумомъ и волей одной мысли, одной мечтѣ, — послужить несчастной государынѣ и отдать за нее при случаѣ все, хотя бы и свою голову, хотя бы и головы братьевъ и друзей.... Эти младшіе братья его, Алексѣй, и Федоръ, изъ любви къ брату, были готовы тоже на все. Но имъ и въ умъ не приходило, что не одинъ разумъ, а равно и сердце брата Григорія замѣшалось теперь въ дѣло. Ихъ мечтанья знали и раздѣляли человекъ пять друзей, а за ними сплотился вскорѣ цѣлый вѣрующъ офицеровъ разныхъ полковъ.

Примѣръ подвига лейбъ-кампанцевъ двадцать лѣтъ назадъ былъ еще живъ въ памяти многихъ и раздражалъ молодыя пылкія головы, увлекалъ твердыя и предприимчивыя сердца, разжигалъ честолюбіе.... Но повтореніе дѣйства лейбъ-кампаніи, часто, въ минуты здраваго обсуждения и холоднаго взгляда на дѣло, казалось имъ же самимъ—безсмысленнымъ бредомъ, ибо времена были уже не тѣ....

Однако эта мечта, этотъ призракъ—вновь увидѣть на престолѣ самодержца-женщину—не ихъ однихъ тревожили. Призракъ этотъ тѣню ходилъ по всей столицѣ: онъ мелькалъ робко и скрытно и во дворцѣ, укрывался и въ хоромахъ сановниковъ, бродилъ и по улицѣ, любилъ засиживаться въ казармахъ, заглядывалъ и въ кабаки, и въ трактиры, въ простые домики и избы столичныхъ обывателей центра и окраинъ города. И всюду призракъ этотъ былъ и опасный и желанный гость, и всюду смущалъ и радовалъ сердца и головы.

У призрака этого на устахъ была не великая княгиня, не государыня, а свѣтъ-радость наша, матушка Екатерина Алексѣевна.

И всѣ рядовые гвардіи знали Матушку свою въ лицо. Однажды, среди ночи, въ полу-темномъ корридорѣ дворца, часовой отдалъ честь государынѣ одиноко и скромно проходившей мимо, подъ вуалемъ. Она, невольно озадаченная, остановилась и спросила:

— Какъ ты узналъ меня?...

— Помилуй родная. Матушку нашу не признать! Ты вѣдь у насъ одна,—что мѣсяцъ въ небѣ!

VI.

При звукѣ колоколовъ около постоялаго двора въ домъ за-свѣтились и задвигались огоньки, и когда сани остановились у крыльца, человѣка четыре вышли на встрѣчу. Впереди всѣхъ былъ маленькій, старый человѣчекъ, одѣтый въ кафтанъ съ нашивками и галунами.

— Агафонъ! Небось все простыло? выговорилъ Григорій Орловъ, выльзая изъ саней.

— Что вы, Григорій Григорьевичъ, все горячее, разпрегорячее, отвѣчалъ Агафонъ, старикъ лакей, бывший еще дядькой обоихъ офицеровъ. Агафонъ отодралъ за ухо убитаго медвѣдя, нисколько не удивляясь обычному трофею барина и обратился къ другому младшему барину, сидѣвшему на облучкѣ.

— А ты опять въ кучерахъ! Экъ охота въ эдакій холодъ ручки морозить. Небось, поди, скрючило всего морозомъ то.... Ишь вѣдь замвыряло-то какъ! Небось всю дорогу въ скокъ, да прискокъ.

— Ахъ ты, хрычъ старый, весело отозвался Алексѣй Орловъ, отряхиваясь отъ снѣга. Тебя скрючило вишь, такъ ты думаешь, что и всѣхъ крючить.

— Ну, ну, мнѣ то седьмой десятокъ идетъ, а тебѣ-то два съ хвостомъ махонькимъ.... А все жъ таки не правда твоя. Меня не скрючило. А ты доживи-ко вотъ до моихъ годовъ, такъ совсѣмъ стрючкомъ будешь.

Сани съ медвѣдемъ, между тѣмъ, отѣхали и стали подъ навѣсъ.

Григорій Орловъ былъ уже въ снѣгахъ; Алексѣй, перебраниваясь и шутя съ старикомъ, вошелъ за нимъ.

Въ маленькой горницѣ былъ накрытъ столъ и среди бѣлой скатерти и посуды тускло свѣтила нагорѣвшая сальная свѣча. Тепло и запахъ щей, доходившій изъ сосѣдней горницы, приятно охватилъ прїѣзжихъ, простоявшихъ на морозѣ нѣсколько часовъ.

— Ну, поживѣй, Агафонъ. Проголодались мы, приказалъ Григорій.

— Живо, живо, старая крыса! шутливо добавилъ и Алексѣй.

— Все готово-съ! Блючикъ пожалуйте отъ погребца. Онъ у васъ остался: А то-бъ ужъ давно все на столъ было.

— Онъ у тебя, Алеша.... Ахъ, нѣтъ, тутъ!...

Григорій Орловъ досталъ ключи изъ кармана и, бросивъ ихъ на столъ, сѣлъ на лавку.

Старикъ отперъ дорожный погребецъ, купленный въ Кёнигсбергѣ, въ видѣ красиваго сундучка и сталъ доставать оттуда приборы; потомъ, очистивъ отъ мелочей верхнюю часть сундучка, вынулъ за уши большую посеребренную суповую мису съ крышкой и началъ изъ нея выкладывать такія же металлическія тарелки. Вынимая тарелку за тарелкой и дойдя до двухъ мисъ, которыя вкладывались одна въ другую, помѣщаясь, такимъ образомъ, въ большой суповой мисѣ съ ушками—Агаеонъ началъ качать головой и бормотать.

Алексѣй Орловъ стоялъ, подпершись руками въ бока, среди горницы, за спиной Агаеона и, молча мотнувъ брату головой на старика, подмигнулъ. Григорій, полулёжа на лавкѣ, поглядѣлъ на лакея.

— Что? Сервизъ? вымолвилъ онъ и усмѣхнулся.

Агаеонъ обернулся на это слово заморское и морщинистое лицо его съѣжилось въ добродушно хитрую улыбку.

— А то нѣтъ! воскликнулъ онъ. Сто лѣтъ буду перебирать и въ толкъ не возьму! Нѣтъ! Какова бестія! И Агаеонъ ткнулъ пальцемъ въ погребецъ.—Что бы ему разложить все въ сундучкѣ рядышкомъ! Нѣтъ, вишь анаеема, что придумалъ. Одно въ одно. Соберешь со стола кучу, а уложишь, и нѣтъ ничего! Одна миска! Сто лѣтъ, говорю, буду выкладывать и эту бестію нѣмца поминать.... Уложить рядышкомъ какой вѣдь ящикъ бы надо.... сажонный. Такъ нѣтъ-же! онъ, анаеема, вишь.... одно въ одно.... Прямая бестія, плуть.

— Ну, Агаеонъ, вотъ что.... Соловья баснями не кормятъ. Давай скорѣе.... терпѣливо, но угрюмо сказалъ Григорій Орловъ.

— Заразь, пане, заразь! отозвался Агаеонъ, почти не обращая вниманія. Какъ были мы съ вами въ Вильнѣ, помню я тоже, эдакую штуку одинъ жидъ продавалъ.

— Ты болты болтать! закричалъ вдругъ Алексѣй Орловъ громовымъ голосомъ. Постой болтушка! И, живо подхвативъ старика за ногу и за руку, онъ поднялъ его, какъ перышко, на воздухъ, надъ головой своей.

— Ай!! Ай!! Убьешь! Ей Богу убьешь! Баринъ! Золотой! заоралъ старикъ. Обѣщался никогда этого не дѣлать. Стыдно! Григорій Григорьичъ, не прикажите. И старикъ, боязливо погля-

дывая съверху на богатыря барина и на полъ, кричалъ на весь домъ.

— Разшибу объ полъ въ дребезги!... кривнулъ Алексѣй и держалъ старика высоко надъ головой. Тамъ какъ горница была низенькая, то онъ, наконецъ, приперъ старика къ балысинамъ потолка.

— Гриша, пощекочи его....

— Голубчикъ! Баринъ! Ради Создате.... Ай—ай!

— Пусти его, Алёша. Ей Богу ёсть хочется.

Алексѣй спустилъ бережно старика и поставилъ на полъ, но едва Агаѳонъ былъ на ногахъ, онъ нагнулся и началъ щипать его за икры.

— Бери сервизъ!... Живо.... Защекочу.... Прямая Фоебшка болтушка.

Агаѳонъ увертывался вправо и влево, хрипливо хихикалъ и вскрикивалъ, поджимаясь для защиты икръ; наконецъ, онъ наскоро ухватилъ мисы и тарелки и, поневолю пятась отъ барина задомъ напередъ, кой-какъ пролѣзъ въ двери, но разронялъ приборы на порогъ.

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, ему руки не сверни какъ-нибудь... сказалъ Григорій, когда старикъ скрылся.

— Вотъ! Я вѣдь бережно.... Зачѣмъ Фоебшку калѣчить. Не даромъ онъ насъ на рукахъ махонькими таскалъ.

— Кости-то у него старыя.... Не долго и изувѣчить, замѣтилъ Григорій.

Чрезъ минуту пять Агаѳонъ появился съ подносомъ. Изъ большой мисы дымилась похлебка, изъ другой торчалъ хвостъ рыбы, въ третьей маленькой мискѣ были печеныя яблоки. Лакей, уже не боясь затѣйника барина, съ ужиномъ въ рукахъ, разставилъ все на столѣ, подавъ тарелки и приборы и, отошедъ въ сторону съ салфеткой на рукѣ, сказалъ торжественно:

— Пожалуйте откушать на здоровье.

Братья порядливо, не спѣша, перекрестились и весело принялись за ужинъ.

— Вы кушайте, а я буду вамъ сказывать.... что тутъ было съ часъ мѣста тому.

— Ну, теперь болтай, Фоебшка, сколько хочешь, весело сказалъ Алексеѣй Орловъ. Ты намъ сказывай, а мы будемъ тебя не слушать.

— Анъ вотъ и будешь.... поддразнилъ его старикъ, поджимаясь и вытягивая шею впередъ.

— Анъ не буду! гримасой и голосомъ, удивительно вѣрно передразнилъ его Алексѣй.

— Анъ будешь.... Да еще обоими ушами будешь слушать, и кушать перестанешь отъ любопытствія того, что я сказывать буду....

— Ну, ну, говори!

— То-то вотъ.... Говори теперь.... Да я не тебѣ и говорить хотѣлъ! И презанимательная происшествія, Григорій Григорьевичъ, обратился Агафонъ серьезно къ своему барину.

Вообще старикъ лакей хотя любилъ равно всѣхъ своихъ господъ, и маленькаго кадета Владиміра Григорьевича, и озарника, вѣчнаго спорщика и насмѣшника Алексѣя Григорьевича, но уважалъ онъ только Ивана Григорьевича Орлова, старшаго изъ братьевъ, и потомъ боготворилъ своего барина Григорія Григорьевича, съ которымъ совсѣмъ не разставался уже за послѣдніе двѣнадцать лѣтъ ни въ Россіи, ни за границей.

— Съ часъ тому мѣста, баринъ, началъ Агафонъ ухмыляясь, сижу я съ содержателемъ Дегтеревымъ. Хозяйка-то стало быть готовить вотъ на счетъ кушаньевъ вамъ поужинать. А мы двое сидимъ, да бесѣдуемъ. Онъ меня про нѣмцеву землю спрашиваетъ, про Конизберъ городъ и про прусскаго.... энтото.... ну про Хредлиха, что нѣмцы королемъ своимъ считаютъ, благо у него длиненъ носъ, до Коломны доросъ, а все, поди, на глазахъ торчить.

Братья Орловы неволью усмѣхнулись тому, что называли «старой Феофшиной пѣсенкой». Агафонъ не любилъ Нѣмцевъ. Проживъ между ними четыре года въ Кѣнигсбергѣ, онъ еще нище не взлюбилъ ихъ, но короля Фридриха почему-то особенно ненавидѣлъ отъ глубины души. Какъ и за что явилась эта ненависть въ добромъ старикѣ, онъ самъ не зналъ. Въ Агафонѣ какъ будто что-то оскорблялось и негодовало, когда ему говорили, что Фридрихъ — король,.... монархъ.... такой же вотъ царь нѣмецкій, какъ Петръ Алексѣевичъ былъ русскимъ Царемъ. Агафонъ злобно ухмылялся, трясъ головой и не могъ никакъ переварить этого; если же бесѣда объ Фридрихѣ затягивалась и ему доказывали неопровержимо, что Фридрихъ царь прусскій, какъ и быть должно... да еще пожалуй Великимъ потомъ назовется.... то Агафонъ, не находя опроверженій, принимался ругаться, называя своего собесѣдника басурманомъ и измѣнникомъ.

— Ну, ну, Фридриха ты, братъ, не тронь, сказалъ Алексѣй Орловъ. Знаешь нынѣ времена не тѣ. Это при Лизаветѣ Петровнѣ съ рукъ сходило; а теперь ты, Фошка, это брось. Скоро вотъ мы замиримся съ Хредлихомъ съ твоимъ и какъ ты его ругать, тебя и велеть ему головой выдать. Онъ тебя и казнить на сѣнной площади въ Берлинѣ.

— Казнить! сердито отозвался Агаонъ.

— Да. Сначала это отдеруть кнутъями нѣмецкими, а тамъ клейма поставятъ и тоже съ нѣмецкими литерами, а тамъ ужъ и голову, пожалуй, долой.

— Коротки руки—литеры мнѣ ставить....

— Дай ему, Алеша, сказывать, вмѣшался Григорій.

— А ты языкъ-то свой попридержи, Алексѣй Григорьевичъ. Жуй себѣ, да молчи. Ну-съ, вотъ и бесѣдуемъ мы съ Дегтеревымъ. Вдругъ, слышимъ, бухъ въ двери кто-то. Меня съ лавки ажно свернуло, такъ скотина шибко вдарилъ съ размаха. Точно разбойникъ какой. Ужъ я его ругалъ, ругалъ потомъ за перепугъ.

— Да кто такой?... спросилъ Алексѣй.

— А ты кушай, да молчи.... Ну вотъ, Григорій Григорьевичъ, отворилъ Дегтеревъ дверь.... Лѣзетъ дьяволь, звенить шпорьями, внуть въ рукъ, верхомъ пріѣхалъ. Морда вся красная, замерзъ бестія. Глянулъ я.... Вижу, онъ какъ и быть должно.... Всѣ они эдакіе, прости Господи, дьяволы....

— Такъ таки самъ дьяволь? Что ты Фоша?! шутливо воскликнулъ Алексѣй Орловъ.

— Постъ нояѣ, Великій постъ Господень идетъ, Алексѣй Григорьевичъ! Грѣхъ это—его поминать! укоризненно заговорилъ Агаонъ.

— Самъ ты два раза его помянулъ—дьявола.

— Я не поминалъ. Поклеповъ не взводи. Я нѣмца ругалъ, а не его поминалъ. Ну вотъ слушайте. Вошелъ и кричить.

— Да кто такой? Ты же вѣдь не сказалъ, замѣтилъ Григорій Орловъ.

— А Голштинецъ!

— Голштинецъ?

— Да. Солдатъ изъ потѣшныхъ, изъ Аранбовскихъ. Вы слушайте, Григорій Григорьевичъ, что будетъ-то.... Хочу, говорить, я комнату занять. Эту самую вотъ. Для моего ротмейстера, кой будетъ сейчасъ за мной. Мы говоримъ: обожди, не

сѣвши. Горница занята и ужинъ тамъ накрытъ моимъ господамъ.—Мой, говорить; ротмейстеръ Государевъ.

— По каковски-же онъ говорить-то?

— Что по своему, а что и по нашему. Понять все можно. Русскій хлѣбъ ѣдятъ ужъ давно, грамоту нашу пора выучить. Мнѣ, говорю ему, плевать на твоего ротмейстера. Мои господа, говорю, Московскіе столбовые дворяне, батюшка родитель ихъ былъ, говорю, генераль.... Да. Вотъ что, голштинецъ ты мой! А ты, говорю, обогрѣйся въ людской, да и ступай съ Богомъ.... откуда пришелъ. Онъ на это кричать, буянить.... Подавай ему горницу и готовь тоже закусить для его ротмейстера. Спросилъ Дегтеревъ: кто таковъ твой начальникъ? Говорить ему: имя я самъ не знаю. Ну, а коли ты и званья своему барину, говорю я ему, не вѣдаешь, то, стало, вѣрно прощелыга какой. И Дегтеревъ говорить: Господина твоего ротмейстера я не знаю, а вотъ его господа завсегда у меня постоемъ бываютъ съ охоты. И теперь, говорить, тоже горница занята для нихъ. А я, говорить, господь его, не промѣню на Голштинца. Пословица нынѣ сказываться стала: «Отъ Голштинца не жди гостинца.» Вотъ что!...

— Ну что жъ, понялъ онъ пословицу-то?

— Понялъ, должно, буянить началъ.... а потомъ сѣлъ, отогрѣлся и говорить: «Погодите вотъ ужотко, подѣдетъ ротмейстеръ, всѣхъ васъ и вашихъ *героузъ официровъ* кнутомъ отстегаетъ.» Ей Богу такъ и говорить! Меня со зла чуть не разорвало.... Сидитъ бестія, да пужаетъ.... Посидитъ, посидитъ, да и начнетъ опять пужать.... Погодите вотъ на часъ, подѣдетъ вотъ мой-то.... Дастъ вамъ....

— Ну что-жъ, тотъ подѣхалъ? спросилъ Алексѣй Орловъ.

— То-то не подѣхалъ еще.

— Ну, а солдатъ?

— И теперь тутъ. Ждетъ его. И все вѣдь пужаетъ. Ей Богу. Сидитъ это, ноги у печи грѣетъ и пужаетъ. Пресмѣлый. Ну и какъ быть должно, изъ себя—рыжий и съ бѣлымъ на носу.

— На глазу то ись.... Ошошка.

— Нѣтъ на носу, Алексѣй Григорьевичъ. И все-то ты споришь. Ты не видалъ его, а я видѣлъ. Такъ знать ты и не можешь гдѣ. А учить тебѣ меня,—не рука.... Врать я—въ жисть не вралъ.

— Да на носу, Оша, бѣлмы не бываютъ. Не путай!...

— У нѣмца?!.. Много ты знаешь!... И не такое еще можетъ быть.... Хуже еще можетъ быть. Ты за границу не ѣздилъ, а мы тамъ жили съ Григорьемъ Григорьевичемъ. Да что съ тобой слова тратить!... И Агаѳонъ сердито вышелъ вонъ, хлопнувъ за собой дверью.

— Озлилъ таки Феоошку! разсмѣялся весело Алексѣй Орловъ.

VII.

Черезъ четверть часа послышался около постоялаго двора звонъ жиденькихъ чухонскихъ бубенцовъ, безъ колокольчика, а затѣмъ кто-то громко и рѣзко крикнулъ на дворъ хозяина.

— А вѣдь это онъ, пожалуй, ротмейстеръ этотъ. То не наши, сказалъ Алексѣй.

— Позовемъ его съ нами поужинать, отозвался Григорій Орловъ. Я давно уже по-нѣмецки не говорилъ. Поболтаю.

— Всѣ эти голштинцы превеликаго вѣдь самомнѣнія.... отозвался Алексѣй на предложеніе брата гадливо, съ гримасой.

— Ничего. Ради потѣхи лебезить буду, да по шерстѣ его учну гладить. Объ прусскомъ артикулѣ пушуся въ бесѣду! А какъ подыдемся каждый во свояси—тогда я ему на прощаніе нѣмцеву породу и его Хредлиха самаго выругаю по здоровѣе, разсмѣялся Григорій.

— Что жъ, пожалуй. Вмѣстѣ дѣтей не крестить. Поужинаемъ и разъѣдемся.... А то скажи ему, какъ Разумовскій сказалъ какому-то нахалу. Тотъ напрашивался все къ нему силкомъ на балъ, онъ и отвѣтилъ: неча дѣлать, наплевать, милости просимъ!...

Въ эту минуту въ сѣняхъ раздался крикъ и кто-то грохнулся объ землю. Затѣмъ раздался визгливый и яростный крикъ Агаѳона.

— Меня свои господа вотъ ужъ тридцать лѣтъ не бивали. Вотъ что-съ.

Алексѣй Орловъ бросился на крикъ лакея, но дверь распахнулась и Агаѳонъ влетѣлъ съ окровавленнымъ носомъ.

— Смотрите что! завопилъ старикъ. Нешто онъ смѣетъ чужаго холопа бить?

— Dum! Wo sind diese Leute? кричалъ голосъ въ сѣнцахъ.

— А-а! Вотъ оно какое дѣло! выговорилъ Григорій протяжно и поднялся изъ-за стола. Вывернувъ высоко вверхъ локоть правой руки, онъ гладилъ себя ладонью этой руки по верхней губѣ. Неровное дыханье сильно подымало его грудь.

Алексѣй Орловъ быстро обернулся къ брату. Этотъ жестъ и хорошо знакомая ему интонація голоса брата, говорившая о вспыхнувшемъ гнѣвѣ, заставила его схватить брата за руку...

— Гриша, не стойте того. Стыдно!! Господь съ тобой.

Григорій Орловъ стоялъ, не шевелясь, за столомъ.

На порогѣ показалась высокая и плотная, полуосвѣщенная фигура Голштинскаго офицера въ ботфортахъ, куцомъ и узкомъ мундирѣ съ разшивками на груди. Прежде всего бросились въ глаза его толстыя губы и крошечные глазки подъ лохматыми рыжими бровями. На прибывшемъ была накинута медвѣжья шуба, на головѣ круглая фуражка съ мѣховымъ околышемъ и съ зеленымъ козырькомъ.

— Какъ вы смѣете бить моего человѣка?! крикнулъ изъ-за стола Григорій Орловъ по-нѣмецки.

Алексѣй, не понимавшій ни слова изъ того, что говорилъ братъ, прибавилъ тихо.

— Не стойте связываться, Гриша. Уступимъ уголъ горницы. Все таки офицеръ...

Прибывшій ротмейстеръ въ своей шубѣ едва пролѣзъ въ дверь и, увидя двѣ богатырскія фигуры двухъ братьевъ, сказалъ по-нѣмецки нѣсколько мягче, но все таки важно и внушительно:

— Я, какъ видите, офицеръ войска Его Величества. Ъду изъ Ораніенбаума къ его высочеству принцу Георгу по важному дѣлу... Я желаю поужинать и отдохнуть. Очистите мнѣ сейчасъ эту горницу.

— Чортъ съ нимъ, шепнулъ Алексѣй брату, позвать его поужинать съ нами. А Фопкинъ носъ склеимъ, некупленный! разсмѣялся онъ добродушно и весело.

Ротмейстеръ, очевидно не понимавшій ни слова по русски, принялъ, вдругъ смѣхъ этотъ на свой счетъ и, сморщивъ брови на Алексѣя, важно закинулъ голову.

— Хотите ужинать съ нами, сказалъ Григорій Орловъ уже мягко, но улыбаясь гримасамъ брата на Агаѳона, мочившаго носъ водой въ углу горницы.

— Спасибо. Danke sehr! презрительно отвѣчалъ вдругъ обидѣвшійся нѣмецъ. Я этого не ѣмъ! И онъ мотнулъ головой на столъ. Это глотать могутъ только русскіе.

— Ну такъ эта комната и столъ заняты нами! грубо и рѣзко вымолвилъ Григорій Орловъ, садясь снова. Хотите, тамъ займите вонъ уголъ и ѣшьте тамъ свою колбасу. Только живѣе

кончайте и уѣзжайте, потому что меня отъ колбаснаго запаха тошнить.

— Что? Аль онъ заупрямился, спросилъ Алексѣй, ничего не понимавшій. Мы вѣдь не въ мундирахъ, Гриша, онъ можетъ думать гупцы проѣзжіе.

— Наше общество васъ не унижить. Мы тоже офицеры войскъ Его Величества, объяснилъ Григорій.

— Русскаго войска?

— Ну, да, русскаго. Мы не въ мундирахъ, потому что заѣхали сейчасъ съ охоты.

Нѣмцу, очевидно, показалось послѣднее заявленіе Орлова сомнительнымъ.

«Эти двое дюжихъ парня врядъ—офицеры. Скорѣе два русскихъ бюргера», подумалъ ротмейстеръ, приглядываясь къ обоимъ и затѣмъ вдругъ крикнулъ въ дверь... Явились два рейтера голштинскаго войска.

— Уберите все это вонъ! Приказалъ онъ по нѣмецки, показывая на столъ. И вы тоже—вонъ. Fort! Fort!..

Vuhig!.. Кто тронетъ этотъ столъ, тому я расшибу голову объ стѣну, крикнулъ Григорій по-нѣмецки.

Рейторы остановились у дверей.

Хозяинъ Дегтеревъ показался смущенный за ними. Офицеръ грубо захохоталъ въ отвѣтъ на угрозу и сбросилъ шубу и шапку. Затѣмъ, подойдя къ столу, онъ взялъ первую попавшуюся подъ руку мису съ рыбой, шлепнулъ ее на полъ, и взялся уже было за другую.

Алексѣй и Агафонъ ахнули. Григорій Орловъ выскочилъ изъ за стола и однимъ ударомъ кулака опрокинулъ ротмейстера навзничь, на его же шубу.

— Бо мнѣ! ко мнѣ! Бей ихъ! закричалъ ротмейстеръ по нѣмецки.

Рейторы бросились было на Григорія; но одинъ изъ нихъ попалъ подъ руку Алексѣя Орлова и, сбитый съ ногъ, отлетѣлъ на стараго лакея, котораго своимъ паденьемъ сшибъ тоже съ ногъ. Рейторъ такъ застоналъ, что товарищъ его быстро отступилъ самъ.

Въ минуту Алексѣй вышвырнулъ обоихъ солдатъ изъ горницы и заперъ дверь на щеколду.

Между тѣмъ, Григорій Орловъ уже ухватилъ толстаго ротмейстера за шиворотъ и сѣвъ на него верхомъ, тащилъ его за

шею и подѣзжалъ на немъ къ самому столу. Голштинецъ, побогровѣвъ отъ напрасныхъ усилій, отчаянно барахтался и кричалъ.

— Алеша! Держи свинью! Гни! крикнулъ Григорій, слезая съ ротмейстера. Передавъ его въ руки брата, онъ взялъ со стола большую миску и, опрокинувъ ее на голову ротмейстера, облилъ его остатками еще теплой похлебки, а, затѣмъ, надѣлъ опорожненную миску ему на голову.

Вся голова офицера ушла въ нее. Григорій съ большимъ усилиемъ, сопя и крехтя, бережно согнулъ на головѣ Голштинца мѣдную мису и, сдвинувъ края на щеки, подогнулъ ушки подъ его жирнымъ подбородкомъ, лишь слегка поранивъ ухо и помявъ шею. Затѣмъ, онъ велѣлъ брату выпустить ротмейстера изъ-подъ себя и, оттолкнувъ его въ уголь, крикнулъ злобно смѣясь.

— Вотъ вамъ новая голштинская каска! А имя мое—Орловъ.

Офицеръ совершенно обезумѣлъ отъ всего совершеннаго вдругъ надъ нимъ и, качаясь, какъ пьяный, отодвинулся и сѣлъ на лавку. Онъ притихъ сразу и съ телячьимъ взоромъ глядѣлъ на братьевъ изъ-подъ миски. Руки его поднялись было безсознательно разогнуть ушки на подбородкѣ и снять мису, но, тронувъ ихъ, онъ и пробовать не сталъ. Онъ обомлѣлъ отъ изумленія, смутно понявъ, что случилось что-то невозможное, даже немислимое.

Миса, плотно обхвативъ затылокъ и темя, торчала надъ лбомъ въ видѣ чепца, а загнутыя широкія ушки держали ее и не позволяли не только снять съ головы, но даже чуть-туть сдвинуть. Чтобъ разогнуть миску нужна была та же сверхестественная сила, которая надѣла ее. Голштинецъ сидѣлъ недвижно и ошалѣлымъ взоромъ глядѣлъ на одѣвавшихся на-скоро враговъ.

— Гуть? А? Гуть что-ли? смѣялся, одѣваясь, Алексѣй.

Агаеонъ быстро и злобно собиралъ посуду въ погребецъ, изрѣдка косясь на главную мису, не достававшую теперь въ приборѣ. Увы! Она неожиданно получила совершенно новое назначеніе.

Братья вышли въ сѣни. Рейторы вѣжливо пропустили силачей. Черезъ нѣсколько минутъ Орловы уже скакали въ саняхъ по дорогѣ въ Петербургъ.

— Скверно! Поторячился ты. Скверно! повторялъ Алексѣй брату. Имя-то онъ не слыжалъ; но по мисѣ узнають, кто такіе съ нимъ пошутили. Теперь не слѣдъ было гнѣва государя на себя обращать. Ты знаешь, какъ онъ за голштинцевъ своихъ обижается всегда.

Агафонъ, сидѣвшій бокомъ на облучкѣ около кучера, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и махалъ руками по воздуху отчаянно и злобно. Наконецъ, онъ обернулся къ господамъ и сказалъ вѣ себя отъ ярости.

— Отдуть бы здорово! Такъ!! Слѣдь!! Чтобъ поимилъ бестія. Такъ нѣтъ! Добро свое зря портить. Финты-фанты показывать!

— Да на мисѣ-то вырѣзаны еще большія литеры: *глаголь* и *онг!* прибавилъ Алексѣй.

— Не будьте въ сумленіи, язвительно отозвался Агафонъ, и безъ литеръ узнается, кто такое колѣно отмочилъ. Нешто всякій это можетъ? воскликнулъ онъ вдругъ. Вашъ покойный родитель, да вы господа, его дѣтки. Кабы даже и не ваша посудина была, такъ всякій, глянувъ на его башку, скажетъ, что миска господъ Орловыхъ. Я бы взялъ на себя, помолчавъ, серьезно выговорилъ старикъ, да не повѣрять... Какъ вы полагаете, Григорій Григорьевичъ?... А то я возьму на себя, скажу, я молъ. Мнѣ что жъ сдѣлають?

Оба брата вдругъ такъ громко, раскатисто захохотали на это предложеніе, что даже пристяжныя рванули шибче. Агафонъ сердито махнулъ рукой и, отвернувшись лицомъ къ лошадямъ, обидчиво молчалъ вплоть до Петербурга?

Между тѣмъ, ротмейстеръ, оставшись на постояломъ дворѣ въ той же горницѣ, позвалъ солдатъ, заперся и возился напрасно съ своей новой каской. Онъ пришелъ въ себя окончательно и понялъ весь ужасъ своего положенія, когда Орловы уже уѣхали; иначе онъ готовъ бы былъ просить хоть изъ милости снять съ него миску. Напрасно оба рейтора его возились надъ нимъ и, уцѣпившись за края и ушки мисы, съ двухъ разныхъ сторонъ, тащили ихъ изъ всей силы въ разные стороны. Ушки не подались ни на волосъ изъ-подъ толстаго подбородка офицера. Кромѣ того, одинъ изъ рейторовъ былъ гораздо сильнѣе товарища и при этой операціи, не смотря на все свое уваженіе къ Неггу ротмейстеру, ежеминутно стаскивалъ его съ лавки на себя, и валилъ на него слабосильнаго товарища. При этомъ доставалось пуще всего головѣ ротмейстера, отъ боли кровь прилиwała къ его толстой шеѣ и онъ боялся апоплексіи.

Наконецъ, голштинецъ обругалъ рейторовъ и не велѣлъ себя трогать. Они отступили вѣжливо на шагъ и стали — руки по швамъ.

Ротмейстеръ просидѣлъ нѣсколько минутъ неподвижно, и очевидно раздумывая, что дѣлать? Наконецъ, ничего вѣроятна не придумавъ дѣльнаго, онъ вдругъ поднялъ руки вверхъ, какъ бы призывая небо во свидѣтели невѣроятнаго происшествія, и воскликнулъ съ полнымъ отчаяніемъ въ голосъ:

— Gott! Was für dumme geschichte!!

Оставалось положительно одно—ѣхать тотчасъ въ Петербургъ, къ мѣднику или слесарю, распиливать свою новую каску.... Но какъ ѣхать?! По морозу! Сверхъ миски—теплая шапка не влѣзетъ! Отчаяніе Голштинца взяло однако верхъ надъ самолюбіемъ и онъ, выпросивъ тулупъ у Дегтерева, велѣлъ себѣ закутать имъ голову вмѣстѣ съ миской.... Рейторы его обвязали наглухо, вывели подъ руки, какъ слѣпаго, и посадили въ санки. Ротмейстеръ рѣшился въ этомъ видѣ ѣхать прямо къ принцу голштинскому, Георгу, дядѣ государя, жаловаться на неизвѣстныхъ озарниковъ и требовать примѣрнаго наказанія. Дегтеревъ, разумѣется, не сказалъ ему имени силачей, отзываясь незнаніемъ, а самъ офицеръ не запомнилъ русскую, вскользь слышанную, фамилію. Вензель Г. О., вырѣзанный на посудинѣ, онъ видѣть у себя на затылкѣ конечно не могъ.

Когда ротмейстеръ чудищемъ съ огромной головой отъѣхалъ отъ постоялаго двора, Дегтеревъ, уже не сдерживая хохота, вернулся въ горницу, гдѣ жена подтирала полъ и прибирала остатки растоптанной рыбы....

— Ай да Григорій Григорьевичъ! Вотъ эдакъ-то бы ихъ всѣхъ раббовскихъ. Они нашего брата поѣдомъ ѣдятъ.... Не хуже Бироновыхъ языковъ. Спасибо хоть этого поучили маленечко.... А лихо! Ай лихо! Ха-ха-ха!

Дегтеревъ сѣлъ на лавку и началъ хохотать, придерживая животъ руками. Вскорѣ на его громовый хохотъ собрались всѣ работники отъ мала до велика со всего двора и слушали разсказъ хозяина.

— Горнадеры-то его.... Ха-ха-ха. Одинъ въ эту сторону, на себя тянетъ, а тотъ къ себѣ тащить, да оба мычать, а ноги-то у нихъ по мокрому полу ѣдутъ!... А ротместирь-то глаза пучить, изъ-подъ миски-то.... Ха-ха-ха! Охъ, батюшки! Животъ подвело. О-о-охъ! Умру!...

Батраки, глядя на хохотаваго хозяина и, представивъ себѣ постепенно все происшедшее сейчасъ въ горницѣ, начали тоже громко хохотать.

— Этотъ сюда тащить, а этотъ туда.... А ноги-то.... ноги-то — по полу ёдутъ!... безъ конца принимались повторять по очереди батраки, послѣ каждой паузы смѣха, будто стараясь вполне разъяснить другъ другу всю штуку. И затѣмъ всё снова заливались здоровымъ хохотомъ, гремѣвшимъ на весь Красный Бабакъ.

VIII.

У воротъ большого дома Адмиралтейской площади, стоящаго между покатымъ берегомъ рѣки Невы и Галерной улицей, ходитъ часовой и отъ сильнаго мороза то и дѣло топочетъ ногами по ухоженному имъ снѣгу, ярко облитому луннымъ свѣтомъ. Здѣсь въ большихъ хоромахъ помѣщается прибывшій недавно въ Петербургъ принцъ Голштинскій Георгъ-Людвигъ. Хотя уже четвертый часъ ночи, но въ двухъ окнахъ нижняго этажа видѣнъ свѣтъ... Горница эта съ освѣщенными окнами—прихожая и въ ней на ларяхъ сидятъ два рядовые преображенца. Они часовые, но спокойно положивъ ружья около себя сидятъ, пользуясь тѣмъ, что весь домъ спитъ глубокимъ сномъ; даже двое дежурныхъ холоповъ, растянувшись также на ларяхъ, спятъ непробудно, опрокинувъ лохматые головы, раскрывъ рты и богатырски похрапывая на всю прихожую и парадную лѣстницу. Рядовые эти—молодые люди, красивые, чисто одѣтые и щеголеватые съ виду. Обоимъ лѣтъ по двадцати и оба свѣтлорусые. Одинъ изъ нихъ, съ лица по старше, плотнѣе, съ полнымъ круглымъ лицомъ и свѣтло синими глазами тихо рассказываетъ товарищу длинную, давно начатую исторію. Это рядовой преображенецъ—Державинъ.

Другой, слегка худощавый, но стройный и высокій, съ живымъ, но совершенно юнымъ, почти дѣтскимъ лицомъ, съ красивымъ орлинымъ носомъ и большими, блестящими, темногубыми глазами. Даже въ горницѣ, полуосвѣщенной дрожащимъ свѣтомъ нагорѣвшей свѣчи—глаза его блестятъ особенно ярко и придаютъ блѣлому, даже черезъ-чуръ блѣдному матовому лицу, какую-то особенную прелесть, живость и почти отвагу. Лицо это сразу поражаетъ красотой, хотя отчасти женственной. Онъ старается внимательно слушать товарища, но за-частую зѣваетъ и на его лицѣ видно сильное утомленіе; видно, что сонъ давно одолеваетъ его на часахъ. Это тоже рядовой—Шепелевъ.

Державинъ кончалъ уже свой рассказъ о томъ, какъ недавно прѣхалъ въ Петербургъ и нечаянно попалъ въ преображенцы.

— Такъ стало быть мы оба съ вами новички, выговорилъ наконецъ Шепелевъ. А я думалъ, что вы уже давно на службѣ.

— Какъ видите всего, безъ году недѣля. А вы?

— Я на масляницѣ пріѣхалъ. Навѣдался прямо съ пиеьмомъ отъ матушки къ родственнику Петру Ивановичу Шувалову и узналъ, что онъ уже на томъ свѣтѣ. Да, пріѣзжай я пораньше, когда государыня была жива и онъ живъ, то не мыкался бы какъ теперь. Это не служба теперь—а работа арестантская.

— Да, вымолвилъ Державинъ, вздохнувъ, ужъ нынѣ служба стала, государь мой, не забава, какъ прежде была. Вы вотъ жалуетесь, что на часахъ ночь отбыть надо... Это еще давай Господи. А вотъ я, такъ радъ этому, ноги успокоить. А то во сто кратъ хуже, какъ пошлютъ на вѣсти къ кому. Вотъ у фельд-маршала Трубецкаго, помилуй Богъ. Домочадцы его, хоть кого въ гробъ уложить посылками. То сдѣлай, туда сходи, въ лавочку добѣги, къ тетужкѣ какой дойди, который часъ сбѣгай—узнай, разнощика догони—вороти. Просто бѣда. А то еще хуже, какъ съ вечера дадутъ повѣстки разносить по офицерамъ... Одинъ живетъ у Смольнаго двора, другой на Васильевскомъ острову, третьяго чортъ угналъ въ пригородъ Коломну, ради собственнаго домишки, либо ради жизни на хлѣбахъ у родственника... Такъ, знаете, какъ бываетъ, выйдешь съ повѣстками до ужина въ сумерки, самое позднее ужъ часовъ въ шесть, а вернешься въ казармы да заснешь послѣ полуночи. А въ семь вставай на ротный сбой да ученье, а тамъ пошлютъ снѣгъ разгребать у дворца, канавы у Фонтанки чистить или на морозѣ поставить на часы; да забудутъ смѣну прислать....

— Какъ забудутъ?

— Да такъ! Нарочно. Меня вотъ теперь нашъ ротный командиръ ни за что поѣдомъ ѣсть. Онъ меня одинажды 12-ть часовъ проморилъ на часахъ во двору у графа Кирилы Григорьевича.

— Кто такой?

— Графъ Кириль Григорьевичъ? Гетманъ. Ну, Разумовскій. Нешто не знаете. «Всея Хохландіи самодержецъ» зовется онъ у насъ... Теперь только вотъ обоимъ братьямъ тѣсновато стало при дворѣ, кажется скоро поѣдутъ глядѣть, гдѣ солнце встаетъ.

— А гдѣ это? вдругъ спросилъ Шепелевъ съ любопытствомъ.

— Солнце-то встаетъ? А въ Сибири. Это такъ называется. Да.... Такъ вотъ, объ чемъ бишь и говорилъ. Да объ гоньбѣ-

то нашей. Пуще всего въ Чухонскій Ямъ носить повѣстки. Тутъ при выходѣ изъ города гдѣ овражина и мостивъ, всегда бѣды. Одного измайловца до нага равдѣли, да избили до полусмерти.

— Грабители?

— Да. Говорять будто вотъ изъ ихнихъ... И Державинъ мотнулъ головой на внутреннія комнаты. Два Голштинскихъ будто бы солдата, изъ Арамбова.

— Вотъ какъ?

— Да это пустое. Нынѣ, что не случись, сейчасъ валять на голштинцевъ, какъ у насъ въ Казани все на татаръ, что ни случись, сваливаютъ. Надо думать, разбойники простые. Имъ въ Чухонскомъ Яму любимое сидѣніе съ дубьемъ.

— Что вы! Ахъ, батюшки! Вотъ я радъ, что вы меня предувѣдомили! восмилнулъ Шепелевъ. Я туда часто хожу. У меня тамъ.... И молодой малый загнулся....

— Зазнобушка!

— Охъ, кѣтъ! То есть да.... То есть, видите ли, тамъ живеть семейство одно, княжны Тюфякины.

— Ну вотъ! Князь Тюфякинъ. Да. Я ему-то и носилъ прежде повѣстки. Нынѣ онъ ужъ не у насъ.

— Ну, да, конечно. Онъ же, вѣдь, прежде преобразенецъ былъ и недавно только въ голштинцы попалъ. Я женихомъ считаюсь его сестры....

— Хорошее дѣло. Черезъ него и вы чиновъ нахватаете. Да и какъ живо! Но какъ же это вы съ масляницы здѣсь, а ужъ въ женихахъ.

— Ахъ, пѣтъ. Это еще моя матушка съ ихъ батюшкой порѣшили давно. Мы сосѣди по вотчинамъ и родственники тоже. Теперь, вотъ какъ меня произведутъ въ офицеры, я и женюсь! Такъ завѣщаль родитель ихъ покойный. Но одинъ Шепелевъ былъ женатъ уже на одной Тюфякиной и она приходилась золовкой, что-ли, моей теткѣ родной. А невѣста моя, хоть и отъ второго брака, но, можетъ быть, это все-таки сочтется родствомъ.

— Какое-жъ это родство! разсмѣялся Державинъ. Вмѣстѣ на морозѣ въ Миколы мѣрзли. Любитесь, небось, шибко.... Небось, дѣвица красавица и умница.

— Изъ себя ничего.... Только я одаткихъ не жалую. Дѣвица должна быть смиренномудрая. Такъ, вѣдь! А эта, на-счетъ ума и другихъ прелестей—отоличная дѣвица! Молодецъ на всѣ руки. Ужъ очень даже шустръ и словоохотливъ. Она и родилась здѣсь.

Батюшка мой, покойникъ, и матушка тоже заглазно мнѣ ее опредѣлили въ жены. Ну, да это дѣло.... Это еще увидится. Я отбоярюсь. Мнѣ съ княземъ Глѣбомъ уже больно шибко не охота родниться.

— А что же. Онъ нынѣ въ силѣ. Голштинецъ, хоть и русскій.

— Нехорошій человекъ. Я ужъ порѣшилъ отбояриться отъ его сестры.

И молодой малый тряхнулъ головой и усмѣхнулся съ напускнутой дѣтской важностью. Онъ, какъ ребенокъ, хвасталъ теперь предъ новымъ знакомымъ своей самостоятельностью, относительно вопроса о женитьбѣ.

— Вы одни у матушки?

— Одинъ, какъ перстъ.

— И вотчины, и все имдивеніе будетъ ваше.

— Да, но.... Шепелевъ снова запнулся въ нерѣшительности: сказать или нѣтъ? И, какъ всегда, совѣстливость его и прямога взяли верхъ.—Нечему переходить-то.... продолжалъ онъ. У матушки имѣніе хотя и есть.... но покойникъ родитель ей оставилъ таковой чрезмѣрный долгище, что заплатить его не хватитъ никакихъ вотчинъ. Если бъ и весь уѣздъ былъ нашей вотчиной, такъ не хватило бы.

— И въ этомъ мы съ вами ровни. У меня тоже немного. Но все-таки вы не живете въ казармахъ! прибавилъ Державинъ.

— Я у дяди Квасова, на хлѣбахъ....

— Господинъ Квасовъ. Гренадерской роты нашей. Знаю его за добрѣющей души человекъ сказалъ Державинъ и въ то же время подумалъ про себя: «какъ этаго лѣшаго не знать!»

— Онъ изъ лейбъ-компаніи, какъ-то странно сказалъ Шепелевъ, будто предупреждая вопросъ Державина.— Но я его очень люблю....

— Какъ же, позвольте.... заговорилъ этотъ. Извините за нескромность. Какъ же господинъ Квасовъ оказался вашимъ дя-дюшкой?...

— Видите ли.... Когда ихъ всѣхъ царица покойная произвела въ дворяне, по восшествіи своемъ на престолъ, то братъ младшій Квасова, тоже бывший солдатъ гренадеръ, но очень видный и красивый, прельстилъ одну мою тетку двоюродную, которая всегда жила въ Петербургѣ. Онъ на ней и женился и вскорѣ умеръ. Вотъ господинъ Квасовъ и выходитъ мнѣ теперь....

— Да... Опять тоже на морозѣ вмѣстѣ мѣрзли... Какая-жь это родня! разсмѣялся Державинъ.

— Да. Но я его очень люблю. Онъ истинно добрый и благородный человекъ, хотя происхожденія и не нашего, дворянскаго.

— Вы у него, стало, и живете въ качествѣ родственника. Ну-съ, я не такъ счастливъ, живу съ рядовыми солдатами. Плачу за себя пять рублей въ мѣсяцъ одному капразу Волкову и у него же въ горницѣ, въ углу, и живу за перегородкой. Тяжело. Придешь иной разъ домой, уходящимся въ разсылкахъ, или съ вѣстей, или послѣ ученья, хочешь заснуть, а тутъ ребята орутъ, бабы ихъ межъ собой ругаются, а то и въ драку полезутъ. А мужья ихъ мирить, да разнимать—помеломъ, бревномъ, либо и кочерьгой. А начальство ни въ грошъ не ставятъ. Кричи не кричи. Помню, вотъ, какъ-то ночью просыпаюсь—шумъ, гамъ въ казармахъ, а меня съ кровати кто-то тянетъ за одѣяло, да молится, пусти его на постель. По казармѣ ходятъ, орутъ, ищутъ. Очнулся я совсѣмъ, смотрю—нашъ же флигельманъ Морозовъ.—Ты что? спрашиваю.—«Убить хотятъ. Дежурный офицеръ отлучился на вечеринку. Не выдавайте имъ меня. Защитите, родной, до утра, а то убьютъ съ пьяну. Удрать не могу—ворота стерегутъ. Спасите. Васъ, какъ барскаго роду, не посмѣютъ тронуть.»—Да какъ же мнѣ, говорю, тебя спасти?—«Пустите, говорить, лечь на вашу кроватьку подъ одѣяло. А сами уйдите куда-нибудь.»—Чтожь дѣлать-то? Пустилъ, а самъ всталъ и пробрался тихонько на улицу. Всю ночь они проискали его—убить, а моей кровати не трогаютъ.... Это, говорятъ, нашъ барчукъ спитъ. Такъ онъ до зари, зарывшись въ мое одѣяло, и пролежалъ, понуда офицеръ не вернулся и не унялъ пьяныхъ. А, вѣдь, флигельманъ насъ же и обучаетъ и, стало быть, такое же начальство, что и офицеръ. Да-съ, повинovenія у насъ мало. Буяны все, да озорники. Съ жиру бѣсятся.

— Отчего-жь они буянили-то, съ пьяну?

— Да. Первое дѣло, у насъ новое путало завелся, господинъ Орловъ. Слыхали, я чаю, два брата, силачи эдакіе. Другой-то братъ, старшій, артиллеріи цалмейстеръ.... Не знаете?

— Нѣтъ.

— Что это вы ничего не знаете. Я вотъ и недавно прибылъ, а все знаю. Ну, вотъ этотъ Орловъ—воистину путало—зачастую угощаетъ виномъ свою роту. Такъ, зря, видно денегъ дѣвать некуда. Вотъ они въ тѣ поры и напились. А какъ фли-

гельманъ Морозовъ больно доѣхалъ ихъ ученьемъ, то они съ пьяну и полѣзли. Да, сказываютъ, и Орловъ за что-то золь на Морозова и ихъ наускивалъ на него. Выйдетъ, молъ, шумъ, другаго назначуть флигельмана. А эдакое ему зачѣмъ-то на-руку. Двучлиневый это народъ—оба брата.

— Орловы?

— Да-съ. Деньги тратятъ большія, а состоянія большаго у нихъ нѣтъ. Всякій вечеръ у нихъ сборища офицеровъ. Брикъ, гамъ, затѣи шальные. А, вѣдь, квартира-то ихъ на видномъ мѣстѣ, не далеке и до самаго дворца. Былъ ужъ, говорятъ, разъ приказъ имъ отъ принца—держатъ себя скромнѣе. И ничего не помогло. Говорили, будто даже одинъ изъ нихъ, нашъ же офицеръ, Пассекъ, отвѣчалъ: «у васъ-де тамъ пиво пьютъ, а мы матушку сивуху тянемъ, такъ мы другъ дружкѣ не помѣха».

— Однако, дерзость какая? Чтожъ на это принцъ отвѣтилъ?...

— Ну, до принца-то оно, положимъ, врядъ дошло. Кто-жъ эдакое пойдетъ передавать. Самъ ногъ не унесешь.... Что это такое!? вдругъ прибавилъ Державинъ, прерывая бесѣду и обращиваясь въ окно. Будто подѣхали. Слышите, полозья скрипятъ по снѣгу.

Оба рядовые прислушались и, подъ здоровый храпъ спящихъ на ларяхъ холоповъ, съ трудомъ разслышали шумъ полозьевъ и звукъ бубенцовъ. Они глянули въ окно и среди яркой, бѣлой улицы, освѣщенной какъ днемъ, увидѣли сани парой, съ кучеромъ чухонцемъ, а въ саняхъ что-то огромное, странное. За санями ѣхали верхомъ двое солдатъ.

— Рейторы! воскликнулъ Державинъ. Голштинцы!

— Ночью? Чтожъ бы это значило?

— Привезли въ саняхъ что-то. Да нѣтъ! Это живой человекъ, самъ встаетъ. Что за притча! Пойдемте на крыльцо....

Часовые взяли ружья съ ларя и вышли.

IX.

Чудовище, выползшее изъ саней при помощи рейторовъ, было, конечно, добравшійся кой-какъ въ городъ, несчастный ротмейстеръ. Солдаты ввели его подъ руки на крыльцо и стали вводить на лѣстницу.

Но часовые были уже внизу и загородивъ лѣстницу, остановили и опросили прибывшихъ.

— Къ Его Высочеству! загудѣло что-то по-нѣмецки изъ-подъ тулуна наверхеннаго надъ медвѣжьей шубой, тамъ, гдѣ предполагалась голова.

Часовые однако не рѣшались пропускать.

— Кто вы? Мы ночью не имѣемъ приказа впускать кого либо, помимо офицеровъ вашихъ; сказалъ Державинъ также по нѣмецки.

Офицеръ раскутался при помощи рейтеровъ. Молодые люди сначала остолбенѣли отъ удивленія при видѣ чего-то блеснувшего и не сразу разглядѣли, что именно блеститъ на головѣ пріѣзжаго. Первое движеніе Державина было гнать всѣхъ троихъ вонъ; онъ вспомнилъ вдругъ о разныхъ глупыхъ шалостяхъ, которыя позволяли себѣ разные гвардейцы съ принцемъ Жоржемъ и которыя все учащались за послѣднее время, вслѣдствіе его доброты и безнаказанности со стороны начальства. Принявъ теперь вновь прибывшихъ за переодѣтыхъ балагуровъ, онъ быстро сообщилъ свою догадку Шепелеву. И оба часовые, отступивъ вверхъ лѣстницы, стали на порогъ самыхъ дверей съ твердымъ намѣреніемъ не пропускать ряженныхъ озорниковъ.

— Небось тоже изъ отчаянной компаніи господъ Орловыхъ! подумалъ Державинъ. Изъ-за нихъ проклятыхъ самъ въ отвѣтъ попадешь.

Между тѣмъ, тоже поднявшійся офицеръ порывался рѣшительно войти въ двери и лицо его было вовсе не забавно, голось вовсе не шутивъ. Къ тому же и офицеръ и солдаты были очевидно неподдѣльные нѣмцы.

— Я ротмейстеръ голштинскаго войска, сказалъ офицеръ на чисто нѣмецкомъ языкѣ. Прикажете сейчасъ вызвать камердинера Его Высочества Михеля. Сію минуту....

— Послушайте! замѣтилъ, на половину появившій Шепелевъ, онъ не пьянъ ли? У него только на головѣ что-то диковинное! А мундиръ—ничего! Являются въ такомъ видѣ къ принцу, и голштинцу нельзя позволить. Онъ хоть и не ряженный, но дѣло то всетаки не ладно. Опросите его толкомъ въ чемъ дѣло.

Державинъ объяснилъ пріѣзжему то же подозрѣніе понѣмецки спрашивая, что за причина его головнаго убора. Ротмейстеръ настойчиво, силой пролѣзъ въ переднюю мимо юныхъ часовыхъ, рѣзко заявивъ, что это не ихъ дѣло, и что объясненіе всего—тайна, которая касается одного принца.

Разбудивъ храпѣвшаго лакея, часовые поневолѣ велѣли ему идти будить главнаго принцева камердинера Михеля.

Парень, по имени Тома, съ просонья чуть не принялъ прибывшаго офицера за самого чорта и перекрестившись, попытился на ларь.

— Ну, ну, небось. Иди будить.... сказалъ Державинъ.

Ротмейстеръ, молча и угрюмо, сѣлъ на лавку около окна.... Серебряная миска ярко блестя и переливалась въ два свѣта: и въ лучахъ свѣчи и въ лунномъ свѣтѣ, падавшемъ въ обледенѣлое окно.

Рейторы почтительно стали у дверей около часовыхъ....

Державинъ и Шепелевъ, очнувшись отъ перваго удивленія и понявъ, что приѣзжему не до шутокъ, переглядывались, кусая себѣ губы, и едва сдерживались отъ невольнаго смѣха.

Вышелъ, наконецъ, позѣвывая, сонный Михель и вытаращивъ заспанные глаза, уперся, не подходя близко къ офицеру. Этотъ всталъ и приблизился, Михель ахнулъ и ругнулся по-нѣмецки, затѣмъ возопилъ хрипливо:

— Gott! Вы ли это, господинъ Котцау.... Was hat man....

Но офицеръ его перебилъ.

— Уведите меня къ себѣ. Я вамъ все объясню. Теперь, обратился онъ къ рейторамъ, ступайте домой. Скажите, что я остался у Его Высочества. Тамъ, у себя, никому ни слова. Какъ сказано! Слышите!

Рейторы вышли и уѣхали. Часовые остались въ прихожей и Шепелевъ, упавъ на лари, началъ хохотать, закрывая ротъ руками, чтобъ не огласить хохотомъ спавшій домъ. Державинъ тоже смѣялся весело....

— Что же это такое? сказалъ, наконецъ, Шепелевъ.

— А вотъ на утро, встанетъ принцъ, объяснится машгарадъ этотъ. Можетъ, это новый шлемъ такой голштинцамъ данъ, острилъ Державинъ. Не даромъ, сказывали, что къ Святой всѣмъ полкамъ гвардіи перемѣна мундировъ будетъ. А вѣдь я эту фамилію что-то слышалъ. Котцау!? И не разъ слышалъ.

— Кострюля, какъ быть должно! выговорилъ, зѣвая, Тома, снова укладываясь на ларѣ, и не обращая вниманія на двухъ солдатъ часовыхъ. Вотъ завтра принцъ нашъ перейметъ, себѣ тоже такую надѣнетъ.

— Это же почему? спросил Шепелевъ, переставая смѣяться и удивленный отчасти той грубостью, съ какой царень отзывается о принцѣ, въ домѣ котораго служилъ.

— Почему! Этотъ нѣмецъ нашего вѣждодневно учить, на.... какъ бишь, на шпатопахъ что ли? Ну вотъ на эдакихъ на длинныхъ тесакахъ что ли.

— Какой нѣмецъ?

— А этотъ вотъ самый, Ботцапый имя-то; вотъ, что въ кострюлю-то нарядился. Онъ у нашего вотъ третій день бываетъ и обучаетъ его по военному, тотъ глядитъ да перенимаетъ. Что тотъ ни сдѣлаетъ, а принцъ за нимъ тоже. Ногами такъ топочать оба по горницѣ, что страсть! Ну вотъ теперь этотъ кострюлю вздѣлъ, а нашъ, стало быть, завтрева ужъ цѣлый чугуунъ нацѣпить.... А то и намъ всѣмъ, дворнѣ, по горшку изъ-подъ каши надѣнуть. Это вѣрно? О-ох-хо-хо!

— Хорошо вамъ тутъ жить, аль дурно? спросилъ Державинъ, догадавшись по нахальному тону лакея, что онъ не доволенъ житьемъ своимъ.

— Намъ-то?... Хорошо! лѣниво выговорилъ Оома, поворачиваясь на ларѣ на бокъ, къ нимъ спиной. Ужъ такъ это хорошо! мычалъ онъ уже въ стѣну. Такъ, то-ись, хорошо.... что, поди, еще лучше вашего.

— А что?

— Нѣмцы? Что!? Отъ Голштинца не жди....

— Не жди гостинца. Слыхалъ я это....

Въ ту же минуту въ домѣ зашумѣли и заходили. Послышался чей-то голосъ, потомъ другой, говорившіе по-нѣмецки.

— А вѣдь вѣрно, разбудили принца. Стало быть, дѣло-то важное выходитъ, замѣтилъ Шепелевъ и оба юные часовые прислушались.

Къ нимъ по корридолу шель кто-то, звѣня шпорами. Они стали на мѣста, схвативъ съ ларя положенныя ружья.

— Эту ночь видно не посидишь! усмѣхнулся Шепелевъ.

Въ прихожую вышелъ офицеръ тоже въ мундирѣ голштинскаго войска и обратился къ ближайшему Шепелеву на довольно правильномъ русскомъ языкѣ, но съ иностраннымъ акцентомъ. Это былъ адъютантъ принца, Фленсбургъ. Принявъ Шепелева за простаго солдата, онъ приказалъ ему немедленно розыскать мѣдника, слесаря или кого бы то ни было съ подпилкомъ и съ разными инструментами.

— Понимаешь, зачѣмъ. Видѣлъ? вратко выговорилъ онъ.

— Офицера въ кострюлѣ то-исъ? отозвался Шепелевъ.

— Да. Ты городъ знаешь, небось, наизусть. А?... Знаешь? Найди же скорѣе и приведи сюда.

— Я города совсѣмъ не знаю! отозвался сумрачно Шепелевъ.... Я сюда недавно и пріѣхалъ, ночью же и совсѣмъ можно сбиться....

— Русскій солдатъ по всему! рѣзко сказалъ Фленсбургъ какъ бы себѣ самому. Въмѣсто скорого исполненія приказа офицера—болтовня. Ну не знаешь города—такъ поди узнай, а чтобы чрезъ полчаса слесарь былъ здѣсь! начальственнымъ голосомъ прибавилъ онъ. Но постепенно вглядываясь въ изящную фигуру и красивое лицо Шепелева, онъ прибавилъ мягче:—изъ дворянъ что ли?

— Да-съ.

— Ну, пожалуйста, будьте такъ добры, сдѣлайте это для принца. Тутъ несчастье.... Глупая дерзость. Надо скорѣе помочь.... Это не обязанность часового, но этихъ животныхъ послать нельзя! показалъ Фленсбургъ на сладко уже храпящаго Оому. Пойдетъ, провалится и ничего не найдетъ до утра. Пожалуйста. Его Высочество приказалъ....

— Я бы очень радъ, отозвался Шепелевъ, поглядывая на Державина, который осторожно отошелъ въ сторону. Но я не ручаюсь, что найду ночью слесаря, не зная города.

— Надо найти! Я вамъ передаю, наконецъ, приказъ Его Высочества, государь мой! уже нетерпѣливо вымолвилъ Фленсбургъ.

— Постараюсь, сухо отозвался Шепелевъ, весь вспыхнувъ. Сдѣлаю, что могу.

— Надѣюсь.... усмѣхнулся Фленсбургъ презрительно. Чрезъ минуту Шепелевъ вышелъ на улицу, ворча себѣ подъ носъ. А вслѣдъ за нимъ и Фленсбургъ выѣхалъ изъ дому верхомъ.

Х.

Принцъ Георгъ Лудвигъ Голштинскій былъ родной дядя государя, извѣстный болѣе Петербургу подъ именемъ принца Жоржа. Такъ звали его всѣ, даже солдаты и народъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію съ своимъ семействомъ, приглашенный Петромъ Федоровичемъ тотчасъ по восшествіи на престолъ.

Государь не настолько любилъ и уважалъ дядю въ дѣйствительности, на сколько старался это выказывать, и особенно за-

ботился объ оказаніи ему всевозможныхъ вѣшнихъ почестей и знаковъ отличія. Во всякомъ случаѣ принцъ былъ единственныйъ близкій родственникъ государя.

Вскорѣ по пріѣздѣ принца указано было его именовать «Императорскимъ Высочествомъ». Посламъ иностранныхъ дворовъ было предложено официально дѣлать принцу первый визитъ и вообще во всѣхъ церемоніалахъ и торжествахъ онъ занялъ первое мѣсто. Кромѣ того принцъ былъ тотчасъ назначенъ шефомъ голштинскаго войска и начальникомъ всей гвардіи.

Въ Петербургѣ безъ всякой причины и безъ всякаго повода принца сразу не взлюбили какъ гвардія, такъ и общество, даже народъ.

— Къ намъ важничать и наживаться пріѣхали, говорилось всюду про принца и его семейство. Небось у себя-то въ таратайкѣ на базаръ за огурцами ѣздили, а тутъ цугомъ въ восемь ноней поѣхали!

Принцъ былъ человѣкъ крайне старообразный на видъ, но еще почти молодой лѣтами; ему было 43 года. Но онъ былъ такъ худъ, малоросль и плюгавъ, что издали могъ пройти легко за юношу. Къ нему можно было вполне примѣнить пословицу: маленькая собачка до старости щенокъ!...

Онъ былъ и недалежнаго ума человѣкъ, добрый, довольно образованный, но очень вялый и лѣнивый по характеру и по привычкамъ, нажитымъ у себя на родной сторонѣ; съ пріѣздомъ въ Россію, онъ однако сталъ вдругъ дѣятеленъ.

Принцъ Жоржъ пріобрѣлъ немедленно, къ собственному своему удивленію, нѣкоторое вліяніе надъ своимъ царственнымъ племянникомъ, что было и не трудно. Прежде всего принцъ собирался избрать предметомъ своихъ заботъ и реформъ исключительно Петербургскую гвардію. Вмѣстѣ съ тѣмъ по пріѣздѣ въ Россію и честолюбивые замыслы стали обуревать принца Жоржа. Онъ уже назывался Штатгальтеромъ Голштиніи, но сталъ мечтать и надѣяться, съ помощью русскихъ войскъ и съ согласія своего покровителя короля Фридриха, сдѣлаться герцогомъ Курляндскимъ.

Со времени паденія и ссылки Бирона, мѣсто это было долго вакантно, затѣмъ его занялъ польскій королевичъ противъ воли Россіи и конечно сидѣлъ не очень твердо. Поэтому не было ни единого князька нѣмецкаго, который бы не стремился и не хлопоталъ предъ русскимъ правительствомъ о томъ, чтобы попасть въ курляндскіе герцоги. Теперь, государь Петръ Федоровичъ поло-

жительно общалъ дядѣ Бурляндію, хотя бы пришлось воевать съ Польшей и съ Саксоніей, и возвращаемый изъ ссылки Биронъ долженъ былъ отказаться формально отъ своихъ правъ въ пользу принца.

Принцъ Жоржъ и его семейство не говорили, конечно, по-русски ни слова... Но это было и не нужно... Въ эти дни, наоборотъ, русскимъ, желавшимъ выйти въ люди, приходилось садиться съ указкой за нѣмецкую грамоту и учиться марковать на языкѣ своихъ недавнихъ враговъ.

И дѣйствительно, многіе изъ гвардіи и изъ общества засѣли вдругъ усердно за нѣмецкій языкъ, бывшій долго въ большой модѣ въ Россіи и въ общемъ употребленіи, но за время Елизаветы попавшій въ опалу вмѣстѣ съ Биронами и Минихами. Тенеръ же, когда Минихъ, уже возвращенный изъ ссылки, былъ при дворѣ, а герцогъ Биронъ ожидался также всякій день въ столицу, нѣмецкій языкъ снова, будто съ ними вмѣстѣ, ворочался какъ бы изъ нравственной ссылки. Старики повторяли зады и припоминали, что знавали за время царствованія Анны Іоанновны, а молодежь вновь садилась за мудреную грамоту. Всѣ, вернушіеся изъ русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссіи и теперь отдохавшей, благодаря перемирію, имѣли огромное преимущество по службѣ въ томъ, что понимали и могли говорить на языкѣ принца Жоржа. За то всѣ, отличившіеся въ прошлой компаніи и извѣстные своей нелюбовью къ Фридриху и пруссакамъ—какъ бы ни говорили по-нѣмецки,—были гонимы и притѣсняемы или прямо попадали въ опалу.

Принцъ Жоржъ почти не зналъ своего племянника, русскаго государя, такъ какъ Петръ Ѳедоровичъ былъ увезенъ въ Россію еще ребенкомъ. Петербургъ принцъ зналъ еще менѣе. Про Россію принцъ зналъ только что она ужасно велика!... Все русское принцъ понималъ и судилъ съ своей или, вѣрнѣе сказать, съ Фридриховской точки зрѣнія. За послѣднее время не только такіе недалекіе люди, какъ принцъ Жоржъ, но и болѣе вѣрніи головы Германіи жили въ области политики умомъ короля прусскаго, будущаго «Великаго» въ исторіи.

Между тѣмъ, обстоятельства навязывали принцу, будучи при молодомъ государѣ племянникѣ, отличавшемся непостоянствомъ и неровностью характера, довольно видную роль и широкую дѣятельность.

Государь любилъ выслушивать мнѣніе и совѣты дяди обо всемъ. И принцу волей-неволей приходилось, во что бы то ни стало, добывать себѣ свои мнѣнія и совѣты и имѣть ихъ наготовѣ!

Положеніе было мудреное. И вотъ, тотчасъ по приѣздѣ, судьба послала ему помощника и совѣтника, уроженца Шлезвига, почти соотечественника, выѣхавшаго еще юношей въ эту невѣдомую, варварскую Россію.

Государь назначилъ къ нему офицера Фленсбурга, какъ переводчика, для сношеній служебныхъ и общественныхъ. Принцъ вскорѣ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ и незамѣтно, по неволѣ, попалъ вдругъ въ положеніе его ученика.

Умный, тонкій и образованный шлезвигскій дворянинъ стариннаго, но обѣднѣвшаго рода былъ, прежде всего, крайне честолюбивъ. Эта черта характера настолько преобладала въ немъ, что заставила его бросить когда-то отечество и ѣхать въ невѣдомый далекій путь, ѣхать, чтобъ попытать счастья въ той дикой, но волшебной странѣ, гдѣ за послѣднее полу столѣтіе люди, подобные ему и даже болѣе низкаго происхожденія, меньшаго ума и образованія, попадали, будто чудомъ, быстро и легко въ фельдмаршалы, князья, министры, даже регенты огромной имперіи.

Лефорты, Минихи, Лестоки, Бироны не давали покоя какъ 18-ти-лѣтнему красивому юношѣ, какимъ онъ былъ когда-то, такъ и теперешнему 36-ти-лѣтнему, все еще не обогатившемуся, шлезвигскому дворянину.

Дальновидность и осторожность одни сдерживали его предпримчивый, горячій нравъ и тѣмъ дѣлали его еще сильнѣе и искуснѣе. Не даромъ въ гербѣ его, увѣнчанномъ баронской короной, напоминавшей ему объ утерянномъ титулѣ, былъ на подковѣ стоящій барсъ, съ молотомъ въ одной лапѣ и съ жезломъ въ другой, а внизу девизъ гласилъ: *Festina lente*. Подкова для суевѣрныхъ людей — символъ удачи, даже счастья въ жизни. Фленсбургъ, при всемъ своемъ умѣ, при всей своей разумности въ обыденной жизни, былъ суевѣренъ. Этотъ гербъ прадѣдовъ краснорѣчиво говорилъ его сердцу, предсказывалъ будто ему многое. Подкова, барсъ, молотъ, жезлъ, баронская корона и девизъ вмѣщали въ себѣ наглядно и цѣль жизни Фленсбурга, и средства достиженія этой цѣли. Но какъ вооруженный барсъ стоялъ на подковѣ, такъ и жизненная карьера Фленсбурга началась случайностью. Онъ не бѣгалъ за фортуной, она постучалась къ нему

въ двери, когда ему было еще только 18 лѣтъ, вдругъ позвала его за собой. И онъ пошелъ за ней и только осмотрительно и заботливо не упускалъ изъ виду пользоваться случаемъ, даже цѣлой цѣпью удивительно счастливыхъ случайностей.

18-ти-лѣтній Фленсбургъ, въ исходѣ 1743 года, пріѣхалъ въ Берлинъ, ища средствъ къ существованію, и скоро уже собирався надѣть мундиръ солдата. Рекруты были нужны королю Фридриху.

Въ то же самое время въ Берлинъ прибыла принцесса Іоанна-Елизавета Ангальтъ-Цербстъ, съ дочерью Софіей-Фредерикой. Прібытіе ихъ ко двору прусскому обуславливалось необходимостью испросить денегъ, а равно и совѣтовъ короля предъ роковымъ шагомъ, дальнимъ путемъ въ Россію, гдѣ красавица дочь должна была сдѣлаться супругой наслѣдника русскаго престола.

Великій монархъ, проницательный и тонкій политикъ и мудрый правитель, самъ почти придумалъ это сватовство. На свѣтѣ издавна на всякаго мудреца довольно простоты и прусскій король не могъ предвидѣть, чѣмъ станетъ со временемъ для него, для Россіи, для Европы, для міра, эта покровительствуемая имъ дѣвушка, эта идеально красивая, уменькая, съ быстрымъ и огненнымъ взоромъ, но еще съ дѣтскимъ личикомъ, 16-ти-лѣтняя принцесса Софія-Августа-Фредерика.

Принцесса мать, женщина капризная и пустая, своенравная и упрямая въ мелочахъ и безхарактерная въ важныхъ случаяхъ, давно уже сердила короля своими сборами въ путь и отсрочками. И вотъ, наконецъ, король взялся за дѣло рѣшительно, вызвалъ ее въ Берлинъ, надавалъ много совѣтовъ, кромѣ того, не смотря на свою невѣроятную скаредность, далъ и денегъ. На-скоро собравъ принцессѣ небольшую свиту, онъ подарилъ ей экипажи, конюховъ, курьера и снарядилъ въ дорогу подъ именемъ графини Рейнбекъ, съ приказомъ соблюдать строгое инкогнито до Риги, гдѣ встрѣтитъ ее камергеръ Нарышкинъ.

Въ эту, на скорую руку составленную, маленькую свиту попалъ охотникомъ юноша Фленсбургъ и выѣхалъ съ принцессами въ Россію, въ качествѣ чего-то въ родѣ пажа.

Могъ-ли 18-ти лѣтній юноша, красивый, умный и честолюбивый, въ долгомъ пути по безконечнымъ снѣгамъ съ частыми и долгими остановками и бесѣдами на постоянныхъ дворахъ, остаться безнаказанно равнодушнымъ спутникомъ 16-ти-лѣтней красавицы принцессы. Не даромъ при всѣхъ маленькихъ дворахъ Германіи

того времени юные красавцы пажы были героями многих романовъ, иногда и трагедій. И Фленсбургъ зналъ это....

Какъ ни бессмысленно и глупо это, но бѣдный шлезвигскій юноша во время пути безумно влюбился въ юную принцессу — невѣсту царскую.

Ни объ принцессы, конечно, ни кто либо изъ свиты не знали и не подозрѣвали сердечной тайны юнаго пажа. Всѣ равно полюбили юношу за его заботливую услужливость, тонкую любезность, въ которой сквозила кровь прадѣдовъ—рыцарей.

Въ этотъ долгій и трудный путь, въ часы однообразныхъ зимнихъ вечеровъ на привалахъ, гдѣ-нибудь въ глуши, иногда въ избѣ, подъ гулъ и завыванье мятели на дворѣ, среди чуждаго народа и непонятнаго нарѣчія, молодой Фленсбургъ былъ неоцѣнимъ и незамѣнимъ. Онъ рассказывалъ, пѣлъ, смѣшилъ, показывалъ фокусы....

Въ Москвѣ, послѣ крещенія въ православіе принцессы Софіи, затѣмъ, послѣ вѣнчанія великой княжны Екатерины Алексѣевны съ наслѣдникомъ престола, неосторожная, безпокойная и безтактная принцесса Елизавета была вѣжливо выпровожена правительствомъ изъ Россіи. Надо было по неволѣ избавиться въ лицѣ ея отъ усерднаго агента Фридриха и отъ множества сплетенъ, интригъ, которыя она создавала между двумя дворами.

По неволѣ, съ досадой, съ горечью выѣхала Елизавета Цербстская изъ Москвы, простясь съ дочерью, чтобы никогда уже не свидѣться.

Вся свита принцессы двинулась за ней, исключая юноши Фленсбурга. Онъ одинъ былъ оставленъ при дворѣ наслѣдника и оставленъ по волѣ Императрицы. Изъ всей свиты принцессы одинъ Фленсбургъ обратилъ вниманіе на себя и заслужилъ благорасположеніе Елизаветы Петровны. Онъ одинъ изъ всей «пріѣзжей своры» не интриганствовалъ, не наушничалъ, держалъ себя съ достоинствомъ, полюбился наслѣднику и снискалъ даже пріязнь и покровительство Шуваловыхъ, Бестужева... Увѣрили, что онъ будто тоже служилъ кому-то ловкимъ соглядатаемъ, но ничто никогда не подтвердило этого...

Итакъ, Фленсбургъ остался въ Россіи, сдѣлался равно любимцемъ и великаго князя, и великой княгини, и сталъ офицеромъ гвардіи.

Прошло изъ года въ годъ—десять лѣтъ. И однажды 28-лѣтній Фленсбургъ, уже капитанъ потѣшнаго голштинскаго войска, былъ вдругъ арестованъ и высланъ изъ столицы.

Оказалось, что полудѣтская любовь 18-ти-лѣтняго пажы, какъ ни была безсмысленна и самонадѣянна, не прошла съ теченіемъ времени, при разнообразныхъ перемѣнахъ въ его карьерѣ и въ жизни. Это чувство въ мужчинѣ, въ тонкомъ придворномъ, въ усердномъ офицерѣ голштинскаго войска, только окрепло и какъ бы руководило всѣмъ его существованіемъ.

Десять лѣтъ Фленсбургъ считался лишь преданнымъ рабомъ великой княгини и великаго князя и ни разу не измѣнилъ себѣ, ни разу не проговорился ей, что его сердце было порабощено еще принцессой Софіей.

Но, наконецъ, однажды, въ пору разныхъ несогласій, ссоръ и семейныхъ недоразумѣній при маломъ дворѣ въ Ораніенбаумѣ, голштинскій капитанъ оказался вдругъ однимъ изъ дѣятельныхъ интригановъ между мужемъ и женой.... Екатерина Алексѣевна открыла это случайно и пригрозила довести до свѣдѣнія самой государыни. Интриганъ тотчасъ сознался самъ во всемъ, объяснилъ все безумнымъ давнишнимъ чувствомъ и ревностью и, почти рыдая, упалъ къ ногамъ великой княгини.

Но чувство бѣднаго шлезвигскаго дворянина, прежняго пажы, понемногу вышедшаго кой-какъ въ люди, показалось великой княгинѣ только крайне оскорбительнымъ. Она захотѣла немедленно избавиться отъ присутствія при дворѣ этого безумца и доложила обо всемъ императрицѣ, прося перевести Фленсбурга куда либо, давъ назначеніе по службѣ... Но императрица приняла все горячо къ сердцу и Фленсбургъ былъ арестованъ, разжалованъ и сосланъ въ Угличъ.

Великій князь назвалъ все клеветой и искренно пожалѣлъ забавнаго потѣшника своего голштинскаго войска.

Прошло еще много лѣтъ. Скончалась императрица и чрезъ двѣ недѣли по восшествіи на престолъ, Петръ Θεодоровичъ, хорошо помнившій всѣхъ своихъ, вернулъ Фленсбурга изъ ссылки, возвратилъ ему чины, подарилъ триста душъ и назначилъ адъютантомъ-переводчикомъ къ пріѣхавшему дядѣ.

И вотъ, при дворѣ новаго императора, снова появился капитанъ голштинскаго войска, правая рука и любимецъ дяди государя... и злѣйшій, непримиримѣйшій врагъ государыни. Долголѣтнюю страсть замѣнила въ ссылкѣ долголѣтняя ненависть.

XI.

Когда Шепелевъ, уже часовъ въ шесть утра, вернулся въ домъ принца съ слесаремъ, вооруженнымъ инструментами, то Державинъ былъ уже смѣненъ и на часахъ стояли незнакомые ему рядовые семеновскаго полка. Онъ велѣлъ первому попавшемуся человѣку доложить о слесарѣ, а самъ, захвативъ свое ружье, собрался домой.

Лакей вернулся и, пропустивъ мастераго, вскорѣ выскочилъ снова изъ дворца принца и догналъ на площади вышедшаго уже Шепелева.

— Эй, батюшка. Васъ! васъ надо! кричалъ онъ догоняя, — вы тутъ ночью караулили-то?

— Я. А что?...

— Пожалуйте. Васъ спрашиваютъ. Самъ, значить, Его Высочество требуетъ въ покои.

Шепелевъ въ изумленіи глядѣлъ на лакея.

— Вѣрно ли? Не путаешь ли ты?...

— Какъ можно! Сказано миѣ, васъ позвать. Да ужъ и по ихнему я разумѣть сталъ малость. Говорили по своему про ночнаго часоваго, т. е. про васъ, и послали меня васъ *шикнуть*.

Шепелевъ пошелъ за человѣкомъ. Снявъ верхнее платье, онъ вошелъ въ корридоръ, затѣмъ прошелъ большую залу, выходящую окнами на Неву, и, наконецъ, столовую въ противоположномъ концѣ которой видѣлась дверь; подъ тяжелыми драпери и около нея стоялъ уже слесарь, приведенный имъ.

Дверь эта, при звукѣ его шаговъ, отворилась и на порогѣ показалась та же фигура того же камердинера Михеля, видѣннаго имъ въ передней.

Едва Шепелевъ робко переступилъ порогъ и вошелъ въ горницу, Михель указалъ ему почтительно по направленію къ горѣвшему камину и выговорилъ по-русски, сильно присвистывая....

— Фоть Эфо Высочество шелаеть съ фась кофорить.

Шепелевъ, слегка смущаясь, быстро оглядѣлъ небольшой кабинетъ, заставленный всякой мебелью, столами и шкафами съ книгами, съ посудой и съ оружіемъ. — У горѣвшаго камина сидѣла въ креслѣ и грѣла ноги въ туфляхъ маленькая фигура въ шелковомъ темномъ шлафрокѣ и въ черной бархатной ермолкѣ; въ углу, у окна, согнувшись и опершись локтями на бока и

положивъ щеки на руки, сидѣлъ неподвижно несчастный ротмейстеръ, все въ той же мисѣ.

У дверей, за спиной Шепелева, переминаясь съ ноги на ногу, остановился впущенный слесарь.

Шепелевъ былъ сильно озадаченъ и смущенъ, не зная что будетъ, и вытянулся, ожидая, что скажетъ принцъ.

Принцъ оглядѣлъ его и быстро вымолвилъ по-нѣмецки:

— Вы изъ дворянъ, какъ сказала мнѣ Фленсбургъ, и говорите хорошо по-нѣмецки?

Шепелевъ смутился еще болѣе и заякаясь вымолвилъ, съ отвратительнымъ нѣмецкимъ выговоромъ:

— *Ихъ! Зерг венихъ, Ире Кайзерлихе...*

И молодой человѣкъ вдругъ смолкъ, не зная какъ по-нѣмецки: Высочество. Маэстетъ, нельзя сказать, подумалъ онъ про себя.

— Вы однако разговаривали съ моимъ адъютантомъ и съ господиномъ ротмейстеромъ, когда онъ пріѣхалъ, замѣтилъ принцъ, опуская на рѣшетку камина поднятую къ огню правую ногу и приводя лѣвую въ то же положеніе, подошвой къ теплу.

— Это не тотъ, глухо отозвался ротмейстеръ, обращаясь къ принцу.

Шепелевъ понялъ слова голштинца и хотѣлъ сказать тоже:

«Это былъ не я», но пролепеталъ едва слышно: — *Дасъ варъ нихтъ михтъ!*

Последнее слово явилось уже отъ большого смущенія.

— *Jesus!* тихо выговорилъ себѣ подъ носъ принцъ; и онъ повторилъ, глядя въ огонь и будто соображая: *нихтъ михтъ!!..*

Затѣмъ онъ повернулъ голову къ ротмейстеру и сказалъ громче: Ну, mein lieber Котцау, лучше подождать возвращенія Фленсбурга; съ переводчикомъ, говорящимъ «Нихтъ михтъ», мы ничего не сдѣлаемъ.

Ротмейстеръ промычалъ что-то въ отвѣтъ, не двигаясь, и только вздохнулъ.

Шепелевъ, между тѣмъ, избавился отъ перваго смущенія и услыхавъ слова принца, понялъ, что его позвали для какого-то порученія. Онъ заговорилъ смѣлѣе, но стараясь выговаривать какъ можно почтительнѣе.

— Васъ вольтъ Ире Кайзерлихе... и пробурчавъ что-то, онъ снова запнулся на концѣ этой фразы и снова подумалъ: «Экая обида! И какъ это: Высочество-то по ихнему?!»

— Noheit! шепнулъ ему сзади догадавшійся Михель.

— Что-съ! отозвался Шепелевъ.

— Noheit... повторилъ Михель вразумительно.

— Heute? повторилъ молодой человѣкъ. Да-съ. Конечно. Я съ удовольствіемъ.... Сегодня же.... Только, что сдѣлать-то.

Нѣмецъ скорчилъ жалкую гримасу, какъ если бѣ ему на ногу наступили, и отошелъ отъ юноши со вздохомъ, а принцъ сталъ объяснять по-нѣмецки медленно и мѣрно, что ему нуженъ переводчикъ при работѣ «вотъ этого болвана», показалъ онъ на отдуловатую и пучеглазую рожу слесаря, глядѣвшаго на принца, на все и на всѣхъ, какъ бы съ перепугу. Онъ стоялъ у дверей какъ деревянный и только глаза его двигались дико съ губъ одного говорившаго на губы другаго.

— Мошеть ви все такое съ нѣмески на руски... снова не-терпѣливо вмѣшался Михель, обращаясь къ Шепелеву, но тоже запнулся тотчасъ и прибавилъ какъ бы себѣ самому: übersetzen...

— Ихъ? Зерь венихъ! отвѣчалъ Шепелевъ, поймавъ по счастью знакомое нѣмецкое слово. Да что собственно желательно Его Высочеству? прибавилъ онъ Михелю по-русски.

— Фоть это... Такъ!... показалъ Михель на Котцау и затѣмъ сталъ двигать рукой по воздуху...

— Распилить кастрюлечку? спросилъ Шепелевъ, стараясь выражаться какъ можно почтительнѣе.

— Was?! отозвался Михель не понявъ.

— Распилить, говорю, надо. И Шепелевъ тоже задвигалъ рукой по воздуху.

Принцъ согласился, сказалъ: ja, ja! и потомъ еще что-то очень вразумительно и медленно, но Шепелевъ разобралъ только одно слово: etwas.

Наступило минутное молчаніе.

— Was etwas? уже робѣя прошепталъ Шепелевъ, чувствуя, что вопросъ не вѣжливъ.

— О, Herr Gott? воскликнулъ принцъ и обѣими руками шлепнулъ себѣ по волѣнамъ.

— Ти... Мошно... это... такъ! вступилъ ужъ Михель въ непосредственныя сношенія съ самымъ мастеровымъ и дѣлая по воздуху тотъ же жестъ пиленія.

— Распилить? хрипло заговорилъ слесарь. Отчего-же-съ. Позвольте... Это мы можемъ.

И слесарь двинулся смѣло къ Котцау.

— Ты голову не повредишь имъ? вступился Шепелевъ.

— Зачѣмъ голову повреждать! Помилуйте. Развѣ что подпилкомъ какъ зацѣпить; а то зачѣмъ...

— То-то подпилкомъ зацѣпить?

— Боли чугуны плотно сидить, то знамо дѣло запилишь по головѣ... А то зачѣмъ... Слесарь двинулся къ ротмейстеру и прибавилъ. Позвольте-во Ваше...

И слесарь заикнулся, не зная какъ надо величать барина, что приходится пилить.

Котцау приподнял голову и мрачно, но терпѣливо глянулъ на всѣхъ.

Слесарь оглядѣлъ миску и голову со всѣхъ сторонъ и пробурчалъ.

— Ишь вѣдь какъ вздѣта. Диковина...

И онъ вдругъ началъ пробовать просто снять ее руками.

Котцау разсердился, отдернулъ голову и заговорилъ что-то по своему.

— Такъ нельзя! Дуракъ! шепнулъ Шепелевъ.

— Диковина!... Вотъ что, ваше благородье!... воскликнулъ вдругъ слесарь, какъ будто придумавъ что-то.

— Ну? Ну?.. Was? раздались два голоса Шепелева и Михеля.

— Надо пилить! Эдакъ руками не съymeшь.

— Безъ тебя, болванъ, знаютъ, что не съymeшь! шепотомъ, но злобно вымолвилъ Шепелевъ. Такъ пили!

Слесарь взялъ съ пола большой подпилкомъ правой рукой, какъ-то откашлинулъ и повелъ плечами, но едва онъ ухватилъ миску за край лѣвой рукой и наставилъ подпилкомъ, какъ принцъ и Михель воспротивились. Имъ вдругъ показалось, да и Шепелеву тоже показалось, что этотъ слесарь въ два маха распилить по-поламъ и миску, и самого ротмейстера.

— Ну, ну... воскликнулъ принцъ по-русски и прибавилъ по-нѣмецки. Михель! Не надо. Подождемъ Фленсбурга. Безъ него всегда все глупо выходитъ.

— Да-съ. Лучше подождать, сказалъ Михель.

И принцъ уже недовольнымъ голосомъ заговорилъ что-то, обращаясь къ Котцау, а затѣмъ прибавилъ Михелю, мотнувъ головой къ дверямъ: Къ чорту все это... zum Teufel! Уведи ихъ... и подавай намъ кофе.

И повернувъ совсѣмъ голову къ Шепелеву, принцъ сдѣлалъ рукой и вымолвилъ добродушно, но насмѣшливо:

— Lebe wohl, Herr Nichtmicht. Прозштайтъ. Шпазибо!., Шепелевъ, выходя, снова бросилъ украдкой взглядъ въ уголь, гдѣ свѣтилась серебристая миска и внутренно усмѣхнулся, но уже какъ-то иначе.

Случилось нѣчто трудно объяснимое.

Когда молодой человѣкъ входилъ къ принцу, онъ былъ смущенъ, но вносилъ съ собою хорошее чувство почтенія и готовности услужить Его Высочеству. Теперь же—странное дѣло, идя за Михелемъ по корридору и сопровождаемый слесаремъ, онъ досадливо думалъ про себя: «Всѣхъ бы васъ такъ нарядить!!»

— Ваше благородье, послышался за его спиной веселый шепотъ. Должно это онъ не самъ ее вздѣлъ? Ась? Кабы самъ то-ись, то бы и сымать тоже умѣлъ!

— А! ну, тебя... злобно отозвался молодой человѣкъ, срывая досаду на мастеровомъ.

Шепелевъ, выйдя отъ принца, зашагалъ чрезъ безлюдную Адмиралтейскую площадь сумрачный и озлобленный и направлялся домой къ ротной казармѣ Преображенскаго полка, близъ которой была квартира Квасова.

Чѣмъ именно оскорбили его у принца Жоржа, онъ объяснить себѣ не могъ. Ни принцъ, ни Михель ничего обиднаго ему не сказали и не сдѣлали. Его дозволи было переводчикомъ по ошибкѣ, потому, вѣроятно, соображенію, что Державинъ хорошо говорилъ съ Котцау по-нѣмецки.

Онъ отвѣчалъ, смущаясь, и перевралъ нѣсколько словъ незнакомаго ему почти языка, принцъ только усмѣхнулся, только съ едва замѣтнымъ отгнѣнкомъ пренебреженія тихо повторилъ нѣсколько разъ эти слова и потомъ добродушно назвалъ его, прощаясь: *геромъ нитмистомъ*.

— Ну, что жъ такое! бурчалъ Шепелевъ. Ну, такъ и сказалъ! А ты нешто не сказалъ: Прозштайтъ. Что?! Развѣ мнѣ присяга велить знать всѣ языки земные и твой—нѣмецкій хриплюнъ!! Вотъ тебѣ бы, Жоржу, слѣдъ былъ за нашъ русскій хлѣбъ знать и нашу грамоту.

XII.

Чрезъ часа два послѣ ухода Шепелева къ дворцу принца подѣхалъ Фленсбургъ и поспѣшно поднявшись по лѣстницѣ быстро прошелъ въ кабинетъ. Онъ нашелъ принца и ротмейстера за завтракомъ. Котцау немного повеселѣлъ, привыкъ должно быть,

и съ увлеченіемъ что-то рассказывая, часто поминалъ кѳнига Фридриха, Пруссію и Берлинъ.

— А?... воскликнулъ принцъ при появленіи адъютанта. Was giebt es neues, mein liebster?

Разговоръ продолжался по-нѣмецки.

— Я былъ правъ, Hoheit, я навелъ справки и оказывается, что это все тотъ же цалмейстеръ Орловъ. Онъ съ братомъ заѣхалъ съ охоты и встрѣтилъ господина Котцау въ Красномъ Бабачкѣ.

— Schön! Wunderbar! Отлично. Очень радъ. Очень радъ. Вотъ и случай.... весело воскликнулъ принцъ, потирая руки. И вставъ, онъ началъ бодро ходить по горницѣ.

Котцау съ удивленіемъ взглянулъ на принца. Радость эта ему, очевидно, не нравилась. Ему было не легче отъ того обстоятельства, что Орловъ, а не кто-либо другой нарядилъ его такъ.

— Что же изволите мнѣ приказать, Hoheit?

— Ничего, мой любезный Фленсбургъ. Ничего. Я дождусь десяти часовъ. Теперь восьмой. И поѣду къ государю. А въ полдень господинъ Котцау будетъ бригадиромъ, ради удовлетворенія за обиду. А господа Орловы поѣдутъ далеко, очень далеко.... За это я ручаюсь, потому что я еще недавно подробно докладывалъ объ нихъ государю. И не разъ даже докладывалъ. Пора! Пора!

— Но теперь, Hoheit, развѣ вы не прикажете мнѣ обоихъ сейчасъ арестовать? спросилъ холодно Фленсбургъ.

Принцъ остановился, пересталъ улыбаться, какъ-то заботливо подобралъ тонкія губы и, наконецъ, повелъ плечами.

— Я полагаю, что, ваше высочество, какъ прямой начальникъ всей гвардіи, можете сами, безъ доклада государю распорядиться арестомъ двухъ простыхъ офицеровъ, — буянятъ всю зиму и безобразно оскорбили г. Котцау, иностранца, вновь прибывшаго въ Россію, фехтмейстера, который пользуется, наконецъ, личнымъ расположеніемъ короля.

— Да, да.... Конечно.... нерѣшительно заговорилъ принцъ. Я доложу его величеству. Я все это доложу, Генрихъ. Именно, какъ вы говорите.

Принцъ называлъ любимца его именемъ только въ минуты ласки.

Фленсбургъ повернулся, отошелъ къ огню и молча, но нетерпѣливо сталъ барабанить по стеклу пальцами. Толстогубый

Котцау вопросительно выглядывалъ изъ-подъ миски на обонхъ. Онъ раздумывалъ о томъ, что этотъ адъютантъ Фленсбургъ болѣе нежели правая рука принца.

Наступило молчаніе.

Принцъ Жоржъ, пройдясь по комнатѣ, заговорилъ первый.

— Какъ ваше мнѣніе, Фленсбургъ? Скажите. Вы знаете, я очень, очень цѣню ваше мнѣніе. Вы лучше меня знаете *здѣсь все*. Принцъ налегъ на послѣднія слова.

— Ваше высочество хорошо сдѣлаете, холодно заговорилъ тотъ, обернувшись и подходя, если прикажете мнѣ вашей властію и вашимъ именемъ тотчасъ арестовать двухъ буяновъ. А затѣмъ, ваше высочество, хорошо сдѣлаете, если сvezете г. Котцау въ этомъ видѣ къ государю.

— Какъ? воскликнулъ принцъ.

— О-о? протянулъ и Котцау, которому показалось это предложеніе Богъ знаетъ какой глупостью.

— Да, въ этомъ видѣ. Тогда все обойдется отлично. А иначе ничего не будетъ. Ни-че-го!! сказалъ Фленсбургъ.

— Почему же?

— Ахъ, ваше высочество, точно вы не знаете!!

Принцъ подумалъ, вздохнулъ и выговорилъ:

— А если они вамъ не будутъ повиноваться?

— Только этого бы не доставало, громко и жельно разсмѣялся Фленсбургъ. Да скоро мы и этого дождемся. Нынче меня ослушаютъ, а завтра и васъ самого, а послѣ завтра и....

— Ну ступайте, слегка вспыхнувъ, вымолвилъ принцъ. Арестуйте и пріѣзжайте.... сказать.... какъ все было.

Фленсбургъ быстро вышелъ, будто боясь, чтобы принцъ не переѣнилъ рѣшенія. Встрѣтивъ въ передней Михеля, онъ сталъ ему скоро, но подробно приказывать и объяснять все касающееся предполагаемой поѣздки принца во дворецъ, вмѣстѣ съ Котцау. Затѣмъ онъ съ сіяющимъ лицомъ направился въ свою комнату.

Во всемъ Петербургѣ не было для голштинца офицеровъ болѣе ненавистныхъ, чѣмъ братья Орловы, и въ особенности старшій. Была, конечно, тайная причина, которая заставляла Фленсбурга, сосланнаго когда-то по жалобѣ теперешней государыни—ненавидѣть этого красавца и молодца, который кружилъ головы всѣмъ столичнымъ красавицамъ, и которому, наконецъ, стала покровительствовать и сама государыня.

Выслать изъ Петербурга безвозвратно и угнать куда-либо въ глушь этого Орлова было мечтой Фленсбурга уже съ мѣсяць.

Сначала онъ выскивалъ другія средства, думалъ найти случай умышленно повздорить съ Григоріемъ Орловымъ и просить у принца заступничества, высылки врага. Но это оказалось опаснымъ, вслѣдствіе хорошо извѣстной всему городу, невѣроятной физической силы Орловыхъ. Одинъ изъ друзей голштинцевъ предупредилъ его, что Орловъ способенъ будетъ убить его просто кулакомъ, и все объяснится и оправдается несчастнымъ случаемъ. А Фленсбургъ уже давно сжился съ правами страны; его привитвшею и зналъ самъ, что на Руси—всякій убившій человѣка не орудіемъ, а собственнымъ кулакомъ, не считался убійцей.

— Такъ потрафилось! Воля Божья! объяснялъ дѣло обычай. И законъ молчалъ.

Теперь Фленсбургъ былъ, конечно, въ восторгѣ отъ дерзкой шалости Орлова съ вновь прибывшимъ фехтмейстеромъ. Его мечта сбылась!... Дѣло ладилось само собой!...

Но не успѣлъ Фленсбургъ, придя къ себѣ, одѣться въ полную форму, чтобъ отправиться для ареста врага—какъ тотъ же Михель явился звать его къ принцу.

— Раздумалъ! Побоялся. Не можетъ быть! воскликнулъ офицеръ.

Михель молча пожалъ плечами.

— Неужели раздумалъ?!

— Говорить—нуженъ указъ государя... А, впрочемъ, не знаю. Можетъ быть, и за другимъ чѣмъ васъ нужно.

Дѣйствительно, принцъ нетерпѣливо ожидалъ адъютанта и любимца у себя въ кабинетѣ и виноватымъ, заискивающимъ голосомъ объяснилъ ему, что, по его мнѣнію, надо подождать съ арестомъ Орловыхъ. Фленсбургъ весь вспыхнулъ отъ досады и тотчасъ же, не дожидаясь позволенія, вышелъ быстро изъ кабинета. Гнѣвъ душилъ его.

Въ корридорѣ за офицеромъ бросился кто-то и чей-то голосъ тихо и робко повторилъ нѣсколько разъ въ догонку.

— Ваше благородіе!... А! ваше благородіе.

Офицеръ не обращалъ вниманія и шелъ къ себѣ. Уже у самыхъ дверей комнаты онъ, наконецъ, почувствовалъ, что кто-то схватилъ его тихонько за рукавъ кафтана.

— Ваше благородіе! раздался тотъ же жалостливый голосъ.

Фленсбургъ нетерпѣливо обернулся.

— Чего тамъ?

— Ваше благородіе, онажите божескую милость. Ослобоните....

— Чего?

— Ослобоните.... Наше дѣло такое. За утро что дѣловъ упустишь. Работникъ у меня дома одинъ. Одному не управить-ся. А здѣсь токмо сборы все• одни.

— Да чего тебѣ надо? вѣ себя кривнулъ Фленсбургъ.

— Будьте милостивы, ослобоните. А самая работа, совсѣмъ намъ не подходящая. И головку повредить тоже можно. А вы дозвольте я, вашему благородію, вашескаго укажу.... Нѣмца Мыльнера. Тутъ на Морской живетъ. Мыльнеръ этотъ единымъ то-исъ мигомъ распилить. Мастеръ на авто! Ей-Богу. А намъ гдѣ же. И головку тоже—помилуй Богъ.

— Ты слесарь, что часовой привелъ ночью?

— Точно такъ-съ.

— Такъ пошелъ къ чорту. Такъ бы и говорилъ. Не нужно тебя. Убирайся ко всѣмъ дьяволамъ!

И Фленсбургъ пунцовый, злобный вошелъ къ себѣ и заперся со злости на ключъ.

Слесарь же, собравъ свой инструментъ съ ларя въ полу тулупа; прытко шмыгнувъ изъ дворца и бѣгомъ пустился по улицѣ.

Добѣжавъ до угла набережной Невы, онъ вдругъ наткнулся на кума.

— Эвоя. Вахромей. Откуда? воскликнулъ слесарь и сталъ живо и весело рассказывать все видѣнное за утро.

— А чудень народъ. Ей-Богу. Я вблизи-то къ нимъ не за-залъ, закончилъ онъ рассказъ. А какъ вздѣта, куманегъ! Ахти-тельно! Первый сортъ—вздѣта!

Кумъ Вахромей все слушалъ и молчалъ, да все моталъ головой.

— Да и не самъ значить. Кабы самъ вздѣлъ, такъ за мной бы пилить не послали тады! объяснилъ заключительно слесарь.

— Д-да! заговорилъ наконецъ Вахромей. А я такъ полагаю, что самъ. Что мудренаго? Вѣдь нѣмцы. Надѣтъ-то—надѣлъ, ради озорства, а снять-то и не можетъ. Д-да! И опять тоже.... На-а-ро-децъ! Нѣтъ, нашъ братъ православный, воли бы ужъ вздѣлъ, такъ и снялъ бы самъ. Да! А этотъ, вишь, колѣно-то показы-вать взялся, да и не додѣлалъ.

- Сплоховалъ, значить.... разсѣялся слесарь.
- Сплоховалъ. Спло-хо-валъ! жалостливымъ голосомъ шутилъ Вахромей. Теперь вотъ не въ настоящемъ видѣ и ходи!...
- Въ другой разъ ужъ показывать не станеть.
- Ни-ни.... Озолоти—не станеть! Зачѣмъ ему показывать! Ученый теперь....

XIII.

Бывшій сдаточный солдатъ за «буянскія» рѣчи, а нынѣ капитанъ-поручикъ Акимъ Квасовъ, сталъ за двадцать лѣтъ службы офицеромъ въ лейбъ-компаніи поумнѣе и поважнѣе многихъ родовитыхъ гвардейцевъ. Сверхъ того десять лѣтъ службы простымъ солдатомъ при Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ тоже не пропали даромъ и научили многому отъ природы умнаго парня.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ, бойкій и рѣчистый малый Акимка или Акишка позволилъ себѣ болтать на селѣ, что въ господскомъ состояніи и въ крестьянскомъ все тѣ же люди рожаются на свѣтъ. Акишка ссылался на то, что, таская воду по наряду въ барскую баню, видѣлъ ненарокомъ въ щелку и барина и барыню—какъ ихъ мать родила. Все то же тѣло человѣче! Только будто малость побѣлѣе, да поглаже, особливо у барыньки.

А чрезъ мѣсяца два парень Акимъ, собиравшійся было жениться, былъ за эти «буянскія» рѣчи уже рядовымъ въ Пандурскомъ полку. Артикулу онъ обучился быстро, но языкъ за зубами держать не выучился. Однако смѣлая рѣчь, однажды его погубившая, во второй разъ вывезла. Отвѣтилъ онъ умно молодому царю Петру Второму и былъ переведенъ въ Преображенцы. При Аннѣ Іоанновнѣ попалъ онъ и въ Питеръ.... Въ концѣ царствования ея снова за «воровскую» рѣчь попалъ по доносу языка въ мытарство, въ допросъ и въ дыбки, однако былъ прощенъ и вернулся въ полкъ—ученымъ! И сталъ уже держать свой ретивый языкъ за зубами.

Но этотъ случай сдѣлалъ его заклятымъ врагомъ нѣмцевъ и приготовилъ усерднаго слугу «дщери Петровой» въ ночь переворота. А за долгое царствование ея, офицеръ лейбъ-компаніи Квасовъ поѣдомъ ѣлъ нѣмцевъ. Тотчасъ по воцареніи Петра Теодоровича лейбъ-компанія была уничтожена, офицеры расписаны въ другіе полки и при этомъ капитанъ-поручика Квасова, какъ одного изъ лучшихъ служаекъ, лично извѣстнаго государю, когда

еще онъ былъ великимъ княземъ, перевели тотчасъ въ любимый государевъ полкъ—кирасирскій.

Квасовъ поѣздилъ съ недѣлю верхомъ и слегъ въ постель.... Затѣмъ подавъ просьбу, гдѣ изъяснялся такъ: «*Каласеромъ* быть не могу, ибо всю кожу спутри себѣ ободралъ на конѣ. По сему бью челомъ, кому слѣдъ, или по новой вольности дворянской дайте абшидъ, или дозвольте служить на своихъ двухъ ногахъ, кои съ измальства мнѣ очень хорошо извѣстны и никогда меня объ земь неприличнымъ офицерскому званію образомъ не шибали и на оныхъ двухъ ногахъ я вѣрнѣе службу государю и отечеству, чѣмъ на четырехъ, да чужихъ ногахъ, въ кои я вѣры ни самомалѣйшей не имѣю. И какъ ѣду я на оныхъ-то непрестанно въ чаяніи того обрѣтаюсь—быть мнѣ вотъ на полу.»

Вслѣдствіе этой просьбы, надъ которой государь не мало потѣшался, Квасовъ былъ переведенъ въ преображенцы. И каждый разъ теперь, что государь видалъ его на смотрахъ и ученьяхъ, то спрашивалъ шутя:

— Ну что теперь, не чаешь быть на полу?

— Затѣмъ, ваше величество. Моя пара своихъ природныхъ сивокъ 50 лѣтъ служить, да еще не кормя! отвѣчалъ однажды Квасовъ довольно развязно.

— Какъ не кормя. Самъ же ты ѣшь!? разсмѣялся Петръ Феодоровичъ.

— Такъ я ѣмъ не для ногъ. А коли они чѣмъ и пользуются—такъ Богъ съ ними! шутилъ Квасовъ.

Теперь, въ пѣхотномъ строю Квасовъ избѣгалъ всячески понасть на лошадь. За то былъ онъ и ходокъ первой руки и ему случалось ходить въ Тосну пѣшкомъ, гдѣ жила одна его приятельница, простая баба.

Акимъ Акимычъ Квасовъ былъ извѣстенъ не одному государю, а чуть не всей столицѣ отчасти своей грубоватой прямою рѣчи, переходившей иногда чрезъ границы приличій, а отчасти и своимъ диковиннымъ нравомъ.

Объ себѣ Квасовъ съ самыхъ дней переворота былъ уже высокаго мнѣнія, но не потому, чтобъ попалъ изъ сдаточныхъ въ дворяне. На счетъ дворянства у Акима Акимыча такъ и осталось убѣжденіе, вынесенное изъ барской бани.

— Вотъ и я важная птица нынѣ, говорилъ онъ. А нешто я вылинялъ, перо то все то же, что у Авишки на селѣ было, когда сдали! И Акимъ Акимычъ прибавлялъ шутя:

— Мнѣ сказывалъ одинъ книжный человѣкъ, когда я былъ походомъ подъ Новгородомъ. Что Адамъ съ Евой не были столбовыми дворянами, а оное также какъ вотъ и мною службой приобрѣтено было уже Ноемъ. Сей Ной именовался патриархомъ, что значило въ тѣ поры, не то, что въ наши времена, а значило оно вельможа иль сановитый мужъ. Ну-съ, а холопы иль хамы ношци, стало быть, отъ Ноева сына Хама. Такъ ли съ?

— Такъ. Истинно! долженъ былъ отвѣчать собесѣдникъ.

— Ну-съ, а позвольте же теперь вамъ напомнить, что такъ какъ сей вышерѣченный Хамъ былъ по отцу благороднаго происхождения, то почему дѣтямъ его въ семь благородствъ отказано. Вѣдь Хамовы-то дѣти тѣ же внуки и правнуки вельможи. Вотъ и развяжите это!

Къ этому Квасовъ въ минуты откровенности прибавлялъ:

— Эка невидаль, что въ барѣ я попалъ. Мнѣ за оное гренадерское дѣйство—вняземъ мало быть! Вѣдь я головой-то былъ— а мои товарищи хвостомъ были.

Дѣйствительно, когда царица Елизавета Петровна пріѣхала и вошла въ казармы въ сопровожденіи Лестока и сказала нѣсколько извѣстныхъ въ исторіи словъ, то бывший за капрала Акимъ Квасовъ первый смѣло шагнулъ впередъ и молвилъ:

— Куда изволишь, родная, туда за тебя и пойдемъ, чего тутъ калыкать, да время терять. Эй, ребята! Ну! Чего глаза выпучили. Разбирай ружья... Нут-ко, куда, родимая, прикажешь идти?...

Выслушавъ объясненія и приказанія Лестока, котораго, конечно, не разъ видалъ Квасовъ и прежде, дѣльный и удалый воинъ, неизвѣстно какъ, почти самовольно, принявъ начальство, надъ полсотней товарищей и первый шагнулъ изъ казармъ весело приговаривая:

— А нукося, братцы. Посмотримъ! Нѣщцу калачика загнуть— что будетъ?...

— Будетъ за утра по ведру на брата! бодро и весело во-скликивалъ въ отвѣтъ одинъ гренадеръ.

Квасовъ былъ тоже одинъ изъ первыхъ, вошедшихъ во дворецъ правительницы... въ слѣдъ за Елизаветой. Дѣйствуя въ эту незапамятную ночь, Квасовъ почти не помышлялъ о важности своей роли и своихъ дѣйствій. Только послѣ, много времени спустя, когда онъ уже былъ дворянинъ и офицеръ лейбъ-кампаніи, онъ отчасти уразумѣлъ значеніе своего подвига 25 ноября. Выучившись самоучкой читать и писать, онъ постепенно замѣтно раз-

видя, бросилъ прежнюю страсть къ вину и сталъ ни чѣмъ не хуже старыхъ столбовыхъ дворянъ. Въ это время, т. е. лѣтъ десять спустя послѣ переворота 1741 года, кто-то, конечно, не добрый человекъ, разъяснилъ ему, что его заслуги недостаточно вознаграждены государыней. Квасовъ повѣрилъ и сталъ немного сумраченъ. Въ это же время будто срывая досаду приобрялъ онъ привычку выговаривать всѣмъ то, что думалъ, все что было у него на умѣ на счетъ каждаго. Скоро къ этому привыкли и только избѣгали попасть къ Квасову *на отповѣдь*. Скрытое и никому невѣдомое чувство часто говорило въ Квасовѣ:—Ты правительницу-то, тетку Лепольдовну изъ дворца тащилъ и царевнѣ престолъ, выходить, доставилъ. Кожи Квасовъ не графъ Квасовъ—такъ потому, что не озорникъ, не лѣзъ въ глаза, да и хохлы Разумовскіе затѣнили.

Дѣйствительно, у честнаго и добраго Акима Акимыча былъ конекъ, или, какъ говорилось, захлѣства въ головѣ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что государыня Елизавета Петровна его особенно замѣтила во время дѣйства и своего восшествія на престолъ и хотѣла сдѣлать его генераломъ и сенаторомъ, приблизить къ себѣ не хуже Алексѣя Разумовскаго; но враги всячески обогали его и затерли, чтобы скрыть и оттѣснить отъ государыни.

Теперь холостяну было за 50 лѣтъ; какъ человекъ, онъ былъ добръ, мягокъ, сердеченъ, но все это пряталось за грубоватостью его. Будучи уже дворяниномъ, Квасовъ выписалъ къ себѣ съ родины брата, опредѣлилъ въ полкъ, вывелъ тоже въ офицеры и женилъ. Но вскорѣ братъ этотъ умеръ. Какъ офицеръ и начальникъ—Акимъ Акимычъ былъ *«нашъ лѣтій»*. Такъ прозвали его солдаты гренадерской роты.

— Солдатъ—мужикъ, а мужикъ—свинья, стало быть, и солдатъ свинья! разсуждалъ Квасовъ, дойдя до этого собственнымъ размышленіемъ. Изъ ихняго брата надо все страхомъ доставать или выкалачивать. Молитву Господу Богу и ту изъ него дьявольскій страхъ вытягиваетъ. Кабы сатаны на свѣтѣ не было народъ бы Богу не молился. А на свѣтѣ извѣстно, все отъ битья начало свое имѣть. И клѣбъ бьютъ! А привези его съ поля да не бой! Голодомъ насидишься. И опять въ исторіи доказано, что и первый человекъ Адамъ былъ битъ. Когда онъ согрѣшилъ, то Ангелъ Господень явился къ нему, захвативши съ собой мечъ огневидный и погналъ его съ Евой—вонъ. И надо полагать, что

путемъ дорогою онъ ихъ важно шробралъ. А то съ чего-жъ было и мечъ оный съ собой брать.

А, между тѣмъ, у этого «нашего дѣшного» было золотое сердце, которое онъ сдерживалъ, какъ неприличный, но его мнѣнiю, атрибутъ солдата и только изрѣдка оно заявляло себя. Рождественника своего единственнаго въ мiрѣ, юношу Шенелева, Квасовъ полюбилъ сразу и начиналъ уже обожать.

XIV.

Когда Шенелевъ вошелъ въ свою горницу, то услышалъ ридомъ кашель проснушагося и уже вставшаго дяди. Въ щель его двери проникалъ свѣтъ.

Черезъ минуту Акимъ Акимычъ вышелъ изъ своей горницы въ короткомъ нагольномъ полушубкѣ и въ высокихъ сапогахъ. Онъ всегда спалъ одѣтый, а бѣлье мѣнялъ только по субботамъ, послѣ бани. Спалъ же всегда на деревянной лавкѣ, подложивъ подъ голову что придется. Онъ объяснялъ это такъ:

— На перинахъ бока распаришь, а вечерними раздѣвайными только тѣло зазнобишь и простудишься. Послѣ пуховой перины, вездѣ будетъ жестко, а послѣ моей перины (т. е. дубовой: бжамы его), гдѣ не лягъ, вездѣ мягко. А на ночь раздѣваться, это не порусски. Это нѣмцы выдумали. Въ старыя годы никто этого баловства не производилъ, хоть бы и изъ дворянскаго рожденiя.

Войдя со свѣчей къ юношѣ, названному племяннику; котораго онъ изъ любви, считалъ долгомъ учить уму-разуму и остерегать отъ мiрскихъ искушенiй, Акимъ Акимычъ поставилъ свѣчу на подоконникъ и сталъ въ дверяхъ, растопыривъ ноги и вазунувъ руки въ карманы тулупчика. Онъ пристально уперся своими жаленскими, сѣрыми, но ястребиными глазками въ глаза молодого питомца. Шенелевъ, сидя на кровати, снималъ холодныя и мокрыя сапоги. Сидя одолевая его и онъ не рѣшался начать тотчасъ-же рассказывать дядѣ все свое ночное приключенiе, а мысленно отложилъ до утра. Постоявъ съ минуту, Квасовъ вынулъ изъ кармана тавлинку съ табакомъ и высоко подбѣлъ ее въ воздухъ, осторожно придерживая между двумя пальцами.

— Сколько ихъ? мычнулъ онъ важно, но шути.

Шенелевъ, начавшiй раздѣваться, чтобъ лечь спать, остановился и ротъ разинулъ.

— Что вы, дядюшка?

— Сколько тавлинокъ въ рукѣ? Ась-но!

— Одна. А что....

— А ну прочти, *Отче нашъ* съ присчетомъ.

— Что вы, дядюшка!... Помилуйте... заговорилъ Шепелевъ, понявъ уже въ чемъ дѣло....

— Ну, ну, читай. Я тебѣ дядя! Читай.

Шепелева одолѣвалъ сонъ, однако онъ началъ.

— Отче нашъ,—разъ, иже еси,—два, на небеси,—три, да святиться,—четыре, имя Твое.... имя Твое.... Молодой малый невольно зѣвнулъ сладко и, спутавшись, прибавилъ не сразу: Шесть....

— А-а, братъ. Шесть?! А-а!!

— Пять, пять, дядюшка. Да ей-богу же вы напрасно....

— Не ври! вымогнулъ Акимъ Акимычъ и, приблизясь, прибавилъ. Дохни.

— Полноте дядюшка. Да гдѣ же мнѣ было и пить. Я на караулѣ былъ. Я вамъ завтра все повѣдаю.

— Дохни!—караулъ ты эдакій! Дохни. Я тебѣ дядя.

Шепелевъдохнулъ.

— Нѣту!... Гдѣ-жъ ты пропалъ до седьмого часу. Караулъ смѣнили небось въ четыре. Неужто-жъ съ чертовкой съ какой запутался ужъ.... Говорилъ я тебѣ, въ Питерѣ берегись...

— У принца Жоржа въ кабинетъ былъ. Батюшки! Морозъ! Отчаянно возопилъ Шепелевъ, ложась въ холодную постель. Да-съ, въ кабинетъ! И разговаривалъ съ нимъ. Б-р-р-р... Да какъ свѣжо здѣсь. Что это вы дядюшка, казенныхъ-то дровъ жалѣете. Б-р-р-ры.

— У принца Жоржа? Что ты бѣлены что-ли выпилъ, или пивомъ нѣмецкимъ тебя опоили. У принца Жоржа!

— Да-съ.

— Ты! крикнулъ Акимъ Акимычъ.

— Я-съ! крикнулъ шутя Шепелевъ изъ-подъ одеяла.

— Богда?

— А вотъ сейчасъ.

— Ночью?

— Ночью!

Наступило молчаніе. Квасовъ стоялъ выпуча глаза и, наконецъ, не моргнувъ даже, взялъ съ окна стоявшій рукомойникъ и поднесъ его къ лицу укутавшагося молодого человѣка.

— Воды не боишься?

— Нѣтъ, не боюсь, разсмѣялся Шенелевъ.

— И не кусаешься?

— Нѣтъ.

— Почему? Какъ? Пожаръ, что-ли, у него былъ?

— Нѣту.

— Ну, убили кого? Или ты самъ ему подъ карету попалъ.

Онъ, вѣдь, полуночникъ. Гоняеть, когда добрые люди спятъ.

— Нѣтъ. Ничего такого не было.

— По-каковски же ты говорилъ съ принцемъ? уже съ любопытствомъ вымолвилъ Квасовъ, поставя на мѣсто рукомыльникъ.

— По-каковски? Вѣстимо по-нѣмецки! отчасти важно, сказалъ молодой человекъ.

— По-нѣмец.... По-нѣмецки!! Ты?

— Разумѣется. Онъ же по нашему ни аза въ глаза не знаетъ.

Такъ какъ же....

Квасовъ вытянулъ указательный палецъ и, лизнувъ языкомъ кончикъ его, молча поднесъ этотъ палецъ къ самому носу племянника, торчавшему изъ подушки.

— Ну, ей-богу же, дядюшка, по-нѣмецки говорилъ. Немного, правда.... но говорилъ.... Ей-богу.

— Вишь, пряткій. Скажи на милость! разсуждалъ Квасовъ самъ съ собой и вдругъ прибавилъ:

— Да Жоржъ-то понялъ ли тебя?

— Понялъ, конечно.

— А ну, коли ты врешь? снова сталъ сомнѣваться Квасовъ.

— Ей-Богу. Ну какъ мнѣ вамъ еще побожиться?

— Стало быть, складно говорилъ? Хорошо? Не то, чтобы ахи-нею какую?...

— Еще бы! Извѣстно складно, коли понялъ! воскликнулъ Шенелевъ.

«А нихтъ михтъ?! будто шепнулъ кто-то малому на ухо.»

— Только разъ и совралъ, сейчасъ же признался онъ, вѣсто михъ сказалъ михтъ.

— Ну это пустое! важно замѣтилъ Квасовъ и прибавилъ. А по ихнему, что такое?—михтъ-то?

— Михтъ—ничего.

— Ань вотъ и врешь! обрадовался Квасовъ и ударилъ въ ладоши. Ничего, по-ихнему: нихтъ! Вотъ я больше твоего, вы-ходить, знаю.

— Да вы не поняли, дядюшка. Михтъ не значить, ничего, а нихтъ значить ничего.

— Чего? Чего? Не разберу....

Шепелевъ повторилъ. Бвасовъ снова понялъ по-своему.

— Такъ михтъ—совсѣмъ ничего стало быть....

— Совсѣмъ ничего....

— Эна дурацкій-то языкъ! Господи! Стало быть, на прикладъ, если у нѣмца ничего нѣтъ,—онъ говоритъ: нихтъ. А если у него у дурака совсѣмъ ничего нѣтъ, такъ онъ говоритъ: михтъ. Тьфу, дурни!...

— Ахъ, дядюшка!... Да вы опять не то! Михтъ—такого и слова нѣтъ по-нѣмцки.

— Зачѣмъ же ты его говорилъ....

— Да такъ....

— Какъ? Такъ! Совралъ, стало быть?

— Совралъ.

— Ну вотъ, я и говорилъ, что ты путалъ....

— Надо было сказать: михъ.

— Д-да. Вотъ что! Надо-то, михъ.... Такъ, такъ.... Ну это не важность.. Михъ, михтъ, это все одно. Объ чемъ же вы говорили. Рассказывай.

И Акимъ Акимычъ, со свистомъ понюхавъ табачку изъ березовой тавлинки, присѣлъ на кровать къ племяннику.

Шепелевъ, зѣвая и ёжась отъ холода, въ краткѣ рассказалъ все, видѣнное и слышанное по случаю прїѣзда голитинскаго офицера въ серебрянкой мискѣ.

— Такъ! Такъ! задумчиво заключилъ рассказъ Бвасовъ, которому-нибудь изъ двухъ, да плохо будетъ.

— Кому?

— Одному изъ двухъ озорниковъ! важно проговорилъ Бвасовъ. Либо Васеѣ Шванвичу, либо Гришке Орлову.

— Почему-жь, дядюшка, вы на нихъ думаете?

— Ты, Митрій, ничего не смыслишь! снзаль Акимъ Акимычъ нѣжнѣ. Миска-то Шванвича либо господь Орловыхъ! Перося ты!... Слово «перося» было самое ласкательное на языкѣ Бвасова.

Такъ звалъ онъ покойницу жену брата, которую очень любилъ; также звалъ одну крестницу жившую теперь замужемъ въ Черниговѣ и такъ сталъ звать названнаго племянника, уже когда полюбилъ его.

— Ты, порося, смѣхай! Откуда прѣхалъ голштинецъ! съ арамбовской дороги съ рейтарами. А нашъ Алѣха туда на охоту вчера поѣхалъ съ братомъ.

— Да. Надо полагать изъ Арамбова онъ прямо.

— Бастрюлечка или мисна-то? кухонная или какая?...

— Да. То жь я не знаю, она не простая! она серебряная!

— Серебряная! воскликнулъ Бвасовъ. Се-ре-бря-ная!! не кухонная кастрюля?

— Нѣтъ, дорогая.... Французская, должно быть. Хорошая! только ужъ погажена.

— Сдавлена на головѣ, какъ слѣдуетъ, зеръ-гутъ.

— Да, зеръ-гутъ! разсмѣялся Шепелевъ. Даже лапочки эдакія подъ скулами загнуты, будто подвязушки.

— Ну, господа Орловы! Болѣ некому. Либо нашъ преображенецъ Алеханъ, либо тотъ цальмейстеръ Григорья. Вѣрно! оно точно, что Шванвичъ Васька тоже эдако колѣно отмочить можетъ, даже, пожалуй, всю кастрюльку эту въ трубку тебѣ советъ двумя ладошками; но у него, братецъ, изъ серебра.... Бвасовъ присвистнулъ. Не токмо кастрюль, а и рублевъ давно въ заводѣ нѣтъ. Да! А господа Орловы, особливо Григорья, любить эти разныя бездѣлухи заморскія. Ну, какъ бы изъ этого колѣна не вышло чего совсѣмъ слезнаго.... Государь голштинца въ обиду не дастъ. Шалишь!

— Неужто сошлютъ?

— Вѣрно, говорю тебѣ. Ну, спи скорѣе.... Черезъ два часа ротная экзерциція на дворѣ....

— Я не встану. Гдѣ же мнѣ встать. Что вы?

— Врешь, встанешь....

— Я уморился, дядюшка.

— Ничего, встанешь. Я тебѣ дядя!

Акимъ Акимычъ пошелъ къ себѣ въ горницу и бормоталъ:

— Ну, голштинецъ даромъ съ рукъ не сойдетъ!! За битаго двухъ небитыхъ дають, стало, за побитаго нѣмца двухъ Орловыхъ и отдадутъ. Да и того мало еще.... Тò не при Лизаветь Петровнѣ,—со святыми ее упокой, Господи!—перекрестился Бвасовъ. Нѣмецъ нынѣ вздорюжалъ паки и гораздо....

Бвасовъ задумался среди своей горницы. Снова понюхавъ съ богатырскимъ шипѣньемъ табаку изъ тавлинки, онъ поморгалъ глазами отъ наслажденія и взялъ было новую щепоть; но остановился и скосилъ пристальный взглядъ куда-то подъ шкафъ,

будто вдругъ нашель тамъ что-то.... Ему внезапно пришло нечаянное соображеніе и поразило его.

— И диковинное у насъ дѣло — кѣмецъ этотъ! пробурчалъ самъ себѣ завзятый и умный лейбъ-кампанецъ. Совсѣмъ инако, чѣмъ вотъ на ярмаркѣ или базарѣ бываетъ. Подвозъ великъ, а въ цѣнѣ не надасть! Д-да! Поди-но, вотъ, развяжи это!...

Гр. Салиасъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ УСТЬЯХЪ И ВЪ МОРЬ.

(СЪВЕРГО-КАСПІЙСКІЕ ОЧЕРКИ).

Къ очеркамъ.

Едва-ли кто станетъ оспаривать ту истину, что мы мало знакомы съ нашими окраинами вообще, не только отдаленными или недавно присоединенными, но даже и съ тѣми, которыя уже цѣлыя столѣтія срослись съ нашимъ государственнымъ и народнымъ организмомъ и, давшимъ давно, гонять свою кровь къ сердцу Россіи.

Даже такія относительно близкія окраины, какъ сѣверныя прибрежья Каспія, принимающаго мощныя артеріи Волги, не смотря на многомилліонное движеніе по ней, остаются для насъ, мало сказать, неясными, но просто погруженными въ мракъ. Наконецъ, самая дельта Волги—устья этой царственной рѣки, кормилицы чуть не половины Россіи, знакома ли она намъ? Разумѣется, нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, нечего сомнѣваться, меньше ли намъ извѣстна дельта Нила и, принявъ во вниманіе европейскую литературу по этому предмету, отдать большее предпочтеніе знакомству съ послѣдней.

Отчего это?...

Если мы слишкомъ официально и безучастно, односторонне, меркантильно и черствѣ относимся даже къ сферѣ собственной дѣятельности, игнорируя все, стоящее внѣ ея, то многіе ли возьмутъ на себя трудъ знакомства съ краемъ, народомъ, его бытомъ, экономическими интересами и стремленіями и съ ролью, которую суждено имъ играть въ общегосударственномъ организмѣ? Свой личный, маленькій, строго очерченный мірокъ большинство такъ привыкло считать за вселенную, что проходитъ мимо са-

мыхъ яркихъ и характеристичныхъ явленій, встрѣчаемыхъ за предѣлами этого личнаго міра. Къ чему ихъ наблюдать, если нельзя эксплуатировать? Кому не случилось встрѣтить начальниковъ края, не имѣвшихъ о немъ никакого опредѣленнаго понятія, моряковъ, хотъ бы того же Каспійскаго моря, не знавшихъ ничего въ пемь, кромѣ борта своего судна, да влубовъ портовыхъ городовъ, въ которыхъ они стояли или въ которые заходили, купцовъ, цѣлыя поколѣнія которыхъ вели торговлю по берегамъ этого моря, и которые, кромѣ своихъ хлопка или марены, чхирия или фотогена, рыбы или икры, имѣли самыя скудныя и смутныя понятія объ окружавшемъ?

Гдѣ же и въ комъ искать интереса къ нему, къ этому окружающему, если люди самымъ положеніемъ своимъ поставленные въ извѣстной средѣ, въ извѣстной сферѣ, находятъ ненужнымъ знакомство съ ней? А таково большинство этихъ людей и, къ сожалѣнію, таково большинство русскихъ интеллигентныхъ людей вообще. Нѣтъ таковой дебри и захоlustья въ Россіи, гдѣ бы не нашлось болѣе или менѣе развитой личности; а знаемъ ли мы что-нибудь о жизни даже интереснѣйшихъ изъ такихъ захоlustьевъ? Къ сожалѣнію, очень и очень немногое.

Переходя къ предмету «очерковъ», желательно спросить—многимъ ли, напримѣръ, извѣстно, что одни только сѣверныя прибрежья Каспійскаго моря съ устьями Волги и незначительнаго Урала даютъ русскому народу пищевыхъ рыбныхъ продуктовъ на ничтожную сумму свыше двадцати милліоновъ рублей ежегодно? Многимъ ли извѣстно, что эта ничтожная сумма превышаетъ стоимость ежегодныхъ улововъ Ньюфаундленда, береговъ Норвегіи и береговъ Франціи, взятыхъ вмѣстѣ, то есть оборотъ самыхъ значительныхъ рыболовствъ міра? Знаемъ ли мы, чѣмъ измѣряется сила рыболовнаго вооруженія одной только неширокой полосы сѣверной части Каспія и многіе ли повѣрятъ, что рыболовная снастей и сѣтей, если положить ихъ по всѣмъ извилинамъ почтоваго тракта и водяныхъ сообщеній Россіи, не только хватитъ отъ Москвы до Николаевска на Амурѣ, но и назадъ въ Москву, то есть эти снасти и сѣти могутъ улечься отъ Москвы до Николаевска въ два ряда! Многимъ ли извѣстно, что соли для посола ежегодно вылавливаемой рыбы, кромѣ рыбы потребляемой въ свѣжемъ видѣ и вывозимой въ мороженомъ, потребляется около трехъ съ половиною милліоновъ пудовъ и что двухъ только видовъ рыбы — сельди и воibly — вылавливается каждую весну

до 500,000,000 особей? А если мы все это знаемъ, то, важнѣе всего, знаемъ ли мы, наконецъ, ту осѣдлую и пришлую трудовую массу, которой исполняется гигантскій трудъ этого рыболовства? На послѣдній вопросъ съ полнѣйшей увѣренностью можно отвѣтить «нѣтъ!»

А, вѣдь, это населеніе цѣлаго обширнаго края, края, котораго естественныхъ условій и рѣзкихъ характеристическихъ особенностей мы тоже не знаемъ, то есть не знаемъ ни жизни и фizioноміи его природы, ни жизни и фizioноміи его населенія. Все это позволяетъ мнѣ надѣяться, что даже предлагаемые «Очерки» — отрывочные и легкіе наброски, кинуть нѣкоторый свѣтъ на нетронутую до сихъ поръ область, именуемую дельтою Волги и сѣверными прибрежьями Каспія. Читатель видитъ, что населеніе, о которомъ придется говорить, и интересы его исключительно только ловческіе и потому пусть не претендуетъ на специальность нѣкоторыхъ очерковъ, если такой потребуеетъ правда и сущность дѣла. По возможности стараясь избѣгать всякой специальности, не идущей къ дѣлу, выхватывая живые, выдающіеся моменты изъ однообразной промысловой жизни мѣстной природы, мы, однако, не забудемъ, что имѣемъ дѣло съ трудовыми массами, не станемъ подмалевывать жизнь и ликъ народа ради мнимой занимательности.

Водная масса Волги, чѣмъ ближе къ устьямъ, встрѣчаетъ все шире и шире раздвигающуюся пологую низъ сѣверной части каспійской котловины и, задерживаемая ею въ своемъ теченіи, отбрасываетъ все большее и большее количество рукавовъ въ лѣвую сторону, то есть къ востоку, пока всѣ эти рукава, съ сотнями протоковъ и ермковъ, не изливаются въ сѣверную часть Каспійскаго озера — моря. Огромный треугольникъ, образуемый переплетающимися между собою протоками, и составляетъ то, что называется волжскою дельтою. Протоки эти, въ числѣ около двухсотъ, впадаютъ въ море на протяженіи полутора ста верстъ по прямой линіи и ужъ конечно по вдвое большому протяженію по ломанной линіи береговой полосы. Вотъ этотъ-то водный треугольникъ, имѣющій полтора ста верстъ въ основаніи и населенный исключительно почти русскимъ промысловымъ людомъ, дѣлитъ остальныя части Астраханской губерніи такъ, что западную ея часть составляетъ Калмыцкая, а восточную часть Киргизская степь внутренней Букеевской Орды. Далѣе къ востоку лежатъ земли Уральскаго казачьяго войска и за ними опять тянется

киргизская степь бывшей Малой Орды. Всѣ эти земли составляютъ сѣверныя и сѣверовосточныя прибрежья моря. Эти прибрежья, съ устьями Волги и Урала, послужатъ предметомъ послѣдующихъ очерковъ.

Естественно, что при такихъ водныхъ угодьяхъ, изобильныхъ рыбою, и при неисчерпаемыхъ залежахъ соли, оставленныхъ отступающимъ, вслѣдствіе испаренія, моремъ, почти все мѣстное населеніе устьевъ и морскихъ прибрежій занято рыболовствомъ или изготовленіемъ рыбныхъ продуктовъ.

Такъ какъ дельта Волги и большая часть прибрежій сѣверной части моря лежатъ въ Астраханской губерніи, а въ Астрахани находится не только центръ, куда стекаются почти всѣ рыбные продукты рѣкъ и моря, но и административный и хозяйственный центры каспійскаго рыболовства, то, естественно, и по обширности территоріи, и по подавляющей значительности улововъ, и по количеству рабочихъ рукъ и промышленной массы, въ немъ заинтересованной, нашего вниманія, по преимуществу, заслуживаетъ рыболовство, носящее названіе «Астраханскаго». Рыболовство это относится къ другимъ, существующимъ въ сѣверной части моря, какъ колоссъ къ пигмеямъ и остальные могутъ привлечь наше вниманіе развѣ только въ видѣ этнографическаго матеріала. Согласно своей относительной важности, рыболовства эти Уральскихъ казаковъ, Терскихъ казаковъ и Мангишлакскихъ поселенцевъ. Какъ о важнѣйшемъ, необходимо сказать нѣсколько словъ объ астраханскомъ.

Рыболовство это рѣзко дѣлится, согласно своимъ естественнымъ и экономическимъ условіямъ, на *рѣчное* — арендаторское, въ которомъ воды, принадлежащія владѣльцамъ береговъ, берутся съ торговъ, и *морское* — вольное, доступное каждому и производимое по билетамъ управленія каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ.

Первое — *рѣчное* имѣетъ предметомъ лова чешуйчатую, частичковую (отъ частыхъ орудій лова) рыбу, какова: сазанъ, судакъ, лещъ, тарань, вобла, сельдь и т. п., а второе — *морское* — красную, хряще-скелетную, каковы: бѣлуга, шипъ, осетръ и севрюга. Главнымъ и почти единственнымъ орудіемъ для производства рѣчнаго арендаторскаго лова служить неводъ, а морскаго — самоловная крючковая снасть, пазываемая такъ потому, что ловить рыбу *безъ наживы*, механически заблаживая мимо идущую своею острой стальною *удю*. Ряды этой снасти тянутся въ сѣверной части

моря перпендикулярно линіи береговъ и ея стальныя уды, по добіе миллионовъ серегъ, висятъ и колеблются въ водѣ, день и ночь ожидая добычи. Только огромнымъ количествомъ этой снасти и можно объяснить себѣ значительные уловы (болѣе миллиона пудовъ) морской красной рыбы.

Рыболовство это, кромѣ стотысячнаго осѣдлаго населенія дельты, даетъ занятіе еще десяткамъ тысячъ приходящаго рабочаго люда, по большей части изъ сѣверныхъ частей губерніи, и частію изъ средней и даже сѣверной полосъ Россіи. Но рабочій людъ сѣверныхъ частей губерніи, болшею частію женщины, появляются на промысловыхъ работахъ періодически, ежегодно, только въ критическіе моменты рыболовства, весною, на полтора, на два мѣсяца и, по окончаніи горячихъ работъ и нужды въ рабочихъ рукахъ, вновь расходится по мѣстамъ жительства, что же касается рабочихъ, заносимыхъ издалека теченіемъ Волги, то большинство ихъ остается при промысловомъ дѣлѣ на нѣсколько лѣтъ, а многіе и вовсе осѣдаютъ въ дельтѣ и по берегамъ моря или погружаются въ городахъ. Такимъ образомъ, рабочія силы промысла могутъ быть раздѣлены на *мѣстныхъ* и *пришлыхъ*, а послѣднія на *постоянныя* и *временноприходящія*.

Однако рыболовство даетъ занятіе не только русскому мѣстному населенію, не только тысячамъ пришлаго рабочаго люда, но и множеству кочевниковъ, — калмыкъ и киргизовъ, сидящихъ по обѣ стороны дельты. Многое множество этихъ скотоводовъ по преимуществу бѣднѣйшая часть ихъ, почти не имѣющая скота и потому не нуждающаяся въ кочевкахъ, существуетъ исключительно промысловыми работами, обращаясь мало по малу изъ кочевника-скотовода въ осѣдлаго рыбака. Всѣ сидящіе близъ моря не только работаютъ на промыслахъ, но и сами начинаютъ заниматься рыболовствомъ сначала, какъ киргизы, для собственнаго продовольствія, а впослѣдствіи, какъ калмыки, на общемъ промысловомъ основаніи, и послѣдніе въ этомъ едва-ли не сравнялись со своими учителями — русскими.

Это выносливое даровитое племя успѣло также тѣсно сродниться съ моремъ, какъ и со степью. Калмыкъ, это кентавръ въ степи и амфибія въ морѣ.

Мы уже упоминали, что дельта Волги отдѣляетъ калмыцкую степь отъ киргизской. Первая лежитъ вправо, къ западу, вторая — влѣво, къ востоку; согласно этому привлекаются къ промысловому труду и рабочія силы этихъ племенъ. Въ западной поло-

винѣ дельты работаютъ, большею частію, калмыки; въ восточной— киргизы, что остается въ силѣ не только для дельты Волги, но и для всѣхъ сѣверныхъ прибрежій моря. Разумѣется, калмыки лучшіе и потому болѣе цѣнные и цѣнимые работники. Весь этотъ рабочій людъ, безъ сомнѣнія, густо перемѣшанъ съ русскимъ, который служить какъ бы стимуломъ и направляющею силою общей дѣятельности.

Говорять, промысловая жизнь—баловница, и съ этимъ, къ сожалѣнію, нельзя не согласиться. Относительная легкость и периодичность промысловыхъ работъ ищетъ себѣ, весьма естественно, болѣе дешеваго женскаго труда и привлекаетъ множество женскихъ рабочихъ рукъ, а постоянное общеніе половъ не оставляетъ мѣста условно-строгой нравственности. Женщина, на время освобожденная отъ узъ семейной власти, невольница домашней іерархіи и часто безжизненнаго обычая, раба окаменѣвшихъ формъ жизни, вдругъ чувствуетъ себя свободною, какъ вѣтеръ, и попадаетъ въ среду, давнымъ давно лишенную семейныхъ радостей и женской ласки;—гдѣ жъ тутъ мѣсто нравственности?

Однако обиднѣе всего то, что и самый промысловый трудъ имѣетъ на пришлый рабочій людъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, развращающее вліяніе. Рыболовство само по себѣ—лотерея и трудъ его какой-то случайный, непостоянный, иногда бѣшено спѣшный, наступающій и прекращающійся внезапно, отчасти характеризуемый выраженіемъ «урвать, да умчать». Это часъ каторжной работы и день тунеядства. Естественно, что послѣ такого труда, обезпеченнаго сладкаго куска и привольной, не грызущей челоуѣка всечасно, жизни, возвращеніе его домой, въ мирную, сѣрую деревенскую глушь, къ тяжелому плугу или упрямой сохѣ, къ серпу или цѣпу, къ неурожаю, малоземелью и податямъ; становится не совсѣмъ-то желательнымъ. Вотъ почему много пришлаго рабочаго люда осѣдаетъ въ дельтѣ Волги, и выписится послѣдней на морскія прибрежья и погрязаетъ въ Астрахани.

Тотъ, кому удавалось наблюдать передвиженіе русскихъ трудовыхъ массъ, знаетъ, что рабочій людъ, приходящій на благодатный степной югъ для косьбы или уборки хлѣбовъ, возвращается домой тѣмъ же земледѣльцемъ, какимъ былъ всегда, и что тотъ же трудовой людъ, вкусившій промысловаго или городского труда, возвращается съ большою неохотой, въ силу только крайней необходимости или не возвращается вовсе къ упорному, настойчивому, постоянному труду пахаря, въ сферѣ котора-

го родился, росъ и не рѣдко провелъ значительную часть жизни. Часто даже кровныя семейныя узы, самый голосъ чувства, привязанности,—жена и дѣти, безсильны возвратить сѣрой деревенской глуши и пашнѣ, дому и семьѣ, такъ быстро и неожиданно утраченнаго работника и кормильца.

Окружающія естественныя условія, вліяніе своеобразной природы и сложнаго промысловаго труда благотворно отражаются на умственныхъ способностяхъ населенія. Здѣсь нельзя сдѣлать шагу безъ той «смѣтки», которой отличается вообще промысловый людъ. Глубокіе, широкіе, мощные протоки, постоянно и внезапно мѣняющееся море, неоглядныя, безпріютныя стены, пустынные, глухія нивы камышей — все требуетъ и воспитываетъ находчивость и готовность постоять за себя. Но, не смотря на эту способность найтись во всякомъ положеніи, человѣкъ здѣсь слишкомъ специализированъ родомъ своихъ занятій и поглощенъ однимъ интересомъ. Рыба составляетъ альфу и омегу его міровоззрѣнія. Всѣ явленія въ природѣ, будетъ-ли это буря въ морѣ, вѣтеръ въ степи, наводненіе въ рѣкахъ — встрѣтятъ бывалаго, умѣлаго человѣка и инстинктивно переводящаго однакожь и самую борьбу стихій на общую рыбу монету и ревниво наблюдающаго — уронить или поднять ея курсъ извѣстное явленіе.

Оттого-ли что мѣстное населеніе составляетъ одну изъ оконечностей русскаго народнаго организма, оттого-ли, что жизнь дается ему относительно легко, но оно тупо чувствуетъ и почти не понимаетъ тѣхъ тягостей роднаго тѣла, той боли его сердца, которыя понимаются неволью хребтомъ и потомъ пахаря, — потому оно мало отзывчиво на біеніе общаго народнаго пульса.

Надо-ли говорить, что человѣкъ живетъ здѣсь болѣе индивидуальнымъ, личнымъ трудомъ и что, вслѣдствіе условій жизни, за этимъ личнымъ трудомъ и ловкостью, здѣсь, давнымъ давно, утрачено понятіе о трудѣ общинномъ, хотя еще остались слабыя проблески его. Если это явленіе не очень утѣшительное, то что дѣлать? Писатель этнографъ не имѣетъ права подмалевывать народнаго образа.

Съ высоты птичьяго полета.

Гдѣ мы?... Своеобразная природа. Съ бѣлаго взгляда, вы видите только прихотливое кружево воды, необозримую водную сѣть, гигантскій водный лабиринтъ, захватившій сотни верстъ, и море камышей, потопившее все остальное пространство. Все это

сливается съ настоящимъ воднымъ моремъ, ясное зеркало котораго едва видно къ югу. Сотни протоковъ, рукавовъ, рѣкъ, прорановъ, ериковъ, затоновъ и ильменей *) разобрали воды матушки Волги и несутъ ихъ къ морю, чѣмъ ближе, тѣмъ медленнѣе. Своеобразная природа!... Вглядываясь пристальнѣе, вы видите, что всѣ эти протоки, или большая часть ихъ окаймлены мутно зеленой, бѣдной листвою ветлы, ивы и тополя, составляющими почти всю мѣстную древесную растительность, и, тамъ и сямъ, разбросанные красные, глинистые *бугры*, въ видѣ эллипсоидовъ, длинная ось которыхъ лежитъ постоянно отъ запада къ востоку. Вотъ все, что вы увидите съ высоты птичьего полета.

Бѣдная природа... Вода и камышь, камышь и вода и, чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ чаще и чаще слетено это водное кружево, тѣмъ выше и гуще щетинились хребты камышей, *кряжи*, какъ зоветъ ихъ мѣстный крещеный людъ. Есть гдѣ заблудиться, было гдѣ разгуляться Разину, Пугачу и толпамъ понизовой вольницы. Поди—ищи тутъ! Но заблудиться на водѣ еще не бѣда, рискуешь только тѣмъ, что попадешь не туда, куда думаешь, вотъ,

*) *Протокъ*—терминъ общій для всякой проточной воды, какъ бы ни было незначительно его протяженіе, *Рукавъ*, одна изъ главныхъ жилъ воды отдѣлившихся отъ Волги на ея пути къ морю, обыкновенно носитъ названіе рѣки, имѣетъ свое собственное наименованіе, каковы: Ахугуба, Бузанъ, Бода и Камызякъ и, почти всегда, доносятъ свое имя вплоть до моря. *Рѣка* часто служитъ соединеніемъ рукавовъ, имѣетъ относительно значительное протяженіе, ширину, глубину и, непременно, постоянное теченіе и собственное наименованіе. *Проранъ*, слово киргизское, означающее тоже протокъ, употребляется болѣе для береговыхъ приморскихъ протоковъ, лежащихъ въ предѣлахъ внутренней киргизской (Букеевской) орды. Вода однихъ едва движется и во время морянъ (морскихъ вѣтровъ) смѣшивается съ морскою, вода другихъ—стоячая соленая и даже нерѣдко съ запахомъ сѣрнистаго водорода. *Ерикъ*, по большей части болѣе короткій, узкій и извилистый протокъ, между второстепенными рѣками, часто непостоянно текущій, пересыхающій въ лѣтнее время, иногда служащій сообщеніемъ между ильменями и протоками, иногда глухой, текущій въ ильмень или изъ него, или берущій начало въ какой-нибудь мокрой низменности. *Ильмень*, нѣчто среднее между болотомъ и озеромъ, часто тянется на цѣлыя версты, но многіе ильмени такъ мелки, что почти высыхаютъ въ лѣтнее время, тогда народъ зоветъ ихъ ильмешинами. Ильмени бываютъ и стоячіе, и проточные, соединяемые ериками, но, во всякомъ случаѣ, теченіе ихъ весьма слабо; по берегамъ почти постоянно заростають камышами; пріютъ мелкой рыбы и водяной птицы разныхъ родовъ и видовъ. *Затонъ*—заливъ, образуемый рѣкою. Необходимо замѣтить, что вся эта терминологія далеко неточна и не указываетъ на строго опредѣленные, постоянные признаки и условія естественныхъ явленій. Мѣстное населеніе употребляетъ ихъ, какъ попало, не взирая на тѣ или другія особенности, имъ присущія.

заблудиться въ камышахъ, въ крѣпяхъ, которые иногда тянутся на многія версты,—дѣйствительная бѣда для неопытнаго человѣка. Ни пути, ни дороги, въ двухъ шагахъ ничего не видно, кромѣ желтой или зеленой чащи. Тонешь въ ней, точно въ морѣ. Нѣтъ, хуже нежели въ морѣ; тамъ всплыть можно, а здѣсь, поди, всплыви. И сзади и спереди, и справа и слѣва—камышъ, камышъ и камышъ, достигающій иногда трехсаженной высоты и болѣе дюймовой толщины у корня. Ориентироваться нѣтъ никакой возможности. Идти, но какъ и куда? Даже обратно по старому пути не всегда возможно, слѣду не найдешь; упругій, раздвинутый камышъ слѣдомъ за тобою встаетъ, выпрямляется и скрываетъ пройденное пространство. Идти впередъ? Ломиться, идти на проломъ—тернешь и силы, и направление. Потому, даже съ компасомъ, неопытному человѣку трудно сохранить разъ принятое направление, а безъ компаса объ этомъ и думать нечего: проходишь часы и выйдешь на то же мѣсто. Осмотрѣться нельзя. Взлѣзть не на что, не птица—на камышину не вскочишь, а мѣсто ровное, какъ бильярдъ—неоглядная низь, подползающая къ морю.

Блуждать въ лѣсу пустяки въ сравненіи съ блужданіемъ въ камышахъ; тамъ и на тропу попадешь, и оглядѣться, на дерево влѣзешь и прогалины и лощины, холмы и овраги, ручьи и болота встрѣтишь—все примѣта; здѣсь ничего кромѣ моря, ужаснаго, однообразнаго моря камышей, да ровной почвы, болѣе или менѣе вязкой, иногда тонкой, даже покрытой водою.

Скверно! Не рискуйте въ камыши, господа! Впрочемъ, сказать это мѣстному бывалому человѣку, значило бы возбудить хохотъ и только. Онъ идетъ туда, въ этотъ заколдованный лѣсъ, точно въ садъ, по дорожкѣ, усыпанной пескомъ,—онъ тамъ дома, особенно если это охотникъ за птицею или *звѣремъ* *). Онъ замѣчаетъ все: и высоту, и положеніе солнца, въ минуту отправления, и направление, *курсъ*, какъ услышите здѣсь, по которому шелъ, и направление вѣтра, который дулъ, и направление облаговъ,—всякая изсохшая еричина, уже заросшая камышомъ, глѣздящаяся, даже летящая птица, утро и полдень, сумерки и самая ночь ведутъ его и указываютъ путь къ цѣли. А, главное, онъ знаетъ протоки, обливающіе гриву, ихъ протяженіе, направление и жилия мѣста, въ которыхъ они приводятъ. Знаетъ коймы

*) *Звѣрь*—кабанъ, охота на котораго возможна только зимою.

ветвь и бугры, если такіе есть, и восходить на нихъ безъ ошибки.

Наблюдатель замѣтилъ уже, что, тамъ и сямъ, въ этомъ лабиринтѣ воды и морѣ камышей стоятъ красные, песчано глинистые *бугры*—гигантскіе валы, которые насыпало когда-то бушевавшее здѣсь море. Они стоятъ здѣсь и тамъ свидѣтелями того времени, когда безпокойныя волны, мало по малу отступавшія къ югу, оставляли за собою эти глинистыя гряды. Одинаковое направленіе, форма эллипсоида, длинная ось котораго параллельна прибою волнъ и, наконецъ, тождественныя образованія, наблюдаемыя въ современномъ морѣ, ясно говорятъ о ихъ происхожденіи. Ихъ накидало море, мутное море, взбуровленное вѣтрами, дувшими на берегъ. И, въ настоящее время, такіе вѣтра гонять къ берегу тѣ же мутныя, насыщенные пескомъ и морскимъ иломъ, волны и кладутъ тѣ же бугры, образуя сперва мели, затѣмъ острова, которые, наконецъ, соединяются съ материкомъ, оттѣсняя дальше и дальше, южиѣ и южиѣ, сѣверныя границы моря.

Бугры эти, составляя извѣстную особенность въ фізіономіи страны, имѣютъ гораздо важнѣйшее значеніе въ дѣлѣ ея заселенія.

Несомнѣнно, что въ дельтѣ рѣки вообще, а въ дельтѣ такой мощной рѣки, какъ Волга, въ особенности, вода составляетъ одну изъ важнѣйшихъ естественныхъ силъ, имѣющихъ вліяніе на бытѣ населенія. Она другъ и кормилица; подъ ея вліяніемъ сложились всѣ особенности его жизни; но, какъ стихійная сила, она можетъ оказаться и врагомъ, если человекъ не оградить себя отъ ея мощи. Кто не знаетъ, что такое—наводненіе, происходитъ ли оно отъ вѣшнихъ полыхъ водъ или отъ напора воды съ моря, вслѣдствіе сильныхъ морскихъ вѣтровъ (морянъ)? Выбирая мѣсто для поселенія, поселенцу необходимо было подумать не только объ этомъ, но и о близости къ водной нивѣ, отъ которой зависѣло все его благосостояніе. Выборъ, естественно, падалъ на бугры, удовлетворявшіе тому и другому условію. Такимъ образомъ, на нихъ вырастаютъ мало по малу ловческіе станы, ватаги*) и, наконецъ, селенія съ обычною церковью на вершинѣ бугра.

Такъ это было и такъ существуетъ до сихъ поръ. Вотъ почему всѣ почти селенія южной половины астраханской губерніи

*) *Ватага*—заведеніе для приготовленія рыбы.

оказываются лежащими или на такихъ буграхъ, разбугорьяхъ или близъ ихъ, на полубугорьяхъ, безопасныхъ отъ воды. На материкѣ, отдаленномъ отъ моря, опасность отъ воды грозитъ весною, въ половодье, когда большая часть водной сѣти переполняется, выступаетъ изъ береговъ и сливается въ одно общее море. На морскихъ берегахъ страшенъ каждый сильный вѣтеръ съ моря, въ особенности, если онъ подуетъ нѣсколько сутокъ сряду, что бываетъ не рѣдко. Тогда вода надувается, гонимая вѣтромъ, наступаетъ на берега, прибывая иногда выше двухъ сажень противъ обычнаго морскаго уровня, и топить все, что встрѣчаетъ ниже себя, разоряя селенія, ватаги, станы, поглощая скотъ, захваченный въ степи и разнося стоги сѣна и камышъ *), заготовленные жителями.

Смотря по времени года, фizioномія страны мѣняется, принимаетъ разные оттѣнки и краски и носить на себѣ печать бѣльшаго или меньшаго воодушевленія и подвижности.

Зимою, когда природа засыпаетъ, когда ледъ заковываетъ водную поверхность, сокращается и дѣятельность населенія. Зимній ловъ—бѣднѣйшій въ году. Зимою еще бѣднѣе выглядитъ бѣдная природа. Но бѣдная, скудная съ виду, она таитъ богатства въ своихъ нѣдрахъ: воды полны рыбою, берега солью.

Сѣрыя краски зимы послѣ относительно живыхъ красокъ лѣта точно приглашаютъ на отдыхъ, и все отдыхаетъ, начиная съ судовъ и лодовъ, которыя стоятъ и лежатъ по берегамъ селеній и ватагъ, чернѣя на бѣломъ снѣгу. Тысячи такихъ промысловыхъ судовъ, тысячи торговыхъ: пароходовъ, баржей, барокъ, разшивъ, шкунъ, кусовыхъ, реюшекъ и лодченокъ всевозможныхъ размѣровъ и парусности прекратили движеніе, залили огонь, очистили паровые котлы или убрали паруса и такелажъ. Мириады водяной и болотной птицы откочевали въ теплыя страны. Тѣ, что остались, забились въ тихія, уютныя мѣста; сытый *зепръ* прячется отъ холоднаго вѣтра въ глухихъ, мертвыхъ камышахъ, наламывая и натаскивая себѣ теплое гайно **) изъ незатѣйливой растительности. Пришлый рабочій людъ, не находя болѣе работы, разошелся по домамъ; затихли пристани, ватаги и села. Все, что оживляло страну, покинуло ее или притамлось, точно сочувствуя общему затишью. Только кое-гдѣ, на вентеряхъ ***) и си-

*) Камышъ—строительный матеріалъ и топливо, для чего и заготавливается.

**) Гайно, нѣчто вродѣ теплой постели, въ видѣ гнѣзда.

***) Вентерь, сидебка—орудія для рыболовства.

дебкахъ копошится работа. Бѣлый, снѣжный покровъ прикрываетъ границы между моремъ и берегомъ и одна обширная, открытая, снѣжная равнина лежитъ, точно спитъ, передъ вашими глазами. Та же потускнѣвшая сѣть зеленовато-синихъ, сонно бѣгущихъ подо льдомъ протоковъ, тѣ же темныя коймы безлистныхъ таловъ, провожающіе ихъ къ морю, куда ведутъ всѣ эти замощенные морозомъ пути, вѣрнѣе нежели всѣ дороги въ Римъ; но все это сѣро, мертво, недвижно.

Недолго длится здѣсь эта зимняя спячка. Къ концу февраля начинается теплѣть; солнце съ каждымъ днемъ забирается выше и выше и стоить подуть денежь-другой южному вѣтру, чтобы преобразить спящую природу. Ледъ таетъ и на немъ появляются лужи; вода мѣстами просасываетъ его и смотритъ на свѣтъ Божій, отражая въ себѣ ясное солнце и небо. Народъ начинаетъ копошиться на пристаняхъ, селеніяхъ и ватагахъ. Закипаетъ работа. Удары кузнечнаго молота, стукъ топора и храпъ пилы стоятъ въ воздухѣ. Пахнетъ смолой и дубомъ *). Оправляютъ суда и лодки: задѣлываютъ, пробиваютъ (конопатятъ), смолятъ и торопятся закончить приготовленіе снасти въ ловъ. Страда! Спать некогда; вдругъ ударить тепло и пронесетъ ледъ. Тутъ дорога каждая минута; вѣдь самый изобильный ловъ тотчасъ за уходящимъ льдомъ. Правда, льды въ морѣ еще крѣпки, да вѣдь въ море и выходятъ въ ледъ.

А, между тѣмъ, съ Кавказа и Чернаго моря начинается появляться птица, сначала рѣдкая, обыкновенно утка, потомъ болѣе и болѣе частая и, наконецъ, тянутся цѣлыя отряды ея, почти непрерывной вереницею. Утки полощатся въ талой водѣ; слышно гоготанье гусей, крикъ лебедей; въ небѣ блещутъ серебристыя крылья колпиковъ и колеблются черныя длинныя ленты ибиса-коровайки. Бабы, чайки, бакланы, кулики, цапли,—все это освѣщаетъ и оглашаетъ наступающую весну, зоветъ ее. Хозяева вернулись и просятъ свѣта, тепла и зелени.

И, вотъ, идетъ эта весна, идетъ съ каждой свободной волною, съ теплымъ лучемъ, съ зеленымъ камышомъ, выползающимъ на вольный свѣтъ, съ пухлой почкой, готовой распусться въ листъ. Когда тутъ спать?!

*) *Дубъ*—измельченная дубовая или ивовая кора, *корье*, которыми дубятъ рыболовныя орудія, ихъ ценьковыя части.

Вода кипитъ судами; снуютъ лодки; слышны свистки и крикъ пароходовъ; въ воздухѣ трепещать флаги и бѣлѣютъ паруса надуваемые вѣтромъ.

Проснулись лебединыя груди!... Въ морѣ, въ морѣ!!.. И тянется, и уходитъ безконечная вереница—тѣ же птицы, тотъ же перелѣтъ.... Корму!

Слѣзать на пристаняхъ—навигация. На ватагахъ тотъ же переполохъ—на рѣчныхъ въ особенности. Кишитъ народъ, ждуть воблы и сельди *). Сотни милліоновъ вылавливаютъ и готовятъ ее въ пищу русскаго люда. Есть надъ чѣмъ поработать.

А солнце припекаетъ все сильнѣй; зазеленѣло все, чему суждено зеленѣть; колокольчикъ камышевки **) безъ усталы звонитъ въ камышахъ; мѣстный орелъ—орланъ-бѣлохвость, замѣтною широкою спиралью уходитъ изъ глазъ, утопая въ теплому воздуху. Хорошо въ это время въ устьяхъ Волги.

I.

Н а в а т а г ѣ .

Ряды темныхъ, сыроватыхъ свай, служа основаніемъ полудеревянному, полукамышевому зданію, вродѣ большаго сарая, выдвинулись съ берега и съ изумительною ясностью опрокинулись въ зеркально-спокойной водѣ. Вода отразила въ себѣ и утреннее розовато-голубое небо, и полукамышевыя стѣны, и камышевую бурю кровлю зданія, вскользь задѣтую, точно раскаленную первыми лучами появившагося на горизонтѣ солнца. Отразила она и черную кучку свѣже-высмоленныхъ судовъ, привязанныхъ къ сваямъ и желтую бахрому камыша, окаймлявшаго берегъ. Болѣе ничего не было видно въ водѣ.

Отраженное зданіе было то, что на ватагѣ называютъ плотомъ ***).

Тишина была совершеннѣйшая, нарушаемая, впрочемъ, едва слышимымъ гудомъ густаго, мало присмирѣвшаго отъ росы комара, да кругами, разбѣгавшимися по сонной водѣ отъ всплескивавшей рыбы. Затѣмъ—ни звука, ни движенія,—даже перистыя *махалки* камыша не шевелились.

*) *Воблы и сельди* (бѣшонки) ежегодно готовится до 500 милл. рыбъ.

**) *Камышевка*—синица.

***) *Плотъ* служитъ для приѣма уловленной рыбы съ лодокъ и рыбницъ, для рѣзки ея (раздѣлки) и приготовленія икры, клея и вязиги.

Не смотря на конецъ августа, было такъ тепло, что большинство промысловаго населенія спало на вольномъ воздухѣ, что доказывалъ рядъ бѣлыхъ пологовъ *)), облѣпившихъ плотъ со всѣхъ сторонъ по мосткамъ его окружающимъ. Въ рыбацкихъ **) , стоявшихъ на водѣ тоже бѣлѣли полога, значить спалъ народъ.

На берегу, сообщавшемся съ плотомъ прочными, тяжелыми мостками, укрѣпленными на такихъ же сваяхъ, по ту и по другую сторону плота было опрокинуто нѣсколько рыбацкихъ и неводниковъ ***), видимо недавно высмоленныхъ и чернѣвшихъ точно рядъ жуговъ.

И по сю, и по ту сторону неширокаго прорана, на который выдвигался плотъ, берега поросли неширокой каймой камыша. Далѣе за прораномъ лежала буро-зеленая, выкошенная уже низъ со сметанными стогами грубаго сѣна, торчавшими по ней тамъ и сямъ. Прямо отъ плота берегъ полого поднимался къ невысокому суглинистому холму, на которомъ, или, лучше сказать, въ которомъ зарылся отъ жару, осыпанный тѣмъ же суглинкомъ выходъ—ледникъ для посола рыбы. Только стеклянные рамы въ видѣ парничковъ наверху (иллюминаторы), да деревянное передъ-выходѣ убѣждало, что это не простой естественный холмъ. Плотъ и выходъ—два главныхъ существенныя зданія каждаго промысла (ватаги).

По сторонамъ, между плотомъ и выходомъ, были раскиданы постройки разной величины и вида, большею частью камышовыя: огромные лабазы со вырытыми въ землю чанами, для теплаго посола всевозможной мелкой, частичковой ****), чешуйчатой рыбы; соляные и матеріальные амбары и конюшни; деревянные были только кладовыя, казармы для рабочихъ и дома для служащихъ. Подъ именемъ дома, въ настоящемъ случаѣ, слѣдуетъ понимать избы большихъ или меньшихъ размѣровъ. Все вмѣстѣ представляло собою нѣчто вродѣ хутора земледѣльческихъ губерній.

*) *Пологъ* дѣлается изъ рѣдкой, но прочной ткани, не пропускающей комара; кровля, верхняя часть полога имѣетъ прямоугольную удлинненную форму въ ростъ человека, а боковыя полотнища подтыкаются подъ постель и дѣлаютъ его недоступнымъ комару.

**) *Рыбница*, открытое судно при неводѣ, для помѣщенія и подвоза къ ватагѣ (промыслу) рыбы, вмѣстимостью отъ 300—700 пудовъ.

***) *Неводникъ*—весельное или парусное судно для завода невода.

****) *Частиковая рыба*—отъ слова частый, относящемуся къ орудіямъ лова. Вся рыба имѣющая чешую и костяной скелетъ.

Отсутствіе всякой древесной растительности и почти стоячая вода прорана каждому бывалому человѣку указывали на то, что промыселъ находился гдѣ-то вблизи моря и притомъ въ такомъ разстояніи отъ главныхъ прѣсноводныхъ устьевъ Волги, что солонцеватая невыщелоченная почва не позволяла дереву пустить корня въ ея глубину. Накошенное сѣно служило такимъ же указаніемъ,—соленыя травы составляли значительную его часть. Постройки и вообще обстановка промысловаго заведенія (ватаги) указывали на дѣло среднихъ и, пожалуй, еще болѣе скромныхъ размѣровъ.

Не успѣло еще солнце отдѣлиться отъ горизонта, едва алая полоса свѣта обожгла верхи зданій, какъ на плоту зашевелились; широкія двери-ворота, выходящія къ водѣ, на широкой приплоткѣ, со скрыпомъ разинули свои темныя пасти, и сѣдой, брѣвнѣй старикъ, плотовой караульщикъ, сошелъ съ приплотка въ одну изъ рыбницъ, потомъ въ неводникъ и сталъ умываться прямо изъ-за борта, изъ прорана. Изъ-подъ нѣкоторыхъ пологовъ стали показываться ноги, взъерошенные головы и заспанные лица.

— Что рано поднялся, Иванъ Максимычъ? послышалось изъ близъ стоящаго полога, рѣдная трань котораго, позволяя видѣть окружающее, вполне скрывала своего обитателя.

— Докуда спать-то, лежебоки, проворчалъ старикъ, отфыркиваясь отъ воды, забравшейся ему въ ротъ,—пра, лежебски, спячку нажили отъ бездѣлья-то. Поди, чай, бока ломаютъ. Вишь солнце-то!

Подъ пологомъ слышался тихій, сдержанный смѣхъ. Иванъ Максимычъ пользовался извѣстностію, какъ замѣчательный ворчунъ, и стоило разъ завести его, чтобъ привести въ движеніе всѣ шестерни, рычаги, зубчатые колеса и валы, заключенные въ его подержанномъ корпусѣ. Все это начинало ворчать и скрипѣть, съ равнодушіемъ настоящаго механизма, не внося въ воркотню ни малѣйшей дозы воодушевленія или раздраженія. Только одно прохлятое словечко «грыжа» способно было совершенно сломать скрипучій механизмъ Максимыча и выводило его изъ себя до такой степени, что въ немъ появлялись признаки не только человѣка, но даже и звѣря. Едва ли нужно говорить, что промысловый людъ, со скуки, безпрестанно заводилъ Максимыча, а иногда просто повреждалъ его механизмъ, хотя относился къ нему любовно.

— Максимычъ, ты чего это людямъ спать мѣшаешь, а? раздался молодой, рѣзкій и насмѣшливый голосъ изъ-подъ другаго полога.—Ишь куда умываться лѣзеть, а! Нѣтъ тебѣ помпы то?*)).

— Ни какъ это Андрюшка? Ахъ, жидь! Ты бы въ гармонію то поменѣе занимался, а то гудеть, гудеть съ вечеру-то, часовъ до двухъ, чай. Молчалъ бы, а онъ, на, поди.... самъ никому покоя не дастъ, да еще.... Вотъ сказать Ѳедору Петровичу—закинуть, только и всего, ворчалъ Максимычъ, пробираясь обратно къ приплотку съ мокрымъ лицомъ и руками.

Въ отвѣтъ изъ-подъ полога Андрюшки послышались тихіе, но бойкіе звуки гармоніи, отхватывавшей комаринскую, сопровождаемую общимъ смѣхомъ и ворчаньемъ Максимыча, съ которымъ старикъ исчезъ на плоту. Пока онъ вытиралъ влажное лицо чѣмъ-то вродѣ полотенца, способнымъ, кажется, только марать вытираемое, колеса, валы и шестерни продолжали движеніе и воркотня, и скрипь не унимались. Они прекратили свой ходъ только тогда, когда Максимычъ сталъ передъ столбомъ подпиравшимъ верхніе переизлеты плота и сталъ молиться на грошовые мѣдныя складни, врѣзанные въ немъ. Ласточки, влетая и вылетая, сновали по обширному плоту. Бесѣда съ Богомъ продолжалась не долго, Максимычъ на минуту скрылся въ одномъ изъ чулановъ, отгороженныхъ на плоту, откуда возвратился съ половиною доски кирпичнаго чаю въ рукахъ.

— Балà, а Балà (по киргизски, мальчикъ).... Балушка! обратился онъ къ какому-то бѣлому узлу, лежавшему на плоту.—Балушка, чего спишь, шайтанъ? ласково проговорилъ онъ, подергивая оболочку узла. Въ узлѣ что-то зашевелилось и послышалось полусонное мычанье и сладостное всхлипыванье; затѣмъ тамъ, повидимому, кто-то поднялся и сѣлъ, потому что бѣлая ткань вспучилась въ видѣ какой-то сопки или шика. Наконецъ, изъ-подъ сброшеннаго конца паруса появилась бритая голова киргизѣнка, вооруженная парой блестящихъ, веселыхъ глазъ. Они дѣлали все лицо симпатичнымъ и плутоватымъ, хотя оно, очевидно, было не совсѣмъ довольно въ эту минуту,—подъ парусомъ оказалось достаточное количество комаровъ.

— Гляди, комарь-то что?... а.... собака! вскочилъ киргизенокъ, съ ожесточеніемъ встряхивая парусъ.

*) На большей части плотовъ есть помпы, подающія воду на плотъ прямо изъ протока.

— А, ты... нечего тутъ, пора чай заваривать, произнесъ, улыбаясь, Максимычъ. Киргизенокъ схватилъ небольшой чугунный котелокъ, выскочилъ на приплотокъ и возвратился съ водою. Старикъ аккуратно нагроешилъ чаю отъ полудоски и засыпалъ его. Вскорѣ небольшой огонекъ запылалъ на берегу, противъ плота.

Между тѣмъ, и кругомъ все поднялось, холога убирались и началось тоже чаевареніе и чаепитіе.

По промыслу начиналось движеніе; сновали рабочіе, плотники застучали топорами; пробѣжала къ берегу какая-то подтыканная баба съ коромысломъ и ведрами, за нею другая—и обѣ скрылись во флигелькѣ на берегу, гдѣ то же, кажется, начиналось чаепитіе. Такой же черномазый балушка два раза пробѣгалъ изъ домика пригашника къ берегу за водою и на крылечкѣ его давно шумѣлъ самоваръ.

Всѣ рабочіе пили чай по племенамъ: киргизы отдѣльно по артелямъ, калмыки отдѣльно, тоже и русскіе. Въ кружкѣ русскихъ какой-то рабочій, судя по наружности, солдатъ, потѣшалъ публику, одобряемый хохотомъ.

— Нѣтъ, однакъ мы въ городъ пришли—рота, то есть. Такъ поганый городишко, хуже села инаго, слышался голосъ расквартировавшаго народа, русскихъ тамъ, али поляковъ, совсѣмъ малость. Ну, расквартировали насъ,—меня съ товарищемъ къ старой вдовѣ, къ жидовкѣ, поставили. Солдатики наши, которые рукомесло знали, али работу какую, на базаръ, на площадь вышли—извѣстно заработать что. Кто столяръ, кто плотникъ, кто маляръ, кто сапожникъ, кто что—деньгѣ зашибить можно.

— И ты вышелъ? раздается голосъ, покрываемый смѣхомъ.

— А то, что?... Вышелъ и я—стоимъ.

— Да ты, какую такую работу знаешь?

— Я-то? Да я, можетъ, всѣ мастера произошелъ, знаешь ты этова?—Смѣхъ. — Ты копни-ка меня... голова!... Ну, давай, водку хоть, подними-ко этолько, а то, мастерство, работа—невидаль!... Ну, стоимъ это мы; а жида, братецъ ты мой, такъ и шныряютъ: — имъ, собакамъ подешевле бы. Знаютъ, что солдатъ—голый человекъ, иному иголки кушить не на што. Грошъ зашибешь—и то деньги, ну и наймаешься. Видимъ, берутъ съ охотою даже, и разобрали ужъ довольно народа. Ждалъ я, ждалъ—усталъ даже,

а водкой, братцы, изъ кабака такъ и обдаеть, кажись, кабы воля— весь бы порѣшилъ.... Наймешься тутъ! Однако дошла очередь и до меня, вижу, идетъ іуда, нюхаетъ направо-налѣво, да прямо ко мнѣ.

— Что, моля, вашему степенству угодно?

— А вы, мозеть, пецка робить знаете? передразнивалъ разсващигъ, коверкая еврейскій акцентъ.

— Помилуйте, какъ не знать, говорю, съ измалѣтства этому обучень,—во дворцѣ клалъ.

— Да ты, рази, самъ дѣлѣ печи кладешь? раздается чей-то наивный вопросъ, на секунду офрапировавшей даже самага дворцоваго печника.

— Вона! Давай сложу—запарисься.

Общій смѣхъ.

— Ну, ну, сказывай.

— Ну, поторговались мы; однако, я, дѣло дѣломъ, про устройство и про величину печи, перво на перво, разговоръ повелъ, потомъ торговаться почалъ. Я два рубля спросилъ, жидъ пять злотыхъ давалъ,—три четвертака выходитъ. Ну, какъ ни какъ, сошлись на рублѣ и на штофѣ водки, задатку тридцать копѣекъ. Про водку-то онъ было куда тебѣ, да я сказалъ, что безъ этого и власть не буду. Порѣшили однако; повелъ меня жидюга мѣсто показывать,—для начатія даже крючокъ водки поднесъ. Приходимъ, посмотрѣли; вижу домишка новенькій, только срубленъ, а старый, гдѣ онъ съ жиденятами живетъ, въ землю вросъ и со-всѣмъ на бокъ скрѣнился. Внутри, въ новомъ-то ничего нѣтъ, я даже мѣсто для печи мѣломъ начертилъ. Смотрю, кирпичъ у крыльца лежить, глина навожена—все въ порядкѣ, значить.

— А когда-зъ пацнать можно? спрашивать жидъ.

— Да, хоть, сейчасъ, говорю.

— А концаете скоро?

— Да завтра къ обѣду, не то къ вечеру кончу, если сейчасъ начну. На томъ и порѣшили. Далъ онъ мнѣ задатку и ушелъ.

Сталъ я кирпичъ въ комнату таскать; а какъ жиденята воды принесли, и глины намялъ. Время къ обѣду подходило и жидъ изъ лавки (въ лавкѣ сидѣлъ) домой вернулся. Приходить ко мнѣ.

— А, водка гдѣ? спрашиваю;—нѣтъ ее и работать брошу! Пожался, пожался мой жидъ, видитъ, дѣлать нечего, достаетъ изъ-за пазухи полштофъ; ладно, вынулъ распречудесно и покормили

меня. Принялся за работу я, жидъ понавѣдался и опять въ лавку ушелъ, а я кладу да мажу, мажу да кладу—дѣло ходомъ идетъ. Одно неладно—раза два-три жиденокъ его въ избу ввертывался. Ишь, думаю; нехристь поганая, только работать мѣшаетъ,—мысли разбиваетъ у человѣка. Ступай, говорю къ отцу, тащи еще полштофа, изъ силъ выбился,—вишь гору какую наблалъ. Скажи: печь, молъ, скоро готова будетъ. А самъ кладу да мажу, мажу да кладу. Прошло довольно времени, приходитъ жиденокъ, принесъ косушку. Что же ты только? Только давалъ, говорить, другой косушка завтра пьешь. Ахъ, жидъ проклятый, думаю,—ну ладно! хватилъ косушку сразу. Погоди! Въ головѣ-то у меня маненечко тово.... однако все кладу да мажу, только о жидѣ безъ смѣха подумать не могу.

Такимъ манеромъ и вечерѣть стало,—мастерство-то бросать надо. Хотѣлъ было и ко дворами, да въ головѣ то видно не то, чтобы покойно было,—больно хотѣлось хозяина повидать. А онъ, лежокъ на поминѣ, шастъ въ избу. Глядитъ, а печь ровно монументъ какой выросла. Просіяла жидовская образаина. А темновато въ избѣ-то. Пошелъ это онъ кругомъ печи. Обошелъ разъ, а я стою въ дверяхъ, жду чѣмъ дѣло кончится, обошелъ два, то присядеть, то на ципочки встанетъ, вертитъ башкой то туда, то сюда—умора. Гляжу, летитъ ко мнѣ, и рожа такая ехидная.

— А позвольте жнать, гашпадинъ, увсѣ печи у въ дворцѣ такъ сроблены?

— А что такое? сирашиваю.

— А игдѣ зѣ здѣсь огонь зець, и гдѣ дрова полозывать, и гдѣ дымъ пускать?!.. а самъ дрожить весь.

Я вижу, дѣло плохо, выскочилъ на крыльцо, за ворота, слышу гвалтъ за мной, я въ переулокъ, въ другой, въ третій—лови вѣтра въ полѣ. Туда забѣжалъ, что и фатеру-те еле нашелъ. Общій хохоть.

— Да ты какъ-же ему печь-то сложилъ?

— Какъ же? Такъ и сложилъ,—видалъ, чай, какъ кирпичи складываютъ.

— Безъ оконъ, безъ дверей, значить?

— А то что?.. сквозить не будетъ! Въ топливѣ, опять, экономія. Очень ужъ потѣшно на жида-то было.

Кругомъ хохочуть.

— Ну, пешнигъ!.. Такъ дѣло и кончилось... за расчетомъ не ходилъ?

Разсказчикъ покачиваетъ головою, ухмыляется и почесываетъ затылокъ.

— Получилъ, братъ, не то съ сожалѣнiемъ, не то съ досадой произносить онъ.

— Ну? Поди къ чорту...

— Сейчасъ околѣть—получилъ.

— Сказывай, какъ это, ну?

— А такъ! День прошелъ—ничего, погребъ мы рыть поридились, другой настала, прихожу къ вечеру на фатеру, а мнѣ и сказываютъ: фельфебель, молъ, былъ—къ ротному собираться приказано. Что такое, думаю? Самъ чувствую—плохо дѣло; да что подѣлаешь? Собрались мы, выстроились, пождали немного. Выходить ротный, поздоровался, оглянулъ насъ; а собака былъ преестественная—живодеръ, одно слово.

— Всѣ въ сборѣ? спрашиваетъ.

— Всѣ, говорятъ, окромя больныхъ.

— Ну, хорошо. Обратился онъ къ намъ, да громко таково:

— А, кто говорить, изъ васъ еврею Мовшѣ Червонскому печь клалъ, а?

Молчать всѣ.

— Смотрите, говоритъ, вы вѣдь меня знаете,—сознанiе—полъ вины; а самъ найду—не прогибайтеcь.—

Молчимъ всѣ; а у меня ровно тараканы по спинѣ бѣгають,—ужь сознаться хотѣлъ, да, думалось, можетъ и не откроютъ—народу мало ли.

— Такъ не хотите сказать, какой это придворный пешникъ Червонскому печь клалъ? а самъ улыбается ехидно таково. Улыбка эта поганая—злость меня взяла даже. Ахъ, чортъ тебя возьми, думаю, не скажу, хоть обдери, ищи самъ, сволочь проклятая.

— Такъ виноватаго нѣтъ?.. Ну и не надо. Позовите-ка Мовшу.

Я такъ и обмеръ. Бѣда неминуемая. Теперь говори, не говори—все одна статья. А, чортъ его знаетъ, можетъ еще и не признасть жидъ. Ладно, стоимъ, вывели жиды и жиденокъ съ нимъ, повели по шеренгѣ. Жду, самъ рожу скривилъ, глаза выпялилъ и языкъ за скулу заложилъ, Мазепа, одно слово—узнай, молъ.

Идетъ жидъ, всматривается, и жиденокъ съ нимъ; подходитъ и ко мнѣ, уставился—тотъ человекъ, да не тотъ, сумлевется;

вижу, пожалуй, такъ бы и мимо прошелъ, да меня нелегкая понутала—не могу видѣть жидовской хари, да и на. А тутъ, ровно насмѣхъ, представляется мнѣ, какъ онъ печку смотрѣлъ. Чувствую—прысну сейчасъ и шабашъ, даже всю рожу перевернуло. Догадался, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, — «онъ самый,» говорить, «онъ печь влалъ,» и жиденокъ его туда-же поддакиваетъ.

— Бто это тамъ? спрашиваетъ ротный съ крыльца, кого онъ призналъ?

— Марченкова, ваше вскородіе.

— Марченкова! Дайте-ко его сюда!

Подвели меня. Ну, думаю, аминь.

— Ты, братъ, давно ли это въ пешники записался, а?

— Напраслина, ваше вскородіе! говорю.

— Напраслина? Смотри, справлюсь—хуже будетъ.

Вижу, дѣло швахъ, и товарищъ, и другіе солдатики знаютъ, хототу-то тоже не мало было, пойдутъ перебирать—не отвертись, пожалуй, другихъ еще подведешь, чего молчали.

— Винавать, говорю, ваше вскородіе—мой грѣхъ.

— То-то, говорить; а самъ даже зубами поскрипываетъ.

Ну и дали же мнѣ, братцы, расчетъ, —вспомнить нехорошо—такъ мураши и поползутъ. Чертямъ тошно! Двѣ недѣли въ лазаретѣ вылежалъ.

— Эка, собака какая!

— И не говори... Да еще что! Сѣчетъ, сѣчетъ, да оставитъ порку. Походитъ, походитъ, — трубку раскурить.

— Ну-ка, говорить, всыпьте ему еще жару въ дворцовую-то печь. Бругомъ хохотали.

— Тше вы, черти, Федоръ Петровичъ идетъ!

Всѣ стали расходиться по своимъ мѣстамъ. Изъ домика прилащика, надзирателя тожь, по направленію къ плоту, показались двѣ фигуры; одна высокаго мужчины, одѣтаго въ пару изъ буро-желтаго верблюжьяго сукна, въ высокихъ сапогахъ, съ голенищами, отороченными лакированной кожей; другая—невысокаго молодого человѣка, почти мальчика, вооруженнаго конторскою книгою и небольшою связкою ключей. Высокій былъ надзиратель промысла Лебедевъ, низенькій—конторщикъ и помощникъ надзирателя, Савинъ, Митя, какъ звали его ловцы и служащіе на ватагѣ.

По пути, надзиратель остановился у рыбницъ. Биргизы, подъ руководствомъ Калмыкъ неводчиковъ, перевертывали опрокинутыя рыбницы и неводники и спускали ихъ поочередно на воду. Конторщикъ прошелъ на плотъ. Тѣнь и прохлада встрѣтили вошедшаго.

Это было обширное зданіе—сажень десяти длиною и около семи шириною, безъ потолка, такъ что всѣ стропила и рѣшетина высокою кровли были видны и угѣлены пустыми теперь гнѣздами ласточекъ, которыя, впрочемъ, безпрестанно носились по плоту, со щebetомъ влетая и вылетая въ широкія двери. Ряды ихъ сидѣли по балкамъ и переплетамъ, сверкая бѣлою грудью и темно-синими спинками. Бойкія, довѣрчивыя птички, видимо, не боялись никого и ничего. На плоту, по правую и по лѣвую сторону его, было отгорожено нѣсколько помѣщеній въ родѣ чулановъ. Икорная, клеевая каморка Максимича занимали правую сторону, на лѣвой у самыхъ воротъ-дверей, выходящихъ на приплотокъ, къ прорану, находилась, такъ называемая, конторка, запертая висячимъ замкомъ.

Конторщикъ остановился у конторки и, отперевъ дверь, вошелъ туда. Помѣщеніе оказалось маленькою комнатою, могущею вмѣстить пять, шесть человекъ. Она была съ однимъ окномъ, выходящимъ на приплотокъ, у котораго помѣщался небольшой столъ, обтянутый дешевою черною клеенкой; двѣ другія стѣны были заняты чѣмъ-то въ родѣ узкихъ наръ, въ четвертой находилась дверь. Все было изъ стараго потемнѣвшаго сосноваго лѣса. Въ переднемъ углу темнѣлъ образъ Николая чудотворца, по столу аккуратно были разложены книги, бумаги, карандашъ и перья, сургучъ и линейка. Старые счеты, съ засиженными мухами костяшками, придавливали бумагу. Конторка служила для записыванія принятой отъ ловцовъ и отъ неводовъ рыбы.

Вошедшій положилъ книгу на столъ; туча мухъ поднялась съ чернильницы и съ жужжаньемъ стала биться въ тусклое оконце. Онъ отодвинулъ стулъ, сѣлъ къ столу и началъ перелистывать какую-то засаленную отъ частаго употребленія тетрадь. Прошло минутъ десять, кромѣ шелванья костяшекъ и жужжанья мухъ, бившихся въ стекло, ничего не было слышно.

— Что это у тебя гири-то раскладаны, посылшался на плоту недовольный голосъ надзирателя, пройти негдѣ! Этого было довольно, чтобы нарушить тишину.—Максимычъ былъ заведенъ. Лебедь вошелъ въ контору и опустился на нары, около стола.

— Митя, у тебя бумаги готовы-ли? Въ городъ (Астрахань) посылаю.

— Готовы, Федоръ Петровичъ. Недѣльная вѣдомость только, да мигомъ составлю. Когда побѣгутъ (пойдетъ лодва)?

— Къ вечеру управимся, чай?! Кстати и нынѣшній привозъ сообщимъ. Пошли-ка Елисеѣва.

— Какъ же, развѣ не Бекъ-бергенъка пойдетъ? Онъ собирался, кажется.

— Нѣтъ, нѣтъ... Куда къ лѣшему такую дуру? Онъ подь малосоль. Тутъ скорую посуду*) надо, икру кстати положимъ. Пошли-ка!

Митя всталъ и вскорѣ вернулся, сопровождаемый кормщикомъ Елисеѣвымъ. Вошедшій поклонился.

— Павелъ, ты грузиться будешь, кусоць**) (пружоць) велеть выслать. Подводись и грузитесь.

Елисеѣвъ былъ плотный мужчина средняго роста, съ лицомъ, тронутымъ оспою, но добрымъ и смысленымъ. Легкая старая стеганка***) и холстовые шаровары, испачканные смолою, показывали, что кормщикъ не былъ бѣлоручкою и явился съ работы.

— Къ которымъ дверямъ подводиться****) будемъ, къ боковымъ что-ль? а то здѣсь помѣшаешь—съ переборки*****) придуть.

— Подводись къ боковымъ, что ли. Да не мѣшкайте, пусть возьмать.*****) Можетъ попутный зайдетъ (вѣтеръ); держать не будемъ. Скажи сомельщику, чтобы багрили; я вчера еще напозывалъ.

— Сколько ее будетъ, рыбы-то?

— Семьсотъ пудовъ, малость меньше; какъ разъ на твою посуду. Икру еще поставимъ, боченковъ пять, шесть.

Кормщикъ вышелъ. Митя хлопалъ счетами и выписывалъ что-то изъ журнала, повидимому, составляя недѣльную вѣдомость. Надзиратель посидѣлъ, посидѣлъ и вышелъ на плотъ. Близъ конторки висѣли большіе вѣсы, коромысла которыхъ склонились на одну сторону, потому что одна доска (скала, по здѣшнему) была задавлена гириями, а другая поднялась въ пространство. Гири были подъ хрипѣнье Максимыча уже собраны.

*) Посуда то же, что и судно, когда говорится вообще.

**) Кусоць, кружоць—поперечныя звенья бѣлуги, какъ она рѣжется къ осени.

***) Стеганка—стеганая фуфайка.

****) Подводиться—подводить посуду къ плоту для грузки или выгрузки.

*****) Переборка рыболовной снасти въ морѣ.

*****) Съ выхода на плотъ.

Федоръ Петровичъ походилъ по длинному плоту, заглянулъ въ икорную и клеевую и вошелъ на приплотокъ къ прорану.

Не смотря на конецъ августа, солнце начинало пригрѣвать. Слѣва, со стороны моря, въ камышахъ бѣлѣлъ парусъ, едва-подвигавшійся по направленію къ ватагѣ. Вѣтра почти не было, только, по временамъ, проходило чуть замѣтное движеніе въ воздухѣ и темнѣла, чуть рябя, вода.

— Съ переборки, кивнулъ Федоръ Петровичъ на показавшійся парусъ.

— Чѣмъ идетъ? и вѣтра-то вовсе нѣтъ, замѣтилъ какъ бы про себя, сопровождавшій надзирателя, Максимычъ.

— Суютса*), чай, теперъ; а море не черни**) — все дышетъ.

— Вѣстимо, не за камышомъ—не заститъ.

— Здѣсь, вишь, парусъ-отъ,—не набираетъ, почестъ,—нѣтъ нѣтъ и повиснетъ.... Ишь ты!

Не смотря на это, лодка подползала ближе и ближе и, наконецъ, вывернулась изъ-за густаго вихра камыша и стала видима вся— и парусъ, и корпусъ.

— Чья?

— Ильенкова похоже; онъ, кажись, еще съ вечера побѣжалъ (пошелъ).

Въ это время по плоту загромыхали колеса, и четко отпечатались въ воздухѣ подковы лошади по тяжелому полуплоту. Подѣхалъ къ приплотку казалакъ***), остановился, задняя стѣнка верхняго ящика была выдернута балушкой, плоскій ящикъ опрокинулся на ребро, то-есть, сталъ вертикально, и сочные куски башки****) и махалки бѣлуги посыпались изъ него на полъ. Затѣмъ все приняло свое обычное положеніе, киргизенокъ подъ уздцы повернулъ лошадь и отправился обратно къ выходу.

Лодка подходила къ плоту. Еще минута, парусъ упалъ и ее багромъ притянули къ самому приплотку. Въ ней было двое: русскій и киргизъ. Русскій—ловецъ Ильенковъ, мужчина атлетическаго сложенія, съ густою копною русыхъ волосъ на головѣ и бородѣ, съ сѣрыми плутоватыми глазами, выглядѣлъ бойко и весело. Ему, казалось, лѣтъ подъ сорокъ.

*) *Соваться*—идти на шестахъ, т. е. упираясь во дно.

**) *Черни*—берега моря, открывающіеся съ моря, какъ черная полоса.

***) *Казалакъ*—нѣчто въ родѣ арбы, небольшой ящикъ на двухъ колесахъ.

****) *Вмѣсто голова* рыбы всегда говорится *башка*, *вмѣсто хвостъ*—*махама*. Сказать хвостъ—было бы смѣшно. Собака што-ли?

— Ѳедору Петровичу! отозвался онъ изъ лодки, не ломая однако шапки.

— Здорово, Ильенковъ. Что рано?

— Я вѣдь съ вечера, Ѳедоръ Петровичъ.

— Въ ночевку, значить? Смотри, братъ,—вѣдь уговорились не ходить.

— Чего мнѣ смотрѣть-то, на кого это? Договорились! Вотъ и жди ихъ.... вишь вѣтеръ-то. У меня порядки *), знаете, гдѣ.

— Загадять вѣдь!

— А лѣшій съ ними! Боюсь я!

Между тѣмъ, Ильенковъ и киргизъ собрали и подвязали парусъ къ рейку и прибрали въ лодкѣ. О рыбѣ никто и не поминалъ, хотя она бѣлѣла изъ-подъ кожава и запона **) въ задней части лодки.

Съ приплотка къ водѣ вела деревянная, наклонная плоскость (волокъ), по которой втаскивалась крупная, тяжелая рыба, такъ какъ площадь приплотка болѣе сажени возвышалась надъ уровнемъ прорана. Рядомъ, параллельно съ гладкимъ волокомъ, подъ тѣмъ же наклономъ существовали сходни для народа съ поперечными планками вмѣсто ступеней.

— Давай! обратился къ киргизу Ильенковъ, выскочивъ изъ лодки и стоя на планахъ сходней.

Киргизъ откинулъ кожавъ и запонъ,—зеленовато-бѣлая крупная рыба заблестѣла на солнцѣ,—взялъ темлякъ ***) , забагрилъ имъ одну бѣлугу въ зѣвъ и бросилъ конецъ веревки, привязанной къ темляку, Ильенкову. Тотъ, быстро всходя по ступенямъ, выдернулъ рыбу по волоку на приплотокъ къ самымъ дверямъ плота, сбѣжалъ обратно по сходнямъ и бросилъ темлякъ обратно киргизу. Повторилась та же операція. Привезенными оказались три бѣлуги, изъ которыхъ двѣ уже были выпотрошены, какъ икряныя ****) и одна яловая, еще съ признаками жизни. Рыба безпомощно разѣвала и сокращала зѣвъ, задыхаясь въ жидкомъ воздухѣ. За нею послѣдовала выброшенная изъ лодки на при-

*) *Порядокъ* — линія крючковой, самоловной снасти, выбитая въ морѣ по одному направленію.

**) *Кожава*—кожаный халатъ отъ ненастья. *Запонъ*—видъ кожаного фартука отъ мокроты, для работы.

***) *Темлякъ*—желѣзный крюкъ футовъ 2-хъ длиною.

****) Икряную рыбу рѣжутъ по темѣ еще въ морѣ, чтобы не испортить икру которую вынимаютъ.

плотокъ севрюга, звонко хряснувшаяся на мостки и должно быть сильно возбужденная ударомъ. Рыба вертѣлась, махалка ея судорожно выгибалась туда и сюда, сама она точно зѣвала, то сокращая, то расширяя зѣвъ, но захватывая вмѣсто воды только непривычный воздухъ и открывая и закрывая заслонки, защищающія жабры.

Въ дверяхъ выхода, свергая на солнцѣ брюхатымъ рѣзальнымъ ножомъ *), стоялъ высокій красивый киргизъ-рѣзальщикъ, поводя имъ по мокрому бруску. Мигомъ поднялъ онъ рыбу на плоть, обернулъ ее спиною вверхъ и рядомъ положилъ башками на деревянную подкладку, башенную доску вершковъ полутора толщиной, чтобы не портить топоромъ пола.

Ударомъ обуха рѣзальщикъ оглушилъ сперва еще возившуюся рыбу, по которой пробѣжала послѣдняя дрожь, и затѣмъ четырьмя послѣдовательными и быстрыми ударами топора, разрубилъ четыре башки вдоль на двѣ ровныя половины каждую. Обернувъ рыбу вверхъ тешю, онъ выдралъ изъ двухъ уже разрѣзанныхъ въ морѣ рыбъ плавательные пузыри (клеину), которые, высохнувъ, составляютъ то, что намъ извѣстно подъ рыбьемъ клеємъ, и бросилъ ихъ въ шайку съ водою. По самой серединѣ теша третьей неразрѣзанной (не разрѣзанной) бѣлуги, начиная отъ головныхъ плавниковъ до краснаго пера **), однимъ махомъ ножа, онъ провелъ твердой, привычной рукою совершенно прямую черту. Жирная, блѣдно-красная теша раздвинулась и обнажила окровавленные внутренности рыбы, которыя рѣзальщикъ моментально отдѣлилъ, причемъ несъѣдобныя части, то-есть турсунъ ***)) и печень, швырнулъ въ воду прорана на потребу мириадъ мелкой рыбы-малька. Бережно отодравъ клеину отъ позвоночнаго спиннаго хряща, къ которому она плотно прикрѣплена, онъ обернулъ и эту третью бѣлугу темно-зеленой спиною вверхъ и всѣ три рыбы, по мѣркѣ, живо разрѣзалъ на ровныя поперечныя куски (звенья), которые тотчасъ были перебагрены на вѣсы и взвѣшены. Пока рѣзальщикъ продѣлывалъ выше сказанныя манипуляціи съ изумительной быстротой, аккуратностью и почти съ математической вѣрностью, привезенная Ильенковымъ свѣжая, только что пробитая ****), икра была уже взвѣшена.

*) *Рѣзальный ножъ*—имѣющій къ концу расширенное дугообразное лезвіе.

***) *Красное перо*—послѣднее брюшное, близъ махалки.

****) *Турсунъ*—(киргизск.) вообще внутренности, въ частности желудокъ.

*****) *Пробитая* сквозъ грохотку для отдѣленія ястычнаго мѣшка, пленки

Дошла очередь до севрюги. Съ нею повторилась та же операція, что и съ бѣлугою, съ тою разницею, что она не рѣзалась на куски, а была распластана, то-есть раздѣлена вдоль на двѣ совершенно ровныя половины; удерживаемая вмѣстѣ только становымъ хрящемъ и кожей спины, усаженною острыми жучками *). Для этого рѣзальщикъ, выпотрошивъ рыбу и выдравъ изъ нея клеину, близъ нароста **), ткнулъ концомъ ножа въ цилиндрической хрящъ, лежащій вдоль всей спины рыбы со внутренней полости тѣла, и на обухъ ножа досталъ изъ этого цилиндра петлю заключенной въ немъ вязиги, поддѣлъ ее пальцемъ и быстро вырвалъ изъ хряща нѣжную синевато-бѣлую, полупрозрачную ленту вязиги. Все тѣло уже выпотрошенной рыбы извилось, задрожало и даже забилося о деревянный полъ выхода—такъ чувствительны были эти сокровеннѣйшія ея части. Это былъ послѣдній призракъ, искра, намскъ на отлетѣвшую уже жизнь.

Дѣло было кончено. Игру и рыбу взвѣсили; бѣлугу и севрюгу отдѣльно. Митя вписалъ приемку въ журналъ и въ рубѣжъ ***) ловцу и казалакъ захватилъ ее и повезъ къ выходу.

— А что, еще никого не видать съ переборки? обернулся Федоръ Петровичъ къ Ильенкову.

— Гдѣ! къ обѣду развѣ—вѣтеръ-то гдѣ? А на шестахъ—поработаешь.

Походивъ по плоту, надзиратель повернулъ въ лѣвую небольшую дверь его и вышелъ на узкій боковой приплотокъ, который, въ видѣ галлерей, со всѣхъ сторонъ, выдавался надъ водою изъ-подъ зданія плота. Прямо противъ двери, на самомъ солнечномъ прищежѣ, стояла большая деревянная клѣтка, аршинъ четырехъ высоты, съ рѣшетчатой дверью, теперь полуотворенной. Въ клѣткѣ этой на поперечныхъ шестахъ, укрѣпленныхъ вверху, колебались бѣлья, растрепанныя космы вязиги; а на приплоткѣ клеевщикъ, онъ же и вязижникъ, гармонистъ Андрюшка, ровнялъ на шестъ такую же волглую косму вязиги, готовясь свивать ее. Выровнявъ, онъ обвилъ собранныя ленты въ видѣ жгута тонкою сырою прядью вязиги и закрѣпилъ ее узломъ.

— А что, Андрюшка, клей-то намъ не отправить-ли?

*) Жучки — острия костяныя пластинки, лежація правильнымъ рядомъ по спинѣ и по бокамъ рыбы.

**) Нароста—мѣсто близъ яйцеродныхъ частей рыбы.

***) Рубѣжъ—нѣчто вродѣ расчетнаго листа, только для приема рыбы.

— Развѣ лодку посылаете, Федоръ Петровичъ?

— Да, Елисеѣвъ пойдетъ.

— Скоро, можетъ?

— Въ вечеру, раньше-то не уберешься, чай.

— Что же, пошлемъ и клей, что ему здѣсь валяться-то, съ лѣта лежитъ,—такой есть. Вотъ совью вязигу, совью мѣшонокъ и покладемъ.

— Ладно, сошьешь—скажи. У меня есть—выдамъ.

Андрюшка сталъ вынимать изъ сырой холстины новую косму волглою вязиги *) и Федоръ Петровичъ вышелъ обратно на плотъ и повернулъ по мосткамъ на берегъ.

Тамъ неводные комплекты **), т. е. рабочіе киргизы, подъ руководствомъ неводниковъ калмыкъ, оборачивали и стаскивали на воду рыбницы и неводники, нѣкоторые, оправляя невода, вставляя вмѣсто плохаго ядра***) новое и пополняли балберу****). Одинъ неводчикъ сажалъ новый неводъ на подбору*****), растянутую на кольяхъ. Киргизы строгажи и вертѣли балберу. Федоръ Петровичъ заглянулъ мимоходомъ на работу и направился къ выходу, куда вела наѣзжанная казалаками и стангами дорога, представлявшая собою сынучую ракушу*****), перемѣшанную съ суглинкомъ.

У выхода, отстоявшаго отъ плота на добрую четверть версты, стояли двѣ лошади, запряженныя въ казалаки. Въ одинъ киргизы таскали съ выхода кружки соленой бѣлуги. Двери передвыходья были отворены.

Передвыходье представляло собою нѣчто въ родѣ большихъ сѣней; по ту и по другую сторону его, по бокамъ, находились соляные амбары, полные сѣрой крупно смолотой солью. Изъ него прямо въ выходъ вели тяжелыя створчатыя двери, съ тяжелыми кирпичемъ на веревкѣ, бѣгавшей въ блокѣ.

Блокъ занижалъ, выдѣлывая что-то въ родѣ трели, дверь пропустила надзирателя и, съ тѣмъ же пискомъ, тяжело захлопнулась за нимъ. Полусвѣтъ, полумракъ и холодная сырость охва-

*) Сухую вязигу передъ свиваніемъ дѣлаютъ вновь волглою, завертывая въ сырой холстъ.

**) *Комплектъ*—полное количество рабочихъ на каждый неводъ.

***) *Ядро*—полотно частой сѣти, составляющей неводъ.

****) *Балбера*—легкая бора, поддерживающая неводъ надъ водою верхнимъ краемъ.

*****) *Подбора*—веревки, между которыми сажается ядро.

*****) *Ракуша*—раковинки, измельченныя моремъ, составляющія известковую почву.

тели вошедшаго. Свѣтому человѣку надо было присмотрѣться, чтобы разобрать окружающее. Первое, что кидалось въ глаза, были два ряда тяжелыхъ столбовъ—четвероугольныхъ колоннъ, поддерживающихъ среднюю часть выхода, по пяти съ каждой стороны. Полусвѣтъ падалъ сверху, сквозь рамы, врѣзанныя въ потолокъ, между столбами. Рамы эти были укрѣплены въ деревянной коробкѣ, врѣзанной въ накатъ (потолокъ) выхода, составляя подъ угломъ одна къ другой, какъ бы стеклянную кровлю домика или теплицы. Прямо, между столбами, шелъ точно неширокій корридоръ, направо и налево отъ котораго, между каждою парюю столбовъ, въ полувыходѣ находилось по рыболовному большому ларю, около двухъ сажень длиною и болѣе сажени шириною и глубиною. Основаніемъ ларя, слѣдовательно, былъ прямоугольникъ, длиною стороною лежащій поперегъ выхода. Вокругъ всѣхъ ларей, которыхъ было по четыре съ каждой стороны, шла выпильная вычурная рѣшетка, за которой глубоко въ землѣ находились ледники и до потолка набивался ледъ. Такого рода ледники окружали лари съ трехъ сторонъ, въ четвертой была дверь въ передвыходѣ. Внутреннее помѣщеніе выхода доходило до девяти сажень длины и до шести ширины, потолокъ (накатъ) лежалъ на дугообразныхъ балкахъ (гибахъ), снаружи тяжело былъ осыпанъ землею, ради сохраненія низкой температуры. Все вмѣстѣ было на столько массивно, тяжело и прочно, что производило впечатлѣніе внутренности какого-то обелиска, въ русскомъ стилѣ, давившаго холодомъ, сыростью и специфическимъ запахомъ соленой рыбы.

Однако въ этомъ полусвѣщенномъ обелискѣ раздавался киргизскій говоръ и хохоть. Двое киргизъ выбагривали куски изъ ларя, а четверо укладывали ихъ на обшитыя лубкомъ носилки и выносили на казалакъ. На это время двери выхода на минуту отворялись, но тотчасъ захлопывались, будто сберегая холодъ. Съ этою же цѣлю, въ накатъ выхода, существовалъ небольшой люкъ и наклонная плоскость, по которой рыбу, привозимую съ плота, спускали въ выходъ прямо съ верху его, куда вѣзжали казалаки и станки.

Въ ларяхъ рыбы, за исключеніемъ грузимаго куска, который киргизы выбагривали изъ покрывавшаго его тузлука (разсола), почти не было. Только на днѣ одного изъ ларей лежалъ тонкій слой осетра и севрюги, густо посыпанный крупною сѣрватою солью.

— Осетра и севрюгу не кладешь? спросилъ вышедшій по ручной лѣстницѣ изъ ларя солельщикъ-виргизъ.

— Нѣтъ, что тутъ—пустяки. Говорятъ тебѣ, кусокъ одинъ.

— Джаксы, джаксы (хорошо, ладно), и онъ опять скрылся въ ларѣ.

Федоръ Петровичъ прошелся между колоннъ вдоль выхода и уперся въ липовые и дубовые бочата и тары, стоявшіе другъ на другѣ въ концѣ его. Идти больше было некуда, дѣла въ выходѣ не было, такъ называемая осенняя путина только что начиналась. Онъ повернулся и тѣми же стопами вышелъ, повернулъ по взвѣзду и взшелъ на вершину выхода.

Жаръ и зной были особенно ощутительны послѣ холода и полумрака—точно изъ холодной ванны попалъ въ горячую. Солнце уже сильно припекало, когда надзиратель поднимался на выходъ. Съ каждымъ шагомъ горизонтъ раздвигался, мало-по-малу открывалась сѣть протоковъ, поросшая камышами, и, наконецъ, на горизонтѣ къ югу открылось ясное, покойное, недалекое море, а къ сѣверовостоку церковь съ бѣлою колокольней и село, раскинутое на островахъ и буграхъ. Видъ былъ хорошъ, не смотря на бѣдность природы. Чѣмъ-то дѣвственнымъ, свободнымъ, сильнымъ несло съ моря. Онъ сѣлъ на скамью, укрѣпленную на выходѣ, и пробѣжалъ взоромъ по ровному куполообразному горизонту. Море было почти пусто,—два-три проходящія судна едва-едва ползли отъ востока къ западу, значить, къ Астрахани; нѣсколько ловецкихъ лодокъ добивались въ черни. Надзиратель сидѣлъ нѣсколько минутъ, равнодушно пробѣгая глазами по сонной поверхности моря; но два паруса, подвигавшіеся съ востока вдоль берега, вскорѣ привлекли все его вниманіе. Онъ долго вглядывался. Одинъ парусъ былъ большой, другой малый,—похоже было на рыбацую и неводничью; но паруса были такъ далеко, что невооруженному глазу трудно было точно опредѣлить это. Надзиратель пошелъ вдоль по выходу къ лицевому концу его, нагнулся надъ карнизомъ передвыходья и крикнулъ внизъ:

— Бала, Балúшка, Балайба!

Одинъ изъ двухъ виргизятъ, бывшихъ при лошадахъ, отозвался:

— Што тебѣ, Федоръ Петровичъ?

— Сбѣгай-ко ко мнѣ домой, возьми тамъ трубу.... ну, что въ море гляжу.

Киргизенокъ осатанѣлъ, видимо не понимая, чего отъ него хотятъ. Недоумѣніе и вопросъ ярко выступили на его лицѣ.

— Трубу, трубу!... вотъ! и Федоръ Петровичъ, кругообразно сложивъ большіе и указательные пальцы рукъ, приложилъ ихъ къ глазамъ, изобразивъ что-то въ родѣ бинокля. Трубу — тютюкъ! вспомнилъ онъ.

Лицо киргизенка моментально вспыхнуло пониманіемъ, онъ закивалъ головою и усмѣшка обнажила его ровные, бѣлые, какъ жемчугъ, зубы.

— Хорошо, джаксы,—знаю! вскрикнулъ онъ и стрѣлою пустился къ домику надзирателя.

Тотъ опять сѣлъ на лавку и ждалъ; не прошло двухъ, трехъ минутъ, какъ киргизенокъ подалъ большой черный, лакированный футляръ съ морскимъ биноклемъ. Федоръ Петровичъ вынулъ его, поставилъ по глазамъ и снова устался на идущіе вдоль берега паруса.

— А вѣдь это наши, гляди! Батайка будетъ.... далеко еще, выговорилъ онъ вслухъ и сталъ спускаться съ выхода.

Влѣво отъ выхода значительное пространство было занято вѣшалами, которыя были теперь разобраны и только стояки, бревна около сажени вышиною, да нѣкоторыя перекладины, лежавшія на нихъ виднѣлись по песчаному грунту, густо, впрочемъ, закиданному камышемъ, чтобы не пылилъ. Камышъ, плотно лежащій, точно присаленный, видимо служилъ тоже и стлицемъ. На такихъ вѣшалахъ, по накиданнымъ по нимъ шестамъ, вѣшаютъ сушить (вялить) разную частичковую рыбу; на *стлицѣ*—выстилаютъ преимущественно сазана пласть и, такимъ образомъ, получаютъ тѣ товары, которые зовутся сушью (сухая рыба).

Тотчасъ за этими вѣшалами стояло большое зданіе матеріальнаго амбара, около открытыхъ темныхъ дверей котораго толпилась и хурукала толпа киргизъ. Надзиратель повернулъ туда, толпа раздвинулась и пропустила его въ темныя двери амбара.

Около самыхъ дверей, за маленькимъ столикомъ, покрытымъ счетами, записками и раскрытой конторской книгой, сидѣлъ здоровый плотный мужчина лѣтъ подь шестьдесятъ съ сѣдовато русыми волосами и совершенно сѣдою бородой. Онъ что-то искалъ, перелистывая книгу и просматривая ее сквозь большія круглыя стекла очковъ въ прочной мѣдной оправѣ. Когда киргизы раздвинулись, чтобы пропустить надзирателя, сидѣвшій поднялъ

голову, привсталъ съ крестообразнаго стула и поздоровался съ вошедшимъ, протянувшимъ ему руку.

— Здравствуйте, Ѳеодоръ Петровичъ! Я было давеча заходилъ къ вамъ, да вы, сказали, на плотъ прошли.

— Здравствуйте, Петръ Васильевичъ. Дѣло что-ли было какое?

— Да, вотъ хотѣлъ спросить, кожаны и бахилы*) выдавать што-ли этимъ лѣшимъ, прости Господи! кивнулъ онъ на стоявшихъ въ дверяхъ и улыбававшихся киргизъ. Да вотъ еще что, старыхъ брать не хотять—всѣ новыхъ просятъ, а гдѣ ихъ новыхъ-то имъ набратся.

— Это что еще за глупости! что дають, то и бери, строго обратился надзиратель къ народу.—Всякій чортъ, туда-же, умничаютъ. Вотъ я посмотрю, какъ брать не стануть! И охота вамъ съ ними толковать, Петръ Весильевичъ. Ишь, старое! Щеголя какіе проявились?... Въ морѣ-то!

— Да развѣ сговоришь съ этимъ окайннымъ народомъ? Ты свое, а онъ свое!

— А вотъ, кто не возьметъ, тому совсѣмъ не давать—пусть мокнетъ собакой.

Въ толпѣ киргизъ слышался глухой ропотъ.

— Что тамъ еще?!.. обернулся надзиратель.

— Мы, Ѳеодоръ Петровичъ, только больно плохой не беремъ. Въ воду ходишь—вездѣ вода идетъ, замѣтилъ какой-то киргизъ посмышленѣй. — Время осенний, самъ знаешь—супшиться гдѣ будемъ?

— А вы, Петръ Васильевичъ, больно плохихъ-то не давайте.

— Чего плохихъ—чиненные даю. Зачѣмъ же бахильщика-то**) держимъ?

— Да, кстати, что Сидорка-то перечинилъ товаръ***) что-ли?

— Куда!.. можно положиться на этотъ народецъ. И гдѣ это выкапываютъ ихъ въ Астрахани. Протухъ весь водкой-то.

— Какъ, да вѣдь онъ не пилъ?

— Не пьетъ пускай, да давно-ли—часъ со днемъ... много тутъ одинъ-то начинить. Какъ-же, бахилы-то выдавать что-ли?

*) *Бахилы*—кожаные, непромокаемые шаровары—чулки.

**) *Бахильщикъ*—занимающійся починкою бахилъ, кожановъ и вообще коженнаго товара.

***) *Товаръ коженный*—непромокаемая одежда для лова неводомъ, каковы: кожаны, полукожаны, бахилы, полубахилы и поршни. *Полукожанъ*—кожаная фуфайка, *полубахилы*—кожаные чулки по колѣно и выше. *Поршни*—кожаные лапти.

— Да, да, выдайте, только прежде подѣлите по ровну на каждый неводъ, сколько новыхъ, сколько старыхъ. Пусть мажутъ хорошенько—смолы жалѣть нечего, товаръ цѣльѣе будетъ. Да вотъ что, ребята, обратился надзиратель къ киргизамъ, кого я увижу въ бахилахъ или кожанахъ здѣсь, на промыслѣ, до выхода въ море—штрафъ запишу, такъ и знайте.

— Ладна, хорошо, ладна—слышимъ! заговорила толпа.

Надзиратель взялъ отъ стѣны сложенный деревянный стулъ, встряхнулъ и раздвинулъ его въ видѣ буквы иксъ и усѣлся около стола, въ прохладной тиши полутемнаго амбара. Матеріальный началъ отсчитывать кожаны, полукожаны, бахилы, полубахилы и поршни.

— На четыре комплекта выдавать? обратился онъ къ надзирателю.

— Да, на четыре. Перваго числа всѣ выпустимъ.*) Да что рыбницы всѣ на водѣ? спросилъ надзиратель у киргизъ.

— Вся тащилъ, Педоръ Петровишъ, вся, — и неводнигъ-то тащилъ.

— Ну, ну.

— Эй, кто у васъ десятники-то? выходите. Эй вы, бритыя башки, чего стоите! вскрикнулъ матеріальный.

Киргизы переглянулись, улыбаясь, и трое изъ нихъ выдвинулись впередъ.

— А четвертый, подохъ штоль?

— Придетъ,—своя рыбница кончается — придетъ, послышалось въ толпѣ.

— Ну, ну, ладно. Берите вы трое. Киргизы десятники стали отсчитывать полукожаны и полубахилы.

— Мажьте вотъ, кивнулъ Петръ Васильевичъ на чугунный десятичный **) котелъ, передавая его киргизамъ. Котелъ былъ полонъ черною гляцевитой не очень густою смолой.—Мажь хорошенько; смола понадобится—еще налью. Киргизы вытащили котелъ наружу и началась мазка. Отъ дверей отхлынули.

— Петръ, показался вновь одинъ изъ десятниковъ, продовольствіе давай пожалста. Три человекъ новый пришолъ.

— По первое число,—на три дня, значить? сообразилъ матеріальный, отвѣсивъ на троихъ двадцать семь фунтовъ хлѣба.

*) Выпустить невода въ ловъ.

**) Десяточный котелъ—на десять человекъ.

Потѣмъ онъ зачерпнулъ изъ холстоваго грубаго мѣшка небольшой ковшъ пшеничной муки низкаго сорта.

— Эй вы, во что вамъ?

Киргизы подали мѣшокъ изъ подъ муки и Петръ Васильевичъ отсыпалъ имъ по три ковша каждому, то есть всего девять ковшей.

— А чаю черезъ три дня дамъ, а то и всего-то восмуха каждому на мѣсяцъ полагается, перваго числа, кстати, дамъ!

— Ну, ну што тутъ, заговорили киргизы, три дня съ нами пить, — што тутъ!

— То-то. Съ перваго числа въ море продовольствіе берете. Киргизы отошли, въ дверяхъ появился кормщикъ Елисеѣвъ.

— Ты что?

— Продовольствіе въ дорогу.

— Пшена возмешь, что ли?

— Хошь пшена давай, чаю полдоски.

— Бъ чему полдоски-то. Четверти хватить.

— Не съѣмъ чай! Останется—привезу, а то въ Астрахани еще контору безпокоить. Брань одна.

— Еще чего? спросилъ матеріальный, отпиливая полдоски зеленого кирпичнаго чая.

— Калача, хлѣба, свѣчей фунтъ, спиць! Да табаку третьяго сорта за мой счетъ запиши два картуза.

— Ладно! Матеріальный отпустить требуемое.

Внутренность матеріальнаго амбара и въ особенности его содержимое трудно поддавалось наблюденію, какъ по полумраку, царствовавшему тамъ, такъ и по разнообразію и хаосу предметовъ, наполнявшихъ амбаръ. Единственное маленькое оконце съ желѣзною рѣшеткою плохо освѣщало огромное помѣщеніе амбара. Направо отъ двери находился широкій прилавокъ съ вѣсами, укрѣпленными въ немъ и желтыми мѣдными чашками ихъ, прежде всего бросавшимися въ глаза. Вообще, внутренность амбара представляла что-то среднее между желѣзной, свояной и пеньковой лавкою, такъ много было здѣсь ножей, топоровъ, пилъ, косъ, желѣзныхъ лопатъ и всевозможной металлической мелочи, начиная съ бондарнаго гвоздя до приспособленій для лова и оснастки судовъ. На полу лежали туго скрученные ванаты и веревки въ видѣ пеньковыхъ цилиндровъ и кучи неводнаго провяза *) и сѣтей.

*) *Провязъ*—то же, что ядро невода или тонкая часть сѣти,—полотно ея.

Ловецкая рыболовная снасть была навидана меньковой горою. Уда стояла въ кудькахъ около. Мѣшки съ мукою, ящики съ чаемъ, кожевенный товаръ, ведра, чашки, коробыя съ ложками, лопаты, метлы и многое множество предметовъ, необходимыхъ для ватаги, выглядывали здѣсь и тамъ, не давая взгляду привести своихъ впечатлѣній въ какой-нибудь порядокъ. Большіе желѣзные вѣсы висѣли на перекладинѣ противъ двери.

Петръ Васильевичъ, удовлетворивъ киргизъ и Елисѣева, подсѣлъ къ столику и сталъ вписывать выдачу матеріаловъ, а надзиратель, отдохнувъ и простывъ отъ жары, на минуту направился къ своему домигу, выходявшему окнами къ свѣтлой полосѣ прорана, хотя онъ и стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него.

Между тѣмъ, похилилъ вѣтерокъ и вскорѣ по прорану заблѣли паруса ловецкихъ лодокъ, подвигавшихся со стороны моря.

У правыхъ дверей плота стояла рыбница Елисѣева и грузилась кружкомъ, котораго небольшая куча лежала на плоту и перебагривалась *) на приплотокъ. Оттуда киргизята брали кусокъ, укладывали въ рыбницу. Киргизъ, помощникъ Елисѣева, считалъ кусокъ и мѣтилъ счетъ на биркѣ, звѣнья тѣла особо, а башки и махалки особо **). Казалаки подвозили рыбу и сваливали ее на плоту.

Вскорѣ къ плоту стали подходить лодки одна за другою. Съ рыбою повторялась та же операція, что и у Ильенкова. Рыба раздѣлывалась, вѣшалась и вписывалась въ журналъ и въ рубежи ловцовъ. Народъ прибывалъ, слышались шумъ голосовъ, хохоть, говоръ и брань. Собравшіеся ловцы, дѣйствительно, загадили, зачѣмъ Ильенковъ ходилъ въ ночную въ море. Привозы вообще были не изобильны,—многіе приходили вовсе безъ рыбы. Когда узнали о рыбѣ, привезенной Ильенковымъ, начался ропоть и упреки—зачѣмъ съ вечера ходилъ въ море.

— А зачѣмъ и ходилъ! огрызаясь тотъ. Кто вамъ мѣшаетъ—идите и вы.

— Идите!... не по уговору это—вотъ что! Одному въ морѣто, вѣстимо, что хошь, дѣлай. Порядковъ мало ли, да не ладно это. Порѣшили не ходить—и баста.

— Ишь ты, свой законъ выдумали! Вы недѣлю не пойдете и мнѣ не ходить?

*) *Перебагривать, багрить*—перекидывать, брать багромъ.

***) Звѣнья тѣла дороже башокъ и махалокъ въ продажѣ.

— Кто говорит недѣлю, а только нечего въ морѣ, зря болтаться—грѣхъ одинъ.

— Зря! лѣшіе, у меня порядки-то гдѣ? Мористѣ *) то кто лежитъ? Вотъ онъ, Сызрановъ-то—знаетъ чай. Безъ вѣтра-то туда когда угодишь?

— Нечего, братъ, знаемъ! Гдѣ жъ ты былъ, когда уговаривались-то? Чего молчалъ?

Такія прерѣканія продолжались долго, доходили до ругани, чуть не до драки и, наконецъ, надоѣли, кажется, даже самимъ спорящимъ.

Солнце пошло за полдень и пекло, точно среди лѣта, хотя подувалъ едва замѣтный вѣтерокъ. Нѣтъ, нѣтъ, да и взрябить воду прорана, зачернѣютъ морщинки воды, зашевелятся махажки камыша минуты на три, на четыре и снова настанетъ сонная тишь. Пройдетъ минутъ пять, шесть, снова пахнетъ откуда-то, поползетъ по водѣ и вновь уляжется.

Скоро около плота скопилось до пятидесяти лодокъ. Пришедшіе начинали варить себѣ пищу,—мелкую севрюгу, чалбыша**), горлышки, пробойки***), у кого что находилось рыбнаго все обращали въ похлебку. Пахло горячею рыбою.

Время близилось къ обѣду. Федоръ Петровичъ уже намѣревался направиться къ горячимъ щамъ и лещу съ кашей, когда въ проранъ показался большой парусъ, предшествуемый малымъ неводничнымъ. Очевидно, это были неводные.

— А, вѣдь, это наши идутъ, Федоръ Петровичъ, произнесъ Елисѣевъ, стоя на своей рыбацкѣ, притѣнивъ рукою глаза отъ солнца и вглядываясь въ движущіеся за камышомъ паруса.

— Похоже, подтвердилъ надзиратель.—Я еще давеча съ выхода видѣлъ. Вдоль черней шли.

— Наши и есть. Леджешка будетъ—его парусъ, новое полотно въ галсъ****), вглядывался Елисѣевъ.

— А што? съ рыбой, мотри? сообразилъ Максимычъ.

— Съ рыбой и есть! ухмыльнулся Елисѣевъ. Чай, продевольствіе вышло—вотъ и рыба.

*) *Ложать мористѣ*—выбить снасть дальше въ море.

**) *Чалбышиз*—осетреновъ погумѣрокъ.

***) *Пробойка*—жирная шлева, остающаяся отъ пробойки ястыва икры чрезъ прототку.

****) *Галсъ*—передняя часть паруса.

— Ну, нѣтъ, проговорилъ, ни къ кому не обращаюсь, точно про себя, надзиратель, появившійся на приплоткѣ.—За продовольствіемъ не надо бы — имъ на двѣ недѣли выдам. Да они когда ушли, спросилъ онъ громко, — съ недѣлю будетъ?

— Позвольте, во что я прибѣжалъ? Елисеѣвъ подумалъ и что-то посчиталъ про себя.—Да, въ пятницу, а они, сказывали, накануне въ море пошли. Шестой день, значить.

— Пожалуй что и съ рыбой. За продовольствіемъ рано еще, да и другаго невода нѣтъ—вмѣстѣ бы пришли.

Наконецъ, корпусъ рыбницы и неводника показали въ проранъ.

— Смотри, смотри, — неводникъ-то не уходитъ, замѣтилъ Елисеѣвъ.

— Чѣмъ уходитъ-то? слышалось изъ среды ловцовъ.—Безъ вѣтра куда пойдешь? Ей теперь вольготнѣе—вишь, парусина-то—верхомъ беретъ.

Но въ ту же минуту, въ подходящемъ неводникѣ взяли за весла и онъ живо опередилъ рыбницу и дохропалъ до плота. Большой парусъ рыбницы вдали еле подвигался по прорану. Неводникъ подошелъ къ плоту, парусъ упалъ и киргизы принялись подкатывать и подвязывать его.

— Аманъ, аманъ, слышались возгласы и привѣтствія киргизъ, здоровавшихся между собою.

Неводчикъ калмыкъ выскочилъ на приплотокъ и, какъ-то наивно улыбаясь, кланялся надзирателю и здоровался съ окружающими.

— Ну, что, спросилъ тотъ, какое дѣло?

— Рыбы мало-мало тащилъ, Федоръ Петровичъ.

— Молодецъ! А сколько примѣрно?

— Тысяча четыре—побольше тащилъ.

— Какая больше?

— Мало-мало всякій есть. Лещъ есть, тарань есть, судакъ же есть.

— Ладно. Максимычъ, надо за бабами ѣхать.

— Сколько брать-то?

— Возьми хоть штукъ шесть или восемь—скорѣе уберутъ, все равно платить-то. Дарьѣ подрядчикъ скажи. Четыре, молъ, тысячи—она ужъ знаетъ, чтобы къ вечеру убрать все. Оставлять нельзя, вишь печеть, ровно въ печкѣ.

Максими́чь и двое киргизъ съѣли въ легкую лодку (бударку) и ушли въ близъ лежащее село за бабами рѣзальками.

— Всего-то считали мы четыре тысячи два ста уосемьдесять.... такъ считали, объявилъ неводчикъ, свѣрившись со своею бирною.

— Мелка рыба-то? спросилъ надзиратель.

— Хорошій рыба, Ѳедоръ Петровичъ.

Между тѣмъ, рыбаница подходила ближе и ближе, пока багоръ съ нее не вцѣпился въ сваи плота и не подтянулъ ее вплотъ. Парусъ посадили, поднатяжи къ рейку и вмѣстѣ съ нимъ подняли по мачтѣ и подвязали, чтобы не мѣшала работѣ. Куча золотистой и серебристой рыбы лежала на днѣ ея.

— Митя, считай на плотъ.

Помощникъ надзирателя сталъ съ багромъ во вторыхъ дверяхъ плота.

— Рѣзать какъ? спросилъ онъ.

— Судака и леща на малосоль; таранъ на колодку пойдетъ. Да что это приѣмщикъ не ѣдетъ? Пора бы. Вотъ, поди возись. Въ тары, что ли, солить или до него на выходѣ оставить?

— Чего тутъ, Ѳедоръ Петровичъ, изъ пустяковъ возиться. Въ тары покладемъ, куда еще на выходъ возить.

— Ну, ладно, убирайте. Не нынче-завтра пришлютъ же приѣмщика.

— Считай! закричалъ Митя рабочимъ въ рыбаницу.

Въ одну минуту двое калмыговъ и киргизъ, вооруженные баграми на длинныхъ клячѣхъ*), начали выбрасывать рыбу съ такою изумительной быстротой, что глаза едва успѣвали слѣдовать за золотымъ и серебрянымъ дождемъ ея, посыпавшимся на приплотокъ. Рыба за рыбой, сверкая и кувыркаясь на солнцѣ, ловко, какъ изъ пращи, свертывалась, срывалась со взмахнувшего багра и падала въ кучу. Съ приплотка она перебагривалась въ полуосвѣщенное зданіе плота и вновь считалась.

— Считаете? спросилъ Митя выбагривавшихъ изъ рыбаницы.

— Считаемъ, считаемъ, отвѣчали оттуда.

— Считай и вы, обратился онъ къ перебагривавшимъ киргизамъ.

— Ладно, хорошо.

*) Клячи — тонкой шесть саженой длины, вершинка и сучья ельнива.

— Сотня! немного спустя послышался громкій голосъ изъ рыбницы.

— Сотня! крикнулъ другой голосъ.

— Сотня! отсталъ немного третій.

Митя помѣтилъ въ книжкѣ триста рыбъ. На плотѣ рыба сортировалась по родамъ и каждый родъ считался отдѣльно.

Рыба еще летала въ воздухѣ и счетъ продолжался, когда вдали показалась лодка съ Максимычемъ и бабами.

Пристали къ плоту. Начался говоръ, смѣхъ, шутки и не очень-то скромныя остроты между рабочими и прибывшими красавицами. На словахъ бабы не только не уступали мужикамъ, но были и такія, что были въ состояніи переговорить десятерыхъ мужчинъ и отгрызались даже отъ языка Марченкова. Всѣ онѣ были подшароварены, то есть сверхъ платьевъ и всего прочаго по поясъ облечены въ холстовые толстыя шаровары.

Бабы-рѣзальки стали размѣщаться для рѣзки рыбы, а, между тѣмъ, сотня! сотня! и сотня! продолжало стоять въ воздухѣ.

Для рѣзки частиковой рыбы на промыслахъ употребляется обыкновенно, такъ называемая, рѣзальная скамья. Это простая неширокая скамейка длиною болѣе двухъ съ половиною аршинъ, по концамъ которой бабы-рѣзальки или рѣзальщики садятся верхомъ, лицомъ другъ къ другу. Для того же, чтобы кровь, сукровица и вообще жидкія части рыбы не подтекали подъ работающаго, поперекъ скамьи, во всю ширину, ея съ обонхъ концовъ набиваются планки или линейки вышиною болѣе дюйма, отдѣляющія работающаго отъ раздѣляемой рыбы. Линейка эта продолжается и по борту (краю) скамьи, слѣва отъ сидящаго и, выпяная надъ ея плоскостью, не позволяетъ рыбѣ скользить при рѣзкѣ, для чего рыба прижимается къ линейкѣ спиною, тешею или ставится на ребро. Это зависитъ отъ того, какъ рѣжется рыба и отъ приспособленія рѣзущаго. На малосолъ рыба рѣжется со спины, вдоль позвоночнаго столба, отъ *башки* къ махалкѣ, при чемъ ребра рыбы прерѣзаются и она турсунится, то есть, потрошится. На колодку, наоборотъ, рыба рѣжется съ тешы и, слѣдовательно, прижимается къ боковой линейкѣ спиною. Для того, чтобы рыба не скользила въ рукахъ, употребляется короткій ручной багорокъ, которымъ рѣзальщица заблаговременно фиксируетъ рыбу обыкновенно въ глазъ, и укладываетъ и придерживаетъ ее при рѣзкѣ. Быстрота рѣзки, особенно у искусной рѣзальщицы—удиви-

тельна. Есть такія, что раздѣлываютъ по три тысячи рыбъ въ короткій весенній или осенній день.

Бабы давно размѣстились вокругъ рыбы и рѣзка началась. Надзиратель постоялъ, посмотрѣлъ и направился къ деревянному просторному чулану, отгороженному въ правомъ заднемъ углу плота. Это была икорная, т. е. помѣщеніе для приготовленія икры.

Икорная была продолговатая комната освѣщенная двумя окнами съ желѣзными рѣшетками, съ полками кругомъ, на которыхъ помѣщались рѣшета, шайки, новые кульки, салфеточный холстъ, веселки, топоръ и бондарные гвозди. На полу, въ липовыхъ боченкахъ была видна бѣлая комбовая промытая соль и такая же мелко толченая, точно мелкій сахаръ. Въ одномъ углу помѣщались два икорныхъ жома для отжиманія паусной икры, въ другомъ стояла дубовая ванна съ желѣзными обручами для ея передѣла (посола). Вдоль боковой стѣны протянулись два длинные низкіе станка, возвышаясь вершка на три отъ пола. На нихъ обыкновенно ставятся рѣшета съ икрою для спуска изъ зернистой икры излишняго, образовавшагося въ ней при посолѣ, тузлука. *) Рядъ рѣшетъ съ икрою и теперь стоялъ и стекалъ на станкахъ, образуя мутныя бѣловатыя лужи густой влаги, лѣниво стекавшей подъ полъ плота, въ воду, прорана.

Весноватый, бѣлокурый, но видный молодой парень, икрянникъ стоялъ около неширокаго прилавка и отвѣшивалъ мелкую бѣлую соль, соображаясь съ количествомъ слѣдующей въ передѣлъ икры. Большая дубовая шайка со свѣжей икрою стояла около, полная сѣрыхъ и черныхъ блестящихъ зеренъ, точно смотрѣвшихъ на окружающее своими любопытными глазами.

— Что, Казаринъ, много-ли икры-то будетъ?

— Какъ это? Нынѣшній пріемъ что-ли?

— Нѣтъ, всей. Сколько у насъ есть? нынче отправлять будемъ.

— Всей, надо быть, шесть боченковъ. На выходъ четыре закупоренныхъ, да вотъ здѣсь два положу. Останется малость, Федоръ Петровичъ. Докладна пойдетъ?

— Да, посылать велѣть. Паусной-то мало чай?

*) Тузлукъ—разсолъ.

— Боченка полтора, да вотъ еще, вонъ въ той шайкѣ-то... можетъ доложу второй боченокъ-то.

— Хорошо-бы.

Казаринъ отвѣсилъ соль и ссыпалъ ее въ деревянную русскую чашку, потомъ сталъ постепенно ссыпать съ рѣшеть зернистую икру въ липовый чистый, точно облупленное яйцо, боченокъ. При этомъ онъ постукивалъ довольно сильно по дубяному ободку рѣшета, на чисто удаляя съ него послѣднія зерна икры. Она была такъ свѣжа и суха, что сыпалась и привскакивала съ рѣшета, какъ горохъ. Наполнивъ одинъ боченокъ, Казаринъ началъ другой. Балупка съ веселыми глазами, что по утру будилъ Максимычъ, помогалъ икрынику и смотрѣлъ на происходившее съ поляйшимъ вниманіемъ.

— Вымой, кивнулъ икрыникъ на опростанныя рѣшета. Бала, подхвативъ ихъ, скрылся изъ икорной. Казаринъ обратился къ большой шайкѣ почти полной свѣжей икрою. Густо посыпавъ ее темную массу свѣжно бѣлой солью изъ чашки, онъ взялъ веселку и сталъ помѣшивать ее. Икра перемѣшалась съ солью и вбирала ее жадно. Засучивъ рукавъ рубашки на правой рукѣ, онъ погрузилъ ее въ икру и сталъ вымѣшивать, поднимая лежащую на днѣ къ верху и обратно. Между тѣмъ, Бала вернулся съ рѣшетами и разставилъ ихъ по станкамъ вверхъ сѣтчатыми днаами, какъ они стояли и прежде:

— Мѣшай! обратился икрыникъ къ вошедшему и сталъ мыть руку въ шайкѣ съ водою. Бала схватилъ веселку и тихо помѣшивалъ икру.

Прошло минуты двѣ, три; Казаринъ сталъ пробовать, не готова-ли икра, зачерпывая по нѣскольку зеренъ и раздавливая ихъ между пальцами или захватывая ее пригоршней, отжимая и подбрасывая на рукѣ. При этомъ изъ давимыхъ икрынокъ сперва бѣжало совершенно бѣлое жирное молоко, значить, еще икра не поспѣла, но чѣмъ дальше, тѣмъ молоко болѣе желтѣло и густѣло—она была готова.

Широкимъ, плоскимъ ковшомъ Казаринъ сталъ разливать готовую икру изъ шайки по рѣшетахъ и, наконецъ, опрокинулъ надъ шестымъ или седьмымъ рѣшетомъ и самую шайку, выметая послѣднюю приставшую къ ея стѣнамъ и дну икру вѣничкомъ.

— Доложишь ли боченокъ-то? спросилъ надзиратель, молча наблюдавшій за происходившимъ.

— Доложу,— мало ли въ немъ икры-то.

— Ну, а мелкую? (осетровую и севрюжую).

— Надо подождать, Федоръ Петровичъ, нѣкоторыхъ еще съ переборки нѣтъ,—подвезуть можетъ.

— Ну, ну—все одно. Однако времени-то много—пообѣдать пойти, разсудилъ онъ и направился домой.

Когда Федоръ Петровичъ, послѣ богатырскаго послѣобѣденнаго сна, напился чаю и вышелъ вновь посмотреть, что дѣлается на плоту и, если готовъ, отправить Елисеѣва, то солнце уже сошло къ западу и пекло не такъ сильно,—наступала прохлада, начиналъ подувать легкій, но постоянный вѣтерокъ; оранжевые тоны преобладали въ воздухѣ. Слышался далеко не музыкальный концертъ ловецкихъ шилъ (широкихъ плоскихъ напилковъ) и гулъ голосовъ. Большая часть ловцовъ занималась точкою снасти (уды), нѣкоторые втращивали поводцы въ хребтину *)), прививали уду, набирали балберу и вообще работали надъ рыболовною снастью. На плоту рѣзка рыбы приходила къ концу и Елисеѣвъ догружалъ послѣдніе куски бѣлуги.

— Павелъ, у тебя все готово? обратился надзиратель къ нему.

— Кончаемъ, крикнулъ онъ изъ люковаго отверстія рыбницы. Ведите икру-то везти, я ее на цалубу и въ корму поставлю. Съ рыбой—нельзя чай?

— Нельзя—пропахнетъ. Вотъ, я сейчасъ.

Надзиратель направился къ икорной.

— Готово у тебя? спросилъ онъ Казарина, закуоривавшаго липовый боченокъ съ зернистой икрой.

— Сейчасъ, только паюсную подѣлаю.

— Что же ты, братецъ, долго?

— Что вы? сію минуту только послѣдній привозъ принялъ отъ Субботина!

— Чего это онъ копадся въ морь-то?

— Снасть што ли, сказываетъ, у него тамъ рулями порвали.

— Теперъ доложишь ли второй боченокъ-то?

— Доложу,—останется еще.

*) Хребтина—веревка въ палецъ толщиной, идущая параллельно поверхности воды, поводцы продерживаются съвязъ нее и висятъ въ водѣ перпендикулярно ей, балбера поддерживаетъ ее на шпату. Уда прививается къ концу поводца.

— Ну, дѣлай скорѣе! Елисейвъ кончается. Вътерь-то хорошъ ему.

— Мигомъ!

Икряникъ посмотрѣлъ чистый, какъ слеза, тузлукъ *), въ большой ваннѣ, собралъ и сплеснулъ съ поверхности его соръ и бѣловатую легкую пѣну, потомъ однимъ махомъ опрокинулъ въ него шайку полную мелкой икрой. Икра всплыла на поверхности насыщеннаго раствора соли, въ который еще прежде онъ бросилъ нѣсколько комьевъ бѣлой промытой кристаллической соли для сохраненія его крѣпости, т. е. для пополненія соли извлеченной икрой. Точно также, онъ помѣшивалъ тузлукъ съ икрою, точно также пробовалъ ее готовность и, наконецъ, сталъ славливать ее съ поверхности тузлука рѣшетомъ и ссыпалъ въ новый кулекъ. Когда плотный кулекъ былъ еще немного не полонъ, онъ завернулъ его верхнее отверстіе и, поставивъ завернутый кулекъ подъ икорный жомъ, отжалъ его, налегая на длинное плечо рычага жома. Точно густые желтые сливки потекли во всѣ стороны изъ кулька. Когда кулекъ постоялъ подъ жомомъ достаточное время и икра была отжата, Казаринъ доложилъ ея дубовый боченокъ, вырѣзая ее изъ кулька деревяннымъ большимъ ножомъ. Икра уминалась въ боченокъ кулаками, тычьмя, точно вертикальнымъ боксомъ, при чемъ, руки и крички уходили въ нее выше кисти, выдавливая жирныя части наверхъ, такъ что жиру накопило выше икры пальца на два. Добивъ, такимъ образомъ, боченокъ до верха и завернувъ облегавшій икру съ внутренней стороны боченка салфеточный холстъ **), икряникъ едва могъ закупорить боченокъ такъ туго онъ былъ набитъ. Желтый жидкій жиръ просочился, выступая по дну и по уторамъ. Дѣло было сдѣлано и, все готово.

— Митя! крикнувъ, заглянувъ въ конторку, надзиратель, взвѣсь икру-то, да поскорѣ накладную пиши—готово все. Пусти-ко, я отношеніе въ контору мащину. Требованіе написано?

— Написано, все написано и накладная готова; только вотъ, икру вѣсать.

*) Зернистая икра дѣлается мелкою солью, даюшая тузлукомъ вареникъ, т. е. насыщеннымъ.

***) Внутренность боченка для паюсной икры, на промыслахъ, устилается салфеточнымъ холстомъ, потому икра называется салфеточною.

Митя вышелъ вѣшать бочечки съ икрою, а надзиратель сѣлъ къ столу и принялся за отношеніе.

Солнце готово было опуститься за горизонтъ, когда рыбница подняла паруса и отвалила отъ плота. По землѣ и водѣ легли длинныя тѣни и нѣсколько блѣдныхъ, едва видимыхъ, звѣздъ замигали на востокѣ. Работы кончились; двери плота запахнулись; ловцы и рабочіе собрались кучкою и играли на берегу: боролись, тянулись, по преимуществу русскіе съ киргизами, цѣли и рассказывали. Опять слышался голосъ Марченкова и хохоть. Звуки гармоніи Андрюньки, не умолкая, далеко расплывались по сырому, влажному воздуху, то грустные и плавные, то переходящіе внезапно въ «барыню» или трепака. По берегу затеплились костры—варили рыбу, взятую неводомъ. Комары тоже тянули свой аккомпаниментъ,—слышалось безпрестанное похлопываніе и брань. У костровъ ярко вырисовывались русскія, калмыцкія и киргизскія лица. Высокіе паруса рыбницы, прежде окрашенные заходящимъ солнцемъ, потухли и потонули въ отдаленіи и во мглѣ. Нѣкоторые поужинали и ставили пологъ.

Солнце давно уже скрылось. Синеватая, прозрачная бездна глубокаго неба рябила звѣздами, шевелившимися въ колеблемой вѣтромъ водѣ. Все стихало, выдавая шопотъ камышей,—даже неугомонныя лягушки замолкали. Костры потухли. По пологамъ слышались сонные вздохи и храпъ, а гармонія Андрюньки выводила «не бѣлы то снѣги» или грустно цѣла «вылѣтала соколина на долину», и тихо, едва слышно, нарушая общую тишину, изъ-подъ бѣлаго полога. Наконецъ, и она смолка. На горизонтѣ показался раскаленный серпъ луны, тяжелые вздохи выпи глухо повторялись по водѣ.

Если читатель получилъ нѣкоторое понятіе о промысловомъ заведеніи или ватагѣ—цѣль достигнута. Этотъ первый очеркъ имѣлъ цѣлію познакомить съ обычною промысловою дѣятельностію и потому избранъ такой промыселъ, гдѣ бы можно было получить нѣкоторое понятіе, какъ о приготовленіи красной рыбы (бѣлуги, осетра, севрюги), такъ и частиковой. Для того, чтобы просторнѣе было осмотрѣть промыселъ, выбрано далеко неизобильное рыбою время года и самое заведеніе взято среднихъ размѣровъ.

Разумѣется, частичковой рѣчной промыселъ, въ весеннее, горячее время, когда не хватаетъ рукъ и сотни рабочаго люда не поспѣваютъ убирать во время вылавляемыхъ ежедневно сотенъ тысячъ рыбы, былъ бы интереснѣе для наблюдателя, но тогда ему не пришлось бы видѣть уборки и приготовленія продуктовъ красной рыбы, что возможно только на приморскихъ ватагахъ. Ради наглядности, пусть извинятъ специальность и сухость очерка.

Бобылевъ.

Въ слободкѣ.

I.

За заставой слободка домишекъ кривыхъ,
Съ цѣлымъ рядомъ дворовъ постоянныхъ.
Зеленѣетъ трава на лачугахъ гнилыхъ
Между досками крышь полинялыхъ.
А вокругъ огороды и колья плетней;
Валь съ оврагомъ, заросшимъ крапивой;
Подъ зеленой развѣсистой ивой
Протекаетъ по дну его мутный ручей.
Здѣсь недоброе мѣсто, по слухамъ,
И не разъ съ топоромъ иль обухомъ
Расправлялся здѣсь темною ночью злодѣй;
А въ крапивѣ, межъ тины и гнили,
Синій трупъ мертвеца находили....
За оврагомъ болото, лѣсокъ и поля;—
И повѣрье въ окрестности ходить,
Что нечистый сюда, въ часъ полночный, шая,
Для погибели пьяныхъ заводить.
А слободка даетъ въ грязномъ лонѣ своемъ
Для бродягъ безпаспортныхъ пріюты;
Даже въ мѣстной полиціи знаютъ о томъ.
Впрочемъ, мѣры ея хоть и круты,
Но не въ силахъ извѣсть подозрительныхъ лицъ,
На уловки смышленныхъ не мало,
Отъ радушнаго крова квартала,
Отъ казеннаго хлѣба темницъ.

II.

Вотъ кабакъ; главнымъ центромъ духовнымъ
 Всей слободѣ онъ служить; и здѣсь,
 Безъ заботъ о различьи сословномъ
 Мнръ окрестный стекается весь.
 Тутъ приказный въ дырявой шинели,
 И оборвышъ скрипачъ-музыкантъ,
 Двѣ-три пьяныя вѣчно мамзели,
 Бѣглый, съ шрамомъ на лбу, арестантъ.
 Тутъ и вищій въ отропяхъ—кальба—
 Не владеетъ ногамъ полъба;
 Но, когда заползаетъ въ кабакъ,
 Съ нимъ во очю чудо творится—
 Хватить чарку и вдругъ изцѣлится,
 Съ громкой пѣснью пускаясь въ трепакъ....

И почетные гости порою,
 Для знакомства со здѣшней страпою,
 Въ кабачекъ заѣзжаютъ на ширь.
 Не послы и не принцы, конечно....
 Тѣхъ, съ вратами, отверстыми вѣчно,
 Ждетъ какой-нибудь модный трактиръ.
 Въ залъ роскошный, шикарно-пространный....
 Но маэстро по части карманной,—
 Воръ изъ части далекой другой,
 Въ этотъ край завлеченный судьбой,
 Иногда удостоить визитомъ
 Этотъ вѣчно радушный пріютъ,
 Гдѣ добычи немедленнымъ сбытомъ
 Гостя съ честью великой почтутъ.
 Полицейское зоркое око,
 Какъ недремлющій аргуса взоръ,
 Проникая повсюду глубоко,—
 Въ нѣдра самыхъ труппобистыхъ норъ,
 Здѣсь стыдливыя вѣжды смыкаетъ;
 А блюститель порядка и самъ,
 Филантропией полнъ къ бѣднякамъ,
 Тутъ порой вечеркомъ засѣдаетъ.

III.

Свѣтлой струею, живымъ серебромъ,
 Въ чарки вино разливается;
 Тайная сила волшебная въ немъ,
 Чудная сила скрывается.
 Что это искрится, блещетъ на днѣ?
 Это печали забвеніе
 И на мгновеніе
 Въ горькомъ винѣ
 Горькихъ невзгодъ потопленіе.
 Въ свѣтлыхъ струяхъ его скрытъ талисманъ
 Съ бременемъ бѣдъ примирительный;
 Чарка на разумъ наводитъ туманъ,
 Только туманъ утѣшительный.
 Юноша пламенный пьянъ безъ вина
 Страстью, надеждами, грѣзами;
 Если же сердце разбито до дна
 Лютыми жизни морозами,
 Въ чарахъ, навѣянныхъ добрымъ виномъ,
 Молодость вновь пробуждается,
 Эхомъ звучить о быломъ
 И изъ-подъ пепла, бывалымъ огнемъ,
 Снова на мигъ разгорается.
 Дивная сила сокрыта въ винѣ;
 Сила могучая эта
 Зрѣть на нивѣ въ златистомъ зернѣ
 Въ знойномъ сіяніи лѣта.
 Колось златистый изъ почвы родной,
 Смоченной влажной росой,
 Чудную крѣпость сосетъ подъ землей;
 Ночью-жъ незримой толпою
 Духи стихійные, рѣво шутя,
 Подъ соловьиныя трели
 Нѣжно баюкають, будто дитя,
 Крошку-зерно въ колыбели.
 Эту могучую силу земли,
 Мошь животворную эту
 Люди хитро изъ зерна извлекали
 И распустили по свѣту.

Въ стеклянной бутылѣ,
 Какъ въ нѣдрахъ темницы,
 Въ полонъ заключили
 Духовъ вереницы.
 Зеленаго лѣса
 Здѣсь чары—приманки,
 Самъ лѣшій—новѣса
 Закупоренъ въ склянкѣ.
 И вотъ оттого-то,
 Лишь выпьется чарка,
 Прочь холодъ, забота,
 Вновь на сердцѣ жарко.
 Вдругъ тайная сила,
 Вдругъ сила живая
 Все горе, что было,
 Уносить, играя.
 Зерномъ поглощенный
 Лучъ солнышка яркій
 Душѣ оживленной
 Вливается съ чарной.

IV.

И вотъ бѣжить, журчить струей,
 Бастальскій русскій ключъ;
 Онъ такъ силѣнъ въ странѣ родной,
 Влияньемъ такъ могучъ.
 И вотъ въ утробѣ кабака
 Со всѣхъ сторонъ течетъ
 Весь заработокъ бѣдняка,—
 Трудовъ тяжелыхъ плодъ.
 Забывъ голодную семью
 И плачущихъ ребятъ,
 Копѣйку кровную свою
 Онъ здѣсь оставить радъ.
 А если денегъ больше нѣтъ
 И чистъ его карманъ,
 Сюда несетъ онъ свой жилетъ,
 Рубаху и кафтанъ.
 И за одинъ глотокъ струи

Волшебнаго ключа
 Пожитки скудные свои
 Отдасть онъ сторяча.
 Да, видно, жизнь, какъ есть она,
 Не слишкомъ хороша,
 И ждетъ отрады отъ вина
 Въ томлени души.
 На мигъ одинъ свѣтлѣетъ въ ней
 Безжизненная тьма,
 И ей безуміе милѣй
 Обычнаго ума.

Испуская какой-то таинственный звонъ,
 Ходить шкаликъ стеклянный, гранбный;
 Больше знаній хранить, больше видывалъ онъ,
 Чѣмъ мудрецъ, иль профессоръ ученый.
 Наполняясь и живо пустѣя до дна,
 Часто въ губы цѣлуется онъ горе.
 Съ виду малъ онъ, но въ немъ побывало вина
 Разливанное цѣлое море....
 Въ этомъ морѣ свой разумъ иной потопилъ,
 А другой убѣжденья и совѣсть....
 Если бъ могъ, то какою бы намъ сообщилъ
 Этотъ шкаликъ ужасную повѣсть;—
 Повѣсть темную тяжкихъ страданій людскихъ,
 Душъ надломленныхъ, жизнью разбитыхъ,
 Сердца жгучихъ мученій и слезъ огневыхъ,
 Драмъ, глубоко отъ свѣта сокрытыхъ....
 О преступникъ много повѣдалъ бы намъ
 Онъ того, чего нѣтъ въ протоколѣ....
 Прикасясь къ запекшимся жаднымъ устамъ,
 Онъ и самъ въ жизни игривалъ роли.
 И на днѣ его часто иной находилъ
 Нерѣшимой задачи рѣшенье
 И запасъ почерпалъ неизвѣданныхъ силъ,
 И грызущей тоски утolenье;
 А въ душѣ, поглощенной упорной борьбой,
 На вѣсахъ межъ боязнью и страстью,
 Перевѣшивалъ часто онъ каплей одной,
 Каплей, полной могучею властью.
 Эта капля фабричнаго, ночью, въ ятель,

Простынею оуутаетъ свѣжной
 И уложить въ сугробъ, какъ ребенка въ постель,
 Усыпивъ его съ ласкою пѣжной.
 Чѣкъ, да чѣкъ! Ходить ивкаликъ со звономъ кругомъ
 И поить бѣдный людъ не устанеть,
 Кровь остывшую грѣетъ своимъ огонькомъ
 И разсудокъ волшебнo туманить.

V.

Завываетъ вьюга ночи,
 Какъ медвѣдь реветъ влоотьмахъ;
 Лыдый кней колеть очи;
 Нѣтъ ни искорки въ домахъ.
 Надъ свободной сонъ витаетъ,
 Все затихнуло давно;
 Лишь вдали во мглѣ сияетъ
 Въ кабачкѣ одно окно.
 Тамъ сидитъ еще гуляна,
 Головой прижавъ къ столу;
 Вьюга сыплетъ изъ прака
 Бѣлымъ снѣгомъ по стеклу,
 Угрожая, въ окна хлещетъ,
 Воетъ вѣдьмою въ печи;
 Слѣзозъ яггарь огонь трепещетъ
 Оплывающей свѣчи.
 А у шьянаго гуляки
 Все слилось въ мясной бредъ;
 Вѣтра свистъ и вой собаки,
 И свѣчи дрожащій свѣтъ.
 Въ завываньи вьюги злобной
 Чертенять онъ слышитъ вой,
 Возникаетъ мiръ загробный
 Передъ нимъ во тьмѣ ночной;
 За окномъ, дрожа, мелькаетъ
 Бѣлый саванъ мертвеца,
 И душой овладѣваетъ
 Смутный ужасъ безъ конца.
 А кабатчикъ мирно дремлетъ
 Подъ лѣнивый стукъ часовъ,

Сладко грезить и не внемлетъ
 Вою страшному бѣсовъ.
 Мятель завываетъ сильнѣй и сильнѣй,
 И пьяному снится въ бреду,
 Что то не кабатчикъ, а водочный змѣй,
 Страшнѣе чудовищъ въ аду....
 Зеленый, весь пламенемъ адскимъ объять,
 Съ огромной бутылью вина....
 Царапая стекла, толпы бѣсенятъ
 Тѣснятъ къ нему изъ окна.
 И пьяному, грозно сверкнувъ, онъ сказалъ
 Развернутой пастью своей:
 «Несчастный! ужель ты меня не узналъ?
 «Ты рабъ мой—я водочный змѣй!
 «Я идолъ могучій, живущій въ винѣ,
 «Сильнѣе всѣхъ бѣсовъ стопрять;
 «А часто въ бутылки сокрыты на днѣ
 «Незримыя двери во адъ....
 «Твой часъ уже пробилъ, иди же за мной!...»
 Открылася дверь кабака,
 И въ царство крошечное вьюги ночной
 Кабатчикъ толкнулъ бѣдняка.
 А пьяному мнилось: ватаги чертей
 И въ саванахъ тьмы мертвецовъ
 Завыли надъ нимъ въ дикой пляскѣ своей,
 И палъ онъ безъ чувствъ и безъ словъ.
 А вьюга, бушуя вдоль снѣжныхъ полянъ,
 Съ рыданіемъ дикимъ своимъ
 Изъ рыхлаго снѣга могильный курганъ
 Насыпала къ утру надъ нимъ....

Л. Пальмовъ.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

Боярская дума древней Руси.

Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связѣ съ исторіей общества.

Г Л А В А IV.

Волостные города возникли изъ обстоятельствъ, которыми сопровождалась славянская колонизация бассейновъ Днѣпра, Двина и Ильменя въ VII и VIII в.

Думные «старцы городскіе» X в. привели насъ къ вопросу, въ рѣшеніи котораго скрывается самый коренной фактъ, бывший источникомъ извѣстныхъ начальныхъ явленій нашей исторіи,— къ вопросу о томъ, изъ какихъ элементовъ и при какихъ обстоятельствахъ образовались эти волостные міры съ ихъ руководителями—городами, положившими первое основаніе тому общественному порядку, какой съ нѣкоторой ясностью начинаетъ обозначаться въ дѣтописи со второй половины IX в.

Вопросъ этотъ не значить, конечно, что прежде чѣмъ сложиться въ общество, которое съ указанной поры становится доступно наблюденію, восточное славянство не имѣло никакого общезитія. Но пережитые имъ прежде общественные порядки разрушились, такъ что лишь по аналогіи и неяснымъ намегамъ можно заключать, что это были, должно полагать, тѣ же состоянія или подобныя тѣмъ, какія намъ извѣстны изъ ранней исторіи другихъ народовъ. Обломки, уцѣлѣвшіе послѣ разрушенія, не даютъ возможности не только возстановить мысленно все зданіе, но и разобрать, когда и гдѣ это зданіе существовало; они менѣе даютъ изслѣдователю, чѣмъ едва замѣтныя черты нашихъ старинныхъ городищъ, о которыхъ еще спорятъ, были ли это мѣста языческаго богослуженія нашихъ предковъ или загоны для ихъ домашняго скота.

И такъ, если исторія народа должна начинаться изображеніемъ дѣйствительнаго его состоянія въ извѣстное время съ указаніемъ историческаго происхожденія этого состоянія, а не діалектической импровизаціей на ту или другую бытовую тему безъ времени и мѣста, съ одними общими мѣстами вмѣсто фактовъ, то надобно признать, что первой общественной формой у восточныхъ Славянъ, историческое изображение и объясненіе которой при настоящихъ научныхъ средствахъ можно предпринять съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, была та, которая обозначается въ разсказѣ нашей лѣтописи о событіяхъ въ Русской землѣ съ половины IX в. Выше были уже отмѣчены признаки, указывающіе на то, что эта форма, большой городъ съ волостью по большому рѣчному пути, была тогда явленіемъ еще недавняго происхожденія. Какъ она завязалась и откуда шли нити, ея завязавшія?

Отвѣта на этотъ вопросъ надобно искать въ туземныхъ преданіяхъ нашей начальной лѣтописи о временахъ, предшествовавшихъ призванію князей. Такихъ преданій немного; изъ числа ихъ надобно еще изъять сказаніе объ апостолѣ Андрѣѣ: не современники же Олега, клявшіеся Грекамъ «оружіемъ своимъ и Перуномъ, богомъ своимъ», могли быть передатчиками этого преданія отъ предковъ къ потомкамъ. Попытаемся уловить въ этихъ обломкахъ южно-русской бычины нить, основную мысль, нѣкогда связывавшую ихъ въ одно для насъ уже разрушенное цѣлое. Но предпринимая это изысканіе, необходимо сдѣлать двойную оговорку. Ничего цѣльнаго и рѣшительнаго, ничего кромѣ попытки связать исторически древнѣйшія преданія лѣтописи съ явленіями послѣдующаго болѣе извѣстнаго времени не можемъ мы обѣщать читателю. Съ другой стороны, объясняя эти преданія, необходимо держаться по возможности простѣйшаго, буквальнаго смысла разсказа записавшей ихъ лѣтописи, всего болѣе избѣгая толкованія по *духу*, видя въ нихъ не иносказанія, символы, а простые, хотя и неясные отголоски дѣйствительныхъ событій, и только сопоставляя ихъ съ тѣмъ, что извѣстно о тѣхъ далекихъ временахъ помимо нашей лѣтописи: лишь при такомъ обращеніи съ послѣдней можно добиться чего-нибудь надежнаго отъ ея преданій, не превращая ея самой въ послушный инструментъ, на которомъ можно развивать какіе угодно историческіе мотивы. Если въ ея древнѣйшихъ сказаніяхъ не найдемъ никакой основной нити, общей мысли, или если найденная общая мысль станетъ въ непримиримое противорѣчіе съ надежными показаніями, идущими

со стороны, тогда надобно будет остановиться на одномъ изъ двухъ заключеній: или мы не обладаемъ достаточными средствами, чтобы разобрать истинный смыслъ всего этого цикла лѣтописныхъ сагъ, или эти саги—праздная сказка, которую можно бросить безъ сожалѣнія, а не отголоски былевой пѣсни народа.

Въ самомъ раннемъ своемъ воспоминаніи киевлянинъ-днѣпровецъ уже является колонистомъ, не успѣвшимъ еще забыть, откуда онъ пришелъ въ этотъ край. Русскіе Славяне XI в. не помнили, когда и какъ ихъ предки на пути изъ Азіи перешли впервые рѣки Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ и остановились на Дунаѣ, который они вмѣстѣ съ тремя другими рѣками называли именами одного корня. Можно только отиѣтитъ одну черту въ исторической номенклатурѣ этихъ рѣкъ: когда древніе Греки узнали ихъ, только самая дальняя изъ нихъ къ востоку стала имъ извѣстна подъ названіемъ этимологически сходнымъ съ славянскимъ ея именемъ (Донъ-Танаисъ); остальные три были у нихъ извѣстны подъ именами, какими не звались онѣ на Руси (Днѣпръ—Борисоень, Днѣстръ—Тюрасъ, Дунай—Истръ). Но если днѣпровскіе Славяне не помнили своего пути черезъ Днѣпръ на Дунай, то среди нихъ жила еще память о томъ, что они пришли на Днѣпръ съ Дуная, пятясь назадъ передъ напоромъ враговъ. Этотъ Дунай, какъ извѣстно, долго и упорно жилъ въ нашихъ народныхъ воспоминаніяхъ. По лѣтописному сказанію, Днѣпровье заселено Славянами прямо съ Дуная, безъ промежуточной остановки, и продолжало какія-то непосредственныя сношенія съ нимъ, непохожія на позднѣйшія торговыя и военныя плаванія киевской Руси: лѣтописный основатель киевскаго поселенія за чѣмъ-то ходилъ въ Византію черезъ Дунай и даже пытался основаться на этой рѣкѣ, построивъ здѣсь городокъ, какъ будто на покинутомъ нѣкогда его соплеменниками огнищѣ. Можетъ быть, поздній отголосокъ этого смутнаго воспоминанія звучитъ въ угрозѣ, съ какой киевляне въ 1069 г. обратились къ князьямъ Святославу и Всеволоду Ярославичамъ, зажечь свой городъ и уйти въ Греческую землю, если братья не защитятъ ихъ отъ шедшаго на городъ съ Ляхами князя Изяслава. Однако, какъ бы мы ни старались придвинуть это переселеніе съ Дуная на Днѣпръ отъ начала нашей эры ближе къ IX в., останется многовѣковой промежутокъ, который мѣстное киевское преданіе не знало чѣмъ наполнить. Цѣлый рядъ народныхъ потоковъ прошелъ по южно-русскимъ степямъ мимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ потомъ становятся извѣстны Поляне съ

своимъ Кіевомъ: прошли Готы, Гунны, наконецъ Авары, оставившая въ области Днѣпра для завоеваній и опустошеній, вовлекая въ свое движеніе иногда широкой кругъ окрестнаго населенія, — и всѣ эти важныя и громкія событія не оставили слѣда въ памяти мѣстности, которой они касались такъ близко, ближе чѣмъ кого-либо. Правда, одинъ звукъ какъ-то долетѣлъ до лѣтописца изъ этихъ отдаленныхъ временъ; но удивительно, что этотъ единственный звукъ, сохраненный лѣтописцемъ по преимуществу полянскимъ, говорилъ не о Полянахъ, а объ отдаленномъ, унраинскомъ племени, играющемъ неважную роль въ дальнѣйшихъ событіяхъ кіевской Руси: это — преданіе о томъ, какъ Авары покорили и мучили Дулѣбовъ-Бужанъ. Что было съ самими Полянами, то не только прошло, повидимому, безъ слѣда, даже былью не поросло, не оставило ни одного звука въ былевой пѣснѣ. Встрѣчаемъ подобный, какъ бы сказать, капризъ народной памяти въ дальнѣйшей исторіи народныхъ историческихъ воспоминаній. Сѣверная московская Русь XVI и XVII в. хранила богатый запасъ поэтическихъ сказаній о старой кіевской Руси X—XII в., о ея князьяхъ и богатыряхъ, о ея борьбѣ съ врагами; но, что было съ нею самой въ тѣ же вѣка и ближайшее слѣдовавшее за ними время, что дѣлалось среди нея въ XII и XIII в., объ этомъ ничего или почти ничего не помнить сохранившаяся былина.

— Съ помощію одного этого сходства трудно было бы прочитать что-либо ясное между строками лѣтописнаго разсказа, если бы его пробѣлы не пополнялись двумя указаніями, являющимися съ разныхъ сторонъ, независимо одно отъ другаго. Одно изъ нихъ находимъ въ той же лѣтописи, въ дальнѣйшемъ теченіи древнѣйшей кіевской саги. По прямому смыслу послѣдней, Поляне прозвались этимъ именемъ съ самаго поселенія своего на Днѣпрѣ въ отличіе отъ лѣсныхъ сосѣдей своихъ, которые, по характеру занятой ими мѣстности, стали зваться Древлянами: лѣтопись, какъ будто, хочетъ сказать, что таково же происхожденіе и имени Полянъ, что они стали зваться такъ потому, что поселились на открытыхъ поляхъ. Однако мѣста, гдѣ потомъ является главный городъ племени — Кіевъ, были окружены дремучими лѣсами и братья-основатели поселка занимались звѣроловствомъ. Такимъ образомъ, поселенцы, занявшіе эту мѣстность, «нарицались Полянами», не смотря на свой вовсе не полянскій промыселъ и на такой же характеръ мѣстожителства, не смотря на то, что около городка этихъ звѣролововъ «быше лѣсъ и боръ

великъ». И въ дальнѣйшемъ моментѣ кievское преданіе остается вѣрно этому предетавленію, какъ будто не замѣчая противорѣчiя, лежащаго въ его основаніи: Хозары, зашедши въ этотъ край, нашли Полянъ сидящими на горахъ «въ лѣсѣхъ». Кievское преданіе XI в. противопоставало Полянъ Древлянамъ по различію странъ, занятыхъ обоими племенами и давшихъ имъ различныя названія; но оно же помило время, когда именно страна Полянъ характеромъ своимъ не оправдывала ихъ имени, имѣла еще древлянскій видъ, впослѣдствіи ею утраченный, не успѣла различиться и обнажить, и такъ было еще лѣтъ 200 спустя послѣ аварскаго нашествія на Дульбовъ. Въ такой обмолвкѣ кievскаго преданія или его толкователя лѣтописца можно видѣть двойной намекъ: съ одной стороны, имя Полянъ едва ли возникло на Днѣпрѣ, а не принесено сюда изъ инаго края, съ другой—полянскіе поселки на Дрѣпрѣ не относятся къ древнѣйшему слою славянскихъ поселеній, образовавшемуся вслѣдствіе передвиженія Славянъ въ предѣлы Россіи съ Дуная. Такъ, рядомъ съ идущимъ изъ VI в. одинокимъ воспоминаніемъ Полянъ о другомъ племени и полной забывчивостью о своей собственной судьбѣ въ ту далекую пору, открываются въ мѣстномъ преданіи еще признаки того, что самое поселеніе Полянъ на Днѣпрѣ произошло сравнительно недавно, позже аварскаго нашествія на восточныхъ Славянъ. Всего этого недостаточно, чтобы поддержать догадку, что на пути съ Дуная къ Днѣпру у нашихъ Славянъ была гдѣ-то продолжительная остановка и что на днѣпровскомъ новосельѣ пѣлись старыя дунайскія и бужанскія былины, принесенныя съ этого ближайшаго къ Дунаю славянскаго этапа, какъ потомъ въ суздальскомъ Заочьѣ и Заволжьѣ пѣлись старыя кievскія пѣсни, принесенныя съ Днѣпра. Но здѣсь на встрѣчу темнымъ преданіямъ нашей лѣтописи идетъ указаніе съ чужой стороны.

Арабъ Масуди, не мастеръ выдумывать, но охотникъ собирать и безъ разбора валить въ кучу разновременныя и разнохарактерныя извѣстія о народахъ, въ своей компиляціи «Золотыхъ Лугахъ», составленной слншкомъ за сто лѣтъ до древняго кievскаго лѣтописца, въ 40-хъ годахъ X в., пишетъ (по переводу г. Гаркави), что изъ различныхъ славянскихъ племенъ «одно имѣло прежде въ древности власть (надъ ними), его царя называли Маджакъ, а само племя называлось Валлиана; этому племени въ древности подчинялись всѣ прочія славянскія племена, ибо (верховная) власть была у него и прочіе цари ему повино-

вались». Нѣсколько ниже, повторивъ это извѣстіе о царѣ Валинаны, которому въ прежнее время новиновались прочіе цари славянскихъ племенъ, Масуди продолжаетъ о Валинанѣ, что это «племя есть одно изъ коренныхъ племенъ славянскихъ, оно почитается между ихъ племенами и имѣло превосходство между ними; впослѣдствіи же пошли раздоры между ихъ племенами, порядокъ ихъ былъ нарушенъ, они раздѣлились на отдѣльныя колѣна (или по другому чтенію: пришли въ упадокъ) и каждое племя избрало себѣ царя». Это показаніе, передъ которымъ столько разъ съ недоумѣніемъ останавливались изслѣдователи, помѣщено у Масуди рядомъ съ столь же темными извѣстіями о другихъ славянскихъ племенахъ и ихъ царяхъ. Разборъ испорченныхъ именъ тѣхъ и другихъ приводитъ къ догадкѣ, что арабскій географъ говоритъ здѣсь преимущественно о восточныхъ Славянахъ, сосредоточенныхъ нѣкогда на склонахъ Карпатъ *).

Въ этомъ извѣстіи, при всей его неясности, есть признаки, возбуждающіе къ нему довѣріе. Прежде всего самое имя племени выговорилось у араба какъ-то особенно легко, не подвергшись искаженію, какое испытали имена другихъ племенъ въ томъ же сказаніи. Валинана Масуди—*Волыняне* или *Волюняне* нашей лѣтописи, а по Бугу (западному), гдѣ потомъ извѣстны становятся этой лѣтописи Волюняне, прежде жили, по ея же замѣчанію, Дулѣбы или Бужане. Такъ становится нѣсколько понятно, почему изъ времени аварскаго нашествія на восточныя славянскія племена уцѣлѣло извѣстіе о судьбѣ однихъ Дулѣбовъ и уцѣлѣло въ преданіяхъ совсѣмъ другаго племени: это случилось потому же, почему впослѣдствіи племена, зависѣвшія отъ кievской Руси, стали зваться Русью. Не только начало, но и конецъ извѣстія Масуди сходятся съ разными моментами лѣтописной саги, какъ сходятся клочки разорваннаго листа бумаги: Масуди оканчиваетъ свое сказаніе о Славянахъ извѣстіемъ, что когда пало господство Валинаны, славянскія племена раздѣлились и каждое изъ нихъ избрало себѣ особаго царя; напгъ лѣтописецъ начинаетъ свою повѣсть о Русской землѣ разселеніемъ славянскихъ племенъ по восточной Европѣ и изображеніемъ ихъ политическаго раздѣленія, извѣстіемъ, что у каждаго изъ нихъ было «свое княженіе».

*) См. примѣчаніе въ концѣ этой главы.

Три важные факта выступают въ неясныхъ очертахъ изъ сопоставленія извѣстій арабскаго географа X в. съ преданіями кievской лѣтописи XI в.: 1) промежуточной стоянкой восточныхъ Славянъ по выселеніи ихъ съ Дуная былъ край по склонамъ Карпатъ, откуда расходятся въ разныя стороны Днѣстръ, оба Буга и ближайшіе къ нимъ южныя притоки Припяти, и скучившись здѣсь, Славяне составляли нѣкогда большой политическій союзъ племенъ подъ руководствомъ одного изъ нихъ, Дулѣбовъ нашей лѣтописи, Волинцянъ Масуди; 2) изъ этой страны прикарпатскаго водораздѣла Славяне разошлись по тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ помнитъ ихъ нашъ лѣтописецъ; 3) это расселеніе сопровождалось тѣмъ политическимъ ихъ раздробленіемъ, въ которомъ застаетъ ихъ лѣтописное преданіе.

Доказывая первый изъ этихъ фактовъ, должно припомнить, что VI вѣкъ въ исторіи восточной Европы былъ временемъ усиленнаго натиска Славянъ изъ-за Дуная на Византійскую имперію. Со второй четверти этого вѣка до второй четверти слѣдующаго ихъ нападенія, по рассказамъ византійцевъ, идутъ почти непрерывнымъ рядомъ; современникъ имп. Юстиніана I-го Проконій замѣчаетъ, что съ его воцаренія (въ 527 г.) ни одного года не прошло безъ того, чтобы Славяне и соплеменники ихъ Анты съ Гуннами—Болгарами, какъ думаютъ,—не напали на разныя провинціи имперіи. Въ исторіи этихъ набѣговъ ближайшее отношеніе къ разясняемому нами факту имѣютъ два вопроса: о томъ, изъ какаго края идетъ это славянское движеніе, и о томъ, въ какіе союзы складываются толпы нападающихъ. Изъ указаній Проконія можно заключить, что край этотъ—древняя Дакия, пространство къ сѣверу отъ Дуная между Тиссой и Днѣстромъ. Въ этихъ предѣлахъ славянскій потокъ направляется противъ имперіи двумя главными струями: съ днѣстровскаго сѣверо-востока тѣснятся къ низовьямъ Дуная Анты, прямые предки извѣстныхъ нашей лѣтописи Уличей и Тиверцевъ, обитателей Черноморскаго побережья между Бугомъ и Дунаемъ; прямо съ сѣвера идутъ племена, которыя византійцы называютъ Славянами въ тѣсномъ смыслѣ слова. Всего выразительнѣе опредѣленъ характеръ страны этихъ Славянъ двумя чертами, отличенными въ приписываемомъ импер. Маврикію (582—602) сочиненіи: Славяне особенно хорошо умѣли сражаться въ горахъ и лѣсахъ; рѣки, по которымъ они жили, впадаютъ въ Дунай. Значитъ, славянскія племенища, въ продолженіе столѣтія перебивавшія-

ся на правый берег Дуная, чтобы опустошать имперію, формировались на лѣсистыхъ Карпатахъ съ ихъ склонами на востокъ, югъ и западъ. Столь продолжительное наступательное движеніе не могло остаться безъ сильнаго дѣйствія на общественный бытъ Славянъ. Византіицы VI в. говорятъ о недостаткѣ единенія между Славянами, о господствовавшемъ среди нихъ многовластіи, о многочисленныхъ царькахъ и филархахъ, племенныхъ князьяхъ и родовыхъ старшинахъ, между которыми были раздѣлены Славяне, о происходившихъ отсюда взаимныхъ раздорахъ, о неумѣннѣ въ чемъ-либо согласиться между собою. Маврикію общественный бытъ Славянъ представлялся постоянной анархіей и усобицей (*ἀναρχία καὶ ἀτακία ἔδνη, μισᾶλληλα*). Но самый успѣхъ, которымъ сопровождалась большею частію ихъ набѣги на Византію, показываетъ, что они умѣли выходить изъ этого разьединенія и соединяться для общихъ предпріятій въ большія и достаточно плотныя массы. По византіискимъ извѣстіямъ, эти союзы иногда достигали огромныхъ размѣровъ: разъ въ 578 г. Славяне вторгнулись во Фракію и другія области имперіи въ числѣ ста тысячъ человѣкъ. Первая осада Солуня въ концѣ VI в. предпринята была Славянами въ числѣ 5 тыс. человѣкъ; но то были, по выраженію мѣстнаго сказанія о св. Димитріи Солунскомъ, «люди отборные и опытные въ военномъ дѣлѣ, избранный цвѣтъ всего славянскаго народа.» Ополченія, уходившія съ своихъ горъ за Дунай иногда на много лѣтъ и хозяйничавшія тамъ, какъ дома, не прерывали связей съ родиной, и императоры иногда направляли свои силы за Дунай, чтобы выжить изъ имперіи эти полчища, заставивъ ихъ спѣшить на помощь соотечественникамъ. Проконій, говоря объ отсутствіи единой власти у Славянъ, прибавляетъ, что у нихъ всякое дѣло всегда ведется сообща; а жившій въ Константинополѣ во второй половинѣ VI вѣка Іоаннъ Эфесскій признается, что лучше самихъ Римлянъ научились они воевать. Все это заставляетъ предполагать у нихъ довольно развитую организацію, военную и общественную. Однако не слѣдуетъ забывать, что то были военно-походные союзы. Византіицы называютъ рядъ славянскихъ князей VI в., становившихся во главѣ значительныхъ боевыхъ массъ и соединявшихъ подъ своею властью многихъ племенныхъ или родовыхъ старѣйшинъ; таковы были: Андрагастъ, Давритъ, Мусокій, который въ 593 г. попался въ плѣнъ къ византіицамъ вмѣстѣ со многими старѣйшинами. Но то были мѣстные вожди. Ни изъ

чего не видно, чтобы въ то время все карпатское славянство соединялось подъ одною властію. Притомъ и мѣстные военные союзы, вызывавшіеся обстоятельствами, не устраняли прежнихъ формъ быта: при вождяхъ всюду являются старѣйшины управляемаго ими народа; Славяне остаются раздѣленными на «многія племена и многочисленные роды», которые еще засталъ у нихъ въ X в. арабъ Масуди. Подъ вліяніемъ этихъ старыхъ крѣпкихъ формъ быта новые союзы постоянно готовы были распасться на составные элементы, какъ скоро переставали сдерживаться создававшими ихъ обстоятельствами, общимъ предпріятіемъ или общей опасностью.

Всѣ эти черты славянскаго движенія съ Карпатъ на имперію въ VI в. имѣютъ очень близкое отношеніе къ союзу восточныхъ Славянъ, какой, по темнымъ преданіямъ арабскаго географа и нашего летописца, существовалъ въногда на сѣверо-восточныхъ склонахъ и предгорьяхъ этого горнаго хребта. Союзъ этотъ не былъ одиночнымъ явленіемъ и, вѣроятно, имѣлъ одипановое происхожденіе съ другими славянскими союзами, возникавшими здѣсь въ то время. Есть указанія на соприкосновеніе бужско-днѣстровскаго славянства съ другими карпатскими Славянами, на участіе первыхъ въ общей жизни съ послѣдними. Во второй половинѣ VI в. въ сосѣдствѣ Славянъ въ Палкионіи появились Авары. Нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія возстаютъ противъ мысли о завоеваніи этими пришельцами всѣхъ Славянъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ нижняго Дуная *). Но заслуживаютъ вниманія слова аварскаго кагана, который, требуя у византійцевъ подарковъ, говорилъ, что если онъ удалится, ничего не получивъ, то посрамить себя въ глазахъ народовъ, которые по союзу за нимъ слѣдуютъ. Новые пришельцы съ востока, подобно своимъ предшественникамъ, оружіемъ прокладывая себѣ дорогу, увлекали за собою встрѣчные народы къ предѣламъ имперіи и потомъ съ ними нападали на ея провинціи. Враждебныя столкновенія и общія предпріятія тѣсно связали Славянъ съ Аварами, такъ что византійцы не всегда различали эти племена; движете, вызывавшее среди славянства военные союзы, должно было получить отъ этого новую пищу. На пути въ Карпатамъ, Авары долго воевали съ Антами. Еще Шафарикъ высказалъ мнѣніе, поддерживаемое и новѣйшими изслѣдователями **), что Авары

*) Г. Дринова, Засел. Балканск. полуостр. Славянами, стр. 102—106.

**) М. Соколова, Изъ древн. ист. Болгаръ, стр. 47.

проникал на Тиссу чрезъ верховья Днѣстра и ущелья Карпаты. Значить, аварская орда проходила страну машихъ Дульбовъ. Въ византійскихъ разсказахъ о Славянахъ встрѣчаемъ брошенное мимоходомъ указаніе на то, что уже къ концу VI в. отношенія къ Аварамъ сдѣлались у прикарпатскихъ Славянъ предметомъ особаго цикла поэтическихъ сказаній. Въ 593 г., когда Маврикіевъ воевода Прискъ, воюя за Дунаемъ, пошелъ на землю князя Мусокія, Греки ночью перебили славянской отрядъ, который послѣ попойки спалъ глубокимъ сномъ, убаюванный аварскими пѣснями *). Можетъ быть, отголосокъ этихъ пѣсенъ, ходившихъ нѣкогда по Карпатамъ и потомъ зашедшихъ съ Днѣстра или Буга на Днѣпръ, попалъ въ нашу лѣтопись въ видѣ сказанія объ Обрахъ, не утратившаго и въ лѣтописной передачѣ признаковъ былинны. Содержаніе и широкое распространеніе этихъ сказаній становится еще болѣе понятнымъ при чтеніи византійскихъ повѣствованій о томъ, какъ Авары увлекали восточныя вѣтви славянства даже въ морскіе походы на Византію, возобновленіе которыхъ кievской Русью Олега и Игоря породило такой богатый кругъ новыхъ пѣсенъ. Такъ, въ аварскомъ нападеніи на Константинополь, въ 626 г., участвовали съ несмѣтнымъ числомъ воиновъ на многочисленныхъ ододеревкахъ и князя Славянъ, которыхъ одинъ византіецъ (Манассій) называетъ «жестокосердыми Тавроскинами», — именемъ, которымъ византіицы X—XII в. обыкновенно обозначали днѣпровскую, кievскую Русь; въ извѣстіи Манасія, при сличеніи его съ описаніями того же событія у другихъ византіицевъ, можно разумѣть подъ Тавроскинами только Славянъ сѣвернаго Черноморья, бужско-днѣстровскихъ Уличей и Тиверцевъ. Участіе обитателей сѣверо-восточныхъ склоновъ Карпаты въ движеніяхъ карпатскаго славянства за Дунай еще нагляднѣе обозначается въ извѣстіи Константина Багрянороднаго о выселеніи Сербовъ и Хорватовъ въ Далмацію. Шафарикъ и другіе относятся съ довѣріемъ къ этому разсказу, г. Дриновъ отвергаетъ его подробности; но всѣ признаютъ скрытый въ немъ фактъ, что въ VII в. выселилось за Дунай нѣсколько хорватскихъ и сербскихъ родовъ или дружинъ. Переселеніе ихъ было лишь продолженіемъ давно начавшихся перекочевовъ карпатскихъ Славянъ въ области имперіи. Но эти новые переселенцы были

*) *Θεοφ. Σιμοκاتا*, VI, 9: τῶν βαρβάρων προσμιλούντων τῷ ἕκπρω δι' Αβαρικῶν ἀσμάτων.

географически близки къ нашимъ древнимъ Дулябамъ. Хорваты, оставшіеся на прежнихъ мѣстахъ, являются потомъ сосѣдями этого племени, обитателями Черемышльской области; о Серблахъ, переселившихся въ Далмацію, Константинъ пишетъ, что они происходили отъ Бѣлыхъ Сербовъ, жившихъ въ его время по ту сторону Мадырской земли, въ странѣ, называемой у туземцевъ «Бойки», смежной съ Бѣлой Хорватіей; а Бойками и доселѣ называются въ карпатской Руси Подгоряне верхняго Днѣстра (въ Стрыйскомъ и Самборскомъ уѣздахъ). И нашъ лѣтописецъ въ перечнѣ славянскихъ племенъ ставитъ эти племена рядомъ: «Хорвате Бѣли и Серебъ». По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, южные Хорваты, потомки переселенцевъ, еще въ его время поддерживали сношенія съ своими прикарпатскими соплеменниками. Присутствіе Сербовъ и Хорватовъ съ одной стороны на верхнемъ Днѣстрѣ и Санѣ, съ другой на югъ отъ Дуная и Савы объясняетъ извѣстное явленіе въ исторической географіи славянства—географическое кочеванье племенныхъ и мѣстныхъ названій. Имя нашихъ Дреговичей повторяется въ племенной номенклатурѣ македонскихъ Славянъ VII вѣка: однихъ Дреговичей указываютъ близъ Солуня, другихъ въ западной части Родопскаго края; въ Родопскихъ же горахъ жили Смоляне. Въ Малой Скиѣи (Добруджѣ) встрѣчаемъ въ VII в. племя Сѣверовъ, соотвѣтствовавшее вѣроятно своимъ именемъ нашимъ Сѣверянамъ. Къ числу полабенихъ Славянъ принадлежали Древане и Смоляне или Смоляницы. Въ Чехіи были извѣстны Хорваты, потомки родовъ, выселившихся нѣкогда въ эту страну изъ прикарпатскаго края, тогда какъ другіе ихъ соплеменники пошли на югъ за Дунай. Въ такомъ географическомъ разсѣяніи одинаковыхъ названій рядомъ съ другими причинами дѣйствовалъ и всегдашній обычай колонистовъ возстановлять на новыхъ мѣстахъ привычныя мѣстныя названія, принесенныя съ покинутой родины.

Важныя для нашей исторіи извѣстія VI в. объясняются изложенными явленіями. Жилища Славянъ этого времени точнѣ другихъ писателей обозначаютъ Прокоцій и Юрнадъ. По словамъ перваго, Славяне собственно жили на сѣверѣ отъ Дуная и на западъ отъ Днѣстра; Антовъ онъ неопредѣленно помѣщаетъ гдѣ-то на сѣверѣ отъ Чернаго и Авонскаго морей. Лучше знаетъ ихъ жилища Юрнадъ, самъ уроженецъ нижнедунайскаго края, варваръ изъ нижней Мизіи: по его словамъ, Анты простираются отъ Днѣстра до Днѣпра по той сторонѣ, «гдѣ Черное море дѣ-

лаеть изгибъ» (qua Ponticum mare curvatur), границу же Славянъ на востокъ онъ владеть по Днѣстру, на сѣверѣ по Вислѣ (верхней). Значитъ, восточная славянская граница шла ломаной линіей съ сѣверо-запада на юго-востокъ, отъ Вислы по верхнему и среднему Днѣстру и съ нижняго Днѣстра поворачивала на нижній Днѣпръ; на югъ, по черноморскому побережью славянскія жилища (Антовъ) простирались къ востоку дальше чѣмъ на вислянскомъ и верхнеднѣстровскомъ сѣверѣ (у собственныхъ Славянъ). Кто жилъ дальше на востокъ за верхнимъ и среднимъ Днѣстромъ, Иорнандъ не знаетъ. Ни онъ, ни Прокошій не указываютъ прямо присутствія Славянъ на верхнемъ и среднемъ Днѣпрѣ; Иорнандъ упоминаетъ только о мужьяхъ Амазонокъ, обитавшихъ между Днѣпромъ и Дономъ около Азовскаго моря, а въ среднѣ вѣка многомъ объ Амазонкахъ населяли страны, о населеніи которыхъ ничего не знали. *) Тамошній край представлялся Иорнанду обширнѣйшей страной, покрытой лѣсами и непроходимыми болотами (terra vastissima, silvis consita, paludibus dubia). Повидимому, греко-римскіе писатели въ VI в. не знали Славянъ прямо на востокъ отъ Днѣстра за прикарпатскими Хорватами и Сербями. Пять сотъ лѣтъ спустя кіевскій лѣтописецъ вспоминалъ, что славянскія племена, расселившіяся по обѣимъ сторонамъ средняго Днѣпра и далѣе къ сѣверу, Древляне, Поляне и проч., пошли отъ этихъ Хорватовъ Бѣлыхъ и Сербовъ (съ Хорутанами), о которыхъ онъ, сказавъ о западныхъ Славянахъ, Ляхахъ-Полянахъ, Лутичахъ и другихъ, продолжаетъ: «такъ же и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзи Древляне» и т. д. Но Уличей и Тиверцевъ, жившихъ тамъ, гдѣ обитали Анты Иорнанда, нашъ лѣтописецъ не вводитъ въ это расселеніе и не знаетъ, какъ и откуда они появились на своихъ мѣстахъ. Такъ извѣстія мноземцевъ VI в. встрѣчаются съ преданіями нашей лѣтописи XI в. Здѣсь послѣдняя дѣлаетъ вторичную обмолвку: она начала повѣсть о Русской землѣ сказаніемъ о переселеніи нашихъ Славянъ на Днѣпръ прямо съ Дуная, а вывела ихъ отъ Хорватовъ и Сербовъ. Обмолвка или неясность произошла отъ того, что лѣтописное преданіе забыло или не обозначило прямо прикарпатской страны, изъ которой расселились на востокъ эти Хорваты и Сербы и которая была промежуточной стаянкой восточнаго славянства между Дунаемъ и

*) О связи этой саги съ нѣмецкими названіями Кіевской Руси *Chungard* и т. п. см. соображенія г. Кувика въ *Извѣст. А. М. Бекри* I, 81 и сл.

Днѣпромъ. Повидимому, въ Кіевѣ XI в. уже плохо различали эти два момента переселенія—движеніе на Карпаты съ Дуная и движеніе съ Карпатъ къ Днѣпру. Теперь съ нѣкоторой вѣроятностью можно объяснить, почему Поляне на Днѣпрѣ носили имя, не соотвѣтствовавшее характеру ихъ края: это имя, какъ и имя сосѣдей ихъ Древлянъ, не возникло на новомъ мѣстѣ жительства, а принесено изъ стараго. (Доселѣ безлѣсное карпатское предгорье на сѣверъ отъ Подолии называется Опольемъ, жители его Опольянами или Поляннами, какъ жители сосѣдней лѣсистой равнины по верховьямъ Буга и Стиря зовутся Полѣсьюками (Древлянами). Эти два края уже въ XII и XIII в.в. являются въ нашей лѣтописи съ названіями «Поля» и «Лѣсовъ» *)

И такъ, въ VI в. масса восточныхъ Славянъ сосредоточивалась гораздо западнѣе чѣмъ въ IX. Она еще не успѣла отдѣлиться отъ карпатскаго, хорватско-сербскаго славянства, участвуя въ общихъ его движеніяхъ. Подъ вліяніемъ этихъ движеній и сложился руководимый, по преданію, княземъ Дулѣбовъ союзъ племенъ или колѣнъ, вѣроятно такой-же военный и непрочный, какіе являлись и у другихъ прикарпатскихъ Славянъ. Въ этотъ союзъ входили и сосѣдніе съ Дулѣбачи Хорваты и Сербь. Разселеніе восточныхъ Славянъ находилось въ связи съ разрушеніемъ этого союза; но трудно рѣшить, что здѣсь было причиной и что слѣдствіемъ. Еще въ прошломъ столѣтіи Шриттеръ высказалъ мысль, что Славяне уклонились изъ придунайской страны далѣе на сѣверъ вслѣдствіе нападеній Аваровъ и Болгарь. Можетъ быть, разселеніе нашихъ Славянъ съ карпатскихъ склоновъ, на сѣверовостокъ къ Днѣпру, какъ и передвиженіе Хорватовъ и Сербовъ на юго-западъ въ Далмацію, было вызвано нападеніями на прикарпатскую Хорватію славянскаго вождя Само, освободившаго Чеховъ и Моравовъ отъ аварскаго ига въ первой половинѣ VII в. Во всякомъ случаѣ, оба переселенія представляются слѣдствіемъ одинаковой причины. То былъ общій разбродъ прикарпатскаго славянства въ разныя стороны. Косвеннымъ указаніемъ на него служитъ то, что со второй четверти VII в. прерывается длинный рядъ византійскихъ извѣстій о задунайскихъ Славянахъ, какъ прекращаются и нашествія этихъ Славянъ на имперію; восточные Славяне куда-то исчезаютъ въ византійскихъ хроникахъ надолго, до второй половины IX в., и когда появля-

*) *Ипат.* 340 и 491 *Чт. съ Общ. Ист. и Др. Р.* 1876, кн. 2, III, 683 и сл.

ются опять, то идутъ уже не изъ-за Дуная, а съ Днѣпра, изъ Кіева.

Этотъ отливъ восточнаго славянства не былъ одновременнымъ передвиженіемъ большихъ массъ, шелъ медленно, мелкими струями. Имъ объясняются нѣкоторыя явленія, отмѣченныя нашей лѣтописью и частію указывающія на его направленіе. Въ сказаніи о приходѣ Радимичей и Витичей отъ Ляховъ, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ-родоначальниковъ этихъ племенъ, скрыто, очевидно, преданіе о двухъ эпизодахъ славянскаго переселенія изъ той же Хорватіи, страны верховьевъ Вислы, Днѣстра и обихъ Буговъ, гдѣ во время лѣтописца стали утверждаться Ляхи. Это были двѣ позднія партіи выселенцевъ, уже не нашедшія себѣ мѣста на западномъ берегу Днѣпра и потому перебравшіяся на свободныя пространства по Сожѣ и верхней Окѣ; потому лѣтописецъ и запомнилъ о нихъ больше, чѣмъ о другихъ племенахъ. Упомянутое выше сказаніе Константина Багрянороднаго о выселеніи Хорватовъ подъ предводительствомъ пяти братьевъ съ двумя сестрами передаетъ другой параллельный нашему эпизодъ того же расселенія, только болѣе ранній. Вожди, съ которыми ушли съ Карпатъ тѣ и другія колѣна, напоминаютъ тѣхъ царей, которыхъ, по словамъ Масуди, избрали себѣ подвластныя прежде Валиванѣ племена, когда раздѣлились. Князей или вождей другихъ восточныхъ племенъ успѣли забыть на Руси къ концу XI вѣка; но, судя по сказанію Масуди, ихъ еще помнили въ половинѣ X в. и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще жили ихъ потомки; по крайней мѣрѣ, Константинъ Багрянородный зналъ современныхъ ему князей у сѣверныхъ Бело-Хорватовъ. Смутное воспоминаніе о тѣхъ же князьяхъ сказалось въ замѣчаніи нашего лѣтописца, что у каждаго племени было «свое княженіе». Съ другой стороны, историческое изученіе географической номенклатуры, вѣроятно, откроетъ много слѣдовъ расселенія съ волынскаго юга на сѣверъ, подобныхъ Случу—имени, которымъ называется и рѣка, впадающая въ южный притокъ Припети Горынь, и сѣверный притокъ той же Припети.

Такъ нѣсколько разъясняется второй изъ отмѣченныхъ выше фактовъ расселеніе восточныхъ Славянъ съ карпатскаго предгорья. Еще менѣе ясенъ третій фактъ, касающійся вопроса о формѣ обществитія, какая господствовала у нихъ въ періодъ расселенія, въ VII и VIII в. Это вообще одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ нашей исторіи. Причина трудности частію въ неясно-

сти характера союзовъ, которыми прикарпатскіе Славяне въ VI в. нападали на имперію. Точкой отправления, при изученіи общественнаго быта нашихъ Славянъ передъ призваніемъ князей, обыкновенно служатъ нѣкоторыя слова лѣтописи: «живяху каждо съ своимъ родомъ» и проч. Но каковъ былъ этотъ родъ, остается неяснымъ. Повидимому, онъ уже утратилъ первобытную цѣлость и крѣпость подъ влияніемъ двухъ обстоятельствъ: до расселенія надъ нимъ уже возвышались другіе болѣе широкіе союзы, его тронувшіе, разлагавшіе, а расселеніе продолжало это разложеніе. Здѣсь вопросъ о формѣ обществитія встрѣчается съ вопросомъ о формѣ поселеній, жилыхъ мѣсть. Разбросанные славянскіе поселки и до VII в. могли выдвигаться на востокъ къ Днѣпру и на сѣверъ за Припеть; но масса населенія съ политическимъ центромъ тяжести оставалась на западномъ Бугѣ. Въ долгій періодъ перелива этой массы въ бассейнъ Днѣпра долженъ былъ выработаться основной типъ восточно-славянскаго поселка. Писатели VI в. застаютъ Славянъ придунайскихъ въ самомъ напrijежномъ движеніи: Проконій пишетъ, что Славяне и Анты живутъ въ плохихъ разбросанныхъ хижинахъ и часто переселяются, а Юрнандъ прибавляетъ нѣсколько фигурно, что у Славянъ, простирающихся до Днѣстра и Вислы, болота и лѣса служатъ вмѣсто городовъ (pro civitatibus). Природа страны и ходъ ея колонизаціи еоздавали привычку селиться «ночинкомъ на лѣсъ», одинокимъ дворомъ, жить «однодворкою», какъ говорили въ XVI в. Въ такой формѣ передвигались славянскія поселенія съ Карпатъ на Днѣпръ, съ Днѣпра на Оку, Волгу и далѣе на сѣверную Двину и за Уралъ. Многочисленныя городища, разбѣяныя по Руси, съ признаками еще языческаго времени, — слѣды этихъ однодворныхъ поселковъ. По размѣрамъ городище обыкновенно не больше того пространства, какое нужно для крестьянскаго двора; земляная черта, по которой узнается мѣсто такого городка, — остатокъ окопа, «спа», окружавшаго поселокъ для защиты скота отъ звѣрей и, можетъ быть, также съ цѣлью помѣшать нападающимъ подложить огонь подъ деревянный заборъ или плетень городка-двора. По лѣтописному преданію, самый Кіевъ возникъ изъ трехъ дворовъ, поставленныхъ братьями на соедѣнныхъ горахъ; одинъ изъ этихъ дворовъ, принадлежавшій старшему брату, повидимому, и былъ тѣмъ «градомъ», который построили братья «во имя» старѣйшаго изъ нихъ, назвавъ постройку по его имени Кіевомъ. Свойство страны и промысла

вынуждало колонистовъ къ такому порядку расселенія: каждый ставилъ дворъ ближе къ тому мѣсту, которое онъ приспособлялъ для пашни или ловли звѣря; для этого выбирались наиболѣе удобные пункты, что дѣлало необходимой разбросанность дворовъ среди лѣсовъ и болотъ. Исследование городищъ показало, что они разбросаны на разстоянн 4—8 верстъ другъ отъ друга. Такъ возникали починки и деревни и на позднѣйшемъ заволашномъ сѣверѣ. Скученные населенія стали возможны только съ умноженіемъ народонаселенія, съ расчисткой и осушкой лѣсныхъ и болотныхъ пространствъ. Такое размѣненіе колонистовъ должно было имѣть рѣшительное вліяніе на складъ родственнаго союза. Наши Славяне приносили на новыя мѣста еще живыя понятія о кровномъ родствѣ съ обильнымъ и свѣжимъ запасомъ религиозныхъ вѣрованій и обычаевъ, съ нимъ связанныхъ. Такъ можно думать по тому, сколько хранилось среди народа изъ этого запаса въ послѣдствіи. Но топографическое удаленіе членовъ рода другъ отъ друга разбивало его и въ ежедневныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Оно затрудняло практику власти родоваго старинны надъ всей родней; особыя «ловища» и селитбы, особыя пашни колебали и затрудняли имущественное общеніе между родственными дворами, помрачали понятіе объ общемъ родовомъ владѣніи. Необходимость при размноженіи семьи искать новыхъ удобныхъ мѣстъ для лова и пашни вдали отъ отческаго двора вынуждала къ семейнымъ раздѣламъ и выселеніямъ.

Такъ родовое право должно было разрушиться раньше родоваго культа и генеалогическихъ воспоминаній, раньше родоваго языка. Въ самыхъ раннихъ юридическихъ памятникахъ нашего прошлаго есть уже слѣды этого разрушенія. Уже въ Олеговомъ договорѣ съ Греками наследованіе по завѣщанію является господствующимъ среди Руси: это, какъ извѣстно, вовсе не служить признаніемъ свѣжести и крѣпости родоваго союза. Притомъ въ юридическихъ понятіяхъ древне-русскаго общества не находимъ строгаго родоваго различія между когнаціей и агнаціей. Въ упомянутомъ сейчасъ договорѣ читаемъ, что если кто изъ «работающихъ» у Грековъ, т. е. служащихъ въ Градѣ Русскихъ умретъ, не распорядившись своимъ имуществомъ, и «своихъ не имать», имущество его переходитъ къ «малымъ ближикамъ» на Русь. Изъ этого сопоставленія «своихъ» съ «малыми ближиками» видно, что подъ первыми надобно разумѣть дѣтей или вообще семью въ тѣсномъ смыслѣ, подъ вторыми боковую родню, даль-

нихъ родственниковъ. Невидимому, здѣсь описанъ тотъ же порядокъ наслѣдованія по закону, какой мы видѣли въ статьяхъ Русской Правды: при отсутствіи сыновей наслѣдовала и дочь; здѣсь только прямо указано, что боювая родня, братья, племянники, наслѣдовали лишь тогда, когда послѣ умершаго безъ завѣщанія не оставалось ни сыновей, ни дочерей, никого изъ «своихъ». Далѣе, кругъ лицъ, обязанныхъ родовой мстью, опредѣленъ въ Правдѣ нѣсколько шире въ горизонтальномъ направленіи чѣмъ въ вертикальномъ: въ первомъ отношеніи указаны двѣ родственныя степени мстителей, во первыхъ родной братъ, потомъ двоюродный (*браточадо* или *братучадо*, во множ. *братучада*—чада родныхъ братьевъ, двоюродные; *брату* двойств. число, какъ и *двоюродный*—отъ дв. ч. *двою роду*), во второмъ одна степень, одно родословное колѣно—мстить сыну за отца и наоборотъ или племяннику (*братню сынови*) за дядю. Но, между тѣмъ, какъ Правда не предвидитъ необходимости второй нисходящей степени мстителей—внуковъ за дѣдовъ, она (по академическому списку) рядомъ съ братнимъ сыномъ ставитъ мстителемъ за дядю и «сестрина сына». Въ связи съ этимъ получаетъ значеніе языкъ родства у нашихъ князей XII вѣка: здѣсь родственныя отношенія по женской линіи не только ставятся наравнѣ съ отношеніями по мужской линіи, но даже иногда какъ будто берутъ надъ ними перевѣсъ. Мстиславъ Великій и Юрій Долгорукій были родные братья; Мстиславъ Удалой былъ правнукъ перваго, Ярославъ Всеволодовичъ внукъ втораго, значить, по родословцу доводился дядей Удалому. Но Ярославъ былъ женатъ на дочери послѣдняго; племянникъ и тестъ Мстиславъ, защищая передъ Ярославомъ обижаемыхъ имъ Новгородцевъ въ 1215 г., называетъ его сыномъ, забывая въ немъ своего дядю и помня только зятя. Всеволодъ Ольговичъ черниговскій, по родословной линіи отъ Ярослава I-го доводился дядей Изяславу Мстиславичу волынскому. Всеволодъ былъ женатъ на старшей сестрѣ Изяслава, и послѣдній, формулируя такое двойное старшинство, совершенно равняетъ отношеніе зятя-мужа старшей сестры къ младшему шурину съ отношеніемъ старшаго брата къ младшему по мужскому колѣну: «Всеволода я считалъ въ правду братомъ старшимъ, потому что старшій братъ и зять мнѣ, какъ отецъ». Еще нагляднѣе открываются ходъ разрушенія родоваго союза и самая причина разрушенія, колонизація, въ рано сложившемся обычаѣ семейныхъ раздѣловъ. Изъ Русской Правды видно, что при раздѣлѣ между

дѣтьми имущества отца, умершаго безъ завѣщанія, отцовскій дворъ, во всякомъ случаѣ, («всякъ») долженъ былъ остаться за младшимъ сыномъ. Это правило могло возникнуть только изъ того, что сыновья, вырастая, обыкновенно выдѣлялись еще при жизни отца, такъ что въ минуту его смерти при немъ оставался одинъ младшій. Такое происхожденіе статьи нашей Правды подтверждается обычаемъ, сохранившимся у южныхъ Славянъ. Въ известномъ сборникѣ южно-славянскихъ юридическихъ обычаевъ г. Богишича: (I, 1) читаемъ, что на вопросъ о томъ, какъ болѣе въ обычаѣ, живутъ ли многіе женатые братья или другіе родственники вмѣстѣ, однимъ домомъ, или каждый женатый живетъ отдѣльно, — въ одномъ Винодольскомъ селѣ на хорватскомъ приморьѣ данъ былъ такой отвѣтъ: «Всякій женатый живетъ особо и самъ править своимъ домомъ и участкомъ (baštinom); гдѣ много сыновей, тамъ всѣ, исключая младшаго, возмужавъ и женившись, отдѣляются отъ отца, при которомъ остается только самый младшій». Если вѣрить замѣчанію, сдѣланному въ отвѣтъ, что такой порядокъ — явленіе недавнее, смѣнившее собою прежнюю жизнь въ задругѣ, то здѣсь мы имѣемъ довольно полное изображеніе процесса, совершившагося у насъ въ отдаленное время и отмѣченнаго только одной чертой въ Правдѣ, — процесса разрушенія родового обществитія.

И такъ, расселеніе восточныхъ Славянъ по русской равнинѣ сопровождалось юридическимъ разрушеніемъ родового союза. Здѣсь причина того, что въ нашей исторической литературѣ вопросъ о родовомъ бытѣ у русскихъ Славянъ разрѣшается такъ различно: изученіе остатковъ древнѣйшаго права склоняетъ изслѣдователей къ отрицательному рѣшенію, тогда какъ въ остаткахъ домашняго культа и въ языкѣ можно еще найти достаточно основаній для утвердительнаго отвѣта. Къ тому далекому времени слѣдуетъ, кажется, отнести два момента въ паденіи родового культа: превращеніе *Рода*, родового божества, въ *Шура*, *Дяда*, и потомъ болѣе узкое семейное опредѣленіе этого древняго Дѣда прозвищемъ *Домоваго*. Но, вѣроятно, въ судьбѣ родового союза отражалась участь, постигшая тогда и другіе болѣе крупныя союзы, создавшіяся на одинаковомъ съ нимъ основаніи, союзы племенные. Лѣтопись XI в. помнила племенные княженія, но уже забыла имена князей и изъ простыхъ поселенцевъ, поставившихъ на берегу Днѣпра три двора, изъ которыхъ выросъ потомъ полянскій городъ Кіевъ, сдѣлала начинателей рода, кня-

живнаго среди Полянъ: «но сихъ братьи держати почаша родъ ихъ князюмъ въ Поляхъ». Забвене пламенныхъ князей, вслѣдствіе давняго ихъ исчезновенія, вызвало въ одномъ древнемъ лѣтописномъ сводѣ (въ такъ называемой *Лѣтописи Переяславля Суздальскаго*) поправку: послѣ: Кня съ братьями «родъ ихъ нача княжити, а Деревляне собѣ, а Дрягвичи собѣ жити (начаша), а Словене собѣ Новгородци, а *Полочане такоже безъ князей*».

Но разрушеніе кровныхъ союзовъ, когда-то связывавшихъ нашихъ Славянъ въ прикарпатской странѣ, въ свою очередь должно было сопровождаться важнымъ историческимъ процессомъ, замѣной родства сосѣдствомъ. Этимъ процессомъ и созданъ тотъ общественный бытъ восточныхъ Славянъ, который рисуется въ извѣстіяхъ нашей лѣтописи о IX и X в. Потребуется еще не мало научныхъ усилій, чтобы возстановить всѣ моменты этого процесса; но разсматривая его послѣдствія, какъ они обнаружались въ эти вѣка, можно замѣтить, что онъ начался именно тѣмъ политическимъ раздробленіемъ, какимъ сопровождалось разселеніе восточныхъ Славянъ по русской равнинѣ, и развивался при помощи внѣшнихъ обстоятельствъ, подъ дѣйствіе которыхъ стали переселенцы на новыхъ мѣстахъ.

Ходъ дѣла представляется въ такихъ общихъ чертахъ:

Переливъ массы восточнаго славянства въ область Днѣпра былъ не только территоріальнымъ передвиженіемъ, но и важнымъ экономическимъ переворотомъ. Днѣпръ, захватывая чуть не всю западную половину европейской Руси своими далеко идущими въ обѣ стороны вѣтвями, былъ для народнаго хозяйства такой питательной артеріей, съ которой не могли равняться ни Днѣстръ, ни оба Буга: онъ вызывалъ пришлое населеніе къ болѣе оживленной хозяйственной дѣятельности и даже измѣнялъ ея направленіе, указывая ей новые пути и промыслы.

Таково было одно внѣшнее условіе новаго положенія восточныхъ Славянъ, условіе географическое. Оно нашло себѣ дружное содѣйствіе въ другомъ условіи, историческомъ. Случилось такъ, что наши Славяне, потерпѣвшіе нѣкогда отъ аварскаго нашествія, передвигаясь на востокъ, шли на встрѣчу новому игу. Съ конца VII в., на пространствѣ между Волгой и Днѣпромъ, утвердили свою власть новые пришельцы, явившіеся по слѣдамъ Аваровъ, Хозары. Наша начальная лѣтопись говоритъ прямо, что

во второй половинѣ IX в. Хозары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ, Радичичей и Вятичей, а въ другомъ лѣтописномъ сводѣ (лѣтоп. Переяславля Суздальскаго) замѣчено, что ихъ нашествію подверглись вмѣстѣ съ Полянами и Древляне. Можно думать, что политическое раздробленіе восточныхъ Славянъ на новыхъ мѣстахъ много облегчило успѣхи Хозарь въ Приднѣпровьѣ. Въ лѣтописи не находимъ черты, которая изобразила бы характеръ хозарскаго ига такъ же наглядно, какъ описано аварское иго въ сагѣ о Дульбахъ. Но иронія, которая звучитъ въ преданіи о нашествіи Хозарь на Полянъ, показываетъ, что новая власть не была особенно тяжела и жестока. Хозары, въ извѣстіяхъ о нихъ, далеко не являются такой хищной завоевательной ордой, какъ ихъ предшественники и преемники по владычеству въ нашихъ степяхъ. Напротивъ, между ними господствовали мирные промыслы. Большимъ вліяніемъ пользовались у нихъ торговые Евреи. Благодаря имъ и Арабамъ, проникшимъ въ Хозарію, хозарская столица на Волгѣ стала узломъ живыхъ и разностороннихъ торговыхъ сношеній. Дружба Хозарь съ Византіей помогала развитію этихъ сношеній.

Всѣ эти обстоятельства должны были оказать рѣшительное дѣйствіе на бытъ славянскаго Поднѣпровья. Лежавшая передъ поселенцами степь очистилась надолго, что избавляло ихъ отъ тяжелой оборонительной работы; рѣчные пути, при которыхъ они усѣлись, открывали имъ доступъ въ кругъ торговыхъ оборотовъ, сходящихся въ Хозаріи; дань хозарскому кагану дѣлала ихъ своими людьми въ подвластныхъ ему странахъ. Открывшійся просторъ для движенія и новые пути сбыта должны были вызвать усиленную промышленную эксплуатацію занятой страны. Новое иго не дало матеріала для новыхъ хозарскихъ пѣсенъ на смѣну старымъ аварскимъ; за то оно принесло хозарскіе торги и восточныя монеты. Къ тому времени надобно отнести начало того значенія, какое имѣлъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ лѣсъ по своему пушному богатству и бортному пчеловодству. Промышленная жизнь населенія должна была пойти двумя струями: она, съ одной стороны, разбрасывала его по лѣсамъ для промысловъ; съ другой—сосредоточивала его на извѣстныхъ пунктахъ при большихъ рѣчныхъ путяхъ, удобныхъ для сбыта. Первое теченіе имѣло большое значеніе въ образованіи древнѣйшей сельской воласти на Руси; второму обязанъ своимъ бытіемъ древнѣйшій русскій промышленный городъ.

Прежний одиодворный поселокъ, подъ дѣйствіемъ указанныхъ обстоятельствъ, долженъ былъ испытать рядъ переворотовъ, о которыхъ можно только догадываться по явленіямъ послѣдующаго времени. Если бы жизнь поселенцевъ на новыхъ мѣстахъ окружена была виѣшними тревогами и опасностями, разбросанные дворы въ угрожаемыхъ мѣстностяхъ исчезли бы, стянувшись въ крупныя поселенія для самообороны. Но о такихъ опасностяхъ не осталось преданій или онѣ скоро миновали съ наступленіемъ хозарскаго владычества. Отсюда трудный вопросъ, какая связь могла остаться или установиться вновь между одиодворными дворами. Впослѣдствіи встрѣчаемъ въ сельскомъ населеніи союзы столь неясныя и, повидимому, столь непохожіе другъ на друга, что трудно угадать ихъ происхожденіе и порядокъ, въ какомъ они появлялись. Лѣтопись указываетъ въ отдаленной древности на какой-то родственныи союзъ, говоря, что каждый жилъ съ своимъ родомъ на своемъ, слѣдовательно, на особомъ мѣстѣ и каждый правилъ своимъ родомъ. Она же замѣчаетъ объ Ольгѣ, что ингичи въ разныхъ мѣстахъ земли своей устанавливала погосты и дани, и въ грамотѣ смоленскаго князя Ростислава 1150 г. погостъ является податнымъ округомъ. Въ то же время Русская Правда говоритъ о верви, какъ административно-полицейскомъ округѣ. Сочражая эти указанія, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что лѣтописное извѣстіе объ обособленныхъ родахъ нельзя вполне относить къ хозарскому времени, т. е. VIII вѣку; мы увидимъ, что въ IX в., между хозарскимъ владычествомъ и явленіемъ князей, былъ короткий промежутокъ междувластиа и безначалія, сопровождавшійся беспорядками, которые остались въ памяти лѣтописца и были причиною явленій, подавшихъ ему поводъ сказать: «живяху каждо съ своимъ родомъ» и проч. При томъ, и въ послѣдствіи встрѣчаемъ поселенія съ отеческими названіями, указывающими какъ будто на ихъ родовое происхожденіе (*Дюдичи, Жидичи*); но они далеко не такъ часты, чтобы по нимъ можно было судить объ однообразномъ происхожденіи всѣхъ селеній того времени; въ грамотѣ Ростислава, напримѣръ, изъ 36 именованныхъ податныхъ округовъ только пять носятъ имена, похожія на отеческія (патронимическія). Наконецъ, ни лѣтописныя роды, жившіе каждый на особомъ мѣстѣ, ни погосты X или XII в. не заставляютъ предполагать скученность поселеній; это могли быть группы такихъ же разбросанныхъ на обширномъ пространствѣ деревенекъ въ одинъ или два двора, изъ какихъ состоялъ сѣ-

верный русский погостъ XVI в. Мы вообще не знаемъ, какая форма жилищъ мѣсть преобладала въ южнорусскомъ сельскомъ населеніи XII в. Но можно съ нѣкоторой увѣренностью сказать, что погостъ былъ древнѣйшимъ сельскимъ округомъ на Руси, какой помнитъ ясно начальная лѣтопись; а въ самомъ этомъ терминѣ есть намекъ на его происхожденіе и притомъ такое, которое прямо связывается съ условіями, встрѣтившимися славянскихъ поселенцевъ въ Приднѣпровьѣ. Промышленная дѣятельность, возникшая здѣсь подъ покровительствомъ и при содѣйствіи Хозаръ, должна была вызывать потребность въ оборныхъ пунктахъ для сбыта и обмѣна, въ базаракъ, а погостъ значить мѣсто, куда собирались *зосити*, торговать. Внеслѣдствіемъ жадая важная пережѣна въ устройствѣ сельского населенія цѣплялась за погостъ: князья въ своихъ зимнихъ объѣздахъ за данью (*полюдьяхъ*) останавливались по погостамъ; основаніемъ сельского административнаго дѣленія стали также погосты, какъ податные округа; христіанскіе храмы въ селахъ ставились на погостахъ. Все эти разнообразныя явленія, давъ погосту значеніе и княжеской станціи, и сельской волости, и церковнаго прихода, и, наконецъ, кладбища, затерли его первоначальное значеніе сельского рыночнаго мѣста, къ которому тянули окрестныя мелкіе поселки въ своихъ промысловыхъ дѣлахъ. Такъ, можно думать, образовался древнѣйшій сельскій округъ: — чисто экономическій. Вѣроятно, уже въ хозарское время онъ получилъ и административное значеніе. Хозарская дань предполагала известную администрацію сбора, какіе-нибудь податные округа.

Если въ этихъ гаданіяхъ есть доля вѣроятнаго, можно отмѣтить, съ помощью аналогій, нѣкоторыя фазы въ развитіи нашего древняго погоста. Многие древнѣйшіе процессы нашей исторіи повторялись въ позднѣйшее время при сходныхъ условіяхъ, только на другихъ мѣстахъ, куда населеніе переносилось колонизаціей. Выгоды погоста могли задерживать на немъ семейныя выселенія и притягивать къ нему людей изъ ближайшихъ родственничьихъ однодворокъ, раньше выселившихся. Такъ погостъ развивался въ многодворное поселеніе родственничковъ. Въ сѣверной Руси XVI и XVII в. можно найти много деревень и починовъ въ два или три двора, населенныя родными братьями или отцомъ съ сыновьями; въ починаяхъ, гдѣ большіе одного двора, это даже очень обычное явленіе. Родственный составъ населенія держался въ починовѣ и тогда, когда онъ, такъ сказать, уже обживался и пре-

вращался въ деревню и даже сравнительно большую. Въ 1633 г. дворянинъ Окрилицынъ заложилъ Троицкому Сергіеву монастырю родовую свою вотчину въ переяславскомъ уѣздѣ, деревню Астафьеву, въ которой было семь крестьянскихъ дворовъ, домохозяевъ съ взрослыми сыновьями 16 человекъ и всѣ они — Ползуновы, отцы и дѣти съ племянникомъ; отца котораго нѣтъ въ числѣ братьевъ Ползуновыхъ, составляющихъ старшее поколѣніе въ населеніи деревни. Но гораздо чаще встрѣчаемъ другое явленіе. Въ 1617 г., въ костромскомъ уѣздѣ къ селу Марьинскому Троицкаго же монастыря принадлежала деревня *Лукины Починки*, самымъ названіемъ своимъ указывающая, что она вступила уже во вторую фазу своего развитія; въ деревнѣ 5 дворовъ, изъ которыхъ въ первомъ живеть еще основатель починка *Лука Мининъ*, а въ другомъ его однофамилецъ; но остальные три двора заняты уже чужими людьми, присосѣдившимися къ первому сидѣльцу мѣста. Чѣмъ многолюднѣе поселокъ, тѣмъ смѣшаннѣе его населеніе; въ селахъ и деревняхъ дворовъ въ 10 или болѣе уже не замѣтно первоначальнаго родственнаго гнѣзда, и только названія деревень и селъ съ столь обычными въ ихъ номенклатурѣ уменьшительными формами личныхъ именъ, какое-нибудь Пронино или казья-нибудь Обанумцева напоминаютъ, что разросшіяся поселенія были некогда однодворками, починками Прони или Обанумца Третьячкова сына Неустроева. Бывало и такъ, что въ дер. Прониной живутъ уже Нечайно съ товарищами; люди совсѣмъ другіякъ отчества и фамилій, а Прони нѣтъ между ними, они сидятъ въ сосѣдней деревнѣ, не имѣя насиженой впервые: это произошло отъ того, что старый сидѣлецъ, истощивъ участокъ, свои ползачети выти, перешелъ на пустое мѣсто въ сосѣдней деревнѣ, а, между тѣмъ, на его отдохнувшей пашнѣ, которая долго значилась «пустышью, что была дер. Пронина», сѣли «новоприходцы».)

Всѣ эти явленія могли имѣть мѣсто въ очень далекія времена, когда Днѣпровье также колонизовалось, какъ заселялось Поволжье XV и XVI в. Отсюда слѣдуетъ прежде всего, что у насъ родовой союзъ не перешелъ прямо въ поземельную общину. Въ самомъ дѣлѣ; такой непосредственный переходъ ничѣмъ не подтверждается, ни намекомъ древняго историческаго памятника; ни аналогіей позднѣйшихъ явленій. Отчестія названія древнихъ поселеній вовсе не признаютъ ни родоваго ихъ происхожденія, ни общиннаго устройства, и только указываютъ на имена

первых поселенцевъ. Съ другой стороны, въ родственныхъ поселенияхъ на сѣверѣ позднѣйшаго времени не было поземельнаго общенія чѣмъ въ неродственныхъ. (У Ползуновыхъ на значившихся въ ихъ деревнѣ 37 $\frac{1}{2}$ десятинахъ пашни, перелога и лѣсной поросли совершенно такія же поземельныя отношенія, какъ и въ сосѣднихъ деревняхъ: тамъ, какъ и здѣсь, нѣтъ слѣдовъ мірскаго раздѣла полей, пашня состоитъ изъ постоянныхъ подворныхъ участковъ, перелогъ и поросль находятся въ общемъ пользованіи, пока новоприходецъ со стороны или выдѣлившійся подростокъ изъ своихъ не возьметъ себѣ участка изъ пустыря. Какая же переходная форма сельскаго общества слѣдовала за юридическимъ разрушеніемъ древняго родоваго союза? Въ Русской Правдѣ является сельское общество довольно любопытной конструкціи.) *Вервь* (разумѣемъ только сельскую, а не городскую) выступаетъ здѣсь съ признаками административно-полицейскаго учрежденія, основаннаго на круговой поруки: за убійство, совершившееся на ея землѣ, она сообща платила *дикую* (общую, поголовную или повальную) виру въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Не смотря на выгоду такой поруки для князя, она не была обязательной для всѣхъ обывателей верви; по смыслу одной статьи Правды, можно было, оставаясь на землѣ верви, «не владываться въ дикую виру»; не вложившійся лишился только права, совершивъ убійство, требовать отъ верви помощи въ уплатѣ виры. Впослѣдствіи на сѣверѣ лица высшихъ классовъ, купившія земли черныхъ тяглыхъ людей, обязывались наравнѣ съ послѣдними тянуть тягло съ этихъ земель, которыя, въ противномъ случаѣ, отдавались чернымъ людямъ «даромъ»; а въ Русской Правдѣ и простой обыватель верви могъ отказаться отъ участія въ вирномъ «роаметѣ» и вервь не могла сказать ему въ случаѣ такого отказа: «инѣ земли лишонѣ, поди прочь». Въ этомъ позволительно видѣть остатокъ порядка, созданнаго не княжескимъ правительствомъ и основаннаго не на поземельной связи сельскаго общества. *Вервь* Русской Правды напоминаетъ своимъ складомъ устройство Новгородской земли, представлявшей многостепенный союзъ крупныхъ и мелкихъ, городскихъ и сельскихъ самоуправляющихся міровъ; а основанія такого устройства теряются въ докняжеской старинѣ. Возникновеніе верви надобно относить къ тому времени, когда не было еще внутренняго централизующаго правительства, а родовое общество начало замѣняться поземельнымъ сосѣдствомъ, но по-

земельныя отношенія имѣли второстепенное значеніе передъ лѣсными и другими промыслами и не успѣли стать главной основой сельскаго общества. Обращаясь къ упомянутой уже Ростиславовой грамотѣ, находимъ, что верви—тѣ самыя административно-податныя округа, которые въ ней перечисляются и изъ которыхъ одни названы городами, а другіе—погостами. Эти округа очень разнообразны по величинѣ, судя по суммѣ платимой каждымъ дани (отъ 200 до 4 гривенъ, не считая Торопца, платившаго 400 гр.); княжеская администрація, очевидно, воспользовалась для обложенія готовыми, до нея сложившимися обществами городскими и сельскими. Въ погостахъ, повидимому господствовало подворное землевладѣніе; грамота прямо говоритъ, что въ нихъ каждый платитъ свою дань; уцѣлѣлъ еще слѣдъ первоначальнаго значенія погоста, какъ сборнаго торговаго пункта для промысловаго округа; съ нѣкоторыхъ мѣстъ, необозначенныхъ въ числѣ городовъ, кромѣ обычной (подворной) дани князь получалъ еще гостинную или «гость». Но самая замѣчательная черта отмѣчена грамотой въ сравнительно небольшомъ округѣ *Дядичахъ*, платившемъ дани и *виры* 15 гривенъ. Какъ пеня за убійство могла войти въ составъ постояннаго налога? Это можно объяснить только тѣмъ, что Дѣдичи откупили себѣ у князя право уголовного суда въ предѣлахъ своего общества *). Такъ впоследствии, въ XVI в., мѣстныя общества откупались отъ управления и суда царскихъ намѣстниковъ и волостей. Этимъ объясняется постановленіе Русской Правды о дикой вирѣ, которая платилась вервью не только за убійство, если оно совершено «въ разбоѣ», а *золотника не иштутъ*, но и за убійство въ соорѣ или на ширу при людяхъ, когда убійца былъ извѣстенъ и принадлежалъ къ обществу, жилъ въ немъ и самъ вкладывался въ дикую вирю за другихъ сочленовъ верви; это былъ своего рода одновременный уголовный откупъ, при чемъ верви предостовлялось искать или не искать скрывавшагося преступника, вѣдомому убійцѣ изъ своихъ обывателей оказывать лишь нѣкоторое пособіе въ уплатѣ виры или платить ее въ-свалъ по общей раскладкѣ, въ которой самъ убійца участвовалъ одинаковой съ

*) Можно было бы предположить, что въ 1150 г. на округѣ лежала недомка за совершенное убійство, такъ какъ по одной статьѣ Правды (II, 4 по изданію г. Калачева) можно было уплату виры разсрочить на нѣсколько лѣтъ. Но этому мѣшаетъ одно: грамота не оговаривается, что 15 гр. съ Дѣдичей—сумма непостоянная, какъ оговаривается о другихъ измѣнчивыхъ доходахъ.

другими долей («заплатити ему изъ дружины свою часть»), наконецъ, вѣроятно, предоставлялось рѣшать, совершенно ли убійство въ разбой или въ ссорѣ. Во всемъ этомъ виденъ неясный слѣдъ второй фазы въ развитіи древнѣйшаго сельскаго общества: погостъ, первоначально промышленный округъ, потомъ при такихъ-то обстоятельствахъ сталъ и округомъ политическимъ, самоуправляющейся вервью; значеніе которой еще не совсемъ огладилось и подъ княжескимъ управленіемъ. Здѣсь, можетъ быть, обрывается объясненіе того, что слово *вервь*, сохранившая у южныхъ Славянъ въ производныхъ формахъ, какъ и ея синонимъ *ужь*, значеніе родства, въ нашемъ языкѣ не имѣла такого значенія; въ такомъ случаѣ и этотъ новый терминъ административно округа даетъ косвенное указаніе на то, что сельское общество, являющееся въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ нашего права, не было непосредственнымъ продолженіемъ родовой общины, сложилось уже въ то время, когда родовой союзъ пересталъ служить основой поземельнаго сосѣдства. По связи съ исторіей нашихъ древнихъ большихъ городовъ и эту вторую фазу можно отнести къ хозарскому времени.

Нѣкоторые погосты, образовавшіеся на главныхъ рѣчныхъ путяхъ, пользуясь выгодами мѣста, при содѣйствіи хозарскихъ отношеній, выросли въ болѣе значительные торговые пункты. Древнее кievское преданіе, насколько оно сохранялось въ извѣстной намъ лѣтописи, не помнило, какъ и когда развились древнѣйше большіе города на Руси; оно отмѣтило только нѣкоторыя черты ихъ политическаго значенія въ эпоху появленія князей. Но широкое и, повидимому, давнее развитіе торговыхъ сношеній Приднѣпровья съ болгарскими и хозарскими Поволожьемъ, съ Византіей и греческими колоніями въ Крыму — самая крупная черта, выступающая въ жизни Русской земли съ начала X в. по своимъ и чужимъ уваженіямъ, и исходными пунктами движенія являются эти волостные города, Кіевъ, Смоленскъ и др. Съ другой стороны, кромѣ литературной лѣтописи, у насъ сохранилась еще металлическая, страницы которой долго скрывались подъ землей и частью скрываются доселѣ: это извѣстные древніе монетные клады. Топографія ихъ и хронологія найденныхъ въ нихъ монетъ привели изслѣдователей къ заключеніямъ, которымъ прямо идутъ на встрѣчу воспоминаніямъ кievскаго лѣтописца, не опровергая, но дополняя ихъ и поясняя. По главнымъ рѣчнымъ дорогамъ Россіи, по Днѣпру, Окѣ, Волгѣ, Ловати, Волхову и др.

идеть одинъ и тотъ же слой восточныхъ монетъ, и тотъ же самый слой огазывается въ Лифляндіи, Эстляндіи, на Невѣ и по всѣмъ прибрежьямъ Балтійскаго моря, въ Швеціи, Помераніи и проч. Наибольшее количество находимыхъ на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ восточныхъ монетъ относится къ послѣдней четверти IX и тремъ первымъ X в., къ тому именно времени, на которое падаютъ свои и чужія извѣстія о живыхъ торговыхъ сношеніяхъ Руси съ восточными и южными рынками. Но рядомъ съ монетами этого столѣтія лежатъ болѣе древнія и по нимъ можно приблизительно судить, когда начались эти важныя для нашей исторіи сношенія, разсѣявшія таковой обильный нумизматическій матеріалъ по русской равнинѣ. Попадались клады, въ которыхъ самыя позднія монеты относятся къ началу IX в., а самыя раннія къ первому десятилѣтію VIII в. Вообще монеты этого послѣдняго вѣка встрѣчались въ значительномъ количествѣ; но между ними чрезвычайно рѣдки монеты VII в. и притомъ только послѣднихъ его лѣтъ. Два важные факта открываются изъ этихъ наблюдений. Съ восточными монетами въ рукахъ, разсѣянными въ области Днѣпра, Двины, Ловати, Невы, по шведскимъ, прусскимъ и померанскимъ берегамъ Балтійскаго моря, изслѣдователь осязательно понимаетъ смыслъ лѣтописнаго извѣстія о «пути изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру». Изъ-за того по этому пути шло торговое движеніе съ балтійскихъ береговъ на юго-востокъ и слѣды, которые оно по себѣ оставило, восходятъ къ началу VIII в., т. е. къ времени утверденія хазарскаго ига въ Приднѣпровьѣ. Къ тому же движенію и къ тому же времени единственно можно приурочить возникновеніе городовъ, являющихся въ IX и X в. на этомъ самомъ пути руководителями торговыхъ сношеній. Однакоже съ другими начало имѣлъ и Кіевъ, ставшій потомъ главнымъ промышленнымъ средоточіемъ на этомъ пути. Древнія восточныя монеты, найденныя въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, какъ будто даже указываютъ на сравнительно болѣе позднее происхожденіе этого города. Всего больше монетъ саманидской династіи конца IX и X в.; меньше сохранилось отъ болѣе ранняго времени; монетъ VIII в., судя по сообщеніямъ, очень немного. *) И наша лѣтопись называетъ Кіевъ до прихода Олега городкомъ, который, съ своимъ племенемъ—

*) Проток. Истор. общества Нестора лѣтописца 29 янв. 1878 г. — чтеніе г. Антоновича о монетныхъ кладахъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.

Полями, былъ обижаетъ сосѣдними племенами. Если въ Кіевѣ или около находили римскія монеты первыхъ вѣковъ нашей эры, на этомъ основаніи нельзя считать существованіе города столь же давнимъ. Хозарское время было въ исторіи восточно-европейской торговли особымъ періодомъ, который началомъ своимъ совпалъ съ расселеніемъ Славянъ по среднему и верхнему Днѣпру и его притокамъ. Но еще гораздо раньше Греки знали Днѣпръ, какъ торговую дорогу, проложенную нѣкогда балтійскимъ янтаремъ и поддерживавшуюся много вѣковъ. Имя *Самватасъ*, какое даетъ Кіеву Константинъ Богрянородный, и *Samwationъ* греческихъ надписей древняго Танаиса II—III в., по Р. Х., было, вѣроятно, греческимъ названіемъ поселенія, служившаго торговой станціей на этомъ пути. Народные потоки IV—VI в. снесли это поселеніе и мѣсто его было заброшено надолго; но имя его не погибло: судя по словамъ императора, его помнили еще Греки X в. и прилагали къ славянскому городу, возникшему на мѣстѣ древняго поселка. Какого племени были обитатели днѣпровскихъ береговъ, когда здѣсь стоялъ Самватасъ, и были-ли между ними Славяне, это остается неизвѣстнымъ; историческія извѣстія даютъ только видѣть, что масса восточнаго славянства до VII в. держалась еще западнѣе Днѣпра. Самватасъ отъ Кіева былъ отдѣленъ, какъ можно думать, долгимъ промежуткомъ запустѣнія, когда мѣсто оставалось, говори старымъ земледѣльческимъ языкомъ, перекогомъ и лѣсомъ поросло, и по кіевскому преданію, городъ возникъ изъ трехъ родственныхъ починковъ «на лѣсѣ»: «быше около града лѣсъ и боръ великъ». Вотъ почему въ тѣ вѣка, отъ которыхъ идетъ указаніе на Самватіонъ, если только это—Самватасъ Константина, не встрѣчаемъ намѣка на Кіевъ, а въ Кіевѣ XI в. не помнили Самватіона или Самватаса. Развитие главнаго города Приднѣпровья изъ деревни трехъ звѣролововъ, сѣвшихъ на развалинахъ древняго торжища, именно и подтверждаетъ, какъ удачно выбрала древняя торговля мѣсто для послѣдняго.

Изъ сказаннаго можно извлечь нѣкоторыя хотя гадательныя черты для опредѣленія исторической минуты, непосредственно предшествовавшей образованію городскихъ волостей, какія наши первые князья около половины IX в. Вокругъ промышленныхъ средоточій, поднявшихся по большимъ рѣчнымъ путямъ въ хозарское время, изъ тянувшихъ къ нимъ погостовъ должны были образоваться торговые округа. Кажется, между мелкими сельскими по-

гостями и главными торговыми средоточиями были посредники, своего рода промышленные пригороды, соответствовавшие позднейшим политическим. Мы уже знаем, что Любечъ, въ IX и X в., является во главѣ особаго административнаго и торговаго округа. Еще разъ возвращаясь къ Ростиславовой грамотѣ XII в., находимъ и въ ней слѣдъ исчезнувшаго пригороднаго округа. Первое мѣсто здѣсь въ административно-податномъ перечнѣ занимаютъ *Вержавляне Великіе*, самый крупный изъ поименованныхъ въ грамотѣ округовъ княжества, судя по цифрѣ дохода (всего 1000 гривенъ). Но это не административная область въ точномъ смыслѣ слова: Вержавляне состояли изъ 9 отдѣльныхъ погостовъ; кромѣ того самый городъ *Вержавскъ* поставленъ совершенно отдѣльно отъ Вержавлянъ, гораздо ниже и по цифрѣ княжескаго дохода (30 гр.) далеко не принадлежалъ къ перво-степеннымъ единицамъ Смоленской волости. Такое отдѣленіе округа отъ опружнаго города обличаетъ въ Вержавлянахъ не уѣздъ княжества, созданный княжескимъ управленіемъ, а скорѣе древнюю городовую волость, которая при этомъ управленіи разрушилась, оставивъ по себѣ память въ своемъ названіи и въ привычкѣ княжескаго назначенія выводить общую цифру дохода съ погостовъ, нѣкогда входившихъ въ ея составъ. Посредничая между сельскими промышленниками и иноземными рынками, города перелили въ сельскія общества значительное количество иностранной, преимущественно восточной монеты, о чемъ свидѣлствуютъ мѣсто-нахожденія древнихъ кладовъ и одна черта, мимоходомъ брошенная начальной лѣтописью. Въ ней 859 годомъ помѣчено извѣстіе, которое по характеру своему не можетъ быть приурочено къ одному какому-либо году, а относится вообще ко времени хозарскаго владычества до призванія князей: по ея словамъ, дань Хозарамъ и Вятичи подобно другимъ южнымъ племенамъ платили мѣхами съ дымовъ (дворовъ); но когда въ 964 г. тѣхъ Вятичей нашелъ среди лѣсовъ князь Святославъ и спросилъ, кому даютъ они дань, племя, жившее, повидимому, въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ путей и занимавшееся преимущественно хлѣбопашествомъ, отвѣчало: «Хозаромъ по щягу отъ рала (сохи или плуга) даемъ.» Еще раньше, въ 885 г. и другое захолустное племя Радимичи, по требованію Олега, стали платить ему дань щягами, какъ платили Хозарамъ. По остроумному замѣчанію г. Григорьева *), слово *щягъ* (scylling), указывая на раннее

*) *Россия и Азія*, 167 и сл.

распространеніе среди нашихъ Славянъ англосаксонской монеты, потому стало названіемъ всякихъ иноземныхъ металлическихъ денегъ, между прочимъ и восточныхъ. Дѣйствительно, въ странѣ древнихъ Вятичей найдено было нѣсколько кладовъ съ восточной монетой не только X в., но и IX, даже VIII в. Но рядомъ съ этимъ указаніемъ на промышленное значеніе торговыхъ городовъ для окрестнаго сельскаго міра не находимъ ничего, что позволяло бы опредѣлить свойство политическихъ отношеній первыхъ. Къ послѣднему. Можно только предположить, что еще въ то время завязалась торговая привиллегія, которая потомъ служила однимъ изъ основаній политическаго вліянія волостныхъ городовъ на ихъ волости, — исключительное право вести торговые сношенія съ иноземными купцами. Эта привиллегія является уже въ договорѣ 1006 г., содержаніе котораго Татищевъ извлекъ изъ своихъ источниковъ: Владиміръ Святой, по просьбѣ Болгаръ Волжскихъ, позволилъ ихъ купцамъ торговать по Волгѣ и Огѣ и далъ имъ «во всѣ города печати» съ правомъ «продавать во градахъ купцамъ и отъ нихъ купить, что потребно», но съ условіемъ «по селамъ не ѣздить» и не торговать ни съ крестьянами, ни съ другими сельскими обывателями, ни даже съ княжескими чиновниками.

И такъ, прежде чѣмъ торговые города стали политическими руководителями областей, послѣдствія колонизаціи сдѣлали ихъ средоточіями эконоическихъ районовъ, подобно тому, какъ древніе погосты, ставшіе потомъ сельскими полицейскими учрежденіями, первоначально были округами сельскихъ рынковъ. Формы и характеръ политическаго быта сельскихъ и городскихъ міровъ остаются неясны; но можно догадываться, что они тамъ и здѣсь держались на одинаковыхъ основаніяхъ. Они яснѣе обозначаются въ слѣдующій моментъ, наступившій въ первой половинѣ IX в. и создавшій нашихъ *городскихъ старцовъ*.

Масуди и его извѣстіе о Валинанѣ. Цѣль настоящей замѣтки прибавить къ соображеніямъ ориенталистовъ, толковавшихъ это извѣстіе, нѣсколько мыслей, возникающихъ при изученіи переведенныхъ на русскій языкъ отрывковъ изъ сочиненій арабскаго писателя въ связи съ преданіями нашей лѣтописи.

Загадочная 34-я глава «Золотыхъ Луговъ», которая говоритъ о Валинанѣ и другихъ славянскихъ племенахъ, между прочимъ, кажется намъ, потому не поддавалась комментаторамъ, что они подступали къ ней съ двумя предубѣжденіями: 1) будто въ ней авторъ имѣлъ въ виду преимую-

шественно племена западныхъ Славянъ, и 2) будто она, рассказывая о распаденіи славянскаго союза, во главѣ котораго стояло племя Валииана, повѣствуетъ о какомъ-то важномъ и громкомъ событіи изъ исторіи тѣхъ же западныхъ Славянъ, которое, между тѣмъ, осталось незамѣченнымъ или не отмѣченнымъ западными лѣтописцами, повѣствуетъ даже едва ли не о разрушеніи древняго политическаго союза всѣхъ Славянъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, и южныхъ, о которомъ ничего не помнитъ исторія; стало быть, Масуди или передалъ вымыселъ арабскаго воображенія, или такъ искажилъ дѣйствительный фактъ, что отъ послѣдняго ничего не осталось въ его арабскомъ изложеніи.

Прежде всего совершенно невѣроятенъ вымыселъ со стороны самаго Масуди: это образцовый компиляторъ, какихъ немного. Ему былъ не подъ силу вымыселъ: онъ самъ характеризуетъ себя совершенно механическимъ ученымъ, замѣчанъ въ одномъ мѣстѣ, что его дѣло только собирать различные показанія, возлагая отвѣтственность за нихъ на рассказчиковъ (Г. Гаркави, Сказ. мус. пис. о Славян. 171).

Потомъ ни изъ чего не видно, чтобы Масуди имѣлъ обстоятельныя свѣдѣнія о западномъ славянствѣ. По крайней мѣрѣ тѣ мѣста извѣстныхъ на русскомъ языкѣ отрывковъ, гдѣ онъ описываетъ бытъ Славянъ вообще, носятъ на себѣ явственные признаки того, что черты картины взяты преимущественно, если не исключительно съ жизни Славянъ восточныхъ, изрѣдка южныхъ. Такъ въ одномъ отрывкѣ (изъ книги *Повѣсть времени*) все, что пишетъ авторъ о рѣкахъ славянскихъ, о необитаемости страны къ сѣверу отъ Славянъ, приложимо только къ Россіи (у г. Гаркави стр. 125). Другое общее описаніе Славянъ находимъ въ извлеченіи у Ал-Бекри (гг. *Кунига* и *Розена* Извѣстія Ал-Бекри, стр. 55 и сл.): и здѣсь не видно ни одной черты, прямо указывающей на славянскій западъ; напротивъ, болѣе всего занявши араба рассказы о дѣйствіи холода, очевидно, переданы восточнымъ купцомъ, бывавшимъ въ Россіи, а что послѣдней принадлежитъ *ал-атбба* (истба, баня), столь подробно и вѣрно описанная въ отрывкѣ, это едва ли кто станетъ оспаривать. Остается 66-я глава «Золотыхъ Луговъ» о зданіяхъ, почитаемыхъ Славянами. Нѣкоторые ученые пытались отыскать въ Масудіевомъ описаніи этихъ зданій ясныя указанія на языческіе храмы Балтійскихъ Славянъ. Но эта глава, можетъ быть, всего лучше свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у Масуди знакомства съ западнымъ славянствомъ. По мнѣнію г. Гаркави, источникомъ ея была арабская книга сказочнаго характера, къ которой уже старинные арабскіе писатели относились съ недоброуміемъ. Шафарикъ и Лелевель не находили въ описываемыхъ Масуди храмахъ ничего славянскаго; описаніе такъ темно и такъ мало напоминаетъ языческій культъ Славянъ, что г. Гаркави высказываетъ (стр. 170—174) предположеніе, не смѣшаны-ли здѣсь Славяне съ буддистами и шаманистами.

Все, что находимъ въ отрывкахъ изъ Масуди, сверхъ отмѣченныхъ выше мѣстъ, касается Руси, Болгаръ Дунайскихъ и Волжскихъ, Турокъ (Магьяръ),

Хозарь, частью Греховъ и Лонгобардовъ, т. е. народовъ восточной и южной Европы; повидимому, только объ этихъ народахъ Масуди умѣлъ сказать, что-нибудь ясное и заслуживающее довѣріе.

Это объясняется отчасти источниками, изъ которыхъ онъ черпалъ свои свѣдѣнія. Онъ не былъ самъ ни на Руси, ни у другихъ славянскихъ племень; но, блуждая по прикаспійскому востоку, онъ кое-что слышалъ о Руси и ея сосѣдахъ, по его собственному признанію, отъ восточныхъ купцовъ и судохозяевъ, ходившихъ въ Хозарію, также въ страну Руси и Болгарь (Волжскихъ). Тамъ же, на мѣстѣ событій, собралъ онъ свѣдѣнія о морскомъ набѣгѣ Руси на прикаспійскія страны; рассказанномъ имъ такъ подробно. Въ этомъ живомъ источникѣ Масуди едва ли могъ почерпнуть много о западномъ славянствѣ. Что касается до литературныхъ источниковъ Масуди, предмета очень темнаго для знатоковъ, то для насъ особенно важны ясныя слѣды знакомства ученаго араба съ греческими сказаніями (г. *Гаркави* стр. 176),—все равно, пользовался ли онъ ими непосредственно или черезъ посредство какого-нибудь другаго арабскаго писателя: у Масуди иногда встрѣчаются греческія формы географическихъ названій; въ одномъ его твореніи попались даже написанныя арабскими буквами греческія слова съ переводомъ.

Наконецъ, можно замѣтить у Масуди анахронизмы, происшедшіе отъ того, что онъ слишкомъ точно копировалъ свои источники. Маіотась и Найтась (Азовское и Черное море) для Масуди одно море. Арабскіе писатели IX в. (Хоррами и Ягуби называютъ его Хозарскимъ; во время Масуди это названіе было уже перенесено на Каспійское море, а Черное называлось Русскимъ. Такъ называетъ его и Масуди (у г. *Гаркави* стр. 130), въ «Золотыхъ Лугахъ». Но въ другомъ сочиненіи, писанномъ позднѣе «Золотыхъ Луговъ», имѣя въ виду старый источникъ, онъ попрежнему называетъ это море Хозарскимъ (г. *Гаркави* Дополн. къ Сказ. мус. пис. о Слав., стр. 31). Точно также въ «Повѣсти времени» дунайскіе Болгары у Масуди еще язычники; но въ другомъ сочиненіи онъ знаетъ ихъ уже христіанами (г. *Гаркави* Сказ. 126 и Дополн. 29).

Этимъ приемомъ можно объяснить появленіе двухъ именъ въ главѣ «Золотыхъ Луговъ» о Валинанѣ и другихъ славянскихъ племень. Перечисливъ эти племена, Масуди продолжаетъ: «первый изъ славянскихъ царей есть царь Дира». Всего вѣроятнѣе, это кіевскій Диръ нашей лѣтописи, какъ думалъ Лелевель; Масуди взялъ это имя изъ какого-нибудь источника IX в., не отмѣтивъ хронологическаго разстоянія между собой и Диромъ. Кого разумѣлъ Масуди подъ сосѣдомъ Дира, царемъ *Аванджа*, вродатскаго ли князя, какъ предполагалъ Лелевель, или какого-нибудь другаго—рѣшить трудно; но это не личное имя, а племенное, бывшее также анахронизмомъ во время Масуди и заимствованное имъ, вѣроятно, изъ византійскаго источника: подъ ними, надобно думать, скрываются старинные Анты-Венды (Аванджа—Ванты, какъ Ифравджи или Афравджа—Франки).

Опираясь на сказанное, можно предложить нѣсколько догадокъ о значеніи темныхъ названій славянскихъ племенъ въ перечнѣ у Масуди (г. *Гаркави* Сказан. 136). Здѣсь изъ 11 именъ г. Гаркави считаетъ раскрытыми пять: *Дулбовъ*, *Бамджинъ* (Богемцы), *Мораву*, *Сербовъ* и *Хорватовъ*. Но нельзя согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго ориенталиста, что подъ Моравой Масуди разумѣется западное славянское племя этого имени, а подъ рѣкой Моравой—чешская Моравя: этому мѣшаетъ отрывокъ изъ другаго сочиненія Масуди (*Танбиха*). Здѣсь (Сказ. 141), сказавъ о Танансѣ, арабъ упоминаетъ о другой большой рѣкѣ, впадающей въ Понтъ, называя ее двойнымъ именемъ *Рита* (другое чтеніе *Рина*) и *Балава*. Г. Гаркави склоняется къ догадкѣ Доссона, что *Рита* должно читать *Дина* (Дунай), а подъ *Балава* разумѣть Мораву. Но этими именами Масуди обозначаетъ одну рѣку, замѣчая притомъ съ удареніемъ, что Балавой называютъ ее сами Славяне, по ней обитающіе, и какъ бы намекая этимъ, что *Рита*—не славянское имя этой же рѣки. Не есть ли Рита испорченное античное имя Дуная (*Hister*), а Балава—*Бьль Дунавъ*, какъ называютъ его болгарскія пѣсни доселѣ (см. напримѣръ *Болг. пѣсни*, изд. г. Безсоновымъ, вып. 2, стр. 40)? Во всякомъ случаѣ Моравя, живущая по Масуди на берегахъ этой рѣки, не сосѣди Чеховъ, потому что дальше арабъ прямо замѣчаетъ, что «тѣ же самые берега были обитаемы Бугарами, когда они приняли христіанскую вѣру (по «болѣе точному» переводу г. Гаркави въ Дополн. 29: «многіе изъ Бугаръ жили также по ней во время принятія ими христіанства»). Поэтому съ большей вѣроятностью можно разумѣть подъ племенемъ Моравой Масуди Мораванъ, обитавшихъ въ области Болгарской и Сербской Моравы. Г. Дриновъ держится этого же мнѣнія, замѣчая, что уже въ IX в. эти Мораване имѣли особаго архіепископа (Засел. Балк. полуостр. 155 и сл.).

И Бамджинъ Масуди не Богемцы, какъ думалъ Шармуа, и Бажане: ихъ имя, благодаря носовому *у*, гораздо ближе къ формѣ, встрѣчаемой у Масуди, чѣмъ Богемцы; у Равенскаго географа Бугъ—*Bangis*. Изъ того, что въ другомъ сочиненіи (*Танбихъ*) Масуди поставилъ Бамджинъ рядомъ съ Моравой, не слѣдуетъ, что Масуди имѣетъ въ виду Богемцевъ (г. *Гаркави* Сказ. 165), потому что Моравя у Масуди не есть сосѣднее съ Чехами племя этого имени. Но какиимъ образомъ Бужане вмѣстѣ съ болгарскими Мораванами явились у Масуди на берегахъ Дуная? Можно догадываться, что Масуди распространилъ это имя на обитателей всего южнаго Побужья. Не даромъ Бамджинъ у него самое храброе и искусное въ набѣдничествѣ племя среди Славянъ: и по нашей лѣтописи, степные Улучи и Тиверцы, издавна знакомые Византіи по отважнымъ нападеніямъ на имперію, «сѣдяху по Бугу и Днѣпру (вар.—по Бугу и по Днѣстру) и присидяху къ Дунаеву, и бѣ множество ихъ». Въ томъ же мѣстѣ изъ *Танбиха* есть фраза, впрочемъ довольно неясная, которая какъ будто даже поддерживаетъ такую догадку. Вслѣдъ за извѣстіемъ о Бамджинѣ и Моравѣ Ма-

судя продолжаетъ: «утверждаютъ, что отъ него (отъ моря Бонтасъ, т. е. Понта? спрашиваетъ г. Гаргани—въ Дополн., стр. 29) беретъ начало р. *Барака*. Г. Гаргани находить возможнымъ читать вмѣсто *Барака* *Бужа* или *Бугъ*.

На первомъ мѣстѣ послѣ Валинаны въ племенномъ перечнѣ у Масуди стоитъ племя *Астабрана* (вар. *Астабрана*, *Вастарана*). Зная происхождение анахронизмовъ у Масуди, при его знакомствѣ съ географической номенклатурой греческихъ писателей, можно было бы предположить, что здѣсь разумѣются карпатскіе Бастарны, имя очень устарѣвшее для X в., но во всякомъ случаѣ болѣе близкое къ Астабранѣ или Вастаранѣ, чѣмъ Гельмольдовскіе Стодераны или Оботриты Шармуа и Лёгевеля (г. *Гарк.* Сказ. 164). Но въ извлеченіи у Ал-Бекри тотъ же перечень начинается племенемъ, имя котораго прочитано *Сбраба*. Повидимому, это «Серебъ» нашей лѣтописи. Ниже, однако, у Масуди упомянуто особое племя *Сарбинъ*, о которомъ онъ говоритъ больше чѣмъ о другихъ и, между прочимъ, распространяется о его погребальныхъ обычаяхъ, причѣмъ прямо сопоставляетъ его съ Славянами и Руссами; жившими въ хозарской странѣ и сожигавшими себя на кострахъ (Тамъ же 137). Припомнимъ похороны Русса, видѣнные Ибнъ-Фадланомъ на Волгѣ въ началѣ X в. У Ал-Бекри это племя названо *Срининъ*, хотя издатели и замѣчаютъ, что слѣдуетъ читать *Србинъ* (Изв. Ал-Бекри, стр. 55). Это наводитъ на мысль, не разумѣлъ ли здѣсь Масуди нашихъ Сѣверянъ, одно изъ ближайшихъ къ Поволжью славянскихъ племенъ, которое потому было тамъ извѣстнѣе другихъ. Съ другой стороны, въ спискѣ Масуди обозначено какое-то племя *Манабанъ* (вар. *Матнаи* и др.). Шармуа, предлагая читать *Миснаи*, видѣлъ здѣсь жителей Мисніи (Мейссена) или же Каналитовъ, названіе Сербовъ-язычниковъ (г. *Гарк.* Сказ. 165). Ал-Бекри, выписывая перечень племенъ у Масуди, держится порядка, въ какомъ слѣдуютъ они въ отрывкѣ изъ «Золотыхъ Луговъ»; только въ срединѣ есть отступленіе. Въ «З. Лугахъ» идутъ Бамджинъ, Манабанъ, Сарбинъ, Морава, у Ал-Бекри—Бамджинъ, Срининъ, Мизаза; Манабана и Моравы нѣтъ, одно изъ нихъ пропущено, а вмѣсто другаго поставлено Мизаза, но вмѣсто котораго—угадать трудно. Разница объѣмъ редакцій перечня въ порядкѣ именъ, какъ и въ самомъ ихъ чтеніи, можетъ быть, принадлежить самому Масуди, а не Ал-Бекри, потому что послѣдній, какъ догадывается г. Розенъ, выписывалъ перечень не изъ «З. Луговъ», а изъ какого-нибудь другаго сочиненія Масуди (Изв. Ал-Бекри, стр. 11 и 12). Вѣроятнѣе; Мизаза соответствуетъ Манабану и, указывая на древнюю Мизію, представляетъ одинъ изъ многихъ географическихъ архаизмовъ у Масуди. Во всей этой путаницѣ именъ остается яснымъ одно то, что если Масуди не имѣлъ въ виду древнихъ Бастарновъ, то отличалъ задумайскихъ Балгаръ и Сербовъ (Морава и Манабанъ или Мизаза) отъ Сербовъ карпатскихъ (Сбраба), а послѣднихъ—отъ нашихъ Сѣверянъ (Срининъ).

Не касаемся двухъ другихъ неясныхъ именъ, *Жаганинъ* или *Жшабинъ*, какъ у Ал-Бекри, и *Сасина*: довольно вѣроятно, что подъ первымъ скрываются Кашубы, какъ догадывался Шармуа, и совсѣмъ невѣроятно, чтобы подъ вторымъ разумѣлись Лужичане, какъ думаетъ онъ же, или Саксонцы Доссона и Лелавеля (Саксонія у Ал-Бекри *Скмуъ* или *Сксунъ*); нельзя приурочить это имя къ упоминаемымъ подъ 1229 г. въ нашей лѣтописи вмѣстѣ съ Половцами Саксинамъ, къ которымъ, вѣроятно, относятся приводимыя г. Гаркави указанія позднѣйшихъ арабскихъ географовъ, (Сказ. 166); нѣтъ достаточнаго основанія предполагать и существованіе уже въ X в. г. Сакова (въ Переяславской области), упоминаемаго въ нашихъ лѣтописяхъ съ конца XI в. Последнее племя въ спискѣ *Баранджабинъ*, его нѣтъ у Ал-Бекри. Это едва ли Дреговичи или Бреславляне, какъ предполагалъ Шармуа, имѣвшая чтеніе Масудиѣва названія; еще менѣе вѣроятны Тюринченцы Доссона (г. *Гарк.* Сказ. 167). Не причислялъ ли вѣдь Масуди къ восточнымъ Славянамъ ихъ близкихъ сосѣдей Берендѣевъ? Имя ихъ является въ нашей лѣтописи въ XI в.; но близкіе ихъ родичи Турки уже участвовали во Владиміровомъ походѣ 985 г. на Болгаръ. Можетъ быть, узнавъ, что это племя не славянское, Масуди и опустилъ его въ другомъ сочиненіи, откуда черпалъ Ал-Бекри.

Такимъ образомъ, всѣ имена въ спискѣ Масуди, значеніе которыхъ можно объяснить хотя съ нѣкоторой вѣроятностью, относятся къ карпатскому, частью къ нижнедунайскому краю, и только одно можно отнести къ западному славянству. Появленіе Валинаны у Масуди въ таномъ соебдствѣ и заставляетъ видѣть въ этомъ племени нашихъ Волынянъ, а не какое-либо западное славянское племя, упоминаемое Гельмольдомъ (тамъ же, 163): Повидному, самъ Масуди хотѣлъ сказать, что его извѣстіе относится къ восточному, а не западному славянству, когда въ концѣ перечня замѣтилъ что Сарбинъ и другія названныя имъ племена «приходятъ къ востоку и удалены отъ запада.» Объясненіе Масудиѣва извѣстія затрудняется неразборчивостью, съ какою компиляторъ скучилъ въ немъ имена и черты, гдѣ-либо имъ вычитанныя или слышанныя, плохо различая хронологическія и географическія разстоянія между ними. Таковы, вѣроятно, и упоминаемыя имъ имена царей или князей славянскихъ: они не выдуманъ, а дерепутаны, лица разныхъ временъ поставлены рядомъ, какъ современники Масуди, можетъ быть, князь одного племени усвоивъ другому. Масуди самъ сознается, что эти имена «суть извѣстныя (общепримытныя) для ихъ царей», какъ бы намекая, что у Славянъ бываютъ такіе князья, что они обыкновенно зовутся такими именами, но онъ не знаетъ, какъ звался князь того или другаго племени въ его время. Такимъ путемъ, повидному, составилось и извѣстіе Масуди о Маджакѣ или Махакѣ, царѣ Валинаны, главѣ славянскаго союза. Высказывалась догадка, что это не кто иной, какъ славянскій князь Мусокій, котораго византійскій подководецъ Прискъ взялъ въ плѣнъ, манаръ на Славянъ въ 593 г. гдѣ-то въ Дакіи

къ сѣверу отъ нижняго Дуная (г. *Дрипола*, Засел. Балк. полуостр., стр. 111). Недавно и г. Гаркави склонился къ этой догадкѣ, признавъ въ арабскомъ Маджаѣ византійскаго Мусокія или Мусакія, имя котораго Шафарикъ сближалъ съ славянскимъ *мушекъ* (Замѣтка г. Гаркави во II т. *Travaux de la 3-me session du congrès intern. des orientalistes*: авторъ не рѣшается только признать Валиннану нашими Воляннанами, а видитъ въ ней Волоховъ). Это не значитъ, что Мусокій былъ княземъ именно Воляннanz; но до Масуди дошло, можетъ быть, черезъ много рукъ византійское извѣстiе о вождѣ прикарпатскихъ Славянъ, упорно боровшемся съ Гречами; имѣя извѣстiе, что гдѣ-то въ томъ же краю Валинана нѣкогда руководила другими племенами, онъ сдѣлалъ Мусокія царемъ Валиннаны.

Вообще у Масуди даже въ видимой путаницѣ извѣстiй можно найти вѣрное основанiе. Онъ знаетъ, гдѣ жили Болгары Волжскiе, и ясно отличаетъ ихъ отъ Дунайскихъ (Бурджанъ). Однако онъ помѣщаетъ ихъ вѣсть съ Руссами на берегахъ Чернаго моря, чему удивлялся послѣ арабскiй географъ Якутъ; это море не разъ называетъ Масуди моремъ Руссовъ и Болгаръ, и даже, что еще невѣроятнѣе, Болгары эти нападаютъ у него на Дунайскихъ и на самую Византiю. Въ «Табихѣ» онъ рассказываетъ, что во время нападенiя Руси на Византiю (при Игорѣ) Болгары и Печенѣги съ помощiю Руси завоевали Бурджанъ; къ довершенiю путаницы, тѣхъ же Болгаръ онъ называетъ славянскимъ племенемъ (г. *Гарж. Сказ. 134 и 145 Дополн. 31 и 32*). Но послѣ похода 944 г., въ которомъ и по нашей лѣтописи участвовали наемные Печенѣги, опустошавшiе Болгарiю, Игорь обязался по договору съ греками не пускать Черныхъ Болгаръ воевать въ странѣ Корсунской. Масуди, по его словамъ, былъ знакомъ съ купцами, ходившими на Русь, слышалъ о какихъ-то Болгарахъ, жившихъ на берегу Чернаго моря и нападавшихъ на его Бурджанъ, и причислилъ ихъ къ Волжскимъ.

И въ извѣстiи о Валинанѣ есть такое основанiе, указываемое нашей лѣтописью съ двухъ сторонъ, преданiемъ объ Обрахѣ и племенной номенклатурой. Масуди знаетъ всѣ три имени, которыми лѣтопись обозначаетъ населенiе того края, Воляннanz, Дулѣбовъ и Бужанъ; онъ представляетъ ихъ особыми племенами. Въ лѣтописи значенiе этихъ именъ не совсѣмъ ясно («Бужане, зане сѣдожа по Бугу, послѣ же Велиннane»; «Дулѣбы живиху по Бугу, гдѣ нынѣ Велиннane»). Но это не вполне однозначатiя имена; выраженiя лѣтописи указываютъ на различiе между ними, хронологическое и этнографическое. Во время лѣтописца имя Воляннanz было географическимъ терминомъ, означало населенiе области Волини, названной такъ по старинному городу Волянню на З. Бугѣ. Названiе области именемъ города, не бывшаго мѣстнымъ центромъ въ областномъ дѣленiи Руси, X—XI в., показываетъ, что онъ былъ нѣкогда такимъ центромъ и имя Воляннanz не было терминомъ позднѣйшаго происхожденiя. Сопоставленiе извѣстiя Масуди съ преданiями лѣтописи объясняетъ отношенiе ме-

жду тремя названіями: Дулѣбы—имя племени, бывшаго во главѣ союза колѣнъ; средоточіемъ его былъ городъ Волынь и всё союзныя племена по нему назывались Волынянами. Когда союзъ распался и самое племя Дулѣбовъ разбилось отъ выселеній и перемѣшалось съ другими, за обитателями Побужья утвердилось имя Бужанъ, какъ Кривичи по р. Полотѣ стали зваться Полочанами «рѣчки ради». Значить, Дулѣбы—имя племенное, Волыняне—терминъ политическаго происхожденія, Бужане—географическаго. Отношеніе между Дулѣбами и Волынянами то же, какое было между Полянами и волостью Кіевской или—шире—Русью.

В. Илчичевъ.

Земельная община въ Днѣпровскомъ уѣздѣ.

Существующія, въ настоящее время, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи крестьянскія общины могутъ насчитывать только относительно немногіе годы своего существованія. Это далеко не такія старыя и пожившія общины, какія существуютъ, на примѣръ, въ средней или сѣверной Россіи. Онѣ—продуктъ позднѣйшаго, весьма памятнаго еще времени. Не смотря на свое нахожденіе въ той самой мѣстности *), которая входила когда-то, какъ часть, въ составъ владѣній могущественнѣйшей и оригинальнѣйшей изъ славянскихъ общинъ—Запорожской Сѣчи,—онѣ тѣмъ не менѣе не имѣютъ прямой преемственной связи съ этою послѣднею, хотя, по всей вѣроятности, и не избѣжали ея косвеннаго вліянія. Онѣ, можно пожалуй сказать, возникли на развалинахъ Запорожья, но обязаны своимъ существованіемъ, главнымъ образомъ, той колонизаціи, которая частію была предпринята правительствомъ во времена Екатерины Второй и позже для заселенія Новороссійскаго края, а частію сложилась сама собою, при посредствѣ разнаго рода бѣглецовъ и выходцевъ изъ внутренней Россіи. Стало быть, возникновеніе днѣпровскихъ общинъ совпадаетъ съ концомъ прошлаго и началомъ нынѣшняго столѣтій.

Новороссійская колонизація производилась въ то уже время, когда русское правительство принимало болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ государственныхъ явленіяхъ этого рода. Она носитъ поэтому нѣкоторыя отличительныя черты, дѣлающія ее во многомъ непохожею хотя бы на ту колонизацію, которая была произведена новгородцами и другими великорусскими выходцами на

*) Земли нынѣшняго Днѣпровскаго уѣзда были населены въ концѣ прошлаго вѣка ногайскими татарами и частію принадлежали Запорожской Сѣчѣ.

сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи. Между тѣмъ, какъ въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ, колонизація являлась самостоятельнымъ и добровольнымъ дѣломъ самого народа; въ Новороссіи она носила не столько добровольный, сколько принудительный характеръ. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, на ея характеръ, кромѣ народа, имѣло также влияние и правительство, и даже помѣщики. Стоитъ только вспомнить колонизаторскія мѣры и дѣянія Потемкина, чтобы убѣдиться въ правительственномъ влияніи на ходъ Новороссійской колонизаціи. Примеръ колонизаціи съ влияніемъ на нее помѣщичьяго элемента представляетъ, между прочимъ, Днѣпровскій уездъ. На ряду съ потомками добровольныхъ выходцевъ и ссыльныхъ поселенцевъ, въ этомъ уездѣ встрѣчается значительная часть бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, переселенныхъ сюда изъ внутреннихъ губерній Россіи помѣщиками на пожалованныя имъ земли.

Такимъ образомъ, нынѣшній Днѣпровскій уездъ, послѣ разрушенія существовавшей вблизи него Запорожской Сѣчи, былъ населенъ троякаго рода поселенцами: добровольными выходцами, помѣщичьими крестьянами и ссыльными *). Большинство существующихъ, въ настоящее время, поселеній Днѣпровскаго уѣзда основано добровольными выходцами, какъ напр. Алексѣи, Большая и Малая Маячки, Кардашинка, Базачьи Лагери, Голая Пристань, Большая Копани и пр. Но встрѣчаются также цѣлыя селенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Таковы воѣ поселенія, принадлежавшія Мордвиновымъ-Черненьна и др., Князь-Григорьевка—Рахмановыхъ, Каховка и Британи—Куликовскихъ, Капры—Бѣлаго, Завадолга—Кочубея, Нестеровка—Нестеровыхъ и т. д., и т. д. Есть, наконецъ, и такія селенія, гдѣ преобладаютъ потомки исключительно ссыльныхъ поселенцевъ. Село Челбасы, считающее, въ настоящее время, свое населеніе тысячами, было основано и заселено одними помѣщичьими малорусскими крестьянами, сосланными сюда за сопротивленіе помѣщичьей власти и бунтъ. Селеніе Чатлынка, имѣющее около трехъ тысячъ душъ населенія, также первоначально было на половину населено ссыльнымъ элементомъ.

Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство врядъ ли могло имѣть существенное влияніе на складъ и развитіе днѣпровскихъ общинъ. Общинное начало, благодаря своему вѣковому влиянію на народ-

*) Тутъ также жили рядомъ съ русскими нѣкоторое время и ногайскіе татары, но они были впоследствии выселены изъ Днѣпровскаго уѣзда.

ную жизнь, такъ сродно вообще русскому человеку, что на него имѣютъ мало вліянія иногда самыя неблагопріятныя условія. Оно живетъ вообще тамъ, гдѣ только можетъ ужиться русскій человекъ. Оно оказывается одинаково крѣпкимъ и устойчивымъ регулирующимъ принципомъ, какъ въ обыкновенной жизни народа, такъ и въ тюрьмѣ, и въ ссылкѣ. Поэтому, и на характеръ днѣпровскихъ общинъ ссыльные, бѣглецы и всякіе другіе выходцы могли имѣть лишь на столько вліянія, на сколько былъ близокъ имъ и важенъ общинный принципъ. Собственно ссыльный элементъ, какъ таковой, не могъ тутъ имѣть какого-нибудь особеннаго, исключительнаго значенія, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что ссыльными были обыкновенные крестьяне, а не какіе-нибудь заведенные воры, конокрады или мошенники.

То же надо замѣтить и о вліяніи на характеръ днѣпровскихъ общинъ со стороны бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Какъ люди подневольные, эти послѣдніе могли такъ или иначе видоизмѣнять до известной степени общій строй своей жизни, сообразно съ требованіями помѣщичьей власти и выгодъ; но сами по себѣ они могли вносить въ эту жизнь только то, что было известно имъ на ихъ прежней родинѣ, что давали имъ родные ихъ обычаи, воспоминанія и вообще прошедшее.

Однако, одно обстоятельство, повидимому, должно было имѣть несомнѣнное вліяніе на характеръ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ днѣпровскихъ общинъ. Дѣло въ томъ, что, при переселеніи, въ число помѣщичьихъ крестьянъ, рядомъ съ малороссами попала известная доля великороссовъ и даже литвы; а между національнымъ характеромъ, жизнью и обычаями тѣхъ и другихъ существуетъ вообще нѣкоторая разница. Община, такимъ образомъ, должна была сложиться какъ бы подъ взаимнымъ вліяніемъ двухъ племенныхъ элементовъ. Но послѣдующее, какъ мы увидимъ ниже, показало, что это обстоятельство, если и имѣло какое-либо вліяніе на складъ и образованіе нѣкоторыхъ днѣпровскихъ общинъ; то вліяніе это могло выразиться только въ частности. Основной характеръ общинъ оставался неизмѣннымъ, ихъ типическія формы были такими, какими могло создать ихъ большинство населенія и какія, кромѣ того, обуславливались естественными особенностями края.

И такъ, слѣдовательно, ни разношерстность первыхъ поселенцевъ, ни правительственныя распоряженія и помѣщичья власть не могли имѣть существеннаго вліянія на складъ, образованіе и

развитіе днѣпровскихъ общинъ. Условія эти могли имѣть одно лишь относительное значеніе. Существенно же важными въ этомъ отношеніи нужно считать только племенной составъ населенія и естественныя условія вран. Главную массу населенія въ Днѣпровскомъ уездѣ составляютъ малороссы, а самый вранъ представляетъ одну изъ тѣхъ широкихъ, безлѣсныхъ равнинъ юга, которыя вынази на долю колонизаціи малорусскаго племени. Такимъ образомъ, волюгѣ естественно предположить, что днѣпровскія общины явились прямымъ воплощеніемъ малорусскаго идеала общинной жизни. Займка и культивировака новыхъ земель, формы поселеній и взаимныя отношенія поселенцевъ—все это могло сложиться только подъ сильнымъ и непосредственнымъ давленіемъ малорусскихъ обычаевъ и традицій и въ извѣстной зависимости отъ естественныхъ особенностей мѣстности.

Въ самомъ дѣлѣ, днѣпровскія общины и до настоящаго времени сохранили еще первоначальный характеръ малорусскихъ поселеній—смѣсь болѣе или менѣе крупныхъ селъ съ хуторами. «Слобода» и «хуторъ»—любимѣйшія формы малорусской колонизаціи и займокъ. Сама Запорожская Сѣчь была ничѣмъ инымъ, какъ громаднѣйшею слободою съ массою хуторовъ и зимовниковъ и съ своего рода выселками—«паланками» или «товщами»; а Запорожская Сѣчь, какъ извѣстно, была крайнимъ выраженіемъ малорусскаго идеала общинной жизни. Стало быть, само собою понятно, что въ образованіи и развитіи днѣпровскихъ общинъ должно было играть первенствующую роль, прежде всего, обычное право малороссовъ, на основаніи котораго они придерживались извѣстныхъ формъ поселеній и заплатаи земли, извѣстныхъ способовъ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ природы и пользованія разными видами земель и угодій. Очень можетъ быть, что большинство поселенцевъ селилось на указанныхъ правительствомъ мѣстахъ, но то же большинство руководилось при займкѣ и культивированіи новыхъ земель исключительно занесенными изъ прежняго своего мѣстожителства обычаями и традиціями. «Хуторъ» и «кошъ» или «зимовникъ» являлись въ этомъ случаѣ характерными способами займки новыхъ земель и угодій. «Селился хуторомъ» или устраивалъ «кошъ» всякій, кто только желалъ и имѣлъ къ тому возможность. Часто кошъ предшествовалъ хутору, который вообще нужно считать въ этомъ отношеніи высшею формою осѣдности. Кошъ или зимовникъ устраивался исключительно для лучшаго ухода за скотомъ и только для лицъ,

занимавшихся этою отраслью хозяйства. Хуторъ, кроме того, почти всегда становился жилищемъ и для семьи и, поэтому, помимо пастушескихъ, имѣлъ и другія хозяйственные прилгобности. Не и хуторъ, и жопъ, развѣ они возникли на известномъ мѣстѣ, предлагали известный районъ прилегающихъ къ нимъ земли и угодій, которыми пользовались поселенцы на правѣ первой заимки и по одному уже этому, иногда въ ущербъ интересамъ другихъ поселенцевъ. Пока общинныя земли были въ избыткѣ, а население рѣдко, это противорѣчіе во взаимныхъ интересахъ поселенцевъ одной и той же общины не было особенно рѣзко и ощутительно. Но, съ увеличеніемъ народонаселенія и съ уменьшеніемъ свободныхъ, незанятыхъ земель, такая роль должна была одна собою всплыть наружу. Новыя хуторскія заимки должны были прекратиться, а тѣ, которыя уже существовали, подвергнуться значительнымъ отѣсненіямъ. Позже должны были исчезнуть и самыя хутора, какъ наносившіе прямой ущербъ интересамъ большинства членовъ одной и той же общины.

Все это было тѣмъ естественнѣе, что и мѣстныя условія края могли только способствовать такому ходу въ развитіи отдельныхъ общинъ. Характеръ мѣстности несомнѣнно благопріятствовалъ преобладанію пастушескаго хозяйства надъ земледѣльческимъ. Но только въ началѣ колонизаціи на обширныхъ, хотя и несовершеннѣо равнинныхъ, но тѣмъ не менѣе бездѣсныхъ пространствахъ Днѣпровскаго уѣзда возможно было веденіе хуторскаго хозяйства, требовавшаго и привольныхъ пастбищъ, и значительныхъ зимнихъ запасовъ сѣна. Позже, когда появились ощутительныя, въ своемъ отношеніи, стѣсненія, хуторское хозяйство должно было окончательно подчиниться преобладающему влѣзкію сельскаго, «слободскаго». Количество свободного скота и пастбищъ должно было уменьшиться, а рабочаго скота и запасовъ увеличиться. Такъ оно дѣйствительно и было. Въ такомъ направленіи и шло постепенное развитіе днѣпровской земельной общины.

Въ настоящее время, днѣпровскія общины, за немногими исключеніями, состоятъ изъ крупныхъ однопоселочныхъ формъ, которыя по своему характеру прямо противоположны существующимъ формамъ сельской общины на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи. Между тѣмъ, какъ въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ отдельные общины состоятъ изъ дѣлькъ группъ деревень, группъ, насчитывающихъ въ своемъ составѣ десятки совершенно изоли-

рованныхъ по расположенію поселеній, — громадное большинство днѣпровскихъ общинъ состоитъ изъ одиночныхъ, исключительно обособленныхъ и при томъ довольно многочисленныхъ селъ. Такъ напр., селеніе Чапыгина насчитываетъ около трехъ тысячъ душъ населенія, Большая Маячка — около шести тысячъ, Малая Маячка — около двухъ тысячъ, Бѣлоцерковка около того же и т. д., и т. д., и каждое изъ этихъ селеній составляетъ совершенно самостоятельную и независимую въ земельномъ отношеніи общину.

Второй видъ днѣпровскихъ общинъ представляютъ тѣ изъ нихъ, которыя состоятъ изъ одиночныхъ селеній и принадлежащихъ имъ хуторовъ. Такъ казачье-лагерная община состоитъ изъ села Казачьихъ-Лагерьей и казачье-лагерныхъ хуторовъ, голо-пристанская община — изъ села Голой Пристаніи и голо-пристанскихъ хуторовъ, Чалбурдинская община состоитъ исключительно изъ однихъ хуторовъ и въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою общины сѣверной Россіи. Но на этотъ второй видъ днѣпровскихъ общинъ нужно смотрѣть какъ на атрофирующіяся формы здѣшней первоначальной общины, а частію, какъ на установившіяся формы, подъ влияніемъ благоприятныхъ имъ естественныхъ условій мѣстности. Первая разновидность несомнѣнно превратится со временемъ въ чистыя односелочныя формы, что произошло уже со всѣми другими общинами Днѣпровскаго уѣзда; вторая, наоборотъ, надолго еще останется въ видѣ общинныхъ формъ, близкихъ по своему характеру къ общинамъ сѣверной Россіи, и останется при томъ совершенно исключительнымъ, малозначущимъ явленіемъ въ ряду громаднаго большинства односелочныхъ общинныхъ формъ.

Такимъ образомъ, типическими формами существующихъ въ настоящее время въ Днѣпровскомъ уѣздѣ общинъ нужно считать собственно тѣ изъ нихъ, которыя мы назвали односелочными и которыя образовались изъ первоначальныхъ поселеній и хуторовъ. Формы эти сложились только въ болѣе позднѣйшее время, постепенно, путемъ историческаго развитія и, слѣдовательно, носятъ характеръ вторичныхъ, сложившихся органически формъ. Не далѣе какъ двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ всѣ днѣпровскія общины состояли изъ селъ и хуторовъ. Хуторъ игралъ въ это время еще довольно замѣтную роль въ экономической жизни общинъ, хотя общіе сельскіе интересы общинъ и были уже главнымъ регулирующимъ началомъ въ этой жизни. Хутора еще существовали, но они не пользовались уже прилегающими къ нимъ землями и угодьями на правѣ первой заимки. Эти земли

и угодья засчитывались имъ въ надѣль, и тамъ гдѣ они превышали то количество земли, которое слѣдовало хутору по количеству числящихся за нимъ ревизскихъ душъ, тамъ за такою избытокъ земли владѣльцы хуторовъ вносили извѣстные денежные платежи въ общественныя суммы. Этотъ видъ сдѣлокъ между хуторскими и слободскими членами одной и той же общины остался въ полной силѣ и до настоящаго времени въ тѣхъ общинахъ, которыя состоятъ изъ слободъ и хуторовъ. Но онъ немедленно исчезъ во всѣхъ остальныхъ общинахъ, какъ только оказалось, что дальнѣйшее существованіе хуторовъ могло продолжаться только въ ущербъ интересамъ большинства общинниковъ или, по крайней мѣрѣ, вносило извѣстную путаницу и замѣшательства въ существовавшіе общинные порядки. Всѣ общины, поставленныя въ такія условія, порѣшили покончить съ хуторами, и хутора были скрыты и уничтожены, а ихъ хозяева перешли на жительство въ села. Такъ именно образовались существующія, въ настоящее время, однопоселочныя формы днѣпровскихъ общинъ.

Подводя итогъ всему сказанному, нужно, такимъ образомъ, замѣтить, что настоящій характеръ днѣпровскихъ общинъ получился не отъ вліянія какихъ-нибудь внѣшнихъ причинъ и условій; но произошелъ путемъ внутренняго, самостоятельнаго, органическаго развитія самихъ общинъ и, конечно, въ прямой зависимости отъ естественныхъ особенностей края. Ни правительство, ни различіе въ гражданскомъ положеніи первыхъ поселенцевъ, какъ мы видѣли выше, не могли имѣть въ этомъ отношеніи какого-нибудь существеннаго, преобладающаго значенія. Типическія формы днѣпровскихъ общинъ сложились независимо отъ того, кто были въ гражданскомъ отношеніи ихъ первые основатели—ссылные или добровольные поселяне, помѣщичьи ли крестьяне, или же просто бѣглецы, бывшіе ли воинскіе поселяне, монастырскіе крестьяне, или казаки и казачки подсуѣдки. Въ ревизскихъ сказкахъ и теперь еще существуетъ это бывшее подраздѣленіе поселенцевъ, получившихъ впоследствии общее названіе крестьянъ, но тѣмъ не менѣе такая разношерстность первыхъ поселенцевъ ни мало не помѣшала развитію общей типичной формы днѣпровскихъ общинъ—формы однопоселочной. Тутъ существенно важенъ былъ лишь одинъ племенной составъ населенія; но такъ какъ подавляющее большинство населенія составляли малороссы, то и общины должны были сложиться подъ прямымъ вліяніемъ малорусскихъ общинныхъ идеаловъ и понятій.

Вмѣстѣ съ такимъ развитіемъ общинныхъ формъ шло и постепенное, прогрессивное развитіе способовъ разверстки общинныхъ земель и угодій между отдѣльными членами общинъ и порядковъ пользованія этими землями и угодьями. Такъ какъ существующія формы днѣпровскихъ общинъ можно разбить на два совершенно различныя, хотя и далеко неравные, въ численномъ отношеніи, вида, и такъ какъ оба эти вида представляютъ собою совершенно различныя степени развитія общинныхъ формъ, то, слѣдовательно, уже на основаніи существующихъ общинныхъ распорядковъ, можно прослѣдить, какъ ту взаимную связь, которая существуетъ между извѣстной общинною формою, съ одной стороны, и извѣстными порядками разверстки; съ другой, такъ и ту послѣдовательную историческую преемственность, которая должна была существовать между разными общинными порядками при постепенномъ ихъ развитіи.

Преобладающій порядокъ разверстки общинныхъ земель въ разныхъ общинахъ Днѣпровскаго уѣзда состоитъ въ слѣдующемъ: за исключеніемъ усадебъ, всѣ общинныя земли и угодья дѣлятся обыкновенно на двѣ довольно неравномѣрныя количественно части—«толѣку» или выгонъ и «царину» или пахотныя и сѣнокосныя земли. Толѣка прилегаетъ непосредственно къ самому селенію; царина начинается отъ выгонной межи. Смотря по общему очертанію общинныхъ земель, прилегающихъ къ селенію, и царина, и толѣка принимаютъ ту или другую форму при отмежевкѣ первой отъ второй. Можно вообще принять за правило, что и толѣка, и царина располагаются вокругъ селенія—сначала толѣка и затѣмъ царина, такъ что получается нѣчто въ родѣ двухъ заключенныхъ одна въ другую фигуръ, при чемъ селеніе, кромѣ центрального, можетъ занимать и другія положенія въ этихъ фигурахъ, находясь непремѣнно всегда на толѣкѣ. Толѣка затѣмъ находится въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ членовъ общины и служитъ исключительно для выпаса скота; а «царина» и сѣнокосы дѣлятся по качеству и мѣстоположенію на отдѣльныя части или клинья, распадающіяся, въ свою очередь, на пай или душевыя надѣлы.

Но такая распланировка общинныхъ земель существуетъ только въ однопоселочныхъ общинахъ. Въ общинахъ смѣшанныхъ, состоящихъ изъ селъ и хуторовъ вмѣстѣ, она отличается нѣкоторыми особенностями. Въ этихъ послѣднихъ общинахъ также существуютъ выгоны, прилегающіе къ деревнямъ, также есть

царина съ сѣнокошными землями, но вѣсть о тѣхъ находится цѣлыя участки земли подъ хуторами. Участки эти засчитываются общинами въ счетъ надѣловъ хуторянъ и носятъ болѣею частью смѣшанный характеръ, то-есть представляютъ въ маломъ видѣ соединеніе царины съ толокою; одна часть такихъ участковъ употребляется для огородовъ и распахви, другая предназначена подъ выпасъ и сѣнокосы. Такимъ образомъ, этотъ второй видъ разверстки общинныхъ земель на части отличается отъ предыдущаго болѣею сложностью; но онъ, однако, представляетъ въ своемъ развитіи только предшествующую стадію по отношенію къ первому, подобно тому, какъ соответствующая ему смѣшанная общинная форма представляетъ предшествующую въ развитіи ступень односелечной формы. И такое дѣленіе общинныхъ земель возникло, по всей вѣроятности, послѣ того, какъ отдѣльные члены общинъ составили изъ себя болѣеинство, поставившее ограничить право свободной заимки земель,

Возматриваясь ближе въ оба вида распланировки общинныхъ земель, при пользованіи ими, легко замѣтить преимущества въ этомъ отношеніи перваго вида предъ вторымъ. При равномъ почти пропорціонально общему количеству земли населеніи, дробленіи земель на отдѣльные надѣлы или, какъ выражаются малороссы, «подѣлки», въ первомъ случаѣ получается меньше дорогъ и проѣздовъ, чѣмъ во второмъ. Самый характеръ черезполосности также оказывается болѣе выгоднымъ для общинъ въ первомъ случаѣ, чѣмъ во второмъ. Въ односелечныхъ общинахъ разбивка земель на отдѣльные участки производится по возможности правильными геометрическими фигурами, вслѣдствіе чего проѣзды и дороги, во первыхъ, оказываются прямыми и короче, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда распланировка производится менѣе правильнымъ образомъ и, во вторыхъ, самое количество дорогъ и проѣздовъ также оказывается ограниченнѣе, чѣмъ при другой болѣе неправильной распланировкѣ; наконецъ, дороги и проѣзды въ этомъ случаѣ служатъ и межниками, а при распахкѣ мѣстами оборотовъ плуга. Наоборотъ, въ смѣшанныхъ общинахъ хутора своимъ расположеніемъ иногда въ довольно важныхъ въ хозяйственномъ отношеніи пунктахъ и разбросанностью положительно мѣшаютъ такому выгодному дѣленію земель, какой существуетъ въ односелечныхъ общинахъ. Помимо излишняго, неэкономнаго увеличенія разныхъ дорогъ, проѣздовъ и межниковъ, черезполосность при этомъ получаетъ крайне невыгодный и убыточный характеръ

какъ для хуторянъ, поставленныхъ въ необходимость прилагать особенный надзоръ при выпасѣ своего скота, такъ и для сельчанъ, мало застрахованныхъ отъ разнаго рода потравъ ихъ пашень и сѣнокосовъ.

Мы опишемъ здѣсь нѣсколько подробнѣе существующіе способы разверстки общинныхъ земель и для примѣра возьмемъ Больше-Маячковскую общину, представляющую вообще много интереснаго въ оной жизни и самоуправленіи.

Село Большая или Новая Маячка, было основано въ началѣ нынѣшняго столѣтія, если не ошибаемся въ 1805 году. Съ самаго начала своего возникновенія оно было населено частию малороссами, а частию великороссами. Въ настоящее время, оно насчитываетъ около шести тысячъ жителей и распадается на двѣ почти равныя части—малорусскую и великорусскую. Въ бытовомъ отношеніи—обѣ эти части носятъ довольно рѣзкое племенное отличіе одна отъ другой. Малороссы придерживаются своихъ обычаевъ, а великороссы своихъ. Языкъ, одежда и постройки совершенно отличны у тѣхъ и другихъ. Малороссы даже рѣдко рождаются съ великороссами, и наоборотъ. И тѣмъ не менѣе, не смотря на все это, ни вся община, такъ коллективная хозяйственная единица, ни порядки разверстки и дѣлежа земель не носятъ никакихъ существенныхъ особенностей и отличій отъ тѣхъ изъ днѣпровскихъ общинъ, которыя населены исключительно однимъ малорусскимъ племенемъ и по своей формѣ схожи съ Больше-Маячковою общиною.

Больше-Маячковская община располагается около 22.000 десятинъ общинной земли или около 8 десятинъ на одну ревизскую душу всей земли и $4\frac{1}{2}$ удобной. Въ хозяйственномъ отношеніи, общинныя земли, кромѣ усадебныхъ, распадается собственно на двѣ части: на «толку» или выгонъ и «царину» или пашни. Маячковцы не имѣютъ даже своихъ сѣнокосовъ, считая болѣе выгоднымъ набирать ихъ у ближайшихъ помѣщиковъ, а свои общинныя земли обращать исключительно въ пахатныя поля. Толка окружаетъ непосредственно все селеніе, а царина начинается отъ межи выгона, разпадаясь, въ видахъ удобства дѣлежа, по качеству почвы, характеру мѣстности и тому или другому положенію, на нѣсколько отдѣльныхъ частей или клинцевъ, извѣстныхъ подъ разными собственными именами, какъ напр. Раслопана, Хаблова, Кучугуры, Попова, Перекрестова и пр. При разверсткѣ, по этому, царины на души, каждый общинникъ, имѣ-

ющій право на надѣль, получаетъ его въ каждой изъ названныхъ частей въ видѣ полосъ. Передѣлы обыкновенно производятся при ревизіяхъ и состоятъ въ слѣдующемъ: предварительно измѣряется вся земля, принадлежащая общинѣ, и разбивается на извѣстное число клиньевъ, но притомъ такъ, чтобы каждый клинъ имѣлъ по возможности удобную форму для дальнѣйшаго дѣленія. Все это, равно какъ и самый дѣлежъ на пай или «подѣлки», было произведено въ послѣдній разъ нанятымъ землеѣромъ, а прежде производилось особыми специалистами изъ крестьянъ. Затѣмъ отъ межи, раздѣляющей царину и толѣку, проводится прямыми линіи для дорогъ и проѣздовъ въ радіальномъ приближенно направленіи по отношенію къ выгону. Это такъ называемыя «шнуры». Между каждыми двумя такими шнурами полагается пространство земли въ 120 сажень. Все это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы сократить, по возможности, количество дорогъ и проѣздовъ и сдѣлать удобнымъ для всякаго общинника доступъ къ своимъ пашнямъ. Сообразно со всѣмъ этимъ, и все село для лучшихъ удобствъ при дѣлежѣ разбивается на семь кварталовъ по мѣсту жительства общинниковъ, и для каждаго такого квартала составляется поименный списокъ отдѣльныхъ домохозяевъ, расположенныхъ въ спискѣ также въ извѣстномъ пономерованномъ по мѣсту жительства порядкѣ. Когда бываетъ размѣрена вся земля и расчислено то количество ея, которое должно приходиться на душевой надѣль въ каждомъ изъ клиньевъ,—общинники приступаютъ къ метанію жеребья по кварталамъ. Мечется жеребій обыкновенно при дѣлежѣ на кварталы каждаго клина, и этимъ метаніемъ опредѣляется собственно тотъ порядокъ, въ какомъ должны получить свои надѣлы каждый кварталъ. Положимъ, разверстывается по кварталамъ «красная часть» или клинъ. Для этого готовится, семь нумерованныхъ жеребьевъ, т. е. № 1-й, № 2-й, № 3-й и т. д. и затѣмъ эти жеребья бросаются по кварталамъ. Кварталь, на долю котораго выпалъ жеребій № 1-й, получаетъ свой надѣль первымъ отъ толѣки или отъ «красной межи», смотря по тому, какъ заранѣе условится «громада» на этотъ счетъ; далѣе рядомъ съ первымъ получаетъ свой надѣль кварталъ, взявшій № 2-й, потомъ № 3-й и т. д. Затѣмъ каждый изъ домохозяевъ получаетъ свою полосу или «подѣлокъ» въ томъ размѣрѣ, какой ему слѣдуетъ по числу числящихся въ его семействѣ ревизскихъ душъ, уже прямо по списку, т. е. если онъ числится въ спискѣ по мѣсту жительства первымъ, то пер-

вымъ получаетъ и свой «поділокъ», если десятымъ, то десятымъ получаетъ и свою полосу и т. д. Точно такимъ же порядкомъ разверстываются и другіе клинья.

Такимъ образомъ, средній душевой надѣлъ или «поділокъ» опредѣляется сообразно съ количествомъ ревизскихъ душъ, числящихся въ общинѣ. Разъ онъ опредѣленъ, во все остальное время до слѣдующей ревизіи онъ остается величиною неизмѣнною. Могутъ произойти тѣ или другія видоизмѣненія въ распредѣленіи надѣловъ между разными домохозяевами одной и той-же общины, но душевой пай останется при этомъ величиною постоянною и соотвѣтствующею извѣстному количеству лежащихъ на немъ среднихъ платежей съ ревизской души. Въ томъ случаѣ, когда вымираютъ, напр., всѣ члены семьи, община принимаетъ на счетъ своей кассы уплату податей за умершихъ, а землю, такъ сказать, отдаетъ въ аренду желающимъ, при чемъ руководится силою нуждъ этихъ послѣднихъ: землю беретъ не тотъ, кто болѣе дастъ,—платежи остаются равными за всякій душевой «поділокъ»,—а тотъ, кто больше нуждается или кому вообще присудитъ община. Такъ поступаетъ община во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой «поділокъ» почему-либо попадаетъ въ ея распоряженіе до наступленія новой ревизіи. Но бываютъ и исключенія. Если въ семьѣ, напр., вымираютъ взрослые члены и остаются одни маломочные — вдовы съ малолѣтними дѣтьми, подростки и вообще женщины, могущія обрабатывать извѣстное количество земли при помощи сосѣдей, помочей и пр., то община даетъ такимъ маломочнымъ семьямъ потребное количество земли и при этомъ совершенно освобождаетъ ихъ отъ всякихъ платежей, уплачивая эти послѣдніе изъ общественной кассы. Вообще, при передачѣ земли изъ однихъ рукъ въ другія, община не ощущаетъ какихъ-либо затрудненій, такъ какъ земля считается достаточно обезпечивающею лежаціе на ней платежи. «Поділокъ» затѣмъ считается временною собственностью того, кому онъ достался при дѣлѣжѣ. На этомъ основаніи общинники мѣняются «поділками» и даже «продаютъ» ихъ или, точнѣе, уступаютъ ихъ во временное пользованіе другихъ за извѣстное вознагражденіе.

Другая часть общинныхъ земель, принадлежащихъ Маячковской общинѣ — толдка, находится въ общемъ пользованіи всей общины. На толдкѣ можетъ свободно пасти свой скотъ каждый общинникъ въ такомъ количествѣ, какимъ только онъ располагаетъ. Общественныя стада—«череды» и «черідки» по этому состав-

ляются домохозяевами совершенно самостоятельно, полюбовно. Такихъ стадъ существуетъ ежегодно въ Маячкѣ нѣсколько и каждое изъ нихъ имѣетъ общихъ пастуховъ—«чередниківъ», договоренныхъ тѣмъ или другимъ концомъ или частью села. Договоръ является, въ такомъ случаѣ, частнымъ дѣломъ нѣсколькихъ домохозяевъ и чередниковъ, безъ всякаго участія всей общины, «громады» за извѣстное натуральное и денежное вознагражденіе чередники берутъ на себя разъ установленныя обычаемъ обязательства. Обычаемъ же опредѣляется и гарантируется соблюденіе обязательствъ обѣими договаривающимися сторонами.

Но выгономъ въ Маячковой общинѣ служить не одна толокка. Подъ выгонъ, въ извѣстное время года, запускаются и пахатныя поля. Начиная съ первыхъ чиселъ іюля и до конца почти августа, т. е. въ періодъ, когда бываетъ снять съ корня хлѣбъ и не засѣять снова, въ выгонъ превращается вся царина. Впрочемъ, выпаска скота на такихъ снятыхъ мѣстахъ царины отдается общиною большею частію въ аренду и притомъ совершенно стороннимъ общинѣ лицамъ. Съ этою цѣлю «громада» и вступаетъ ежегодно въ извѣстныя условія съ ближайшими помещиками, которые нанимаютъ царину подъ выпасъ овецъ въ течение указаннаго періода. И подобнаго рода сдѣлки оказываются на столько выгодными для общины, что даютъ ей, безъ всякихъ сколько-нибудь ощутительныхъ потерь съ ея стороны, до трехъ тысячъ рублей аренды въ одно лѣто.

Есть, наконецъ, въ общинѣ нѣкоторая доля и такихъ земель и угодій, которыя какъ бы исключены общиною изъ существующихъ порядковъ общей поквартальной и душевой разверстки и не находятся вмѣстѣ съ тѣмъ въ общемъ, нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ членовъ общины. Это, во-первыхъ, небольшіе клочки земель, находящихся подъ хуторами или вѣрнѣе «зимовниками», во-вторыхъ, «плавня», т. е. прирѣчное пространство, поросшее камышами, и лугъ на рѣкѣ Конкѣ, и въ третьихъ, рыбныя ловли на той же рѣкѣ и общественный садъ, находящійся въ самомъ селѣ.

Въ числѣ общинныхъ земель, принадлежащихъ селенію, находится особое песчаное пространство, извѣстное здѣсь подъ именемъ «кучугуръ», съ находящимися на немъ небольшими болѣе или менѣе удобными клочками земли. Пространство это, благодаря такому своему характеру, совершенно исключено общиною

изъ числа земель, находящихся въ общей разверсткѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его плодородные оазисы отдаются желающимъ въ надѣлъ съ прилегающими къ нимъ песками и съ правомъ заводить здѣсь хутора и держать скотъ. Дѣлается это, разумѣется, въ виду большихъ удобствъ для разверстки общинныхъ земель, въ виду обоюдныхъ выгодъ, какъ всей общины, такъ и отдѣльныхъ ея членовъ. Неудобства надѣла окупаются здѣсь возможностью вести хуторское пастушеское хозяйство—исключеніемъ, дѣлаемымъ общиною ради экономіи общинныхъ земель, и кучугуры такимъ образомъ съ выгодой эксплуатируются отдѣльными общинниками, не лишая вмѣстѣ съ тѣмъ прямыхъ выгодъ и всей общины. Впрочемъ, надѣловъ этого рода сравнительно мало съ общимъ количествомъ общинныхъ земель. Самые хутора, служащіе только подспорьемъ, частью хозяйствъ общинниковъ, живущихъ въ селѣ и имѣющихъ здѣсь свое главное хозяйство, не отличаются особеннымъ благоустройствомъ и фундаментальностью, а носятъ временный характеръ, характеръ зимовниковъ, т. е. такихъ обзаведеній, которыя общинникъ всегда можетъ снять съ мѣста безъ особенныхъ потерь и убытковъ для себя.

Въ силу подобныхъ же, могущихъ усложнять общую разверстку земель, причинъ исключена общиною изъ общей разверстки и «плавня» съ лугомъ на рѣкѣ Конкѣ. Плавня эта и лугъ производятъ только камышъ и луговую траву и положительно неудобны для распашки. Но такъ какъ занимаемое ими пространство довольно незначительно, то община, чтобы не дробить его на слишкомъ мелкіе клочки, порѣшила сдавать все пространство въ аренду съ торговъ своимъ же односельчанамъ, а выручаемая такимъ способомъ деньги вносить въ общественную кассу на общественныя нужды.

Въ аренду же сдаются рыбныя ловли и общественный садъ, а арендные деньги точно также поступаютъ въ общественныя суммы. Такъ какъ рыбныя ловли принадлежатъ общинѣ только на незначительномъ пространствѣ рѣки Конки и при томъ не отличаются особенною цѣнностью, то дробленіе ихъ на части оказывается положительною невозможностью, а къ общественному саду, хотя и можно было бы приложить ту или другую систему общиннаго пользованія, но въ виду многолюдности общины и устраненія взаимныхъ неудовольствій и пререканій между отдѣльными членами, онъ также отнесенъ общиною къ числу арендныхъ статей.

Таковы-то въ общихъ чертахъ существующіе въ Больше-Маячковой общинѣ порядки для дѣла и пользованія общинными землями и собственностью. Не считая ихъ совершенно типичными для большинства остальныхъ общинъ Днѣпровскаго уѣзда, можно замѣтить тѣмъ не менѣе, что порядки эти болѣе или менѣе общи и для этихъ послѣднихъ. Извѣстныя уклоненія въ этомъ отношеніи можно найти въ порядкахъ каждой общины, но уклоненія эти касаются во всякомъ случаѣ не существа дѣла, а только разнаго рода частныхъ и второстепенностей.

Тамъ, гдѣ общины располагаютъ своими собственными сѣнокосами, чего, какъ мы видѣли выше, у Больше-Маячковой общины нѣтъ,—общинныя земли также распадаются на двѣ части: на толбу и царину, но къ царинѣ причисляются и сѣнокосныя земли. Существенныхъ отступленій отъ описанной уже нами формы верстанія земель въ этомъ случаѣ не оказывается. Вся разница заключается тутъ въ большемъ сравнительно количествѣ свободной земли и меньшемъ относительно размѣрѣ запашекъ. Самое же распредѣленіе земель производится по описанному выше способу, и сѣнокосныя угодья, поэтому, не выдѣляются въ особые клинья изъ общаго количества земель, составляющихъ царину, но входятъ цѣликомъ въ эту послѣднюю: на сколько «поділковъ» распадается царина, на столько же и сѣнокосныя угодья, такъ что сѣнокосныя влочки служатъ какъ бы дополненіемъ пахатныхъ полосъ. Такимъ образомъ, царина и сѣнокосы составляютъ въ этомъ случаѣ какъ бы совершенно однородныя земли. Каждый общинникъ получаетъ извѣстный «поділокъ» въ извѣстномъ клинѣ, но какъ онъ потомъ распорядится съ этимъ «поділкомъ»—это зависитъ исключительно отъ его доброй воли. Община тутъ ни при чемъ. Захочетъ общинникъ—онъ пуститъ всѣ земли въ пахоту, не заблагоразсудится ему это сдѣлать—онъ можетъ оставить подъ сѣнокосъ часть своего надѣла или же и весь цѣликомъ. Однимъ словомъ, культивировка земель, система хозяйства здѣсь оказывается совершенно личнымъ дѣломъ cadaго общинника, и этимъ обстоятельствомъ обуславливается полнѣйшее слияніе пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель въ отдѣльныя «поділки.» Та же Больше-Маячковская община, обратившаяся въ настоящее время, всѣ сѣнокосныя свои земли въ царину, въ пашни, благодаря извѣстной степени экономическаго благосостоянія своихъ членовъ, съ одной стороны, и возможности арендовать помѣщичьи сѣнокосы, съ другой,—раньше имѣла и свои

общинные сѣнокосы, входившіе также частями въ отдѣльные «подѣлки» да и въ настоящее время отдѣльные хозяева оставляютъ иногда клочки своихъ «подѣлковъ» подъ сѣнокосъ. Тамъ же, гдѣ общины стоятъ въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, гдѣ есть еще достаточное количество свободныхъ, нераспаханныхъ земель,—эти послѣднія входятъ частичками въ отдѣльные «подѣлки» въ формѣ сѣнокосныхъ клочковъ. Таковы, напримѣръ, земельные порядки въ этомъ отношеніи въ общинѣ села Чаплынки.

Нѣсколько иныхъ способовъ при разверсткѣ общинныхъ земель и угодій придерживаются тѣ изъ общинъ Днѣпровскаго уѣзда, въ районѣ которыхъ находятся хутора и хуторскіе поселки. Въ общинахъ этого рода общинныя земли, гдѣ только есть возможность, также дѣлятся на царину и толоку, но рядомъ съ такимъ дѣлежомъ существуетъ и другой, специально приспособленный къ хуторскимъ займамъ, способъ дѣлежа общинныхъ земель. При этомъ специальномъ способѣ надѣленіе хуторовъ землями производится, такъ сказать, естественнымъ образомъ. Каждый хуторъ получаетъ въ надѣлъ прилегающія къ нему земли и угодья въ такомъ количествѣ, какое ему слѣдуетъ по числу ревизскихъ душъ, а за избыткомъ надѣла, если окажется таковой, или самъ хозяинъ пожелаетъ его имѣть въ извѣстномъ размѣрѣ, вносятся обыкновенно пропорціонально количеству земли установленные платежи въ общественную кассу. Такимъ образомъ, хуторскіе дѣлежи совершенно мѣняютъ характеръ общинной разверстки, существующей въ однопоселочныхъ общинахъ или въ такихъ, гдѣ хутора, по своей малочисленности и незначительности, служатъ едва замѣтнымъ исключеніемъ, и само собою понятно, что чѣмъ больше оказывается въ извѣстной общинѣ хуторовъ, тѣмъ сильнѣе видоизмѣняется въ ней этотъ характеръ разверстки. Но это весьма существенное отличіе разверстки земель въ смѣшанныхъ общинахъ отъ общинъ однопоселочныхъ опять-таки ни мало не вліяетъ на тотъ или другой размѣръ дѣленія общинныхъ земель на пашни и сѣнокосы. Въ частности распредѣленіе земель на два вида—на пашни и сѣнокосы, является личнымъ дѣломъ каждаго домохозяина. Всякій домохозяинъ получаетъ въ надѣлъ земли обоого рода вмѣстѣ и всякій потомъ воленъ обратить ихъ въ пашни или сѣнокосы. Поэтому и хуторскіе надѣлы, и разверстка земель по клиньямъ ни чѣмъ существенно не рознятся въ этомъ послѣднемъ отношеніи.

Вообще на существующіе въ днѣпровскихъ общинахъ порядки разверстки земли, помимо всѣхъ другихъ условій, имѣетъ извѣст-

ную долю влияния и то обстоятельство, что въ Днѣпровскомъ уѣздѣ находится значительное количество помѣщичьихъ земель и нѣкоторая доля казенныхъ. Для отдѣльныхъ общинъ, благодаря этому обстоятельству, есть возможность арендовать частныя земли и, стало быть, по усмотрѣнію поступать съ своими собственными общинными землями, обращая ту или другую ихъ часть, смотря по необходимости, въ пахоту или сѣнокосы. Смотря по тѣмъ выгодамъ, какія доставляетъ общинникамъ аренда частныхъ земель и по той или другой возможности аренды, видоизмѣняется, поэтому, до извѣстной степени и характеръ разверстки общинныхъ земель или, вѣрнѣе, ихъ эксплуатація, система хозяйства. Выше мы видѣли, что Маячковская община не имѣетъ своихъ общинныхъ сѣнокосовъ, предпочитая обращать свободныя нераспаханныя земли въ пахоту, благодаря возможности снимать сѣнокосныя земли у ближайшихъ помѣщиковъ. Та же община арендуетъ, кромѣ того, около шести тысячъ десятинъ помѣщичьихъ земель, и это обстоятельство опять-таки ни мало не побуждаетъ общинниковъ обращать свои земли въ сѣнокосы. Оно только указываетъ на матеріальную обезпеченность общины и достаточность рабочихъ средствъ у общинниковъ, а при обиліи капиталовъ и рабочихъ средствъ выгоднѣе обращать свои собственные земли въ пахоту, нанимая для сѣнокосовъ на сторонѣ, такъ какъ хлѣбопашество даетъ больше доходовъ, чѣмъ сѣнокосы. Рядомъ съ частными землями днѣпровскія общины арендуютъ также и казенныя. Такъ Чаплынская община, нанимая казенныя земли подъ попасъ скота, распредѣляла сумму арендной платы между отдѣльными общинниками пропорціонально количеству скота у каждаго домохозяина, налагая извѣстную опредѣленную плату на каждую голову крупнаго и мелкаго скота. Точно такихъ же порядковъ аренды придерживалась ранѣе и Маячковская община.

Такимъ образомъ, отличительная черта общинно-земельныхъ порядковъ въ описываемыхъ нами общинахъ, касаются ли эти порядки общинныхъ земель или земель, арендуемыхъ цѣлою общиною, заключается въ полнѣйшей свободѣ веденія хозяйства каждымъ общинникомъ. Общинамъ этимъ совершенно чужда принудительная обработка земли и общность той или другой системы веденія хозяйства. Нѣтъ во всѣмъ уѣздѣ ни одной общины, въ которой встрѣчалась бы излюбленная великороссами трехпольная культура земли, служащая обязательно системою хозяйства для всѣхъ членовъ общины безъ исключенія. Каждый общинникъ ве-

детъ свое хозяйство совершенно самостоятельно, независимо. Всякій хозяинъ придерживается только тѣхъ способовъ обработки земли, той системы дробленія ея на нахотныя и сѣнокосныя части, на яровыя, озимыя, паровыя и залежныя поля, какіе считаетъ выгодными для себя въ данное время. Въ текущемъ году онъ можетъ извѣстнымъ образомъ распредѣлить все эти части, а въ слѣдующемъ или чрезъ два-три года совершенно новымъ, инымъ уже способомъ. Это—дѣло его ума, воли и практической сноровки. Община тутъ бываетъ ничѣмъ не причастна. Она, какъ выражаются малороссы, тутъ «ни грачь, ни помагачъ». Сплошь и рядомъ поэтому встрѣчаются тутъ такіе факты: между тѣмъ, какъ одинъ общинникъ придерживается, напримѣръ, двупольной системы при обработкѣ своей земли, рядомъ съ нимъ другой общинникъ ведетъ свое хозяйство по трехпольной или даже пятипольной системѣ, а третій и совсѣмъ не придерживается никакой системы. Точно то же надо сказать и относительно выбора культурныхъ растений для хозяйства. Одинъ считаетъ болѣе выгоднымъ въ интересахъ своего хозяйства сѣять разные виды хлѣбовъ и злаковъ, другой предпочитаетъ имъ огородныя овощи и корнеплодные растенія. Нѣкоторые, наконецъ, изъ хозяевъ, отодвигая на задній планъ и земледѣліе, и огородничество, сосредоточиваютъ свои заботы на скотоводческомъ хозяйствѣ.

Само собою понятно, что такая свобода и нестѣсняемость въ культивировкѣ общинныхъ земель одинаково выгодно дѣйствуетъ, какъ на экономическій складъ цѣлыхъ общинъ, такъ и на хозяйства отдѣльныхъ общинниковъ. Свобода эта даетъ каждому общиннику возможность вести свое хозяйство, приспособляясь къ мѣстнымъ условіямъ и сообразуясь съ своими рабочими силами и капиталомъ, то есть, ставить каждое отдѣльное хозяйство въ такое положеніе, при которомъ общинникъ, разумѣется, въ зависимости отъ даннаго уровня общаго экономическаго развитія и техническихъ познаній, извлекаетъ возможно большіе доходы. Но хорошее положеніе единичныхъ хозяйствъ хорошо отражается на благосостояніи всей общины хотя бы потому уже, что увеличиваетъ ея платежныя силы и, стало быть, ставитъ ее въ лучшія условія по отношенію къ круговой поруцѣ членовъ другъ за друга. И, дѣйствительно, различныя общины Днѣпровскаго уѣзда придерживаются и разныхъ видовъ сельскаго хозяйства, и это общее разнообразіе еще рѣзче обнаруживается при сравненіи единичныхъ хозяйствъ. Одна община рядомъ съ земледѣліемъ даетъ

просторъ и скотоводческому хозяйству; другая обращаетъ вниманіе исключительно на земледѣліе, а третья занимается только огородничествомъ. Можно принять за общее правило тотъ фактъ, что однопоселочныя общины—общины по преимуществу земледѣльческія, а многія изъ смѣшанныхъ общинъ предпочитаютъ земледѣлію огородничеству; скотоводство же является, такъ сказать, нейтральнымъ и въ разныхъ общинахъ отличается различными размѣрами. Весьма интересно въ этомъ отношеніи видоизмѣненіе хуторскаго хозяйства, видоизмѣненіе, происшедшее отъ приспособленія хуторскихъ хозяйствъ къ новѣйшимъ экономическимъ условіямъ. Дѣло въ томъ, что между существующими въ настоящее время хуторами и тѣми, которые возникли при началѣ колонизаціи края, оказывается довольно ощутительная разница. Прежніе хутора вели исключительно скотоводческое хозяйство, занимаясь земледѣліемъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, какъ подспорьемъ только; большинство нынѣшнихъ хуторовъ занимается, главнымъ образомъ, огородничествомъ, нѣкоторые, какъ напр. Бардашинскіе хутора, принадлежащіе Алешкамъ, исключительно, а другіе вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти земледѣліемъ и скотоводствомъ. Для прежняго широкаго веденія скотоводства оказывается уже недостаточно общинной земли и угодій, а огородничество, между тѣмъ, какъ хозяйство по преимуществу интенсивное, требуетъ мало мѣста подъ себя, вполне соотвѣтствуетъ въ извѣстныхъ мѣстахъ характеру мѣстности и свойствамъ почвы и вызывается спросомъ на огородные продукты со стороны тѣхъ общинъ и поселеній, гдѣ оно оказывается невыгоднымъ или просто невозможнымъ.

Такимъ образомъ, различные виды сельскаго хозяйства въ днѣпровскихъ общинахъ возникли и развились, повидимому, прежде всего въ зависимости отъ различія въ естественныхъ условіяхъ края. Отсутствие принудительной обработки, обусловливаемой тою или другою обязательною системою веденія хозяйства, не только не препятствовало возникновенію того или другаго вида хозяйства у того или другаго общинника, но само по себѣ это отсутствіе всегда находилось въ извѣстной зависимости отъ естественныхъ особенностей мѣстности. Днѣпровскій уѣздъ представляетъ мѣсто, гдѣ собственно земледѣльческое хозяйство ведется до сихъ поръ безъ всякихъ искусственныхъ удобреній почвы, благодаря лишь естественному плодородію ея, съ одной стороны, и возможности вести залежное хозяйство, съ другой. Случаи удобренія почвы

искусственнымъ образомъ пока единичны, не значительны. Тутъ, слѣдовательно, принудительная обработка земли потому уже невозможна, что немыслима и самая трехпольная пультура, служащая, какъ извѣстно, обязательною системою обработки земли въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Но однимъ этимъ обстоятельствомъ врядъ ли можно объяснить ту широкую свободу, которою пользуется въ днѣпровскихъ общинахъ каждый общинникъ, какъ сельскій хозяинъ. Свобода эта обуславливается самымъ складомъ и характеромъ днѣпровскихъ общинъ. Она лежитъ въ самой идеѣ общины и затѣмъ отчасти въ привычкахъ и натурѣ малоросса. Малороссъ, стойкій и упорный во всемъ томъ, что касается общественныхъ, «громадскихъ» интересовъ, любить тѣмъ не менѣе широкій просторъ и нестяжательность въ своей обыденной, частной жизни. Стремленія къ полнѣйшей свободѣ въ этомъ послѣднемъ отношеніи, къ веденію единичнаго, независимаго хозяйства, въ немъ несомнѣнно сильны и живучи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ малороссъ высоко цѣнить и прекрасно понимаетъ настоящую силу своихъ отношеній къ общинѣ. Община для него—мать и верховный судья, и рѣшенія громады, юридически полноправныхъ, въ крестьянскомъ обычномъ смыслѣ, представителей ея, для него также святы и обязательны, какъ и рѣшенія «мира» для великоросса. Вотъ почему въ днѣпровскихъ общинахъ издавна уживались рядомъ съ чисто общинными порядками и строго личные, индивидуальныя интересы. Выше мы видѣли, что малороссы издавна, съ самаго начала колонизаціи края, имѣли обыкновение заводить хутора, стараясь, такимъ образомъ, вести единичныя хозяйства возможно независимо, самостоятельно. Обычай свободной заимки земель и угодій, и при томъ заимки нерѣдко на правѣ сильного, здѣсь игралъ первоначально особенно видную роль. Кто и гдѣ захватывалъ лучшія земли и угодья, тотъ тѣмъ и пользовался. Но позже, когда отдѣльныя общины начали находить такіе захваты противными интересамъ большинства членовъ, хутора и даже поселки были сломаны и снесены, а на занимаемыхъ ими мѣстахъ были заведены общинныя напни и сѣнокосы. Общество или «громада» всегда была и есть самою компетентною и несокрушимою силою въ общинѣ. Разъ громада сдѣлала извѣстное обязательное для общинника постановленіе, предъ постановленіемъ этимъ ступшевываются всѣ частныя интересы, всѣ личные привычки, всѣ индивидуальныя поппозовенія,—и естественно поэтому, что малороссъ, такъ любя-

щій независимость и замкнутость въ своей частной жизни, жертвуетъ сплошь и рядомъ своими излюбленными привычками и наклонностями въ пользу общественнаго блага, въ пользу громадскаго дѣла. Намъ извѣстенъ характерный случай, какиxъ, надо полагать, можно найти въ жизни днѣпровскихъ общинъ не мало, служащій прекраснымъ поясненіемъ сейчасъ высказанной мысли. Случай этотъ имѣлъ мѣсто въ общинѣ села Черненькой и относится къ той формѣ общинныхъ отношеній, которая извѣстна подъ именемъ общинной обработки земли. На этомъ случаѣ стоитъ остановиться, такъ какъ онъ характеренъ вообще для общинно-земельныхъ порядковъ.

До освобожденія крестьянъ село Черненька принадлежало Мордвиновымъ. Благодѣтельные графы, предвидя уничтоженіе крѣпостнаго права и не дожидаясь того времени, когда наступитъ это уничтоженіе, раньше постарались освободить своихъ крестьянъ, подаривъ имъ по одной съ четвертью десятины земли на каждую душу мужскаго пола и оставивъ въ своемъ распоряженіи громадныя пространства пустопорожныхъ и бывшихъ въ пользованіи крестьянъ земель. Вслѣдствіе этого мордвинскіе крестьяне не подпали подъ общую категорію освобожденныхъ положеніемъ 19 февраля крѣпостныхъ. Расчетъ Мордвиновыхъ удался и крестьяне, вышедшіе на волю хотя и съ даровымъ, но крайне недостаточнымъ надѣломъ, оказались впоследствии въ положительной кабалѣ у своихъ патронновъ. Когда у этихъ вольноотпущенныхъ явилось желаніе построить свою церковь, то они оказались настолько бѣдны, что о своей церкви имъ нечего было и думать, не смотря на значительную населенность села. Тогда община придумала такое средство для выхода изъ этого затруднительнаго положенія: она выпросила у помѣщиковъ пятьдесятъ десятинъ земли на три года подъ распашку, бесплатно, и порѣшила производить эту распашку сообща, всеми своими наличными силами. Съ этою цѣлю она избрала нѣсколько, такъ называемыхъ, «выборныхъ», которымъ и поручила завѣдываніе общинною обработкою упомянутыхъ пятидесяти десятинъ земли. Было положено также «на радѣ» затраты на сѣмена и вообще разнаго рода расходы по веденію дѣла распредѣлять равномерно между всѣми членами общины. Рабочій скотъ, земледѣльческія орудія и количество рабочихъ силъ долженъ былъ выставять ежегодно каждый домохозяинъ-общинникъ, сообразно съ общими запросомъ и требованіями предпринятой обработки. И община, дѣйствительно,

три года сряду обрабатывала упомянутую землю подъ непосредственнымъ надзоромъ своихъ выборныхъ, исполняя безпрекословно и съ точностью крупныя и мелкія земледѣльческія работы, начиная съ вспашки земли и оканчивая окончательною обработкою и очисткою зерна. Для продажи потомъ хлѣба въ формѣ очищеннаго совершенно уже зерна община ежегодно осенью назначала торги, о чемъ заявляла и ближайшимъ общинамъ. Хлѣбъ, проданный на сторону, община доставляла на своихъ собственныхъ подводахъ въ назначенные пункты, собирая подводы для этой цѣли по общественному наряду. Однимъ словомъ, вся община, какъ одинъ человѣкъ, дѣйствовала честно и единодушно, прекрасно понимая всѣ выгоды своего общественного, коллективнаго предпріятія.

Другой не менѣе характерный примѣръ общиннаго единодушія и пониманія общинныхъ выгодъ представляетъ собою Больше-Маячковская община, о которой уже была рѣчь выше.

Община эта, какъ извѣстно уже намъ изъ предыдущаго, на половину населена малороссами и на половину великороссами, при чемъ частная, домашняя жизнь и тѣхъ, и другихъ значительно разнится, сохраняя и у первыхъ, и у вторыхъ свои племенные типическія особенности. Разница эта еще рѣзче выступаетъ въ матеріальномъ обезпеченіи обѣихъ половинъ общины. Великороссы живутъ несравненно богаче малороссовъ, что обуславливается, съ одной стороны, большими семьями у великороссовъ, которыя, впрочемъ, въ послѣднее время, стали быстро разрушаться, а съ другой, своего рода гибкостью и податливостью великорусской природы; умѣнѣемъ приспособляться ко всему и изо всего извлекать выгоды. И тѣмъ не менѣе, не смотря на это различіе въ жизни и въ экономическомъ положеніи обѣихъ половинъ общины, община представляетъ изъ себя плотное и единодушное цѣлое тамъ, гдѣ дѣло идетъ о солидарности ея членовъ и единствѣ общинныхъ интересовъ. Общинное начало оказывается крѣпкимъ связующимъ звеномъ, о которое разбиваются племенные и имущественныя несогласія и противорѣчія. О принудительной обработкѣ земли и помину нѣтъ. Про излюбленную трехпольную культуру забыли даже сами великороссы. Земля дѣлится и разверстывается такъ, какъ находить выгоднымъ для себя община, и поэтому въ разныя времена и при различныхъ условіяхъ, какъ мы видѣли выше, общинно-земельные порядки отличались различными особенностями. Господствующею системою сельскаго хо-

зайства всегда была лишь та, которая приносила наиболѣе выгоду хозяину, съ его личной точки зрѣнія. Можно сказать даже болѣе этого. Экономическое неравенство населенія двухъ частей Маячковской общины, въ связи съ племенными ихъ особенностями, часто бываетъ причиною мелкихъ ссоръ и несогласій между великорусскою и малорусскою партіями, несогласій, приведшихъ общину къ мысли о полюбовномъ раздѣлѣ всего села на двѣ совершенно самостоятельныя и независимыя, въ хозяйственномъ отношеніи, общины. И однако, даже подобнаго рода ссоры и несогласія не имѣютъ существеннаго вліянія на дѣла общины въ тѣхъ случаяхъ, когда общинные интересы становятся выше личныхъ дрягъ и носятъ характеръ несомнѣнныхъ выгодъ для всей общины. Вотъ, между прочимъ, интересный эпизодъ въ борьбѣ общины съ акцизнымъ вѣдомствомъ изъ-за общинныхъ интересовъ.

Какъ извѣстно, открытіе кабаковъ въ сельскихъ обществахъ зависитъ исключительно отъ доброй воли обществъ. Кому общество захочетъ дать приговоръ на открытіе кабака, тотъ только и будетъ имѣть право на это открытіе. Больше-Маячковское общество рѣшило извлекать извѣстныя выгоды въ свою пользу изъ этого права сельскихъ обществъ и стало не иначе выдавать свои приговоры на открытіе питейныхъ заведеній въ своемъ селѣ, какъ за извѣстную арендную плату, поступавшую въ общественную кассу. Но такъ какъ этимъ оно, по мнѣнію акцизнаго вѣдомства, стало наносить прямой ущербъ интересамъ казны, уменьшая системю арендъ количество кабаковъ въ своемъ селѣ, то, разумѣется, акцизное вѣдомство и не замедлило вмѣшаться въ дѣла общины, касающіяся выдачи приговоровъ и открытія кабаковъ, выступая съ защитою своихъ акцизныхъ интересовъ. Нѣсколько разъ Больше-Маячковское общество выдавало свои приговоры на открытіе кабаковъ въ селѣ съ торговъ, за извѣстную плату въ пользу общественной кассы—и нѣсколько разъ акцизное вѣдомство разстраивало эту сдѣлку общины съ кабатчиками, настоявъ на открытіи и другихъ кабаковъ безъ всякихъ арендныхъ платъ, и тѣмъ уничтожая сдѣлки общины съ кабатчиками—арендаторами. Тогда община придумала такого рода отводъ для акцизныхъ вмѣшательствъ: она прибрѣла въ общинную собственность въ разныхъ мѣстахъ села четыре домика и стала отдавать ихъ въ наемъ, какъ помѣщенія подъ кабаки, выдавая вмѣстѣ съ тѣмъ свои приговоры на открытіе питейныхъ

только тѣмъ изъ конкурентовъ, которые соглашались платить обществу положенную за эти квартиры плату. Само собою понятно, что дѣйствительный смыслъ этого отвода не укрылся отъ зоркихъ глазъ акцизнаго вѣдомства: за дома было заплачено обществомъ всего какихъ-нибудь двѣ—три сотни; а, между тѣмъ, за отдачу этихъ домиковъ въ наемъ, община взяла съ кабатчиковъ въ одномъ только году около 2.700 рублей. Во всякомъ случаѣ, съ формальной стороны, дѣло было обставлено довольно искусно. Приговоры выдавались только «благонадежнымъ» торговцамъ обыкновеннымъ, установленнымъ порядкомъ, а контракты на наемъ помѣщеній подъ шинки являлись совершенно особою сдѣлкою общины съ нанимателями, безъ которой, однако, не мыслимо было полученіе общественнаго приговора. Тѣмъ не мѣнѣе акцизное вѣдомство снова заявило свои притязанія. Чѣмъ окончились эти новыя притязанія—намъ неизвѣстно; но люди, близко знающіе Маячковскую общину, утверждали, что маячковцы не останутся даже и въ томъ случаѣ, если бы дѣло ихъ не выиграло и при посредствѣ такого отвода, какъ отдача общественныхъ помѣщеній подъ шинки, и что маячковцы всегда съумѣютъ найдти новые отводы для отстаиванія своихъ общинныхъ интересовъ.

Еще знаменательнѣе въ этой борьбѣ оказывается столкновение общины съ административною властью. Дѣло въ томъ, что когда однажды община выдала, по своему обыкновенію, только нѣсколько приговоровъ на открытіе кабаковъ въ селѣ и обошла при этомъ довольно состоятельнаго купца еврея,—этотъ послѣдній, помимо акцизнаго вѣдомства, прибѣгнувъ къ помощи мѣстнаго исправника. Исправникъ явился въ Большую Маячку съ своимъ протеже, потребовалъ собранія схода, яко бы по вопросу о недоимкахъ, для большей внушительности прикрикнувъ на общинниковъ, сталъ упрекать ихъ въ томъ, что они лишили приговора его протеже, человека честнаго и почтеннаго, и съ бранью, и угрозами потребовалъ немедленнаго составленія общественнаго приговора на открытіе шинка протежируемымъ купцомъ—евреемъ. Громадяне упорно молчали и терпѣливо сносили все это, выжидая окончательныхъ результатовъ. Но когда исправникъ потребовалъ писаря и, приказавши ему составить приговоръ, потребовалъ утвержденія его сходомъ, тогда заговорили въ свою очередь и громадяне, сначала малороссы, какъ болѣе стойкій и храбрый народъ, а за ними и вся община. «На какомъ основаніи вы составляете приговоръ? спрашивали они исправника. Мы не дали

вамъ на это своего согласія. Громада не довѣряетъ купцу... Вы ругаете насъ за незаконныя дѣйствія, а сами незаконничаете, составляя ложный приговоръ... Пиши, обратились они къ писарю, приговоръ на исправника; онъ незаконно поступаетъ.» Исправникъ былъ окончательно притиснуть и разбить, что называется, въ пухъ и прахъ громадою. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ тою зависимою, въ какой находится большинство русскихъ сельскихъ общинъ отъ уѣздной административно-полицейской власти, тотъ, конечно, пойметъ всю силу и значеніе приведеннаго сейчасъ факта въ общинной жизни. Подобные факты могутъ быть только естественнымъ, логическимъ послѣдствіемъ вліянія на жизнь общиннаго начала. Тамъ, гдѣ слабо это послѣднее, немислимы и подобные факты.

И такъ, общинное начало само по себѣ служить довольно сильнымъ стимуломъ, опредѣляющимъ внутренній строй и характеръ тѣхъ или другихъ общинныхъ порядковъ. Въ одномъ случаѣ оно выражается въ общинной обработкѣ земли для извлеченія изъ нея доходовъ на чисто религіозныя нужды, въ другомъ—мирить внутреннія несогласія и противорѣчія, возникающія между различными, по племенному составу и матеріальному обезпеченію, частями одной и той же общины, а въ третьемъ—выливается въ такой оригинальной выдумкѣ, какъ общественныя кабаки-квартиры. Но, очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ вліяніе общиннаго начала на народную жизнь даетъ въ концѣ концовъ одинъ и тотъ же результатъ—такія общественныя отношенія, выгоды которыхъ описываются наглядными и осязательными для всѣхъ членовъ общины и поэтому связывающими ихъ въ одну компактную и солидарную группу—въ общину. Такою же наглядною и осязательною пользою оказывается по отношенію къ общинному началу и поддержка въ разныхъ общинахъ различныхъ видовъ сельскаго хозяйства. Существующая въ этомъ отношеніи свобода выбора и примѣненія той или другой сельскохозяйственной системы къ отдѣльнымъ хозяйствамъ общинниковъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ вліянія на жизнь самого общиннаго начала. Естественныя же особенности мѣстности, ея почва, климатъ, характеръ растительности и топографическія свойства, только оформляютъ, такъ сказать, эти свободные порядки и отношенія земельной общины.

Такимъ образомъ, полнѣйшая свобода общинниковъ при веденіи ими своихъ хозяйствъ, свобода, господствующая положи-

тельно во всѣхъ днѣпровскихъ общинахъ, держится на обычномъ воззрѣніи народа на нестѣсняемость частной жизни и хозяйствъ въ видахъ достиженія всеобщей пользы, обуславливаясь въ извѣстной мѣрѣ естественнымъ характеромъ края. Свобода эта является, слѣдовательно, дѣломъ разсчета и соображеній общинниковъ, привыкшихъ одинаково уважать и частные, и общинные интересы, подчинять при случаѣ первые вторымъ и всегда гарантировать вторыми первые. Противники общиннаго землевладѣнія, связывающіе, какъ необходимость, съ этою обычною народною формою экономическихъ отношеній непремѣнно и принудительную обработку земли, найдутъ въ жизни днѣпровскихъ общинъ тысячи фактовъ, противорѣчащихъ такому несообразному съ дѣйствительностью взгляду. Но днѣпровскія общины представляютъ не единичный примѣръ въ этомъ отношеніи. Подобнаго же рода общины встрѣчаются и во многихъ другихъ мѣстахъ Новороссійскаго края. Благожелатели русскаго народа, ревниво заботящіеся о замѣнѣ общиннаго землевладѣнія фермерскими, хуторскими хозяйствами, могутъ во очію убѣдиться изъ жизни тѣхъ же днѣпровскихъ общинъ въ томъ, что народъ раньше ихъ предвосхитилъ ихъ мысль о хуторскомъ хозяйствѣ, съумѣвъ прииѣнить ее къ дѣлу при общинномъ землевладѣніи; но, разъ испытавъ невыгодность этого рода хозяйства, пришелъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Онъ оставилъ хутора только тамъ, гдѣ это оказалось выгоднымъ въ интересахъ сельскаго хозяйства и совершенно уничтожилъ ихъ вездѣ, гдѣ дальнѣйшее существованіе ихъ стало убыточнымъ и невыгоднымъ въ интересахъ того же хозяйства. Наконецъ, изслѣдователи земельной общины найдутъ въ днѣпровской общинѣ новый типъ общиннаго землевладѣнія, служащій новымъ подтвержденіемъ безкончнаго развитія и приспособляемости къ условіямъ мѣста и времени общиннаго начала. Этому новому типу земельной общины совершенно чужда и трехпольная земледѣльческая культура, и соединенная съ нею принудительная обработка земли, хотя въ ней, какъ и въ общинахъ средней и сѣверной Россіи, и существуютъ періодическіе передѣлы земли.

Ф. Щербина.

Н а ш а э п о х а .

Баррикатурный вѣкъ! Вы все найдете въ немъ,
Что въ прежніе вѣка такъ пышно расцвѣтало:
Прославленныхъ вождей и геніевъ не мало,
Геройскихъ подвиговъ сіяніе и громъ,
И страсти, и борьбу, волненія и бури....
Но все искривлено, точь въ точь въ каррикатурѣ;
Все низросло такъ и жалко, и смѣшно;
Все вянетъ, не дойдя до полного расцвѣта,
Такъ худосочно все и силы лишено.
И чувство—какъ цвѣтокъ безъ воздуха и свѣта.
Прекрасный идеалъ блескитъ по временамъ
Въ расплывчатыхъ чертахъ, какъ въ зеркалѣ фальшивомъ,
Напрасно мысль безъ крылъ стремится къ небесамъ,
И нѣтъ исхода силъ стремленьямъ и порывамъ.
Страстишки мелкія однѣ вокругъ царятъ,
И святость, и порокъ—все лишь до половины,
Безцвѣтной мантией полуприкрытъ развратъ,
Само безуміе не достигнетъ вершины....
Тьма не совсѣмъ черна, не ярокъ тусклый свѣтъ.
И слава чуть слышна съ надтреснутой трубою,
На лирѣ у пѣвца могучихъ звуковъ нѣтъ,
Не грянетъ Божій громъ надъ почвою сухою....
Все какъ-то сдержанно, все сглажено кругомъ,
Отъявленный разбой приличье соблюдаетъ,
И какъ-то родственно при встрѣчѣ совпадаетъ
Полубезуміе порой съ полуумомъ....

А. Пальминъ.

СЛАВЯНСКІЕ НАРОДЫ.

Вторичное правленіе Милоша Обреновича.

(1859—1860).

I.

Прежняя дѣятельность Милоша и причины его паденія. — Положеніе его по возвращеніи въ Сербію. — Отношенія вторичнаго правленія его ко времени, предшествовавшему и послѣдующему. — Реформы, внесенныя святоандреевскою скупштиной въ политическую жизнь Сербіи. — Вопросъ о личномъ составѣ сербской администраціи. — Необходимость измѣнить его и попытки дать опредѣленный характеръ этимъ перемѣнамъ. — Затруднительное положеніе новаго министерства. — Визитателство Милоша въ его распоряженія. — Приближенные къ Милошу и вліяніе на него окружавшей среды. — Представленіе министерства князю о мѣрахъ къ успокоенію умовъ. — Приказъ окружнымъ начальникамъ отъ 1 марта. — Первый разладъ стараго князя съ вождями либеральной партіи. — Отношенія къ Стевѣ Михайловичу. — Планъ Ефрема Груича о слѣдственныхъ надъ чиновниками комиссіяхъ. — Указъ 15 апрѣля о нихъ. — Дѣло о возвращеніи фамиліи Обреновичей ея прежнихъ имѣній. — Дѣло Оомы Вучича. — Составленіе гражданскаго и уголовного кодексовъ. — Открытіе постоянныхъ засѣданій министерскаго совѣта. — Оппозиціонная дѣятельность А. Станковича въ державномъ Совѣтѣ. — Распоряженія бѣлградской полиціи поимно попечителя внутреннихъ дѣлъ и объясненія Груича съ Милошемъ по этому поводу. — Смерть Вучича. — Удаленіе изъ Сербіи прежняго митрополита Петра и избраніе новаго, Михаила. — Значеніе этой перемѣны. — Разладъ въ министерствѣ по поводу выдачи австрійскимъ властямъ журналиста Андрича. — Письмо Груича къ Милошу въ Крагуевацъ по этому случаю и отставка его. — Разговоръ Милоша съ митрополитомъ Михаиломъ и Е. Груичемъ въ Таборицѣ. — Назначеніе княземъ срока для созванія новой скупштины.

Второе правленіе Милоша Обреновича, основателя владѣтельной нынѣ въ Сербіи династіи, продолжавшееся не болѣе двадцати мѣсяцевъ, любопытно во многихъ отношеніяхъ. Положивъ еще въ 1815 году начало независимости Сербскаго княжества отъ турецкаго правительства въ дѣлахъ внутреннихъ, получивъ чрезъ Адрианопольскій миръ подтвержденіе этой независимости и вмѣстѣ съ тѣмъ княжескій титулъ, Милошъ, выросшій подъ вліяніемъ турецкаго господства и турецкой правительственной практики, не могъ переродиться и, ставъ правителемъ свободнаго христіанскаго народа, не умѣлъ забыть тѣхъ примѣровъ, какіе видалъ прежде въ дѣятельности турецкихъ пашей. Да и сама

Порта не иначе смотрѣла на него, какъ на поставленнаго ею визиря или генераль-губернатора такой провинціи, гдѣ большинство населенія состояло изъ христіанъ. Но если Милошъ, благодаря личной своей ловкости и счастливымъ обстоятельствамъ, успѣлъ достигнуть столь высокаго положенія при согласіи Порты, то и другимъ старѣйшинамъ сербскимъ, къ числу коихъ онъ самъ принадлежалъ нѣкогда, не закрыты были пути къ снисканію благоволенія той же Порты. Однимъ изъ такихъ средствъ было сближеніе старѣйшинъ съ турецкими пашами, въ рукахъ которыхъ осталась военная власть надъ Бѣградскою и другими крѣпостями въ Сербіи и гражданская—надъ мусульманскимъ населеніемъ ея, и которые видѣли въ Милошѣ соперника своего, умалившаго ихъ прежнее значеніе, ограничившаго предѣлы ихъ правительственной силы. Эти пашаи явились лучшею опорой въ борьбѣ старѣйшинъ съ княземъ. По связи своихъ политическихъ интересовъ съ турецкими и Австрія стала на сторону сербскихъ старѣйшинъ или, вѣрнѣе, на сторону бѣградскихъ пашей. Какъ бы ни были велики личные недостатки Милоша въ смыслѣ правителя свободнаго княжества, у него было одно несомнѣнное достоинство, весьма важное въ то время, когда еще не установились политическія права Сербіи: онъ не былъ сторонникомъ Турціи и Австріи и опирался болѣе всего на содѣйствіе Россіи, пока послѣдняя не покинула его въ борьбѣ съ старѣйшинами и, принявъ ихъ сторону, не навязала ему вмѣстѣ съ Портою и Австріей такого земскаго устава, который не только ограничивалъ князя, но и ставилъ надъ нимъ власть семнадцати (по числу округовъ) несмѣняемыхъ безъ воли Порты старѣйшинъ, составившихъ Совѣтъ княжества.

Этотъ уставъ былъ одною изъ величайшихъ ошибокъ русской дипломатіи въ ея дѣйствіяхъ по Восточному вопросу въ эпоху отъ Адрианопольскаго мира до Крымской войны, въ чемъ нѣкоторые изъ представителей ея и признавались впоследствии. Но для Сербіи этотъ уставъ былъ болѣе, чѣмъ ошибкой. Совѣтники и образовавшаяся около нихъ партія, такъ называемые уставобранители, выставившіе прежде своимъ знаменемъ борьбу за свободу управленія въ странѣ противъ самовластнаго князя, сами потомъ явились не меньшими деспотами и при томъ еще должны были искать постоянной поддержки себѣ чрезъ бѣградскихъ пашей и начальниковъ австрійской Военной Гралицы въ Стамбулѣ и Вѣнѣ. Милошъ не въ состояніи былъ бороться съ про-

тивъ такого сильнаго союза и, тщетно исавъ помощи у Англій, долженъ былъ отречься отъ княжескаго званія и оставить свою страну. Уставобранителямъ не трудно было удалить изъ Сербіи и молодаго сына Милоша, князя Михаила, не имѣвшаго подлѣ себя способныхъ сотрудниковъ. По желанію уставобранителей, согласно волѣ Порты и Австріи, княземъ сталъ Александръ Карагеоргиевичъ. Русская дипломатія не признала его, но должна была ограничиться однимъ формальнымъ удовлетвореніемъ своего неудовольствія, переизбраніемъ на новой народной скупщинѣ того же князя, и тѣмъ еще болѣе ослабила свое вліяніе на сербскія дѣла. Карагеоргиевичъ въ дѣлахъ внутренняго управленія сталъ орудіемъ уставобранителей, которые изъ совѣтниковъ скоро превратились въ настоящихъ турецкихъ каймакамовъ. Законодательная и высшая судебная власть скорѣе находилась въ рукахъ Совѣта, или лучше сказать наиболѣе сильныхъ членовъ его, чѣмъ въ рукахъ князя. Последнему съ его семействомъ и придворною партіей предоставлено было только участіе въ интригахъ по дѣламъ болѣе мелкимъ. Народная скупщина никогда не созывалась. Во внѣшнихъ отношеніяхъ, въ вопросахъ дипломатическихъ, правительство Сербскаго княжества въ ту эпоху должно было подчиняться внушеніямъ, шедшимъ изъ Константинополя и Вѣны. Только дважды пробуждалось народное чувство въ Сербіи при Карагеоргиевичѣ: въ 1848 году, во время борьбы австро-венгерскихъ Сербовъ съ Мадьярами, и въ 1853 году, при началѣ войны Россіи съ Турціей; но господствовавшая въ княжествѣ партія оба раза успѣвала успокоить начинавшееся движеніе.

Парижскій миръ поставилъ Сербію въ международномъ отношеніи подъ покровительство всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ подписаніи его, но конечно не могъ дать такого же покровительства слабому князю ея и господствовавшей въ ней партіи. Черезъ два съ половиною года, вслѣдствіе разлада между княземъ и важнѣйшими совѣтниками, вслѣдствіе заговора противъ него и неудачнаго посредничества Порты между поссорившимися, пришлось созвать народную скупщину, называемую Свято-Андреевскою. Эта скупщина лишила династію Карагеоргиевича княжескаго достоинства въ Сербіи, восстановила права Обреновичей на это званіе, осудила всю прежнюю дѣятельность Совѣта, рѣзко высказалась противъ тогдашняго главы сербской церкви, сторонника Карагеоргиевичей, митрополита Петра, предложила проектъ новаго устава о народныхъ скупщинахъ вообще, выразила не-

удовольствіе на вмѣшательство Порты во внутреннія дѣла Сербіи и указала на необходимость измѣненія тѣхъ параграфовъ земскаго устава, которыми давалось Совѣту преобладающее значеніе въ странѣ. Довершить эти начинанія свято-андреєвцевъ предстояло возстановленному князю. Но, кромѣ того, Милошу Обреновичу представлялись и другія задачи, тѣсно связанныя съ его прежними отношеніями, съ интересами его семьи и его собственными взглядами, которыхъ не могло измѣнить двадцатипятилѣтнее пребываніе внѣ отечества. Ему хотѣлось ввести въ земскій уставъ статью о наследственности владѣтельнаго права въ семьѣ Обреновичей; онъ, отчасти по внушеніямъ сына своего Михаила, думалъ о примиреніи и соглашеніи всѣхъ партій, боровшихся въ Сербіи предъ возвращеніемъ Обреновичей въ нее; онъ былъ противъ власти Совѣта, но хотѣлъ, чтобы самому князю предоставлено было мѣшаться во всѣ дѣла по управленію, какъ важныя, такъ и неважныя. Наконецъ, лично Милошъ вовсе не зналъ то поколѣніе, которое выросло безъ него, воспиталось въ совершенно новыхъ идеяхъ и болѣе всего содѣйствовало Свято-Андреевскому перевороту, и въ то же время желалъ вознаградить людей старѣйшаго поколѣнія, своихъ сторонниковъ, вынужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ оставить свою родину и много пострадавшихъ на чужбинѣ. Такія разнообразныя задачи, отчасти противорѣчившія другъ другу, конечно не могли быть по силамъ человѣку, которому шелъ уже восьмой десятокъ лѣтъ.

Не удивительно, что вторичное и при томъ непродолжительное правленіе Милоша не отличалось опредѣленнымъ характеромъ и имѣло значеніе какъ время, переходное отъ господства въ Сербіи интересовъ чуждыхъ надъ народными, ко времени, когда послѣдніе получили мало-по-малу болѣе прочное положеніе, — отъ крутаго, рѣшительнаго переворота, произведеннаго Свято-Андреевскою скупщиною, ко времени, когда начѣла и требованія, заявленныя этою скупщиною, стали постепенно вводиться въ жизнь, подчиняясь при этомъ нерѣдко уступкамъ предъ требованіями, болѣе умѣренными, — отъ быта, когда патриархальныя привычки преобладали надъ закономъ, къ жизни, которая послушно подчинялась велѣніямъ закона, хотя бы послѣдній толковался и съ крайней исключительностію. Предшествуя правленію Михаила, имѣвшему очень опредѣленное направленіе, какъ во внѣшнихъ дѣлахъ, такъ и во внутреннихъ, а въ послѣднихъ отмѣченному иногда и весьма рѣзкимъ консервативнымъ оттѣнкомъ,

послѣдніе годы Милоша составляютъ пору, когда партіи въ Сербіи, такъ сильно столкнувшіяся на Свято-Андреевской скупщинѣ, приняли новый видъ, получили болѣе твердую организацію и повели потомъ взаимные счеты между собою на почвѣ дипломатическихъ, законодательныхъ, административныхъ, экономическихъ, даже церковныхъ и литературныхъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи послѣднее правленіе Милоша интересно не только для Сербя, но и для посторонняго наблюдателя: борьба идей, интересовъ и партій уже началась при немъ, но она еще не получила рѣшительнаго исхода въ ту или другую сторону, потому что подчинялась личнымъ сочувствіямъ князя, случайнымъ влеченіямъ его и старческимъ капризамъ. Лицо типическое, приближающійся къ могилѣ князь, отъ замѣчательныхъ дарованій котораго, украшавшихъ его въ молодости, осталась лишь слабая тѣнь, все еще составлялъ явленіе, господствовавшее надъ всѣми другими общественными силами, чего при преемникѣ его, при всей опредѣленности провозглашенной имъ правительственной программы, нельзя замѣтить. Милошъ, хотя и чувствительный ко внушеніямъ всякаго рода, открытый вліяніямъ со всѣхъ сторонъ и партій, былъ все-таки болѣе самостоятельнымъ, а иногда и болѣе безпристрастнымъ правителемъ, чѣмъ его сынъ, объявившій законъ въ подвластной ему странѣ стоящимъ выше всякой личной воли, между тѣмъ, какъ для отца его это мудрое изреченіе не имѣло никакого смысла. Дѣло въ томъ, что Милошъ, какъ натура болѣе сильная, не считалъ нужнымъ прикрывать требованіями закона свою волю и высказывалъ ее прямо и открыто; при сынѣ же его, уступавшемъ отцу и въ характерѣ, и въ способностяхъ, законъ нерѣдко служилъ прикрытіемъ для желаній, если не самого князя, которому нельзя отказать въ честныхъ стремленіяхъ и великодушныхъ побужденіяхъ, то его неравнодушныхъ къ своимъ выгодамъ совѣтниковъ. Таковы отношенія Милоша, управлявшаго Сербіей послѣ Свято-Андреевской скупщины, къ его предшественнику и преемнику. Взглянемъ же теперь на эту дѣятельность его, не лишенную историческаго значенія, хотя и носящую порою анекдотическій характеръ.

Въ началѣ 1859 года для всѣхъ жителей княжества было ясно одно неподлежащее отмянѣ послѣдствіе, совершенной Свято-Андреевскою скупщиною переворота: возвращеніе фамиліи Обреновичей въ княжество и передача въ руки Милоша владѣтельныхъ правъ. Это былъ фактъ, съ которымъ меньшинство должно

было примириться, которому большинство населенія сочувствовало, и созданіе котораго многіе приписывали себѣ или исключительно своему кружку. Но каковы бы ни были отношенія къ этому факту людей, принимавшихъ то или другое участіе въ событіяхъ, сопровождавшихъ дѣйствія Свято-Андреевской скупщины, значеніе ихъ въ дальнѣйшихъ событіяхъ уже не зависѣло отъ того положенія, которое они успѣли занять во время скупщины. По закрытіи ея, центръ власти, вліяніе на дѣла страны и борьба между партіями перенесены были изъ дома, гдѣ происходили скупщинскія засѣданія, въ княжескій дворецъ; владѣтельный князь, конечно, поставленъ былъ несравненно выше ядѣ всѣми партіями, чѣмъ временное правительство, имѣвшее исполнительную власть во время Скупщины. Хотя дѣйствія последней были почти всегда единодушны не только въ вопросѣ о перемѣнѣ князя, но и въ вопросахъ, касавшихся отношеній совѣта къ княжеской власти, правъ самой скупщины и либеральныхъ реформъ по различнымъ отраслямъ управленія; но во многихъ подробностяхъ при разрѣшеніи этихъ вопросовъ партія, называвшая себя народно-либеральною, шла гораздо далѣе, чѣмъ простые сторонники Обреновичей или приверженцы прежней системы правленія, основывавшейся на соперничествѣ земскаго совѣта съ княземъ и устранявшей народную скупщину отъ дѣлъ. Такъ, когда еще Александръ Карагеоргіевичъ былъ свергнутъ, дѣятели Свято-Андреевской скупщины, въ своемъ законопроектѣ, предлагали такія опредѣленія народнаго представительства въ Сербіи: «Народная скупщина есть одно изъ наистарѣйшихъ и наисвятѣйшихъ установленій въ Сербскомъ княжествѣ. Она есть законная воля всего сербскаго народа. Кто противится существованію и законнымъ свободнымъ дѣйствіямъ народной скупщины, тотъ измѣнникъ народу. Народную скупщину никто не можетъ ни уничтожить, ни ограничить въ ея правахъ. Народная скупщина заботится обо всемъ, чего требуютъ земскія выгоды. Никакіе законы о князѣ, совѣтѣ, попечителяхъ, народной скупщинѣ не могутъ быть изданы или измѣнены безъ предварительнаго согласія съ народною скупщиною. Народная скупщина имѣетъ власть требовать отъ имени народа, чтобы всякій, несоотвѣтствующій цѣли, законъ и всякое административное, противное народнымъ интересамъ, распоряженіе были отмѣнены. Сербія не можетъ ни сдѣлать долга, ни принять какого-либо обязательства, пока не согласится на то народная скупщина. Никакой доходъ въ пользу государственной кассы, кото-

рый бы посредственно или непосредственно послужилъ къ отягощенію народа, не можетъ быть установленъ, и никакая выдача изъ народной казны не можетъ быть учинена; пока прежде не будетъ доказана необходимость того предъ народною скупщиною, или особо, или при обсужденіи годичнаго бюджета. Народная скупщина можетъ пересматривать воѣ государственныя дѣла и высказывать о нихъ мнѣніе свое. Народная скупщина можетъ отъ имени народа обжаловать предъ судомъ доказанныя противузаконныя дѣйствія попечителей, чиновниковъ и другихъ должностныхъ лицъ безъ различія званія и вѣдомства; и судъ долженъ принять жалобу для изслѣдованія и произнесенія приговора. Народная скупщина составляется изъ лицъ, которыхъ выбираетъ народъ». По сверженіи Карагеоргиевича, когда во главѣ временнаго управленія стоялъ, замѣнявшій князя Милоша, Стевча Михайловичъ, считавшійся главою народно-либеральной партіи, хотя и не бывший единственнымъ ея руководителемъ, въ приведеннымъ выше опредѣленіямъ прибавлено было новое условіе съ цѣлію обезпечить и развить дѣйствія народныхъ скупщинъ въ духѣ времени и для истинно-земской пользы; это условіе заключалось въ объявленіи печати свободно съ обѣщаніемъ въ будущемъ особаго закона о ней. Кромѣ того, въ новый уставъ о скупщинѣ внесены были еще другія измѣненія. Такъ, въ случаѣ избранія въ какой-либо общинѣ въ посланники на скупщину двухъ лицъ одинаковымъ числомъ голосовъ, членомъ скупщины, по первому закону, считался изъ нихъ тотъ, кто былъ старше годами; въ новомъ законѣ такого постановленія не было, чѣмъ допускалось переизбраніе между получившими равное число голосовъ. Далѣе, по первоначальному закону, отъ каждаго избирательнаго округа или городской общины слѣдовало высылать на скупщину по одному посланнику на тысячу избирателей, по новому закону—по два на тысячу. Кромѣ того, произнесенное скупщиною осужденіе поведенія нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ временъ Кара-Георгія, неблагоприятный отзывъ о дѣйствіяхъ самого земскаго совѣта и поставленныхъ имъ чиновниковъ, еще до пріѣзда Милоша усилили вражду между партіями, имѣвшими нѣкогда въ своихъ рукахъ власть, и партіями, устанавливавшими новый порядокъ вещей. Поименное порицаніе нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ и общее неодобреніе наличнаго состава почти всей администраціи должны были вызвать въ средѣ служащихъ личныя опасенія; тѣмъ болѣе, что значительная часть чиновниковъ, въ послѣдніе годы правленія Кара-

георгіевича, не соединяла своего дѣла съ династическимъ, а, между тѣмъ, при перемѣнѣ владѣтельной фамилии и на нее возлагалась часть отвѣтственности за злоупотребленія прежняго правительства. Можно сказать, что вопросъ о перемѣнахъ въ личномъ составѣ служебнаго сословія долженъ былъ сдѣлаться первымъ, около котораго разразится борьба между партіями, и, смотря уже по исходу этой борьбы, будутъ рѣшаться и другіе вопросы, поставленные Свято-Андреевскою скупщиною, въ томъ числѣ и вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между княземъ, земскимъ совѣтомъ и народною скупщиною. Словомъ, совершившійся въ началѣ 1859 г. переворотъ вызвалъ въ Сербіи впервые конституціонное движеніе.

Произвести полную перемѣну въ составѣ сербской администраціи, и при томъ такую, которая бы отвѣчала и надеждамъ, заявленнымъ народными представителями на скупщинѣ, и измѣнчивымъ требованіямъ князя, и чувству справедливости относительно заслугъ, оказанныхъ странѣ людьми разныхъ партій, было нелегко. Свято-Андреевская скупщина своимъ рѣшительнымъ осужденіемъ не только прежней правительственной системы, но и различныхъ органовъ ея, начиная главою сербской церкви, касаясь министровъ и совѣтниковъ и кончая даже нѣкоторыми изъ сельскихъ кметовъ, избиравшихся по закону народомъ, поколебала положеніе всѣхъ органовъ власти. Милошъ, можно сказать, напелъ въ Сербіи вмѣсто администраціи борьбу страстей и партій. Внести порядокъ въ возмущенный строй государственной жизни можно было только держась одной твердой системы. Но Милошъ не былъ изъ числа правителей, отличавшихся постоянствомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Всѣ знали о такихъ свойствахъ своего князя, и каждый старался заблаговременно заручиться согласіемъ его на ту или другую мѣру. Кто имѣлъ прямой доступъ къ Милошу, тотъ дѣйствовалъ прямо на него; кто не имѣлъ этого доступа, тотъ обращался къ молодому князю; а иные дѣйствовали и другими путями, чрезъ свойственниковъ и свойственницъ княжескаго дома. Въ первые дни Милошъ обратился было за содѣйствіемъ къ людямъ, руководившимъ Свято-Андреевскою скупщиною. Но списокъ лицъ, предложенныхъ ими въ министры и совѣтники, не былъ имъ принятъ, и новое министерство составилось не подъ исключительнымъ вліяніемъ ихъ. Оно составилось изъ людей, такъ сказать, среднихъ; но на немъ лежала важная въ глазахъ каждаго серба обязанность, предлагая князю новыхъ чиновниковъ

удовлетворить всѣ партіи. Вмѣсто того министр юстиціи Евта Угричичъ и министр внутреннихъ дѣлъ Миливой Јовановичъ рѣшились поднести князю общій указъ о подтвержденіи всѣхъ чиновниковъ временъ Карагеоргиевича на ихъ мѣстахъ. Слухъ этотъ взволновалъ и старыхъ приверженцевъ фамиліи Обреновичей, страдавшихъ вмѣстѣ съ нею и ожидавшихъ теперь награды себѣ, и сознательныхъ сторонниковъ этой фамиліи, столько же защищавшихъ ея интересы, сколько и интересы отечества. И тѣ, и другіе обратились къ одному изъ главныхъ дѣятелей Свято-Андреевской скупщины, Ефрему Груичу, съ просьбой противодействовать планамъ выше названныхъ министровъ. Груичъ, уже испытавшій рядъ неудачъ въ переговорахъ съ Милошемъ, обратился на этотъ разъ къ князю Михаилу и 4 февраля 1859 г. вручилъ ему представленіе, которое, будучи утверждено Милошемъ, получило значеніе инструкции министрамъ. По этому плану, всѣ чиновники могли остаться временно при исправленіи своихъ должностей, а министры должны были заготовить въ тайнѣ, дабы не возбуждать криковъ и пересудовъ, списки новой администраціи, при составленіи которыхъ имъ предлагалось руководиться такими правилами: отставить, по возможности, меньшее число изъ прежнихъ чиновниковъ, не удерживая однако-жъ вовсе неспособныхъ или прямо враждебныхъ новой династіи; оставить по возможности большее число праздныхъ мѣстъ, напр. гдѣ есть начальникъ, тамъ не назначать помощника или на оборотъ, въ судахъ назначить неполное число членовъ и т. д.

Вскорѣ однакожь обнаружилось, что одною переменною лицъ нельзя еще внести твердости и оживленія въ правительственное дѣло, и причиною того отчасти былъ самъ Милошъ. Онъ продолжалъ вмѣшиваться во всѣ внутреннія дѣла княжества, и притомъ подчинялся то людямъ одной партіи, то другой, хотя никто изъ нихъ не могъ быть увѣренъ, что князь скорѣе же не измѣнитъ своего рѣшенія. Но, болѣею частію, случалось такъ, что при разборѣ столкновеній онъ принималъ сторону того, кто первый обращался къ нему съ жалобой. Онъ нерѣдко лично обращался къ чиновникамъ съ приказаніями, и случалось, что князь давалъ одинъ приказъ, а министры, не зная о томъ, совершенно иной. Иногда онъ покушался на вмѣшательство и въ судебныя дѣла, такъ что и въ этой отрасли управления дѣйствовали одновременно какъ бы двѣ власти. Подобное состояніе правительственныхъ дѣлъ давало, на первыхъ порахъ, нѣкоторое значеніе въ об-

пественной жизни Людямъ, участвовавшимъ въ рѣшеніяхъ Свято-Андреевской скупщины и теперь порицавшимъ столь неудовлетворительное положеніе дѣлъ. Ихъ мнѣнія охотно выслушивались даже властями, особенно внутри княжества, и имѣли тѣмъ большую силу, что Свято-Андреевская скупщина, еще до своего распущенія, поставила какъ законъ созваніе новой скупщины въ сентябрь 1859 г. а предварительно образованіе комитета для разсмотрѣнія предложеній, которыхъ не успѣла обсудить сама, и для приготовленія докладовъ о нихъ къ будущей скупщинѣ. Въ виду столь краткаго срока надо было спѣшить организаціей администраціи, стараясь внести въ нее болѣе или менѣе однородное направленіе. Но утверждать чиновниковъ на ихъ старыхъ мѣстахъ, или назначать новыхъ по усмотрѣнію однихъ только министровъ, было крайне трудно. Съ одной стороны, нѣкоторые изъ дѣятелей Свято-Андреевской скупщины, имѣвшіе еще доступъ ко двору, старались объяснить, что равнодушіе къ политическимъ убѣжденіямъ назначаемыхъ должно имѣть свои границы что, напримеръ, неполитично было бы оставить явныхъ приверженцевъ Карагеоргіевича въ полицейской службѣ и притомъ уже послѣ того, какъ о сомнительности ихъ заявлено было князю съ разныхъ сторонъ. При невниманіи къ этой сторонѣ дѣла придется или терпѣть на службѣ и такихъ людей, которыхъ народъ побаивается, или принуждать ихъ потомъ къ подачѣ просьбъ объ отставкѣ, ибо удалить отъ службы безъ явной вины по закону было нельзя. Нельзя не замѣтить однако-жъ, что такихъ подозрительныхъ чиновниковъ не должно быть много. Гораздо болѣе поводовъ ко вмѣшательству въ распоряженія министерства со стороны лицъ, почему-либо приближенныхъ къ князю, представляли кандидаты на служебныя мѣста изъ числа старыхъ приверженцевъ фамиліи Обреновичей, которыхъ было не мало, и которые, пострадавъ во время изгнанія Милоша, хотѣли теперь дѣлать съ нимъ и счастье. Иногда трудно было найти для нихъ свободную должность, потому что большинство чиновниковъ, оставшихся отъ временъ Карагеоргіевича и въ сущности равнодушныхъ къ династическимъ интересамъ, заявляли теперь, что они были болѣе или менѣе противъ прежняго князя, и такъ какъ Обреновичи были возвращены въ княжество путемъ законнымъ, — законодательнымъ рѣшеніемъ народной скупщины, а не вслѣдствіе открытаго мятежа или кровавой революціи, то эти чиновники и считали невозможнымъ, чтобы ихъ лишили должностей въ противность существовавшему закону.

Вскорѣ послѣдовали случаи назначенія своихъ людей на довольно видныя мѣста самимъ Милошемъ безъ вѣдома министровъ. При этомъ бывали и комическія сцены. Однажды Милошъ пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ почетныхъ жителей Бѣлграда и объявилъ, что желаетъ почитать столицу, взявъ къ себѣ въ адъютанты, или чиновники по порученіямъ, кого-либо изъ ея гражданъ; при этомъ онъ просилъ ихъ самихъ указать ему кандидата на такую должность. Они предложили Живка Карабибировича, впоследствии ставшаго руководителемъ банковыхъ дѣлъ въ Сербіи и неоднократно предсѣдавашаго въ народныхъ скупщинахъ. Тогда онъ былъ еще очень молодой человекъ, высокій, довольно стройный и красивый. Онъ явился къ старому князю во фракъ, въ перчаткахъ, со шляпою въ рукахъ. Милошъ сталъ мѣрять глазами этого представителя новаго, усвоившаго европейскія манеры, поколѣнія и потомъ протворилъ: «что мнѣ въ лордѣ? мнѣ надо расторопнаго человека!» Приказавъ горожанамъ сойтись въ общинную скупштину и тамъ выбрать новое лицо, онъ отпустилъ ихъ вмѣстѣ съ неоправившимся ему кандидатомъ. На скупштинѣ произошелъ разладъ: кто называлъ Карабибировича, кто Кочу Белимарковича, брата бѣлградскаго правителя, назначеннаго въ эту должность во время Свято-Андреевской скупщины. Послѣдній, человекъ живаго характера, неосторожно пошутилъ надъ невольными избирателями, и когда большинство оказалось на сторонѣ его брата, недовольные пошли жаловаться князю на своего правителя отъ имени скупщины. Милошъ выбралъ себѣ въ адъютанты Барловца, а потомъ сталъ спрашивать горожанъ: кого они хотятъ имѣть правителемъ Бѣлграда? Горожане не знали, что отвѣтить на неожиданный вопросъ. Кромѣ того, Милошъ взялъ къ себѣ во дворецъ двухъ людей, уже имѣвшихъ служебное положеніе, для того, чтобы они читали ему все, что только подавалось на имя князя. Это были: Боста Цукичъ, принадлежавшій къ умѣренной партіи, и Милованъ Янковичъ, одинъ изъ горячихъ свято-андреевцевъ. При нихъ Милошъ выслушивалъ даже доклады министровъ; а такъ какъ онъ имѣлъ привычку спрашивать у всѣхъ мнѣніе о выслушанномъ, то Цукичу съ Янковичемъ приходилось высказываться при этомъ. Цукичъ, большею частію, поддерживалъ представленія министровъ, а Янковичъ критиковалъ ихъ. Милошъ иногда бранился съ нимъ, а когда и соглашался; министры же злились на Янковича. Между тѣмъ, новаго назначенія на мѣсто бѣлградскаго правителя еще не послѣдовало. Министры прознали чрезъ Цукича,

что Милошу хотѣлось бы Митричевича въ эту должность, и, зная о связяхъ Янковича съ Белимарковичемъ по бывшей скупщинѣ, опасались выбора послѣдняго горожанами. Имъ удалось склонить одного изъ вліятельнѣйшихъ свято-андреевцевъ, Ефрема Груича, явиться на городскую скупщину и посовѣтовать горожанамъ, поблагодаривъ князя за предоставленную имъ честь собственнаго выбора въ городскіе правители, просить его самого назначить кого-либо на эту должность. Горожане согласились и, такимъ образомъ, былъ предложенъ Митричевичъ. Но въ то же время, министерство, опасаясь обидѣть Белимарковича, предложило его въ начальники артиллерійской школы, съ чиномъ майора. Тотъ не согласился и, смотря на себя, какъ на частнаго человѣка, ходилъ въ статскомъ платьѣ. Тогда начальникъ войска Младенъ Жуйовичъ, своякъ Гарапанина, пожаловался на Белимарковича князю, при чемъ представилъ и всю молодую партію, какъ людей непослушныхъ и упрямыхъ. Послѣ этого разговора послѣдовалъ приказъ Белимарковичу отъ начальника войска о ношеніи мундира, на что послѣдовалъ отвѣтъ: «я не подчиненъ военному начальству». Жуйовичъ прислалъ записку Белимарковичу, въ которой объяснилъ, что приказъ сдѣланъ по требованію князя. Белимарковичъ, ничего не отвѣтивъ, положилъ записку въ карманъ; а Милошу донесли, что онъ изорвалъ приказъ, писанный отъ княжескаго имени, и топталъ его ногами. Старикъ взбѣсился, и министерство распорядилось привести послушника во дворецъ и содержать его тамъ подъ арестомъ. На третій день Милошъ призвалъ къ себѣ министровъ, совѣтниковъ, членовъ ассационнаго и обоихъ апелляціонныхъ судовъ, Митричевича, Груича и еще нѣсколько чиновниковъ изъ свято-андреевцевъ для суда надъ Белимарковичемъ. Послѣдній былъ оправданъ отъ обвиненія въ непослушаніи, отчасти при содѣйствіи князя Михаила. Всѣ эти мелкія, повидимому, столкновенія все болѣе и болѣе подрывали положеніе либеральной партіи, руководившей дѣлами въ дни правительственнаго переворота. Но и болѣе осмотрительные въ своихъ поступкахъ члены этой партіи, какимъ безспорно слѣдуетъ считать Груича, пріобрѣтали враговъ своими, даже согласными съ законностью, распоряженіями. Въ качествѣ помощника въ попечительствѣ внутреннихъ дѣлъ, Груичъ занимался образованіемъ администраціи по дѣламъ экономическимъ, инженернымъ, почтовымъ, телеграфнымъ и санитарнымъ. Начальниками этихъ отдѣленій назначены были все при-

родные сербы. Двое изъ австрійскихъ подданныхъ, врачи Линденмайеръ и Пацекъ, изъ коихъ послѣдній былъ приближенъ къ князю Михаилу, остались недовольны тѣмъ, что не кому-либо изъ нихъ поручено было управленіе санитарными дѣлами. Пацекъ, встрѣтившись однажды съ Груичемъ во дворцѣ, позволилъ себѣ обратиться къ нему съ упреками и получилъ такой отвѣтъ: «помимо вопроса о томъ, способны ли вы или нѣтъ занять мѣсто начальника санитарнаго отдѣленія, вы не можете получить и самаго малаго мѣста, не только важной должности въ министерствѣ, какъ австрійскій подданный; а что вы — подданный Австріи — доказательствомъ тому служить и вашего консула требованіе, чтобы васъ предали австрійской власти, когда открылось дѣло по заговору 1857 года.» Въ это время вокругъ молодого князя уже собирались люди, враждебные свято-андреевцамъ, и голосъ Пацека между ними не былъ изъ слабыхъ.

Какъ бы то ни было, вопросъ о чиновномъ сословіи былъ важнѣйшимъ въ то время въ глазахъ Сербскаго правительства, и, конечно, болѣе всего долженъ былъ занимать самихъ министровъ, которымъ со временемъ предстояло явиться предъ народной скупщиной съ отчетомъ о своихъ дѣйствіяхъ. Понятно, что преемники временнаго правительства, дѣйствовавшаго при Свято-Андреевской скупщинѣ, не раздѣлявшіе крайнихъ взглядовъ наиболѣе ревностныхъ членовъ ея, должны были подумать о томъ, чтобы успокоить взволнованное переворотомъ общественное мнѣніе и дать ему болѣе умѣренное настроеніе. Но при этомъ для перваго министерства Милошева могла возникнуть иная еще опасность. Отказавшись отъ направленія, указаннаго Свято-Андреевскою скупщиной, и стараясь, въ то же время, согласовать волю князя съ требованіями законности, они могли съ одной стороны лишиться народной поддержки, а съ другой — охладить къ себѣ самого князя. При такихъ условіяхъ могли отыскаться иные, третьи люди, которые, образовавъ изъ себя партію, совершенно непричастную совершившемуся перевороту, не несли бы на себѣ и отвѣтственности за дѣйствія прежней династіи. Какъ бы то ни было, новымъ министрамъ надо было хоть отчасти разъяснить князю созданное событіями положеніе дѣлъ, и они попытались представить Милошу нѣкотораго рода программу своихъ дѣйствій. Изложеніе ея они поручили начальнику отдѣленія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Ювану Ристичу, впоследствии столь извѣстному регенту во время малолѣтства князя Милана, и воз-

дую министерства во время войны съ Турціей. Назвавъ возстановленіе Милоша въ княжеской власти событіемъ, безпримѣрнымъ въ Сербской исторіи, ибо оно совершилось безъ пролитія крови и служить предзнаменованіемъ новой эпохи въ жизни княжества, составитель министерскаго доклада говорилъ: «прежнее положеніе дѣлъ прекратилось, и его мѣсто долженъ занять новый порядокъ, имѣющій дать нашему быту и всѣмъ его проявленіямъ новыя основы. Послѣ протекшихъ дней веселія и радости должны наступить плодотворныя дни заботъ и труда, когда народъ увидитъ, къ счастью своему, отчизнолюбивое управленіе Вашей Свѣтлости, стремящееся къ устраненію прежнихъ злоупотребленій и къ установленію въ нашей жизни болѣе благонадежнаго управленія. Имѣя предъ глазами такую цѣль, попечители (т. е. министры) Вашей Свѣтлости вполнѣ сознаютъ всю важность ея. Они понимаютъ тягость своего положенія, налагающаго на нихъ обязанность замѣнить правильнымъ порядкомъ разстройство, оставшееся отъ прежняго времени. Такая задача стала тѣмъ тяжелѣе, что событіями послѣднихъ лѣтъ потрясено въ нашемъ народѣ довѣріе къ нашимъ властямъ, которыя, не имѣя уже достаточнаго авторитета, еще долгое время будутъ не въ состояніи дѣйствовать съ такимъ значеніемъ, какое необходимо для правильнаго теченія дѣлъ. Короче сказать, прежній порядокъ вещей прекратился, а новый еще не наступилъ: таково истинное положеніе нашей земли». Въ виду такихъ обстоятельствъ и въ виду той отвѣтственности предъ закономъ, какая возложена была на министровъ новымъ уставомъ о скупщинѣ и волею самого Милоша, представлявшіе излагаемый докладъ указывали князю на нѣкоторыя мѣры, которыя они могли предпринять только вслѣдствіе его повелѣній. Эти мѣры были слѣдующія: 1) напомнить народу о послушаніи своимъ властямъ; 2) предписать чиновникамъ, чтобы каждый изъ нихъ строго ограничивался исполненіемъ своихъ обязанностей, не мѣшаясь въ дѣла, къ коимъ не призваны, чтобъ были въ своихъ дѣйствіяхъ строги, но справедливы, чтобъ были точны и неутомимы въ отправленіи своихъ должностей; 3) снабдить землю такими чиновниками, посредствомъ коихъ можно было бы возстановить народное благосостояніе, для чего необходимо обращать большее вниманіе на личныя способности, чѣмъ на политическія соображенія, которыя стали совершенно излишними, ибо новому положенію дѣлъ, какъ естественному и историческому, не можетъ быть съ этой стороны

никакой опасности». Далѣе въ докладѣ говорилось, что необходимо искоренить въ народѣ всякое неудовольствіе, возвратить все партіи къ огласію и спасти чрезъ то страну отъ давно продолжающихся, столь бѣдственныхъ внутреннихъ раздоровъ. Для этой цѣли предлагалось виновныхъ чиновниковъ наказывать только по суду, подозрительныхъ переимѣщать на такія мѣста, гдѣ они не могутъ подать повода къ новымъ сомнѣніямъ, а устарѣвшимъ и вообще ставшимъ неспособными назначить законную пенсію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, докладъ предлагалъ не только прекратить преслѣдованія, возбужденныя при прежнемъ правительствѣ за политическія преступленія, но и не вчинать таковыхъ противъ людей, провинившихся въ теченіе предшествовавшихъ двадцати лѣтъ враждою къ Обреновичамъ и преслѣдованіемъ ихъ приверженцевъ. «Такія преслѣдованія увеличили бы число недовольныхъ и досѣля бы сѣмена раздора въ странѣ. Пусть у людей не будетъ никакого основанія говорить, что великій Милошъ не умѣетъ прощать обидъ. Пусть Сербія снова оживетъ; все старое будетъ предано забвенію, и все мы въ общей любви будемъ трудиться для своей родины, дабы готовящіяся теперь на западѣ Европы грозныя событія нашли насъ готовыми на все. Такой образъ дѣйствій былъ бы исполненъ мудрости и пользы для своей страны, а для Европы былъ бы предметомъ общаго одобренія». Нельзя оставить здѣсь безъ вниманія этого указанія на необходимость сообразовать внутреннюю политику Сербскаго княжества съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, къ чему такъ мало были способны правители временъ Карагеоргиевича, указаніе, обличающее въ составитель донлада будущаго руководителя сербской дипломатіи. Въ заключеніе докладчики настаивали на томъ, чтобы устранены были всякія постороннія вліянія и вѣдательства въ дѣятельность попечителей: ибо всякій самъ долженъ стараться о томъ, за что отвѣчаетъ. Только въ случаѣ огражденія отъ всякихъ помѣхъ министры обѣщали окружить себя людьми способными и приняться за необходимые для Сербіи реформы.

Согласно съ такимъ представленіемъ, попечитель внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависѣли все полицейскія власти, разослалъ 1 марта въ окружныхъ начальникамъ и къ бѣлградскому правителю предписаніе, въ редакціи коего также принималъ участіе Юванъ Вистичъ, о принятіи мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы все граждане пользовались своими правами и исполняли свои

обязанности въ границахъ, опредѣленныхъ закономъ, чтобы прекращено было взяточничество и другія злоупотребленія со стороны чиновниковъ и кметовъ, чтобы обезпечена была въ цѣлой странѣ личная и имущественная безопасность и уничтожены разбои. Въ полномъ убѣжденіи, что всѣ чиновники сознаютъ бѣдственное состояніе страны въ этомъ отношеніи, попечитель передавалъ имъ волю князя, чтобы прежнія безпрестанныя злоупотребленія со стороны властей, столь раздражившія народъ противъ чиновнаго сословія, болѣе не повторялись. Виновнымъ въ повтореніи ихъ онъ угрожалъ не только исключеніемъ изъ службы, но и строгимъ наказаніемъ. «Его Свѣтлость, писалъ министръ, былъ глубоко опечаленъ, найдя свою страну въ великомъ разстройствѣ. Идущія издавна злоупотребленія поколебали въ народѣ довѣріе къ властямъ, которыя, потерявъ свой авторитетъ, лишились своего значенія и вліянія, етоль необходимыхъ для безпрепятственнаго управленія дѣлами. Отъ этого возникли всякаго рода ослушанія и разнузданность въ населеніи. Въ иной мѣстности сельчане самовольно дѣляютъ хлѣбъ изъ общинныхъ запасовъ; въ другой сами собою дѣляютъ общинную землю; во многихъ мѣстахъ кшеты (сельскіе старшины), оставленные окружными властями безъ всякаго надзора, отправляютъ свои обязанности съ величайшимъ нерадѣніемъ; въ цѣлой землѣ рубятся лѣса безъ всякой надобности; харчевни, оказавшіяся притонами разврата и закрытыя, самовольно открываются безъ разрѣшенія властей.» Коснувшись своевольства, укоренившагося въ народѣ, Миливой Іовановичъ прибавлялъ: «тѣмъ болѣе смущена была Его Свѣтлость подобными извѣстіями, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались подстрекателями къ такимъ поступкамъ и защитниками безпорядковъ тѣ отличные народомъ люди, которые были его представителями на славной Свято-Андреевской скупщинѣ или же старались прежде на пользу установленнаго ею порядка вещей. Его Свѣтлость не можетъ вѣрить, чтобы етоль достойные люди, которые вели себя здѣсь столь мудро, осмотрительно и миролюбиво, возвратившись въ свои дома, могли подавать собою примѣръ безпорядка, когда господарю и его правительству необходима отовсюду помощь, дабы все вошло въ свои границы, разстройство замѣнилось правильнымъ теченіемъ дѣлъ и въ землѣ утвердилась новая жизнь.» Предупредивъ, чтобы никто не мечталъ, прикрываясь какими-либо заслугами, избѣжать наказанія за свои проступки, министръ продолжалъ: «нашъ свѣтлый господарь смот-

рить на насъ, какъ на дѣтей своихъ, между коими онъ не дѣлаетъ никакого различія; а потому, если кто-либо и оказалъ какую-нибудь услугу нынѣшнему порядку или потерпѣлъ за него, не долженъ искать награды или утѣшенія въ мести, или въ нарушении существующихъ установленій, но лишь въ успѣхахъ общаго дѣла, на пользу коего трудился. Местью, укорами за прошлое люди раздражаются, и раздраженіе вызываетъ ихъ на отпоръ. Стало быть, никакой патриотъ не пожелаетъ, чтобы мы вмѣсто заботъ объ истинномъ преуспѣяніи отечества вѣчно занимались нашими внутренними распрями: подадимъ же другъ другу руки для примиренія; оставемся въ предѣлахъ порядка и послушанія, покоримся нашимъ властямъ, а власти да держатся твердо закона. Вотъ чего ожидаетъ и требуетъ отъ насъ свѣтлый нашъ князь.» Въ заключеніе министръ предписывалъ окружнымъ начальникамъ обнародовать полученный ими приказъ и немедленно донести о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ онъ на народъ.

Но, считая себя отцемъ своего народа, Милошъ и на министровъ смотрѣлъ, какъ на старшихъ дѣтей своихъ, которымъ онъ могъ только приказывать, не принимая ихъ совѣтовъ. Его отношенія къ вопросу объ административныхъ назначеніяхъ сохранили и послѣ приведенныхъ наказовъ свой прежній характеръ. Считая себя одного способнымъ удовлетворить тогдашнимъ потребностямъ Сербіи, онъ поступалъ, на самомъ дѣлѣ, неодинаково даже въ однородныхъ случаяхъ: когда у него возникало желаніе назначить какое-либо лицо на службу, то онъ настойчиво требовалъ исполненія своей воли, не терпя никакихъ возраженій; когда же у него не было своего кандидата на свободную должность, или, лучше сказать, приближенные ему не успѣли подсказать чьего-либо имени на такой случай, онъ колебался, совѣтовался со всѣми, кто попадался ему на глаза, такъ что иногда мѣнялъ свои рѣшенія въ одинъ и тотъ же день. Но при этомъ онъ болѣе всего не довѣрялъ людямъ молодаго поколѣнія, большинство коихъ принадлежало къ либеральной партіи, такъ горячо дѣйствовавшей во время Свято-Андреевской скупщины. Встрѣчая въ нихъ нерѣдко противорѣчія своимъ мнѣніямъ, Милошъ полагалъ, что они не могутъ быть дѣльными совѣтниками; а потому все болѣе и болѣе окружалъ себя людьми съ устарѣвшими взглядами на обязанности правительства, людьми нерѣдко совершенно лишенными образованія, трепетавшими княжескаго гнѣва и не осмѣливавшими высказывать предъ Милошемъ своихъ мнѣній. Даже князь

Михайлъ не всегда могъ имѣть вліяніе на отца въ подобныхъ случаяхъ, и потому зачастую устранился отъ вмѣшательства въ дѣла.

При такихъ условіяхъ, трудно было сохранить добрыя отношенія къ старому князю даже такимъ людямъ, которые, принадлежа по убѣжденіямъ къ либеральной партіи, по лѣтамъ своимъ вовсе не могли быть относимы къ молодому поколѣнію. Таковъ былъ Стевча Михайловичъ, замѣнявшій князя по волѣ самого Милоша во время его отсутствія, и потому уже стоявшій во главѣ временнаго правленія въ эпоху Свято-Андреевской скупщины. Онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ Совѣта, но, не находя въ князѣ сочувствія своимъ взглядамъ, рѣшился просить отпуска въ Ягодинскій округъ, гдѣ у него была усадьба, а одному изъ своихъ братьевъ оставить просьбу объ отставкѣ, которую послѣдній долженъ былъ подать въ отсутствіе Стевчи. Милошъ, отпуская его, сказалъ: «ступай и возвращайся черезъ три дня, да возьми съ собой доктора.» На замѣчаніе Стевчи, что въ такой короткій срокъ нельзя было совершить поѣздки, князь объявилъ: «три дня для житья на мѣстѣ.» Едва только его просьба объ отставкѣ подана была князю; какъ послѣдовала смѣна нѣсколькихъ людей, назначенныхъ на должности до прибытія Милоша въ Сербію, и вмѣстѣ съ тѣмъ самому Стевчѣ послано было изъ земскаго Совѣта приглашеніе вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Тогда невольный предсѣдатель Совѣта написалъ князю Михаилу, прося его исходатайствовать ему или отставку, или продолженіе отпуска. Данъ былъ послѣдній на 20 дней. Между тѣмъ, по Сербіи разнеслись уже слухи о нежеланіи Стевчи оставаться на службѣ, и изъ разныхъ мѣстъ: изъ самой Ягодины, изъ Заечара, Чупріи, Неготина, Пожаревца, Ужицы, Крагуевца, самого Бѣлграда и многихъ другихъ общинъ, присланы были Стевчѣ письма и телеграммы; выражавшія благодарность гражданъ за его дѣятельность и сожалѣніе, что онъ покидаетъ службу. Въ нѣкоторыхъ письмахъ прямо говорилось: взгляды-де князя таковы, что кто не при немъ, тотъ противъ него. Наконецъ, и самые друзья Стевчи увѣдомили его, что возвращеніе его въ Бѣлградъ необходимо. Когда Стевча явился къ Милошу, то послѣдній, взявъ его за руки, сказалъ: «я знаю, что обидѣлъ тебя, пока ты ѣздилъ, удаленіемъ назначенныхъ тобою чиновниковъ; но вѣдь все это сдѣлали твои же люди. Я допустилъ то, чтобы видѣть, каковы они нѣ тебѣ; ну и

увидаль, да и ты, чай, увѣрился въ томъ. Но я все это исправлю.» На самомъ же дѣлѣ, противъ Стевчи и его партіи дѣйствовали приближенные къ самому Милошу и князю Михаилу и между ними усерднѣе всѣхъ докторъ Пацекъ, бывший орудіемъ Ильи Гарашанина, которому не удалось побѣдить либеральной партіи, когда она господствовала надъ скупщиной. Кромѣ того, Гарашанинъ пользовался, въ это время, чрезъ того же Пацка влияніемъ на министра внутреннихъ дѣлъ Миливоя Іовановича и министра юстиціи Угричица. Такъ мало-по-малу слагался кружокъ людей, считавшій, по разнымъ причинамъ, необходимымъ дѣйствовать противъ либеральной партіи изъ святоандреевцевъ.

Такая борьба между окружающими и имѣвшими власть людьми въ началѣ правилась Милошу. Онъ любилъ входить даже во всѣ мелочи ея. Такъ, на примѣръ, онъ пригласилъ Стевчу въ началѣ Великаго поста говѣть вмѣстѣ, и когда Стевча подошелъ было къ причастию во главѣ чиновнаго люда, то Угричицъ и Іовановичъ поспѣшно заняли мѣсто предъ нимъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ спрашивали, зачѣмъ они такъ поступили; тѣ отвѣчали, что исполнили приказаніе князя, который сказалъ имъ: «пусть Стевча знаетъ, что вы выше его, и не властвуетъ надъ вами». Стевча не обратилъ было на это никакого вниманія; но на другой день Милошъ позвалъ его къ себѣ и спросилъ: «причастился ты?»—Причастился, господарь,—отвѣчалъ тотъ. «Ну, какъ у васъ тамъ было?»—продолжалъ Милошъ.—Слава Богу! все въ порядкѣ. — «Какой порядокъ, возразилъ Милошъ, когда младшіе становятся выше старшихъ, да еще будто нарочно на виду всѣхъ людей! Правда-ли, что попечители сунулись прежде тебя, когда ты хотѣлъ причаститься?» — Да, скромно отвѣтилъ Стевча, они подошли и причастились передъ нами, а мы всѣ за ними. — «Нѣтъ, это не ладно, крикнулъ Милошъ, вотъ я ихъ! Не уступай впередъ такимъ людямъ! Позови ихъ къ себѣ, и выбрани, какъ умѣешь и скажи имъ, что они болѣе не попечители своему князю. А затѣмъ выбери мнѣ другихъ.» Стевча не хотѣлъ воспользоваться на этотъ разъ подобнымъ расположеніемъ князя, хотя названные министры, дѣйствительно, были его врагами, не только вредя у князя самому Стевчѣ и его единомышленникамъ, но и распуская между жителями Бѣлграда слухи, что всѣ дурныя и рѣзкія распоряженія Милоша внушены ему вождемъ либеральныхъ свято-андреевцевъ, а всѣ хорошія приписывали собственному влиянію.

Между тѣмъ, разными путями люди, добивавшіеся власти, убѣдили Милоша въ необходимости образовать особую комиссію и послать ее по разнымъ округамъ княжества для изслѣдованія дѣйствій чиновниковъ. Однако-жъ не желая, чтобы эта комиссія могла проявить горячую дѣятельность или особенную проникаемость, совѣтовали ограничить число ее членовъ тремя: одного предлагали взять изъ полицейскаго вѣдомства, другаго изъ судебного, третьяго изъ финансоваго. Ефремъ Груичъ, управлявшій въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, ибо попечитель онаго Миливой Ювановичъ уѣзжалъ тогда въ Ужицу, воспѣшилъ съ своей стороны предложить такой планъ: 1) образовать четыре комиссіи, изъ коихъ каждая объѣхала бы по четыре округа, бѣлградскій же округъ представить наблюденію центральнаго правительства; 2) предсѣдателей этихъ комиссій назначилъ-бы самъ князь; затѣмъ каждой предполагалось по одному члену изъ чиновниковъ и по шести изъ гражданъ; секретари также должны были быть изъ чиновниковъ; 3) комиссіи эти должны производить изслѣдованія публично и словесно, лишь вкратцѣ записывая сущность всякаго дѣла; 4) потомъ члены комиссіи должны были рѣшать по совѣсти, виновно или нѣтъ лицо, бывшее подъ слѣдствіемъ; 5) если не виновно, то обвинитель долженъ уплачивать издержки слѣдствія, если-же виновно, то всѣ три члена комиссіи изъ чиновниковъ должны опредѣлить наказаніе ему; 6) въ случаѣ неудовольствія обвиненнаго на ихъ рѣшеніе, послѣднее должно было пересматриваться въ кассационномъ судѣ. Какъ и всегда, подчиняясь вполнѣ первому впечатлѣнію, Милошъ одобрилъ планъ Груича во всемъ его составѣ. Но затѣмъ онъ долженъ былъ поступить на разсмотрѣніе Совѣта, гдѣ это дѣло возбудило долги пренія. Нѣкоторые совѣтники опасались, что столь публичное изслѣдованіе можетъ коснуться и ихъ самихъ; къ ихъ мнѣнію пристали и остальные попечители. Вслѣдствіе этого былъ изданъ 15 апрѣля 1869 года законъ о слѣдственныхъ комиссіяхъ. Законъ этотъ мотивировался подачею многочисленныхъ жалобъ изъ народной среды на чиновниковъ, священниковъ, учителей и еретиковъ. Число членовъ изъ горожанъ въ каждой комиссіи опредѣлялось такимъ порядкомъ: одинъ избирался изъ числа жителей окружнаго (уѣзднаго) города своими согражданами по большинству голосовъ, остальные избирались такимъ же порядкомъ по одному отъ cadaго среза (стана). Предъ принятіемъ своихъ обязанностей они должны были принести присягу въ до-

бросовѣстномъ исполненіи ихъ. Члены чиновнаго сословія назначались княземъ изъ центральныхъ вѣдомствъ по представленію министерскаго совѣта. Какъ обвиняемый, такъ и обвинитель, представшіе предъ одну изъ таковыхъ комиссій, могли удалять изъ числа ея членовъ по одному, не объясняя причинъ того. Самыя изслѣдованія дозволялось производить устно и публично, при чемъ свидѣтели могли быть допускаемы къ показаніямъ только по принятіи присяги. Но самое обсужденіе результатовъ слѣдствія должно было производиться въ тайнѣ. Для пересмотра этихъ рѣшеній предполагалось назначить особый судъ. Какъ за подговоръ къ подачѣ ложныхъ жалобъ, такъ и за угрозу съ цѣлю отвратить отъ подачи справедливой жалобы, равнымъ образомъ за подкупъ свидѣтелей и ложное показаніе предъ комиссіей объявлены были строгія наказанія: заключеніе въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ и потеря гражданскихъ правъ отъ 1 года до 5 л. Такъ какъ рѣшенія посланныхъ комиссій оставались, большею частію, административною тайной, то народъ не зналъ, какіе результаты принесла слѣдственная дѣятельность комиссаровъ, а съ другой стороны, вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ, принесенныхъ чиновниками на дѣйствія комиссіи, нельзя было провѣрить, на сколько основательны ихъ сѣтованія. Нельзя однако-жъ не признать, что посылка подобныхъ комиссій по всѣмъ округамъ княжества не осталась безъ пользы: съ одной стороны, при ихъ посредствѣ не только провѣрены были по возможности жалобы, уже поданныя центральному правительству, но и открыты такія злоупотребленія чиновныхъ людей, о коихъ оно прежде не имѣло свѣдѣній, а съ другой—чиновное сословіе почувствовало, что надъ его дѣйствіями рано или поздно можетъ быть произведенъ контроль, какъ органами правительства, такъ и депутатами изъ среды согражданъ.

Но можно ли было относиться со всею строгостью къ дѣйствіямъ чиновниковъ, когда они продолжали получать противорѣчивыя приказы или такія требованія со стороны правительства, которыя должны были возбудить народное неудовольствіе. Такъ въ то самое время, когда вышеназванная комиссія разъѣзжала по княжеству, случилось такое дѣло въ Пожаревацкомъ округѣ. Еще Миливой Ювановичъ, до отъѣзда своего въ Ужицу, написалъ, по приказанію самого князя, тамошнему начальнику Божичу, чтобы онъ произвелъ опись земель, которыя нѣкогда принадлежали Милошу, поступивъ въ его владѣніе во время его пер-

ваго правленія, но потомъ были отобраны правительствомъ Карагеоргіевича и розданы частнымъ лицамъ. По окончаніи описи попечитель предписывалъ Божичу огородить эти земли. Божичь донесъ, что онѣ находятся во владѣніи почти двухъ сотъ человекъ и что исполнить приказъ трудно, не возбудивъ общихъ жалобъ. Груичъ, какъ помощникъ, управлявшій дѣлами министерства въ отсутствіе Іовановича, старался разъяснить Милошу, какъ не политично въ интересахъ династіи отдавать подобныя приказанія, и что такимъ образомъ нельзя рѣшить вопроса о сказанныхъ земляхъ съ соблюденіемъ общихъ выгодъ. Милошъ согласился было съ Груичемъ, который написалъ Божичу, чтобъ не отгораживалъ земель; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ съ эстафетою къ Миливою Іовановичу приглашеніе поспѣшить своимъ возвращеніемъ въ Бѣлградъ. Тотъ немедленно явился, а, между тѣмъ, приближенные къ Милошу уже успѣли уговорить его возвратиться къ прежнему рѣшенію своему насчетъ отобранія земель, о чемъ дали знать и Божичу. Послѣдній извѣстилъ о томъ Груича, объявивъ ему при этомъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи онъ находится въ виду двухъ противорѣчивыхъ приказаній своего непосредственнаго начальника и самого князя. Груичъ отвѣчалъ Божичу, чтобъ онъ самъ сообщилъ князю о распоряженіи помощника попечителя. Тотъ исполнилъ совѣтъ своего начальника. Тогда Милошъ позвалъ къ себѣ Груича и спросилъ: что онъ писалъ Божичу. Груичъ объяснилъ и Милошъ повернулъ разговоръ въ другую сторону. Впослѣдствіи, однако-жъ Миливою Іовановичъ настоялъ на томъ, чтобы Божичь исполнилъ желаніе Милоша. Земли были отобраны безъ вознагражденія владѣльцевъ и огорожены при помощи общественной работы народа, созданнаго для того посредствомъ административнаго наряда (кулукъ), что вызвало общее негодованіе въ населеніи той мѣстности.

Почти въ то же время рѣшена была судьба и главнаго врага фамиліи Обреновичей Ёмы Вучича Перишича, содѣйствовавшаго не только введенію въ политическую жизнь Сербіи устава 1839 года, но и удаленію Милоша изъ отечества, силою изгнавшаго изъ Сербіи князя Михаила, устроившаго избраніе Александра Карагеоргіевича на его мѣсто при помощи Порты и Австріи и безотчетно управлявшаго дѣлами княжества до самой Свято-Андреевской скупщины, которая выразила сильное порицаніе всей его дѣятельности. Въ первые же дни по прибытіи Милоша въ Бѣлградъ, Вучичъ былъ арестованъ и надъ нимъ назначена, по

словесному приказанию князя, следственная комиссия, членами коей были: Јово Мичичъ, председатель Валеваго окружнаго суда, Јованъ Митричевичъ, Живко Недичъ, Петръ Марковичъ. Они просили, чтобы кругъ дѣйствій комиссіи опредѣленъ былъ формальнымъ образомъ. 13 февраля появилось съ этою цѣлію предписаніе княжескаго представителя Стефана Магазиновича, который и самъ былъ нѣкогда участникомъ въ дѣйствіяхъ Вучича противъ Обреновичей; этимъ актомъ число членовъ комиссіи было увеличено. Въ тотъ же день попечитель правосудія Евта Угричичъ издалъ инструкцію, которою предлагалось комиссіи изслѣдовать всѣ злоупотребленія, учиненныя Вучичемъ съ 1839 по 1842 годъ, въ качествѣ предводителя мятежниковъ, возставшихъ противъ Обреновичей, и всѣ убытки, нанесенныя имъ при этомъ отдѣльнымъ лицамъ, народу и государству. Велѣно было допросить его и о томъ, за что изгналъ фамилію Обреновичей изъ Сербіи вопреки народной волѣ и т. п. вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіа должна была подвергнуть разсмотрѣнію дѣйствія нѣкоторыхъ членовъ Державнаго Совѣта, пытавшихся 12 декабря 1858 года поднять регулярное войско для возвращенія Карагеоргиевича, низвергнутаго скупштиной и уже удалившагося въ турецкую крѣпость. Вслѣдствіе такихъ обширныхъ порученій, комиссіа должна была привлечь къ допросу и остававшихся на свободѣ совѣтниковъ: вице-президента Алексу Янковича и Гаврила Еремича. Нѣкоторые изъ приближенныхъ Милоша требовали даже ареста Гарашанина, что Милошъ и велѣлъ исполнить комиссіи. Но председатель ея Мичичъ, котораго впоследствии министерство Кристича и Гарашанина хотѣло сослать въ Барановацъ, какъ члена высшаго суда, обратился къ Михаилу, и тотъ убѣдилъ отца не трогать Гарашанина. Разсерженный Милошъ велѣлъ выпустить и Янковича съ Еремичемъ. Съ тѣхъ поръ комиссіа дѣйствовала вяло, спрашивая болѣе всего Вучича, находившагося подъ военнымъ арестомъ. Вскорѣ выпущены были на свободу и всѣ второстепенныя лица изъ обвинявшихся. 25 февраля бѣлградская полиція получила приказъ описать, оцѣнить и секвестровать все имущество у Вучича. 23 марта попечитель внутреннихъ дѣлъ сообщилъ попечителю правосудія, что князю угодно было приказать, чтобы Вучича не требовали къ отвѣту за дѣйствія, но потребовали бы отъ него вознагражденія за причиненныя имъ убытки. Угричичъ передалъ всѣ акты о Вучичѣ въ бѣлградскій город-

ской судъ, куда и предъявлялись всё частные искн противъ арестованнаго старѣйшины.

Въ то же время и Милошъ, и самъ Михаилъ нашли умѣстнымъ, чтобы молодой князь, побывавшій при русскомъ дворѣ во время своего изгнанія, посѣтилъ теперь и другіе дворы. 15 марта, отправился Михаилъ въ путь вмѣстѣ съ женой своей Юліей Гуниади, въ сопровожденіи Іована Мариновича и Косты Цукича, знакомыхъ съ дипломатическими дѣлами, и посѣтилъ Вѣну, Парижъ, Лондонъ и Берлинъ, возвратившись въ Бѣлградъ только къ 28 мая. Въ его отсутствіе людямъ, участвовавшимъ въ дѣлахъ Свято-Андреевской скупщины, удалось исполнить нѣсколько важныхъ дѣлъ, намѣченныхъ еще скупщиной. Комиссія для составленія устава о гражданскомъ судопроизводствѣ *) выработала проектъ, для коего взяла слѣдующія основанія: примирительные (т. е. общіе) суды остаются при устномъ и гласномъ судопроизводствѣ; въ окружныхъ судахъ вводится тотъ же порядокъ; жалобы на ихъ приговоры поступаютъ въ великій народный судъ, который замѣняетъ собою судъ кассационный; апелляціонный судъ уничтожается; исполненіе судебныхъ приговоровъ возлагается на особые органы. Милошъ, по обычаю, былъ доволенъ этимъ проектомъ, ибо самъ не могъ судить ни о достоинствахъ, ни о недостаткахъ его; но, когда проектъ переданъ былъ въ Совѣтъ для обсужденія, то членамъ комиссіи пришлось выслушать много возраженій со стороны совѣтниковъ. Послѣдніе въ особенности настаивали на сохраненіи апелляціоннаго суда; члены же комиссіи болѣе полагались на гласность судопроизводства и на опытность практическихъ юристовъ. Послѣ долгихъ препирательствъ между комиссіей и совѣтомъ съ одной стороны, между княземъ и совѣтомъ съ другой представлены были наконецъ Милошу проекты слѣдующихъ законовъ: о гражданскомъ судопроизводствѣ, о исполненіи судебныхъ приговоровъ, о преобразованіи кассационнаго суда въ великій народный судъ, и объяснительнаго указа къ нимъ. Милошъ былъ доволенъ и, оставивъ у себя всё эти проекты, сказалъ членамъ комиссіи: «вотъ такъ хорошо, и когда будетъ скупщина, то я представляю ей ваши проекты и скажу: «я поручалъ это дѣло такимъ-то людямъ и они его исполнили; если признаете достойнымъ, похвалите ихъ, если же дурнымъ,

*) Членами были: Андрія Стаменковичъ, Ефремъ Груичъ, Дмитрій Матичъ, Панта Іовановичъ, Араницкій и Живко Недичъ.

ихъ и браните. Милошъ уже начиналъ въ это время думать о созывѣ новой скупщины, согласно рѣшенію, принятому на скупщинѣ, возвратившей его въ отечество; но приближенные опасаясь, что новая скупщина будетъ продолженіемъ Свято-Андреевской по духу и времени, совѣтовали созвать малую скупщину вмѣсто великой, при чемъ иные уменьшали число членовъ такой скупщины до 40. Милошъ, какъ и всегда, совѣтовался о томъ съ людьми всѣхъ партій, имѣвшими къ нему доступъ, въ томъ числѣ и съ нѣкоторыми святоандреевцами, которые отвѣчали ему: кто не совѣтуетъ созывать скупщины, тотъ непріятель и князю, и народу. Противники скупщины попробовали было доказать Милошу, какъ опасно созывать большую скупщину, въ виду готовившихся тогда важныхъ событій въ Европѣ. Но подобныя угрозы только убѣждали Милоша въ пользу созванія народной скупщины. Такъ какъ до нея должны были открыться дѣйствія Комитета, назначеннаго еще Свято-Андреевскою скупщиною для разсмотрѣнія вопросовъ, которые были ей предъявлены, но не разрѣшены по недостатку времени, и для изготовленія докладовъ по нимъ къ будущей скупщинѣ, то Милошъ и велѣлъ попечителю внутреннихъ дѣлъ Миливою Ювановичу созвать Комитетъ въ засѣданіе на 24 іюня. Вмѣсто того Ювановичъ назначилъ днемъ открытія для дѣйствій Комитета Петровъ день. Милошъ разгнѣвался и поручилъ исправленіе должности попечителя внутреннихъ дѣлъ помощнику его Груичу, оставивъ за нимъ и это званіе.

Первымъ дѣломъ Груича по вступленіи въ министерство было настоять, чтобы попечители хоть разъ въ недѣлю имѣли общія совѣщанія. Но такъ какъ въ дворцовыхъ комнатахъ вездѣ были адъютанты и прислужники, то для министерскаго совѣта отведено было особое помѣщеніе. Тогдашнее министерство сербское нельзя было назвать единомыслящимъ. Должность княжескаго представителя и попечителя иностранныхъ дѣлъ, иначе говоря—должность предѣдателя въ министерскомъ совѣтѣ, временно исполнялъ вмѣсто Магазиновича Цвѣтко Райовичъ, человекъ безъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій; попечители—финансовъ Теодоръ Гербесъ и правосудія Евта Угричичъ, сами по себѣ люди почтенные, были уже стары и каждое приказаніе князя ставили выше всякаго закона. Управлявшій военными дѣлами, Младенъ Жуевичъ дѣйствовалъ совершенно отдѣльно отъ остальныхъ попечителей и получалъ приказанія непосредственно отъ Милоша, не являясь въ засѣданія министерскаго совѣта. Чтобы придать большее значеніе

этимъ совѣщаніямъ и имѣть въ нихъ поддержку для себя, Груичъ настоялъ на участіи въ нихъ предсѣдателя державнаго Совѣта Стевчи Михайловича, который вмѣстѣ съ Стаменковичемъ поддерживалъ представленія своей партіи и въ державномъ совѣтѣ. Здѣсь не лишнее будетъ замѣтить, что Стаменковичъ вообще былъ тогда для своихъ соплеменниковъ образцомъ политическаго дѣятеля, уважавшаго законъ и его требованія. Онъ постоянно подавалъ въ совѣтѣ отрицательный голосъ противъ такихъ предложеній министерства, которыми нарушались существующіе уставы, и требовалъ, чтобы соотвѣтственные измѣненія въ нихъ предварительно утверждены были народною скупщиною. Такъ, напр., въ засѣданіи 2 марта онъ не соглашался на замѣну прежней присяги, дававшейся совѣтниками и попечителями, новою; не одобряя старую, въ которой упоминалось о вѣрности не сербскому князю, а волѣ турецкаго султана, Стаменковичъ говорилъ, что для утвержденія предлагавшейся перемѣны недостаточно согласія совѣта, необходимо также и согласіе скупщины. Въ засѣданіяхъ 12 февраля и 2 мая онъ подалъ голосъ противъ выдачи изъ государственной кассы значительныхъ для Сербіи суммъ на переустройство домовъ, которые занимали князья, ибо подобныя издержки до тѣхъ поръ покрывались изъ другихъ источниковъ, и при томъ фамилія Обреновичей владѣла большими имѣніями. Въ засѣданіи 28 марта онъ высказался противъ совѣтскаго рѣшенія, которымъ принято было предложеніе попечителей увеличить содержаніе князя на 100.000 талеровъ въ годъ. Стаменковичъ требовалъ, чтобы такая перемѣна въ государственномъ бюджетѣ представлена была на рѣшеніе скупщины. Будучи убѣжденъ, что составленіемъ законовъ могутъ заниматься съ успѣхомъ только природные подданные княжества, Стаменковичъ въ совѣтскомъ засѣданіи 9 марта горячо, хотя и безъ успѣха, возражалъ противъ предложенія попечителей пригласить одного изъ австрійскихъ сербовъ для составленія уголовного кодекса. Засѣданія министерскаго совѣта, устроеншіяся по мысли Груича, могли ввести единство въ дѣйствія обновленнаго попечительства и совѣта, гдѣ реакціонный духъ преобладалъ. Когда князь Михаилъ возвратился изъ своего путешествія, то ему предложено было предсѣдательство во время попечительскихъ совѣщаній. Съ тѣхъ поръ завелись протоколы засѣданій министерскаго совѣта и выработанныя имъ заключенія представлялись на усмотрѣніе стараго князя. Послѣдній никогда не присутствовалъ при этихъ совѣщаніяхъ,

но любилъ иногда подходить къ дверямъ комнаты, гдѣ происходили совѣщанія; то одну дверь отворить и сказать: «а! вы работаете! ну, я вамъ не жѣшаю!» то въ другую заглянетъ и спросить: «ну, что вы сдѣлали?» Наибольше важнымъ дѣломъ, подлежащимъ рассмотрѣнiю министровъ, было составленiе законовъ о наслѣдiи княжескаго престола въ Сербiи. Написать проектъ его поручено было Груичу, Янковичу и Матковичу, что и было исполнено ими къ 8 iюня. При обсужденiи этого проекта въ общемъ министерскомъ совѣщанiи, Угричичь предлагалъ было поправку, чтобы дѣти владѣтельнаго князя могли жениться только на лицахъ православнаго исповѣданiя; Михаилъ, жена коего была католичка, возражалъ Угричичу и поправка его была отвергнута. Были также споры объ избранiи князя народною скупщиной въ случаѣ престѣпенiя мужской линiи Обреновичей, о составѣ регентства въ случаѣ малолѣтства новаго князя, объ участiи вдовствующей княгини въ попечительствѣ по частнымъ дѣламъ малолѣтняго князя и т. н. Въ результатѣ получилось, что проектъ Груича былъ принятъ вполнѣ и впослѣдствiи представленъ скупщинѣ.

Но если удалось достигнуть единенiя въ важнѣйшихъ правительственныхъ распоряженiяхъ, то трудно было добиться такого же согласiя въ распоряженiяхъ ежедневныхъ. Милошъ въ этихъ случаяхъ нерѣдко давалъ отдѣльныя приказанiя какъ попечителямъ, такъ и другимъ вышшимъ чиновникамъ; всего чаще они касались внутреннихъ дѣлъ и приводились въ исполненiе безъ вѣдома Груича. Даже князь Михаилъ не разъ говорилъ Груичу, что полицiя и правитель Бѣлграда часто превышаютъ свою власть и дѣйствуютъ не по закону. Груичъ отвѣчалъ на такой упрекъ всегда одно и то же, что Милошъ, не говоря ему ни слова, прямо даетъ приказы или правителю, или Жуевичу. Михаилъ давалъ такой совѣтъ: не слѣдуетъ тотчасъ же исполнять подобныя приказанiя; старикъ одумается и потомъ отмѣнитъ ихъ. — «Напротивъ, возразилъ Груичъ, узнавъ, что не исполнено, князь призываетъ правителя и бранитъ его». Однажды Михаилъ сталъ выговаривать Груичу, что полицiя, по приказу Милоша, распорядилась вынести вещи внука Карагеоргиева и жены его, дочери Миши Анастасiевича, изъ дома Кничанина, гдѣ они жили, потому что Милошъ желалъ очистить это помѣщенiе для итальянскаго консула, который ему понравился. Груичъ отвѣчалъ: «если Ваша Свѣтлость желаете, чтобы высше чиновники не дѣлали беззаконно».

ній, то надо-бы намъ согласиться между собою и сказать князю Милошу, чтобы онъ такъ не дѣлалъ, и не давалъ приказаній непосредственно и въ противность закону». Михаилъ промолчалъ.

Подобное своеволие бѣлградскаго правителя, а равно и управлявшаго военными дѣлами, принимало иногда важные размѣры. Такъ въ іюнь, когда князь Михаилъ ѣздилъ во внутренность Сербіи, въ Бѣлградѣ произведено было не мало арестовъ безъ вѣдома попечителя внутреннихъ дѣлъ. Въ это самое время въ столицѣ княжества находились посланники черногорскаго князя, Радоничь и Вуйовичъ, присланные съ поздравленіемъ къ Милошу. Въ честь ихъ давался обѣдъ въ загородномъ топчидерскомъ дворцѣ, къ коему приглашены были и попечители. Тамъ адъютантъ князя, Барловаць, обратился къ Груичу съ вопросомъ: что значать всѣ эти аресты? Отвѣтивъ, что ему ничего не извѣстно о нихъ, Груичъ послѣ обѣда потребовалъ къ себѣ городскаго правителя для объясненій, но тотъ не явился, отозвавшись множествомъ спѣшныхъ дѣлъ. Однако-жъ стороной Груичъ разумала, что аресты производилъ правитель города и ему помогали военный начальникъ: кого сажали въ полицію, а кого въ топчидерскую тюрьму. Вечеромъ того-же дня опять были гости у князя въ саду; тутъ же находились попечители и нѣкоторые изъ совѣтниковъ. Милошъ шутилъ, всѣ смѣялись, одинъ Груичъ стоялъ насупившись. Замѣтивъ это, Милошъ позвалъ его въ комнату вмѣстѣ съ Раевичемъ, и здѣсь послѣдовало такое объясненіе по поводу ареста нѣкоторыхъ единомышленниковъ Вучича, въ томъ числѣ Баталаки и Еремича. Милошъ спрашивалъ: «слышалъ ты, что они арестованы?» Груичъ отвѣчалъ: «Слышалъ, какъ говорили о томъ на рынкахъ», на что князь замѣтилъ: «я велѣлъ правителю и Жуевичу». Тогда Груичъ обратился къ Раевичу, какъ княжескому представнику, съ вопросомъ: «а были-ли вы, г. Райевичъ, при томъ?» Представникъ сказалъ: «Да, мы тогда были вмѣстѣ съ господаремъ, Жуевичемъ и правителемъ». Груичъ удивленно спросилъ: «какъ же вы можете мѣшаться въ мою должность?» но Милошъ возразилъ: «я смотрю за всѣми должностями». — «Вы—господарь, но вы мнѣ поручили, объяснилъ Груичъ, чтобы я зналъ все, что слѣдуетъ по моей должности». — «Ну, вотъ теперь и знаешь!» отрѣзалъ Милошъ. Груичъ продолжалъ: «Господарь! прежде, нежели что начать, надо изслѣдовать; а какъ уже сдѣлаешь, то трудно потомъ отступать: сегодня ихъ арестовали, а завтра, можетъ быть, придется выпу-

стить!»—«Нѣтъ имъ освобожденія, кричалъ Милошъ, они договаривались о моемъ убійствѣ.»—«Опять я долженъ былъ знать, настаивалъ Груичъ, чтобы умѣть объявить о томъ, кому понадобится.»—«Не зачѣмъ объявлять», порѣшилъ Милошъ.—Груичъ спросилъ тогда: «А если народъ узнаеть и безъ того, и, подумавъ, что здѣсь у насъ цѣлый заговоръ, взволнуется: что я напишу окружнымъ начальникамъ?»—«Ну, ты имъ и напиши!» отвѣчалъ, не задумавшись старый князь. Груичъ возразилъ: «Я вѣдь ничего не зналъ и не видалъ; что же я буду писать?» Милошъ съ гнѣвомъ объяснилъ: «Да мы за тобой посылали, но разсыльный не нашелъ тебя дома, а ждать было некогда; это не пустяшное дѣло—они затѣвали убійство. Пока вы ведете слѣдствіе, они бы со мной кончили; а теперь мы выведемъ двухъ, трехъ предъ народъ и головы имъ отсѣчемъ.» Груичъ ничего не отвѣчалъ, зная, что спорить не время. На другой день онъ узналъ, что Баталаку и Еремича выпустили изъ-подъ ареста по приказу изъ княжеской канцеляріи, и что Вучичъ умеръ въ военномъ госпиталѣ. Тѣмъ не менѣе Груичъ написалъ на имя представителя Раевича просьбу о своей отставкѣ и занесъ даже ее въ протоколъ; но тестъ его Гербесъ уговорилъ остаться на службѣ, замѣтивъ, что Милошу постараются объяснить, будто онъ жалѣеть Вучича и обвиняетъ князя въ его смерти.

Между тѣмъ, по Бѣлграду ходили уже слухи, что Вучичъ умеръ не своею смертію. Передавали имена посѣщавшихъ его въ послѣдніе дни; это были: внукъ Вучича, купецъ Юцо Штеричъ, священникъ Хаджи-Дина Ювановичъ, ставшій приближеннымъ совѣтникомъ Милоша, и придворный докторъ Беллони. Милошъ желалъ, чтобы похороны Вучича совершены были негласно; но его отклонили отъ такой мысли; и на погребеніи врага его было довольно народу. Тѣмъ не менѣе слухъ объ отравленіи Вучича все усиливался, и нѣкоторые изъ иностранныхъ консуловъ, въ особенности австрійскій, рѣшились настаивать предъ бѣлградскимъ пашей о вскрытіи могилы и анатомированіи тѣла. Милошъ былъ крайне недоволенъ и пожелалъ узнать стороною мнѣніе о томъ епископа шабацкаго Михаила, управлявшаго въ то время бѣлградскою митрополіей. Послѣдній обратился по этому случаю къ старому князю съ письмомъ отъ 10 юля, въ которомъ объяснялъ, что разрытіе могилы Вучича было бы противно церковнымъ правиламъ и народнымъ обычаямъ. «Если принять во вниманіе, писалъ епископъ, что покойный чрезъ своихъ сродниковъ

не разъ призывалъ къ себѣ священника, который и читалъ ему молитвы, а предъ смертнымъ часомъ пожелалъ исповѣдаться и причаститься, что и было исполнено, а также прочитана и отходная, при чемъ онъ въ полномъ сознаниіи и въ присутствіи священника приказывалъ сродникамъ, какъ похоронить его, и что по смерти тѣло было посящаемо родными и знакомыми, а погребеніе совершено двумя священниками въ сопровожденіи народа, — когда все это примемъ во вниманіе, то получится достаточное основаніе для отстраненія всякаго требованія объ извлеченіи изъ земли тѣла, которое отпѣто по правиламъ нашей церкви и положено во гробъ.» Опираясь на такое заявленіе со стороны епископа и опасаясь произвести соблазнъ въ народѣ исполненіемъ вышеупомянутаго требованія, Милошъ отказался исполнить его. Турки въ свою очередь не настаивали на томъ, говоря, что и ихъ обычаямъ противно раскапываніе могилъ, и что требовать того вынуждалъ ихъ австрійскій консулъ. Такъ кончилось дѣло Вучича.

Почти въ то же время получилъ свое разрѣшеніе и другой, несравненно важнѣйшій для Сербіи вопросъ о замѣнѣ бывшаго митрополита Петра новымъ лицомъ. Еще Свято-Андреевская скупщина выступила съ сильными обвиненіями противъ Петра, бывшаго однимъ изъ ревностныхъ сторонниковъ Карагеоргиевича и управление дѣлами митрополии поручено было временно шабацкому епископу, кончившему курсъ въ Киевской Духовной Академіи со степенью магистра, бывшему по возвращеніи на родину профессоромъ въ бѣлградской богословской школѣ и вскорѣ рукоположенному въ санъ епископа *). Уже въ то время народный голосъ называлъ его, какъ будущаго митрополита. И личный характеръ, и высшее духовное образованіе, столь рѣдкое въ тогдашней Сербіи, и труды по части церковной литературы, правда,

*) Епископъ, впоследствии митрополитъ, Михаилъ родился 19 августа 1826 года въ Алексинацкой Банѣ отъ Милована Јовановича и дочери священника Маріи Ристичъ. Ученіе его началось въ 1835 году въ мѣстной школѣ, съ 1840 года онъ учился въ Заечарѣ, гдѣ поступилъ въ гимназію, съ 1842 года посѣщалъ Неготинскую гимназію, а въ 1846 г. окончилъ курсъ въ Бѣлградской богословской школѣ; съ 1846 по 1849 г. онъ учился въ Киевской семинаріи, а потомъ въ Духовной Академіи, по окончаніи курса въ которой принялъ монашество въ Києво-Печерской Лаврѣ 29 марта 1853 года, а 13 апрѣля того же года рукоположенъ въ діаконъ и черезъ 4 дня въ іеромонахи тогдашнимъ митрополитомъ киевскимъ Фигаретомъ. Епископомъ Шабацкой епархіи онъ сталъ 14 октября 1854 года, стало быть на 29 году своей жизни.

Бывшіе лишь въ началѣ своемъ, и, наконецъ, связи съ народно-либеральною партіей, вполнѣ оправдывали такой выборъ. Когда Милошъ былъ на пути въ Бѣлградъ и находился уже въ Сербіи, митрополитъ Петръ старался выпутаться изъ бѣды, соглашаясь оставить свое мѣсто въ случаѣ назначенія постоянной пенсіи или единовременнаго вознагражденія. Такое желаніе онъ заявилъ всѣмъ тогдашнимъ членамъ архіерейскаго собора въ Сербіи: епископу Михаилу лично, а Ужицкому Іоанникію, сопровождавшему Милоша въ его пути, и Неготинскому Герасиму по телеграфу. Но Милошъ, имѣвшій полное право гнѣваться на Петра не только за дѣятельность при Карагеоргиевичѣ, но и за прежнія его дѣла, не хотѣлъ слышать ни о какой сдѣлкѣ съ павшимъ митрополитомъ. Уже приближаясь къ Бѣлграду и узнавъ, что Петръ все еще живетъ въ митрополіи, Милошъ послалъ изъ Смедерева приказъ своему намѣстнику, Стевчѣ Михайловичу, предложить Петру выѣхать изъ Сербіи. Петръ переправился на австрійскій берегъ въ Землинъ наканунѣ княжескаго пріѣзда въ столицу. Тамъ онъ сталъ искать покровительства у патріарха австро-венгерскихъ Сербовъ Іосифа Раячича, который и писалъ Милошу, прося о возвращеніи Петра къ управленію митрополіей; но и это ходатайство не помогло. Въ то же время Петръ обратился съ письмомъ къ архіерейскому собору, управлявшему сербскою церковью, гдѣ, выразивъ надежду на возвращеніе къ прежней своей должности, буде соборъ исходатайствуетъ то, онъ высказывалъ такой взглядъ на свое положеніе: «но если бы почему-либо такого возвращенія не могло послѣдовать, то я буду ожидать отъ справедливости и милости свѣтлаго князя нашего и усердныхъ настояній архіерейскаго собора, какъ и писалъ о томъ подробнѣе верховной власти, опредѣленнаго и пристойнаго содержанія, съ правомъ свободнаго избранія мѣстожителства, дабы не быть никому ни въ тягость, ни въ зазоръ. Только такимъ способомъ можетъ святая церковь увидеть при моей жизни мой архіепископскій престолъ занятый другимъ; я вполнѣ увѣренъ, что и члены собора, преосвященные господа епископы наши, обязавшіеся предо мною и присягою при своемъ посвященіи, согласятся не приступать къ замѣщенію моего мѣста иначе, какъ получивъ отъ меня изъявленіе удовольствія опредѣленіемъ вышеозначенной пенсіи.» Письмо это было сообщено епископомъ Михаиломъ князю Милошу. 12 февраля Михаилъ получилъ отвѣтъ отъ Милована Янковича, исправлявшаго должность секретаря при князѣ, съ просьбой со-

общить его. содержаніе бывшему митрополиту. «Господарь, писавъ Янковичъ отъ имени Милоша, думаетъ, что господину митрополиту было бы приличнѣе просить о милости, которую Его Свѣтлость могъ бы оказати ему лишь подѣ условіемъ собственной отвѣтственности предъ народомъ, чѣмъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго основанія для себя, ссылаться на какое-то право свое, или упоминать объ обязанностяхъ, вопреки коимъ онъ самъ постоянно дѣйствовалъ. Господарь удивляется, видя, что г. митрополитъ ссылается на присягу его со стороны другихъ, а самъ въ столькихъ случаяхъ нарушалъ свою собственную. Вотъ вратцѣ тѣ основанія, по которымъ господарь считаетъ нужнымъ, чтобы г. митрополитъ лучше созналъ свое истинное положеніе, находясь въ которомъ онъ долженъ обращаться за помощью къ верховной власти въ Сербіи.» Послѣ этого митрополитъ Петръ написалъ князю, прося у него дозволенія прибыть въ Бѣлградъ и представиться ему. Но въ это время епископъ Михаилъ былъ въ отъѣздѣ для исполненія епархіальныхъ дѣлъ въ Шабацѣ. Милошъ, пользуясь этою случайностію, отвѣчалъ съ обычною ему ироніей: «владыка Михаилъ заперъ митрополию и взялъ ключи отъ нея съ собой въ Шабацъ; некуда теперь пріѣзжать митрополиту Петру, пусть подождетъ, пока вернется епископъ Михаилъ, и тогда пускай пріѣзжаетъ. И дѣйствительно, едва только шабацкій епископъ прибылъ въ Бѣлградъ, какъ явился и митрополитъ. Получивъ извѣстіе о томъ, Милошъ послалъ сказать, что не приметъ Петра, если онъ явится во дворецъ. Когда они предстали предъ княземъ, послѣдній оправился и съ трудомъ могъ удержаться отъ гнѣвныхъ выраженій. Епископу Михаилу приходилось постоянно такъ направлять разговоръ, чтобы отстранить столкновение между собесѣдниками, у которыхъ въ сердцахъ накопилось много недобрыхъ воспоминаній другъ о другѣ. Узнавъ, что генералъ Коронини, управлявшій австрійскою Военною Границей, готовъ былъ ходатайствовать предъ императоромъ Францемъ Іосифомъ о предоставленіи Петру свободной тогда карлштадской епархіи, Милошъ прямо сказалъ митрополиту: «прекрасно! примите карлштадскую епархію; тамъ земля точно въ Сербіи, и люди похожи на нашихъ.» Петръ не рѣшился и замкнуться предъ княземъ о своемъ возвращеніи въ Сербію. Петръ удалился въ Австрію и принялъ предложеніе Коронини; но назначеніе его въ карлштадскіе архіепископы не могло совершиться вскорѣ, ибо требовало многихъ формально-

стей. Между тѣмъ, Милошъ безпрестанно напоминалъ объ избраніи новаго сербскаго митрополита, но епископъ Михаилъ постоянно отклонялъ его отъ этой мысли подъ разными предлогами, ссылаясь, главнымъ образомъ, на то, что пока митрополитъ Петръ не получилъ епархіи въ Австріи, невозможно занять его мѣсто въ Бѣлградѣ безъ нарушенія каноновъ и приличій.

Наконецъ, получено было письмо Петра отъ 16 іюля, писанное къ епископу Михаилу, въ которомъ, извѣщая о своемъ утвержденіи въ званіи начальника новой епархіи, просилъ о скорѣйшей высылкѣ назначенной ему пеніи и даже объ увеличеніи ея въ виду расходовъ, предстоявшихъ при инсталляціи въ Карлштадѣ. При этомъ онъ напоминалъ, что принялъ новую должность съ согласія Милоша, и потому выражалъ надежду, что пенсія будетъ продолжаться, не смотря на перемену въ его судьбѣ. Послѣ такого извѣщенія явилась возможность приступить къ избранію новаго митрополита, что и было исполнено въ синодальномъ засѣданіи, происходившемъ въ Крагуевцѣ 25 іюля, въ присутствіи трехъ архіереевъ, столькихъ же игуменовъ, четырехъ протоіереевъ и трехъ священниковъ. Между этими тринадцатью членами находился военный протоіерей—Хаджи Дмитрій Іовановичъ, по народному прозвищу Хаджи-Дина, высидѣвшій при Карагеоргиевичѣ въ Гургусовацкой башнѣ и сдѣлавшійся своего рода временщикомъ при Милошѣ по части церковнаго управленія, и впослѣдствіи не мало надѣждавшій новому митрополиту своимъ вмѣшательствомъ въ его распоряженія. Преемникомъ Петру былъ избранъ единогласно епископъ Михаилъ. Черезъ два дня послѣ того сербскій синодъ донесъ о своемъ выборѣ цареградскому патриарху съ подробнымъ изложеніемъ удаленія Петра на новую епархію и съ просьбой утвердить его преемника. Патриархъ одобрилъ выборъ, сдѣланный сербскимъ синодомъ; а новый митрополитъ, умѣвшій возбудить къ себѣ симпатіи соотечественниковъ, получилъ съ одной стороны благодарственный адресъ отъ жителей Шабца, терявшихъ въ немъ епархіальнаго епископа, но получавшихъ главу всей сербской церкви, а съ другой—множество поздравительныхъ телеграммъ. Между ними наиболѣе любопытною для историка была телеграмма Милоша Поповича, редактора «Сербскихъ Новинъ», помѣщавшихъ на своихъ страницахъ статьи противъ членовъ либеральной партіи, дѣйствовавшихъ во время Свято-Андреевской скупщины. Телеграмма эта, посланная въ самый день избранія новаго митрополита, гласила: «Поздравляю Сербію съ счастливымъ событіемъ, давшимъ ея церкви въ лицѣ

вашемъ главу, которой она такъ докучливо искала, какъ бѣдная сирота, главу, которая возвыситъ ее до славы и чести, къ комизъ привелъ ее нѣкогда первый архіерей, учитель и просвѣтитель сербскій, святой Савва, на престолъ: кося нынѣ милостію господаря возсѣли вы, какъ наидостойный дремникъ. Да сохранить васъ всеблагій Богъ на святомъ престолѣ: томъ многие годы на счастье и душевное благо добраго народа нашего, на преусибыніе и совершеніе святыхъ христіанскихъ истинъ въ сердцахъ нашихъ, на возвышеніе и умственное облагороженіе служителей святаго престола Божія и на матеріальное ихъ благосостояніе, къ прославленію дорогаго имени сербскаго. Народъ и церковь сербская нашии въ васъ новаго св. Савву»^{*)}). Самъ старый князь извѣстилъ объ избраніи епископа Михаила въ митрополиты жителей Бѣлграда нарочной телеграммой; понятно послѣ этого усердіе поздравителей, находившихся въ положеніи редактора «Сербскихъ Новинъ». Въ самомъ же Брагуевцѣ, гдѣ совершилось избраніе, устроена была жителями иллюминація въ тотъ день.

Но въ то самое время, какъ Сербія ожидала избранія новаго митрополита, въ Бѣлградѣ случилось происшествіе, нарушившее согласіе въ правительственныхъ кружкахъ. Лѣтомъ этого самаго года явился изъ Австріи въ Сербію Александръ Андричъ, редакторъ газеты «Световидъ», выходящей съ 1852 г. сперва въ Темшварѣ, потомъ въ Вѣнѣ. Онъ задумалъ издавать свою газету въ Бѣлградѣ и въ объявленіи о ея выходѣ въ свѣтъ допустилъ нѣсколько рѣзкихъ выраженій объ Австріи. Вѣнское правительство немедленно потребовало отъ сербскихъ властей выдачи его, что и было исполнено съ одобренія самого Милоша. Это огорчило общественное мнѣніе и было поводомъ къ выраженію неодобренія со стороны либераловъ, ссылавшихся на 27 статью Парижскаго трактата. Ефремъ Груичъ потребовалъ отъ правителя Бѣлграда объясненія и получилъ въ отвѣтъ, что выдача послѣдовала вслѣдствіе письменнаго предложенія попечительства иностранныхъ дѣлъ. Тогда Груичъ послалъ къ Милошу, находившемуся въ Буковцѣ, просьбу объ отставкѣ, въ которой объяснено, что до 1854 года, Сербское правительство выдавало, по требованію иныхъ государствъ, только тѣхъ изъ ихъ подданныхъ, которые обвинялись въ какомъ-либо уголовномъ преступленіи. Но во время Восточной войны одно изъ иностранныхъ консульствъ такъ надобдало

^{*)} Телеграмма переведена нами прямо съ сербскаго оригинала.

князю и тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Алексѣю Симичу, что послѣдній въ насмѣшку объявилъ консулу, чтобы онъ искалъ удовлетворенія въ Константинополѣ. 25 марта 1854 года, великій визирь отвѣчалъ потою, въ которой строго различилъ три вида бѣглецовъ: политическихъ эмигрантовъ, уголовныхъ преступниковъ и дезертировъ; относительно первыхъ указалъ на общее правило для всѣхъ странъ, освобождавшее ихъ отъ выдачи таковыхъ людей; относительно же бѣглецовъ втораго и третьяго вида указалъ на существовавшій между Портою и Австріею договоръ о взаимной выдачѣ ихъ, что, конечно, должно распространяться и на Сербію. Наконецъ, относительно бѣглецовъ, не подходившихъ ни подъ одинъ изъ выше названныхъ разрядовъ, но явившихся въ Сербію безъ паспорта, великій визирь ограничивался дружественнымъ совѣтомъ, возвращать такихъ людей на родину, дабы не вызывать неудовольствія со стороны Австріи, хоть прямого договора о томъ и не было. Правительство Карагеоргиевича истолковало по своему совѣтъ великаго визиря и 26 августа 1854 года предписало всѣмъ окружнымъ начальникамъ въ Сербіи выдавать всѣхъ иностранцевъ, проживавшихъ безъ паспорта, по требованію ихъ правительства, за исключеніемъ политическихъ эмигрантовъ. «Тогда - то началась, писалъ Груичъ, настоящая охота за людьми, которые съ давнихъ поръ перешли въ Сербію безъ паспорта и въ ней поселились. Если бы сербское правительство прогоняло такихъ людей въ ту землю, откуда они явились, или въ другую какую-либо страну, по своему или земскому интересу, это было бы понятно. Но оказывалось, что мы превратились въ полицію и агентовъ чуждой державы: Всѣ власти и весь народъ осуждали такой поступокъ правительства». Потомъ, по свидѣтельству Груича, сербское правительство одумалось, увидавъ, что подобный образъ дѣйствій можетъ завести его очень далеко, но только въ 1858 году, еще при Карагеоргиевичѣ, издало законъ, запрещавшій, согласно трактатамъ, выдавать какихъ бы то ни было бѣглецовъ, перешедшихъ изъ Австріи въ Сербію, и взаимнѣ того обязанныхъ подчиниться сербскимъ властямъ, при чемъ политическіе эмигранты должны селиться внутри княжества, не ближе 12-ти часовъ пути отъ границы. «Народъ надѣялся, продолжалъ Груичъ, что особенно подъ властію Вашей Свѣтлости прекратится угнетѣніе, чинимое надъ нами со стороны нѣкоторыхъ иноземныхъ правительствъ. Мы думали, по крайней мѣрѣ, что если въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наше право неясно, болѣе сильный

могъ принуждать насъ, то тамъ, гдѣ наше право ясно и безспорно, мы не дозволимъ его нарушать». Упомянувъ за тѣмъ о выдачѣ Андрича, Груичъ прибавлялъ: «я ни мало не интересуюсь лицомъ, о которомъ идетъ рѣчь, но единственно принципомъ, который надо охранять, и опасуюсь, что, исполнивъ, такимъ образомъ, чужое требованіе, дадимъ поводъ къ дальнѣйшимъ, и уже потомъ трудно будетъ прекратить то, чего не слѣдовало бы начинать. Если попечительство иностранныхъ дѣлъ поступило именно такимъ образомъ, то, вѣроятно, оно находитъ подобный способъ дѣйствій совершенно умістнымъ; попечительство же внутреннихъ дѣлъ съ своей стороны полагаетъ, что такая уступка не только совершена вопреки существующимъ трактатамъ и упомянутому земскому закону, но и нанесла ущербъ земскимъ правамъ, чѣмъ мы осрамили имя Вашей Свѣтлости и, кромѣ того, дали поводъ, чтобы и впредь обращались къ намъ съ подобными требованіями.» *) Основываясь на такомъ разногласіи внутри министерства, Груичъ и прѣсмль увольненія. Кромѣ того, 16-го же іюля, онъ предложилъ министерскому совѣту обратиться къ князю съ просьбой о назначеніи выборовъ для скупщины; предложеніе было принято и днемъ открытія скупщины назначено 8-ое сентября. Князь не отвѣчалъ на ходатайство министровъ. Тогда Груичъ предложилъ послать ему телеграмму, на что всѣ согласились. Телеграмма застала Милоша уже въ Крагуевцѣ. Отвѣтъ полученъ былъ 23 іюля, когда происходило совѣщаніе попечителей, подъ предсѣдательствомъ молодаго князя. Въ отвѣтъ давался совѣтъ попечителямъ, чтобы смотрѣли за своими дѣлами, а князь уже самъ позаботится о скупщинѣ. Груичъ предложилъ немедленно обсудить положеніе дѣлъ. Цветко Раевичъ, какъ представитель князя, воспротивился тому, говоря, что есть прямой приказъ князя—не соваться въ это дѣло, то онъ и будетъ слушаться этого приказа; къ тому же иностранныя державы не желаютъ видѣть именно теперь народную скупщину въ Сербіи. Напрасно Груичъ доказывалъ необходимость настоять на общемъ рѣшеніи, исполненія котораго легко было добиться при согласныхъ дѣйствіяхъ со стороны министерства, и совѣтовалъ всѣмъ подать въ отставку. Раевичъ твердилъ одно: «я не хочу въ отставку, какъ вы», что вызвало улыбку на лицѣ князя Миха-

*) См. Правни претрес пропасти великог суда у Србији 1864. У Новоме Саду, 1867; стр. 89—92.

ла; остальные попечители молчали. А Груичъ въ тотъ же день послалъ новое письмо Милошу, въ которомъ доказывалъ, какъ необходимо своевременное назначеніе выборовъ для скупщины. Черезъ два дня полученъ былъ приказъ Милоша о сдачѣ Груичемъ обѣихъ должностей по министерству внутреннихъ дѣлъ, — попечителя и помощника его, Вуйвичу и Бойвичу. Нѣкоторые изъ попечителей и совѣтниковъ отправились въ Крагуеваць. Туда же поѣхалъ и Груичъ.

Въ это время Милошъ, въ сопровожденіи новоизбраннаго митрополита Михаила, выѣхалъ въ Ягодинскій округъ на Таборищѣ, гдѣ переночевалъ и гдѣ собралось къ нему много народа. Митрополитъ произнесъ по этому случаю слово, которое такъ понравилось князю, что послѣдній предъ глазами народа трижды поцѣловалъ руку митрополита. Войдя въ свою палатку, Милошъ пригласилъ, между прочимъ, туда митрополита и Груича. Здѣсь онъ снова повторилъ свое удовольствіе по случаю проповѣди, и тутъ же сталъ плакаться, что сынъ его Михаилъ женатъ на католичкѣ и не имѣетъ дѣтей. А съ Груичемъ Милошъ заговорилъ о скупщинѣ и о томъ, что будто бы покровительствующія державы не желаютъ ея созванія. Груичъ вмѣстѣ съ Миливоемъ Ювановичемъ стали доказывать, что созваніе скупщины законно и державы не будутъ противорѣчить, когда самый фактъ совершится: «надо созвать скупщину, говорилъ Груичъ, и это можетъ отучить ихъ мѣшаться во внутреннія дѣла Сербіи». Немного погодя, Милошъ сталъ говорить, что хочетъ отдѣлить изъ вѣдомства, которымъ управлялъ тогда попечитель правосудія, всѣ дѣла по народному просвѣщенію и попечителемъ послѣднихъ назначить Груича. Тотъ доказывалъ, что такое раздѣленіе несогласно съ уставомъ, поведетъ къ излишнимъ тратамъ и станутъ сплетничать на новаго попечителя. «Пусть кричатъ, говорилъ Милошъ, покричатъ дня три, потомъ перестанутъ; а совѣтникамъ какое дѣло? сами ѣдятъ хлѣбъ даромъ.» Груичъ снова повелъ было рѣчь о скупщинѣ, но Милошъ возразилъ: «да отстань ты хоть на день со скупщиной; вернемся въ Крагуеваць, тамъ поговоримъ.» Груичъ настаивалъ на своемъ; Милошъ твердилъ одно: «отстань, отстань! есть и другое дѣло теперь!» Уже въ Крагуевцѣ 3 августа, отпуская Груича домой, Милошъ объявилъ ему, что скупщина будетъ созвана на Малую Госпожу (день Рождества Богородицы). Этимъ рѣшеніемъ оживлялись надежды людей, ожидавшихъ дальнѣйшаго движенія по тѣмъ вопросамъ,

которые были затронуты Свято-Андреевскою скупщиной, но вмѣстѣ съ тѣмъ снова вызывалась борьба партій, и надо было думать, что проигравшіе свое дѣло во время внезапнаго переворота постараются наверстать теперь утраченное инымъ путемъ и иными средствами.

Нилъ Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мысли о предполагаемой русской ученой экспедиции въ югославянскія земли.

Нѣсколько времени тому назадъ появилось въ газетахъ *) извѣстие о предстоящемъ осуществленіи проекта научной экспедиции въ Балканскій полуостровъ. Не знаю, были ли гдѣ-либо опубликованы хотя отрывки той программы, по которой предполагается организовать экспедицію, а также было ли что-либо писано по этому предмету для выясненія того характера, какой предполагается дать этому научному предпріятію и тѣхъ положительныхъ задачъ, достиженію которыхъ оно должно будетъ служить **).

Если бы, имѣлась въ виду чисто научная экспедиція для спеціально научныхъ цѣлей, тогда, конечно, наше общество могло бы совершенно не входить въ обсужденіе ея программы, такъ какъ сами ученые несравненно болѣе призваны имѣть рѣшающій голосъ въ предпріятіяхъ, ими организуемыхъ, для достиженія задачъ науки, ими преслѣдуемыхъ. Участіе въ организаціи экспедиціи нашей академіи наукъ, географическаго общества и другихъ ученыхъ обществъ и вполне заслуженная репутация нашихъ ученыхъ, сами по себѣ достаточно гарантировали бы, что экспедиція, съ научной стороны, окажется вполне состоятельною, что она блестящимъ образомъ исполнитъ свою научную программу, если принять заранѣе, что она будетъ достаточно многочисленна, что она будетъ богато снабжена матеріальными средствами и что она употребитъ на свои изысканія не годъ, а два и три.

*) См. „Новое Время“ 13 Декабря 1879 г. № 1363.

**) Проведя послѣдніе три года, съ осени 1876 года, въ Сербіи, Румыніи и Болгаріи, я не имѣлъ возможности слѣдить за русскими газетами и журналами, которые въ этихъ странахъ составляютъ рѣдкость.

Но въ данномъ случаѣ, какъ видно, рѣчь идетъ о привлеченіи славянскихъ комитетовъ и всего русскаго общества къ дѣятельному участию въ такой экспедиціи, которой конечныя цѣли не ограничиваются чисто научными интересами, а простираются несравненно шире, касаясь культурныхъ интересовъ всего южнаго славянства, которая рекомендуется намъ, какъ средство, повидимому, безспорное, для установленія умственного и нравственнаго союза русскаго міра съ юго-славянскимъ, — словомъ, предстоитъ положительное предпріятіе, нуждающееся со стороны общества не въ сочувственномъ только сердцебіеніи, но въ осозательной матеріальной поддержкѣ, на которую едва ли позволительно рассчитывать безъ яснаго и подробнаго изложенія передъ обществомъ тѣхъ задачъ, достиженію которыхъ оно призывается содѣйствовать, безъ представленія ему убѣдительныхъ доказательствъ въ томъ, что достиженію этихъ задачъ болѣе всего и лучше всего можетъ способствовать именно предполагаемая научная экспедиція въ Балканскій полуостровъ.

Для уясненія идеи, которая, повидимому, руководить при организаціи экспедиціи, и характера, какой предполагается ей дать, я приведу отрывки изъ самой статьи. Хотя она сама по себѣ представляетъ лишь неудачный наборъ фразъ, надъ которыми не стоило бы останавливаться; но эти фразы такъ часто повторялись и повторяются еще теперь, наше ухо такъ свыклось съ ними, когда мы читаемъ что-либо касающееся славянъ, что онѣ превратились въ какіе-то ходячіе афоризмы, которые передаются, какъ безспорныя, давно извѣстныя истины; поэтому небезынтересно взглянуть поглубже въ значеніе этихъ афоризмовъ и провѣрить справедливость заключающихся въ нихъ мыслей.

Вотъ что читаемъ мы прежде всего въ указанной статьѣ:

«Осуществивъ нашу политическую задачу по отношенію къ славянамъ и завоевавъ для нихъ свободу и независимость, мы исполнили только половину лежащей на насъ исторической задачи — быть передовымъ славянскимъ государствомъ. Другая половина, — кромѣ дальнѣйшей защиты независимости государствъ и народностей Балканскаго полуострова — умственное и нравственное единеніе съ южными славянами, находится впереди и надобно полагать, что именно теперь наступило время осуществленія этой второй половины задачи. Если Россія много сдѣлала для южныхъ славянъ по отношенію къ ихъ національной независимости, за то она почти что ничего или очень мало сдѣлала

«для удовлетворенія ихъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей, не смотря на то, что отечество наше хотя и далеко отстало отъ остальной Европы, все же имѣть достаточно созрѣвшія умственныя и нравственныя силы, достаточныя во всякомъ случаѣ для того, чтобы удѣлить изъ нихъ кое-что призваннымъ нами же къ новой жизни сербамъ, болгарамъ и черногорцамъ.»

Послѣ этой общей картины идетъ рѣчь специально о предполагаемой экспедиціи:

«До послѣдней турецкой войны русскіе ученые почти что не могли проникнуть на Балканскій полуостровъ и въ то время, какъ европейскіе ученые и путешественники, даже женщины, въ родѣ Макензи и Ирби имѣли возможность изучать довольно обстоятельно задунайскихъ славянъ, весьма немногимъ ученымъ, какъ профессору Григоровичу, Гильфердингу, Теплому, консулу Мошнину удалось собрать сколько-нибудь серьезныя свѣдѣнія о южно-славянскихъ странахъ. Наканунѣ войны, нашему почтенному славянисту, А. Н. Пыпину пришла мысль составить программу для изслѣдованія земель и народовъ Балканскаго полуострова и въ особенности Болгаріи въ историческомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Изслѣдованіе это предполагалось вести одновременно со вступленіемъ русскихъ войскъ въ предѣлы Турціи. Но только три года спустя оказалось возможнымъ осуществить мысль г. Пыпина и притомъ осуществить самымъ разностороннимъ образомъ. При совмѣстномъ содѣйствіи академіи наукъ, императорскаго географическаго общества, а также археографической комиссіи и русскихъ естественныхъ испытателей, которые должны вскорѣ собраться на съѣздъ, предположено организовать, на основаніи предварительно выработанной программы, ученую экспедицію для всесторонняго изслѣдованія земель Балканскаго полуострова и въ особенности Болгаріи, болѣе всего обойденной наукой и ближе всѣхъ стоящей къ намъ въ историческомъ, религіозномъ и народномъ отношеніяхъ. Для такой экспедиціи необходимы будутъ средства и притомъ весьма значительныя, и въ доставленіи этихъ средствъ потребуется участіе не только нашихъ ученыхъ обществъ и славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ, но и русскаго общества, которое въ лицѣ своихъ научныхъ дѣятелей внесетъ въ родственный ему славянскія земли первыя сѣмена умственнаго развитія и самосознанія.»

Взаимъ ожидаемыхъ отъ славянскихъ комитетовъ и всего русскаго общества матеріальныхъ средствъ и притомъ весьма значительныхъ, высказываются слѣдующія ожиданія:

«Въ русской научной экспедиціи примутъ также участіе образованные болгаре и, работая подъ руководствомъ русскихъ ученыхъ, приобрѣтутъ тѣ научные приемы, которые необходимы для правильного изученія своей страны. Всестороннее изслѣдованіе болгарской и сосѣднихъ славянскихъ земель несомнѣнно доставитъ массу научнаго матеріала, одинаково важнаго, какъ для общеславянскаго самопознанія, такъ и для общеевропейской науки. Такимъ-то путемъ будетъ выполнена вторая половина освободительной роли Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и тѣмъ положено прочное основаніе умственнаго и нравственнаго союза русскаго міра съ юго-славянскимъ.»

Наконецъ, для поощренія нашихъ ученыхъ и для завѣренія нашего общества, что все, ему обѣщанное, оно несомнѣнно получитъ отъ экспедиціи, статья заканчивается слѣдующими усно-вительными словами:

«Въ сочувствіи всего русскаго общества къ достиженію этой цѣли не могутъ быть сомнѣнія; а за успѣхъ въ научной экспедиціи въ Болгарію и сообщанія земли ручается серьезность и настойчивость русскихъ ученыхъ, писателей и художниковъ, изслѣдовавшихъ въ послѣднее время самыя недоступныя страны въ Сибири, Средней Азій, Монголіи и Китаѣ.»

И такъ мы узнаемъ, что въ основу экспедиціи кладется та идея, что экспедиція должна явиться какъ-бы точкой отправления въ осуществленіи цѣлой второй половины нашей исторической задачи по отношенію къ славянамъ (очевидно южнымъ) послѣ того, какъ мы будто бы уже осуществили въ отношеніи къ нимъ всю первую ея половину *завоевая для нихъ свободу и независимость*. Намъ увѣряютъ затѣмъ, что *именно теперь* наступило время для осуществленія въ отношеніи къ нимъ второй половины задачи, заключающейся въ установленіи умственнаго и нравственнаго единенія съ ними.

Подобная постановка вопроса заставляеть думать, что единенію должно было непременно предшествовать освобожденію южныхъ славянъ и что, поэтому, удовлетвореніе умственныхъ и нравственныхъ потребностей ихъ *только теперь* сдѣлалось возможнымъ и что оно должно явиться завершеніемъ нашей исторической задачи, финальнымъ актомъ нашихъ благодѣяній.

Посмотримъ, прежде всего, насколько дѣйствительность самая общезвѣстная и самая безспорная согласуется съ такой постановкой вопроса. Дѣйствительность показываетъ намъ, къ несчастію, что мы только на половину освободили лишь нѣкоторую часть юго-славянскаго населенія, что, освободивъ эту часть, мы другую нѣкоторую часть и притомъ весьма крупную, уступили Австріи и Румыніи въ безконтрольное распоряженіе и что остальную часть въ Македоніи, Фракіи и Албаніи мы оставили въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи, въ ожиданіи чего-то. Приходится, такимъ образомъ, признать, что не одна только вторая половина нашей исторической задачи «находится впереди», но что мы *далеко еще не осуществили и первую*. Обнаруживается, стало быть, полнѣйшая несправедливость постановки вопроса, почему «именно теперь» мы должны приступить къ исполненію второй половины нашей исторической задачи, какъ таковой именно задачи, которая должна стать на мѣсто первой и явиться, какъ бы ея естественнымъ результатомъ, тогда какъ мы только воображаемъ, что исполнили первую половину?

Намъ говорятъ, затѣмъ, что наше общество «хотя и далеко отстало отъ остальной Европы, все же имѣетъ достаточно созрѣвшія, устроенныя и научныя силы, достаточныя во всякомъ случаѣ для того, чтобы удѣлить изъ нихъ кое-что призваніемъ нами же къ новой жизни сербамъ, болгарамъ и черногорцамъ». Другими словами насъ увѣряютъ, что сербы, болгары и черногорцы останутся, такъ сказать, нищими духомъ, ежели мы не удѣлимъ имъ отъ щедротъ нашихъ кое-что изъ достаточно созрѣвшихъ уметвенныхъ и научныхъ нашихъ силъ, если мы не потрудились теперь внести въ ихъ среду *первыя стѣпена умственнаго развитія и самосознанія*.

Дѣйствительность опять показываетъ намъ, что новое политическое положеніе Черногоріи и Сербіи, заключающееся въ формальномъ признаніи ихъ независимости отъ Порты съ прирѣжкой къ нимъ черногорскихъ владѣньемъ земли, дадено не вызвала черногорцевъ къ сербамъ къ новой жизни. Напротивъ, относительно Черногоріи мы, молъ, должны признать, что она, ободятельствъ, а еще болѣе независимость нашего политическаго поведенія, которыя устранить мы стараемся безсмысленныя, вызываютъ черногорцевъ лишь къ новымъ жертвамъ, къ новымъ революціямъ для достиженія того, изъ-за чего возникло славянское возстаніе 1875 года и изъ-за чего вслѣдствіи послѣднія вой-

на. О новой жизни для черногорцевъ, кажется, грѣшно даже говорить въ то время, когда для многихъ изъ нихъ предстоятъ лишь новыя опасности. Едва ли также и сербовъ, получившихъ клочекъ территоріи, можно привѣтствовать съ новой жизнью, когда сербское племя остается разчлененнымъ, какъ и прежде, и когда, напротивъ, для объединенія его теперь представляется несравненно болѣе трудностей, чѣмъ прежде. Пока сербская народность не соберется воедино, до тѣхъ поръ для всякаго честнаго серба не настанетъ новая жизнь, а, напротивъ, будетъ постоянно представляться необходимость пожертвованія благами настоящей жизни для попытокъ къ достиженію новой жизни лишь въ будущемъ. Посмотримъ на болгаръ. Милліонное болгарское населеніе княжества, дѣйствительно, вызвано нами къ новой жизни. Но если принять во вниманіе, что и оно поставлено бокъ о бокъ съ полумилліоннымъ вооруженнымъ турецкимъ населеніемъ, что оно изолировано отъ Россіи независимой Румыніей и что въ экономическомъ отношеніи, благодаря оставленію въ силѣ прежнихъ трактатовъ, заключенныхъ Турціей съ европейскими государствами, Болгарское княжество лишено возможности самостоятельнаго экономическаго развитія, то приходится сознаться, что недостаетъ еще весьма многого, чтобы сказать, что для болгарскаго народа даже въ предѣлахъ независимаго княжества, настала теперь вполне новая независимая жизнь. Тѣмъ менѣе можно утверждать, чтобы эта новая жизнь настала для болгаръ Восточной Румелии.

Другая вопіющая несообразность заключается въ выраженной претензій, будто русскому обществу предстоитъ внести «въ родственныя ему славянскія земли» (очевидно юго-славянскія) «первыя сѣмена умственнаго развитія и самосознанія». Неужели позволительно заявлять серьезно, будто юго-славянскія народности до сихъ поръ ожидали снаряженія нами научной экспедиціи въ ихъ земли, чтобы отъ членовъ ея воспринять «первыя сѣмена умственнаго развитія и самосознанія?» Такое заблужденіе въ большей или меньшей степени не чуждо многимъ людямъ, даже считающимъ себя свѣдущими въ славянскомъ вопросѣ и интересующимся имъ. На самомъ же дѣлѣ, и черногорцы, и сербы, и даже болгары, не смотря на свою неволю, давно пошли сами на встрѣчу умственному развитію. Эти народности, по самому своему географическому положенію, находились въ соприкосновеніи съ европейскою культурой и она, хотя и слабо, но все-таки просачивалась въ нихъ, не смотря на всѣ стѣсненія турецкихъ порядковъ,

какъ въ Болгаріи, и на неустройство и первобытность массъ, какъ въ Сербіи и Черногоріи. Какъ бы то ни было, а весьма многіе уроженцы этихъ странъ давно уже стали пріобрѣтать первыя сѣмена умственнаго развитія и самосознанія въ западной Европѣ и у насъ самихъ и многія изъ выдающихся личностей этихъ народностей оказываются воспитанниками нашихъ учебныхъ заведеній, университетовъ, духовныхъ академій и т. п. Въ Черногоріи мы видимъ, начиная съ самого князя Николая, его сподвижниковъ и сотрудниковъ въ военное и въ мирное время, какъ напримѣръ, Божо Петровича, Станко Радонича, Машу Врбицу и нѣкоторыхъ другихъ, которые всѣ—люди, вполне образованные, исполняющіе различныя государственныя обязанности съ полнымъ сознаниемъ своей отвѣтственности передъ собственнымъ народомъ, и съ всегдашней, неизмѣнной преданностью общенароднымъ стремленіямъ и нуждамъ. Эти люди, правда, не заправляютъ обширными вѣдомствами; къ ихъ услугамъ не имѣется многосложныхъ канцелярскихъ учрежденій и вѣншей бюрократической обстановки и комфорта,—но за то ихъ знаютъ и уважаютъ всѣ ихъ соотечественники, о судьбѣ которыхъ они пекутся и имъ всѣ довѣряютъ, начиная отъ князя и до послѣдняго селянина. Словомъ, въ ихъ тѣсной обстановкѣ можно найти то нравственное единеніе между правительствомъ и народомъ, между полководцами и воинами, между судьями и ищущими отъ нихъ правды, которое заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе задатковъ истиннаго гуманнаго развитія и сознанія своего человѣческаго достоинства, чѣмъ сколько ихъ имѣется во многихъ нашихъ дѣятеляхъ и сѣятеляхъ. Немногочисленный народъ, которымъ они управляютъ, не имѣетъ, правда, многотомныхъ, систематически кодифицированныхъ законовъ и всякихъ общихъ и спеціальныхъ, временныхъ и мѣстныхъ положеній, уложеній и уставовъ. Первый писанный законъ ихъ, изданный кн. Петромъ I-мъ Св. въ 1796 году заключаетъ въ себѣ лишь 33 статьи, а послѣдній законникъ Данилы I-го 1858 года имѣетъ не болѣе 95 статей; изъ нихъ только часть остается въ настоящее время въ силѣ, самые же экземпляры законовъ составляютъ библиографическую рѣдкость. Но за то все населеніе знаетъ эти 128 статей и ознательно подчиняется имъ, дополняя ихъ тѣми общепринятыми предписаніями обычнаго права, которыя составляютъ, такъ сказать, основаніе гражданской и государственной жизни страны. Командированіе нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія профессора

Богинича въ Черногорію показываетъ, что между южными славянами, къ числу которыхъ онъ принадлежитъ, имѣются уже люди, получившіе не только «первыя сѣмена умственнаго развитія», но и совершенно достаточныя научныя познанія и многостороннюю образованность, необходимыя для разработки такого сложнаго вопроса. Что же касается до распространенія образованія въ средѣ черногорскаго народа, то учрежденный болѣе десяти лѣтъ тому назадъ въ Цетинѣ пансіонъ г-жи Пацевичъ свидѣтельствуесть достаточно; что первыя сѣмена образованности въ Черногоріи уже брошены и остается только ожидать плодовъ отъ нихъ.

Главнѣйшей необходимостью для черногорскаго народа является теперь, какъ и прежде, вопросъ о приобрѣтеніи естественныхъ этнографическихъ границъ и объ обезпеченіи населенія страны необходимыми средствами къ существованію. Отсюда домогательства черногорцевъ къ приобрѣтенію порта въ Адриатическомъ морѣ; отсюда необходимость присоединенія нѣкоторыхъ округовъ, принадлежащихъ еще къ Албаніи или къ Герцеговинѣ; отсюда, наконецъ, давнишнія, естественныя и потому законныя стремленія къ соединенію черногорской восточной границы съ западной сербской. Черногорскій народъ не обладаетъ, къ несчастію, черноземнымъ грунтомъ на необъятныхъ пространствахъ; онъ гнѣздится на скалистыхъ утесахъ, которые, можетъ быть, спасли народъ отъ мусульманскаго порабощенія, но которые не могутъ его достаточно накормить. Весь смыслъ вѣковой черногорской политики и, далеко еще не завершившейся, его борьбы съ мусульманствомъ, заключается въ стремленіи къ обезпеченію, посредствомъ территориальнаго расширенія, благосостоянія своего населенія на счетъ сосѣднихъ мѣстностей, забранныхъ магометанскимъ элементомъ путемъ насилія. Для черногорцевъ всякое рабство не только ненавистно, но и непонятно, потому что они не испытывали его еще никогда; они не согнулись передъ мусульманствомъ и не ѣздили въ Царьградъ съ поклонами и дарами, какъ ѣздили русскіе въ орду. Они привыкли издавна считать своимъ правомъ то, что совѣсть ихъ считаетъ справедливымъ, а не то, что имъ приказываютъ; они привыкли пользоваться своимъ правомъ и добиваться его всѣми естественными путями. Они не привыкли имѣть партій и отъ того они вездѣ и всегда оставались побѣдителями. Они не привыкли тратить себя, свои силы и время на разсужденія о своихъ пользахъ и

нуждахъ; они всё, какъ одинъ человекъ, сознають эти пользы и нужды и потому они съ юности и до старости не расстаются съ своимъ оружіемъ, которому одному они вѣрятъ, которое никогда еще имъ не измѣняло и которое пока еще замѣняетъ имъ многое, потому что оно имъ обезпечиваетъ все, прежде добытое, также какъ и все то, что должно быть ими добыто. Черногорскому народу испоконъ было присуще сознание того, что составляетъ основу всякаго національнаго развитія: сознание своей національной личности и своего достоинства, и сознание того и другаго переносилось у этого народа изъ поколѣнія въ поколѣніе; оно воссымалось въ каждомъ изъ нихъ съ молокомъ матери; оно явилось и прежде, и теперь господствующимъ двигателемъ всей частной и племенной жизни этого народа и легло въ основу его общественной организаціи и управленія. Подобно тому, какъ у нѣкоторыхъ племенъ, предназначенныхъ извѣстными естественными условіями къ борьбѣ съ дикими звѣрями, нравы, обычаи, стремленія и вся жизнь направляются исключительно для цѣлей охоты, такъ и черногорскій народъ, блокированный со всѣхъ сторонъ варварскими мусульманскими силами, постоянно угрожавшими его безопасности, долженъ былъ весь проникнуться стремленіемъ къ борьбѣ съ его окружавшими силами и долженъ былъ постоянно напрягать всѣ матеріальныя и нравственныя свои средства для того, чтобы въ этой борьбѣ оставаться побѣдителемъ. То, что онъ въ дѣйствительности всегда и оставался побѣдителемъ, доказываетъ, что онъ обладалъ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ, необходимымъ для успѣха и что онъ умѣлъ концентрировать свои силы на то, что для него было *едино на потребу*—на защиту своей независимости, съ которой все остальное можетъ приложиться. Вообще черногорцы сознають, что они составляютъ только вѣтвь обще-сербской народности; они знаютъ, что эта народность держится въ насильственномъ раздробленіи, благодаря лишь неблагоприятному стеченію обстоятельствъ и они также твердо вѣрятъ, что рано или поздно такому положенію долженъ настать конецъ, и что тогда только для черногорцевъ вмѣстѣ съ сербами настанетъ эра самостоятельнаго, національнаго, культурнаго развитія.

Въ 1867 году, въ Москвѣ, во время, пребыванія славянскихъ представителей на этнографической выставкѣ, тѣсный кружокъ студентовъ университета, имѣвшихъ случай лично познакомиться съ нѣкоторыми сербскими депутатами, возымѣлъ мысль поднести

имъ на память нѣсколько сочиненій образцовыхъ русскихъ писателей. Студентами руководила въ этомъ случаѣ также мысль, что мы имѣемъ достаточно созрѣвшія научныя и литературныя силы, которыми мы можемъ подѣлиться съ нашими единоплеменниками — сербами. Помню хорошо, какъ, находясь въ числѣ участниковъ этой скромной студенческой демонстраціи, я отиравился вмѣстѣ съ другими въ знаменитую тогда гостиницу Бокорева и какъ мы тамъ передали сербамъ нашъ подарокъ. Случилось, что черногорскіе депутаты находились какъ разъ въ той комнатѣ, гдѣ это происходило. Черногорцы съ добродушно-флегматическимъ взглядомъ посмотрѣли тогда на насъ и одинъ изъ нихъ, хватаясь рукой за воткнутый въ поясъ его огромный кремневый пистолеть, произнесъ на своемъ нарѣчій рѣшительно и гордо: «а намъ вотъ нужны не книги, а ружья!» Мы, конечно, ничего не могли имъ на это отвѣтить; мы только подумали про себя: какіе они первобытные, если не вѣрятъ, какъ мы, во всемогущество науки!

Съ тѣхъ поръ прошло тринадцать лѣтъ и по совѣсти приходится признаться, что слова черногорцевъ остаются въ своей силѣ и теперь и что всѣ событія, совершившіяся въ этотъ періодъ времени, служили блистательнымъ подтвержденіемъ справедливости ихъ изрѣченія.

И даже теперь послѣ гигантской войны и торжественнаго трактата, послѣ котораго, какъ насъ увѣряютъ, должна была начаться новая жизнь для этой страны—населеніе ея сегодня, какъ и тринадцать лѣтъ тому назадъ, должно не выпускать оружія изъ своихъ рукъ и должно въ немъ видѣть единственный почти оплотъ свой отъ незаконныхъ посягательствъ.

Черногорцы не дожидались Бисмарка для того, чтобы понять, что есть такія цѣли и такія задачи, которыя достигаются лишь желѣзомъ и кровью, и слѣдуетъ признаться, что они умѣли пользоваться этими двумя средствами; если достигнутые ими результаты не столь грандіозны, то кто знаетъ, не долговѣчиѣ ли они захватовъ чужихъ земель и не полезнѣ ли миллиардныхъ контрибуцій?

Интересно подумать, какое впечатлѣніе можетъ произвести на черногорцевъ появленіе нашей ученой экспедиціи въ предѣлахъ ихъ Черногоріи? Что подумаютъ черногорскіе воеводы, когда они увидятъ передъ собой людей, которые будутъ углубляться въ геологическія изслѣдованія тѣхъ скалъ, на которыхъ еще не смы-

лись слѣды пролитой крови? Какое чувство охватить черногорскихъ женъ и дѣвушекъ, когда на ихъ глазахъ ботаники будутъ бережно собирать въ свои гербаріумы какіе-нибудь лепестки или стебельки невиданныхъ еще нами растений и когда они, быть можетъ, оставятъ совершенно безъ вниманія ту траву, которая уже успѣла вырости на оплакиваемыхъ ими еще могилахъ ихъ отцовъ, мужей и братьевъ?

Что отвѣтили бы они нашимъ ученымъ, ежели бъ тѣ къ нимъ обратились съ словами: первая половина исторической нашей задачи нами совершена, мы завоевали для васъ свободу и независимость и мы находимъ, что именно теперь настало время для того, чтобы мы удѣлили вамъ изъ нашихъ достаточно развитыхъ умственныхъ и научныхъ силъ кое-что, дабы украсить этимъ вашу новую жизнь и осуществить посредствомъ этого умственное и нравственное единеніе русскаго народа съ черногорскимъ.

Нѣтъ, черногорскому народу нужны въ настоящую эпоху не Шамполионы и Нибуры, не Бэконы, Кювье и Дарвины, имъ нужны не академіи или обсерваторіи.... Полуторасто-тысячному населенію этой маленькой славянской землицы, которой не даютъ покоя и отдыха хищническіе сосѣди, нужна помощь, а не наблюденія только, изысканія, и притомъ нужна помощь дѣловая, послѣдовательная, разумная и энергичная, а не помощь словомъ и перомъ.

Черногорскимъ богатырямъ нужны ружья, пушки и порохъ, которыми богато снабжены превосходящіе ихъ численностью албанцы; семьямъ этихъ богатырей нужно обезпеченіе ихъ существованія, нужны хлѣбъ, одежда; ихъ раненымъ нужно врачеваніе; ихъ князю нужна открытая, энергичная поддержка со стороны Россіи и нужно то, чтобы русская дипломатія сумѣла парализовать замыслы враждебныхъ имъ силъ. Для славянства же вообще нужно, чтобы ни одна пядь территоріи княжества не подвергалась захватамъ и нападеніямъ; нужно, чтобы присужденныя черногорцамъ мѣстности были имъ отданы, чтобы Черногорія теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, осталась свободнымъ форпостомъ славянства и надежнымъ пріютомъ для всѣхъ гонимыхъ изъ сосѣднихъ областей соплеменниковъ, ищущихъ въ ней убѣжища.

Обратимся въ Сербіи. Сравнительно съ Черногоріей Сербское княжество находится въ экономическихъ условіяхъ несравненно болѣе благоприятныхъ;—плодородная почва, умѣренный климатъ и выгодное торговое положеніе обезпечиваютъ населеніе вѣсѣмъ,

ему необходимымъ, и представляютъ полную возможность увеличивать свое богатство трудомъ и бережливостью, въ которыхъ нельзя отказать сербамъ. Но за то нѣкоторые историческія обстоятельства сложились въ Сербіи гораздо менѣе благоприятно для спокойнаго прогресса, и, благодаря этимъ обстоятельствамъ, Сербія не обладаетъ еще тѣмъ внутреннимъ благоустройствомъ и не играетъ той политической роли, какую она могла бы играть на Балканскомъ полуостровѣ.

Но каковы бы ни были несовершенства государственной организаціи Сербскаго княжества, все же невозможно провозглашать будто бы сербы нуждались въ приобрѣтеніи отъ насъ «первыхъ сѣмянъ умственнаго развитія и самосознанія», несмотря на то, что интеллигенція ея далеко отстала отъ интеллигенціи западно-европейскихъ націй. Нельзя забывать, что сербское общество могло начать жить почеловѣчески лишь съ первой четверти нынѣшняго столѣтія, что быть и культурныя условія сербовъ до этого времени едва ли отличались чѣмъ-нибудь отъ быта нашихъ предковъ время татарщины. Сравнивая успѣхи въ развитіи сербскаго общества за послѣдніе семьдесятъ пять лѣтъ съ прогрессомъ, оказывавшемся въ такой же періодъ времени послѣ освобожденія Руси отъ монголовъ, едва ли не мы останемся позади сербовъ.

Не только при Георгіи Черномъ, но и при Милошѣ, нынѣшняя Сербія была вполнѣ первобытной страной. И что же, не смотря на сожительство въ теченіи долгаго времени съ остатками турецкаго населенія, не смотря на присутствіе турецкихъ войскъ и гарнизоновъ въ крѣпостяхъ и значительныхъ городахъ до 1867 года, не смотря на постоянное вмѣшательство турецкихъ властей во внутреннія дѣла полузависимой сербской области, сербское населеніе княжества, въ настоящее время, обнаруживаетъ вполнѣ достаточное умственное развитіе для сознательнаго пользованія тѣми конституціонными правами, которыя даны имъ уставомъ княжества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что просвѣщеніе массъ сербскаго народа сдѣлало бы еще больше успѣховъ въ послѣдній періодъ, ежели бы во внутренней сербской политикѣ не выступали на сцену такъ часто династическія махинаціи двухъ соперничающихъ династій, Карагеоргіевичей и Обреновичей и ежели бы представитель династїи Обреновичей, нынѣшній князь, не былъ въ такой зависимости отъ того политическаго кружка, котораго представителемъ оказывается уже въ теченіи многихъ лѣтъ серб-

ское чиновничество. Сосѣдство съ сербскимъ населеніемъ австрійскаго Баната, пользующимся, но крайней мѣрѣ, свободой отъ посягательствъ сербскихъ княжескихъ властей, заставляетъ интеллигенцію княжества часто, когда домашнія дѣла къ тому вынуждаютъ, искать убѣжища у своихъ соотечественниковъ по ту сторону Дуная, и мы видимъ, что Новый Садъ, культурный центръ австрійскихъ сербовъ, являється въ то же время и разсадникомъ общесербскаго просвѣщенія и литературы и средоточіемъ цвѣта сербскихъ интеллигентныхъ силъ. Въ настоящее время, Сербія, по количеству народныхъ школъ и проценту грамотныхъ въ своемъ населеніи, не уступаетъ нѣкоторымъ другимъ европейскимъ государствамъ, какъ, на примѣръ, Италіи, Испаніи и Франціи и стоитъ несомнѣнно выше Россіи. Многократныя войны, веденныя сербами въ теченіи нынѣшняго столѣтія противъ турокъ, особенно послѣднія войны 1876 и 1877 годовъ доказали, что сербы не только могутъ быть храбрыми четоведами и юнаками, но и хорошими стратегами и что сербскія постоянныя войска не уступаютъ дисциплинированнымъ войскамъ другихъ европейскихъ державъ.

Глядя на поверхность сербской жизни, наблюдателя, пріѣзжающаго изъ западно-европейскихъ центровъ, поражаетъ въ Сербіи то отсутствіе виѣшней декорации европеизма, которая многими отождествляется съ самой цивилизаціей. Не слыша вокругъ себя свиста паровозовъ и не видя на улицахъ конно-железныхъ дорогъ, не находя на видныхъ мѣстахъ обычныхъ монументальныхъ построекъ и памятниковъ, вывѣсокъ банкирскихъ и всякихъ финансовыхъ учреждений, до гласныхъ кассъ ссудъ включительно, зная что вечеромъ не придется ни за какія деньги не только слышать Патти и видѣть Рашель, но даже и какихъ бы то ни было иностранныхъ виртуозовъ, тщетно отыскивая по улицамъ Бѣлграда какого-нибудь зданія биржи съ неотъемлемо принадлежащими къ ней жидами, наблюдатель послѣшитъ, пожалуй, заключить, что онъ попалъ въ варварскую страну и, пожалуй, вообразить, что людямъ въ Бѣлградѣ, Алексинацѣ и Бияжевацѣ тяжелѣе жить на свѣтѣ, чѣмъ обитателямъ Рима, Вѣны, Парижа или Петербурга.

Но, вникая глубже въ теперешнюю жизнь сербовъ и ихъ исторію, нельзя не видѣть, что все то, чего мы теперь не находимъ, какъ я сказалъ выше, на поверхности сербской жизни, отсутствуетъ въ ней именно потому, что вышеупомянутыя декорации

европеизма не могли естественно выработаться изнутри въ те-перешнемъ періодѣ развитія сербскаго народа, и не могли даже быть насильственно привиты ему извнѣ, потому что въ Сербіи не являлось еще до сихъ поръ такой силы, правительственной или сословной, которая могла бы навязывать странѣ что-либо чужеземное, невыработанное естественнымъ процессомъ народной жизни, къ тому же столь кратковременной. Въ сербской исторіи не было періода крѣпостничества, и сербы никогда не продавали и не закладывали сербскихъ душъ; другими словами говоря, громадное большинство сербскаго населенія не было въ теченіи столѣтій собственностью остальнаго меньшинства; въ Сербіи не было класса, который бы въ теченіи вѣковъ проѣдалъ и проматывалъ трудъ своего сельскаго населенія. По всему этому благосостояніе распределено въ этой странѣ довольно равномерно и не было такого сословія, которое бы имѣло фактическую возможность промѣнивать трудъ массы на прихоти единичныхъ личностей или кружковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря сильно развитому національному самосознанію, ни сербское правительство, ни народное представительство не открывало настежь дверей своихъ для впуска иноземщины и всякаго эксплуататорства, подъ какими бы благовидными предлогами и заманчивыми формами они ни старались втереться въ ихъ страну. На поприщѣ политическомъ сербскій народъ постоянно доказывалъ, насколько онъ способенъ живо и серьезно относиться къ своимъ національнымъ интересамъ и, сравнивая наши земскія собранія съ сербскими скупщинами и друштвами (обществами), нельзя не пожелать, чтобы наши земства также сознательно и также горячо относились къ своимъ обязанностямъ, какъ то мы видимъ въ Сербіи, гдѣ еще не было примѣра, чтобы скупщины оказывались несостоятельными за неприбытіемъ достаточнаго числа депутатовъ, или чтобы уполномоченные въ собраніяхъ развѣзжались по домамъ, не окончивъ своихъ занятій.

Подобно черногорцамъ и сербы проникнуты сознаніемъ, что нынѣшнее сербское княжество, въ своихъ теперешнихъ границахъ, не болѣе, какъ ядро той территоріи, населенной сербскимъ племенемъ, которое въ той или другой формѣ должно будетъ нѣкогда развиться въ государство, имѣющее вмѣстить въ себя сербскую націю въ ея совокупности, и что, пока эта высшая національная задача не будетъ достигнута, никакое самостоятельное развитие частей этой территоріи не должно имѣть мѣста, въ ущербъ общеплеменнымъ сербскимъ интересамъ.

Если же мы видимъ, какъ я сказалъ уже, что нѣкоторые политическія условія внутри княжества сложились неблагопріятно для болѣе быстрого развитія массы народа, ежели значительная часть сербской интеллигенціи бываетъ вынуждена часто бездѣйствовать или, уклоняясь отъ дѣятельности, или будучи отстраняема отъ нея,—то не отсутствіе въ сербахъ умственного развитія и самосознанія тому причиною, а весьма часто, напротивъ, вредное вліяніе нѣкоторыхъ наиболѣе умственно развитыхъ сербскихъ дѣятелей, которые, стоя на ложномъ пути и не желая съ него сойти, ради достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей, безжалостно губятъ множество свѣжихъ, столь нужныхъ для Сербіи, силъ, не помышляя о будущемъ и, такимъ образомъ, задерживая искусственно прогрессъ въ своемъ отечествѣ. Ясно, что такія явленія могутъ быть устранены или исправлены не научными изысканіями русскихъ ученыхъ и не теоретической разработкой тѣхъ или другихъ вопросовъ, а послѣдовательнымъ и упорнымъ напряженіемъ силъ самого сербскаго народа и его интеллигенціи, соединеніемъ воедино разрозненныхъ и доселѣ враждебныхъ другъ другу партій династическихъ и министерскихъ и искорененіемъ деморализаціи и эгоизма въ тѣхъ высокихъ сербскихъ сферахъ, которымъ сербская нація довѣрчиво ввѣрила свою судьбу. Никакія историческія изслѣдованія о прошлыхъ временахъ не умнотворятъ теперь приверженцевъ двухъ династій, Обреновичей и Карагеоргиевичей, или не приведутъ теперешнее правленіе къ добросовѣстному исполненію устава княжества и къ невмѣшательству при избраніи народныхъ представителей въ окупштинны; никакія археологическія открытія, хотя бы самыя неожиданныя и самыя интересныя, не возвратятъ сербскому народу всѣхъ его сыновъ, изгнанныхъ изъ отечества или тайно погубленныхъ, или замученныхъ и казненныхъ въ его предѣлахъ правителями, преслѣдовавшими ихъ всячески за ихъ убѣжденія потому только, что убѣжденія эти противорѣчили интересамъ вышней династіи или тѣхъ или другихъ корифеевъ правительственной власти. Изученіе особенностей сербскаго нарѣчія и составленіе какого-нибудь словаря иностранныхъ словъ, встрѣчающихся въ сербскомъ языкѣ, не спасутъ теперь сербовъ отъ давленія Австріи и не предотвратятъ, по всей вѣроятности, необходимости предоставленія княжествомъ постройки желѣзныхъ дорогъ иноземнымъ банкірамъ для чужеземныхъ цѣлей и потребностей, и самые ревностные труды нашихъ ученыхъ не облегчатъ народу бремя содер-

жани князя и его двора и не увеличатъ въ странѣ количества народныхъ школъ, не прекратятъ конфискацію изданій и книгъ, словомъ, не сообщатъ внутренней сербской жизни того прогрессивнаго толчка, котораго тамошнее общество нетерпѣливо чаеъ и ожидаетъ. Но если для Сербовъ мы запоздали съ нашими сѣмянками умственнаго развитія, то, можетъ быть, болгары, только что появившіеся на свѣтѣ въ качествѣ самостоятельнаго народа, нуждаются еще въ пробужденіи у нихъ самосознанія и въ элементарномъ умственномъ развитіи. Весьма многіе такъ думали во время войны и нѣкоторые даже и теперь готовы признать, что болгарскій народъ не доросъ еще для воспринятія и сознательнаго пользованія всѣми тѣми благами, которыя имъ доставлены Россіей. Что же касается до вопроса, достаточно ли болгарскій народъ способенъ къ политическому самоуправленію и пригоденъ ли для него теперешній уставъ, то и въ обществѣ у насъ, и въ печати не мало слышется голосовъ, которые признаютъ преждевременность введенія народнаго представительства въ Болгаріи и которые въ этомъ обстоятельствѣ готовы видѣть весь корень недоразумѣній, возникшихъ въ послѣднее время между первымъ министерствомъ и первымъ очереднымъ народнымъ собраніемъ. Посмотримъ же насколько все это доказывается на дѣлѣ.

Не успѣли русскія войска изгнать изъ придунайскихъ округовъ Болгаріи турецкую армію и турецкое чиновничество, какъ началось въ этихъ округахъ возстановленіе административной дѣятельности съ помощью мѣстныхъ болгарскихъ элементовъ. Въ то время, какъ въ центральной гражданской администраціи, сначала въ канцеляріи вн. Черкаскаго, а затѣмъ въ управленіи русскаго комиссара, преобладали русскіе дѣтели, въ губерніяхъ и округахъ, за исключеніемъ губернаторовъ, оружныхъ начальниковъ и въ иныхъ мѣстахъ правителей канцелярій губернаторовъ, положительно преобладали болгары, такъ какъ мѣстныя административныя и финансовыя учрежденія были исключительно составлены изъ мѣстныхъ уроженцевъ, частію по избранію населенія, частію по назначенію губернаторовъ или центрального управленія. Роль русскихъ властей заключалась преимущественно въ начертаніи извѣстныхъ правилъ или большею частію въ примѣненіи прежнихъ турецкихъ законовъ, въ распоряженіяхъ о введеніи ихъ въ дѣйствіе съ тѣми или другими изытїями и въ наблюденіи за возможно быстрымъ и правильнымъ ихъ исполненіемъ всѣми административными органами. Все, чего успѣла въ

и томъ отношеніи достигнуть русская администрація, то ею сдѣ-
 лано при участіи массы болгарскихъ дѣятелей и благодаря той
 способности, дѣятельности и энергіи, которыя многіе изъ нихъ
 проявили въ то время. Конечно, для истыхъ бюрократовъ боль-
 шинство молодыхъ и не молодыхъ болгарскихъ дѣятелей могло
 казаться слишкомъ первобытнымъ, слишкомъ непосвященнымъ
 въ тайны и тонкости канцелярской стилистики, слишкомъ на-
 внымъ въ своихъ манерахъ и личныхъ сношеніяхъ, слишкомъ
 безыскусственнымъ въ своихъ приемахъ и сужденіяхъ о государ-
 ственныхъ вопросахъ; но болѣе глубокой наблюдатель не могъ
 бы не замѣтить даже въ нынѣшнихъ представителяхъ болгарской
 интеллигенціи, въ именитыхъ гражданахъ, созванныхъ для обсуж-
 денія устава княжества, что всѣ они обладали именно тѣмъ ум-
 ственнымъ развитіемъ и самосознаніемъ, которыя были нужны
 для исполненія столь трудной и важной задачи. Пренія въ пер-
 вомъ Тырновскомъ учредительномъ народномъ собраніи доказали,
 что болгарскій народъ обладаетъ уже интеллигенціей, вполне спо-
 собной руководить своимъ народомъ. Короткая сессія послѣдняго
 очереднаго собранія, окончившагося его распущеніемъ, доказала
 что болгарская интеллигенція не даромъ поработала надъ состав-
 леніемъ устава и что способна не только проектировать законы
 и провозглашать ихъ, но и пользоваться, и дорожить ими. Въ
 отношеніи народнаго образованія, Болгарія, правда, отстала отъ
 Сербіи; но не слѣдуетъ забывать, что отсутствіе въ самой Болга-
 ріи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ учреж-
 деній не мѣшало множеству болгаръ получать образованіе въ
 Румыніи, въ Австріи, Германіи и Россіи. Румынія, благодаря
 удобству сообщеній, положительно наводнялась выходцами изъ
 Болгаріи, изъ которыхъ весьма многіе получили тамъ довольно
 основательное образованіе. Изъ поселившихся въ Румыніи болгаръ
 были даже такіе, которые посвящали себя педагогической и уче-
 ной дѣятельности. Въ Букарестѣ существовалъ до послѣдняго
 времени женскій пансіонъ Г-жи Косабовой, болгарки по происхож-
 денію. Эта образованная и выдающаяся изъ среды болгарокъ
 женщина издавала даже одно время педагогическій журналъ на
 румынскомъ языкѣ. Профессоръ Дрянновъ, извѣстный ученый харь-
 ковскаго университета, написавшій историческое изслѣдованіе о
 славянахъ, показалъ, что болгары уже сами приобрѣли научные
 приемы для изученія своей страны и вообще для научной дѣя-
 тельности.

Наконецъ, относительно женскаго образованія въ Болгаріи слѣдуетъ замѣтить, что на него обращено тамъ уже должное вниманіе. Болѣе достаточныя семьи, не довольствующіяся мѣстными женскими училищами, нерѣдко отдаютъ своихъ дочерей на воспитаніе въ румынскія монастырскія школы или пансіоны; какими бы недостатками ни отличались подобныя школы, все-таки нельзя не признавать, чтобы онѣ не сообщали воспитывающимся въ нихъ дѣвушкамъ образованія, которымъ большинство женщинъ до сихъ поръ довольствуется даже во Франціи и въ Италіи.

Дальнѣйшее распространеніе умственнаго развитія въ массы болгарскаго народа и распространеніе научнаго образованія въ болгарской интеллигенціи естественно пойдутъ теперь настолько быстрѣе и успѣшнѣе, на сколько нынѣшнее свободное ихъ положеніе болѣе тому благопріятствуетъ, сравнительно съ прежнимъ. зависимымъ положеніемъ; поощреніе народнаго образованія и насажденіе въ странѣ истиннаго просвѣщенія въ духѣ славянской взаимности гораздо болѣе, если не вполне будетъ зависѣть отъ мудрости болгарскаго правительства совершенно независимо отъ того, состоится ли или нѣтъ посѣщеніе Болгаріи русскими учеными.

Остается подумать, можетъ ли приобрѣтеніе посредствомъ научной экспедиціи массы научнаго матеріала по части исторіи, лингвистики, археологіи, этнографіи и естественныхъ наукъ послужить краеугольнымъ камнемъ нашего единенія съ южными славянами? Можно ли серьезно надѣяться, чтобы экспедиція на Балганскій полуостровъ сама по себѣ, непосредственно, открыла собою новую эру нашихъ отношеній къ южнымъ славянамъ, эру совмѣстнаго культурнаго развитія, которая могла бы обоюдно привести насъ къ болѣе или менѣе полному единенію?

Не загадывая о будущемъ, но пользуясь только нѣкоторыми несомнѣнными результатами историческаго опыта, нельзя не видѣть, что ученые изслѣдованія и обладаніе массой всесторонняго научнаго матеріала недостаточны для установленія умственныхъ и нравственныхъ союзовъ между народами, что они даже нисколько не устраняютъ и не смягчаютъ того антагонизма, соперничества и часто враждебности, которые вѣками раздѣляютъ народы и государства на враждебные лагеря и дѣлаютъ невозможнымъ для нихъ не только установленіе умственныхъ и нравственныхъ союзовъ, но даже просто мирное и спокойное сожительство.

За примѣрами ходить недалеко. Кажется, польскій народъ съ его исторіей и литературой достаточно подвергался нашему изученію, точно также какъ и Россія съ ея народомъ и учеными и литературными силами достаточно была доступна для изученія польской интеллигенціи. Не одна, а нѣсколько экспедицій на Балканскій полуостровъ и многолѣтняя научная дѣятельность не дадутъ намъ и южнымъ славянамъ той массы свѣдѣній и того знакомства другъ съ другомъ, какимъ обладаютъ для взаимнаго познанія русскіе и поляки; а, между тѣмъ, между ими и нами не только не существуетъ умственнаго и нравственнаго единства, но даже возбужденіе вопроса о возможности такого единства считается у большинства чуть ли не химерой; а людей, которые бы начали пропагандировать идею такого единства, несомнѣнно, признали бы всѣ за утопистовъ, лишенныхъ практическаго смысла.

Мы скажутъ, что съ поляками у насъ старые счеты, и что отношенія наши съ польскимъ народомъ неестественныя вслѣдствіе цѣлаго ряда несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ.

Обратимся въ Чехію, съ которой у насъ не было споровъ и съ которой намъ нечего было дѣлать. Никто не рѣшится, конечно, говорить, чтобы и чехи еще нуждались въ приобрѣтеніи отъ насъ первыхъ сѣмянъ развитія. Въ культурномъ отношеніи Чехія не только не отстала отъ Германіи, но, пожалуй, опередила ее. Точно также чехи весьма достаточно сами себя изучили и въ своей наукѣ, и литературѣ достаточно раскрыли себя для цивилизованной и ученой Европы. Палацкій, также какъ и плеяда его современниковъ и отчасти предшественниковъ въ области чешской и всеславянской науки успѣли уже сойти въ могилу; сѣмена, ими насѣянные, начинаютъ уже давать плоды, отъ которыхъ содргается теперь организмъ австрійской королевско-императорской монархіи. Германцы, и отчасти, и мы, русскіе, дополнили своими изысканіями труды чеховъ, и Чехія ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться страной, недоступной нашему изученію. А, между тѣмъ, и съ чешскимъ народомъ у насъ не только не установилось еще единенія умственнаго и нравственнаго, но, къ сожалѣнію, продолжается, говоря вообще, пассивная отчужденность, унаследованная нами отъ прежнихъ временъ и отчасти поддерживаемая множествомъ недоразумѣній, а главное, со стороны насъ, русскихъ, множествомъ предубѣжденій, ложныхъ представленій и въ концѣ концовъ игнорированіемъ того, чѣмъ живетъ и куда идетъ Чехія съ ея партіями, интеллигенціей и работающими силами.

Иные, конечно, и тутъ найдутъ объясненіе нашей разобщенности съ чешскимъ народомъ въ его католической религіи и въ западно-европейскомъ характерѣ его культуры. И вотъ какъ бы въ отвѣтъ на это, стоитъ теперь передъ нами враждебная намъ Румынія. Судьба постоянно заставляла насъ благодѣтельствовать Румыніи еще тогда, когда о принципѣ національностей не было и помину; мы издавна имѣли съ румынами общаго врага—турокъ, мы много разъ боролись съ румынами противъ этого общаго врага, мы сообща сокрушили его, наконецъ, мы управляли Румыніей не два года, какъ Болгаріей, а цѣлый десятокъ лѣтъ. Мы дѣлали все это, исповѣдая съ румынами одну вѣру; мы не застали въ Румыніи, какъ въ Чехіи и Польшѣ, западно-европейской культуры, но, напротивъ, мы нашли въ ней византійское духовенство и господство византійскаго духа, которому и мы обязаны нашимъ духовнымъ крещеніемъ. Отчего же въ нашихъ отношеніяхъ къ румынамъ оказывается теперь та же рознь, то же взаимное недоувѣріе и разобщенность, то же тяготѣніе въ разныя стороны, какъ между нами и поляками, тогда какъ, по всѣмъ естественнымъ и логическимъ даннымъ, между ими и нами должно было бы установиться взаимное довѣріе, искреннее умственное и нравственное сближеніе, такъ какъ въ теченіи цѣлаго столѣтія ничто, кажется, не мѣшало намъ изучать Молдавію и Валахію, ея исторію, этнографію и ея древности.

Но вѣдь румыны потомки древнихъ римскихъ выходцевъ и еще навихъ то дакійцевъ, а мы совсѣмъ другое дѣло, мы—славяне!

Возвратимся опять къ чистокровнымъ славянамъ: сербамъ и болгарамъ. Выше я показалъ, что эти, хотя и юные еще народы совершенно не представляютъ изъ себя дикой массы, которая была бы не въ состояніи сознательно относиться къ событіямъ, ею переживаемымъ, или которая была бы слишкомъ груба и невѣжественна, чтобы не различать, кто въ отношеніи къ ней дѣлаетъ добро и кто зло, кто является ея другомъ и союзникомъ, и кто ея врагомъ.

Что же видимъ мы въ результатѣ нашихъ отношеній къ южнымъ славянамъ за послѣднее время? Послѣ этнографической выставки, этого перваго научнаго предпріятія, задуманнаго именно для взаимнаго ознакомленія и сближенія представителей интеллигенцій славянскихъ племенъ и народовъ между собою, послѣ учрежденія нашихъ славянскихъ комитетовъ, этихъ специальныхъ и постоянныхъ общественныхъ органовъ нашего сближенія съ

сѣверными и южными славянами, въ которыхъ наши ученые слависты являются теперь, какъ и прежде, руководителями, послѣ добровольной экспедиціи 1876 года, которая, не смотря на ея военныя неудачи, могла однако обогатить насъ немалымъ количествомъ всякаго, даже научнаго, матеріала, пригоднаго для яснаго уразумѣнія тѣхъ внутреннихъ вопросовъ, около которыхъ вращается современная жизнь сербской интеллигенціи, наконецъ, послѣ грандіозной военной экспедиціи нашей въ 1877—1878 годахъ въ предѣлы Болгаріи и послѣ двухлѣтняго управленія нами этой страной, мы не только не замѣчаемъ признаковъ установленія между нами и сербами, болгарами и черногорцами большого чѣмъ прежде пониманія другъ друга и больше данныхъ для установленія умственнаго и нравственнаго единенія, но, напротивъ, открываемъ на каждомъ шагу, что въ живыхъ современныхъ вопросахъ, волнующихъ эти страны, мы оказываемся постоянно въ потемкахъ, въ дебряхъ, напримѣръ, въ дебряхъ болгарскихъ партій, и т. п.

Кто же виноватъ на этотъ разъ? Единокровные ли и единовѣрные, молодые, еще неразвращенные культурой, такъ называемаго гніющаго запада, южные славяне или мы, передовой славянскій народъ? Отчего мы видимъ, что южные славяне, подобно сѣвернымъ, не довѣряютъ искренности нашихъ отношеній къ нимъ и, въ концѣ концовъ, вкругомъ нами облагодѣтельствованные и нами освобожденные, льнутъ умственно и нравственно къ той самой западной Европѣ, которая, кажется, достаточно постаралась, чтобы стяжать ихъ ненависть?

Неужели же намъ невозможно хоть съ южными славянами идти рука объ руку, какъ братьямъ, и въ то же время едиными усты и единымъ сердцемъ исповѣдывать единомысліе и, такимъ образомъ, проходить предоставленное намъ историческое поприще, крѣпко сплоченными, проникнутыми насквозь полнымъ сознаниемъ солидарности нашихъ политическихъ и культурныхъ интересовъ?

Не кроется ли разгадка этой притчи въ какихъ-либо племенныхъ особенностяхъ русскаго духа, въ тѣхъ особенностяхъ нашего историческаго развитія или, лучше сказать, въ тѣхъ историческихъ причинахъ нашего неразвитія, въ томъ хаосѣ всевозможныхъ причинъ и вліяній, благодаря которому мы, въ послѣднее время, даже въ отношеніи пониманія вопросовъ нашей собственной жизни пришли къ допотопному афоризму, что мы знаемъ только то, что мы ничего не знаемъ о самой Россіи и рус-

скомъ народѣ, и что мы пребываемъ по сіе время въ потемкахъ и въ дебряхъ въ каждомъ мале мальски серьезномъ внутреннемъ вопросѣ?

Не потому ли наши глаза, свыкшіеся съ постоянными потемками, ощущаютъ неловкость, когда, попадая на славянскую почву, они выходятъ на свѣтъ Божій и когда этотъ свѣтъ Божій, съ непривычки, ослѣпляетъ ихъ?

Сможетъ ли научная экспедиція въ Балканскій полуостровъ пособить этому горю и освѣтить намъ нашу собственную жизнь, и уяснить намъ наши собственные пути, наши силы и наши цѣли?... Едва ли!

А пока мы сами не прозримъ, пока мы сами ясно не будемъ видѣть, откуда мы идемъ и къ чему мы подвигаемся, до тѣхъ поръ всякая претензія наша на фультурное первенство между славянами, даже южными, будетъ неосновательна и всякія попытки наши руководить ими на пути просвѣщеннаго развитія будутъ призрачными и, пожалуй, еще рискованными для самихъ славянъ, потому что мы, будучи вождями слѣпыми, можемъ, чего добраго, завести ихъ въ тѣ же потемки, трущобы и дебри, въ которыхъ благополучно протекло первое тысячелѣтіе нашего историческаго существованія.

Когда думаешь обо всемъ этомъ, невольно приходятъ на память глубоко продуманныя и глубоко истинныя слова митрополита Филарета, который въ своемъ привѣтствіи представившейся ему въ 1867 году славянской депутаціи сказалъ, между прочимъ: *и мы же страдаемъ въ скорбѣхъ, сорадуемся въ надеждахъ братьей и сквозь раздѣленіе зримъ къ единству.*

Да, мы вмѣстѣ съ страдающими славянами бряхтимъ подъ бременемъ нашей исторической задачи; мы присоединяемъ къ ихъ давнишнимъ, вѣковымъ скорбямъ и наши жертвы, и скорби; мы, время отъ времени, вмѣстѣ съ ними побѣждаемъ нашихъ открытыхъ враговъ въ открытомъ полѣ и, въ концѣ концовъ, мы вмѣстѣ съ ними остаемся побѣжденными тѣми темными вражьиими силами, которыя борятся съ нами изъ-за угла, которыя становятся намъ поперегъ дороги, когда мы стремимся сдвинуться со славянами, которыя все болѣе надвигаются на насъ и все напираютъ на насъ сильнѣе и которыя, наконецъ, день ото дня, становятся въ отношеніи къ намъ болѣе дерзкими и самоувѣренными.

Сила германизма постоянно растетъ и крѣпнеть вокругъ насъ, втихомолку совершаетъ на славянской почвѣ свои мирныя завоеванія, втихомолку ведетъ свою борьбу со всеми славянскими силами и требуя при этомъ, чтобы эти славянскія силы не подозрѣвали этой борьбы, чтобы онѣ, искусственно усыпляемые, проснулись лишь тогда, когда будетъ уже поздно!... Да и какъ не быть этой силѣ германизма самоувѣренной и дерзкой, когда мы, славяне, теперь, какъ и встарь, остаемся разъединенными, не только политически, но и умственно, и нравственно, и когда мы теперь только начинаемъ проектировать какія-то экспедиціи для того, чтобы узнать другъ друга, и чтобы придти къ единству, котораго идею мы еще только зримъ впереди, да и то «сквозь раздѣленіе!»

И такъ, какъ же, въ концѣ концовъ, должно русское общество отнестись къ проектируемой экспедиціи въ юго-славянскія земли?

Прежде всего желательно, чтобы русское общество на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, было ограждено отъ всякихъ иллюзій и отъ тѣхъ новыхъ разочарованій, которыя не замедлили бы явиться результатомъ этихъ иллюзій. Желательно, чтобы всѣ мы, русскіе, ученые и неученые, спеціалисты въ славяновѣдѣніи и не спеціалисты, признались бы откровенно, что если Россія почти что ничего или очень мало сдѣлала для удовлетворенія умственныхъ и нравственныхъ потребностей славянъ, то произошло это не вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ препятствій, благодаря которымъ наши ученые не могли будто бы проникать въ юго-славянскія земли для ихъ изученія, а единственно вслѣдствіе нашей національной безопасности, вслѣдствіе отсутствія въ насъ духа самостоятельности, предприимчивости и любознательности, вслѣдствіе болѣе чѣмъ слабого сознанія, до послѣдняго времени, даже въ ученыхъ нашихъ сферахъ важности практической необходимости изученія славянскихъ народностей для нашего собственнаго прогресса, словомъ, вслѣдствіе нашей общей культурной отсталости и той умственной апатіи, благодаря которымъ дремала и дремлетъ еще и теперь большая часть русскихъ интеллигентныхъ силъ.

Затѣмъ необходимо, чтобы былъ выясненъ характеръ, какой желательно было бы придать экспедиціи и ясно опредѣлить ту

осязательную, возможную цѣль, какая ею могла бы быть достигнута, отбросивъ всякія претензіи на внесеніе въ юго-славянскія земли первыхъ сѣмянъ умственного развитія и самосознанія и всякія ожиданія, чтобы посредствомъ экспедиціи было достигнуто умственное и нравственное единеніе русскаго міра съ юго-славянскимъ. Поэтому необходимо прежде всего, чтобы при участіи самого русскаго общества и славянскихъ комитетовъ былъ разрѣшенъ вопросъ, должна-ли экспедиція быть предпріятіемъ строго-научнымъ или же такимъ, которое послужило бы для современныхъ живыхъ потребностей юго-славянскихъ народовъ и для установленія между ними и русскимъ обществомъ живыхъ связей культурныхъ, экономическихъ и политическихъ, которыя бы могли болѣе или менѣе непосредственно повліять на дальнѣйшій процессъ нашего сближенія съ юго-славянскими народностями и на установленіе той солидарности интересовъ и стремленій, безъ которыхъ немислимо достиженіе жизненнаго единенія, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ.

Для плодотворности экспедиціи важно не то, чтобы она осуществилась, *какъ можно скорѣе*, и чтобы для ея снаряженія собрано было, *какъ можно болѣе средствъ*, а важно то, чтобы *какъ можно вѣрнѣе была поставлена ея задача* и чтобы общество *какъ можно явнѣе могло сознать всю ея полезность для насъ самихъ* и всю необходимость для насъ способствовать ея успѣшному осуществленію. Все это можетъ быть достигнуто единственно посредствомъ разносторонняго обсужденія вопроса въ литературѣ и въ печати, тогда какъ келейное разрѣшеніе его въ тѣсной сферѣ специально ученыхъ органовъ или кружковъ едва ли будетъ способствовать успѣшности дѣла, когда имѣется въ виду все-таки, въ концѣ концовъ, привлечь къ матеріальному содѣйствію въ осуществленіи экспедиціи и славянскіе комитеты, и все русское общество.

Графъ Петръ Кутузовъ.

ИНОПЛЕМЕННЫЕ НАРОДЫ.

Народное образование въ Америкѣ *).

V. Бюджетъ народныхъ школъ въ Америкѣ, собственно элементарныхъ.

Училищный бюджетъ въ Соединенныхъ Штатахъ составляется изъ разныхъ источниковъ, изъ которыхъ главные: а) училищный фондъ, б) ежегодные налоги въ пользу школъ и в) добровольныя пожертвованія.

Училищный фондъ.

Этотъ фондъ состоитъ изъ земель и денегъ и составляетъ неприкосновенный капиталъ школъ, ихъ неотъемлемую собственность. Происхожденіе этого фонда слѣдующее. По органическому закону конституціи С. Штатовъ, въ моментъ образованія союза, было установлено, что всѣ земли, находящіяся въ предѣлахъ союза, составляютъ собственность всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ, которыми распоряжается поэтому союзное правительство, на основаніи законовъ, выработанныхъ конгрессомъ. Отдѣльнымъ же штатамъ принадлежатъ только земли *заселенныя*; земли же незаселенныя даже внутри штатовъ составляютъ собственность союза. Желающіе поселиться на этихъ земляхъ должны ихъ купить у правительства (цѣна отъ двухъ до четырехъ рублей за акръ, на наши деньги); послѣ этой покупки, эти земли переходятъ изъ вѣдомства союзнаго правительства въ вѣдѣніе штата, въ которомъ находится земля. Для облегченія продажи этихъ общественныхъ земель, онѣ раздѣлены на участки въ 36 кв. миль (около 82 кв. верстъ; англ. миля немного болѣе полуторы версты). Этотъ участокъ (называемый township) дѣлится на 36 секцій, каждая секція, слѣдовательно, равна кв. милѣ (4¹/₂ кв. версты).

Союзное правительство имѣетъ, такимъ образомъ, въ своемъ вѣдѣніи огромное количество общественныхъ земель.

*) Первые четыре главы этой статьи см. въ 1 кн.

Принявъ въ свое управленіе эти земли, конгрессъ тогда-же, при основаніи союза, постановилъ, что «всѣ доходы отъ этихъ земель и отъ ихъ продажи должны быть употребляемы на общее благо всего союза». Руководясь этимъ основнымъ принципомъ, конгрессъ актомъ своимъ 1785 г. постановилъ, чтобы во всей западной территоріи (между рѣками Огайо и Миссиссипи) 16-я секція общественныхъ земель была назначена на поддержаніе общественныхъ школъ, причемъ конгрессъ свое пожертвованіе мотивировалъ тѣмъ, что «такъ какъ религія, нравственность и наука необходимы и для хорошаго правительства, и для счастья людей, то школы и средства воспитанія должны быть поощряемы отнынѣ навсегда». 16-ю секцію (т. е. отъ основнаго 36-мильнаго участка, равную $4\frac{1}{2}$ кв. верстамъ) получили штаты: Огайо, Луизиана, Индіана, Миссиссипи, Иллиной, Алабама, Мень, Миссури, Арканзасъ, Мичиганъ, Флорида, Айова, Техасъ и Уисконсинъ.

Въ 1787 г., конгрессъ дополнилъ свое постановленіе тѣмъ, что прибавилъ еще одну секцію общественныхъ земель «для учрежденія университетовъ».

Въ силу этого постановленія, всѣ новые штаты, въ моментъ ихъ организаціи, получали отъ конгресса уже по двѣ секціи отъ каждаго 36 кв.-мильнаго участка общественныхъ земель, находящихся въ предѣлахъ ново-организовавшагося штата для общественныхъ школъ и университета. Штатъ Огайо получилъ три секціи, а Флорида и Уисконсинъ—по 4 секціи. По одной они получили, когда были еще территоріями (т. е. имѣли менѣе 72.000 жителей), а остальные секціи имъ были дарованы, когда они стали штатами.

Въ 1806 г. конгрессъ сдѣлалъ особыя пожертвованія для воспитанія мирныхъ индійскихъ племенъ, поддержанія ихъ торговли и промышленности, отдѣливъ для этого значительную часть индійской территоріи. Съ 1806 г. по 1870 г. для этой цѣли издержано союзнымъ правительствомъ 8.000.000 долларовъ.

Въ 1836 г., въ государственномъ казначействѣ союза (явленіе единственное въ финансахъ государственныхъ) оказалась неизрасходованная сумма денегъ въ 15 милліоновъ долларовъ.

Конгрессъ опредѣлилъ распредѣлить эту сумму между штатами пропорціонально населенію въ видѣ займа для народнаго просвѣщенія. Почти всѣ штаты обратили полученныя на свою долю суммы въ постоянный училищный фондъ. Деньги, данныя, такимъ образомъ, штатамъ въ видѣ безсрочнаго займа, обратились въ

неприкосновенную собственность школъ. Понятно, что конгрессъ послѣ и не думалъ напоминать о возвратѣ этихъ суммъ въ общее казначейство союза. (Этотъ фондъ теперь носитъ названіе—United states Deposited Fund).

Въ 1841 г., 16 штатовъ (Алабама, Арканзасъ, Калифорнія, Флорида, Иллиной, Айова, Канзасъ, Луизиана, Мичиганъ, Миннесота, Миссиссипи, Миссури, Небраска, Невада, Орегонъ и Уисконсинъ) получили каждый по 500.000 акровъ земли съ тѣмъ, чтобы деньги отъ продажи этихъ земель и доходы съ нихъ шли на пользу и развитіе школъ.

Актами конгресса въ 1849, 1850 и 1860 годахъ было отдѣлено для училищныхъ нуждъ и пользы болѣе 62 милліоновъ акровъ общественныхъ земель штатамъ: Алабамѣ, Арканзасу, Калифорніи, Флоридѣ, Иллиною, Индіанѣ, Айовѣ, Луизианѣ, Мичигану, Миннесотѣ, Миссиссипи, Миссури, Огайо и Уисконсину.

Такимъ образомъ, конгрессъ съ 1785 по 1862 пожертвовалъ почти *сто сорокъ милліоновъ акровъ* земли для народнаго образованія. Дѣлая эти пожертвованія, конгрессъ до сихъ поръ выражался неопредѣленно—для «развитія школъ и учрежденія школъ и университетовъ».

Съ 1862 года пожертвованія стали дѣлаться конгрессомъ съ опредѣленными условіями.

Съ 1862 г., конгрессъ пожертвовалъ изъ общественныхъ земель каждому штату по 30.000 акровъ на каждаго представителя штата въ конгрессѣ (каждый штатъ имѣеть въ конгрессѣ по два сенатора и на каждыя 135.000 жителей по одному депутату). Этотъ даръ конгресса былъ уже обусловленъ. Въ дарственномъ актѣ конгресса прямо говорится, что эти земли должны составлять постоянный фондъ для содержанія *по крайней мѣрѣ одного колледжа*, въ которыхъ должны преподаваться, не исключая классиковъ и другихъ наукъ, и включая военную тактику, знанія, нужныя для агрикультуры и механическихъ искусствъ, такъ какъ легислатуры штатовъ сдѣлаютъ свои постановленія относительно общедоступнаго и практическаго воспитанія промышленныхъ классовъ для цѣлей и профессій ихъ жизни («Without excluding other scientific and classical studies, and including military tactics, to teach such branches of learning as are related to agriculture and the mechanic arts, in such manner as the legislatures of the states may respectively prescribe, in order to promote the liberal and practical education of the industrial classes in its several pursuits and

professions of life»). — Общая сумма земель, пожертвованных этимъ закономъ, обнимаетъ собою 9.510.000 акровъ.

О болѣе мелкихъ ежегодныхъ пожертвованіяхъ землями и деньгами, которыя дѣлались конгрессомъ въ видѣ частныхъ мѣръ, мы здѣсь не упоминаемъ. Но общій итогъ неприкосновеннаго учебнаго фонда, по отчету Bureau of education за 1876 годъ, состоитъ изъ: а) 95.737.000 акровъ земли и б) 47.785.000 долларовъ денежными суммами.

Въ добавленіе къ этимъ дарамъ конгресса, каждый штатъ, съ своей стороны, увеличивалъ фондъ своихъ школъ постоянно и потому въ 30 штатахъ и двухъ территорияхъ (слѣдов. безъ 18 штатовъ и 9 терр.), приславшихъ въ Bureau of education свои цифры, училищный неприкосновенный фондъ показанъ въ *сто милліоновъ* долларовъ безъ малаго.

Налоги въ пользу школъ ежегодные.

Училищный фондъ не можетъ дать столько дохода и процентовъ, чтобы покрыть всѣ многочисленныя нужды школъ. Поэтому всѣ жители участвуютъ въ обязательныхъ взносахъ для школъ согласно постановленіямъ, законамъ и обычаямъ штатовъ, въ разныхъ штатахъ различно. Попечители каждой школы съ представителями педагогическаго надзора вычисляютъ всѣ нужды для предстоящаго учебнаго года и, опредѣливъ точную сумму доходовъ и расходовъ школы, распределяютъ недостающую сумму между жителями даннаго района. Подробности этого дѣла очень сложны и сбивчивы, если ихъ разсматривать не только по отдѣльнымъ графствамъ, а даже и по штатамъ. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько общихъ цифръ, заимствованныхъ изъ официальнаго отчета Bureau of education за 1876 годъ.

Въ этомъ году, которымъ закончилось первое столѣтіе Соед. Штатовъ, были слѣдующіе *расходы* для школъ (при чемъ мы цифры округляемъ):

На покупку и ремонтъ и постройку училищныхъ зданій, мебелировку, бібліотеки и снабженіе школъ учебными аппаратами издержано	10.407.000	долларовъ.
На жалованье суперинтендентамъ и лицамъ педагогическаго надзора	1.017.000	»
На жалованье учителямъ	48.000.000	»
Смѣшанные расходы	15.700.000	»
Общій итогъ расхода	84.005.000	»

Вся эта сумма расходовъ была покрыта изъ обязательныхъ взносовъ жителей, по опредѣленію училищныхъ властей, и при этомъ оказался еще остатокъ, потому что всего собрано было 87.349.000 долларовъ.

Въ этому надо добавить, что *города и городскія школы имѣютъ свои фонды и бюджеты*. Изъ свѣдѣній за 1876 годъ, доставленныхъ въ Bureau of education отъ 192 городовъ, имѣющихъ свыше 7.500 душъ, видно, что эти собственно *городскія школы* издержали въ 1876 г. на капитальныя, постоянныя улучшения и устройство школъ 3.257.000 далларовъ.

На жалованье учителямъ почти . . . 14.000.000 »

» надзоръ за школами и смѣшанные расходы около 8.000.000 »

Въ приходѣ значилось налоговъ съ городской собственности, оцѣненной въ 6 миллиардовъ 808 милліоновъ 57 тысячъ долларовъ, было собрано 24.503.000 долларовъ.

Частныя пожертвованія

Составляютъ ежегодное, постоянное приращеніе и училищныхъ неприкосновенныхъ фондовъ, и ежегодныхъ доходовъ. Пожертвованія эти чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Пожертвованія дѣлаются постоянными и временными денежными суммами, землями, домами, библіотеками, школьною мебелью, учебными пособиями, аппаратами, коллекціями для музеевъ, учебными инструментами,—словомъ все, что можетъ имѣть цѣну для школъ разныхъ наименованій. Общая стоимость этихъ пожертвованій доходитъ ежегодно въ среднемъ выводѣ до 8 милл. долларовъ; въ 1876 г. пожертвованій было на 9 милл. долл. Изъ весьма многихъ крупныхъ пожертвованій мы упоминаемъ здѣсь о фондѣ, завѣщанномъ *Пибоди*. Этотъ фондъ состоитъ изъ 5.522.000 долларовъ, изъ которыхъ 100.000 назначено на церковныя здания, 100.000 на санитарную комиссію Соединен. Штатовъ, 1.813.500 на музеумы, библіотеки, колледжи и т. д., 2.000.000 на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей въ южныхъ штатахъ, 384.000 на учебный фондъ для Флориды, 1 милліонъ для учрежденія постоянного учебнаго фонда въ Миссиссипи. Такимъ образомъ, собственно для воспитанія дѣтей въ южныхъ штатахъ пожертвовано 3.380.000 долларовъ, которые были могучимъ средствомъ развитія школъ въ южныхъ штатахъ.

Стоимость училищной собственности.

Въ 1876 г. была сдѣлана оцѣнка училищной стоимости, т. е. земель, на которыхъ построены школы, домовъ, ихъ мебелировки, классныхъ принадлежностей и прочихъ предметовъ и вещей, принадлежащихъ школамъ. Оцѣнка дѣлалась, конечно, приближительная. По этой оцѣнкѣ, вся школьная собственность въ 26 штатахъ, доставившихъ въ бюро свѣдѣнія, равняется 192.166.000 долларовъ; училищная собственность 8 территорій, доставившихъ свѣдѣнія, равняется почти 2 милліонамъ долл.; слѣдовательно, общая стоимость школьной собственности 26 штатовъ и 8 территорій равнялась, въ 1876 г., 194.200.000 долларовъ. Училищная собственность въ 192 городахъ, имѣющихъ свыше 7.500 жителей, равнялась 77.130.000 долларовъ. Въ общей сложности это даетъ 271.330.000 училищной собственности. Если допустить, что недоставившіе свѣдѣній 12 штатовъ и три территоріи имѣютъ въ общей сложности до 30 милліоновъ долларовъ училищной стоимости, то мы получимъ вѣроятную сумму свыше чѣмъ въ 300.000.000 долларовъ.

VI. Училищные дома.

Обыкновенно, во всѣхъ путевыхъ замѣткахъ путешественниковъ всегда находится не одна страница въ похвалу американскихъ училищныхъ построекъ; обыкновенно заявляется, что это не дома, а дворцы и что обыкновенно лучшія зданія въ городахъ—школы. Здѣсь, въ такомъ общемъ отзывѣ путешественниковъ есть частію преувеличеніе, частію слишкомъ широкое и поспѣшное обобщеніе. Преувеличеніе здѣсь въ томъ, что эти зданія, дѣйствительно, по сравненію, напр., съ русскими, нѣмецкими и другими европейскими школами, очень хороши, даже замѣчательно хороши, но до дворцовъ имъ далеко, если, конечно, не сравнивать ихъ съ дворцами владыкъ дикихъ и полудикихъ племенъ Африки и Азии. Въ большихъ городахъ, какъ Нью-Йоркъ, Филадельфія, Вашингтонъ, Балтимора, Чикаго лучшія зданія обыкновенно думы, почты, затѣмъ дома милліонеровъ и огромные отели и затѣмъ уже на пятой, такъ сказать, степени стоятъ учебныя заведенія. Въ небольшихъ городахъ, дѣйствительно, лучшія зданія принадлежатъ школамъ. Широкое и поспѣшное обобщеніе заключается здѣсь со стороны путешественниковъ въ томъ, что они берутъ часть за цѣлое. Красивыя и богатые зданія, обыкновенно, служатъ

не для начальныхъ или элементарныхъ школъ, а для средне-учебныхъ заведеній, для школъ профессиональныхъ, какъ то: нормальныхъ (для приготовления учителей), медицинскихъ и пр. и для учебныхъ заведеній высшихъ, т. е., колледжей и университетовъ. Въ небольшихъ городахъ *тогда* въ такихъ прекрасныхъ зданіяхъ помѣщаются и элементарныя грамматическія школы, но далеко не всегда. Путешественники же, останавливаясь только въ городахъ и видя огромные, прекрасные дома для школъ въ каждомъ городѣ, гдѣ имъ пришлось побывать, дѣлаютъ общій выводъ относительно *всѣхъ* школъ, выводъ само собою невѣрный.

Въ дѣйствительности же дѣло стоитъ иначе. Дома для школъ строятся на средства мѣстныхъ жителей и по ихъ усмотрѣнію. Но поселенія въ Америкѣ городскія и сельскія очень различны по своимъ финансовымъ средствамъ. Поэтому училищныя дома служатъ выраженіемъ зажиточности данной общины, и въ настоящій моментъ въ Америкѣ можно встрѣтить типы всевозможнаго рода училищныхъ построекъ. Америка съ своей огромной территоріей отъ Атлантики до Великаго океана и отъ великихъ озеръ до Мексиканскаго залива есть страна, постоянно и непрерывно заселяющаяся, колонизирующаяся. Поэтому въ штатахъ мало населенныхъ, съ огромною территорією (а такихъ штатовъ большинство), всегда есть множество начинающихся поселеній. Первые колонисты бываютъ обыкновенно люди бѣдные, занятые тяжкимъ трудомъ расчистки мѣста для поселенія отъ лѣса, болотъ и пр., и обработкою земли для своего пропитанія. Обычай же, ставшій почти закономъ, требуетъ, чтобы гдѣ есть недалеко другъ отъ друга 20—25 семействъ, то здѣсь *должна* быть школа. Этого требуютъ не только общественное мнѣніе и обычай, но и сами жители видятъ, что въ Америкѣ—образованіе, книга, школа—первое дѣло. Это здѣсь понимается и чувствуется каждымъ.

Но средствъ устроить что-либо подходящее для школы нѣтъ; поэтому колонисты обыкновенно *сами* строятъ самую простую избу изъ договъ, которая по этому и называется loghouse, логгаузомъ. Меблируютъ тоже сами, т. е., сдѣлаютъ и скамьи для учениковъ, и столъ для учителя, и полки. Всѣ эти работы первобытныя; въ штатахъ южныхъ, гдѣ зима болѣе, чѣмъ легка, въ такихъ логгаузахъ даже нѣтъ оконъ, а только задвижки на случай вѣтра. Въ такихъ школахъ и начинается обыкновенно свое образованіе первая генерачія переселенцевъ. Затѣмъ проходитъ пять-десять лѣтъ; жители обжились, обстроились и устроились;

у нихъ есть уже не только необходимое, а и избытки; трудныя первоначальныя работы окончены; досуга, слѣдовательно, стало больше; дѣтей за это время поприбавилось; общее благосостояніе развило больше потребностей, породило много новыхъ желаній. И вотъ, глядишь, фермеры собрались на митингъ въ школу свою (школы въ Америкѣ обыкновенно служатъ для всевозможныхъ собраній мѣстнаго населенія) и начинаютъ толковать о томъ, что надо для школы новый домъ, что въ локгаузѣ не только тѣсно, но и стыдно держать школу. Сказано—сдѣлано; дѣлается примѣрный планъ дома съ расчетомъ на извѣстное количество дѣтей, высчитывается стоимость дома, собираются деньги—и мѣсяца черезъ два, на самомъ красивомъ мѣстѣ, появляется небольшой, одноэтажный, очень чистый и привѣтливый домикъ, уже не изъ логовъ, а изъ толстыхъ пиленыхъ досокъ и брусевъ; домъ штукатурится внутри и снаружи и потому становится среди другихъ домовъ по величинѣ и красивой наружности замѣтнымъ, выдающимся, лучшимъ. Это вторая стадія и такой домъ называется здѣсь frame-house (т. е. рамочный домъ). Здѣсь уже есть и окна, и комната для учителя, библіотеки и класныхъ принадлежностей, и двое входныхъ дверей съ двумя передними, т. е., равныя для мальчиковъ и дѣвочекъ. Съ развитіемъ поселенія и возрастаніемъ благосостоянія жителей является потребность въ болѣе обширныхъ помѣщеніяхъ для школъ. Жители начинаютъ строить и болѣе дорогія, и болѣе прочныя школы и съ большими удобствами. Тутъ уже матеріаломъ постройки служить не дерево, а кирпичъ и желѣзо; это—третья стадія развитія школы. Такіе дома для школъ называются brick-house, т. е. кирпичный домъ. Если поселеніе, по выгодности мѣстоположенія для торговли или по другимъ какимъ-либо обстоятельствамъ, разрослось и превратилось въ городъ, то, понятно, большая часть жителей такихъ мѣстъ бываютъ люди не только зажиточные, но и богатые, поэтому для школъ, которыя назначены для ихъ же дѣтей, средствъ не жалѣютъ и для увеличивающагося количества молодого поколѣнія строятъ уже не только начальныя, а и среднія, и высшія учебныя заведенія, которыя устраиваются по всѣмъ требованіямъ современной училищной архитектуры, и матеріаломъ построекъ такихъ школъ является гранитъ, песчаникъ, мраморъ и желѣзо, поэтому такіе дома называются здѣсь stone-house, т. е. каменные дома.

И нужно при этомъ помнить, что въ Америкѣ постоянно и одновременно существуютъ всѣ эти формы учебныхъ зданій, и

существуетъ постоянный переходъ изъ одной формы въ другую. Наибольшее число школъ принадлежитъ въ сельскихъ округахъ ко второму разряду, то есть, просторные веселые дома, на самомъ красивомъ мѣстѣ и самой красивой, иногда затѣйливой, постройкѣ, которые очень выгодно отдѣляются отъ прочихъ сельскихъ домиковъ фермеровъ. Кирпичные, а тѣмъ болѣе каменные, дома для учебныхъ заведеній находятся, главнымъ образомъ, въ городахъ; въ сельскихъ округахъ такіе дома—исключеніе.

Американскіе архитекторы и педагоги отнеслись къ постройкѣ училищныхъ зданій самымъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ образомъ. Всѣ нужды и пользы учащихся здѣсь взвѣшены и опредѣлены. Литература по этому вопросу и очень богата, и очень солидна. Суперинтенденты просвѣщенія въ штатахъ, обыкновенно, рассылаютъ и при своихъ отчетахъ и циркулярно рисунки, планы, чертежи и объясненія устройства училищныхъ домовъ, соотвѣтственно требованіямъ гигиены и цѣлямъ обученія. И всѣ новые школьные дома теперь строятся согласно этимъ инструкціямъ. Благодаря этому, архитектура американскихъ школъ составляетъ особую вѣтвь общей архитектуры и представляетъ собою своего рода искусство, развивающееся вмѣстѣ съ развитіемъ техники и науки.

Главные требованія, выработанныя въ Америкѣ, по вопросу объ училищныхъ постройкахъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) *Устройство дома для школы.* Матеріаломъ для домовъ рекомендуется, въ городахъ—кирпичъ и камень, а въ сельскихъ округахъ рекомендуются предпочтительно деревянные постройки. Постройка должна быть прочная и солидная во всѣхъ своихъ частяхъ. Объемъ дома долженъ быть разсчитанъ на самое приблизительно большее число учащихся; полагается, что для школы, гдѣ учить одинъ только учитель пространство зданія должно быть по крайней мѣрѣ на 900 кв. футовъ, занимаемыхъ поломъ школы, чтобы безъ вреда для здоровья можно было помѣстить отъ 50 до 80 учащихся. По наружному виду школа должна быть возможно-привлекательна и красива, съ разными недорогими, но изящными украшеніями въ родѣ башенокъ, рѣзныхъ деревянныхъ украшеній и т. п.

2) *Внутреннее устройство школы.* Каждая сельская школа должна имѣть прихожую (vestibule), главную комнату и одну или нѣсколько классныхъ комнатъ, смотря по тому, одинъ ли учитель въ школѣ, или ихъ нѣсколько. Прихожая должна быть

просторна, суха, хорошо освѣщена и достаточно снабжена колышками для шляпъ или шапокъ и крючками для вѣшанія платья; на полу здѣсь должны быть маты веревочные или другаго рода для обтиранія съ обуви пыли или грязи; здѣсь же долженъ быть рукомойникъ и всѣ средства для поддержания чистоты лица и рукъ, если въ этомъ явится надобность. Въ школахъ смѣшанныхъ для обонхъ половъ устраиваются, или разными прихожія, или же общая, но раздѣленная пополамъ для разныхъ половъ и одинаково меблированная.

Форма учебныхъ комнатъ рекомендуется продолговатая, именно она должна быть въ два раза длиннѣе ширины, при чемъ ея вмѣстимость должна быть разсчитана на извѣстное число учениковъ, по вѣроятнымъ соображеніямъ. Потолокъ долженъ быть отъ 12 до 15 футовъ въ вышину отъ пола, такъ чтобы на каждого ученика приходилось не менѣе 108 кубическихъ футовъ воздушнаго пространства. Дверь въ классную комнату, если можно, слѣдуетъ устраивать на южномъ концѣ комнаты; сѣверная же сторона ея при этомъ должна быть безъ оконъ и въ этой части должно быть устроено возвышеніе въ 15 дюймовъ вышиною, на которомъ должно находиться кресло и столъ для учителя. Возвышеніе это предлагается въ видахъ лучшаго и болѣе удобнаго для учителя надзора за классомъ. Въ случаѣ многолюдности класса даже и при одномъ только учителѣ рекомендуется устраивать рядомъ двѣ классныя комнаты вмѣсто одной большой, такъ какъ опытъ показалъ, что контроль можетъ быть удовлетворительный и при одномъ лицѣ; въ случаѣ же приглашенія помощника учителя, двѣ комнаты представляютъ выгоды очевидныя. Кроме этого, рекомендуется устраивать особую классную комнату для возможныхъ специальныхъ занятій съ нѣкоторыми учениками по нѣкоторымъ предметамъ. При школѣ должна быть комната для учителя, которая служить вмѣстѣ съ тѣмъ и библіотекою школы, и хранилищемъ наиболѣе дорогихъ и деликатныхъ аппаратовъ, если для нихъ нѣтъ специальнаго помѣщенія. Эти требованія являются, относительно сельскихъ элементарныхъ школъ, и въ большей части школъ эти требованія болѣе чѣмъ выполнены.— Учителя въ Америкѣ не помѣщаются въ своихъ школахъ; они или помѣщаются у мѣстныхъ жителей, если нѣтъ дома, назначеннаго для учителя, или же въ домѣ, устроенномъ общиною для учителя, и дома эти строятся всегда вдали отъ школы вмѣстѣ съ прочими домами мѣстныхъ жителей.

Многолюдныя и высшія школы устраиваются соотвѣтственно числу и возрасту воспитанниковъ, помѣщаются обыкновенно въ трехъ и четырехъ и даже пятиэтажныхъ домахъ огромныхъ размѣровъ; причемъ общая сборная зала въ третьемъ этажѣ; гимнастическій залъ въ 4-й этажѣ, музеи, коллекціи, лабораторіи помѣщаются также въ верхнемъ этажѣ, а въ первомъ и второмъ этажѣ, собственно классныя комнаты. При этомъ въ смѣшанныхъ школахъ для женскаго и мужскаго пола и входы, и переднія, и рекреационныя комнаты, и гимнастическіе залы, и отхожія мѣста помѣщаются на противоположныхъ концахъ зданія, такъ что оба пола бываютъ вмѣстѣ только во время уроковъ при учителѣ или учительницѣ. Лѣтомъ пространства для отдыха и прогулки во время перерыва классныхъ занятій или училищныя дворы также раздѣлены для обоихъ половъ *).

VII. Меблировка классныхъ комнатъ.

О предметѣ этомъ писано такъ много на всѣхъ языкахъ, и онъ такъ хорошо изученъ, что мы здѣсь передадимъ самое существенное относительно меблировки американскихъ классныхъ комнатъ, основываясь, главнымъ образомъ, на личныхъ наблюденіяхъ, проверенныхъ чтеніемъ отчетовъ state и county superintendent' овъ.

Всю меблировку классныхъ комнатъ можно раздѣлить на четыре группы: 1) столы и сидѣнія для учащихся; 2) кафедра учителя; 3) черная доска и 4) смѣшанные предметы. Качество и количество этихъ предметовъ находятся, такъ же какъ училищныя дома, въ полной зависимости отъ средствъ жителей. Въ школахъ, помѣщающихся въ бревенчатыхъ избахъ, или локгаузахъ, находятся только длинныя скамьи и столы въ одну доску для учениковъ и столъ для учителя, и эти предметы грубой работы. Въ лѣсахъ, при тяжелой грубой работѣ, пионерамъ вѣтъ ни времени, ни средствъ думать о чемъ-либо изящномъ, или заботиться о педагогическихъ и гигиеническихъ требованіяхъ. Они и сами живутъ въ такихъ же локгаузахъ или даже въ землянкахъ, и очень рады, если имъ удастся хоть *какъ-нибудь* начать дѣло образованія своихъ дѣтей. Книжки имъ сюда высылаютъ книгопродавцы изъ большихъ городовъ; это, обыкновенно, старыя, вы-

*) Добросовѣстное изслѣдованіе объ училищной архитектурѣ вообще и американской въ частности составлено Бернардомъ: School Architecture Dr. Barnard, New-York, 1863 г.

шедшіе изъ употребленія учебники разныхъ авторовъ, разныхъ изданій—азбуки, читальники, арифметики, исторіи и т. п. Если въ нихъ есть чертежи, картинки, карты для объясненій, то ладно; а нѣтъ—учитель обходится, какъ съумѣетъ. Достоинство этихъ пособій—дешевизна, потому что скидка на такіе учебники доходить до 80 и даже 90%. А бѣднымъ поселенцамъ главное—дешевизна. Болѣе никакихъ пособій въ такихъ школахъ не полагается, или же учитель долженъ самъ приготовить, что можетъ; это, обыкновенно, и дѣлается.

Въ сельскихъ округахъ, вышедшихъ изъ примитивнаго, грубаго состоянія нужды и бѣдности, само собою разумѣется, меблировка классной комнаты обращаетъ на себя вниманіе, болѣе или менѣе серьезное. Тутъ являются и частыя пожертвованія мѣстныхъ богачей и выписка цѣлесообразной школьной мебели изъ большихъ центровъ, на средства населенія. При этомъ попечители школъ пользуются указаніями суперинтендентовъ просвѣщенія и лицъ педагогическаго надзора. Конечно, школы городскія, которыя и богаче сельскихъ и имѣютъ возможность дешевле пріобрѣсть нужныя вещи, меблированы вообще лучше сельскихъ. Но общей, однообразной системы въ этомъ отношеніи далеко еще нѣтъ. Въ одномъ и томъ же городѣ вы встрѣчаете школы, меблированныя прекрасно и цѣлесообразно во всѣхъ отношеніяхъ, и меблированныя очень дурно почти во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ дѣло обычной экономіи; едутъ пока вещь негодная или вредная въ педагогическомъ отношеніи изнашивается сама собою, чтобы замѣнить ее новою, болѣе цѣлесообразною. Какъ общее правило, и здѣсь то, что средне-учебныя, высшія и профессиональныя учебныя заведенія вообще меблированы и дорого, и хорошо, а элементарныя школы меблированы часто плохо, иногда сносно и иногда прекрасно.

Педагогическія воззрѣнія, выработанныя относительно меблировки классной комнаты американскими педагогами въ сущности тѣ же, что и европейскія. Американская могучая и изобрѣтательная промышленность представила массу прекрасныхъ образцовъ по всѣмъ частямъ цѣлесообразной меблировки учебныхъ заведеній всѣхъ наименованій. Огромныя фабрики и заводы для приготовленія этихъ предметовъ находятся во многихъ пунктахъ союза и въ состояніи выполнить, по сравнительно дешевой цѣнѣ, всякаго рода заказы, хотя бы дѣло шло здѣсь о миллионахъ. Благодаря этому, прекрасная, солидная, удобная, чугунно-

деревянная мебель классная дешевлетъ съ каждыиъ годомъ въ слѣдствіе многочисленности заказовъ, быстро распространяется по всѣмъ школамъ союза и вытѣсняетъ постепенно старую мебель нецѣлесообразнаго устройства, которая идетъ въ болѣе бѣдныя школы, чтобы со временемъ и здѣсь потерпѣть пораженіе.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ характерную черту американской промышленности, что хозяева заведеній, для приготовленія классныхъ принадлежностей, большею частію, люди свѣдущіе и опытные въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ въ былое время и сами были учителями; и при этомъ они внимательно слѣдятъ за всѣми уллучшеніями, какія гдѣ-либо придуманы, и спрашиваютъ совѣта и указаній извѣстныхъ педагоговъ и врачей. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, они готовятъ хорошаго качества предметы, а такъ какъ запросъ на хорошія, нужныя вещи постоянно растетъ, то они имѣютъ возможность удешевлять предметы своего производства. Такимъ образомъ, предприниматели имѣютъ хорошіе барыши, а школы хорошіе предметы, по недорогимъ цѣнамъ.

Господствующій, въ настоящее время, взглядъ американскихъ педагоговъ на меблировку классной комнаты, какъ мы замѣтили, почти не отличается отъ взгляда на это дѣло лучшихъ педагоговъ европейскихкихъ и заключается въ слѣдующемъ:

1) *По отношенію къ ученическимъ сидѣньямъ и столамъ.* Здѣсь всѣ педагоги единогласно признаютъ великую важность этихъ предметовъ и для здоровья учениковъ, и для ихъ физическаго развитія и рѣшительное значеніе этихъ предметовъ для правильнаго роста организма, въ виду того, что именно въ самый важный въ этомъ отношеніи возрастъ жизни дѣтямъ приходится сидѣть долго каждый день и въ теченіе многихъ лѣтъ. Поэтому они требуютъ, чтобы сидѣнья и пультиты (лат. pulpitum) учениковъ и устраивались, и располагались въ комнатахъ въ видахъ здоровья учениковъ; во-вторыхъ, чтобы ихъ устройство отнюдь не мѣшало занятіямъ учениковъ, не утомляло ихъ, и между сидѣньями могъ быть свободный проходъ и выходъ для учениковъ. Наставленій по этому предмету въ отчетахъ всѣхъ суперинтендентовъ такъ много, что изъ нихъ можно составить цѣлыя томы. Изъ всѣхъ существующихъ образцовъ школьной мебели считаются здѣсь наилучшими пультиты и сидѣнья, придуманные Бантеросомъ. Кресло ученика отдѣльное, сидѣнье деревянное, подвижное вверхъ и внизъ, круглой или квадратной формы; под-

нимается посредством винта на произвольную высоту. Пульпитъ съ горизонтальной доскою въ задней части и нѣсколько наклонной въ передней съ ящиками для книгъ и тетрадей. Сидѣнье и пульпитъ на чугунныхъ ножкахъ, привинченныхъ къ полу и т. д. Длина пульпита должна быть въ два фута, высота отъ 25 до 29 дюймовъ и ширина въ 18 дюймовъ. Сидѣнья должны быть отъ 12 до 16 дюймовъ. Въ этомъ отношеніи признается особенно авторитетнымъ мнѣніе Вирхова, который на вѣнской выставкѣ 1873 г. осмотрѣлъ всѣ образцы школьной мебели и далъ свое общее требованіе относительно этого предмета, съ гигиенической точки зрѣнія.

2) *Учительскій столъ*, по мнѣнію здѣшнихъ педагоговъ, долженъ быть въ каждой школѣ со всеми усовершенствованіями техники. Онъ долженъ имѣть шесть футовъ ширины и 15 дюймовъ высоты (т. е. безъ ножекъ) и долженъ быть раздѣленъ на два уровня или подъема. Столъ этотъ долженъ стоять на возвышеніи или платформѣ для цѣлей надзора за классомъ. Сзади платформы у сѣверной стѣны должна находиться:

3) *Черная доска*—предметъ первой важности при преподаваніи въ школѣ. Она должна быть, по крайней мѣрѣ, 4 фута ширины. Въ богатыхъ школахъ употребляютъ теперь или огромныя аспидныя доски, приготовленныя для этой цѣли, или же самую стѣну отдѣлываютъ чернымъ, чтобы она служила для цѣлей преподаванія, или прибавляютъ къ стѣнѣ особаго рода толстую клеенку (slated cloth), которая отдѣлывается посредствомъ specialнаго состава изъ графита и отлично служить для преподаванія. Вообще рекомендуется даже въ элементарныхъ школахъ имѣть не одну черную доску, а нѣсколько, чтобы можно было заставлять на нихъ работать возможно большее количество учениковъ въ то время, когда учитель новѣряетъ работы класса и т. п.

4) Изъ прочихъ классныхъ предметовъ признаны обязательными для хорошаго устройства школъ слѣдующіе предметы: часы стѣнные, звонокъ для сзыва и роспуска класса, кресла для посѣтителей школы, (которые во всѣхъ американскихъ школахъ всегда желанные гости), гардеробы для вѣшанья платья съ желѣзными крюками и кольцами, термометръ, коллекція географическихъ картъ, атласовъ и глобусы земной и небесный, счеты, и коллекціи для употребленія при предметныхъ урокахъ. Въ настоящее время, американскія школы съ каждою годомъ наполняются и быстро, и обильно всеми этими предметами, судя по

донесеніямъ ревизующихъ лицъ и отчетамъ суперинтендентовъ. Общія требованія относительно всей классной мебели заключаются здѣсь въ томъ, чтобы всѣ школьные предметы и пособія были красивы и пріятны по формѣ, хорошаго качества и хорошо отдѣланы: Этимъ имѣется въ виду достигнуть развитія, поддержания чувства прекраснаго въ дѣтяхъ, а съ другой стороны—пріучить ихъ беречь эти вещи и вообще обходиться съ ними осторожно.

VIII. Классификація американскихъ школъ.

Классификація во всякомъ предметѣ дѣло очень важное и вмѣстѣ очень трудное; но классификація американскихъ школъ представляетъ значительныя трудности, вслѣдствіе ихъ великаго разнообразія и по названіямъ, и по курсамъ, и по разнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Между тѣмъ, не уразумѣвъ классификацію школъ, нѣтъ возможности понять смысла, содержания и отношенія школъ между собою. Безъ этой классификаціи иностранный педагогъ похожъ здѣсь на путешественника въ неизвѣстномъ лѣсу безъ компаса и проводника. Трудность классификаціи американскихъ школъ увеличивается еще тѣмъ, что во всей американской педагогической литературѣ нѣтъ почти ничего на этотъ счетъ твердо установленнаго и опредѣленнаго; сами здѣшніе педагоги разногласятъ между собою иногда до противорѣчія. Чтобы отыскать ключъ къ этой классификаціи, авторъ вынужденъ былъ перечитать не мало программъ разныхъ учебныхъ заведеній и отчетовъ суперинтендентовъ штатовъ и, главнымъ образомъ, суперинтендентовъ графетвъ, и только послѣ этой скучной и кропотливой работы, автору удалось, какъ онъ не безъ основанія полагаетъ, отыскать искомое, т. е., установить такую классификацію школъ американскихъ, которая соотвѣтствуетъ *дѣйствительному* положенію дѣла.

Всѣ американскія школы, какъ это принято повсюду, можно раздѣлить на четыре категоріи: школы элементарныя, среднія, высшія и профессиональныя.

Элементарныя школы.

Элементарныя школы имѣютъ здѣсь три степени: 1) школа *первая* (primary school); 2) школа *вторая* (secondary school), которая называется также школою *промежуточною* (intermediate school, т. е., промежуточною между первою и грамматическою)

и школою дополнительною (advanced school) и 3) школа грамматическая (grammar school).

Первая школа (primary school) обнимаетъ собою три рода школъ, а именно: а) дѣтскій садъ; б) школы неорганизованныя (ungraded school) и школы организованныя (graded school).

Черезъ эту элементарную школу проходитъ *вся* масса американскихъ дѣтей. Такимъ образомъ, элементарная школа здѣсь въ ея трехъ формахъ: первичной, вторичной, или дополнительной и грамматической составляетъ въ самомъ широкомъ смыслѣ элементарную *народную* школу, *основу и начало* просвѣщенія и умственного развитія *всего* американскаго народа.

Тѣ лица, которыя не могли по какимъ-либо обстоятельствамъ получить элементарнаго образованія въ школахъ начальной, или элементарной, получаютъ его послѣ въ разныхъ формахъ въ специальныхъ для этой цѣли школахъ. По этому къ школахъ элементарной слѣдуетъ отнести: а) воскресныя школы, б) вечернія школы, в) школы для взрослыхъ. Въ элементарнымъ же школамъ слѣдуетъ отнести и школы слѣпыхъ, глухо-нѣмыхъ, слабоумныхъ и заведенія для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ и призрачныя сиротъ и брошенныхъ дѣтей. Всѣ такого рода заведенія, и по своему характеру, и по содержанію, и по цѣли, вполнѣ принадлежатъ къ начальнымъ, или элементарнымъ народнымъ школамъ, представляя собою весьма важное дополненіе къ общественнымъ народнымъ школамъ.

Средне-учебныя заведенія.

Заведенія эти носятъ въ Америкѣ разные названія; большею частию, они называются *высшими* школами (high school), т. е., высшими по отношенію къ школахъ элементарной. Очень многія изъ нихъ называются *академіями*; нѣкоторыя называются *семинаріями*, но при этомъ названіи здѣсь не слѣдуетъ предполагать ни образованія церковнаго, ни специально-педагогическаго; названіемъ семинаріи (отъ лат. semen — сѣмя) американцы перѣдко обозначаютъ всякое учебное заведеніе, потому что посредствомъ его сѣются сѣмена просвѣщенія—и только. Если же семинарія, имѣетъ церковный характеръ, то всегда прибавляется опредѣленіе: theological, т. е., теологическая, или богословская семинарія, такъ что въ Америкѣ употребленіе слово семинарія всего болѣе подходитъ къ нашему—гимназія, въ смыслѣ классическаго средне-учебнаго заведенія. Затѣмъ нѣкоторыя средне-учебныя заведенія

называются школами *приготовительными* (preparatory school), т. е., такими, которыя готовятъ для вступленія въ колледжъ или университетъ, *учебными институтами, латинскими школами.*

Высшія учебныя заведенія.

Высшія школы носятъ два названія: колледжей и университетовъ; болѣе употребительно колледжъ, который принято называть по-русски коллегією, но мы здѣсь вездѣ удержали его американское произношеніе.

Профессиональныя учебныя заведенія.

Профессиональные курсы находятся болѣею частью при колледжахъ и университетахъ, какъ ихъ факультеты. Но въ Соединенныхъ Штатахъ находится много профессиональныхъ учебныхъ заведеній, существующихъ самостоятельно. Здѣсь на первомъ мѣстѣ находятся школы для приготовленія учителей въ элементарныя школы, называемыя здѣсь *нормальными школами.* Далѣе существуютъ школы медицинскія, техническія, земледѣльческія, юридическія, теологическія и т. д.

Не смотря на нѣкоторые недостатки этой классификаціи американскихъ школъ, мы думаемъ, что при ея пособіи можно передать наиболѣе вѣрно связь и взаимное отношеніе учебныхъ заведеній между собою и ихъ относительное значеніе.

При пособіи этой схемы, читатель очень легко можетъ объять всю широкую область просвѣщенія въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ послѣдующихъ очеркахъ мы сообщимъ существенный характеръ и содержаніе школъ каждой степени просвѣщенія и представимъ, по возможности, краткое, но ясное и опредѣленное понятіе о каждомъ родѣ школъ съ спеціальнымъ названіемъ, начиная съ дѣтскаго сада и оканчивая обзоромъ профессиональныхъ учебныхъ заведеній.

Элементарное образованіе.

I. Первая школа (primary school).

Первая школа объимаетъ собою въ Америкѣ три рода учебно-воспитательныхъ учреждений: 1) дѣтскій садъ; 2) школы неорганизованныя (ungraded school) и школы организованныя (primary graded school). Разсмотримъ ихъ здѣсь каждую отдѣльно.

1) Дѣтскій Садъ.

Дѣтскіе сады въ Америкѣ, пока дѣло новое и только начинающееся; серьезнымъ образомъ взглянули здѣсь на идеи Фребеля относительно воспитанія дѣтей до школы только въ 1873 году. Но, не смотря на эту недавность, дѣтскіе сады стали распространяться очень быстро; множество очень образованныхъ и богатыхъ леди отнеслись къ развитію ихъ самымъ сочувственнымъ и дѣятельнымъ образомъ. Огромная масса публики, пока еще знаетъ объ этомъ дѣлѣ только по наслышкѣ или ничего не знаетъ; но идея дѣтскаго сада, хотя бы и не была вполне понятна съ ея педагогической стороны, то она подкупаетъ массу знакомящихся съ ней своею практическою очевидною выгодой и для дѣтей, и для матерей. Вѣдь дѣти отъ двухъ до пяти или шести лѣтъ, хоть и очень милыя созданія для матери, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень скучныя и надоедливыя, если съ ними возиться съ ранняго утра до поздняго вечера. Богатыя европейскія дамы это поняли давно, и чтобы избавиться отъ этой обязанности, онѣ придумали способъ воспитанія своихъ прелестныхъ малятокъ, своихъ ангеловъ, какъ они ихъ нѣжно называютъ, посредствомъ очень простаго способа, т. е. *найма чужихъ* людей, получающихъ ими или бонны, или гувернантки. Этимъ хранителямъ богатыхъ ангелочковъ и душекъ повелѣно, со стороны нѣжныхъ маменекъ, чтобы дѣти были всегда умыты, причесаны, чисто одѣты. Послѣ этого имъ *дозволяется* войти къ мамѣ съ бонной; мама подѣлуетъ дѣтокъ, помучитъ съ ними, проведетъ съ ними минутъ 5—10 и отправитъ ихъ гулять на весь день, а сама начинаетъ дѣлать, отдавать или принимать визиты, или готовится къ балу или театру, или просто къ танцевальному вечеру. Возвратится она домой поздно, и иногда зайдетъ въ дѣтскую, чтобы посмотреть малятокъ и поцѣловать ихъ, а иногда оставитъ эту нѣжность до слѣдующаго утра. Если же богатая, нѣжная и чувствительная дама находитъ общество своихъ дѣтей скучнымъ, то вполне закономерно и естественно, что въ небогатыхъ семьяхъ, особенно американскихъ, гдѣ обыкновенно прислуги не полагается, огромное большинство матерей было бы очень радо освободиться отъ милыхъ, но докучныхъ созданій часовъ на шесть или на восемь въ теченіи дня. Дѣти бы при этомъ не скучали и были бы подъ правильнымъ надзоромъ, а у матерей явилось бы болѣе досуга для работы и для обмундировки этихъ же милыхъ созданій.

Судя потому, что сдѣлано и дѣлается въ Америкѣ для распространенія идей дѣтскаго сада въ обществѣ и для устройства ихъ въ большихъ, многочисленныхъ центрахъ, можно съ увѣренностью ожидать, что не болѣе какъ черезъ десять лѣтъ трудно здѣсь будетъ найти поселеніе, гдѣ бы ихъ не было.

«Национальная Педагогическая Ассоціація (National Educational Association), самая вліятельная и авторитетная въ странѣ, на общемъ митингѣ въ 1873 году, въ Елмирѣ, рассмотрѣвъ и обсудивъ этотъ вопросъ всесторонне, установила слѣдующія положенія, принятыя собраніемъ:

1) «Рекомендовать дѣтскіе сады, какъ могущественныя средства для возвышенія начального воспитанія и для развитія и распространенія принциповъ здоровой воспитательной психологіи».

2) «Наставлять и вліять на вниманіи всѣхъ практическихъ воспитателей и педагогическихъ комитетовъ по отношенію къ важности хорошаго почина въ этомъ дѣлѣ и значенія дѣтскаго сада для начальной школы».

3) «Внушать и убѣждать, чтобы всѣ преподаватели, преимущественно женщины, изучали бы систему Фрѣбеля въ такой мѣрѣ, чтобы были въ состояніи основывать такія заведенія, и тѣмъ ускорить повсемѣстное ихъ распространеніе».

Послѣ этого, дѣло дѣтскихъ садовъ горячо приняла къ сердцу «Нѣмецко-Американская Ассоціація учителей», которая основала нѣсколько дѣтскихъ садовъ для образца, чтобы уяснить желающимъ дѣло на практикѣ.

Суперинтенденты просвѣщенія во всѣхъ своихъ годовыхъ отчетахъ стали не только отводить рубрику для статистики дѣтскихъ садовъ, но многіе изъ нихъ помѣстили и помѣщаютъ *полныя* трактаты о дѣтскихъ садахъ, ихъ началѣ, происхожденіи, значеніи, пользѣ въ педагогическомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ, — о всѣхъ 24 дарахъ дѣтскаго сада съ подробнымъ наставленіемъ, какъ ими пользоваться и проч. Къ этимъ трактатамъ прилагается, обыкновенно, множество рисунковъ и чертежей для объясненія.

Всѣ лучшія сочиненія о дѣтскихъ садахъ, въ настоящее время, переведены съ нѣмецкаго и появились самостоятельныя, очень дѣльные трактаты американокъ - педагоговъ, которые отнеслись къ этому дѣлу очень энергично и положили начала, какъ онѣ сами выражаются, развитію нѣмецкаго дѣтскаго сада въ нѣсколько преобразованной американской формѣ. На всемірной вы-

ставкѣ 1876 года въ Филадельфiи шесть штатовъ были, между прочимъ, и экспонентами дѣтскихъ садовъ; при чемъ были представлены описанiе хода занятiй, матеріалы для дѣтскихъ работъ, самыя работы дѣтей и 24 дара дѣтскаго сада. При этомъ также выставлена была полная коллекція книгъ, трактатовъ, и брошюръ относительно дѣтскихъ садовъ, и раздавались ежедневно десятки тысячъ мелкихъ брошюръ, въ которыхъ кратко изложена суть дѣтскаго сада публикѣ, даромъ.

Кромѣ этого, на выставкѣ были устроены два отдѣльные павильона со всѣми принадлежностями дѣтскаго сада, огромнымъ выборомъ всевозможныхъ матеріаловъ для работъ и занятiй дѣтей въ дѣтскомъ саду, а также полною литературою по этому предмету; при чемъ въ обоихъ павильонахъ находились лица, назначенные специально разъяснять публикѣ сущность дѣтскихъ садовъ, назначеніе и употребленіе матеріаловъ и способъ веденія сада. Мало этого: въ одномъ изъ павильоновъ три раза въ недѣлю, утромъ отъ 10 до 11 часовъ, собирались дѣти (около 20) малютки, которыя, проводили этотъ часъ въ разныхъ занятiяхъ, подъ руководствомъ учительницы. Дѣти держали себя очень мило, тѣмъ болѣе, что публикѣ не дозволялось входить въ самый павильонъ въ это время, а только смотрѣть въ окна. А такъ какъ на выставкѣ перебывало до 10 милліоновъ посѣтителей; то навѣрно тысячъ сто хотя нѣсколько познакомились съ неслышаннымъ и невиданнымъ для большинства дѣломъ. Вѣдь извѣстно «чтобы дѣтей родить, кому ума не доставало»; но чтобы ихъ воспитать—тутъ дѣло другое.

Въ отчетахъ Педагогическаго Бюро (Bureau of Education) съ 1873 г. появляется ежегодно отчетъ о дѣтскихъ садахъ, и они рассматриваются здѣсь, какъ звено въ системѣ народнаго образованія.

Въ отчетѣ за 1876 г. мы находимъ слѣдующія статистическія данныя о дѣтскихъ садахъ.

Въ 1873 г. ихъ было 42; въ 1874—55; въ 1875—95; въ 1876—149; въ нихъ руководительницъ около 400 и свыше 4000 дѣтей. Наибольшее количество дѣтскихъ садовъ въ штатахъ Миссури (25), Нью-Йоркѣ (20) и Пенсильваніи (13).

Представивъ статистику дѣтскихъ садовъ, рапортъ говоритъ по этому слѣдующее:

«Данныя относительно дѣтскихъ садовъ очень ободрительны. Сравненіе между 1875 и 1876 г. показываетъ значительный ихъ

рость. Правда 4000 дѣтей—ничтожное количество со всею массою дѣтскаго населенія, годнаго для дѣтскаго сада, но надо обратить вниманіе, что эти дѣти разсѣяны по всей территоріи союза, и дѣтскіе сады могутъ широко вліять въ своемъ районѣ, показывая правильное руководство при воспитаніи дѣтей тѣмъ, у кого или есть свои дѣти или кому приходится вообще имѣть дѣло съ дѣтьми.»

«И если гдѣ слишкомъ многіе придавали значеніе учебникамъ и книгамъ при воспитаніи, если методы обученія были слишкомъ отвлечены и разрушительны для дѣтской природы,—въ такихъ случаяхъ дѣтскій садъ укажетъ спасительное средство. Обученіе въ дѣтскомъ саду должно быть для публики, какъ оно есть и на дѣлѣ, вполне отлично отъ того, что называется предметными уроками, равно какъ и отъ того, что называется, чистою игрою.»

«Удобства, представленныя выставкою, чтобы ознакомить публику съ идеею дѣтскаго сада родителей и учителей, по всему видно, достигли своей цѣли». Далѣе, въ рапортѣ мы находимъ слѣдующіе факты:

«Одинъ господинъ во Флоренціи (въ Массачузетсѣ) устроилъ у себя для опыта дѣтскій садъ для своихъ дѣтей и для дѣтей своихъ сосѣдей. Ознакомившись, такимъ образомъ, съ дѣломъ, онъ построилъ особое зданіе въ 64 фута длины и 40 футовъ ширины, въ два этажа, съ бельведеромъ (attic) снабдилъ это зданіе холодною и теплою водою, устроилъ въ немъ хорошую вентиляцію, защитилъ отъ яркаго солнечнаго свѣта и украсилъ его картинами и живыми растениями. Въ дополненіе онъ сдѣлалъ къ главному зданію нужныя пристройки. Сюда онъ перевелъ свой дѣтскій садъ и началъ вести его въ широкомъ размѣрѣ. Полный успѣхъ оправдалъ дѣло; интересъ къ дѣтскому саду растетъ и увеличивается особенно потому, что матери приходятъ сюда *сами*, знакомятся съ дѣломъ и дѣлаютъ ежемѣсячные митинги съ руководителемъ сада.»

«Такъ какъ, замѣчаетъ отчетъ, по законамъ всѣхъ штатовъ, дѣти допускаются въ общественную школу не ранѣе 4, 5, 6, лѣтъ, то дѣтскіе сады могли бы служить отличнымъ подготовленіемъ къ начальной школѣ, если бы жители не боялись излишнихъ издержекъ.» Опытъ дѣтскаго сада *въ связи съ общественными школами* началъ въ 1870 г. въ *Бостонѣ*. Въ *Сен-Луисѣ* дѣтскій садъ составляетъ часть *общественной* системы воспитанія. Суперинтендентъ городскихъ школъ Сен-Луиса, Гаррисъ,

внимательный наблюдатель хода и результатов дѣтскаго сада, въ своемъ обширномъ годичномъ отчетѣ, заявляетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Предложеніе миссъ Сузи Е. Блау, взять на свою обязанность безвозмездно приготовить учительницу, назначенную педагогическимъ совѣтомъ, наблюдать и управлять дѣтскимъ садомъ, если только педагогическій совѣтъ приготовить помѣщеніе для сада и назначить учительницѣ жалованье, было принято въ августѣ 1873 года, и миссъ Мери А. Тимберлекъ, одна изъ учительницъ начальной школы, была назначена для опыта. Подъ вліяніемъ энтузіазма и замѣчательной практической проицательности миссъ Блау, дѣтскій садъ вскорѣ обнаружилъ результаты изумительные: образованіе привычекъ чистоты и вѣжливости стало сразу видно и успѣшно. Но умственное развитіе въ производствѣ математическихъ комбинацій еще болѣе удивительно. Геометрія и ариметика, казалась, срались въ умахъ дѣтей. Ихъ способности были упряжны надъ распознаваніемъ формы, вида и числа и ихъ комбинацій. Это упражненіе въ точности и количествахъ послужило противовѣсомъ фантазіи и воображенію. Разныя ручныя занятія — рисованіе, свертываніе бумаги въ изящныя формы, выкалыванье, вышиванье, построенія изъ палочекъ и гороху, лѣпка изъ глины упражняли руку и глазъ. Повидимому, замѣчаетъ Гаррисъ, Фрѣбель имѣлъ въ виду преимущественно воспитаніе поколѣнія людей трудолюбивыхъ и полезныхъ.»

Тотъ же суперинтендентъ Сен-Лука въ своемъ отчетѣ за 1875 г. сообщаетъ, что семь дѣтскихъ садовъ находятся въ полной связи съ общественными школами, и все число дѣтей въ этихъ садахъ равно 460. При этомъ онъ сообщаетъ на основаніи своихъ наблюденій слѣдующіе выгодные результаты дѣтскихъ садовъ:

1) «Дѣти изъ дѣтскихъ садовъ съ большею готовностью подчиняются школьной дисциплинѣ;

2) «Среднее пониманіе дѣтей дѣтскаго сада значительно выше пониманія дѣтей, вошедшихъ въ школу безъ предварительной подготовки; первые болѣе точны въ наблюденіи, и схватываютъ мысли и понятія съ большею быстротою и точностью, чѣмъ прочіе дѣти.

3) «При высшемъ общемъ развитіи эти дѣти показываютъ особенную способность въ ариметикѣ, рисованіи и естественныхъ наукахъ, и могутъ выражать то, что они знаютъ, съ большею точностью, правильностью и быстротою.»

Какъ на фактъ полнаго непониманія идеи дѣтскихъ садовъ встрѣчаются въ отчетахъ суперинтендентовъ сообщенія о нѣкоторыхъ слишкомъ практическихъ родителяхъ, которые *требуютъ*, чтобы ихъ дѣтей въ дѣтскомъ саду учили обыкновенной азбукой и цифири, т. е. ариметикѣ.

Идея, лежащая въ основѣ дѣтскаго сада, такъ глубока и всеобъемлюща, что не только далеко не всѣ папеньки и маменьки могутъ ее понять вполне, а существуютъ еще многіе и многіе педагоги, которые въ простотѣ своего невѣжества позволяютъ себѣ потѣшаться надъ дѣтскими садами, якобы разрушающими связь между родителями и дѣтьми и дѣлающими дѣтей машинами. Да будетъ невѣжество извинительно родителямъ и да будетъ стыдно педагогамъ, которые вмѣсто того, чтобы постараться понять великую идею, смѣются надъ нею!

2) *Начальныя неорганизованныя школы* (primary ungraded schools).

Въ буквальной переводѣ ungraded school означаетъ школу, не имѣющую степеней (grade—степень, ступень). Это значитъ, что въ такой школѣ учатся дѣти и юноши разныхъ возрастовъ, т. е., въ періодъ называемый «учебнымъ возрастомъ», (school-age), который, какъ мы видѣли, различенъ въ разныхъ штатахъ, начинается съ 4, 5, 6 лѣтъ и оканчивается 17, 18, 19, 20 и 21 годами. Въ этомъ возрастѣ все учебное населеніе имѣетъ право и даже обязанность учиться въ школѣ. А такъ какъ сельскія школы очень разбросаны и имѣютъ большею частью одного учителя или учительницу, то въ одной и той же школѣ одновременно въ учебные часы собираются дѣти обоюго пола всѣхъ возрастовъ и разныхъ познаній. То есть, одни приходятъ въ первый разъ въ школу, другіе уже учились три, четыре и болѣе года. Ребенокъ 6—7 лѣтъ учился вмѣстѣ съ юношами или дѣвушками 14, 15, 16 и болѣе лѣтъ. При этомъ всякій учащійся имѣетъ свои, добытыя родителями книги и слѣдуетъ подъ руководствомъ учителя своему особенному курсу. Типъ этихъ школъ очень знакомъ всякому, кто бывалъ въ народныхъ школахъ Европы; потому что онѣ, этого типа школы, находятся одинаково и въ Англии, во Франціи, Германіи, Италіи, Испаніи, Россіи и прочихъ странахъ. Мы называли такія школы «неорганизованными», перевода американское ungraded, потому что въ сущности оно такъ и есть.

Эти неорганизованныя школы въ Америкѣ *преобладаютъ въ сельскихъ округахъ* и, конечно, въ начинающихся поселеніяхъ составляютъ единственную форму школы. Въ городахъ такія школы тоже встрѣчаются, но какъ исключеніе. Вообще же въ городахъ преобладающая форма школъ противоположная этой формѣ, называемая *graded school*, т. е., школа со степенями, или организованныя. Мы говоримъ: «преобладаетъ», указывая тѣмъ, что эта форма школы не есть исключительная.

Почти всѣ педагоги и просвѣщенные люди въ Америкѣ относятся враждебно къ такимъ неорганизованнымъ школамъ, и сами жители, обыкновенно, какъ только въ состояніи, реформируютъ, обыкновенно, *ungraded school* въ *graded*.—Война противъ этихъ школъ идетъ непрерывная и въ педагогической, періодической печати, и въ отдѣльныхъ трактатахъ, и въ отчетахъ суперинтендентовъ, и лицъ педагогическаго надзора, которыя всѣ въ одинъ голосъ требуютъ уничтоженія этихъ школъ и замѣны ихъ школами организованными. Но при этомъ походѣ противъ этихъ школъ приходится бороться съ двумя обстоятельствами—частію съ недостаткомъ денегъ, а частію съ непониманіемъ дѣла мѣстныхъ попечителей, *привыкшихъ* къ такимъ, а не инымъ школамъ. Кромѣ того, судя по нѣкоторымъ отчетамъ, при обращеніи этихъ школъ въ организованныя, онѣ должны будутъ въ административномъ отношеніи находиться подъ главнымъ контролемъ графства. Понятно, что Педагогическій Совѣтъ графства, такимъ образомъ, поглотитъ всю распорядительную власть надъ школами, оставя мѣстному попечительству надзоръ за тѣмъ, что установлено не мѣстнымъ попечительствомъ; такимъ образомъ, мѣстные воротилы школъ превращаются въ исполнителей высшей власти вмѣсто законодателей, какъ теперь. Стало быть, ихъ значеніе уменьшается, и они уже не будутъ въ состояніи допускать въ школу своихъ сыновей, дочерей, племянниковъ и племянницъ въ качествѣ учителей, какъ это теперь иногда дѣлается, судя по отчетамъ нѣкоторыхъ ревизующихъ лицъ.

Кромѣ этихъ практическихъ препятствій, есть защитники этой системы и въ теоріи, хотя, по счастью, очень мало. Такъ, напр., въ Национальной Педагогической Ассоціаціи, при обсужденіи вопроса объ устройствѣ и организаціи элементарныхъ школъ, въ 1874 г., одинъ изъ извѣстныхъ педагоговъ Уайтъ (White) говоритъ въ защиту этихъ школъ слѣдующее: Предлагаемая система *graded school* требуетъ, чтобы ученики одной и той же степени (*grade*)

посѣщали школу регулярно, чтобы они обладали одинаковыми познаниями, одинаковою умственною воспримчивостію, одинаковою силою (vigor), одинаковымъ домашнимъ надзоромъ и помощію, и чтобы въ то же время и сами учителя владѣли одинаковымъ искусствомъ и способностью. Но на дѣлѣ такого единообразія не существуетъ. Учителя обладаютъ различною силою и способностью. Ученики приходятъ въ школу не въ одномъ и томъ же возрастѣ; нѣкоторые изъ нихъ посѣщаютъ школу только часть учебнаго времени; другіе ходятъ въ школу не регулярно; и члены одного и того же класса владѣютъ разными способностями и имѣютъ разныя домашнія условія и удобства. Этотъ недостатокъ единообразія *въ условіяхъ* дѣлаетъ весь механизмъ защищаемой системы *graded school* несовершеннымъ, и тенденція привести къ единообразію такое разнообразіе приведетъ только къ тому, что мы будемъ имѣть хорошую форму, при отсутствіи соотвѣтствующаго содержанія, и принесемъ индивидуальныя потребности учениковъ въ жертву большинству?—Такъ что, по мнѣнію Уайта и его единомышленниковъ, успѣхъ образованія и развитія можетъ быть полнѣе и лучше, если учитель будетъ заниматься съ каждымъ ученикомъ особо, какъ это и есть въ неорганизованныхъ школахъ.

Противники же неорганизованныхъ школъ возражаютъ, что, при отсутствіи правильной организаціи школы по степенямъ знанія учениковъ, тратится много времени у учителя непроизводительно; выслушиваніе каждаго ученика и занятіе съ нимъ дѣлаются слишкомъ послѣшно, и при этомъ нѣтъ между дѣтьми соревнованія—могучаго стимула успѣховъ. Организованныя же школы представляютъ слѣдующія выгоды: 1) Онѣ сохраняютъ время при обученіи. 2) Онѣ стоятъ дешевле, потому что одинъ учитель можетъ сдѣлать въ *graded school* болѣе, чѣмъ въ неорганизованной въ состояніи сдѣлать два или три учителя. 3) Обученіе можетъ быть производительнѣе, когда учитель занимается съ цѣлою группою, а не съ отдѣльными единицами, потому что здѣсь представляется болѣе случаевъ для объясненія, разсужденій и т. д. 4) Въ организованныхъ школахъ удобнѣе поддерживать дисциплину, потому что всѣ ученики находятся постоянно подъ контролемъ учителя, и всѣ ученики одинаково заняты ходомъ преподаванія. 5) Между дѣтьми является соревнованіе, чего не можетъ быть, если каждый сдѣдуетъ индивидуальному курсу. Но, не смотря на всѣ эти преимущества школы организованной, какъ мы замѣтили, большинство сельскихъ школъ (*district или rural schools*) принад-

лежитъ къ неорганизованнымъ школамъ и ведется также, большею частью, однимъ учителемъ.

Но такъ какъ и общественное мнѣніе, и печать, и педагоги—практики и теоретики признали *въ принципѣ* преимущество организованныхъ школъ (graded) надъ неорганизованными (unggraded); то, очевидно, дѣло здѣсь зависитъ только отъ времени. И на сколько недовѣрчиво относятся къ неорганизованнымъ школамъ въ союзѣ, видно изъ того, что для этихъ школъ почти нѣтъ частныхъ пожертвованій. Пособія же изъ учебнаго фонда Пибоди неорганизованнымъ школамъ вовсе не выдаются.

Предметы обученія, ихъ объемъ и характеръ тѣ же, что и въ школахъ организованныхъ, поэтому мы говоримъ о нихъ вмѣстѣ, далѣе.

3) *Начальныя организованныя школы* (primary graded schools).

Этотъ родъ школъ преобладаетъ въ городахъ и большихъ населеніяхъ. Возрастъ для вступленія въ нихъ тотъ же, что и для неорганизованныхъ школъ, смотря по законамъ штата.

Курсъ обученія, то есть, продолжительность обученія въ нихъ различна. Въ нѣкоторыхъ штатахъ и городахъ, гдѣ нѣтъ школъ промежуточныхъ или дополнительныхъ между первичною школою и грамматическою, *время курса* бываетъ *восемь и десять лѣтъ*; тамъ же, гдѣ между primary school и grammar school есть школы промежуточные или дополнительные, курсъ продолжается *четыре и пять лѣтъ*, остальные четыре или три года идутъ къ школъ дополнительной.

Школы эти, по справедливости, можно назвать организованными.

Въ нихъ учить не одинъ учитель, а всегда нѣсколько. Смотра по количеству и качеству учащихся, школа раздѣляется на классы, которые ведутся правильно, какъ это, напримѣръ, дѣлается у насъ въ высшихъ классахъ гимназій. Называются же они graded, т. е., имѣющими степени, потому что *каждый классъ дѣлится*, по усилхамъ учениковъ, на спеціальныя *группы*, называемыя grade, или степень. Такимъ образомъ, школа можетъ имѣть пять классовъ; но каждый классъ неофициально, такъ сказать, а домашнимъ образомъ дѣлится на известное число группъ съ тѣмъ, чтобы равносильные воспитанники шли вмѣстѣ, и учитель дѣлаетъ переводъ дѣтей изъ одной группы въ другую самъ, по своему усмотрѣнію. Цѣль этого раздѣленія

та, чтобы дать всѣмъ ученикамъ работу, соотвѣтственно ихъ силамъ, такъ, чтобы къ концу года весь классъ сравнялся въ успѣхахъ. При чемъ въ нѣкоторыхъ школахъ дозволяется, если ученики желаютъ, увольнять отъ школы тѣхъ изъ нихъ, которые успѣли окончить извѣстный годичный курсъ ранѣе срока, въ видѣ награды и поощренія. Каждая группа или степень (grade) экзаменуется въ извѣстные сроки (въ школахъ Сен-Луиса каждая 10 недѣль), и дѣлается общій официальный переводъ изъ одной группы въ другую. Такъ что при этой системѣ мѣрою приняты способности и успѣхи учениковъ, а не формальныя, внѣшнія требованія.

Нѣкоторые американскіе педагоги возражаютъ противъ этой системы, находя въ ней слѣдующія неудобства: 1) Эта система поощряетъ или можетъ поощрять поверхностность знаній, быстрое, но неосновательное усвоеніе изучаемыхъ предметовъ, при чемъ *quod cito fit, cito perit*. 2) Она можетъ побуждать учителя обращать исключительное вниманіе на учениковъ съ блестящими способностями и мало обращать вниманіе на учениковъ съ средними или слабыми способностями, потому что, если переводы изъ группы въ группу, изъ класса въ классъ окажутся блестящими, то это дастъ учителю вѣсъ и авторитетъ. 3) Эта система лишаетъ учениковъ возможности медленно, постепенно проходить назначенный курсъ, побуждая ихъ торопиться переходомъ изъ группы въ группу и изъ класса въ классъ безъ прочно усвоенныхъ знаній въ курсъ предыдущемъ.

Опасности эти признаютъ и защитники организованныхъ школъ и придумываютъ соотвѣтствующія мѣры, удлиняя время между экзаменами и строго экзаменуя.

Сверхъ этого, съ педагогической точки зрѣнія, нѣкоторые американскіе педагоги находятъ, что при этой системѣ, съ строго опредѣленными курсами для каждаго года, класса и даже для каждаго почти мѣсяца учителю предоставлено очень мало самостоятельности и самодѣтельности; онъ слишкомъ *связанъ* программами. Чтобы противодействовать этому неудобству и предоставить учителю болѣе простора, обыкновенно назначаютъ, въ такомъ случаѣ, работу учителю или на цѣлый годъ, или на полугодіе, требуя чтобы работа *опредѣленная* была окончена къ назначеннымъ срокамъ или сроку, а затѣмъ распределеніе этой работы по недѣлямъ или мѣсяцамъ предоставляется усмотрѣнію учителей самихъ.

II. Вторая степень элементарнаго образованія.

Вторая школа (secondary school).

Вторыя школы (secondary schools) называются такъ потому, что въ нихъ поступаютъ ученики, уже прошедшіе первую школу съ четырехъ или пяти-лѣтнимъ курсомъ.

Эти школы называются также *дополнительными* (advanced school), въ томъ смыслѣ, что въ нихъ продолжается и дополняется образованіе, полученное въ первой (primary) школѣ. Эти школы называются также *промежуточными* или *посредствующими* (intermediate school) въ томъ смыслѣ, что образованіе, получаемое въ нихъ, служитъ переходною ступенью къ третьей, высшей степени элементарнаго образованія, школѣ грамматической. Но всѣ эти названія обозначаютъ одинъ и тотъ же предметъ, и различіе ихъ происходитъ отъ той точки зрѣнія, съ которой смотрять на нихъ.

Какъ извѣстно, такого рода школы получили почти повсемѣстное развитіе въ Германіи, Швейцаріи, Австро-Венгрии, государствахъ Скандинавскихъ, Бельгіи и Голландіи. Въ послѣднее время, объ учрежденіи ихъ стали заботиться во Франціи, Англии, Италіи и даже въ Испаніи; въ Россіи школъ такого характера пока еще нѣтъ. Въ Америкѣ же они прочно и повсемѣстно вошли въ систему народнаго просвѣщенія во всѣхъ штатахъ, составляя вмѣстѣ съ школами грамматическими полный и законченный кругъ элементарнаго образованія. Но здѣсь онѣ легко могутъ ускользнуть отъ вниманія изслѣдователя, если онъ будетъ полагаться на одни имена, не основываясь на курсахъ и учебникахъ школъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этихъ дополнительныхъ школъ нѣтъ, а только школы: первая и грамматическая. Это значитъ, что эта вторая школа слита съ primary въ одно цѣлое, и, въ такомъ случаѣ, курсъ послѣдней обнимаетъ, обыкновенно, восемь или девять лѣтъ, послѣ чего дѣти переходятъ прямо въ грамматическую школу. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ есть школа дополнительная, первая школа имѣетъ, обыкновенно, четырехъ или пяти-лѣтній курсъ, при чемъ ученики переходятъ изъ primary въ secondary, т. е., школу дополнительную, гдѣ они продолжаютъ свое образованіе въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ (очень рѣдко три года) и уже изъ этой школы переходятъ въ школу грамматическую.

Изъ этого видно, что этого рода школы составляютъ въ сущности *продолженіе* первой школы. Здѣсь преподаются тѣже предметы, что и въ первой школѣ, только, конечно, полнѣе и обстоятельнѣе и вводятся иногда новые предметы.

В. Миропольскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Судьбы французскихъ крестьянъ.

E. Bonnemère. Histoire des paysans. 2 edition entierement refondue et considerement augmentée. 2 v. Paris. 1874.

H. Taine. Les origines de la France contemporaine. L'ancien régime. 3 édition. Paris. 1876.

A. Monteil. Histoire agricole de la France, avec l'introduction, supplement et notes par Ch. Louandre. Paris. 1872.

Daretre-de-la Chavanne. Histoire des classes agricoles en France. 2 edition. 1858.

L. Lavergne. L'economie rurale de la France. 1867.

Cobden-Club Essays, 1 serie. 1871.

I.

Въ древней Галліи не было ни рабства, ни частной поземельной собственности. Земля ежегодно передѣлялась между колѣнами и семействами, которыя жили вмѣстѣ и хотя зависѣли отъ своихъ вождей, но сами пользовались плодами земли, обрабатываемой, впрочемъ, не столько ими, сколько ихъ женами. Галлы храбро дрались съ римлянами за свободу отечества и, будучи уже побѣждены, возстали снова, чтобы освободить его отъ иностранныхъ грабителей. Но Цезарь съ римскими легионами, опустошивъ всю Галлію, вторично покорилъ ее въ 50 г. до Р. X. Это варварское вторженіе иностраннаго завоевателя радикально измѣнило социальныя отношенія галловъ, и масса народа была обращена въ болѣе или менѣе тяжкую рабскую зависимость, существовавшую болѣе, чѣмъ въ двадцати различныхъ формахъ, которыя, однако, можно раздѣлить на три главныхъ рубрики. *Рабы* находились въ положеніи, одинаковомъ съ рабочими животными, и господинъ дѣлалъ съ ними, что хотѣлъ. *Колоны* были приписаны къ господской земли, безъ которой господинъ не имѣлъ права продавать ихъ, и за которую они платили налогъ. Владѣлецъ могъ наказывать ихъ тѣлесно наравнѣ съ рабами, но не

имѣлъ права казнить ихъ смертью. *Летты* получали землю отъ правительства, платя за нее налоги и отбывая натуральныя повинности и, между прочимъ, военную. Они могли сойти со своей земли, но вато и правительство всегда могло согнать ихъ съ нея.

Щады по возможности высшія сословія и, такимъ образомъ, привлекая ихъ на свою сторону, римляне съ особенною силою налегали на народную массу и разоряли ее въ конецъ. Каждое насиліе, каждый разбойничій захватъ, повторившись нѣсколько разъ, становились сначала обычаемъ, а потомъ переходили въ законъ, и этотъ законъ, порожденный насиліемъ, поддерживался тѣмъ же насиліемъ. Все было обложено и переобложено налогами, даже за солнечный свѣтъ платилась особая подать, *solagium*.... Неоплатныхъ должниковъ и недоимщиковъ бросали въ тюрьмы, подвергали штрафамъ, пыткамъ, засѣкали плутами, казнили смертью и вынуждали занимать деньги за чудовищные проценты у римлянъ и богатыхъ галловъ. Народъ впадалъ въ ужасную кабалу. «Внутренности бѣдняковъ, вдовъ и сиротъ пожирались этими кредиторами», говоритъ Сальвіанъ. Громадныя суммы поглощались этими ростовщиками и римскими чиновниками, и не менѣе громадныя суммы отсылались въ Римъ. Галлы посылали къ цезарямъ депутаціи съ жалобами; но цезари оставались глухи къ нимъ, потому что сами участвовали въ добычѣ. Случалось, что повелители Рима, нуждаясь въ деньгахъ, посылали въ Галлію указъ казнить смертью нѣсколько человекъ и конфисковать ихъ имущества. Земледѣліе падало; страна разорялась; голодные крестьяне цѣлыми толпами отдавались въ рабство изъ-за куска хлѣба; всюду блуждали нищіе. Чтобы искоренить нищихъ, съ которыхъ уже рѣшительно нечего было взять, Галерій велѣлъ сажать ихъ на суда, вывозить въ открытое море и топить тамъ....

Распространеніе христіанства вдохнуло нѣкоторыя надежды въ народную массу. Новая религія говорила о братствѣ, о равенствѣ, о спасеніи воихъ людей. Какъ вездѣ, такъ и въ Галліи проповѣдь евангелія увлекла преимущественно «трудящихся и обременныхъ», рабовъ, крестьянъ, бѣглецовъ и разныхъ отщепенцевъ общества. Старый, рабовладѣльческій міръ, почуявъ въ новой вѣрѣ своего врага, началъ преслѣдовать ее всѣми средствами тираніи. Въ Галліи римляне пользовались религіей; какъ предлогомъ, чтобы грабить жителей и терроризировать враждебную имъ массу народа. Галлы низшихъ сословій, и преимуще-

ственно христіане, разбѣгались отъ преслѣдователей и, составляя бунтовскія шайки, начали продолжительную междуусобную войну, принявъ названіе *багодовъ* (отъ гальскаго *bagod*, толпа, сволочь). Они сражались вмѣстѣ и за свою свободу, и за свою новую вѣру. «Какія другія причины, говоритъ современникъ-римлянинъ,—сдѣлали ихъ бунтовщиками, какъ не наши несправедливости, не подлость нашихъ чиновниковъ, не ихъ проскрипціи и грабежи! Они не управляютъ, ввѣренными имъ людьми, но пожираютъ ихъ, какъ хищные звѣри; они не довольствуются тѣмъ, чтобы грабить ихъ, какъ разбойники, но растерзываютъ ихъ и, можно сказать, питаются ихъ кровью. И вотъ, эти люди, угнетенные и погибавшіе подъ безчеловѣчнымъ управленіемъ, превратились въ варваровъ, потому что имъ не дали сдѣлаться римлянами.» Эти варвары заставили трепетать Римъ, и владыки вѣчнаго города безуспѣшно старались усмирить мятежъ въ продолженіи нѣсколькихъ царствованій. Но, въ концѣ-концовъ, крестьянское дѣло все-таки потерпѣло неудачу. Багоды были усмирены и оставшіеся живыми отъ преслѣдованій снова обращены въ рабство. Затѣмъ Галлію покорили франки и упрочили рабство. Наконецъ, идея багодовъ была совершенно подавлена, когда въ странѣ утвердилось католическое духовенство и осватило рабство.

II.

Съ нашествіемъ франковъ началось развитіе феодализма. Въ продолженіи столѣтій французская земля раздроблялась между королями, воинами и духовенствомъ. Тысячи смѣлыхъ и сильныхъ воиновъ получали себѣ отъ королей земельные надѣлы, составляли шайки и съ ними опустошали страну, поработали жителей, заставляли ихъ строить для себя и для своей дружины укрѣпленные замки, дѣлались независимыми владѣтелями, баронами, графами, герцогами, покровительствовали болѣе слабымъ сеньорамъ, или же сами находились подъ покровительствомъ болѣе сильныхъ. Все было основано на правѣ силы, все находилось въ хаотическомъ броженіи; какъ рабство, такъ и власть имѣли сотню различныхъ проявленій и названій, были сеньоры, завистлившіе отъ другихъ, были и рабы, имѣвшіе своихъ рабовъ. Сеньоры происходили не изъ однихъ воиновъ, участвовавшихъ въ завоеваніи страны, но также и изъ храбрыхъ собственниковъ земель, воинственныхъ епископовъ и аббатовъ, разбойниковъ, дѣлавшихся

осѣдлыми и другихъ счастливыхъ авантюристовъ. «Предки Роберта Сильнаго, говоритъ Тэнъ, неизвѣстны, и рассказываютъ, что Капеты происходили отъ одного парижскаго мясника. Какъ бы то ни было, благородный былъ тогда храбрымъ сильнымъ человекомъ, искусно владѣвшимъ оружіемъ, который во главѣ своей шайки вмѣсто того, чтобы бѣжать и платить выкупъ, стоитъ грудью, держится храбро и защищаетъ своимъ мечомъ занятый имъ кусокъ земли.» Всѣ эти бароны были народъ полудикій, грубый, воинственный. «Въ тѣ времена, говоритъ Лѣтопись, короли, графы, дворяне и всѣ рыцари, чтобы быть постоянно готовыми на всякій случай, держали своихъ лошадей въ той же залѣ, въ которой они спали съ своими женами.» Эта зала, устланная вмѣсто ковра древесными листьями и соломой, сплошь и рядомъ, служила также мѣстомъ сна и отдыха всадниковъ, составлявшихъ свиту барона. Земля была подѣлена между этими баронами, церковью и королями. Во Франціи, по исчисленію Монтейя, было до ста тысячъ феодальныхъ владѣній, собственники которыхъ мало заботились о земледѣліи, и оно находилось въ самомъ жалкомъ состояніи, какъ по малочисленности запашекъ и питательныхъ растений, такъ и по своимъ первобытнымъ хищническимъ приемамъ, быстро истощавшимъ землю. Феодаламъ было не до земледѣлія. Настроивъ себѣ на вершинахъ неприступныхъ скалъ и холмовъ, въ глубинѣ лѣсовъ, подъ защитою рѣкъ и болотъ прочныя замки, съ массивными стѣнами, съ глубокими рвами, съ высокими башнями, съ обширными дворами, предназначенными для охраны и убѣжища всего, что могло спастись въ нихъ при нашествіи врага, — феодалы защищались въ нихъ отъ королей и другихъ непріятелей и дѣлали изъ нихъ разбойническіе набѣги на села. Число этихъ замковъ постепенно возрастало, не смотря на то, что короли и крупные феодалы вѣчески старались помѣшать своимъ вассаламъ строить ихъ. Для самыхъ незначительныхъ вассаловъ эти замки были необходимы, чтобы защищать своихъ мужиковъ отъ набѣговъ безчисленныхъ рыцарей кулачнаго права и защищаться самимъ отъ воинственныхъ шаекъ, разносившихъ по странѣ смерть и опустошеніе. Владѣтели этихъ замковъ жили войной, а войною въ варварскій періодъ среднихъ вѣковъ назывались разбой, грабежъ, воровство. Эти замки, такимъ образомъ, были притонами разбойниковъ, которые, обогащаясь грабежомъ, дѣлались «благородными» и передавали по наследству своимъ потомкамъ и свои богатства, и свое

благородство. О разбойническомъ характерѣ бароновъ можно судить по слѣдующей письменной исповѣди, которую принесъ первыи одинъ изъ нихъ, раскаявшись на закатѣ дней своихъ, подобно Васкѣ Буслаеву, который тоже говорилъ: «много было бито, много граблено, подѣ старость надо и душа спасти!» «Каждый разъ, говоритъ упомянутый баронъ, какъ мною овладѣвалъ пылъ воинственной жестокости, я вставалъ во главѣ моихъ рыцарей и сателлитовъ и обрушивался на села, заставляя моихъ спутниковъ грабить имущество людей, принадлежащихъ Св. Петру.» И чѣмъ сильнѣе и независимѣе былъ баронъ, тѣмъ чаще и опустошительнѣе были совершаемые имъ разбои; впрочемъ, въ этомъ отношеніи и мелкіе феодалы старались не отставать отъ крупныхъ и нерѣдко неистовствовали даже сильнѣе послѣднихъ. «Подѣ властью крупнаго барона, говоритъ Боншертъ, верховнаго сюзерена своихъ владѣній, стоятъ его вассалы, его подвассалы и чиновники его дома; за воровъ слѣдуетъ цѣлая толпа воришекъ, которые грабятъ послѣ него и отнимаютъ у раба то, что осталось у него. Вооруженные авторитетомъ его имени, они распространяютъ ужасы вокругъ себя; потомъ, когда благодаря грабежу, они сами дѣлаются богатыми и независимыми, то самъ баронъ оказывается уже недостаточно сильнымъ, чтобы положить конецъ ихъ неистовствамъ. Частію изъ политики, частію по безсилію онъ закрываетъ глаза на злоупотребленія, которымъ самъ подавалъ примѣръ, и изъ которыхъ самъ извлекалъ выгоды». Средне-вѣковыя хроника изображаютъ этихъ высокихъ бароновъ бьющимися каждый день и грабящими; а потомъ предающимся обжорству и безобразнымъ оргіямъ. «Они захватывали, говоритъ одна хроника, всѣхъ, которые казались имъ имѣющими что-нибудь, захватывали мужчинъ и женщинъ, днемъ и ночью, и держали ихъ въ своихъ тюрьмахъ, вымучивая у нихъ золото и серебро посредствомъ пытокъ, которымъ во время оно не подвергались даже мученики. Однихъ вѣшали ногами вверхъ, а головою къ дыму костра; другихъ вѣшали за большіе пальцы надъ огнемъ, разведеннымъ подѣ ихъ ногами; нѣкоторымъ они закручивали голову веревкою такъ, что лопался черепъ, другихъ бросали въ ямы, наполненные змѣями, жабами и всякаго рода гадинами; иныхъ же сажали въ короткій, узкій и неглубокій ящикъ, наполненный острыми булыжниками, и держали ихъ въ немъ подѣ замкомъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не дѣлались вывихи членовъ. Въ большей части замковъ имѣлась связь цѣпей до того

тяжелая, что два или три человѣка съ трудомъ могли поднять ее; несчастный, на котораго накладывали ее, держался въ стоячемъ положеніи посредствомъ желѣзнаго ошейника, укрѣпленнаго въ дверномъ косякѣ, и не могъ ни сѣсть, ни лечь, ни согнуться. Они налагали реквизицію за реквизицію на города и бурги; напрасно трудились земледѣльцы, и всѣ работы ихъ приносили имъ также мало пользы, какъ будто они воздѣлывали голый песокъ, и они втихомолку говорили между собой, что Христось и святые заснули». Въ XIII вѣкѣ Жакъ Витри, епископъ и кардиналъ, въ своей Исторіи Запада посвятилъ цѣлую главу «грабежамъ и вымогательствамъ, которые учиняютъ большіе сеньоры и ихъ сателлиты.» Воровство, говоритъ онъ, грабежи и насилія, которые совершаютъ они то открыто, то тайно, дѣлаютъ невыносимую ихъ ужасную тиранію. Эти сеньоры, не смотря на гордые титулы и санъ которыми, они гордятся, не упускаютъ случая сходить на добычу и заняться ремесломъ воровъ; они совершаютъ настоящіе разбои и опустошаютъ пожарами цѣлыя страны. Когда, вслѣдствіе незначительныхъ причинъ, возникаютъ споры между бѣдняками и сеньорами, послѣдніе посылаютъ своихъ сателлитовъ, чтобы завладѣть имуществомъ этихъ несчастныхъ и продать его. Если они хотятъ отмстить за что-нибудь людямъ простымъ и невиннымъ, они посылаютъ противъ нихъ своихъ наемныхъ убійцъ; злодѣевъ, наполняющихъ улицы городовъ и бурговъ, которые, скрывшись въ секретныхъ мѣстахъ, разставляютъ западни этимъ несчастнымъ и проливаютъ кровь ихъ. На морѣ они занимаются ремесломъ пиратовъ; они грабятъ путешественниковъ и купцовъ, сожигаютъ часто ихъ корабли и бросаютъ въ волны тѣхъ, которыхъ они ограбили; эти благородные подобны поганымъ собакамъ, вѣчно голоднымъ, которыя оспариваютъ мясо труповъ у воронъ, питающихся стервою. Они преслѣдуютъ бѣдныхъ, обиравтъ вдовъ и сиротъ, строятъ имъ возни, возбуждаютъ между ними вражду, приписываютъ имъ небывалыя преступленія, чтобы только найти предлогъ для вымучиванія отъ нихъ денегъ.» «Никогда, говоритъ Гизо, французскій народъ не былъ до такой степени лишенъ мира и безопасности, какъ въ это время. Ничто не защищаетъ его, не доставляетъ ему охраны; онъ подверженъ всевозможнымъ бѣдствіямъ; брошенъ въ добычу постояннымъ превратностямъ; надъ нимъ и въ ущербъ ему разражаются всѣ бури, которыя наполняютъ всю жизнь его владыкъ». Эти владыки не очень-то беспокоились о страданіяхъ народа и если случалось,

что ими овладѣвалъ страхъ наказаній въ будущей жизни, то они шли къ монахамъ, за хорошую плату дѣлались членами ихъ общинъ и постригались передъ смертью; монахи же причитали ихъ къ лику святыхъ и заставляли ихъ мощи творить чудеса. Но не такъ снисходительно, какъ монахи, смотрѣлъ на этихъ чудовищъ народъ, окрещивая ихъ такими многозначительными прозвищами, какъ Робертъ *Дьяволъ*, нормандскій, Гюгъ *Волкъ*, нормандскій рыцарь, Жакъ Коинъ *Мужикодеръ*, Бодуенъ *Желѣзная Рука*, Фландрскій, Эдмондъ *Желѣзные Бока*, Гюго *Кончина Мира*, Гильомъ Безъ *Дьяволъ*, аквитанскій.

Первымъ дѣломъ этихъ феодальныхъ разбойниковъ было обращеніе въ неволю мужика. Ужасныя войны, губившія Францію въ царствованіе первыхъ двухъ династій, а затѣмъ набѣги норманновъ уже сильно подвинули впередъ дѣло порабощенія народа и всѣ тогдашніе побѣдители, захватывая столько плѣнныхъ, сколько могли, уводили ихъ съ собой и дѣлали своими рабами. Феодальные разбойники слѣдующихъ поколѣній поступали точно также. Но не одна война обращала въ рабство людей свободныхъ, а также и бѣдность, порождаемая и поддерживаемая главнымъ образомъ той же войной; бѣдняки сами отдавались въ рабство, чтобы получить возможность кормиться на клочкѣ земли барона, за пользованіе которымъ баронъ получалъ право абсолютной власти надъ ними. Трудно описать тѣ разнообразныя, но всегда невыносимыя положенія, въ какихъ находился французскій мужикъ въ средніе вѣка. Онъ отличался отъ всѣхъ сословій особымъ платьемъ и стриженной головой. Онъ всецѣло принадлежалъ своему господину и стоялъ наравнѣ съ животнымъ. Во многихъ мѣстностяхъ онъ носилъ мѣдный ошейникъ съ надписью: *я принадлежу такому-то*. Его продавали наряду со скотомъ; его вмѣстѣ со скотомъ называли *живой монетой*; его мѣняли на животныхъ, цѣны нерѣдко дешевле, чѣмъ послѣднихъ; одинъ епископъ авранжскій, напр., отдалъ за жеребца пять женщинъ и двухъ мужчинъ. Сплошн и рядомъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда однимъ мужикомъ владѣло нѣсколько господъ, его третировали наравнѣ съ бездушною вещью и вели тяжбы о $\frac{1}{2}$ женщины, о $\frac{1}{4}$ ребенка, иногда приводи въ исполненіе извѣстный приговоръ Соломона и разсѣкая спорный предметъ на законныя доли, чтобы положить конецъ надѣвшему всѣмъ спору. Естественно, что, при такомъ производѣ, крестьянинъ не могъ имѣть никакой собственности; все, что онъ производилъ, что онъ зарабаты-

валъ онъ, принадлежало сеньору «вмѣстѣ съ его мясомъ и костями», по тогдашнему выраженію, «Рабы, говорить средневѣковой юристъ, не имѣютъ и не могутъ имѣть никакой собственности; они тоже самое, что звѣри въ паркѣ, рыбы въ пруду, птицы въ клѣткѣ». Крестьянинъ не имѣлъ даже семейныхъ правъ; его не женили, а сводили по произволу господина, который пользовался первою ночью новобрачной; его разводили съ женой, разлучали съ дѣтьми, продавая ихъ врозь или раздѣляя между совладѣльцами; вся его собственность и его семейство переходили по наслѣдству къ господину и дали происхожденіе разнообразнымъ имуществамъ *мертвой руки*. Когда рабъ умиралъ, то его правую руку отрубали и приносили къ сеньору въ знакъ того, что ему принадлежить все, что осталось отъ покойнаго. Сеньоры, обыкновенно, вывѣшивали тѣ мертвыя руки на своихъ воротахъ, вмѣстѣ съ лапами волковъ и другихъ животныхъ, убитыхъ на охотѣ. Трудно перечислить тѣ разнообразныя формы зависимости, въ которыхъ находились эти люди мертвой руки. «Этотъ родъ людей, говорить старинный юристъ, Бошануаръ, не вездѣ находится въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ; напротивъ, существуетъ много разныхъ видовъ рабства; одни въ такой степени подчинены своимъ сеньорамъ, что послѣдніе могутъ брать у нихъ все, что хотятъ, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти ихъ, и бросать ихъ въ тюрьму каждый разъ, какъ только имъ вздумается, справедливо или несправедливо, отдавая въ этомъ отчетъ только Богу. Другіе же находятся въ болѣе выгодномъ положеніи, такъ какъ сеньоръ при ихъ жизни не можетъ ничего требовать отъ нихъ, если они хорошо ведутъ себя, платятъ свои подати, ренту и повинности, установленныя обычаемъ, вмѣсто ихъ рабства. Но когда они умираютъ или женятся на свободныхъ женщинахъ, все, чѣмъ они владѣютъ, поступаетъ къ сеньору». Въ сущности формы зависимости послѣдняго типа были только смягченіемъ рабства въ его наиболѣе грубыхъ формахъ.

Не оставляя за крестьяниномъ ничего, благородный феодалъ присвоивалъ себѣ все, «и небо, и земля, говорить Мишле, и бѣгающій звѣрь, и летающая птица, и заблудившаяся скотина, и сбившійся съ дороги путникъ, и солнечный свѣтъ, все принадлежало сеньору». Жажда стяжанія была главною и безграничною страстью тѣхъ временъ. Сеньоръ зналъ одну работу—разбой, онъ ничего не покупалъ, а все бралъ даромъ, хитростью или силой. Онъ со своей шайкой охотился въ лѣсахъ на дичь; онъ охотился съ нею

и на людей, грабилъ замки, грабилъ крестьянъ, своихъ и чужихъ, грабилъ купцовъ и путешественниковъ, захватывалъ людей въ плѣнъ, подвергалъ ихъ пыткамъ и вымучивалъ деньги. Корабли, разбившіеся у береговъ его владѣній со всѣми людьми и имуществомъ принадлежали ему; возъ съ товаромъ, упавшій на его землѣ, тоже принадлежалъ ему, равно какъ и все, что только «прикасалось къ землѣ его» (*jus terrae tactae*). Сознаніе силы и безнаказанности превращалось въ сознаніе безграничнаго права. «Этотъ человекъ принадлежитъ мнѣ, и я имѣю право сварить его или изжарить», говоритъ одинъ средневѣковой сеньоръ. Между сеньоромъ и его мужикомъ нѣтъ другаго судьи кромѣ Бога» провозглашаетъ Пьеръ - Де-Фонтенъ. Жизнь раба находилась въ полномъ распоряженіи господина и достоинство послѣдняго обозначалось количествомъ крючьевъ на висѣльницѣ, стоявшей передъ его замкомъ: чѣмъ важнѣе сеньоръ, тѣмъ больше крючьевъ. Сила была основою господства, страхъ—санкціей права, а палачъ его представителемъ. Средневѣковой палачъ вовсе не былъ отверженной личностью, а напротивъ, ученымъ, компетентнымъ присяжнымъ исполнителемъ правосудія. Онъ зналъ всѣ тонкости пытокъ и казней; онъ умѣлъ вѣшать, колоть иглами, выжигать глаза, выдергивать зубы, отсѣкать члены, бить кнутомъ, жарить и варить такъ, чтобы люди какъ можно дольше сохраняли жизнь. Палачъ былъ знатокомъ свѣтскихъ приличій и угождалъ дамамъ, сокращая ихъ мученія. Онъ былъ «добрымъ католикомъ» и «честнымъ гражданиномъ»; онъ облагалъ данью и буржуа, и монаховъ; онъ гордо расхаживалъ по базарамъ, смѣло запуская руку въ каждую корзину, въ каждый мѣшокъ, въ каждый возъ, привезенные мужиками; онъ неизмѣнно присутствовалъ на всѣхъ религіозныхъ праздникахъ и духовныя власти нерѣдко уступали ему право шествовать во главѣ церковныхъ процессій. Палачъ, впрочемъ, не былъ непремѣнною принадлежностью каждаго замка. Многие владѣтели сами занимались этою профессіей, которая была, вмѣстѣ съ охотою, ихъ любимую забавою и времяпровожденіемъ. Случалось, что сеньоръ обрѣзывалъ уши или выкалывалъ глаза всѣмъ своимъ подданнымъ. Въ замковыхъ подземныхъ тюрьмахъ сплошь и рядомъ умирали съ голода, задыхались отъ зловонія или погибали отъ пытокъ несчастныя жертвы необузданныхъ самодуровъ.

Одинъ изъ герцоговъ суассонскихъ забавлялся обыкновенно послѣ обѣда тѣмъ, что, обнаживъ раба, заставляя его стать

между яшканами горящій факель, и при видѣ его мученій, показывался со смѣху. Однажды онъ закопалъ въ землю живыми раба и рабыню за то, что они вступили въ бракъ безъ его вѣдома. До чего доходила кровожадная жестокость феодаловъ, развитая вѣками войны, охоты и всевозможныхъ неистовствъ надъ людьми, и передаваемая по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнью, показываетъ примѣръ Жилия Реца, одного изъ могущественнѣйшихъ сеньоровъ Бретани, маршала Франци, сожженнаго живымъ въ 1440 году. Онъ былъ храбръ, ученъ и образованъ; но жестокость и развратъ развили въ немъ наклонности кровожаднаго звѣря и сѣумаспедшаго человѣка. Онъ покупалъ всюду черезъ своихъ агентовъ красивыхъ дѣтей и, подвергая ихъ своимъ скотскимъ ласкамъ, онъ въ то же время душилъ и рѣзалъ ихъ. Съ этими малютками, говорятъ тогдашніе судебные документы, «ils avoit habitation, et s'y echauffoit, et rendoit nature sur leur ventre, et y prenant sa plaisance et délectation, qu' il n'avoit habitation de l'un des dits enfans que une fois ou deux, et que après, celui sire, aucunes fois de sa main leur coupoit la gorge, et aucunes fois, Gilles de Sillé, Henriet et Pontou la leur coupoient, en la chambre dudit sire: dont le sang cheoit à la place, qui après estoit nettoyée; et que ceux enfans, ainsi morts, estoient ars en ladite chambre dudit sire, après qu'il estoit couché, et la poudre d'eux gettée, et que celuisire prenoit plus grande plaisance à leur couper la gorge, qu'à avoir habitation d'eux. Il estoit bien aise de voir séparer la teste des enfans, après avoir eu habitation sur le ventre, ayant les jambes entre les siennes, et autrefois se seoir sur le ventre desdits enfans quand on séparoit la teste de leurs corps, et par autrefois les inciser sur le cou par derrière pour les faire languir, ou il prenoit grand plaisance, et en languissant, avoit aucune fois habitation d'eux jusques à la morf, et aucune fois après qu'ils estoient morts, tandis qu'ils estoient chauds; et y avoit un braquemart à leur couper la teste, et quant aucune fois ceux enfans n'étoient beaux à sa plaisance, il leur coupoit la teste, de luy-mesme, avec de ledit braquemart, et après avoit aucune fois habitation d'eux.

....*Item*, celui sire, afin de garder lesdits enfans de crier quand il vouloit avoir habitation d'eux, l'eur faisoit, par avant, mettre une corde au cou et les pendre, comme à trois pieds de haut, à un coin de sa chambre, et avant qu'ils fussent morts, les descendoit ou les faisoit descendre, disant qu'ils ne sonnassent mot et

qu'ils eschauffoient son membre, le tenant en la main; et, après, leur rendoit nature sur le ventre, et ce fait, leur faisoit couper la gorge et séparer la teste de leurs corps». Самъ Рощъ признался, что «il avoit donc avoir abusé des enfans, pour son ardeur et délectation de luxure, et les avoir fait tuer par ses gens, soit en leur coupant la gorge avec dagues et couteaux, en séparant la teste de leurs corps, ou leur rompant les testes à coups de baston, ou autres choses; et aucune fois leur enlevoit ou faisoit enlever des membres, les fendoit pour en avoir les entrailles, les faisoit attacher à un croc de fer, pour les estrangler et les faire languire; comme ils languissoient à mourir, avoit habitation d'eux et aucune fois après qu'ils estoient morts en les baisant, et prenoit plaisir et délectation à voir les plus belles des dits enfans, lesquels. en après, estoient ars». Подобныя чудовища бывали только среди римскихъ императоровъ... Наслаждение жестокостью, подобно разврату и всякому другому наслажденію, не довольствуется однообразіемъ, а постоянно стремится къ усиленію и разнообразію и, наконецъ, достигаетъ такой степени, что превращаетъ людей въ чудовищъ, которыя кровожаднѣ всякаго дикаго звѣря и развратнѣ всякаго скота.

Какъ ни ужасно было положеніе средневѣковаго раба, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще ужаснѣе было положеніе тѣхъ земледѣльцевъ, которые не принадлежали господину въ качествѣ рабовъ, а обязаны были только отбывать ему за пользованіе землей разные повинности и налоги, какъ на примѣръ, колонны и поденщики, *exercitatores*. Феодалъ могъ притѣснять и грабить ихъ, сколько ему угодно, потому что управы на него найти было негдѣ. Если мужикъ успѣвалъ сохранить свою свободу или возвращалъ ее себѣ посредствомъ бѣгства, то обстоятельства заставляли искать его рабской зависимости. Чужаго и свободного мужика сеньоръ естественно щадилъ менѣе, чѣмъ своего, и преслѣдовалъ, какъ дикаго звѣря. Мужикъ бѣжалъ, но, приходя на землю другаго господина, онъ попадалъ еще въ болѣе несчастное положеніе, чѣмъ рабъ; все, что ни пріобрѣталъ онъ, принадлежало его новому господину; онъ не имѣлъ права ни наследовать, ни завѣщать болѣе пяти соль на упокой души своей. «Чужой, пришедшій въ имѣніе барона, говорятъ указы Людовика Святаго, и не признавшій его своимъ господиномъ въ теченіи года и одного дня, находится въ полномъ распоряженіи барона». Раззорить чужихъ барону было очень выгодно,

такъ какъ, сдѣлавшись беззащитными бѣдняками, они по необходимости должны были поступать въ зависимость и искать защиты у того же барона. «Вы выгнали меня съ моей земли, говорятъ акты инфеодаціи, и потомъ, по просьбѣ добрыхъ людей, вы дозволили мнѣ обрабатывать ее, и я пользуюсь ею по вашей милости». Число общинъ, владѣвшихъ землями, и свободныхъ землевладѣльцевъ къ концу среднихъ вѣковъ почти сократилось до нуля, почти исчезло среди многихъ благородныхъ собственниковъ, которые постоянно угрожали имъ отнятіемъ земли и свободы. Это господство насилія было такъ распространено и масса народа чувствовала себя до того беззащитною отъ феодальныхъ разбойниковъ, что даже города и богатые аббатства принуждаемы были входить въ сдѣлки съ предводителями феодальныхъ бандъ. Такъ, въ 1254 году, аббатство Фонтене выговорило себѣ покровительство герцога Бурбонскаго, предоставивъ ему право охоты въ своихъ лѣсахъ и половину судебныхъ штрафовъ за преступленія, совершаемыя въ предѣлахъ аббатства. Послѣ того вполне понятно, почему люди бѣдные массами отдавались въ рабство, чтобы получить кусокъ земли и жить его обработкою. Земледѣлецъ, не имѣвшій господина, былъ существомъ вполне безправнымъ. Въ такомъ же безправномъ положеніи находились всѣ безродные, бродяги, незаконныя дѣти, подкидыши, евреи.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ соперниковъ феодальной аристократіи было духовенство, которое пользовалось всѣмъ, чтобы пріобрѣтать земли, и проповѣдью, и ложными чудесами, и фальшивыми документами (Laurent, V, 296), и которому щедро жертвовали земли во искупленіе грѣховъ своихъ и короли, и феодалы. Духовенство владѣло третьей частью земли, входившей въ составъ франкской монархіи. Короли отняли у него много земель, перешедшихъ потомъ къ дворянству, но все-таки недвижимыя имущества церкви были чрезвычайно обширны вплоть до 1789 г. Въ IX вѣкѣ французскія церкви имѣли доходу съ земель больше миліона франковъ, что по тому времени составляло громадную сумму. Аббатство Сень-Рикъ владѣло городомъ въ 2.500 домовъ и 33 деревнями. У аббатства Сень-Жермень было 221.187 гектаровъ земли, 2.788 домовъ и 10.026 зависимыхъ жителей. Владѣнія монастырей расширялись, благодаря не однимъ только пожертвованіямъ, но и благодаря добровольному поступленію многихъ вмѣстѣ съ ихъ землями въ монастырскую неволю, ради

приобрѣтенія покровительства, по крайней бѣдности или же по благочестивому желанію посвятить себя работѣ на домъ господень. Мартинъ, напр., приобрѣлъ, такимъ образомъ, очень много крестьянъ. Цѣлый городъ Альтремъ поголовно и со всей своей территоріей отдался ему, и буржуа гордились тѣмъ, что носятъ титулъ св. Мартина. Прозелитъ приближался къ алтарю, набожно клалъ на него свои руки, склонялъ свою голову и въ такомъ положеніи громогласно заявлялъ, что онъ жертвуетъ Богу, Свят. Троицѣ и свят. патронамъ церкви все свое имущество и самого себя, обязуясь всю жизнь свою работать имъ, какъ рабъ. Самые ревностные имѣли при этомъ на своей шеѣ веревку или ошейникъ, знакъ своего рабскаго самопожертвованія. За право быть принятыми въ число монастырскихъ рабовъ эти набожные люди даже платили опредѣленную сумму денегъ. Бѣдность, доходившая до того, что родителямъ нечѣмъ было прокармливать дѣтей своихъ, заставляла ихъ во множествѣ подкидывать несчастныхъ малютокъ въ церкви и монастыри. Всѣ эти подкидыши дѣлались рабами духовенства, равно какъ и тѣ незаконныя дѣти, которыхъ во множествѣ плодили монахи.

Такимъ образомъ, физическіе факторы, нищета, беззащитность и сила феодальнаго кулака вовлекали въ рабство миллионы народа, а единственный дѣйствовавшій тогда нравственный факторъ, католическая церковь, сдѣлавшись сама участницей рабовладѣльческихъ интересовъ, говорила уже не о свободѣ и равенствѣ, какъ во времена багодовъ, а объ обязанностяхъ рабовъ къ господамъ. Католическая церковь долѣе всѣхъ другихъ собственниковъ удерживала рабство въ своихъ владѣніяхъ, и подобно браминамъ Индіи, старалась санкціонировать своимъ авторитетомъ это и всѣ другіе феодальныя учрежденія. Въ средневѣковыхъ легендахъ, смиренная Дѣва Марія выступаетъ въ качествѣ *дамы*, а Христосъ нерѣдко является *барономъ*. «Богъ, говоритъ одинъ средневѣковой писатель, сотворивъ міръ, населилъ его тремя породами людей: дворянами, духовными и мужиками. Онъ даровалъ первымъ землю, вторымъ десятину и даініе и осудилъ мужиковъ на пожизненную работу въ пользу тѣхъ и другихъ.» Законы и постановленія соборовъ франкскаго періода прямо запрещаютъ освобождать рабовъ, если отъ этого могутъ потерпѣть ущербъ церковные доходы. Папа Целестинъ V въ объясненіи десяти заповѣдей доказываетъ, что христіанину дозволено имѣть невольниковъ. Климентъ VII въ своей инструкціи

епископу-инвизитору говорить, что «каждый правовѣрный можетъ присвоить себѣ имущества еретиковъ, а самихъ ихъ обращать въ вѣчное рабство.» Правда, духовенство очень часто увѣщевало сеньоровъ освобождать рабовъ и держала къ нимъ такія рѣчи: «тотъ, кто изъ любви къ Богу освободитъ хотя одного раба, будетъ вознагражденъ сторицею въ царствѣ небесномъ» и т. д. Но результатомъ подобныхъ увѣщаній было обыкновенно то, что феодалы, освобождая своихъ мужиковъ, жертвовали ихъ Богу или какому-нибудь святому, т. е. отдавали ихъ въ рабство духовенству, чего собственно и добивались церковные проповѣдники свободы. Когда же во время крестовыхъ походовъ многіе сеньоры начали за деньги освобождать своихъ крестьянъ, то церковь у большинства этихъ нищихъ-отпущенниковъ снова покупала ихъ голодную свободу. Защищая рабство, поддерживая идею благородной дворянской крови и низости бѣдныхъ, презрѣнныхъ людей, какъ называли тогда крестьянъ, церковь дошла, наконецъ, до того, что отказывала бѣдному человѣку даже въ религіозномъ утѣшеніи, въ надеждѣ на лучшую загробную жизнь. «Рабъ не можетъ виѣсть съ барининомъ присутствовать въ раю», говорить одинъ духовный. Это было какое-то опьяненіе грубой силой и угнетеніемъ слабого, бѣднаго. Оставляя народъ въ невѣжествѣ и отверженности, монахъ побуждалъ феодаловъ поступать передъ смертью въ монастыри, жертвовать церкви рабовъ и недвижимыя имущества, а потомъ, когда эти отчаянные грѣшники умирали, духовенство провозглашало ихъ святыми. Не даромъ же на одной французской церкви была въ средніе вѣка надпись: «здѣсь продается рай.» Торгуя индульгенціями, прощая за деньги всѣ грѣхи, эксплуатируя народъ посредствомъ подложныхъ чудесъ и мощей, сожигая сотни тысячъ вѣдьмъ и еретиковъ и завладѣвая ихъ имуществомъ, выманивая себѣ громадныя пожертвованія деньгами, людьми, землями, католическое духовенство, кромѣ того, давило народъ своими налогами. Оно взидало десятину со всего: съ пашень, со скота, съ виноградниковъ, со всѣхъ произведеній, и брало налоги со всякаго ремесла, даже съ промысла публичныхъ женщинъ, а епископы и патеры публично отстаивали въ судахъ свое феодальное право пользоваться первой ночью каждой новобрачной; приходскіе священники присвоивали себѣ право на третью часть наслѣдства послѣ каждаго умершаго прихожанина. Трупы бѣдняковъ должны были гнить безъ погребенія до тѣхъ поръ, пока родственники умершихъ не уплачивали по-

памъ того, что они просили. Церковные налоги, падавшіе преимущественно на крестьянъ, возбуждали сильную оппозицію и бунты; но церковь пользовалась всеми средствами, чтобы утвердить свои права, смиряя бунтовщиковъ огнемъ, желѣзомъ, отлученіемъ, страхомъ ада. Пока еще Карлъ Великій не узаконилъ десятины, патеры сфабриковали посланіе Іисуса Христа, которымъ онъ угрожаетъ «язычникамъ и не платящимъ десятины бесплодіемъ полей, болѣзнями и крылатыми змѣями, которыя будутъ пожирать груди ихъ женъ....»

Притязанія духовенства были безграничны; но, независимо отъ народной оппозиціи, они встрѣчали еще сильное сопротивленіе со стороны свѣтскихъ сеньоровъ, королевской власти и городскихъ общинъ. Средніе вѣка были періодомъ ожесточенной борьбы за обладаніе землей и народомъ. Папа боролся съ императоромъ, церковь съ государствомъ, король, города и духовенство съ феодалами, а феодалы другъ съ другомъ. Народъ невыносимо страдалъ отъ своихъ господъ, но еще болѣе страдалъ онъ отъ чужихъ, отъ той сплошной непрерывной междуусобицы свѣтскихъ и духовныхъ сеньоровъ, которая шла черезъ все средніе вѣка. Взаимныя отношенія сеньоровъ регулировались тѣмъ же правомъ кулака, какъ и ихъ отношенія къ подданнымъ. Личныя распри и ссоры рѣшались поединкомъ; распри и ссоры дворянскихъ фамилій рѣшались то же своего рода поединкомъ, частной войной. Война была главнымъ занятіемъ феодала, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, поэзіей жизни. «Война правится мнѣ, поетъ одинъ трубадуръ,—я люблю смотрѣть на нее: вонны изрубленные въ куски, убитыя лошади, раненые рыцари»!.. Война доставляла богатую добычу; но жажда наживы сплошь и рядомъ уступала страсти къ разрушенію, война велась нерѣдко ради одного наслажденія и галантные рыцари превосходили своими жестокостями дивихъ гунновъ. Впереди феодальнаго войска шли, обыкновенно, поджигатели, превращавшіе въ пепель деревни, церкви, лѣса, виноградники, пашни. Трубадуръ, воспѣвшій великія дѣянія Филиппа Августа, хвалитъ его за то, что онъ въ своихъ походахъ «опустошалъ страну *покоролески*, зажигая и разрушая на право и на лѣво». Крестьянъ избивали нерѣдко поголовно, выкалывали имъ глаза, обрѣзывали уши, подвергали плѣнниковъ адскимъ мученіямъ ради забавы, многихъ вводили въ замки и превращали въ рабовъ, или же, посадивъ въ отвратительныя тюрьмы, мучили до тѣхъ поръ, пока они не выкупались родственниками или не

умирали. При этихъ набѣгахъ доставалось, конечно, и городамъ, и замкамъ, и монастырямъ, но болѣе всего беззащитнымъ деревнямъ. Крестьянъ раззоряли для того, чтобы пограбить, раззоряли ихъ для того, чтобы доканать своего противника, котораго кормили его мужики. «Сеньоръ, говорить старинный писатель, мститъ другому тѣмъ, что опустошаетъ его деревни и грабитъ его замки, если только достаточно силенъ для этого. Но замки укрѣплены и хорошо защищены. Поэтому эти опустошительные набѣги обрушиваются всею своею тяжестью на одинъ народъ, крытыя соломой хижины котораго разрушаются и обращаются въ пепель». Въ этой борьбѣ съ свѣтскими феодалами соперничали короли и духовные магнаты, а одною изъ главныхъ причинъ этихъ непрестанныхъ междуусобицъ было ихъ соперничество изъ-за регалии. Регалией называлось право сюзерена буквально подвергать грабежу замки, земли и имущества церкви между моментомъ смерти вассальнаго епископа, аббата или бенефициарія, и выборомъ его преемника. Короли и важные бароны, раздававшіе духовенству земли, оставались ихъ блюстителями и въ упомянутый періодъ; между смертью стараго и выборомъ новаго епископа или бенефициарія, они вырубали въ его имѣніи лѣса, ловили рыбу, забирали вино, хлѣбъ, овесъ, стада, мебель, находившуюся въ жилищѣ епископа или аббата, увозили даже окна, двери и т. д. Въ королевскихъ доменахъ король имѣлъ право въ такихъ случаяхъ налагать сборъ «по всей своей волѣ»; потомъ онъ распространилъ это право на всѣ церковныя имущества.

Въ этихъ частныхъ войнахъ епископы и феодалы слѣдовали только примѣру королей и императоровъ. Когда Генрихъ англійскій нѣсколько замѣдлилъ уплатою той дани, которую онъ обязанъ былъ вносить французскому королю, какъ сюзерену земель, принадлежавшихъ ему во Франціи, то Филиппъ Августъ немедленно пошелъ на Берри, «грабя и опустошая страну», а англійскій король двинулся противъ него съ своими войсками, которые тоже «грабили народъ и все разрушали». Вслѣдствіе этой войны жители упомянутыхъ земель были окончательно раззорены, тѣмъ болѣе что правители ихъ и въ мирное время поступали съ ними не лучше, чѣмъ солдаты въ военное. Вотъ что писали, напр., епископъ и жители Бордо англійскому королю: «Несправедливости, притѣсненія и тиранія вашихъ правителей не могутъ быть описаны вашему величеству безъ сердечной горести. Священники и монахи, престыяне, бѣдняки и сироты, — одни преданы смерти, дру-

гіе истязуются розгами или томятся въ тюрьмахъ, многіе, вслѣдствіе захвата ихъ личностей или ихъ имущества, принуждены выкупаться деньгами. Съ трудомъ можно найти приходъ, въ которомъ бы уцѣлѣла третья часть жителей, — всѣ остальные умерли, вслѣдствіе голода и бѣдности, или же принуждены были бѣжать на чужія земли». И послѣ всего этого Филиппъ Августъ началъ «опустошать страну покоролевски!» Результатомъ же приведенной жалобы со стороны англійскаго правительства была командировка графа Лейчестера, который началъ дѣйствовать уже не «покоролевски», а какъ палачъ.

Церковь и короли въ теченіи столѣтій старались положить конецъ упомянутымъ междуусобицамъ феодаловъ; но эти междуусобицы долгое время не прекращались и продолжали раззорять народныя массы. Послѣ одной изъ тѣхъ ужасныхъ эпидемій, которыя въ тѣ времена такъ часто опустошали міръ, церковь воспользовалась всеобщей суевѣрной паникой, чтобы заставить сеньоровъ соблюдать миръ и правила справедливости въ праздники и въ извѣстные дни недѣли. Въ 1041 г. этотъ *божій миръ* былъ объявленъ обязательнымъ въ теченіи 4 дней недѣли; если же сеньоры нарушали его, то церковь подвергала ихъ отлученію и вооружала противъ нихъ крестьянъ, которые жестоко отплачивали своимъ притѣснителямъ. Мало по малу страна освобождалась отъ этихъ частныхъ войнъ, но войны съ иностранцами и войны религіозныя не давали ей поправиться. Такъ, напр., въ XIII вѣкѣ Иннокентій III направилъ грубыхъ феодаловъ сѣвера и всѣ силы Филиппа-Августа на роскошный, богатый, цивилизованный югъ, зараженный альбигойской ересью. Цѣлыхъ 35 лѣтъ полчища этихъ фанатиковъ жгли и грабили южную Францію, предавая все смерти и опустошенію на пути. Эта война имѣла цѣлью не столько истребленіе ереси, сколько грабежъ, и духовенство, начиная съ папы, получило большую долю въ добычѣ. Опустошенія, произведенныя на югѣ католиками, были ужасны. Вотъ какъ, напр., по разсказу современника, шла осада Тулузы. «Каждое утро на зарѣ служили обѣдню, при которой всѣ присутствовали съ величайшимъ благоговѣніемъ, потомъ немного отдыхали, а затѣмъ часть войска съ необходимыми инструментами шла на работу въ окрестностяхъ города; одни разворачивали и разрушали дома, другіе уничтожали виноградники, третьи истребляли пашни». Около 3 мѣсяцевъ жители Тулузы были свидѣтелями такого зрѣлища. Крестоносцы сжигали еретиковъ и не еретиковъ поголовно,

побуждаемые духовенствомъ, которое кричало солдатамъ: «бейте, не разбирая, бейте всѣхъ: Богъ потомъ отличить своихъ отъ чужихъ»!.. Жители городовъ и замковъ нерѣдко отсиживались за своими крѣпкими стѣнами, а несчастные крестьяне громадными массами погибали подъ ударами и лошадьми фанатиковъ и разбойниковъ, напущенныхъ на нихъ церковью.

Постоянная междоусобица феодаловъ и борьба съ ними королей такъ, наконецъ, ослабили феодальную систему, что она начала постепенно падать. Крестовые походы, погубивъ массу дворянства, заставивъ бароновъ продавать свои земли и освобождать за деньги своихъ рабовъ, много содѣйствовали ослабленію феодальной аристократіи. Около того же времени началась великая и продолжительная революція городскихъ общинъ, которыя одна за другой, при помощи королевской власти, завоевывали или покупали себѣ за деньги свободу и муниципальные права. «Не смотря на гибель бароновъ и отлученіе епископовъ и аббатовъ, говорить Бонмеръ, рабы, жившіе въ городахъ, сошедши въ главной церкви или на рыночной площади, клялись надъ священными книгами оказывать другъ другу взаимную поддержку и помощь, чтобы съ успѣхомъ противиться силою всякому злоупотребленію силы. Отъ этой присяги они получили названіе *присяжныхъ*, или *соприсяжниковъ*, и изъ рабовъ превращались въ буржуа. Съ оружіемъ въ рукахъ противились они тираническимъ притязаніямъ своихъ господъ, и послѣ того, какъ они проливали много крови сеньоровъ, аббатовъ и даже епископовъ, которые съ своей стороны употребляли всѣ средства, физическія и духовныя, чтобы увѣковѣчить рабство, они получали общинныя хартіи, на столько либеральныя, на сколько война была продолжительна и кровава». Хотя всѣ жившіе въ городахъ рабы дѣлались свободными, а бѣжавшіе въ нихъ мужики тоже, при извѣстныхъ условіяхъ, могли выходить на волю; но для массы крестьянъ освобожденіе городовъ не принесло особеннаго облегченія. Города только были новымъ аристократическимъ элементомъ общественной жизни, элементомъ, который тоже въ свою очередь давилъ на крестьянъ. Богатые, вооруженные, защищенные отъ враговъ стѣнами и пушками, горожане пріобрѣтали себѣ и землю, и крестьянъ и управляли ими не лучше, чѣмъ феодальные сеньоры. Нерѣдко они нападали на деревни, грабили ихъ и, захватывая мужиковъ, вымучивали съ нихъ выкупъ. Кромѣ того, города постоянно воевали и съ городами, и съ сеньорами и, по обыкновенію, старались вредить госпо-

дамъ тѣмъ, что раззоряли крестьянъ ихъ. Успѣхи городскихъ революцій взволновали мужиковъ. Крестьяне Нормандіи, напр., составили обширный заговоръ съ цѣлью сверженія феодальнаго ига. Но заговоръ былъ открытъ, и графъ Рауль рѣшился навсегда отбить охоту къ подобнымъ предпріятіямъ. Безъ всякихъ судебныхъ формальностей, онъ казнилъ, пыталъ и уродовалъ цѣлыя массы заговорщиковъ. Онъ водилъ ихъ и мучилъ по всей странѣ, чтобы увѣковѣчить въ народной памяти свою страшную месть. Однимъ изъ нихъ отрубали руки или ноги; другимъ вырывали глаза, или прожигали подколѣнники; третьи были обрызганы расплавленнымъ свинцомъ; четвертые, еще живые, сидѣли на кольяхъ. Народъ до сихъ поръ вспоминаетъ страшную месть графа Рауля. Такой же исходъ имѣло и возстаніе крестьянъ въ Бретани. Впрочемъ нѣкоторыя крестьянскія общины успѣли освободиться, купивъ хартімъ у своихъ господъ, отправлявшихся въ Св. Землю. Другія общины, при помощи королей, смогли даже силою добыть себѣ свободу. Но это были счастливыя исключенія, и освободившіеся такимъ образомъ крестьяне превращались въ буржуа, а масса по прежнему оставалась въ рабствѣ.

II.

Долго боролись короли съ феодалами... Наконецъ, они смирили ихъ посредствомъ своихъ пушекъ и постоянныхъ армій, а королевскіе юристы, воспитанные въ римскомъ правѣ, создали и распространили доктрину о верховной власти, утвержденной силою оружія. Средневѣковая анархія утихла и борьба за народъ кончилась такимъ компромиссомъ: король сдѣлался верховнымъ владыкой' всей страны; церковь и дворянство сохранили свои земли и крѣпостныхъ крестьянъ; но власть надъ послѣдними, бывшая до тѣхъ поръ совершенно произвольною и неограниченною, была теперь опредѣлена извѣстными законами, положеніями и обычаями. Насиліе нѣсколько смягчилось, но за то окончательно превратилось въ право. Во всѣхъ странахъ королевская власть въ борьбѣ съ феодалами опиралась на народную массу и послѣдняя кое-что выигрывала отъ этого, но не надолго. Въ народѣ искали только временной опоры, а потомъ, когда феодальная аристократія была до извѣстной степени ограничена, опорой становилась она, а не народъ. Правда, что во Франціи борьба королей съ феодалами сопровождалась освобожденіями рабовъ, но эти освобожденія приносили массѣ очень мало пользы. Они были частными явленіями

и состояли въ продажѣ свободы. Феодалы нерѣдко давали своимъ рабамъ вольныя, но всегда почти въ такой формѣ: «мы освобождаемъ такихъ-то рабовъ нашихъ, въ награду за ихъ вѣрность, услуги и труды, ради спасенія душъ нашихъ и нашихъ предковъ и за 4,000 *ливровъ*» (Laurent, VII, 594)!... Подобныхъ освобожденій было особенно много въ то время, когда дворянство, отправляясь въ крестовые походы, сильно нуждалось въ деньгахъ. Королевская власть также ухватилась за эманципацію рабовъ, какъ за отличное средство и для борьбы съ баронами, и для поправленія финансовъ. Королевскіе легисты пошли даже такъ далеко, что мотивировали эманципацію заимствованнымъ изъ римскаго права ученіемъ объ естественномъ равенствѣ всѣхъ людей. Король Филиппъ, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Прекраснаго, но котораго народъ называлъ Филиппомъ-Фальшивымъ монетчикомъ, еврей—Филиппомъ-Воромъ, а тампліеры Филиппомъ-Палачомъ,—король Филиппъ въ 1311 г., утверждая освобожденіе рабовъ Валуа, заявлялъ, что «ненавистное иго рабства должно быть уничтожено, такъ какъ всѣ люди сотворены по образу Божію и должны быть свободны по естественному праву». Людовикъ X, желая взволновать крестьянъ противъ ихъ феодальныхъ враговъ и воспользоваться денежными выгодами эманципаціи, въ своемъ либеральномъ манифестѣ развивалъ ту же тему естественнаго равенства и свободы и толковалъ о необходимости общаго освобожденія. Но тутъ вышелъ громадный скандалъ, обнаружившій всѣ стремленія торговцевъ свободой, прикидывавшихся пропагандистами естественнаго равенства. Многие крестьяне не захотѣли покупать себѣ свободы, и Людовикъ повелѣлъ: «кто, вслѣдствіе дурныхъ совѣтовъ или собственной неразумности, не пойметъ столь великаго благодѣнія и нашей милости, пожелавъ лучше оставаться въ рабствѣ, чѣмъ сдѣлаться свободнымъ,—со всѣхъ такихъ личностей мы приказываемъ и повелѣваемъ взимать для настоящей войны бесплатно и въ достаточномъ количествѣ пособія, какія только могутъ быть взяты съ нихъ». Это значило: хочешь быть свободнымъ—плати, не хочешь—плати столько же! Подобныя спекуляторскія освобожденія продолжались и въ XV, и въ XVI, и XVII в., но крѣпостное право всетаки не было уничтожено окончательно до революціи, а положеніе освобожденныхъ не дѣлалось лучшимъ. Многие вскорѣ послѣ выкупа шли въ неволю къ новымъ господамъ. Массы выкупившихся на свободу во времена крестовыхъ походовъ попадали въ рабство къ духовенству, ко-

торое зорко слѣдило за этими нищими отпущенниками и покупало у нихъ ихъ голодную волю. Какъ рабы покупали себѣ право освобождаться отъ землевладѣльцевъ и принадлежать ихъ величествамъ, такъ, съ другой стороны, у тѣхъ же королей феодалы покупали привиллегію рабовладѣнія.

Что же касается выкупившихся крестьянъ, то они изъ состоянія полнаго рабства переходили только въ состоянія разныхъ видовъ крѣпостной или полукрѣпостной зависимости. «Рабы не были столь несчастными, какъ эти мимо свободные люди», говоритъ Сисмонди. Они или дѣлались безземельными пролетаріями и умирали съ голоду или же, поселяясь на господскихъ земляхъ, платили сеньору, королю и духовенству вдвое больше, чѣмъ прежде. «Подданные сеньоровъ, говоритъ одинъ старинный писатель, находились всегда въ положеніи, отличномъ отъ рабскаго, но въ сущности они мало чѣмъ отличались отъ рабовъ. Власть сеньоровъ не регулировалась ни чѣмъ, кромѣ ихъ произвола и ихъ жадности. Деревни были темницами для несчастныхъ, которые обрабатывали земли. Угнетенные чрезвычайными налогами, раззорительными повинностями и службами, унижительными для челоѣчества, они не могли располагать ни собой, ни своими дѣтьми, не могли распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти. Такая свобода часто казалась имъ больше невыносимою, чѣмъ рабство». Впрочемъ, не мало было такихъ отпущенниковъ, которые успѣвали сдѣлаться землевладѣльцами; но одни изъ нихъ, пріобрѣтая обширныя земли, тѣмъ самымъ разрывали всякія связи съ крестьянствомъ, а другіе, будучи въ силахъ купить или нанять только небольшіе клочки земли, клали основаніе тому мелкому землевладѣлію, которое, въ настоящее время, приноситъ столько зла Франціи. Благодаря этимъ отпущенникамъ, мелкая поземельная собственность развивалась такъ быстро, что, напр., въ Нормандіи уже въ XV вѣкѣ мы видимъ одну землю въ 40 акровъ, раздѣленную на 110 участковъ, обратываемыхъ 39 семействами. Что же касается земель, принадлежавшихъ общинамъ, составившимся изъ освобожденныхъ крестьянъ или сохранившимся еще со временъ древности, то вслѣдствіе постоянныхъ тяжбъ между собой и сеньорами, вслѣдствіе постоянныхъ захватовъ со стороны бароновъ, королевскихъ конфискацій и продажъ, онѣ постепенно раздроблялись, переходя по частямъ къ помѣщикамъ или къ мелкимъ землевладѣльцамъ-крестьянамъ.

Подати и повинности, платившіяся сеньорамъ, въ силу письменныхъ условий или обычаевъ, были разнообразны до безконечности, и, по вычисленію одного стариннаго юриста, въ XIV—XVI в. в. число ихъ во всей Франціи простиралось до 300. Мужикъ платилъ за все: за себя, за землю, за свой плугъ, за хлѣбъ, за свои деньги, за мыло, желѣзо, дрова, инструменты, телѣгу, бочки пива, яйца, медь, сѣно, плоды, мельницу, за мѣсто на базарѣ, за право продавать, покупать, убивать свою скотину, точить свой топоръ и т. д. Онъ платилъ, когда господинъ женился, женилъ сына или выдавалъ замужъ дочь, когда госпожа рожала, когда барчука посвящали въ рыцари, когда наступали большіе праздники, когда сеньоръ собирался на войну, когда онъ умиралъ, когда его нужно было выкупать изъ плѣна. Когда, напр., въ 1397 г. графъ Ниверскій, сынъ герцога Бургонскаго, былъ взятъ въ плѣнъ Баязетомъ, требовавшимъ за него выкупа 200,000 дукатовъ, то герцогъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, содралъ съ мужиковъ болѣе 400,000 и половину положилъ себѣ въ карманъ. Во многихъ провинціяхъ изъ всего, что находилъ мужикъ, онъ обязанъ былъ отдавать третью часть господину; изъ каждаго восьми свиней онъ отдавалъ барину третью по достоинству, и кромѣ того опредѣленную сумму за каждую голову; если мужикъ билъ скотъ, то извѣстная часть его отдавалась господину, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣлая половина. Когда мужикъ умиралъ, то лучшая голова въ его стадѣ и лучшая вещь изъ его движимости принадлежала барину. Когда крестьянинъ женился, то тоже платилъ сеньору выкупъ за право первой ночи. Всѣ эти налоги постепенно переводились на деньги и взыскивались съ примѣрною жестокостью. Часто сборщикомъ налоговъ былъ палачъ, который, пользуясь страхомъ, внушаемымъ имъ мужику, драгъ съ него и въ свою пользу, но и другіе сборщики были не лучше, и когда при Людовикѣ Св. начали было назначать сборщиками выборныхъ присяжныхъ, то вскорѣ же оказалось, что они совершали, выражаясь словами тогдашняго указа, «великія, чрезвычайныя преступленія, несправедливости, грабежи и воровства». Еще тяжелѣе налоговъ были натуральныя повинности, особенно усилившіяся со времени первыхъ освобожденій. Отпущенный на волю рабъ, не имѣя денегъ, платилъ и за свободу, и за землю своимъ трудомъ, своею силою. Мужикъ пахалъ, оралъ, жалъ, молотилъ, рубилъ и возилъ дрова, прокладывалъ дороги, рылъ пруды, возводилъ постройки, караулилъ замокъ, пасъ стада, чистилъ конюшни и

грязныя мѣста, мыль господское бѣлье, — дѣлалъ все, что прикажутъ. Для увеселенія барина онъ обязанъ былъ пѣть пѣсни, играть на какомъ-нибудь инструментѣ, забавлять барона своимъ шутловствомъ и покорно подставлять ему свою бороду, чтобы онъ потаскалъ за нее. Мельницы, пекарныя печи, случныя быки и жеребцы принадлежали сеньору и мужикъ платилъ за пользованіе ими. Если онъ старался обойти иначе или смощенничать и это открывалось, то его мука, вино или кобыла съ телѣгой конфисковались барининомъ. Когда господинъ обозрѣвалъ свои владѣнія, проѣзжалъ по нимъ куда-нибудь или охотился, то онъ со всей свитой имѣлъ право брать у мужиковъ и сѣстные припасы, и кормъ для лошадей, и все, что угодно. Сосѣди дворяне часто соглашались между собой пользоваться этимъ правомъ во владѣніяхъ другъ у друга во время охоты и путешествій. Въ числу самыхъ вредныхъ господскихъ привиллегій принадлежало право охоты, во время которой охотники жили на счетъ мужиковъ, вытаптывали ихъ пашни, раззоряли сады и виноградники, собаки задирали овецъ и т. д. У сеньоровъ были тысячи собакъ, которыхъ могли держать только дворяне, всѣмъ же остальнымъ смертнымъ это было запрещено подъ страхомъ тяжкаго штрафа. Обрѣзывая земли въ пользу своихъ охотничьихъ парковъ, луговъ и лѣсовъ, дворянство обезлюдивало земли и населяло ихъ дикими звѣрями. Охотничьи привиллегіи охранялись варварскими наказаніями, и въ то время, какъ дворянинъ за убійство мужика платилъ незначительную денежную виру, крестьянинъ за убійство козы или за ловлю дикихъ голубей сѣтими наказывался смертною казнью! Въ 1533 г., Францискъ I, подтверждая за сеньорами исключительное право «охотничьихъ забавъ, во избѣжаніе празднои скуки,» нѣсколько смягчилъ эти наказанія. За охоту на большихъ звѣрей въ первый разъ налагался штрафъ въ 250 ливровъ и конфискація оружія, въ случаѣ же несостоятельности виновнаго, наказаніе розгами «до пролитія крови»; во второй разъ охотниковъ возили вокругъ парковъ и охотничьихъ полей и сѣкли все это время розгами, а потомъ изгоняли; въ третій разъ его ссылали на каторгу, а въ четвертый казнили смертию. За стрѣльбу по дикимъ голубямъ слѣдовалъ въ первый разъ штрафъ въ 20 ливровъ; между тѣмъ безчисленныя тучи голубей постоянно пожирали крестьянскія пашни. Привиллегія охоты способствовала размноженію звѣрей до такой степени, что отъ нихъ не было житья людямъ. Жители острова Рэ вынуждены были однажды

переселиться, спасаясь отъ ланей сеньора Молеона. Одинъ старинный писатель вычислялъ что $\frac{1}{5}$ скота и домашней птицы крестьянъ ежегодно погибала отъ волковъ и лисицъ. Въ XVI вѣкѣ волки наводили всю Францію такими массами, что противъ нихъ принуждены были высылать цѣлыя войска охотниковъ. Въ 1595 г. отъ волковъ бѣжала изъ Жеводана королевская армія; въ 1598 г. они рыскали даже по улицамъ Париза и пожирали дѣтей. Дорого обходились странѣ охотничьи забавы бароновъ!

Судебная власть была однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ господскаго дохода. Сеньоръ былъ наследникомъ каждаго приговореннаго къ казни или изгнанію; онъ конфисковалъ имущество всѣхъ самоубійцъ и всѣхъ виновныхъ въ ереси, въ государственной измѣнѣ, бѣгствѣ съ поля сраженія. Въ большинствѣ случаевъ право наказанія давало ему возможность участвовать въ выгодахъ преступленія. Вотъ, напр., уголовныя правила, составленныя однимъ сеньоромъ для подсудимыхъ ему обывателей: «Кто учинилъ кражу, сеньоръ беретъ съ него штрафъ въ 60 соль и можетъ отрубить ему одну ногу или одно ухо. Если военный челоуѣкъ прибьетъ кого, то платитъ сеньору штрафъ 50 соль, а обиженнаго, удовлетворяетъ по приговору мера. За прелюбодѣяніе оба виновные отдаются сеньору, который или заставляетъ ихъ бѣгать нагишемъ по деревнѣ, или же беретъ штрафъ. Поддѣльватель монеты платитъ сеньору штрафъ въ 60 соль». Эти судьи и властители не стѣснялись ни чѣмъ, обвиняли кого угодно, подвергали пыткамъ, налагали штрафы, конфисковали имущество, бросали въ свои подземныя тюрьмы и вымогали выкупъ. Монтейль считаетъ въ XVI столѣтіи до 100,000 феодальныхъ тюремъ, бывшихъ простыми ямами, въ которыхъ арестанты, измученные пытками, гнили въ собственныхъ нечистотахъ и задыхались отъ зловонія. Судебная промышленность была такъ выгодна, что каждый старался пристроиться къ ней. «Нѣтъ ни одного незначительнаго дворянина, говоритъ одинъ современникъ, который бы не присвоивалъ себѣ судебной власти надъ селомъ, или деревушкой; даже не имѣющій деревушки, а владѣющій только мельницей или скотнымъ дворомъ, хочетъ судить своего мельника или фермера; у кого же нѣтъ ни мельницы, ни фермы, а одинъ только домъ, тотъ дѣлается судьей своей прислуги». Короли устраивали изрѣдка такъ называемые «великіе дни,» въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ деспотизмъ и преступления бароновъ

дѣлались невыносимыми; изъ подражанія имъ и сеньоры разъ въ годъ объѣзжали свои земли для суда и распорядка. «Они, говорить современникъ, угнетали и мучили своихъ подданныхъ всякими вымогательствами. Они принимали жалобы по своему произволу; они ѣздили съ большою свитою, которую надо было угощать и кормить, съ лошадьми и собаками, которымъ тоже нуженъ былъ кормъ». Подобно тому, какъ короли давали должности своимъ любимцамъ и льстецамъ, сеньоры раздавали судебныя права своимъ слугамъ и паразитамъ или же продавали ихъ тому, кто больше имъ давалъ. Жаловаться на нихъ было невозможно. Одинъ лаонскій епископъ конфисковалъ все имущество у тѣхъ, которые осмѣливались жаловаться на него въ парламентъ. Одинъ аббатъ подвергалъ такихъ челобитчиковъ ужаснымъ истязаніямъ; у одного подсудимаго онъ велѣлъ отрубить лѣвую руку, а когда тотъ апеллировалъ на него въ парламентъ, то онъ велѣлъ отрубить у него и правую. Продавая и отдавая въ аренду свою судебную власть, сеньоры отдавали въ откупное содержаніе и свои тюрьмы. Арестанты платили арендаторамъ за входъ въ тюрьму, за выводъ изъ нея, за солону, за хлѣбъ и воду, однимъ словомъ, за каждый шагъ, сдѣланный въ тюрьмѣ. Не лучше были королевскіе суды и чиновники. «Приставъ, говорить одинъ современникъ, беретъ взятки, судья грабитъ, прокуроръ обираетъ, сержантъ хапаетъ». Особенно разоряли народъ сельскіе нотаріусы и сержанты, которые, по словамъ современника, «живутъ на счетъ бѣдныхъ крестьянъ, пожирая все плоды трудовъ ихъ». Генеральныя штаты постоянно называли этихъ судей и чиновниковъ «кровосійцами», «пьявками», «гардіями», «мясниками». Народъ страдалъ отъ нихъ столько же, сколько отъ феодаловъ и духовенства.

Съ XIV вѣка папы начали болѣе и болѣе налегать на Францію, исторгая изъ нея деньги. «Климентъ V, говорить Мишле, какъ баронъ, объѣзжающій свои земли, путешествовалъ по Франціи. Изъ Ліона онъ направился въ Бордо, но черезъ Маконъ, Буржъ и Лиможъ, чтобы набрать больше добычи. Онъ ѣхалъ изъ епископства въ епископство съ цѣлою арміею туенядцевъ и слугъ, отнимая и пожирая все, что попадалось подъ руки. Гдѣ только останавливалась эта саранча, все было опустошено». Хотя короли и папы часто осорились между собой и эти ссоры доходили до того, что Иннокентій III, разгнѣвавшись на Филиппа Августа наложилъ на всю Францію интердиктъ и въ продолженіи цѣлыхъ

девяти мѣсяцевъ церкви оставались занертыми, трымъ непогрѣбенными, младенцы некрещенными и весь народъ пребывалъ въ отчаяніи,—но иногда короли и папы ладили между собой и оказывали другъ другу большія любезности все на счетъ того же народа. Въ 1385 г., Карль IV предоставилъ папѣ столь значительныя субсидіи, что каждый бенифициарій принужденъ былъ выплатить сумму, равную его годовому доходу; папа же въ свою очередь уступилъ королю на два года право собирать съ духовенства десятину. Особенно жутко приходилось французскому народу, когда папы временно переселились во Францію. Послѣ того какъ Бонифацій VIII началъ XIV вѣкъ празднованіемъ юбилея, всѣмъ посѣтителямъ котораго было обѣщано прощеніе грѣховъ и который привлекъ въ Римъ массы вѣрующихъ и массы денегъ, Іоаннь XXII избрѣлъ не менѣе богатый источникъ доходовъ въ аннатахъ, присвоивъ себѣ доходы всѣхъ пребендъ, всѣхъ епископствъ, всѣхъ приходоу, которые оставались вакантными послѣ смерти или переимѣненія лицъ, занимавшихъ ихъ. Выдумавъ это право, папа началъ то и дѣло переводить духовныхъ съ одного мѣста на другое, чтобы чаще пользоваться аннатой и, такимъ образомъ, въ самое короткое время раззорилъ нѣсколько епархій, между тѣмъ, какъ онъ самъ и его кардиналы накопили себѣ несмѣтныя богатства. Короли, парламенты, провинціальныя штаты не рѣдко старались защитить несчастную страну отъ напескихъ вымогательствъ; но папы не переставали истощать ее, наводняя ее своими сборщиками, торгуя разрѣшительными буллами и индульгенціями и открыто поощряя безнравственность, лишь бы только собрать побольше денегъ. Духовенство попрежнему продолжало взимать десятину и даже съ измѣненіемъ характера времени избрѣтало, примѣняясь къ нему, новыя налоги. Послѣ того, напр., какъ оно принуждено было отказаться отъ права первой ночи, оно постаралось убѣдить простаковъ, что они вмѣсто нея должны посвящать первыя три ночи Пресвятой Дѣвѣ и въ продолженіи ихъ воздерживаться, но въ то же время оно продавало желающимъ разрѣшеніе и на эти ночи! Мы видѣли выше, какъ путешествовалъ по Франціи папа; подобнымъ же образомъ путешествовали епископы по своимъ епархіямъ и по приходамъ. Бракъ и прелюбодѣяніе, рожденіе и смерть, крестины, похороны, болѣзни все служило моводомъ для сборовъ и вымогательствъ духовенства. Оно обирало всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, оно присвоивало себѣ даже ковры, простыни, сава-

ны и покровы, въ которыхъ мертвыхъ приносили на кладбище. Независимо отъ этого, духовенство торговало всевозможными предметами, которые выдавало за святые, мощами, иконами и т. д. Претендуя на всякую власть, само духовенство старалось освободиться отъ всякихъ гражданскихъ обязанностей и присвоить себѣ собственно юрисдикцію пользовалось привилегіей безнаказанности. Духовное лицо, напр., за убійство челоуѣка только лишалось сана, что подало поводъ португальскому королю Педро къ слѣдующему судебному рѣшенію: Попъ совершилъ убійство и духовная власть за то лишила его священства; король велѣлъ убить этого попа одному каменьщику, и въ наказаніе за убійство лишилъ послѣдняго званія каменьщика. Развращенность патеровъ возбуждала всеобщее негодованіе, а ихъ стремленіе обогащаться во что бы то ни стало, вооружало противъ нихъ и бароновъ, и массу народа.

Королевская власть, обуздывая феодализмъ съ помощью своихъ постоянныхъ армій и юристовъ, послѣдователей римскаго права, переносила на себя всѣ права и притязанія феодаловъ. При Людовикѣ XI, въ засѣданіи генеральныхъ штатовъ реймскій архіепископъ началъ свою рѣчь словами «omnia sunt regis»—*все государево!* Людовикъ XIV, въ своемъ наставленіи сыну, писалъ: «все, что ни находится въ нашемъ государствѣ, принадлежитъ намъ. Короли—владыки неограниченные и имѣютъ полное право собственности на всѣ имущества, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ». Королевскіе налоги были не легче феодальныхъ. Въ XIII вѣкѣ, напр., введенъ былъ столь тяжкій налогъ на съѣстные припасы, что его могли собирать только посредствомъ вооруженной силы. Правда, налоги должны были вотиваться генеральными штатами, которые начали созываться со временъ Филиппа Прекраснаго, поставленнаго въ необходимость опираться на народъ въ своей борьбѣ съ папствомъ. Но въ этихъ конститутивныхъ собраніяхъ народъ вовсе не имѣлъ представителей; всѣми дѣлами ворочали въ нихъ дворянство да духовенство, и генеральные штаты почти никогда не собирались безъ того, чтобы не увеличить королевскихъ доходовъ на счетъ народа. Въ этихъ собраніяхъ участвовала и буржуазія, но добывая себѣ посредствомъ покупки и другими путями привилегіи и изъятія, она тоже, въ свою очередь, старалась взвалить всѣ тяжести налоговъ на народъ, который хорошо понималъ это и пѣлъ:

«Hélas, hélas, hélas, hélas,
 «Prelats, princes et bons seigneurs,
 «Bourgeois, marchands et avocats,
 «Gens de mestiers, grands et mineurs,
 «Gens d'armes et *des trois états*,
 «*Qui vivez sur nous, laboureurs* *)».

Когда нужно было собрать генеральные штаты, дворъ, обыкновенно, посылалъ въ провинцію какого-нибудь сановника, иногда даже принца «цвѣтовъ лиліи», сопровождаемаго войсками, и привилегированныя сословія покорно подчинялись его волѣ, а если изъ представителей народовъ и находился изрѣдка какой-нибудь смѣльчакъ, державшій протестовать, то ему умѣли немедленно зажать ротъ. Филиппъ Прекрасный, который первый изловчился эксплуатировать страну посредствамъ генеральныхъ штатовъ, измышлялъ все новые и новые налоги. Онъ объявилъ, напр., что отправляется въ крестовый походъ; въ Палестину онъ не ходилъ, а собралъ всетаки большой налогъ. Потомъ онъ всетаки наложилъ на всю страну сборъ по случаю совершеннолѣтія своего сына, потомъ еще новый сборъ при выходѣ замужъ своей дочери, наконецъ, началъ выпускать фальшивую монету, обращать въ рабство тѣхъ, кто осмѣливался взвѣшивать ея и усмирялъ войсками не принимавшихъ ея. Феодалы и другіе короли тоже постоянно прибѣгали къ этой чрезвычайно выгодной для нихъ операціи. При королѣ Жанѣ, напр., въ 1351—55 г.г. вышло 76 указовъ, измѣнявшихъ цѣнность серебряной монеты! Съ XIII вѣка введенъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ и самыхъ ненавистныхъ для французскаго мужика налоговъ—налогъ на соль. «Въ XIV вѣкѣ, говоритъ Бонмеръ, кажется, рѣшились отнять у крестьянина послѣдній эюк и высосать изъ него послѣднюю каплю крови». Не довольствуясь тѣмъ, что земля платила духовенству, дворянству и королю безчисленное множество налоговъ, заставляли еще платить за каждое произведеніе почвы, платить по нѣскольку разъ и подъ разными предлогами. Къ этому присоединялись еще чрезвычайные сборы на блокированіе какого-нибудь замка, на осаду крѣпости, на защиту какого-нибудь города, на сухопутное войско и на флотъ,

*) Увы, увy, увy, увy! прелаты, принцы и добрые сеньоры, буржуа, кушцы и адвокаты, ремесленники, крупныя и мелкія, военныя и три сословія, вы живете на счетъ насъ, труженниковъ!..

на церковный союз противъ турокъ и т. д. На одинъ только выкупъ изъ плѣна короля Жана и взятыхъ вмѣстѣ съ нимъ рыцарей Франція уплатила на нынѣшнія деньги не мѣнѣе 500,000,000 франковъ. При томъ же королѣ генеральные штаты, вотировавъ налогъ на сѣбственные припасы, вслѣдъ за тѣмъ вотировали прогрессивный налогъ, при которомъ бѣдные, имѣвшіе менѣе десяти ливровъ дохода, земледѣльцы, поденщики и прислуга платили десять соль; лица, имѣвшія доходъ отъ 40 до 100 ливровъ платили 2 соли, а съ дохода больше 100 ливровъ платили 2 соли съ каждой сотни, кромѣ первой. При Карлѣ VI одна только королевская подать (taille) составляла 1,800,000 франковъ, при Людовикѣ XI 4,800,000, а при Францискѣ I уже 9,000,000. При этомъ сборъ налоговъ былъ отданъ откупщикамъ (евреямъ, итальянскимъ и ломбардскимъ банкирамъ), которые, понятно, не забывали и себя.

Содержаніе постоянныхъ королевскихъ армій и дорогаго огнестрѣльнаго оружія было источникомъ новыхъ сборовъ съ народа. Чѣмъ болѣе усиливалась королевская армія, тѣмъ болѣе платилъ на нее мужикъ, который, кромѣ того, еще содержалъ солдатъ, не получавшихъ жалованья и нерѣдко грабившихъ собственную страну, какъ непріятельскую землю. Во время походовъ и передвиженій, войска содержались на счетъ жителей, опустошая и нерѣдко сожигая деревни, по которымъ они проходили. Самъ дворъ, подобно сеньорамъ, пользовался правомъ во время своихъ путешествій жить на счетъ обывателей и брать у нихъ все, что вздумается, (droits des prise, de gite et de rouvoirie). Города откупались отъ этой повинности, которая тяжелѣе ложилась на мужиковъ. Многочисленные свиты королей, ихъ родственниковъ, любимцевъ, всѣ придворные, даже лакеи и пажы, имѣли право, *«пользоваться даромъ»* пшеницей и всѣми другими родами хлѣба, сѣномъ, виномъ, виноградомъ, уксусомъ, лошадьми, экипажами, сбруею, перинами, подушками, наволочками, одеялами, простынями, салфетками, посудой, быками, коровами, баранами, ягнятами, бурицами, яйцами, рыбою, сыромъ, *и всѣми другими, какими бы то ни было предметами, какіе найдутся у обывателей*. Такъ гласили подорожныя, выдававшіяся королями. Эти поѣзды опустошали страну не менѣе, чѣмъ арміи, такъ что нерѣдко короли принуждены были приказывать крестьянамъ бить въ набатъ и защищаться силою противъ грабительскихъ набѣговъ своихъ придворныхъ и чиновниковъ.

Нашествіе англичакъ опустошило страну не больше, чѣмъ собственныя ея междуусобицы, правители и защитники, хотя и англичане не клали охулки на руку. Въ это время, партіи арманьяковъ и бургонцевъ раздирали Францію своими междуусобіями; въ 1412 г. арманьяки, чтобы побѣдить противѣжковъ, вступили въ союзъ съ непріятелемъ, и Франція, преданная дворянствомъ, пала подъ ногами англичамъ. Ее спасли крестьяне и во главѣ ихъ обыкновенная деревенская «дѣвка», Жанна д'Аркъ. Но спася родину, крестьяне не могли спасти себя отъ домашнихъ враговъ. Въ то время, какъ британцы ховяйничали въ странѣ, три дяди Карла IV: герцоги анжуйскій, бургонскій и беррійскій, по выраженію современника, «своими междуусобицами губили Францію гораздо больше, чѣмъ внѣшніе враги; грабили народъ, совершали чудовищныя опустошенія и безчисленныя злодѣянія, учиняя даже надъ невинными дѣтьми гнусности, которыя хуже насилія и которымъ нѣтъ названія во французскомъ языкѣ.» «Они, свидѣтельствуешь другой современникъ, налагали дѣши на всѣхъ подданныхъ короля, какихъ только находили; они гнали ихъ передъ собою, какъ толпы каторжниковъ, и, заставивъ ихъ претерпѣть всевозможныя мучительства, вѣшали ихъ или бросали въ воду, если у несчастныхъ не было чѣмъ выкупить свою жизнь.» Къ этому присоединились еще феодальныя междуусобицы и разбой такъ называемыхъ *grands compagnies*, которыя, появившись въ половинѣ XIII вѣка, раззорали страну вплоть до XVII в. Это были вомнѣшвенныя шайки, состоявшія изъ незаконнорожденныхъ и отверженныхъ дворянъ, промотавшихся рыцарей и тому подобной сволочи. Переходя съ мѣста на мѣсто, изъ страны въ страну, они занимались въ службу и къ французамъ, и къ англичанамъ, и къ феодаламъ, и къ королямъ или же грабили исключительно въ свою пользу и держали въ трепетѣ все королевство. Сплошь и рядомъ бароны соединялись съ этими разбойниками, грабили вмѣстѣ съ ними и дѣлили пополамъ добычу. «Перо выпадаетъ изъ рукъ, говоритъ Бонмеръ, и воображеніе отступаетъ со страхомъ когда представишь себѣ мужчинъ, мучимыхъ на медленномъ огнѣ, чтобы выпытать у нихъ, гдѣ скрыты ихъ воображаемыя богатства, и дѣтей, бросаемыхъ на воздухъ и принимаемыхъ на копыя или же насаженныхъ на вертелъ и поджариваемыхъ на глазахъ матерей ихъ, испускающихъ вопли отчаянія, прожлинающихъ людей, сомнѣвающихся въ Богѣ! Горе было крестьянину, если его жена была еще молода или его

дочь уже взрослая. Когда разбойники были въ добромъ духѣ и не хотѣли убивать, то выкидывали шутку, которая, часто повторяясь, сдѣлалась традиціонною. Мужа кляли въ корыто, въ которомъ мѣсилась тѣсто, и бросивъ на него, какъ на постель, жену, насиловали ее. » Какъ опустошительны были эти войны и разбой можно судить по примѣру Бретани, въ которой, по словамъ мѣстнаго историка, «100,000 солдатъ, бретанцевъ, французовъ, англичанъ, фламандцевъ, шотландцевъ, испанцевъ, цвѣтъ европейскаго дворянства и три четверти населенія Бретани погибли отъ желѣза, воды или огня.» Заслышавъ о приближеніи этихъ компанцевъ, крестьяне убѣгали въ укрѣпленные мѣста, захватывая съ собою все, что могли и истребляя остальное. До какой степени страдалъ народъ даже въ окрестностяхъ Парижа, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ 1411 г., парижскія окрестности были заняты арманьяками, которые до гола ограбили въ нихъ всѣ деревни. Въ 1415 г., англійская армія, проходя изъ Гонфлера въ Калэ, сожгла всѣ деревни, находившіяся на ея пути. Въ 1417 г., бургиньонцы отняли у крестьянъ весь скотъ и перебили тотъ, который не могли забрать съ собою. Въ 1418 г., погнилъ на корню весь хлѣбъ, потому что крестьяне не смѣли выходить на жатву. Въ 1422 г., мужики перестали работать. «Иредадимъ все въ руки дьявола, говорили они,—намъ остается только бросить своихъ женъ и дѣтей, бѣжать въ лѣса и жить тамъ, какъ дикіе звѣри.» Франція превратилась въ громадный притонъ разбойниковъ. Даже патеры и монахи сначала бѣжали отъ разбойниковъ, потомъ вооружались и начинали грабить сами. Эти грабежи, эти войны, эти налоги вели за собой нищету, голодъ, болѣзни и ужасную смертность, къ которымъ присоединялись еще разныя естественныя бѣдствія, засухи, наводненія. Въ 1315 г. начался ужасный голодъ, который продолжался три года и погубилъ цѣлую треть народонаселенія. Отцы убивали дѣтей; дѣти отцевъ; снимали съ висѣлицъ тѣла преступниковъ и питались человѣчиной. То же самое повторялось въ 1338 и 1349 г.г. Вымирали цѣлыми семействами до послѣдняго человѣка и живыхъ не доставало для погребенія мертвыхъ. При Карлѣ V оказалось, что въ мѣстностяхъ, имѣвшихъ не задолго передъ тѣмъ около 600 домовъ осталось не болѣе 200. Въ Лангедокѣ въ теченіи тринадцатилѣтнихъ неистовствъ герцога анжуйскаго число семействъ со 100,000 уменьшилось до 30,000. Въ 1347 г. черная немочь погубила цѣлую треть жителей; щадя до нѣкоторой степени го-

рода, замки и монастыри, она съ особенною силою свирѣпствовала среди крестьянъ, такъ что во многихъ мѣстахъ изъ 100 жителей умирало отъ нея болѣе 80. Во время наводненій 1471 г. погибъ весь хлѣбъ и болѣе 100,000 крестьянъ умерло съ голода. Послѣдній годъ XVI вѣка начался такой же смертоносною эпидеміей, какъ и язва 1347 г. Лишась своихъ домовъ, крестьяне бѣжали въ лѣса и питались здѣсь травами, боясь даже разводять огонь, чтобы не привлечь вниманіе солдатъ. Около городовъ и укрѣпленныхъ мѣстностей они впрягались въ плуги и пахали тихонько по ночамъ, но едва только успѣвалъ всходить хлѣбъ, какъ его уже вытаптывали и сѣдали солдатскіе кони. Дороги, рвы, лѣса были усѣяны трупами; волки, истребивъ стада и собакъ, принимались за людей, за живыхъ и мертвыхъ. Бѣдность доходила всюду до крайнихъ предѣловъ и начинало воскресать прежнее рабство, въ которое родители продавали дѣтей своихъ, даже еще до ихъ рожденія. Вотъ одинъ изъ многихъ подобныхъ документовъ того времени: «1477 г., іюня 11, честная женщина Франсуаза Анфантень, гренобльской епархіи, жительница Тора, принимая во вниманіе свою беременность и то, что не имѣя ни мужа, ни родственниковъ, ни средствъ къ своему прокормленію въ первое время послѣ родовъ и желая по возможности пріобрѣсть ихъ, отдала и отдастъ Луи, торскому земледѣльцу, упомянутаго ребенка, которымъ она беременна, сына или дочь, чтобы онъ былъ удостоенъ святаго крещенія, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Чтобы онъ, Луи, принявъ на себя расходы по родамъ ея, Франсуазы, и доставлялъ бы ей необходимое пропитаніе въ первое время послѣ родовъ; 2) чтобы въ теченіи упомянутаго времени она, Франсуаза, кормила этого ребенка грудью и заботилась о немъ хорошо, какъ слѣдуетъ, какъ бы о собственномъ дорогомъ сынѣ; 3) если по истеченіи упомянутаго времени стороны не сойдутся между собою относительно платы ей, Франсуазѣ, за кормленіе ребенка грудью и за уходъ за нимъ въ продолженіи года или части года, онъ, Луи, можетъ взять ребенка, чтобы отдать его другой кормилицѣ и воспитывать его, гдѣ ему угодно, Франсуаза же не имѣетъ права дѣлать никакихъ домогательствъ, ни продавать своего молока или кормить другихъ».

Эти бѣдетвія, длившіяся въ теченіи столѣтій, сплошь и рядомъ доводили крестьянъ до отчаянныхъ возстаній. Въ 1250 г. формировались громадныя банды *пастурей*, состоявшія изъ бѣдныхъ, рабовъ, пастуховъ, крестьянъ, увлекшихся крестовыми по-

ходами и т. д. Во главѣ ихъ стоялъ одинъ визионеръ, родомъ венгерець, извѣстный въ народѣ подъ именемъ Венгерскаго Учителя. Онъ началъ проповѣдывать народу о тираніи бароновъ, о развратѣ духовенства, и народъ привѣтствовалъ его, какъ своего освободителя. Крестьяне, женщины, молодые дѣвушки всѣ слѣдовали за нимъ «какъ желѣзо за магнитомъ», по выраженію современника. Сначала эти пастыри направались было на Востокъ, для освобожденія короля Людовика изъ плѣна, но обстоятельства удержали ихъ во Франціи, которую они заставили трепетать, начавъ истребительную войну противъ феодаловъ и духовенства, даже Парижъ принужденъ былъ открыть свои ворота пастырямъ, и Венгерскій Учитель проповѣдывалъ въ парижскихъ церквахъ, одѣвшись въ ризы епископа. Изъ Парижа пастыри отправились къ югу, но дѣло ихъ окончательно рухнуло, вслѣдствіе раздоровъ и тѣхъ грабежей, которыми они отталкивали отъ себя народъ. Мелкія возстанія крестьянъ почти не прекращались. Такъ, напр., въ 1304 г. 20,000 голодныхъ крестьянъ нахлынуло въ Тулузу, требуя хлѣба. Власти сначала на отръзъ отказали имъ, но когда крестьяне пригрозили грабежомъ, то парламентъ уступилъ и организовалъ дѣло помощи этой голодавшей массѣ. Духовные, чиновники, купцы, всѣ зажиточные люди были обложены сборомъ соотвѣтственно ихъ состоянію и три комиссара ежедневно раздавали крестьянамъ пищу. Но не смотря на это, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ всетаки умерло съ голоду 7,000 крестьянъ. Въ 1320 г. снова появились пастыри въ числѣ 40,000, подъ предводительствомъ бѣглаго монаха и попа, лишеннаго прихода. Они имѣли тоже видъ пилигримовъ и питались на своемъ пути подаеніемъ, но потомъ начали воровать и грабить; послѣ же того, какъ имъ стали оказывать сопротивленіе, они въ свою очередь стали убивать и жечь. Они пришли въ Парижъ, овладѣли тюрьмами и, освободивъ изъ нихъ нѣкоторыхъ своихъ сообщниковъ, отправились на югъ; но въ Лангедокѣ частію были перебиты войсками, частію перевѣшаны послѣ своего пораженія. Эти частые крестьянскіе бунты, постепенно усиливаясь, въ половинѣ XIV вѣка разразились такъ называемой *Жакери*, или Яковщиной. Страданія крестьянина, говоритъ Мишле, превзошли всякую мѣру; всѣ били его, какъ вьючнаго скота, изнемогащаго подъ тяжестью; свотъ остервенился и началъ кусаться.» Почти въ одно и то же время, 21 мая 1358 г., во всѣхъ концахъ Франціи за-

гудѣлъ набать на деревенскихъ колокольняхъ и крестьяне под-
нялись при звукахъ своей старинной пѣсни:

«Nous sommes hommes, comme ils sont,
«Des membres avons, comme ils ont
«Un aussi grand coeur avons,
«Tout autant souffrir nous pouvons!»...

Главнымъ вождемъ ихъ былъ простой мужикъ, Гильомъ Баль; въ числѣ же ихъ второстепенныхъ вождей были даже дворяне и духовные, какъ напр., Ломберъ де-Готъ-Фонтень, братъ президента парламента, капитанъ Ребуръ, приходскій священникъ Неринга, дворянка Бетанкуръ и т. д. Это возстаніе нельзя считать вполнѣ незаконнымъ, такъ какъ королевская власть, чувствуя себя не въ силахъ обуздать грабежи и разбой бароновъ и чиновниковъ, не разъ объявляла, «чтобы народъ королевства сопротивлялся имъ всеми способами и силою оружія, дабы его не обижали». Это объявлялось за долго до возстанія, но народъ не поднимался. Въ 1357 г. правительство снова приказывало ему отражать силу силою. Въ апрѣлѣ 1358 г. на собраніи штатовъ въ Шампаньи его снова призывали къ оружію; затѣмъ генеральные штаты, открытые 4 мая 1358 г., рѣшили: «Каждый можетъ сопротивляться тѣмъ, которые захотѣли бы обобрать его, и можетъ отобрать силою все, что отнято у него, не боясь ни наказанія, ни штрафа; если же тѣ, надъ которыми совершаются эти насилія, оказались бы не въ состояніи сопротивляться имъ, то они могутъ призывать на помощь своихъ сосѣдей, которые имѣютъ право собираться по крику ихъ, а они не могутъ быть привлекаемы къ обыкновенному суду ни по какимъ дѣламъ, относящимся до тѣхъ населеній». Народъ, наконецъ, послушался, и «вся страна, по выраженію одного стариннаго историка, раздѣлилась на два лагеря—на дворянъ и мужиковъ». Сотни тысячъ послѣднихъ, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ однообразныхъ политическихъ плановъ, ни дисциплины, ни хорошаго оружія, могли держаться только полтора мѣсяца. Затѣмъ началась ужасная месть бароновъ, которые при этомъ, по выраженію хроникера, «грабили и убивали, не отличая виновныхъ отъ невиновныхъ, добрыхъ отъ злыхъ, и хотя многіе изъ нихъ

*) „Мы такіе же люди, какъ и они, у насъ такіе же члены, какъ и у нихъ, такое же большое сердце, и мы можемъ также чувствовать боль“.

не потерпѣли во время возстанія ни малѣйшаго ущерба, но они всетаки жгли деревни, убивали людей, расхищали и грабили, подвергали пыткамъ женщинъ, дѣтей, священниковъ, монаховъ, чтобы дознаться, гдѣ ихъ имущество; многихъ изъ нихъ они замучивали до смерти, оскверняли церкви и алтари во время самаго богослуженія, отнимали у священника чашу и ризы, бросали своимъ слугамъ пречистое тѣло, заплескивали стѣны кровью Господа нашего, отдавали на разграбленіе церкви, аббатства, пріорства, если только не сожигали ихъ безчестили дѣвъ и насилывали женщинъ въ присутствіи мужей ихъ, однимъ словомъ, поступали хуже чѣмъ, нѣкогда сарацины. И до сего дня еще они продолжаютъ убивать и грабить купцовъ, овладѣваютъ ихъ товарами, убиваютъ и грабятъ всѣхъ, кто встрѣчается имъ, жителей городовъ и земледѣльцевъ.» Самые города тоже не избавлялись отъ этихъ дворянскихъ набѣговъ и грабежей, и, не смотря на охранныя грамоты, раздававшіяся имъ правительствомъ, благородные разбойники овладѣвали ими, сожигали дома, разграбляли имущества, насилывали женщинъ. Къ довершенію бѣдствій, эти представители феодальной мести соединялись противъ народа съ англичанами, воевавшими въ это время во Франціи, и доводили несчастную страну до послѣдней гибели. Съ помощью французскихъ феодаловъ англичане опустошили и выжгли лучшія провинціи Франціи, а несчастный народъ разбѣжался по лѣсамъ и велъ жизнь дикаго звѣря. Въ Пижардіи крестьяне спасались въ подземельяхъ, вырытыхъ еще ихъ праотцами въ эпоху нашествія Норманновъ. «Вдоль Соммы, говоритъ Мишле, отъ Пероны до устья еще въ прошломъ столѣтіи считали тридцать такихъ подземелій. Въ нихъ то можно получить нѣкоторое представленіе о тѣхъ ужасныхъ временахъ. Это были длинные корридоры, семи или восьми футовъ шириною, съ двадцатью или тридцатью комнатами по сторонамъ, съ колодезъ въ центрѣ. Вокругъ этого колодца находились обширныя помѣщенія для животныхъ. Заботливость и прочность, замѣчаемая въ этихъ постройкахъ, достаточно ясно указываютъ, что онѣ были одними изъ обыкновенныхъ жилищъ тогдашняго несчастнаго народонаселенія. Когда приближался врагъ, сюда собирались семейства. Женщины и дѣти томились въ нихъ въ продолженіи недѣль, даже мѣсяцевъ, а мужчины боязливо выходили изъ нихъ посмотрѣть съ колокольни, не ушелъ ли врагъ изъ деревни.» «И умирали, говоритъ Фроассаръ, эти бѣдняги съ голода, и эти бѣдствія и эта дороговизна продолжались болѣе

четырехъ лѣтъ». Страданія французскаго народа доходили до того, что даже среди духовенства и дворянства находились люди, которые проникались жалостью къ несчастному мужику и одинъ изъ которыхъ обращался къ своимъ собратьямъ съ слѣдующими трогательными словами:

«Jacques Bonshommes!
Cessez, cessez, gens d'armes et piétons,
De piller et manger le bonhomme
Qui de longtemps Jacques Bonhomme
Se pomme!»....

Въ то время, какъ пламя возстанія потухало въ потокахъ крестьянской крови, по другую сторону Ламанша, Виклеффъ проповѣдывалъ равенство и возставшіе англійскіе крестьяне пѣли:

«Когда Ева пряла, Адамъ же пахалъ,
Гдѣ тогда были дворяне?»...

Немного прошло времени, какъ крестьянскія возстанія во Франціи разгорѣлись снова. Крестьяне въ разныхъ мѣстахъ бросали работу и рѣшались драться, чтобы освободиться отъ налоговъ и выйти на свободу. Эти возстанія особенно усилились въ то время, когда въ Германіи началась страшная крестьянская война и извѣстные двѣнадцать пунктовъ Мюнцера были съ радостью привѣтствуемы мужиками Франціи. Эти пункты были слѣдующіе: 1) Евангеліе должно быть проповѣдуемо по сущей правдѣ, а не въ интересахъ дворянъ и священниковъ. 2) Мы не будемъ болѣе платить ни большихъ, ни малыхъ десятинъ. 3) Процентъ за землю долженъ быть пониженъ до 5 со ста. 4) Всѣ воды должны быть свободными. 5) Лѣса будутъ возвращены общинѣ. 6) Охота будетъ свободна. 7) Не будетъ болѣе рабовъ. 8) Мы будемъ сами избирать себѣ своихъ властей. Мы изберемъ себѣ государемъ, кто намъ понравится. 9) Мы будемъ судиться равными себѣ. 10) Мы сами будемъ выбирать и низлагать уѣздныхъ приставовъ. 11) Мы не будемъ болѣе платить налога по случаю смерти владѣльца. 12) Всѣ общинныя земли, присвоенныя нашими сеньорами, будутъ возвращены общинѣ». Возстаніе было особенно сильно въ Альзасѣ и Лотарингіи, и когда оно съ обычными жестокостями того времени было подавлено здѣсь, то уцѣлѣвшіе отъ погрома бунтовщики, разсѣявшись по другимъ провинціямъ, распространяли въ нихъ идеи, формулированныя

Мюнцеровъ. Подъ вліяніемъ этихъ идей и своей вопіющею бѣдності, мужики возставали снова и снова, а феодалы и королевскія войска снова и снова избивали ихъ, снова и снова опустошали страну. Къ этимъ «водворителямъ порядка» присоединялись всякіе воры и разбойники.

Ш—ъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка. Изданіе Михаила Боткина. Спб. 1880.

Большинство читателей, вѣроятно, знало до сихъ поръ Иванова по письму Гоголя, помѣщенному въ «Перепискѣ съ друзьями», да по статьѣ Тургенева «Позадка въ Альбано и Фраскати». Гоголь представилъ Иванова художникомъ-аскетомъ, нишущимъ вслѣдствіе «внушенія свыше», пренебрегающимъ всѣмъ земнымъ, молящимся, плачущимъ и стремящимся выразить въ картинѣ свое религіозное чувство. У Тургенева (конечно, вслѣдствіе слишкомъ непродолжительнаго знакомства) Ивановъ изображенъ почти исключительно съ внѣшней стороны, хотя изображенъ художественно; но что происходило въ душѣ его, остается неизвѣстнымъ для читателя.

Его переписка даетъ теперь возможность объяснить Тургеневскаго Иванова и исправить образъ, созданный Гоголемъ. Гоголевскій Ивановъ оказывается отчасти просто идеализаціей въ томъ направленіи, которому преданъ Гоголь въ эпоху «Переписки съ друзьями», отчасти дѣйствительнымъ Ивановымъ, но лишь настолько, насколько ненормальная психическая жизнь Гоголя, съ его страстью забираться въ чужую душу, успѣла временно повліять на Иванова. Ивановъ, несомнѣнно, имѣлъ склонность къ психическому разстройству, а извѣстно, что на такихъ людей болѣзненная душевная жизнь другихъ дѣйствуетъ чрезвычайно заразительно, особенно же, когда она сопровождается, какъ у Гоголя, копаніемъ въ самомъ себѣ, убійственнымъ для разстроенной нервной организаціи. «Наблюдая за разростаніемъ своихъ мыслей», записывая ихъ и толкуя о нихъ съ Гоголемъ, Ивановъ подъ вліяніемъ послѣдняго, дѣйствительно, дошелъ до того, что пишетъ ему: «я уединился въ Неаполь и, читая «Подражаніе І. Христу», хотѣлъ вамъ написать записочку....» Слѣдующее письмо оканчивается такъ: «Да устранивъ Богъ всякое дьявольское нашествіе отъ васъ, и да пребудете цѣлы и мирны, какъ то являлъ Онъ намъ въ образѣ Іисуса Христа». Характеристично для Иванова,

однако, не это аскетическое настроеніе, а, напротивъ, то, что онъ имѣлъ достаточно трезвости мысли и силы, чтобы не остаться навсегда такимъ, какимъ остался Гоголь, и чтобы прекратить, наконецъ, близкія отношенія съ нимъ. По словамъ интересной біографіи, предпосланной «Перепискѣ», опасеніе отравы, мучившее Иванова, явилось послѣ 1848 г., когда онъ испыталъ неудачу въ своей первой и послѣдней любви. Но эта мысль у него родилась, повидимому, раньше, именно, въ эпоху его наибольшей близости съ Гоголемъ; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ послѣднему отъ 1846 г. онъ уже говоритъ: «Жизнь, можетъ быть, мнѣ пресѣкутъ прежде, чѣмъ истощатся всѣ послѣдніе способы существованія». Вообще письма этого времени носятъ отпечатокъ самаго тяжелаго душевнаго состоянія. Не дешево обошлась ему дружба съ этимъ, какъ онъ говорилъ, «важнѣйшимъ изъ людей, какихъ онъ встрѣчалъ въ жизни».

Ивановъ, дѣйствительно, не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ эпикурейству, дѣйствительно, велъ въ послѣдніе годы почти отшельническую жизнь; но это не вытекало у него изъ религіознаго чувства;—онъ просто былъ человѣкъ, смотрѣвшій на жизнь очень серьезно и не любившій тратить ее на мелочи. Большую часть своей жизни Ивановъ былъ искренно вѣрующимъ человѣкомъ, но объясненія его работы надъ картиной (а слѣдовательно и его жизни) надо искать не въ религіозномъ чувствѣ. Изъ его писемъ дѣлается совершенно яснымъ, что стремленіе, одушевлявшее его въ теченіе всей жизни, побудившее его приняться за 28-лѣтній трудъ и довести его, не смотря на всѣ внутреннія и внѣшнія трудности, до конца—было стремленіе *патріотическое*. Исполненный вѣры въ высокое образовательное значеніе искусства, онъ рѣшился показать, какъ можетъ и долженъ писать Русскій, усвоившій себѣ вполне результаты развитія искусства на Западѣ и выѣсть свободный отъ его традицій; онъ рѣшился создать русскую школу живописи. Художественное развитіе Россіи было его преобладающей мыслью. Надо читать его письма, чтобы видѣть, какъ живо онъ интересовался всѣмъ молодымъ художникомъ, отъ котораго ожидалъ пользы для этого дѣла, какъ негодовалъ, когда оказывалось, что этотъ художникъ ведетъ веселую жизнь въ Римѣ и наживу предпочитаетъ работѣ надъ самимъ собой и надъ своими произведеніями, какъ постоянно мечталъ объ устройствѣ въ Россіи различныхъ художественныхъ учрежденій. Характеристично, что онъ при этомъ ненавидѣлъ тогдашнюю Академію Художествъ и вообще Петербургъ.

При этой увѣренности въ томъ, что Россія должна занять равное съ другими мѣсто въ европейской культурѣ, замѣчательна трезвость, съ которою онъ смотрѣлъ на ея права на это положеніе. Никакихъ мыслей о необыкновенномъ величій Россіи, о значеніи Русскихъ, какъ избраннаго народа, у него нельзя найти. «Русскимъ суждено придти послѣднимъ на поприще духовнаго развитія и завершить все спокойно, здоровою критикой». Это писано въ разгарѣ борьбы славянофильства съ западничествомъ, и

такъ просто, именно «спокойно и здраво» формулируется то, что есть истиннаго въ обомъ направленіяхъ. Здѣсь недостаетъ, видимо, одного: признанія права русской индивидуальности на выраженіе, но и его Ивановъ признавалъ вполне. Своему младшему брату, изучавшему архитектуру, онъ пишетъ *): «По моему, если наши художникъ, влѣдствіе глубокаго своего ученія за границей, окончатъ свои знанія по Россіи, то само собою разумѣется, что изъ русской души его выйдетъ прекрасная русская архитектура XIX ст., которая сдѣлается сейчасъ же оригиналомъ для всѣхъ прочихъ, ему современныхъ художниковъ, менѣе его способныхъ къ своему дѣлу». Эту «способность къ своему дѣлу», благодаря которой и онъ, и братъ могутъ явиться творцами новаго русскаго искусства, Ивановъ понималъ опять-таки безъ малѣйшихъ претензій. По его мнѣнію, для этого нужно, во первыхъ, быть русскимъ, во вторыхъ—имѣть серьезную рѣшимость. «Мы съ тобой, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ своему брату, должны сдѣлать многое еще (кромя того, что они—русскіе) и потому, что всѣ наши художники приняли самое жалчайшее направленіе. Вдумываться въ дѣло—совсѣмъ нѣтъ въ поминѣ». Такимъ образомъ, собираясь создавать школу, онъ вовсе не считалъ себя человекомъ необыкновеннымъ. Когда, по приѣздѣ его въ Петербургъ съ оконченной картиной, однимъ русскимъ скульпторъ попросилъ у него позволенія сдѣлать съ него бюстъ, то онъ отказалъ на-отрѣзъ, говоря, что это «было бы несообразно-съ».

Та же трезвость и глубокая серьезность отличали его и въ его отношеніи къ ближайшей задачѣ—живописи. Онъ одинаково отрицательно относился къ риторикѣ академической живописи и къ крайностямъ романтизма. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ реалистъ. Всѣ лица его картины—настоящіе жида; физиономіи жидавъ онъ изучалъ вездѣ, гдѣ только могъ; много разъ порывался онъ даже въ Палестину—и, навѣрное, поѣхалъ бы, если бы жила дольше—для того, чтобы изучить ея природу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, на воспроизведеніи дѣйствительности онъ не могъ остановиться; жанра онъ не признавалъ и передъ самой смертью герою сокрушался; что на экзаменѣ въ Академіи нашелъ, правда, вѣрное изображеніе природы, но вовсе не нашелъ «выраженія идеи». И это совершенно понятно съ его точки зрѣнія на искусство. Картина должна производить глубокое и благотворное впечатлѣніе на зрителя; надо, чтобы ея дѣйствіе окупило 28 лѣтній трудъ; художникъ—проповѣдникъ идеи. Такъ онъ смотрѣлъ и на свою собственную дѣятельность.

Въ этомъ отношеніи въ высокой степени замѣчательны переломы, совершившіяся въ немъ около 48 года, когда ему было уже за 40 лѣтъ.

*) Стиль Иванова отличается полнѣйшей неправильностью; но это равнодушіе къ формѣ, по нашему мнѣнію, возвышаетъ впечатлѣніе искренности, производимой его письмами.

Его прежнее мировоззрѣніе поколебалось. Когда онъ познакомился съ «Жизнью Іисуса» Штрауса, то она произвела на него глубокое впечатлѣніе. Взвѣтъ съ тѣмъ, естественно, долженъ былъ измѣниться и взглядъ его на свою картину. Переходъ, конечно, былъ болѣзненный. Замѣчательно письмо его къ неизвѣстному отъ 1855 г. «Мой трудъ—большая картина—болѣе и болѣе понижается въ глазахъ моихъ. Далеко ушли мы, живущіе въ 1855 г., въ мышленіяхъ нашихъ тѣмъ, что предъ послѣдними рѣшеніями учености литературной, основная мысль моей картины совсѣмъ почти теряется.... Вы, можетъ быть, меня спросите, что же я извлекаю изъ послѣднихъ положеній литературной учености? Тутъ я могу едва назваться слабымъ ученикомъ, хотя и сдѣлалъ нѣсколько пробъ, какъ ее приспособить къ живописному дѣлу. Однимъ словомъ, я, какъ бы оставляя старый бытъ искусства, никакого еще не помогалъ твердаго камня къ новому и въ этомъ положеніи дѣлаюсь невольнымъ переходнымъ художникомъ. Простите! можетъ быть, навелъ на васъ грусть, почему желалъ бы скорѣе молчать, чѣмъ въ письмѣ сознаваться о моей незрѣлости.» Картины своей, однако, онъ не оставилъ, но отнесся къ ней съ новой точки зрѣнія. Въ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни онъ постоянно искалъ идей для новаго искусства. Взвѣтъ съ тѣмъ, онъ сталъ чутче къ современному состоянію умовъ и къ политическому движенію въ Европѣ. Въ этомъ періодѣ своей жизни онъ имѣлъ интересный разговоръ съ Герценомъ, приведенный въ биографіи. «Первое знакомство его съ Герценомъ было въ Римѣ въ 1847 г. Но тогда они не сошлись, часто спорили. Прошло 10 лѣтъ, между ними не было никакихъ сношеній, и вдругъ въ 1857 году Ивановъ пишетъ Герцену: «Слѣдя за современными успѣхами, я не могу не замѣтить, что и мое искусство живописи должно тоже получить новое направленіе, и полагая, что нигдѣ столько не могу затернуть разъясненія мыслей моихъ, какъ въ разговорѣ съ вами, надеюсь, что вы мнѣ не откажете въ этомъ многополезномъ предпріятіи, я рѣшаюсь пріѣхать въ Лондонъ на недѣлю. Въ художникахъ итальянскихъ совсѣмъ не слышно стремленія къ какому-нибудь новымъ идеямъ въ искусствѣ. Не говоря уже о теперешнемъ тингомъ состояніи Рима, они въ 1848 и 49 годахъ, когда во главѣ стоящая партія грозилась до основанія разрушить церкви, думали, какъ бы получить для церкви новыя заказы. Такое противорѣчіе рождаетъ самый любопытный вопросъ: какъ думаетъ объ этомъ самъ Мадзини? Почему и просилъ бы васъ покорнѣйше свести меня съ нимъ во время пребыванія моего въ Лондонѣ» и т. д. Встрѣтиться съ Мадзини ему, однако, не удалось, но свиданіе съ Герценомъ состоялось, и вотъ какъ рассказываетъ о немъ Герценъ: «Наконецъ, Ивановъ пріѣхалъ. Много состарѣлся онъ въ эти 10 лѣтъ: посѣдѣли волосы, тинически русское выраженіе его лица стало еще сильнѣе, простота, добродушіе ребенка (во всѣхъ примѣлахъ, во всѣхъ словахъ). На другой день мы ходили съ нимъ въ National Gallery, потому что пошли вмѣ-

стѣ объѣдать. Ивановъ былъ задумчивъ, тяжелая мысль сквозила даже въ его улыбкѣ. Послѣ объѣда онъ сталъ разговорчивѣй и, наконецъ, сказалъ: «Да, вотъ что меня тяготитъ, съ чѣмъ я не могу сладить—я утратилъ ту религиозную вѣру, которая мнѣ облегчала работу, жизнь, когда вы были въ Римѣ. Часто поминать я наши разговоры: вы правы, да что мнѣ отъ этого, что отъ этого искусству? Миръ души разстроился, слышите мнѣ выходъ; укажите идеалы. Событія, которыми мы были окружены, навели меня на рядъ мыслей, отъ которыхъ я не могъ больше отдѣлаться; годы цѣлые занимали онѣ меня, и когда онѣ начали становиться яснѣе; я увидѣлъ, что въ душѣ нѣтъ больше вѣры. Я мучусь о томъ, что не могу формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться я считаю преступнымъ,—прибавилъ онъ съ жаромъ. Писать безъ вѣры религиозныя картины—это безразлично, это грѣшно.... Мнѣ предлагали главное завѣдываніе живописныхъ работъ въ новомъ соборѣ;—мѣсто, которое доставило бы и славу, и матеріальное обезпеченіе; я думалъ, думалъ—да и отказался: что же я буду въ своихъ глазахъ, войдя безъ вѣры въ храмъ и работая въ немъ съ сомнѣніемъ въ душѣ? Лучше остаться бдѣющимъ и не брать кисти въ руки!»—Хвала русскому художнику, безконечная хвала, сказала я со слезами на глазахъ и бросился обнимать Иванова. Не знаю, слышите ли вы формы вашимъ идеаламъ, но вы подаете не только великій примѣръ художникамъ, но даже свидѣтельство о той непочатой, цѣльной натурѣ русской, которую мы знаемъ чутьемъ, о которой догадываемся сердцемъ, и за которую, вопреки всему дѣлающемуся у насъ, мы такъ страстно любимъ Россію, такъ горячо надѣемся на ея будущность.» Разговоръ любопытный и относительно Иванова и относительно Герцена, и нелишній назидательности для многихъ современныхъ художниковъ.

Не можемъ удержаться, чтобы не привести еще отрывка изъ одного разговора Иванова, переданнаго въ Современникѣ 1858 г., и характеризующаго взглядъ Иванова на искусство будущаго: «Съ технической стороны оно будетъ вѣрно идеямъ красоты, которыми служили Рафаэль и его современники. Тутъ намъ не остается ничего иного, какъ быть ихъ послѣдователями. Но это со стороны техники. Идей у итальянцевъ XVI вѣка не было такихъ, какія имѣетъ наше время; живопись нашего времени должна проникнуться идеями новой цивилизаціи, быть истолковательницей ихъ. Прибавлю вамъ, что искусство тогда возвратитъ себѣ значеніе въ общественной жизни, котораго не имѣетъ теперь, потому что не удовлетворяетъ потребности людей. Оно будетъ имѣть тогда и враговъ, которыхъ не имѣетъ теперь. Я, знаете ли, боюсь (прибавилъ Ивановъ съ своей наивною вѣрой въ проницательность своихъ судей), какъ бы не подвергнуться гоненію,—вѣдь искусство, развитію котораго я буду служить, будетъ вредно для предрасудковъ и преданій;—это замѣтить, сказать, что оно стремится преобразовать жизнь;—и знаете, вѣдь эти враги искусства будутъ говорить правду: оно, дѣйствительно, такъ.»

Ивановъ умеръ, не успѣвъ найти принципа новаго искусства, какъ, можно сказать, не найденъ онъ и до сихъ поръ. Можно замѣтить, однако, что не одной отсталостью искусства, какъ думалъ Ивановъ, объясняется второстепенное значеніе его въ современной жизни. Самъ Ивановъ платилъ дань одной изъ существенныхъ особенностей современнаго духовнаго развитія, парализующихъ силу творчества и интенсивность художественнаго впечатлѣнія. Мы говоримъ о господствѣ мысли надъ чувствомъ. Старые итальянскіе мастера писали не для того, чтобы дать Италиі школу живописи; они не искали также никакихъ идей, а писали потому, что были полны идей и потребностей выразить ихъ. У Иванова осталось множество эскизовъ къ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта *). Говорятъ, что эскизы замѣчательны въ высшей степени. Но интересно, что Ивановъ предполагалъ выполнить ихъ на стѣнахъ слѣдующимъ образомъ. Главное мѣсто занимаетъ изображеніе евангельскаго событія; вокругъ — нарощія на это событіе преданія или аналогическіе сюжеты изъ Ветхаго Завѣта. «Даже Ивановъ думалъ—въ той комнатѣ, гдѣ изобразить рожденіе Христа, окружить эту картину изображеніями мифическаго рожденія боговъ различныхъ мифологій, а также и рожденія великихъ людей». Словомъ сказать—иллюстраціи къ книгѣ Штрауса!

Этотъ рефлективный характеръ творчества, какъ мы сказали, есть знаменіе эпохи, и эпохи неблагоприятной для искусства. Но Ивановъ искалъ и, если при этомъ заблуждался, то самое это исканіе новаго ставилъ его выше тѣхъ художниковъ, которые мирились и мирятся съ дѣятельностью, не оказывающей, очевидно, почти никакого вліянія на общество. Не нельзя сказать даже, чтобы Ивановъ дѣйствительно заблуждался: въ своемъ творчествѣ онъ вовсе не находилъ осуществленія искусства будущаго; онъ самъ глядѣлъ на него, какъ на исканіе, на попытки. Онъ пишетъ брату, въ самый годъ своей смерти: «Если бы, напримѣръ, мнѣ даже не удалось пробить или намекнуть на высшій и новый путь, *стремленіе къ нему все-таки показало, что онъ существуетъ впереди, и это уже мною, и даже все, что можетъ дать въ настоящую минуту живописецъ.*» Слова глубокия и благородныя!

«Жизнь и переписка Иванова, изданная М. П. Боткинымъ», представляетъ довольно толстый, хорошо напечатанный томъ съ приложеніемъ воспоминаній разныхъ лицъ объ Ивановѣ, его факсимиле, восьми фотолитографій съ его картинъ (въ томъ числѣ съ его большой картины въ первоначальномъ и въ окончательномъ ея видѣ) и трехъ портретовъ Иванова. Лицо замѣчательно симпатичное, очень умное, дѣтски-доброе и типично-русское. «Вся фигура его дышала Русью», говоритъ о немъ Тургеневъ.

*) Снимки съ нихъ вскорѣ будутъ изданы, а сами они сдѣлаются собственностью города Москвы.

Переписка Иванова, конечно, интересна для человека, знакомаго съ искусствомъ, потому что въ ней разбѣяно множество замѣчаній о различныхъ художникахъ и произведеніяхъ искусства, но для большинства читателей она, безъ сомнѣнія, покажется, въ цѣломъ, довольно скучной. Она не даетъ почти никакихъ матеріаловъ для характеристики эпохи, и это совершенно понятно. Ивановъ велъ жизнь уединенную, да кромя того не любилъ говорить ни о чемъ, что не касалось прямо его или, правильнѣе сказать, его задачъ. Почти все характеристичное собрано въ интересной статьѣ г. Стасова, въ Вѣст. Европы, 1880 г. январь. Одно только утрачивается въ изложеніи г. Стасова: это непосредственное впечатлѣніе чрезвычайно симпатичной личности, высказывающейся въ отношеніяхъ къ разнымъ лицамъ, во всѣхъ мелочахъ, даже въ стилѣ Иванова. Поэтому выписки изъ писемъ въ статьѣ могутъ, пожалуй, не произвести на читателя того впечатлѣнія задушевной искренности, которая выносится изъ чтенія переписки. Слова Иванова имѣютъ гораздо большую важность для его характеристики, чѣмъ слова большинства другихъ людей. Это необходимо имѣть въ виду при чтеніи статьи г. Стасова.

~~~~~

Нравственная философія утилитаризма. Историко-критическое изслѣдованіе
А. Мальцева. Спб. 1879 г.

На всякомъ, кто дорожить судьбами науки и умственного образованія въ Россіи, лежитъ, между прочимъ, тяжелая обязанность—указывать на произведенія авторовъ, которые (не говоря о людяхъ, сознательно искажающихъ истину) или относятся къ наукѣ съ недостойнымъ легкомысліемъ, или прямо смотрятъ на нее, какъ на дойную корову, надѣясь изданіемъ книжки приобрѣсть малую толику рублей, или получить ученую степень и вѣстѣ съ нею «честь и мѣсто.» Неприятно говорить объ иностранномъ ученомъ, относительно котораго критика обращается въ уличеніе; тѣмъ болѣе тяжело и даже оскорбительно сознаваться передъ публикой, что у насъ могутъ появляться книги, невозможныя въ другихъ странахъ, предостерегать русскаго читателя отъ довѣрчиваго отношенія къ русскимъ ученымъ! Однако, это необходимо: слишкомъ часты у насъ стали такіа злоупотребленія. Оставлятъ ихъ нераскрытыми—значитъ вводить въ обманъ публику и еще ниже ронять въ ея глазахъ достоинство нашей науки.

Прежде всего Г. Мальцевъ повиненъ въ плагиатъ:

Г. Мальцевъ. Стр. 17-я.

«Аристиппъ былъ именно такимъ ученикомъ Сократа, который не вполне усвоилъ возвышенный характеръ нравственного ученія своего учителя....

Carrau. La morale utilitaire. Стр. 6-я.

Aristippe fut disciple de Socrate, mais il semble n'avoir compris qu'imparfaitement la morale élevée de son maître; peut-être aussi l'enseignement

Быть может, даже проповѣдь Сократа, свободная и чуждая всякой догматичности, сама собою давала поводъ къ различнымъ ея толкованіямъ. Но, отчего бы это ни зависѣло, ученіе Киренской школы является передъ нами проповѣдью удовольствія въ наиболѣе грубой и чувственной его формѣ. Считая всякое разсужденіе, не имѣющее своимъ предметомъ прямаго и непосредственнаго приложенія къ жизни, совершенно бесполезнымъ, Аристиппъ видитъ единственную цѣль философіи въ указаніи пути къ счастью, а въ силу этого ограничиваетъ область философіи однимъ ученіемъ о нравственности, и. т. д. и т. д.

Словомъ сказать, вся глава объ Аристиппѣ, стр. 17—21 почти вполнѣ заимствована изъ Карро: Замѣтитъ мимоходомъ, что «la doctrine des plus effrontés Sophistes» переводится: «воззрѣнія особенно выдающихся софистовъ».

Затѣмъ начинается глава 3-я, «Эпикуръ», словами:

Въ глазахъ Эпикура, также какъ и его предшественника Аристиппа, философія имѣла существенно практическую цѣль, и, какъ такая, сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на этикѣ. Отсюда, существеннымъ вопросомъ для Эпикура, какъ и вообще для всѣхъ моралистовъ древности, является вопросъ о высшемъ благѣ. Отвѣчая на него, Эпикуръ, во имя наблюденія и опыта, утверждаетъ, что высшее благо есть *удовольствіе* (ἡδονή). «Всякое животное, говоритъ Эпикуръ, только что родившееся....» и т. д.

de Socrate, si libre, si dégagé de tout appareil dogmatique prêtait-il par lui-même aux interprétations les plus diverses. Quoi qu'il en soit, la doctrine cyrenaïque fut la doctrine du plaisir sous sa forme la plus grossière....

Rejetant comme inutile toute speculation qui n'a pas pour objet direct et immédiat la pratique de la vie, Aristippe borne la philosophie à la morale; le but de la philosophie est uniquement d'assurer le bonheur de l'homme. И т. д.

Carrau. Chapitre II Épicure. La question fondamentale pour Épicure, comme pour tous les autres moralistes de l'antiquité, c'est celle du souverain bien. A cette question, Épicure répond, au nom de l'observation et de l'expérience: Le souverain bien, c'est la volupté.

«Tout animal, dès qu' il est né....» и т. д.

Вся эта и вся слѣдующая страница заимствована изъ Карро.

Глава о Юмѣ начинается такъ:

«Съ перваго взгляда, быть можетъ, покажется страннымъ то, какимъ образомъ Юмъ, извѣстный своимъ скептицизмомъ въ вопросѣ о познаніи, попалъ въ среду философовъ-утилитаристовъ. Но если и можетъ возникнуть подобное недоумѣніе на первый разъ, то, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ доктриной Юма, каждый найдетъ, что Юмъ, скептикъ въ метафизическихъ и философскихъ вопросахъ, не оказывается такимъ однакоже въ вопросахъ нравственности. Отвергая положеніе скептиковъ, что различіе между нравственно добрымъ и злымъ....» и т. д.

Выписывать помногу мы, конечно, не можемъ, но заимствованія цѣлыми страницами изъ Карро тянутся черезъ всю историческую половину книги, за исключеніемъ главъ о Миллѣ, Бэнѣ и Спенсерѣ. Принадлежать-ли эти главы самому г. Мальцеву или заимствованы имъ откуда-нибудь, мы не знаемъ, хотя изложенія этихъ ученій существуютъ: напримѣръ, Guilan. La morale anglaise contemporaine, котораго, къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками.

Затѣмъ глава, носящая названіе: «Общіе выводы и заключеніе 1-й части», за исключеніемъ одного только мѣста, цѣликомъ представляетъ переводъ главы Карро, называющейся «Conclusion de la première partie», и при этомъ заканчивается слѣдующими словами: «Подводя итогъ изложенному нами историческому развитію утилитарной доктрины, мы не можемъ не закончить словами одного современнаго изслѣдователя моралиста, утверждавшаго что.... и т. д. И при этомъ цитата: «Carrau, la morale utilitaire»!

Во второй части г. Мальцевъ болѣе самостоятеленъ. Правда, заимствованія встрѣчаются и тамъ; напримѣръ, стр. 256, 261—изъ того же самаго Карро; но есть много разсужденій, которыя, по крайнему своему легкомыслию, едва ли могутъ быть найдены у какаго-нибудь иностраннаго писателя. Но мы рѣшительно не знаемъ, что хуже: плагиатъ или то невольное легкомысліе, съ которымъ трактуетъ самъ г. Мальцевъ о научныхъ вопросахъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ 1-й же главы II-й части.

Говоря въ ней о происхожденіи или, какъ выражается г. Мальцевъ, «о первоначномъ генезисѣ и происхожденіи» нравственнаго чувства, онъ, на страницѣ 237, отвѣчаетъ на возраженіе утилитаристовъ, указывающихъ на противорѣчіе

Carrau. Hume. Стр. 131.

On peut trouver étrange, que nous faisons figurer Hume parmi les philosophes utilitaires. Hume est un sceptique....

Nous répondrons d'abord, que Hume n'est pas sceptique en morale, comme en métaphysique....

En effet, refutant cette proposition sceptique que la distinction entre le bien et le mal.... и т. д.

въ нравственныхъ (замѣтите—*нравственныхъ*) сужденіяхъ различныхъ эпохъ и народовъ. Онъ утверждаетъ, что эти различія часто возникаютъ не изъ «сферы предписаній нравственнаго чувства, но... *опираются на положительное законодательство*, на массу укоренившихся въ каждомъ обществѣ обычаевъ» и т. д. А на стр. 219, по поводу теории Бэна, онъ восклицаетъ: «Какъ не видѣть того, что извѣстные общенародовые законы сами суть не что иное, какъ результатъ индивидуальныхъ совѣстей?... Законы вовсе не составляютъ причины образованія въ индивидахъ совѣсти въ такой или иной формѣ.» И подтверждаетъ это курьезнымъ примѣромъ: «По Бэну выходитъ, что *если свинное ухо возбуждаетъ въ жидѣ чувство злѣва, отвращенія и злобы, если Индусъ,*» и т. д... то всѣми этими симпатіями и антипатіями люди обязаны будто бы такимъ или инымъ кодексамъ (?!). На стр. 216, отрицая значеніе симпатіи, какъ нравственнаго фактора, и требуя признанія самостоятельнаго нравственнаго чувства, г. Мальцевъ доказываетъ это тѣмъ, что «чувство симпатіи не протестовало ни противъ гладиаторскихъ игръ, ни противъ средневѣковыхъ пытокъ» и т. д., совершенно не замѣчая того, что приводитъ вѣстѣ и аргументъ противъ признанія неизмѣннаго моральнаго чувства; если же такое уклоненіе моральнаго чувства будемъ объяснять разными вліяніями быта, религіи и законовъ, какъ это дѣлаетъ самъ г. Мальцевъ, то должны объяснять тѣмъ же и бездѣйствіе симпатіи въ этихъ случаяхъ. Этотъ аргументъ, такимъ образомъ, или безсиленъ, или убійствененъ для мнѣнія самого г. Мальцева. Это такъ ясно, что должно бросаться въ глаза.

Полемика его не менѣе легкомысленна. Такъ онъ упрекаетъ Спенсера въ «замѣчательномъ противорѣчій» (стр. 233). Спенсеръ, оказываясь, «съ одной стороны, утверждаетъ, что нравственные интуиціи—результатъ наопившихся опытовъ полезности», съ другой—говоритъ совершенно противоположное, именно—что умственное признаніе полезности нравственныхъ поступковъ не предшествуетъ нравственнымъ чувствамъ и не служитъ ихъ причиною. Однако, противорѣчія здѣсь никакого нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, Спенсеръ говоритъ о развитіи моральныхъ чувствъ въ человѣчествѣ вообще и во второмъ—объ индивидуумѣ, получившимъ эти чувства путемъ наследственной передачи. Г. Мальцевъ просто не потрудился обратить вниманіе на контентъ тѣхъ мѣстъ Спенсера, изъ которыхъ взялъ эти фразы.

Не менѣе жестоко нападаетъ онъ и на Милля, который, будто бы, (стр. 243), опредѣляя чувство справедливости, какъ соотвѣтствіе закону, прежде всего опускаетъ изъ виду, что существуютъ такіе законы, противъ которыхъ возстаетъ чувство справедливости, и, упрекнувъ, прибавляетъ тутъ же, что сознаніе недостаточности такого опредѣленія побуждаетъ впрочемъ самого Милля внести въ его опредѣленіе справедливости нѣкоторую поправку: что не всякое нарушеніе законовъ должно считаться несправедливымъ, но только такихъ, которые должны бы быть законами.»

Такимъ образомъ, Милль, въ одно время и «опускаетъ изъ виду», и «сознаетъ недостаточность». Странный способъ полемики!

На стр. 206, г. Мальцевъ говоритъ о спутанности терминологіи въ наукѣ о нравственности и въ подтвержденіе приводитъ цитату почти въ цѣлую страницу, въ которой ни слова не говорится о терминологіи, а говорится о разнообразіи моральныхъ, метафизическихъ и другихъ воззрѣній. Дальше, кажется, нельзя идти въ небрежности.

Еще одинъ курьезъ: г. Мальцевъ любитъ щегольнуть классической ученостью. По поводу безсознательности моральныхъ поступковъ онъ пишетъ (ст. 206): «Vivit, захѣтилъ, не безъ основанія, о человѣкѣ одинъ еще изъ самыхъ древнихъ римскихъ поэтовъ, vivit, et est vitae pescius ipse suae, и цитуетъ: «Ovid. Trist. lib. I.» Впервые, если называть Овидія «однимъ еще изъ самыхъ древнихъ римскихъ поэтовъ», то почему не называть его однимъ изъ самыхъ позднихъ? А во вторыхъ, по справкѣ оказывается, что слова Овидія: «живетъ и не сознаетъ, что онъ живетъ» относятся не къ человѣку вообще, какъ думаетъ г. Мальцевъ, а къ человѣку, пораженному молніей! Ovid. Trist. I, 3, 12. Все вышеприведенное находится въ первой главѣ критической половины книги; объ остальныхъ читатель можетъ судить по аналогіи.

Въ одномъ надо отдать справедливость г. Мальцеву: онъ не позволяетъ себѣ ни высовываться, ни обвинять въ безнравственности относительно опровергаемыхъ имъ ученій. Это подаетъ намъ надежду, что г. Мальцевъ, по своему легкомыслію, просто «не вѣдаетъ, что творитъ», не понимаетъ, что его книга можетъ, пожалуй, сбить съ толку мало-образованнаго читателя, а въ болѣе образованномъ увеличитъ недоверіе къ русской наукѣ, которая и безъ того большимъ уваженіемъ у насъ не пользуется. Сравните только отношеніе общества къ наукѣ и университету во времена Грановскаго и теперь. Мы не вѣримъ, чтобы его можно было причислить къ Менагосамъ или гг. Нагуевскимъ и Опадкимъ (см. разборы ихъ книгъ въ «Критическомъ Обзорѣніи»), которымъ, разумѣется, до русской науки и русскаго общества нѣтъ никакого дѣла. Негодованіе намъ приходится беречь для гораздо болѣе возмутительныхъ литературныхъ явленій.

Max Büdinger. Vorlesungen über englische Verfassungsgeschichte, 1880, Wien.

(Максъ Бюдингеръ: Чтенія по исторіи англійской конституціи).

Максъ Бюдингеръ — профессоръ вѣнскаго университета. Его книга образовалась изъ лекцій, читанныхъ въ этомъ университетѣ.

Авторъ стоитъ, по его словамъ, на имѣющей вѣчное значеніе точкѣ зрѣнія: онъ, какъ великіе историки древности, постоянно имѣетъ въ виду обязанности правительства по отношенію къ подданнымъ, борьбу свободныхъ преданій съ деспотическими стремленіями, аристократіи съ монархіей.

Историкъ долженъ, отыскивая общее, заботливо изслѣдовать особенности каждаго культурнаго народа.

Указавши на великое значеніе англійской конституціи, которая развивалась наиболѣе самобытно, и развитіе которой можно прослѣдить въ наиболѣе продолжительное время, по сравненію съ остальными государствами Европы, Бюдингеръ перечисляетъ важнѣйшіе изъ источниковъ для своихъ лекцій. Сочиненіе посвящено Англии преимущественно; государственное устройство Шотландіи и Ирландіи обрисовано только въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ.

Развитіе государственной власти въ Великобританіи представляется автору типическимъ, имѣющимъ всемірно-историческое значеніе. Не то говорить о ней объ областномъ устройствѣ Англии, объ ея самоуправленіи. Швейцарскіе кантоны и общины Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки являются образцами въ послѣднемъ отношеніи. Преобладаніе крупнаго землевладѣнія въ Англии объясняетъ это явленіе, т. е. неправильную организацию мѣстнаго самоуправленія.

Исторія конституціи, по заявленію самого Бюдингера, выдѣлена изъ остальныхъ элементовъ общественной жизни, что вызвало, конечно, много пробѣловъ и одностороннихъ выводовъ въ сочиненіи. Авторъ, признавая великое значеніе отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей, избѣгаетъ той крайности, въ которую впадаютъ нѣкоторые англійскіе историки, въ особенности, какъ извѣстно, знаменитый Карлейль. Великій государственный человѣкъ только руководитъ факторами общественной жизни, ускоряя или замедляя ихъ развитіе.

Съ самаго занятія Германіи германскими племенами, королевская власть была ограничена народнымъ совѣтомъ. Даже Вильгельмъ - Завоеватель совѣщался во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ съ своими баронами. Генрихъ VIII точно также не хотѣлъ и не могъ освободиться отъ содѣйствія парламента. Въ разгаръ революціи, Бромвелъ, поставленный войскомъ протекторомъ, въ свою очередь созываетъ представителей націи.

Парламентское правленіе прошло въ Англии двѣ стадіи, изъ которыхъ первая заканчивается къ исходу тринадцатаго столѣтія, когда *выборные* представители народа являются важнымъ и существеннымъ членомъ государственнаго организма, употребляя выраженіе М. Бюдингера.

Возможно, хотя и не доказано, что уже въ отдѣльныхъ англо-саксонскихъ королевствахъ существовали народныя собранія (Folk mōts и Wite pagemōts). Первый безспорный случай созыва народнаго собранія относится къ десятому столѣтію (въ Бентѣ). Развитіе народнаго представительства, постепенно усиливаясь, достигло высокаго значенія въ XVII в. Палата общинъ, 18 декабря 1621 года, постановила, что ни одинъ изъ ея членовъ не долженъ подвергаться отвѣтственности за выраженіе своихъ мнѣній въ палатѣ. Яковъ I вырвалъ листы съ этихъ постановленіемъ изъ книги протоколовъ. Естественно, что такая рѣшительная мѣра не

нигла больших исторических послѣдствій. Карль I, въ январѣ 1642 г., лично приказалъ арестовать пять депутатовъ въ палатѣ. Яковъ II заставлялъ членовъ парламента клясться, что они не будутъ подавать голоса противъ правительства. Но историческій процессъ развивался все болѣе и болѣе, разрушая выставляемая противъ него препятствія. Въ 1689 г., за народными представителями торжественно признана полная свобода рѣчи. Съ XVII же столѣтія засѣданія парламента сдѣлались періодическими. Первоначальный трехгодичный срокъ полномочій депутатовъ палаты общинъ (съ 1641 года) замѣненъ въ началѣ XVIII вѣка (1716 г.), въ царствованіе Георга I, при Робертѣ Вальполѣ, семилѣтнимъ срокомъ. Ближайшими причинами къ такой замѣнѣ послужили слѣдующія обстоятельства: было только что подавлено опасное восстаніе Якобитовъ; грозило иноземное нашествіе; партіи находились въ ожесточеніи, а правительство не пользовалось сочувствіемъ народа. Только въ новѣйшее время начинаютъ раздаваться все громче и громче голоса, требующіе сокращенія этого, дѣйствительно, слишкомъ продолжительнаго срока парламентскихъ полномочій.

Боролеская власть провела, въ 1832 году, знаменитый билль, нмѣнившій составъ народнаго представительства. Какъ извѣстно читателямъ, многія *«smaller municipalities»*, по историческому праву посыланія депутатовъ въ палату общинъ, были лишены этого права. Наоборотъ, многіе значительные города получили возможность имѣть въ парламентѣ своихъ представителей. Современная англійская палата общинъ уже значительно приближается къ тому идеалу, который выставлялся еще въ XVIII вѣкѣ Эдмундомъ Боркомъ: она довольно вѣрно отражаетъ живущія въ народѣ стремленія. Сокращеніе срока депутатскихъ полномочій будетъ, по всей вѣроятности, однимъ изъ ближайшихъ шаговъ въ дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи великобританскаго представительства. Въ настоящее время нижняя палата состоитъ изъ 651 члена. Изъ этого общаго числа 103 депутата посылаются Ирландіей и 60 Шотландіей. Выбраннымъ можетъ быть всякій неопороченный по суду англичанинъ, достигшій двадцати одного года, если онъ не получаетъ общественной милостыни и не находится съ правительствомъ въ какихъ-либо денежныхъ отношеніяхъ. Кто принимаетъ на себя, не смотря на послѣднее условіе, званіе депутата, тотъ платитъ за каждый день своего пребыванія въ палатѣ 500 фунтовъ стерлинговъ пенн. Не могутъ быть избираемы въ нижнюю палату нѣкоторые чиновники. Члены палаты не получаютъ вознагражденія, вслѣдствіе чего выборъ фактически ограниченъ людьми состоятельными. Организациа англійскаго представительства существенно отличается отъ континентальной въ слѣдующемъ отношеніи. Избирательные участки до сихъ поръ сохраняютъ явные слѣды своего историческаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ не болѣе четырехъ тысячъ душъ, тогда какъ огромные города (Ливернуль, Манчестеръ) посылаютъ только трехъ представителей. Лондонъ (съ Гринвичемъ и предѣльями), при населеніи въ

3½ миллиона, избирает только 28 депутатовъ, а Шотландія, все население которой меньше лондонскаго, имѣетъ въ начетъ, какъ уже было упомянуто, 60 гласныхъ.

Отношенія нижней палаты къ верхней до настоящаго времени представляютъ много неопредѣленнаго и спорнаго, но необходимый историческій процессъ все болѣе и болѣе переноситъ центръ тяжести парламента въ нижнюю палату. Последней принадлежитъ право полного распоряженія денежными средствами государства, говоритъ Бюдингеръ; но это неточно. Нѣкоторые виды налоговъ не подвергаются обсужденію палаты; нѣкоторые виды государственныхъ расходовъ не подлежатъ измѣненію.

Законъ не установилъ гласности парламентскихъ преній. Присутствіе постороннихъ слушателей въ палатѣ юридически невозможно. Но вѣдь известно, что въ Англіи господствуетъ полная свобода печати, что парламентскіе дебаты записываются стенографически, что телеграфъ разноситъ извѣстія о нихъ по всему міру. Правда, нѣрѣдка нѣкоторые акционеры требуютъ примѣненія отжившихъ, но формально имѣющихъ силу, законовъ. Однако, случаи эти такъ исключительны, здравый смыслъ англійскаго народа такъ крѣпокъ, что, при подобныя обстоятельствахъ, возникаютъ временныя затрудненія, а не опасности. Безспорно, что устраненіе самой возможности обращенія къ историческому, потерявшему смыслъ, закону, было бы весьма целесообразно.

Блнга Бюдингера не отличается научными достоинствами. Она составлена почти исключительно по извѣстнымъ трудамъ Галамма, Мея и Стеббса. Какъ руководство, она не бесполезна.

В. Гольдсць.

Ueber das Nationalgefühl. Friedrich II und Jean Jacques Rousseau. Zwei Festreden in öffentlichen Sitzungen d. Akademie d. Wissenschaften zu Berlin gehalten von Emil Du Bois-Reymond. (О національномъ чувствѣ. Фридрихъ II и Ж. Ж. Руссо. Двѣ торжественныя рѣчи, сказанныя въ засѣданіяхъ Берлинской Академіи науки Емилемъ Дюбуа-Ремонемъ).

Знаменитый физиологъ-мыслитель, заслужившій особенную извѣстность своею рѣчью «о предѣлахъ познанія природы», снова коснулся вопроса, хотя и не принадлежащаго непосредственно къ кругу специальныхъ его изслѣдованій, но представляющаго, преимущественно въ наше время, особенно живой интересъ. Мы говоримъ о первой изъ входящихъ въ составъ настоящей книжки рѣчей, посвященной вопросу о національномъ чувствѣ. Справедливо ли или несправедливо опредѣляетъ и анализируетъ знаменитый изслѣдователь это чувство, правильно ли или неправильно постановляетъ онъ избранную имъ задачу — дѣло иное; но самая постановка вопроса въ качествѣ одной изъ проблемъ современной жизни и науки уже, сама по себѣ, заслуживаетъ признательности.

Национальное чувство, по мнѣнію Дюбуа-Ремона, не тождественно съ тѣмъ, что называемъ мы любовью къ отечеству, патриотизмомъ. Патриотизмъ составляетъ одухотворенную привязанность къ извѣстному государственному единенію (*Staatsgemeinschaft*), которое, пожалуй, можетъ обнимать собою и нѣсколько различныхъ народностей. Тамъ существуетъ швейцарскій и австрійскій (?) патриотизмъ.

Национальное чувство не тождественно, по мнѣнію нашего изслѣдователя, и съ чувствомъ расоваго родства (*Rassengefühl*), сказывающимся напр. между краснокожими въ противоположеніи бѣлымъ или чернокожимъ.

Не есть ли національное чувство сознание родства, общности происхожденія? Но и это предположеніе не даетъ достаточнаго рѣшенія. Гдѣ, когда и съ какого пункта человеческое общеніе перестаетъ быть семьею, родомъ, племенемъ и начинается быть націею, народомъ?

Также и общность языка не имѣетъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ о происхожденіи національнаго чувства. Англичане, шотландцы и ирландцы одинаково говорятъ въ настоящее время на одномъ и томъ же языкѣ и рѣзко раздѣляются другъ отъ друга живо настроеннымъ національнымъ чувствомъ. Отдѣльныя вѣтви славянской липы не понимаютъ шестста листовъ другъ на другъ и живо чувствуютъ, однако, свою принадлежность къ одному и тому же дереву.

Въ другихъ случаяхъ, общность языка, поддерживаемая политическимъ единствомъ, уничтожаетъ вліяніе разности племеннаго происхожденія, чему примѣромъ служатъ объединенныя племена Франціи и Испаніи.

Исторія національнаго чувства, вышедшая изъ-подъ опытнаго пера, представляла бы трудъ достойный и поучительный.

Но въ этомъ уже разграниченіи основныхъ понятій, тѣсно соприкасающихся, порою искусственно связываемыхъ съ представленіемъ національнаго чувства, мы замѣчаемъ нѣкоторую неточность, отражающуюся и на позднѣйшихъ выводахъ нашего автора. Понятія, сравниваемые и разграничиваемыя имъ, не представляютъ, сами по себѣ, для него достаточной опредѣленности; они, такъ сказать, случайно имъ разграничиваются и, хотя сами по себѣ въ дѣйствительности не тождественны между собою, но отличіе ихъ другъ отъ друга лежитъ гораздо глубже тѣхъ случайныхъ признаковъ, по которымъ раздѣляетъ ихъ Дюбуа-Ремонъ. Национальное чувство до сихъ поръ избѣгаетъ еще всякаго опредѣленія, отличается отъ всѣхъ реальныхъ представленій, съ которыми мы вдумали бы его сравнить, и Дюбуа-Ремонъ тщетно ищетъ ему реальной почвы, реальной подкладки. Но въ чемъ коренится причина такой неопредѣленности? Намъ кажется, что причина этого явленія довольно очевидна. Когда намъ чуждо понятіе, говоритъ Гёте, мы хватаемся за слово. Но есть ли только слово, только мысленный признакъ само національное чувство, какъ и самое слово нація составляетъ только мысленный туманъ, предназначенный только для того, чтобы скрывать истинное понятіе, ос-

лаблять бьющую въ глаза его реальность. Дѣйствительно, слово нація только болѣе утѣвая, болѣе приличная форма для слова народъ; но, употребляя эту утѣвую форму, мы, изъ нѣкотораго рода вѣжливости, устраняемъ часть содержанія самаго понятія. Таковъ ужъ естественный законъ отношеній языка къ мышленію, что всегда, когда мы имѣемъ два различныя слова, мы совершенно навѣльно полагаемъ нѣкоторое различіе и между самыя понятіями. Понятіе о націи есть понятіе искусственное; оно покрываетъ собою только часть понятія о народѣ, представляетъ только отвлеченіе и притомъ такое отвлеченіе, въ которомъ мы ни для какихъ цѣлей отнюдь не нуждаемся. Мы говоримъ нація только тогда, когда не рѣшаемся сказать почему либо народъ. Въ дѣйствительности націй не существуетъ; существуютъ только народы. Всѣ синонимы непрѣнно другъ отъ друга чѣмъ либо да отличаются. Отличіе «народа» отъ «націи» въ томъ то именно и состоитъ, что народъ есть понятіе конкретное, дѣйствительное, а нація понятіе отвлеченное, не имѣющее никакого самостоятельнаго значенія. Можетъ ли существовать чувство для отвлеченнаго понятія? Разумѣется, нѣтъ! а потому національное чувство есть либо *ничто*, *Unding*, какъ говорятъ нѣмцы, либо представляетъ чувство отличія и отдѣленности. Но кто или что отдѣляется? и притомъ отъ кого или отъ чего отдѣляется? Въ понятіи о національности нѣтъ другихъ признаковъ, кромя чисто отрицательныхъ. Но народъ, народность представляютъ въ качествѣ понятій не одни только отрицательные элементы, а прежде всего положительное содержаніе. Чувство національности можетъ существовать только, какъ чувство отличія себя отъ другихъ народовъ, а потому предпосылаетъ себѣ чувство народности, ибо въ немъ народъ противопоставляетъ себя не чему либо вообще, не человечеству вообще, а только другой народности и другимъ народностямъ.

Будетъ ли свѣтъ въ темномъ лабиринтѣ исчисленныхъ Дюбуа-Ренономъ понятій, если искусственное слово нація мы замѣнимъ естественнымъ словомъ народъ. Во всякомъ уже случаѣ, измѣненіе должно неминуемо воспослѣдовать, потому что конгломератъ признаковъ отрицательныхъ — отрицательное понятіе о націи мы замѣняемъ конгломератомъ признаковъ положительныхъ — положительнымъ понятіемъ о народѣ. Чувство національности, національное чувство непрѣнно носятъ и непрѣнно должно носить на себѣ отпечатокъ враждебности, розни, противоположенія, такъ какъ оно есть само по себѣ чувство чисто отрицательнаго свойства, такъ какъ и самое понятіе о націи есть чисто отрицательное понятіе. Национальность есть всегда своего рода протестантизмъ. Совершенно иное дѣло народность, чувство народности, народное чувство. Въ народности и народѣ хранятся элементы совершенно независимые отъ противоположенія себя другимъ; эти элементы представляютъ, совершенно наоборотъ, положительное содержаніе, положительную жизнь. Вставьте вѣсто слова «нація» слово «народъ» и многое изъ высказаннаго до сихъ поръ на-

шимъ авторомъ уже утратить совершенно свое значеніе или, по крайней мѣрѣ, измѣнить его. Возьмемъ, наприимѣръ, понятіе о патриотизмѣ. При отрицательномъ содержаніи понятія о національности оно естественно можетъ представляться для Дюбуа-Ремона только привязанностью къ государственному единству, нація не можетъ защищать; но народу приходится защищать очень многое и помимо государственнаго своего единства, которое представляетъ необходимое условіе, необходимое послѣдствіе народной жизни, а не первую и единственную его цѣль. Точно такое же измѣненіе претерпятъ и всѣ другія понятія, исчисляемыя и сравниваемыя нашимъ изслѣдователемъ. Нечего уже и говорить о томъ, что возможность австрійскаго патриотизма сдѣлается какъ нельзя болѣе сомнительною.

Исторія народнаго чувства дѣйствительно представила бы собою трудъ въ высшій степени полезный и поучительный, но самая постановка вопросовъ должна существенно отличаться отъ той, которую представляетъ для насъ Дюбуа-Ремонъ.

Исторія національнаго чувства должна была бы, по мнѣнію Дюбуа-Ремона, начинаться съ разслѣдованія первыхъ проявленій этого чувства у животныхъ. Мы могли бы многое возразить противъ этого предположенія, но, въ настоящемъ случаѣ, позволимъ себѣ ограничиться однимъ только замѣчаніемъ. Если чувство національности туманно для насъ и въ высшихъ проявленіяхъ его у человѣка, то существованіе его у животныхъ всегда и во всякомъ случаѣ туманно въ еще большей степени; до чувства животнаго мы никогда никоимъ образомъ добраться не можемъ; существованіе его должно всегда оставаться для насъ гадательнымъ по аналогіи съ собственною нашею природою. Есть ли возможность пояснить туманное туманнымъ же?

Приступая къ историческому изложенію, Дюбуа-Ремонъ не замѣчаетъ въ развитіи національности въ Греціи враждебнаго, исключительнаго характера. Съ карриатурою чувства, руководившаго этимъ развитіемъ, встрѣчаемся мы въ романизмѣ (Römerthum). Романизмъ болѣзненно возбужденъ съ самаго своего возникновенія. Какое бы положеніе ни приобрѣталъ, онъ не можетъ успокоиться, не можетъ быть участникомъ въ общей работѣ человѣчества. Весь духъ романизма выражается для Дюбуа-Ремона цѣлкомъ въ знаменитомъ стихѣ Виргилія:

Tu regere imperio populos, Romanae, memento!

Этотъ духъ романизма, это извращеніе національнаго чувства, повторяясь въ исторіи, сохранились, по мнѣнію нашего автора, и въ шовинизмѣ новаго времени.

Коснувшись шедшаго инымъ совершенно путемъ, нежели у народовъ арійскихъ, развитія національнаго чувства у семитовъ вообще и послѣдователей ислама по преимуществу, избравшихъ себѣ цѣлію уничтоженіе расою другихъ расъ, нашъ авторъ переходитъ къ изображенію средне-

вѣковаго періода, представляющаго ослабленіе національнаго чувства, примиреніе народностей во имя другихъ цѣлей. Въ виду космополитическаго значенія монастырей, университетовъ и общаго, повсюду употребляемаго, латинскаго языка національности сглаживаются. Между ними не выражается ни борьбы, ни соперничества. Жаль только, что авторъ нашъ упускаетъ изъ виду, что такой космополитическій характеръ времени могъ проявиться только подъ условіемъ гнета, который классы, имѣвшіе, по своему положенію, космополитическія стремленія оказывали на народную массу и народную жизнь. Войны средневѣковаго періода—большою частью войны за отвлеченную идею, за идеальное первенство, а не національныя войны, въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Съ эпохи реформаціи и гуманности и даже немного ранѣ этой эпохи, начинается пробужденіе народности, сознание національной самостоятельности. «Особенно дѣятельнымъ моментомъ этого пробужденія было возникновеніе и развитіе національныхъ литературъ, которыя не только придали каждому народу свойственное ему идеальное средоточіе, но и уничтожили господствующее международное значеніе латинскаго языка. Итальянцы справедливо чувствуютъ вслѣдствіе того Данте, какъ издателя живаго ихъ языка, хотя и принадлежавшаго къ партіи гибелиновъ, однако изъ издателей нынѣшняго національнаго ихъ существованія». Лютеровъ нѣмецкій періодъ библіи имѣлъ для Германіи совершенно такое же значеніе; онъ въ этомъ отношеніи вполне соответствуетъ «Божественной Комедіи» итальянцевъ. Отпаденіе Нидерландовъ, мотивированное стремленіемъ къ свободѣ вѣроисповѣданія; тоже имѣло чисто національную окраску.

Съ XVI и XVII столѣтія сознание національнаго отличія снова отступаетъ на второй планъ, уступая мѣсто космополитическимъ интересамъ. Католическое правовѣріе объединяетъ сознание всѣхъ народностей противъ одного общаго для всѣхъ врага — растущей и развивающейся ереси. Народныя розни и особенности сглаживаются и позабываются въ виду общей опасности. Даже и политическое положеніе Европы способствуетъ такому національному samozабвенію. Всѣ политическія силы и политическіе интересы сосредоточиваются на одномъ и томъ же общемъ для всѣхъ ихъ врагѣ, одинаково отличному и противоположному имъ всѣмъ—Турціи, получившей грозное значеніе послѣ занятія ею Константинополя. За вычетомъ Швейцаріи и Нидерландовъ, вся Европа управляется вполне деспотически, а при невѣжественности и политическомъ безсиліи народныхъ массъ, на историческое поприще выступаютъ только вполне изолированныя отъ народа государи, а на ряду съ ними духовенство и дворянство,—первое—международное по самому своему принципу, второе, по меньшей мѣрѣ, отрѣшенное отъ народности. На мѣсто латыни выступаетъ французская рѣчь, какъ языкъ образованнаго общества и дипломатіи. Ходъ европейской цивилизаціи позабываетъ народности и національныя отличія, потому что совершается вполне независимо отъ нихъ.

Національное чувство, сознание народной самостоятельности остаются совершенно чуждыми и в классическую эпоху восемнадцатаго столѣтія. Мы не можем не назвать развитіе науки, искусства и всей вообще жизни в эту эпоху международнымъ, потому что в немъ народнаго вовсе ничего не было. «Вольтеру и энциклопедистамъ вовсе не приходило въ голову сосредоточивать на Франціи свои идеи, стремленія и желанія. Они стремились вдале, хотя и не освобождались отъ непроизвольно прививающихся къ нимъ особенностей французскаго языка. Теоріи ихъ были преждевременны, построены на пескѣ рационализма, но они желали осчастливить ими все человѣчество и только это и представляется для насъ въ настоящемъ случаѣ важнымъ. Филантропія сдѣлалась лозунгомъ времени. Космополитизмъ, возвысившійся въ систему, открылъ всѣмъ народамъ свои объятія.» Въ этихъ словахъ берлинскаго фізіолога мы позволимъ себѣ присовокупить, что космополитизмъ не можетъ открывать объятій своихъ «всѣмъ народамъ», потому что въ его глазахъ народовъ не существуетъ и не должно существовать, потому что они есть прямая противоположность и прямое отрицаніе народности. Не для народовъ представляются эти объятія, а только для отдѣльныхъ индивидуумовъ безъ различенія народностей, къ которымъ они принадлежать, и если по временамъ стремятся въ объятія эти и самыя народности, то космополитизмъ представляетъ для нихъ только Прокрустово ложе, готовящее имъ смерть и уничтоженіе.

То же самое космополитическое настроеніе господствовало и в первыхъ произведеніяхъ Шиллера, въ особенности въ пѣснѣ къ радости (*Lied an die Freude*) и *Донъ-Карлосъ*. Въ серединѣ прошлаго столѣтія въ Клопштока и лицахъ, увлеченныхъ его талантомъ, высказывалось слабое еще очень стремленіе достигнуть особенныхъ, народно-самостоятельныхъ началъ, по крайней мѣрѣ, въ области чистаго творчества. Но это была только слабая попытка противодѣйствія французскому элементу и космополитическимъ тенденціямъ. Рисуя эпоху эту, Дюбуа-Ремонъ снова впадаетъ въ значительную ошибку. Основываясь на политическомъ равнодушіи Германіи того времени, онъ пытается приравнять настроеніе того времени къ космополитизму въ самой общей формѣ его выраженія, всегда чуждой всякому духу народности вообще. Въ дѣйствительности, какъ видно и изъ самаго его изложенія, дѣло происходило совершенно иначе. Еще слишкомъ слабый для того, чтобы опредѣлить въ чемъ именно заключается національная особенность его характера и его исторической миссіи, германскій народъ, въ лицѣ лучшихъ представителей его творчества, приходитъ все болѣе къ сознанию значенія, которое имѣетъ народность въ исторіи челоуѣческаго развитія. Весь ходъ исторіи въ глазахъ его принимается все болѣе чисто народнымъ, національнымъ чеканъ. Умственное богатство представляется для него сосредоточеннымъ въ народномъ творествѣ, въ народной мудрости, въ народной литературѣ. Не общее для всѣхъ народовъ земнаго шара, но именно свойственное жизни и творчеству каждаго

народа отдѣльно, получаетъ въ глазахъ его особенную цѣну, особенный интересъ. Народъ является не случайною географическою или племенною единицею, но носителемъ особаго мысленнаго содержанія, особой исторической миссіи. Стоитъ только припомнить жизнь и труды великаго и до сихъ поръ еще не вполне понятаго и оцѣненнаго Гердера, чтобы составить себѣ общую картину мысленнаго движенія этой эпохи. Даже всѣ отношенія къ жизни и творчеству классическаго міра проникнулись постепенно духомъ и чувствомъ народности. Основы для народнаго возрожденія были уже положены; изъ твердо установившагося убѣжденія, что всякій народъ имѣетъ свое особенное историческое значеніе, свою историческую миссію, выросло и сложилось постепенно твердое убѣжденіе и въ самостоятельности собственнаго своего призванія, собственной своей народности. Впрочемъ такой ходъ развитія и образованія народнаго чувства представляетъ исторія только для внѣшняго взгляда поверхностнаго наблюдателя. Совершенно понятно, что внѣшнее наблюденіе чуждой народности можетъ только укрѣплять и осмысливать народное чувство, но что для самой возможности наблюденія вполне необходимо предварительное существованіе этого чувства, хотя бы и въ крайне слабой степени развитія. Правильно или болѣзненно шли дальнѣйшія судьбы пробужденія германской народности—дѣло совершенно другаго рода, но основы его имѣютъ все-таки весьма важное значеніе въ исторіи народнаго чувства. Но будемъ продолжать самую исторію народнаго чувства, сообразуясь съ указаніями Дюбуа-Ремона.

«Въ то время, когда Германія еще лелѣяла себя космополитическими сновидѣніями (т. е. когда указанное нами выше пробужденіе находилось еще въ зародышномъ состояніи), по ту сторону Рейна начинался переворотъ, отъ послѣдствій котораго національное чувство должно было сдѣлаться величайшимъ рычагомъ всемірной исторіи. Съ поголовнаго возстанія—*levée en masse* 1792 начинается чрезмѣрное возбужденіе этого чувства (т. е. національнаго, а не народнаго) у французовъ. Великому знатоку галло-римскаго духа, первому Наполеону не трудно уже было возвести это чувство до народнаго умоизступленія (*Volkpsychose*)—шовинизма, какъ орудія для достиженія своей кесареманіи (*Kaiserwahnsinns*). До сего времени не было обращено достаточно вниманія на то, что, по странному степенію обстоятельствъ, Жанъ-Жакъ Русо, разумѣется, совершенно непредназначенно, много содѣйствовалъ очищенію путей для императора, такъ какъ именно онъ, будучи еще съ молодости ревностнымъ обожателемъ римскаго величія, обратилъ въ парижскую моду римскую добродѣтель. За сильными выдѣлать изъ себя Муція Сцевола и Горация Коклеса, Гракховъ или Сципіоновъ, Марія или Суллу республиканцами уже легко могъ выступить Цезарь.»

«Дальнѣйшее, продолжаетъ Дюбуа-Ремонъ, совершенно извѣстно. Повсюду въ раздавленной Европѣ поднялись народы во имя оскорбленнаго національ-

наго чувства. Испанія, Россія, Германія дали тяжелый урокъ вновь возродившемуся романтизму и на этотъ разъ Кароагенъ не былъ срытъ съ основанія. Но съ военными дѣйствіями не прекратилось самое движеніе. Возбужденныя волны національнаго чувства не успокоивались. Тщетно, устарѣвшее политическое искусство старалось утишить дипломатическимъ елеешъ расходившееся народное море. Съ національными стремленіями для общей дѣятельности соединились и политическія потребности. Исторія столѣтія сдѣлалась съ этихъ поръ исторіею національной борьбы, изъ которой Эллада, Бельгія (?), Венгрія, Италія и обновленная Германія выступили въ качествѣ національныхъ государствъ.»

Какъ ни хороши эти послѣднія, приведенныя нами слова, но мы должны съ прискорбіемъ замѣтить, что берлинскій академикъ снова впадаетъ въ ошибку вслѣдствіе своего крайне узкаго и односторонняго пониманія народности и народнаго чувства. Оттого-то и приходится ему причислять давящую народности, Венгрію и созданную, какъ дипломатическій кунштюкъ, Бельгію къ числу послѣдствій того возбужденія, которое охватило расходившееся народное море, подъ влияніемъ пробужденнаго чувства народности. Послѣдствія такого пробужденія были гораздо глубже и гораздо возвышеннѣе.

Отпоръ космополитическимъ стремленіямъ наполеоновской Франціи, война за освобожденіе породили, какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи сознаніе и чувства весьма схожія другъ съ другомъ по сущности и весьма, къ сожалѣнію, различныя по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ должно было совершаться дальнѣйшее ихъ развитіе и совершенствованіе. Въ то время, какъ въ Германіи все даже съ излишнею ревностью, искусственнымъ отчасти образомъ способствовало укрѣпленію чувства и сознанія, однажды пробужденныхъ, отчего, можетъ быть, народное чувство въ Германіи и получило отчасти характеръ недоношеннаго дитяти, у насъ, въ Россіи все содѣйствовало лишь къ тому, чтобы снова вогнать во глубь, заглушить это пробужденное чувство, когда оно перестало уже, повидимому, быть нужнымъ. Но пробужденіе народнаго чувства въ Германіи, хотя и породившее, можетъ быть, не совсѣмъ здоровые плоды, представляетъ однако и весьма свѣтлую сторону и, во всякомъ случаѣ, имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Приведемъ выписку изъ одного писателя, хорошо охарактеризовавшаго всю ширь этого значенія. «Вы не хуже меня знаете, что отъ Блопштока до Фохта и Шиллера включительно шла въ Германіи борьба и борьба упорная, что тогда тамъ отстаивали и отстаивали народность, не въ жизни политической только, а въ жизни художествъ, науки и быта; что торжество было не совсѣмъ легко и то, что самъ Фридрихъ былъ полу-французъ и презиралъ Германію. Да что мнѣ васъ учить? Редактору Московскихъ Вѣдомостей не случалось читать исторію литературной Германіи: его и винить нельзя; но вы должны со мной согласиться.... Посмотрите на Германію; она болѣе всѣхъ другихъ народовъ Европы отказывалась отъ народности

своей, даже отчасти стыдилась себя, и что же?... развѣ это было бесплодно? Нѣтъ: Германія награждена тѣмъ, что когда она возвратилась къ самопознанію и самоуваженію, она принесла изъ эпохи своего униженія способность понимать чужіе народы гораздо лучше, чѣмъ французъ, англичанинъ или итальянецъ. Она почти открыла Шекспира. Мы также от себя отрекались, уничтожались болѣе чѣмъ Германія, во сто разъ болѣе. Я надѣюсь, я увѣренъ, что, когда мы возвратимся домой, а мы возвратимся—и скоро,—мы принесемъ съ собою такое ясное пониманіе всего міра, которое и не снится самимъ нѣмцамъ» (Сочиненіе А. С. Хомякова т. I стр. 526, 1-е издан.). Но и это пониманіе чуждыхъ народностей, къ которому, какъ говоритъ Хомяковъ, можно подготовляться въ эпоху своего самоотреченія и народного самоуничженія, можетъ получать реальное осуществленіе и истинное уясненіе тоже въ ту только пору, когда, по его же выраженію, мы возвращаемся домой, когда въ собственной жизни приобретаемъ мы уясняющій отдѣльныя наблюденія комментарий. Безъ этой жизни или точнѣе безъ сознанія этой жизни весь набранный наблюденіями нашими матеріалъ представляется для насъ точно также мертвою буквою, какъ рассказы о краскахъ для слѣпорожденнаго или представленія звуковъ для того, кто глухъ и нѣмъ отъ рожденія. Не коснувшись самаго этого явленія, Хомяковъ представляетъ намъ однако его уясненія. «Жизнь личная, слѣдовало бы сказать: индивидуальная, отвлеченная отъ общества народнаго, сама по себѣ такъ скудна, такъ малообъемиста, говоритъ онъ, что она не можетъ переработать въ одно цѣлое матеріалы, доставляемые ей великими личностями—народами. Ея критика есть критика случайнаго произвола, а не критика организма, отдѣляющаго пищу ему естественную, изъ случайныхъ матеріаловъ,сообразно съ своими жизненными законами. Личный умъ человѣка складываетъ матеріалы, полученные отъ народовъ, въ какомъ-то библиотечномъ порядкѣ, а самъ дробится по полкамъ своей собственной библіотеки на отдѣлы, скажемъ: нѣмецкой философіи, англійской общественности, французскихъ полусочувствій съ человѣчествомъ и прочее, самъ бѣгаетъ по своей библіотекѣ и, не съютивъ въ себѣ ничего цѣльнаго, ничего не производитъ, да и, по правдѣ сказать, ничего и не думаетъ. Думаніе требуетъ нѣкоторой цѣльности въ мыслящемъ существѣ. Своя народность замѣнилась не общечеловѣческимъ началомъ, а многонародностью вавилонскою, и человѣкъ, не добившись невозможной чести быть человѣкомъ безусловно, дѣлается только иностранцемъ вообще, не только въ отношеніи къ своему народу, но и ко всякому другому и даже къ самому себѣ. Каждый отдѣлъ его мозга иностранецъ другому.» (Хомяковъ стр. 538).

Но историческимъ обзоромъ проявленій и видоизмѣненій національнаго чувства не заканчивается задача, избранная берлинскимъ академикомъ. Обзоръ этотъ составляетъ, скорѣе, только преддверіе къ обсужденію того, что составляетъ вопросъ дня для Германіи и германской науки.

Признавая развитіе національнаго чувства возможнымъ и дозволительнымъ только въ извѣстныхъ границахъ, Дюбуа-Ремонъ указываетъ своему народу тѣ границы, за которыми, по мнѣнію его, національное чувство обращается въ *Figor nationalis*, если только возможно подобное слово. Эта болѣзнь представляется для него всего ярче въ научномъ шовинизмѣ, національности въ дѣлѣ научнаго разслѣдованія. Нѣмецкіе ученые, болѣе всѣхъ другихъ чуждые этого недостатка, въ настоящее время ревностно заботятся о доказательствахъ своего пріоритета во всѣхъ отрасляхъ знанія и эта заботливость, разумѣется, унижаетъ науку, парализируетъ и ослабляетъ изслѣдующія силы. Стремленіе это присуще, конечно, не большинству представителей германской науки, но оно тѣмъ не менѣе сказывается, выражается, и потому самому является пагубнымъ и вредоноснымъ для жизни научной. Наука, по мнѣнію Дюбуа-Ремона, имѣетъ всемірное гражданство и потому національность въ наукѣ немыслима. Совершенно вѣрно; но національность и народность не одно и то же. Жизни національной не существуетъ, а нельзя отрицать жизни коллективной, нравственной единицы—народа. Зависитъ ли наука отъ требованій жизни, постановка научныхъ вопросовъ отъ постановки жизненныхъ задачъ? Разумѣется, да. А такія задачи, такія требованія предъявляетъ всякая народная жизнь, всякій народъ.

Мы говорили уже, что рѣчь Дюбуа-Ремона представляетъ значеніе не по тому отвѣту, который даетъ она на вопросъ о національномъ чувствѣ, а по самой постановкѣ этого вопроса, какъ вѣрно жизненнаго и научнаго въ особенности по его отношеніямъ къ настоящему времени. Вопросъ о народѣ, который представлялся бы смѣшнымъ и невозможнымъ, если бы заданъ былъ сотню лѣтъ тому назадъ, выступаетъ теперь съ большею или меньшею силою во всѣхъ почти отрасляхъ человѣческаго знанія. Борьба за народность не ограничивается ареною политическихъ столкновеній и компромиссовъ; она проходитъ въ жизнь самой мысли, въ нравственную жизнь.

Но народность нельзя пріобрѣсти сразу и накинуть ее на плечи себѣ, какъ греческій палій и римскую тогу, въ которые такъ наивно облекались художники и политическіе дѣятели прошлаго столѣтія; нельзя ни постигнуть ее путемъ отвлеченной, кабинетной работы, ни разгадать ее по книгамъ мудрецовъ. А потребность сближенія съ народомъ, постиженія народности становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе общепризнаваемою, все болѣе и болѣе насущною потребностью. Правильно ли приступаютъ къ разрѣшенію трудной задачи, пытаются изучить, изслѣдовать народность въ качествѣ внѣшнихъ наблюдателей отдѣльных фактовъ, отдѣльных проявленій, обычаевъ, повѣрій и т. п? Матеріалъ для постиженія пріобрѣтается въ дѣйствительности; но отъ этого матеріала до самаго постиженія остается еще цѣлый шагъ, и какъ можетъ совершиться именно этотъ шагъ? Народъ не естественное, физическое

тѣло, а нравственная единица, какъ каждый живой человѣкъ, какъ семья или церковь. Постигается онъ только внутреннею, нравственною жизнью, а никакъ не внѣшнимъ только наблюденіемъ, которое всегда будетъ охватывать только оболочку жизни и стоять внѣ жизни и духа.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Необходимость фабричнаго законодательства.—Развращающее вліяніе фабрикъ, кабаковъ и кулаковъ.—Нищета и невѣжество населенія.—Его вырожденіе и одичаніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.—Снохачество.—Вредное вліяніе *иммелизаций*.—Недостатки образованнаго общества.—Отрадные факты: постановленія таврическаго земства, кашинскаго, крестьянъ псковскаго уѣзда; расходы полтавскаго и саратовскаго земствъ.—Чествованіе учителя Богданова.—Благословенный уголокъ.—Городское и земское самоуправленіе.—Церковь.—Слухи о преобразованіяхъ въ мировомъ институтѣ.—Временное подчиненіе III отдѣленія начальнику Верховной Комиссіи.—Другое правительственное мѣропріятіе.—Толки о третьемъ сословіи.—Нѣсколько словъ о патриотизмѣ.

Страшный случай на московской фабрикѣ Гивартовскаго, гдѣ такъ много рабочихъ сгорѣло отъ недостатка существенныхъ мѣръ предосторожности со стороны владѣльца фабрики, снова возбудиѣ вниманіе общества къ вопросу о необходимости преобразованія, правильнѣе сказать, созданія у насъ фабричнаго законодательства. Государство, вызвавшее къ жизни при Петрѣ Великомъ фабрики и заводы въ Россіи, окружило ихъ мелочною регламентаціею, связало по рукамъ и по ногамъ въ процессѣ производства. Когда окончилась эта пора дѣятельнаго и стѣснительнаго вмѣшательства правительственной власти, фабриканты и заводчики вздохнули свободнѣе. Но время шло, промышленность развивалась, многія мѣстности Россіи приняли исключительно мануфактурный характеръ. Крупное производство и у насъ, какъ на западѣ Европы, усиливается съ каждымъ годомъ. Въ 1725 году фабрикъ и заводовъ въ Россіи считалось 233. Число это уменьшилось по смерти Петра Великаго: въ 1761 году оно равнялось 201, съ годовымъ производствомъ въ 4,200.000 р. Со второй половины XIX ст. развитіе фабричной промышленности пошло съ чрезвычайною быстротою. По свѣдѣніямъ «*Военно-статистическаго сборника*» (т. IV), число фабрикъ и заводовъ въ имперіи въ 1866 году было уже 84,944. До милліона рабочихъ рукъ заняты на этихъ фабрикахъ, которыя производили товаровъ болѣе, чѣмъ на 650,000,000 рублей. Мы не имѣемъ цифры существующихъ въ настоящее время фабрикъ, но нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ она увеличилась. Въ Одесскомъ градоначальствѣ, напримѣръ, въ 1878 году фабрикъ и заводовъ было 172; сумма ихъ годоваго оборота равнялась 15,807,217 р.; рабочихъ и мастеровыхъ было 3,613 ч. Въ 1879 году фабрикъ и заводовъ было уже

188; рабочихъ 4,106; годовою оборотъ 17,157,321 р.*). Естественно поэтому, что государство не должно относиться безучастно къ миллионному фабричному люду, который находится вмѣстѣ съ сырьемъ и машинами въ полномъ распоряженіи фабриканта. Пора господства теоріи *laissez faire, laissez passer* проходить и въ Россіи. Общество и правительственная власть въ правѣ требовать, чтобы жизнь, здоровье и нравственное развитіе фабричнаго рабочаго не подвергались опасности отъ небрежности, безтолковости или скупости предпринимателя. Замѣчательно, что эту необходимость фабричнаго законодательства сознало одновременно и наше земство, и наша администрація. Владимірское губернское земство выработало проектъ фабричныхъ правилъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ правительство учредило комиссіи съ тою же цѣлью. О дѣятельности послѣдней изъ этихъ комиссій, учрежденной г. московскимъ генераломъ-губернаторомъ, проникають въ печать благоприятныя свѣдѣнія. Въ ея трудахъ принимаютъ участіе извѣстные профессора московскаго университета: А. И. Чупровъ и И. И. Янжуль, въ лицѣ которыхъ нашъ старый университетъ служить обществу добрую службу и въ дѣлѣ фабричнаго законодательства, какъ и во многихъ другихъ.

Конечно, недостаточно предписать и привести въ исполненіе мѣры предосторожности на случай пожара и другихъ несчастій. Необходимо обезпечить рабочему *шѣпш* отдыху, опредѣливши размѣръ рабочаго дня; необходимо дать ребенку возможность учиться, избавить его отъ гибельной фабричной кабалы, въ которую онъ попадаетъ съ ранняго возраста. Въ губерніяхъ царства польскаго съ давнихъ поръ существуетъ распоряженіе, чтобы ученики ремесленныхъ заведеній и малолѣтніе фабричные рабочіе по воскресеньямъ и по праздникамъ, до извѣстнаго срока, обязательно посѣщали школу. Этого, конечно, мало. Провести въ училищѣ нѣсколько часовъ одинъ день въ недѣлю, послѣ утомительнаго шестидневнаго труда, еще не значитъ учиться. Слѣдуетъ, по примѣру западной Европы, опредѣлять ежедневно нѣсколько часовъ, которые маленькій работникъ долженъ быть въ школѣ, включивши эти часы въ его рабочій день.

Пожаръ на фабрикѣ Гивартовскаго вызвалъ сильное негодованіе въ обществѣ. Въ пользу несчастныхъ пострадавшихъ открыта подписка. Отмѣтимъ при этомъ слѣдующее многозначительное явленіе. Въ спискѣ пожертвованій съ упомянутою цѣлью въ редакцію «*Русскаго Курьера*» мы много разъ встрѣтили рубли, собранные студентами Московскаго университета. Извѣстно, что имъ самимъ жизнь не легка; но честное молодое сердце побуждаетъ студента дѣлиться послѣднимъ съ жертвами несчастія и непростительной непредусмотрительности.

*) Новороссійскій телеграфъ, № 1.485.

Развращающее вліяніе фабрики констатировано многими изслѣдователями народной жизни. Мы имѣли уже случай упоминать на страницахъ *Русской Мысли* о необходимости, въ видѣ противовѣса быстро развивающемуся крупному производству, поддержанія и укрѣпленія кустарныхъ промысловъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, государство и общество должны придти на помощь крестьянину, просвѣтить его на счетъ его собственныхъ нуждъ и средствъ для ихъ удовлетворенія. Кулакъ и кабакъ разоряютъ и развращаютъ мужика. Изъ Ветлужскаго уѣзда въ *Современныя Извѣстія**) пишутъ, что ожидаемое учрежденіе волостныхъ ссудныхъ кассъ встрѣчается съ радостью. Но необходимо обратить строгое вниманіе на то, чтобъ кредитъ послужилъ на пользу дѣйствительнымъ бѣднякамъ. На луговой сторонѣ Волги, говоритъ корреспондентъ, въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, находится нѣсколько селеній такъ называемаго Ветлужскаго края. Всюду встрѣчаешь въ этомъ краѣ тощаго крестьянина или крестьянку, еле передвигающихъ ноги, убогую коровенку, идущую съ пастбища съ поникшею головою, песчаное поле, полуразрушенныя избы. Горемычные бѣдняки крестьяне кругомъ въ долгу у кулаковъ. Общество душъ въ 80, занявши рублей 300 и болѣе, вступаетъ въ вѣчную кабалу. Выбиваясь изъ силъ, мужикъ ежегодно вносить кулаку проценты, а капиталъ, по прежнему, составляетъ гнетущій долгъ. Въ большомъ ходу *ручательные приговоры* сельскаго общества, которыми обезпечивается уплата займа крестьяниномъ. Нужда вызываетъ пьянство и преступленіе. Вотъ гдѣ причина этихъ печальныхъ явленій, снова напоминаемъ мы недругамъ народной школы. Нищета, продолжаетъ корреспондентъ, вызываетъ множество самовольныхъ лѣсныхъ порубокъ, слѣдовательно множество дѣлъ у мировыхъ судей. Другой корреспондентъ *Современныхъ Извѣстій* описываетъ возмутительныя продѣлки кулаковъ въ Вяземскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи.***) Деревни часто горятъ въ этомъ уѣздѣ. Клоково, напримѣръ, въ теченіе шести лѣтъ было пять разъ опустошено пожаромъ. Вслѣдъ за пожаромъ является и кулакъ, предлагая погорѣльцамъ и сѣмянъ для засѣва полей, и денегъ на покупку лѣса. Въ прошломъ году, во время продажи съ аукціона скота въ деревнѣ Приказниковѣ, у одного крестьянина продавались четыре овцы и жеребенокъ, за 10 рублей. Кулакъ отвелъ крестьянина въ сторону и предложилъ ему отдать за него становой десять рублей, какъ будто за продаваемый скотъ, «а ты, говорилъ кулакъ, поди принеси мнѣ 10 рублей, и скотъ за тобою останется, а то вѣдь за ничто продадутъ». Крестьянинъ съ радостью соглашается и тайкомъ передаетъ кулаку деньги. Становой получаетъ отъ послѣдняго 10 рублей, а потомъ кулакъ съ урядникомъ уводятъ у крестьянина жеребенка и овецъ. Мужикъ взмолился, но мошенникъ кулакъ

*) Современныя Извѣстія, № 61.

**) Совр. Изв., № 65.

утверждаетъ, что купилъ скотъ на свои собственные деньги. Разсказанный корреспондентомъ случай, конечно, довольно-исключительное явленіе. Но кулачество такъ разрушаетъ благосостояніе деревни, что противъ него необходимо принятіе неотложныхъ мѣръ. И одною изъ такихъ мѣръ служить образованіе, на разумныхъ началахъ, ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

Другой врагъ крестьянина—кабакъ, не менѣе, если еще не болѣе силенъ. Въ Васильковскомъ уѣздѣ, въ с. Гребенкахъ, сахарный заводъ окруженъ шинками; въ небольшомъ селеніи ихъ пріютилось 19. Рабочіе завода послѣ смѣны отправляются въ шинки, напиваются тамъ до безчувствія и затѣмъ идутъ опять на заводъ *). Кабакъ безобразитъ и города наши. Въ Чигиринѣ, въ нижнемъ этажѣ зданія, въ которомъ помѣщается городское училище, устроено и заведеніе съ вывѣскою «*распивочно и на выносъ* **»). Педагогическія удобства такого близкаго сосѣдства не подлежатъ сомнѣнію.

Нѣкоторыя земства великороссійскихъ губерній, какъ передаютъ *Новости*, обратились въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствами, имѣющими въ виду ограниченіе числа питейныхъ заведеній. Но ходатайства эти оставлены безъ послѣдствій. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Прилукскаго уѣзда Полтавской губерніи открыты общественные шинки, и результаты получились очень благоприятные. Само собою разумѣется, что въ общественныхъ кабакахъ не принимается залогъ одежды, промѣнъ на водку, яицъ, масла, и т. п., стало быть не возможно и то раззореніе, которому подвергается населеніе при существованіи еврейскихъ шинковъ.

А нищета и невѣжество, (нашъ вѣчный припѣвъ, какъ вѣроятно замѣтили читатели), и безъ того широко раскинулись по русской землѣ. «Лошади и рогатый скотъ гибнутъ у уральскихъ казаковъ, мѣстами отъ повальной болѣзни, но болѣе всего отъ голода и холода ***). Низовая линія бѣдствуетъ безъ хлѣба: ржаная мука тамъ 2 рубля за пудъ, да и за эту цѣну ее не всегда можно достать. Рыболовство дало плохой результатъ въ нынѣшнемъ году. У киргизъ бужевскихъ и зауральскихъ тоже бѣдствіе страшное. И наконецъ, заключаетъ корреспондентъ, значительный районъ скотоводства въ Россіи будетъ раззоренъ окончательно. Крестьяне Мариновской волости, читаемъ мы въ другой газетѣ ****), другой годъ уже не видятъ урожая, а покупаютъ хлѣбъ. «Изъ всей волости, заключающей въ себѣ 199 дворовъ и 1128 душъ, только 5 семействъ не покупаютъ хлѣба. Денегъ нѣтъ, заработать негдѣ, продать почти нечего». «Видѣно хлѣба, сберегаемаго для малыхъ дѣтишекъ, употребляется печеная или

*) Новор. Телеграфъ, № 1485.

***) Кіевлянинъ, № 6.

****) *Новости*, № 53.

*****) *Донской Голосъ*, № 15.

вареная тыква, которую въ прежніе годы давали только въ кормъ свиньямъ». «Всѣ боятся весны, которая для нуждающихся дѣйствительно будетъ ужасна, если только не поспѣетъ къ нимъ сторонняя помощь». Въ *Виленскій Вѣстникъ* *) пишутъ изъ Опшмянъ: «Никогда еще въ этомъ городѣ не было такого страшнаго застоя въ торговлѣ, какъ въ настоящее время. Нѣкоторыя еврейскія семейства, *еще недавно считавшіяся зажиточными, теперь совершенно разворены и находятся въ крайней нуждѣ. Сильная дороговизна на всѣ жизненные продукты заставляеть многихъ жителей терпѣть голодь. Такъ, въ послѣдніе дни бывали случаи, что люди падали на улицахъ въ обморокъ отъ голода». Изъ Вилейскаго уѣзда въ ту же газету сообщаютъ **), что въ Красносельской, Вязинской, Городской и другихъ волостяхъ слышатся жалобы крестьянъ на истощеніе хлѣбныхъ запасовъ. За пудъ ржи платять небывалую цѣну—до 1 р. 15 к., за четверть картофеля—3 р. *Саратовскій Листокъ* приводитъ еженедѣльный бюджетъ мѣстнаго нищаго и чернорабочаго. Приходъ (недѣльный) перваго равняется 1 р. 93 копѣйкамъ, втораго—1 р. 80 к. Кроме того объѣдъ у нищаго даровой. *Русскимъ Вѣдомостямъ* ***) пишутъ изъ Камышина, что нужда въ продовольствіи мѣстнаго населенія, доходящая въ уѣздѣ до голода, ставить въ безвыходное положеніе и городскихъ жителей. Въ Эривани нужда въ топливѣ доходитъ до того, что недавно въ одномъ армянскомъ семействѣ замерзли отъ холода два новорожденные младенца ****).

А *Московскія Вѣдомости* утверждаютъ, что наша экономическая жизнь находится въ цвѣтущемъ положеніи! Мы не подбирали факты,—они сами бросаются въ глаза. Кроме того, мы отказываемся сопоставить всѣ данныя подобнаго рода: это выходитъ изъ задачи внутренняго обозрѣнія. Картина такого сопоставленія была бы удручающая. Недостаточность надѣловъ, тяжесть податей и суровыя мѣры ихъ взысканія не даютъ стать на ноги нашему крестьянину. Къ характеристикѣ способовъ понужденія къ уплатѣ налоговъ можетъ служить извѣстіе, сообщаемое *Новостями* *****). Въ одномъ изъ селъ Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи, въ случаѣ недомжки, къ крестьянину являютъ староста или писарь и льютъ въ печь воду, ведеръ двадцать. Эта мѣра все же оказалась неэффективной. Тогда придумали слѣдующее. Немсправныхъ плательщиковъ ставятъ на базарной площади, въ праздничные дни, на возвышенное мѣсто и заставляють считать страницы толстой книги. При ошибкѣ счетъ возобновляется.

Естественно, что при такихъ горькихъ условіяхъ, физическія силы населенія слабѣють, оно, страшно сказать, начинаетъ вырождаться. Къ

*) *Виленскій Вѣстникъ*, № 27.

***) *Виленскій Вѣстникъ*, № 29.

****) *Русск. Вѣд.*, № 60.

*****) *Одесскій Вѣстникъ*, № 51.

*****) *Новости*, № 53.

послѣднему вопросу у насъ склонны относиться или съ легкомысліемъ, или съ пренебрежительнымъ недовѣріемъ. Но факты на лицо. Изъ официальныхъ данныхъ *) оказывается, что въ 1879 году для исполненія воинскаго призыва было освидѣтельствовано около 325,000 человекъ. Изъ этого числа не могло быть принято по недостаточному росту и по тѣлеснымъ недостаткамъ болѣе 50,000 человекъ. Почти такому же числу лицъ, въ виду ихъ болѣзненнаго состоянія или невозмужалости, дана отсрочка. Любопытно, какъ отражается на населеніи борьба за существованіе. Какъ вѣрно подмѣтили *Новости* **), тамъ, гдѣ всего сильнѣе смертность, тамъ всего менѣе забракovanýchъ (юго-восточная окраина, поволжье). И наоборотъ, въ губерніяхъ, напримѣръ, царства польскаго и прибалтійскаго края всего больше забракovanýchъ и всего слабѣе смертность. Въ мѣстностяхъ перваго разряда населеніе уменьшается: отъ смерти (преждевременной, конечно) спасаются наиболѣе крѣпкіе; въ мѣстностяхъ втораго разряда народъ живетъ, но вырождается, вырождается не только физически, но также умственно и нравственно. Отецъ Беллюстинъ говоритъ объ этомъ тяжелою вопросомъ въ *Недѣльн. Семейный раздоръ, побои и истязанія становятся обычнымъ явленіемъ. Нерѣдки случаи, когда мужъ издѣвается надъ избитою женою, посылая толченымъ порохомъ язвы на ея тѣло, образовавшіяся отъ этихъ побоевъ. И нѣтъ управы на такихъ людей, нѣтъ возможности оторвать несчастную женщину отъ обезумѣвшаго злодѣя-мужа.... Донской Голосъ* ***) сообщаетъ о страшномъ преступленіи: въ хуторѣ Страховомъ, Филоновской станицы, сынъ убилъ отца, заставши его на мѣстѣ преступленія съ своею женою, убилъ каблуками сапоговъ.... Отецъ отбивался ножомъ. Такъ называемое *снохачество*, говоритъ корреспондентъ газеты,—явленіе обычное къ казачьему быту. Оно обязано своимъ происхожденіемъ военной службѣ. Казакъ оставляетъ дома молодую жену, и *батенька*, угрозами или подарками, склоняетъ ее на любовную связь. Преступленія изъ мести, въ особенности поджоги, составляютъ, какъ извѣстно, заурядныя событія въ нашемъ крестьянскомъ быту.

Мы говорили уже, что видимъ возможность глубокаго измѣненія въ этомъ отношеніи только при одновременномъ поднятіи благосостоянія крестьянъ и при распространеніи среди нихъ образованія. Была уже сдѣлана оговорка, что *цивилизация* можетъ коснуться своими вредными сторонами, дурно повліять на народную жизнь. Противъ такого рода случайностей необходимо заранѣе принимать мѣры, и это лежитъ на обязанности государства и общества. А опасенія наши, къ сожалѣнію, оправдываются дѣйствительною жизнью. Изъ Переяславля-Залѣскаго пишутъ въ *Современныя Извѣстія* ****), что пригородные жители, насмотрѣвшись на одежду

*) *Правительственный Вѣстникъ* № 33.

***) *Новости*, № 60.

****) *Донской Голосъ*, № 11.

****) *Совр. Извѣстія*, № 61.

горожанъ, начинаютъ и себѣ заводить подобную, убивая на нее послѣдніе гроши, бѣдя съ каждымъ годомъ. Столкновѣнія въ этомъ отношеніи города съ деревней, нечего и говорить, нельзя устранить никакими средствами. Но возможно и должно позаботиться о томъ, чтобъ на народъ благотѣльно подѣйствовало сближеніе съ болѣе образованными слоями общества. Само собою разумѣется, что для этого необходимъ нравственный подъемъ образованной части общества. Если ея досугъ будетъ поглощаться виномъ и картами, то отъ роли руководителя темной массы *образованному* челоуѣку придется отказаться. Покуда геронъ, въ родѣ презрѣннаго Юханцева, не сдѣлаются поражающимъ исключеніемъ, до тѣхъ поръ само образованное общество останется больнымъ. А Юханцевъ этотъ, припомнимъ кстати, по словамъ красноярской корреспонденціи *Недѣли*, сдѣлался львомъ городишка. Бодрый, раздушенный и веселый, онъ появляется въ маскарадахъ, дружески жметъ руку мѣстнымъ именитостямъ и *будетъ членомъ благороднаго собранія*. Рядомъ съ этимъ фактомъ не дурно поставить возмутительное явленіе другаго рода. *Русскія Вѣдомости* сообщаютъ, что въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Протопоповѣ, ротмистръ Заблоцкій, за дурно вычищенную лошадь, избилъ солдата и заперъ его въ холодную баню. На дворѣ стояли трескучіе морозы. Когда вахмистръ рѣшился послать заключенному шинель, бѣдный солдатикъ уже умеръ отъ побоевъ и холода.... Дѣло возникло потому, что про ужасное преступленіе узнали крестьяне и рассказали одному изъ начальниковъ.

Тяжело чувство, возбуждаемое длиннымъ рядомъ подобнаго рода фактовъ. Является непобѣдимая потребность отдохнуть на чемъ-либо отрадномъ. Къ счастью, и такихъ явленій не мало. Въ противоположность московскому губернскому земству, которое *отпало и оттрясло* вопросъ о кредитѣ крестьянамъ, таврическое губернское земство постановило обратиться къ правительству съ ходатайствомъ о ссудѣ въ 300,000 рублей. Деньги эти земство намѣрено употребить на содѣйствіе крестьянамъ въ покупкѣ земель. Если откажетъ правительство, таврическіе земцы думаютъ выпустить закладныхъ листовъ на сумму до 900,000 рублей *). На случай нужды въ продовольствіи, собраніе открыло губернской управѣ кредитъ въ 45,000 р. У того же земства явилось предположеніе устроить шоссе отъ Симферополя до Керчи, черезъ Феодосію. Не располагая для этого достаточными средствами, собраніе хочетъ просить у правительства ссуду, съ погашеніемъ ея въ 38 лѣтъ. Въ смѣту расходовъ таврическаго земства на нынѣшній годъ внесена весьма почтенная цифра — 103,689 рублей, на благотворительность **). Кашинское земство постановило принять на свое попеченіе всѣхъ дѣтей, лишившихся отца и матери (принадлежавшихъ къ кашинскому земству), мальчиковъ до 18, а дѣвочекъ до 16

*) *Недѣля*, № 10.

**) *Голосъ*, № 57.

лѣтъ отъ роду *)). Крестьяне пятнадцати волостей Псковскаго уѣзда, пишутъ въ *Голосъ*, въ ознаменованіе 19 февраля, постановили навсегда вносить въ смѣты мірскаго сбора отъ одной до трехъ копѣекъ съ души на обученіе сиротъ изъ крестьянъ ремеслу. Собираемыя суммы крестьяне предоставляютъ съ означенною цѣлью въ распоряженіе земства. Последнее особенно утѣшительно, какъ признакъ полнаго довѣрія мужика къ земскому представительству. Расходы на народное образованіе въ полтавскомъ земствѣ возросли за четыре года (съ 1876 г.) съ 154,000 р. до 243,000 р., а по врачебной части съ 143,000 до 237,000 р. Въ то же время издержки самоуправленія увеличились только на 5,000 р. (117 тысячъ вмѣсто 112 тысячъ) **). Саратовскимъ земствомъ въ 1879 году на дѣло народнаго образованія израсходовано 145,291 р. ***). Не смотря на такой значительный расходъ, «земство, говоритъ передовая статья *Саратовскаго Дневника*, доставляетъ нынѣ возможность обучаться только одной *одиннадцатой* части всѣхъ дѣтей школьнаго возраста». Земскіе расходы на народное образованіе растутъ быстро и почти повсемѣстно. *Учитель*, въ глазахъ нашихъ земскихъ дѣятелей, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ лучшей и значительной части этихъ дѣятелей, является лицомъ, заслуживающимъ полнаго уваженія и заботливаго вниманія. Добросовѣстное исполненіе святой обязанности воспитанія дѣтей щедро вознаграждается земствомъ передовыхъ русскихъ губерній. Въ *Симбирской Земской Газетѣ* ****) мы находимъ трогательное описаніе чествованія престарѣлаго учителя, который сорокъ лѣтъ обучалъ дѣтей въ Ключищенской сельской школѣ Симбирскаго уѣзда. Заносимъ на страницы внутренняго обозрѣнія *Русской Мысли* имя этого честнаго труженика: Филиппъ Федоровичъ Богдановъ.

Загляните, читатель, еще въ благословенный уголокъ земли русской. Изъ села Спасскаго, Оренбургскаго уѣзда, въ *Оренбургскій Листокъ* пишутъ *****): «Въ нашемъ благословенномъ уголкѣ, благодаря Бога, не чувствуется недостатка въ хлѣбѣ, такъ что православный людъ съ недоувѣрчивой насмѣшкой относится къ слухамъ о голодѣ». У крестьянъ нѣтъ ни копѣйки недоимокъ, ни податныхъ, ни выкупныхъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года отдѣльными семействами внесено въ казначейство слишкомъ 4000 р. для погашенія ссуды, выданной имъ правительствомъ. Новый, мировой судъ процвѣтаетъ у насъ, говоритъ корреспондентъ. «Положа руку на сердце, мы съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ сказать, что лучшаго суда населеніе и не желаетъ. Дѣла не кладутся на полку, а разбираются быстро, отчетливо, удобопонятно, добросовѣстно, безъ крика

*) *Голосъ*, № 58.

***) *Кіевлянинъ*, № 6.

****) *Саратовскій Дневникъ*, № 48.

*****) *Симб. Земск. Газета*, № 176.

*****) *Оренбургскій Листокъ*, № 3.

и возгласа: прошу молчать! Обыватели 9-го участка, вслѣдствіе разумно избраннаго пункта для постоянной камеры судьи, не затрудняются поѣздомъ къ нему; къ тому же, кромѣ этой камеры, судья ежемѣсячно выѣзжаетъ въ назначенный имъ пунктъ для разбора дѣлъ и принятія просьбъ тѣхъ просителей, которые проживаютъ отъ постоянной его камеры далѣе 40 верстъ».

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, да знаетъ и изъ другихъ источниковъ, что свѣтлыя явленія русской жизни чаще всего встрѣчаются въ области самоуправленія. Усилія земскихъ собраній и управъ въ одномъ мѣстѣ поднимаютъ благосостояніе края, въ другомъ, менѣе счастливымъ, задерживаютъ паденіе этого благосостоянія. Изъ Задонскаго уѣзда, напримѣръ, пишутъ въ «Голосъ» *), что въ уѣздѣ страшная нужда. Въ такомъ положеніи дѣла весьма отрадными являются распоряженія земства, которое облегчило крестьянамъ платежи, выдало безпроцентныя ссуды и приняло нѣкоторыя другія мѣры. Вслѣдствіе этого «пагубныя послѣдствія мѣстнаго недорода хлѣба не отразятся народнымъ бѣдствіемъ, а пройдутъ въ уѣздѣ хотя и съ тяжелымъ впечатлѣніемъ, но во всѣхъ отношеніяхъ благополучно» **). Менѣе удовлетворительны результаты, достигаемые словеснымъ и городскимъ самоуправленіями. Первое понятно само собою. Великія преобразованія нынѣшняго царствованія отняли у сословій всякое право на существованіе. Дворянство (его главнымъ образомъ и слѣдуетъ имѣть въ виду) вдвинуто въ земство. Ему предстоитъ важная историческая роль во главѣ всей земли русской. Но для исполненія этого назначенія дворянству необходимо отрѣшиться отъ всякихъ олигархическихъ поползновеній и стать во главѣ умственнаго и общественнаго движенія. Пополняясь непрерывно лицами изъ другихъ бывшихъ сословій, дворянство представитъ тогда передовую дружину нашихъ земскихъ силъ. Навны упованія такихъ людей, которые явно или тайно стремятся къ образованію въ Россіи какой-то аристократіи, опирающейся на крупное землевладѣніе. Богачи у насъ не перевелись, конечно, но никогда не замкнутся имъ въ политически-сильное сословіе. На Руси существуетъ только верховная власть и земля съ ея представителями. Главнымъ препятствіемъ къ правильному развитію городского самоуправленія служитъ нарушеніе этой основы русской жизни. Народъ не знаетъ *ценза*, который ограничиваетъ право участія въ избраніи представителей и предоставляетъ вершитель дѣла лицамъ, нищество которыхъ является замѣстителемъ знанія, труда и добросовѣстности. Не мудрено, что при такомъ порядкѣ чувствуется не-

*) *Голосъ*, № 72.

**) Замѣтимъ кстати слѣдующее. Прошлымъ еще лѣтомъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* сообщалъ, что многія казачьи станицы ходатайствовали объ упраздненіи земскихъ учрежденій. Это извѣстіе перешло и въ *Отечественныя Записки* (1879, № 6, внутреннее обозрѣніе). *Донской Голосъ* (№ 10 выѣшняго года, перваго года изданія) опровергаетъ сообщеніе „Русск. Вѣд.“

достатокъ въ полезныхъ общественныхъ дѣятеляхъ. Когда право самоуправленія укрѣплено на богатствѣ, то естественнымъ послѣдствіемъ становится іерархическое подчиненіе меньшаго капитала большому. *Русскія Вѣдомости* *) сообщаютъ, что нижегородская дума, желая достойнымъ образомъ ознаменовать день 19 февраля, едва одолѣла эту трудную задачу. Работала цѣлая коммиссія, изъ 15 человѣкъ, работала полтора мѣсяца и представила, наконецъ, слѣдующій проектъ: ходатайствовать о дозволеніи поставить въ Москвѣ памятникъ въ честь освобожденія крестьянъ, на сооруженіе котораго открытъ подписку по всей имперіи.... На разсмотрѣніе той же Думы было представлено ходатайство одного изъ гласныхъ объ учрежденіи въ отдаленныхъ частяхъ города бесплатной лѣчебницы для приходящихъ, такъ какъ въ этихъ окраинахъ нѣтъ никакой медицинской помощи. «Противъ этого послѣдняго предложенія въ особенности возсталъ городской голова, опираясь, главнымъ образомъ, на то, что городъ не имѣетъ средствъ. Проектъ же (о памятникѣ) коммиссіи, (въ которой и онъ участвовалъ), возбудилъ особенное его сочувствіе, такъ что для того, чтобы провести его, онъ рискнулъ даже нарушить права Думы. По правиламъ, установленнымъ ею, всякій вопросъ долженъ быть разрѣшенъ закрытою подачей голосовъ, если того требуютъ не менѣе трехъ гласныхъ. При обсужденіи вопроса о принятіи того или другаго проекта, 11 человѣкъ требовали разрѣшенія его баллотировкой; но голова, опасаясь неблагопріятнаго результата для своего проекта, предложилъ гласнымъ, сочувствующимъ ему, встать. Конечно, въ угоду ему встали очень многіе, и, такимъ образомъ, проектъ коммиссіи былъ принятъ. Понятно, что нѣкоторые изъ гласныхъ заявили протестъ о нарушеніи ихъ правъ, а губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе отмѣнило самое постановленіе, какъ незаконное. Во вторичномъ засѣданіи по этому поводу, 16 февраля, Дума постановила образовать въ память 19 февраля 1880 года 20 кроватей въ существующей Мининской богадѣльнѣ для увѣчныхъ воиновъ минувшей войны. Николаевская Дума очень долго собиралась разсмотрѣть роспись городскихъ расходовъ на текущій годъ. Наконецъ, открыто засѣданіе съ этою цѣлью. «Разсмотрѣли уже одинъ вопросъ, пишетъ корреспондентъ *Новороссійскаго Телеграфа*, другой, третій.... Собраніе оживляется, начинаются пренія, стаюваются все горячѣе и горячѣе, и вдругъ.... среди самаго этого разгара, одинъ изъ гласныхъ преспокойно встаетъ, выходитъ, надѣваетъ шубу—и былъ таковъ! А дальѣйшее обсужденіе росписи, за неполностью числа гласныхъ, откладываютъ до болѣе благопріятнаго времени» **). При существующей системѣ выборовъ, весьма значительная часть населенія не принимаетъ въ нихъ никакого участія, а другая часть мало заинтересована ими, мало понимаетъ свою собствен-

*) Русскія Вѣд. № 50.

**) Новороссійскій Телеграфъ, № 1471.

ную выгоду. Городское самоуправленіе и попадаетъ, такимъ образомъ, въ руки крупнымъ капиталистамъ. Въ Мариуполѣ, напримѣръ, по свѣдѣніямъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, «равнодушіе мѣстныхъ обывателей къ городскимъ дѣламъ яснѣе всего обнаружилось на минувшихъ выборахъ, на которые изъ числа всѣхъ 1,508 избирателей явилось только 132 *). Равнодушіе это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ниже категорія избирателей. Тогда какъ въ первой категоріи только 9 человѣкъ изъ 29 не поинтересовались выборами, во 2-й — 62 изъ 103, въ третьей — 1305 изъ 1376». А въ рукахъ городского самоуправленія находятся весьма значительныя средства. Москва ежегодно расходуетъ до 4,806,000 рублей, Рига — до 1,572,000, про Петербургъ нечего и говорить. Въ Москвѣ на каждого обывателя приходится, если разложить расходы, по 6 р. 86 к., въ Ригѣ по 12 р. 9 к. **) Между тѣмъ, нерѣдко случается, что остаются безъ удовлетворенія насущныя потребности городского населенія. Всѣ вообще попытки создать въ Россіи *rays légal* всегда отличались и будутъ отличаться безуспѣшностью, раздѣлая въ этомъ отношеніи участь майората, введеннаго было Петромъ Великимъ. Есть, конечно, и различіе: институтъ майората не могъ принести и сотой доли того вреда, который приноситъ имущественный цензъ въ устройствѣ нашего самоуправления. Возьмемъ судебно-мировыя учрежденія. На нихъ нерѣдко слышатся жалобы, и при томъ съ различныхъ сторонъ. Жалобы эти со стороны добросовѣстной части нашей печати объясняются не выборнымъ, конечно, началомъ, а, въ большинствѣ случаевъ, временными и случайными недостатками личнаго состава мировыхъ судей. Но упомянутые недостатки, въ свою очередь, являются результатомъ устраненія отъ избранія лицъ, не обладающихъ достаточнымъ имущественнымъ цензомъ. Правда, при единогласномъ избраніи, ценза не требуется, но единогласное избраніе — почти невозможная вещь. Не даромъ составители нашихъ судебныхъ уставовъ не признали цѣлесообразнымъ узаконить единогласное постановленіе приговора присяжными засѣдателями, а въ послѣднемъ случаѣ вѣдь дѣло идетъ о свободѣ и чести человѣка, стало быть требуется наибольшая осторожность. Въ послѣднее время, въ печать проникли слухи о готовящихся будто бы преобразованіяхъ въ мировомъ институтѣ. Сначала рѣчь шла объ отмѣнѣ требованія единогласія при баллотировкѣ въ мировые судьи лицъ, имѣющихъ только образовательный цензъ. Въ обществѣ весьма порадовались такому извѣстію. Вслѣдъ затѣмъ одна изъ газетъ сообщила, что существуетъ предположеніе уничтожить мировыя сѣзды и учредить въ качествѣ второй инстанціи коронный судъ, въ которомъ къ четыремъ судьямъ, назначеннымъ правительствомъ, присоединяется одинъ почетный мировой судья. Само собою разумѣется, что послѣднее извѣстіе поводовъ радоваться не даетъ ника-

*) Въ Мариуполѣ до 10,000 жителей.

**) *Рижскій Вѣстникъ*, № 56.

нихъ. Русское общество привыкло думать, что великія преобразованія, совершенныя въ первую половину нынѣшняго царствованія, были актами зрѣлой государственной мысли. Принципы, которые заложены въ основаніе этихъ преобразованій, даны самою Верховною Властью. Несовершенство исполнителей и случайныя затрудненія могли помѣшать полному осуществленію высокихъ предначертаній; но мысль, возбуждившая реформы и руководившая ими, не можетъ быть признана ошибочною. Кто признаетъ ее невѣрною, тотъ долженъ требовать возстановленія крѣпостнаго права, уничтоженія земскихъ учрежденій, отмены суда присяжныхъ и возвращенія тѣлесныхъ наказаній. Всякому понятно, что это безусловно невозможно. Вотъ почему враги великодушной идеи, прославившей нынѣшнее царствованіе, и не идутъ такъ далеко. Они стремятся прежде всего затормозить общественное движеніе, затѣмъ исказить его по частямъ, мелкими передѣлками. Черезъ десять или двадцать лѣтъ настойчивой работы въ этомъ направленіи, передъ глазами изумленнаго общества, должно появиться зданіе съ такими безобразными надстройками, съ такою беспощадною ломкою лучшихъ частей, что въ немъ нельзя будетъ и распознать великаго сооруженія, главная часть котораго возведена 19 февраля 1861 года. Этому страшному сну, конечно, не сбыться, но горя и тревоги успія *охранителей* принесли и принесутъ не мало. Къ чувству, которое естественно возбуждаютъ люди, попирающіе ваши заветные идеалы, присоединяется еще другое, когда вы узнаете, что люди эти дѣйствуютъ неискренно, когда конечною цѣлью ихъ охранительныхъ вождѣленій служить «фондъ для пресмыкающихся».

Но, повторяемъ, сбить Россію съ пути, на который поставлена она 19 февраля 1861 года, невозможно. Образование и самосознаніе проникли въ общество на столько, что объ это препятствіе разобьется, да уже и теперь разбиваются всѣ успія современныхъ Руничей и Магницкихъ. Само правительство признаетъ торжественными заявленіями право общества быть выслушаннымъ въ вопросахъ общегосударственной важности; само правительство замѣчаетъ вредныя послѣдствія отсутствія правильныхъ путей для своевременнаго и законнаго выраженія народныхъ нуждъ и желаній. Что касается до общества, то оно терпѣливо, но съ возрастающею надеждою глядитъ на будущее. Кому выгоденъ разладъ между властью и интеллигенціею, какъ выразительницей народныхъ желаній, народнаго самосознанія? Не смѣшно-ли, когда слышатся истерическіе вопли, призывающіе власть бороться съ интеллигенціею? Россія не Турція, гдѣ сумасшедшій дервишъ можетъ вліять на верховную власть. Хороша была бы власть безъ интеллигенціи! Читатели, конечно, знаютъ, что мы имѣемъ въ виду издателя «*Московскихъ Ведомостей*», который собственную потребность обойтись безъ интеллигенціи хочетъ навязать государству.

Мы, наоборотъ, съ величайшимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ каждое явленіе, которое показываетъ, что довѣріе правительства къ обществу усиливается. Русскаго человѣка утомили тревоги и заботы. Пора безъ опасеній, бодро приняться за прерванное дѣло, за дальнѣйшее преобразование Россіи, за развитіе въ ней истиннаго просвѣщенія и благосостоянія народныхъ массъ. Достиженіе узко-полицейскихъ цѣлей не позволительно сопоставлять съ достиженіемъ цѣлей государственной безопасности, немыслимой при невѣжествѣ и убогой бѣдности населенія. Каждый русскій будетъ, конечно, привѣтствовать и всякую разумную полицейскую мѣру, въ родѣ, напримѣръ, прекращенія административной ссылки или подчиненія III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи главному начальнику верховной комиссіи. Увольненіе генерала Дрентельна и передача его обязанностей и правъ графу Лорисъ-Меликову вызвали разнообразныя толки въ обществѣ, отразившіяся, до извѣстной степени, и въ печати. Газеты припомнили по этому случаю исторію III отдѣленія. *Голосъ* полагаетъ, что эта «особая власть въ государствѣ» должна прекратить свое существованіе. Газета другаго направленія, *Современная Извѣстія*, говоритъ, что «учрежденіе, вѣдавшее высшую полицію, бессильно охранять не только государственный порядокъ, ей порученный съ чрезвычайными полномочіями, но и само себя». Достоинно сожалѣнія, прибавляютъ *Современная Извѣстія*, что это не усмотрѣно гораздо ранѣе, еще съ начала шестидесятыхъ годовъ. III отдѣленіе (съ корпусомъ жандармовъ) вѣдало многія дѣла и не политическія. Оно должно было бы представлять въ противоположность формальному и строгому закону начало мягкой и примѣняющейся къ данному случаю справедливости. Жена, которую измучилъ мужъ, не имѣя права на разводъ, обращалась къ защитѣ третьяго отдѣленія и могла получить отдѣльный видъ на жительство. Тяжелое положеніе раскольниковъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, облегчалось жандармами. Но соединеніе въ одномъ учрежденіи столь разнородныхъ задачъ и отсутствіе у низшихъ и среднихъ исполнителей сколько-нибудь удовлетворительной подготовки въ вопросахъ гуманности и справедливости, повели къ тому, что III отдѣленіе было плохо, какъ полицейское установленіе, и еще болѣе плохо, какъ высшая стража закона и человѣколюбія. Печать привѣтствовала поэтому подчиненіе корпуса жандармовъ и III отдѣленія главному начальнику верховной комиссіи, видя въ этомъ, очень оптимистически, по нашему мнѣнію, начало конца....

Другое правительственное мѣропріятіе послѣдняго времени произвело также весьма благоприятное впечатлѣніе на общество. По Высочайшему повелѣнію, «для успѣшной постройки казармъ, какъ военно-сухопутнаго, такъ и морскаго вѣдомствъ, и для воспособленія городскимъ и земскимъ учрежденіямъ въ устройствѣ смѣхъ помѣщеній, предоставленномъ имъ ст. 16 Положенія 8 іюня 1874 года о преобразованіи воинской квартирной повинности, могутъ быть выдаваемы ссуды изъ особаго, состоящаго въ

вѣдѣніи министерства финансовъ, капитала, образованнаго на основаніи Высочайше утвержденного 17 февраля 1876 года мѣнія государственнаго совѣта». Ссуды эти разрѣшаются, по соглашенію министра финансовъ, министра внутреннихъ дѣлъ и государственнаго контроля съ военнымъ или морскимъ министерствомъ. «Размѣръ ежегоднаго интереса по ссудамъ опредѣляется изъ 4⁰/₀, которымъ дается назначеніе, указанное въ п. 4-мъ Высочайше утвержденного 17 февраля 1876 г. мѣнія государственнаго совѣта». Размѣръ погашенія опредѣляется по соглашенію, но во всякомъ случаѣ не можетъ быть ниже 1/2⁰/₀ для каменныхъ и 2⁰/₀ для деревянныхъ построекъ. «По окончательномъ погашеніи выданной отъ правительства городу или земству, на устройство казармъ, ссуды, казармы эти остаются собственностію города или земства, ихъ построившаго, съ тѣмъ, однако, что онѣ, по распоряженію правительства, занимаются военскими чинами, управленіями и заведеніями, во всемъ согласно съ ст. 15-ю «Положенія» о преобразованіи воинской квартирной повинности».

Эта мѣра есть одинъ изъ признаковъ того неизбежнаго историческаго теченія, которое замѣчается теперь даже близорукими. Государственная жизнь все болѣе и болѣе усложняется. Удовлетворить всѣмъ ея насущнымъ потребностямъ, и духовнымъ, и матеріальнымъ, одними административными путями представляется дѣломъ безусловно невозможнымъ. Правительство, сознавая это, перемѣщаетъ значительную долю податной тяжести на самоуправленіе. Но сказанное представляетъ собою только одну сторону явленія. Замѣчается и другое движеніе, встрѣчаемое съ первымъ, болѣе глубокое и болѣе медленное, такъ какъ ему приходится прокладывать себѣ дорогу черезъ многообразныя препятствія. Хозяйственное самоуправленіе, говоритъ знаменитый германскій ученый Лоренцъ фонъ-Штейнъ, имѣетъ своимъ содержаніемъ самостоятельную хозяйственную жизнь тѣхъ органовъ народнаго управленія, которые, въ противоположность правительству, называетъ *самоуправляющимися тѣлами**). Община, городъ, земство собираютъ подати съ находящихся въ ихъ предѣлахъ жителей и самостоятельно распоряжаются своими доходами. Государственная власть смотритъ лишь за тѣмъ, чтобъ интересы самоуправления не сталкивались и не нарушали интересовъ всей страны. Но конечно въ вопросахъ экономическаго характера болѣе, чѣмъ въ другихъ вопросахъ, необходима совмѣстная работа государства и самоуправления.

И это возможно въ самой безыскусственной формѣ. Русскій народъ вообще не формалистъ, къ простотѣ стремится онъ и въ общественныхъ, и

*) „Die wirthschaftliche Selbstverwaltung hat zu ihrem Inhalt das selbständige wirthschaftliche Leben derjenigen Organe in der Volksverwaltung – im Gegensatz zur Regierung als Staatsverwaltung, welche wir *Selbstverwaltung's Körper* nennen“. (Stein, Finanzwissenschaft, 80).

въ государственныхъ учрежденіяхъ. Вопросы сложнаго представительства интересовъ, волнующіе Западъ, почти не существуютъ у насъ; многообразіе западно-европейскихъ партій немислимо въ Россіи. Всѣ толки о созданіи, напримѣръ, у насъ третьяго сословія, по образу и подобию французской, англійской и нѣмецкой буржуазіи, только потому возбуждаютъ нѣкоторую тревогу, что производятъ путаницу въ понятіяхъ. За толками, конечно, если они оффиціознаго происхожденія, можно ждать и *мгнорпріятій*. Послѣднія внесутъ путаницу уже не въ понятія, а въ народную жизнь; но путаницу временную, хотя и прискорбную. Русское государство было и останется государствомъ крестьянскимъ по преимуществу. Лучшая часть нашей интеллигенціи прекрасно понимаетъ это и, добиваясь обезпеченія свободы и достоинства личности, сливаетъ свои интересы съ интересами народными. Въ послѣднее время газета *Берегъ* выступила съ довольно-забавнымъ проектомъ превращенія въ tiers-état, кого бы вы думали? *Русскихъ раскольниковъ*. Раскольниковъ 11 милліоновъ, считаетъ газета. Дайте имъ полную свободу вѣроисповѣданія, вотъ вамъ и третье сословіе. Чтобъ явилась на свѣтъ божій дѣйствительная буржуазія, необходимо, чтобъ она владѣла политическими правами; но за что же давать ихъ раскольникамъ и не давать православнымъ? Напрасно затѣмъ *Берегъ* думаетъ, что значительная часть раскольниковъ, раскольники-крестьяне, будетъ пригоднымъ матеріаломъ для искусственнаго образованія на рускомъ государственномъ тѣлѣ безобразнаго нароста, похожаго на западные образцы. Что значитъ *создать* третье сословіе? Это значитъ прежде всего создать неравномѣрное распредѣленіе собственности, расколотъ народъ на богатыхъ и бѣдныхъ, т. е. создать прочное основаніе для общественныхъ потрясеній, для борьбы, быть можетъ, кровавой. Какія патріотическія побужденія руководятъ людьми, выступающими съ подобными измышленіями?

Если такое измышленіе само по себѣ нелѣпо, то что побудило автора къ его странному изобрѣтенію, что подсказало ему вмѣсто желанія открыть просторъ для свободнаго творчества народныхъ силъ сочинить для нихъ чуждыя имъ формы, новые для нихъ тиски? Быть можетъ, скажутъ: забота о рускомъ народѣ, любовь къ нему. Врядъ ли это такъ. Соединима ли такая любовь съ желаніемъ исказить своими выдумками свободное теченіе народной жизни, органическое развитіе ея? Быть можетъ, руководили авторомъ духъ патріотизма, ревность къ славѣ и величію русскаго государства, желаніе сообщить ему всю наружность быта другихъ государствъ, стоящихъ во главѣ современной цивилизаціи, завести, по примѣру ихъ, и у насъ свою сильную аристократію, свое tiers-état и даже, пожалуй, кстати, своихъ пролетаріевъ, во всякомъ случаѣ, скажутъ, изобрѣтателя одушевляла любовь къ отчизнѣ. Но любовь къ отчизнѣ неразлучна съ любовью къ народу, какъ народу. Она воспитывается всѣми вліяніями на насъ съ самаго ранняго дѣтства, всѣмъ опы-

томъ нашей внутренней и вѣшной жизни, всѣми нашими страданіями, радостями и надеждами, общими съ страданіями, радостями и надеждами народа, къ которому мы принадлежимъ, съ которыми мы органически связаны языкомъ, обычаями, всѣми вѣяніями роднаго намъ народнаго духа и родной намъ исторіи, внѣ которой нѣтъ для насъ полноты существованія. Слово любовь къ отчизнѣ такъ же древне, какъ самъ народъ. Но существуетъ и другое слово: патриотизмъ. Это слово искусственное, позднѣйшаго происхожденія, такъ сказать, государственнаго. Выраженіе *patriot* употреблено впервые французомъ Сень-Симономъ, авторомъ знаменитыхъ мемуаровъ, давшимъ это названіе маршалу Вобану. Разумѣется, любовь къ отчизнѣ, къ народу и патриотизмъ по существу должны совпадать другъ съ другомъ; но понятія, которыя часто соединяють съ нимъ, очень расходятся. Патриотомъ можетъ быть по праву названъ и иноземецъ, принявшій подданство государству чуждаго ему народа, если только онъ—вѣрный своей клятвѣ—служить этому государству вѣрой и правдой, не зная въ то же время ни языка, ни быта новаго для него народа и насколько не любя его. Можно быть патриотомъ, радѣть о пользахъ государства, совсѣмъ не понимая народной жизни, даже презирая въ душѣ ея исконныя стремленія. Патриотомъ можетъ прослыть и честолюбецъ, если онъ, будетъ совершать великіе подвиги во славу государства, не дорожа ни счастьемъ, ни свободой народа. Ореоломъ патриота можетъ одѣть себя и завоеватель, который, для мнимаго величія родины, истощаетъ свой народъ, и примучиваетъ другіе. Любовь къ народу неразлучна съ любовью къ человѣку. Изъ нея возникаетъ пониманіе радостей и страданій другихъ народовъ, сочувствіе къ нимъ и, наконецъ, духъ всемірнаго гражданства. Безъ истинной любви къ своему народу пресловутый космополитизмъ, способенъ заковать народную жизнь въ отвлеченныя, хотя и великодушно измышленныя формы, поставить человѣка на ту неплодную почву, изъ которой можетъ быстро выростать личный эгоизмъ. Патриотизмъ, если не коренится онъ въ любви къ народу, способенъ порождать сознательныхъ или бессознательныхъ утѣснителей народной жизни, или, по меньшей мѣрѣ, наивныхъ мечтателей, создающихъ измышленія, подобныя тѣмъ, которыми угощаетъ своихъ читателей газета «Берегъ».

На эти мысли навелъ насъ не одинъ «Берегъ», но и фактъ, весьма важный для нашей жизни, а именно: та легкость, съ которою иноземцы получаютъ у насъ права гражданства, легкость, съ какою переходятъ въ ихъ руки и русская земля, и богатства русской почвы. Быть можетъ, это и совмѣстимо съ тѣмъ патриотизмомъ, который одушевленъ не столько любовью къ народу, сколько стремленіями къ величію и блеску государственному, хотя бы и съ ущербомъ для самостоятельности и органической цѣльности народной жизни, быть можетъ, такому патриотизму и представляется, что чуждые элементы внесутъ въ жизнь русскаго народа новыя великія силы, которыя обновятъ ее и поднимутъ на большую высоту. Но

для русскаго сердца дороже, чтобы на эту высоту русскій народъ былъ поднятъ своею самодѣятельностію, чтобы были возбуждены его творческія силы, чтобы для свободнаго развитія этихъ силъ былъ открытъ широкій просторъ, чтобы онъ, а не кто другой наслаждался богатствами земли, прибрѣтенной его трудомъ и кровью.

Неужели не смущаетъ нашихъ патриотовъ постоянно возрастающее разселеніе иностранцевъ преимущественно нѣмцевъ и по окраинамъ, и внутри Россіи и факты подобные тому, о которомъ говорится, напримѣръ, въ «Оренбургскомъ Листкѣ».

Если мы, ставъ на берегу рѣки Бѣлой (верстъ на 20 ниже ея крутаго поворота на сѣверъ), обратимся къ востоку и станемъ наблюдать прилегающую къ селу (Васильевка) мѣстность, то взору нашему представится величественная картина. Внизу быстро бѣжитъ Бѣлая, съ шумомъ ударяясь въ крутые обрывистые берега или же, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ ревомъ крутятся и поглощая все, что ей попадется. Затѣмъ вашъ взглядъ останавливается на островѣ Чебарзанѣ, который образуется отъ впаденія въ Бѣлую двухъ рукавовъ рѣки Нугуша. Островъ покрытъ роскошными лугами, липой, вязомъ, тальникомъ и черемухой. Кустарники смородины, мѣстами, образуютъ аллеи, красиво вьющіяся по сторонамъ дорогъ и тропинокъ. За полверсты отъ Чебарзана поднимаются уступами отроги Уральскихъ горъ, Беркутиныя горы говорятъ народъ, такъ какъ на нихъ водится много беркутовъ. Мѣстами виднѣются огромныя скалы съ глубоко вдающимися пещерами. Край живописенъ и богатъ *).

И въ этотъ-то край явились англичане, образовали компанію и стали скупать землю, сады, рудники.... Конечно, естественныя богатства страны въ умѣлыхъ рукахъ англичанъ дадутъ огромныя барыши, даже, быть можетъ, подымутъ благосостояніе края; но все же жаль, что благоденственный уголокъ земли русской разрабатывается не русскими.

О подобныхъ этому фактахъ мы поговоримъ впоследствии подробнѣе.

В. Г.

Въ № 64 *Правительственнаго Вѣстника* напечатано Высочайшее повелѣніе *О дополненіи и измѣненіи нѣкоторыхъ статей устава о частной золотопромышленности.*

— По Высочайшему повелѣнію, въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. I, изд. 1857 г.), постановлено: «Правила объ усыновленіи купцами, изложенныя въ статьяхъ 151 (по прод. 1876 г.), 152, 153 и 154 законовъ гражданскихъ, распространяются также на случаи усыновленія лицами, пользующимися правами почетнаго гражданства, съ слѣдующими измѣненіями: 1) просьбы означенныхъ лицъ объ усыновленіи подаются въ губернскія правленія,

*) *Оренбургскій Листокъ*, № 5.

по мѣсту жительства усыновленія, и 2) состоявшееся въ губернскомъ правленіи постановленіе объ удовлетвореніи ходатайства просителя на утверженіе Правительствующаго Сената установленнымъ порядкомъ». (*Правительственный Вѣстникъ*, № 62).

— Министру Императорскаго двора предоставлено право дѣлать измѣненія и дополненія въ постановленіяхъ и правилахъ внутренняго управленія Императорскою театральною дирекціею, впредь до пересмотра законовъ и правилъ о театральной дирекціи; подобное же право, по слухамъ, предоставлено министру народнаго просвѣщенія по отношенію къ университетскому уставу. Надо надѣяться, что такой временный порядокъ вещей скоро замѣнится основаннымъ на точномъ разумѣ новыхъ узаконеній порядкомъ.

Займствуемъ изъ *Голоса* слѣдующія общія постановленія особаго совѣщанія, происходившаго подъ предѣдательствомъ графа Валуева, о правахъ временныхъ генералъ-губернаторовъ:

1) Постановленія свода законовъ о генералахъ-губернаторахъ сохраняютъ свою силу, если они не измѣнены или не дополнены постановленіями 1879 года.

2) Права и основанія дѣятельности временныхъ генераловъ-губернаторовъ опредѣляются указомъ 5-го апрѣля 1879 года и положеніемъ комитета министровъ 26-го сентября и 20-го декабря того же года, а отношенія къ главному начальнику верховной распорядительной комиссіи — Высочайшимъ указомъ 12-го февраля 1880 года.

3) Въ губерніяхъ, подчиненныхъ временнымъ генераламъ-губернаторамъ, только тѣ ходатайства дворянскихъ собраний и земскихъ и городскихъ учреждений восходятъ къ подлежащимъ министрамъ и главноуправляющимъ чрезъ генераловъ-губернаторовъ, которыя имѣютъ какое-нибудь соотношеніе къ охраненію общественнаго спокойствія.

4) Генералы-губернаторы входятъ въ сношеніе съ подлежащими министрами и главноуправляющими по всѣмъ предметамъ, касающимся нуждъ и пользы подвѣдомыхъ генераламъ-губернаторамъ губерній. Въ случаяхъ несогласія съ генералами-губернаторами, министры и главноуправляющіе представляютъ о томъ чрезъ комитетъ министровъ.

5) Если какое-нибудь мѣстное правительственное учрежденіе, или сословное, или общественное собраніе увлочится отъ законнаго пути и выйдетъ изъ указанныхъ ему законныхъ предѣловъ, то генералы-губернаторы принимаютъ мѣры къ возстановленію порядка и сообщаютъ о происшедшемъ подлежащему министру или главноуправляющему.

6) Генералы-губернаторы касаются текущихъ дѣлъ по администраціи только въ исключительныхъ случаяхъ, когда они по особымъ уважительнымъ причинамъ сочтутъ это нужнымъ.

7) Генералы-губернаторы сообщаютъ главному начальнику верховной распорядительной комиссіи и министру внутреннихъ дѣлъ о всѣхъ лицахъ, высылаемыхъ административнымъ порядкомъ изъ подвѣдомыхъ генераламъ-губернаторамъ губерній, съ объясненіемъ поводовъ къ принятой мѣрѣ.

8) Послѣ такого сообщенія, высланные лица не могутъ быть возвращаемы въ мѣста прежняго жительства безъ разрѣшенія главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи и министра внутреннихъ дѣлъ.

9) Министры и главноуправляющіе сохраняютъ нынѣшнія права ревизіи подвѣдомственныхъ имъ учрежденій.

10) По дѣламъ почтоваго и телеграфнаго вѣдомствъ генералы-губернаторы руководствуются дѣйствующими узаконеніями и соблюдаютъ порядокъ, установленный по этимъ вѣдомствамъ спеціальными распоряженіями.

11) По всѣмъ дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ генералы-губернаторы сообщаютъ главному начальнику верховной распорядительной комиссіи и министру внутреннихъ дѣлъ всѣ нужныя, по ихъ соображеніямъ, свѣдѣнія, на тѣхъ основаніяхъ и тѣмъ порядкомъ, какіе будутъ установлены по соглашенію ихъ съ главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комиссіи, и

12) Предѣлы территоріи каждаго временнаго генералъ-губернаторства обозначаются Высочайшею властью по представленіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, чрезъ комитетъ министровъ, если не состоится въ другомъ порядкѣ особаго, по этому предмету, Высочайшаго повелѣнія.

Земское обозрѣніе.

~~~~~

Упадокъ крестьянскаго благосостоянія и мнѣніе Смоленскаго земства о его причинахъ. — Уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія. — Вопросъ о содѣйствіи крестьянамъ въ покупки земли.

Частые неурожаи и вызываемая ими необходимость пособія населенію со стороны земства, неисправное поступленіе земскихъ сборовъ, нерѣдко ставящее земство въ крайнее затрудненіе, и накопленіе въ громаднѣхъ размѣрахъ недоимокъ по всѣмъ родамъ лежащихъ на крестьянахъ платежей, безпрестанно повторяющееся истребленіе скота падежами и т. д., все это не могло не обратить вниманія земскихъ учрежденій на неудовлетворительность экономическаго положенія сельскаго населенія и не указать имъ на настоятельную необходимость принять какія-либо мѣры для его улучшенія. «Трудное экономическое положеніе, въ которомъ находится, въ настоящее время, рабочее населеніе сѣверной полосы Россіи—докладывала въ 1869 г. Тверская губернская управа собранію—неоднократно уже обращало на себя вниманіе правительства и земства. Съ одной стороны, значительно увеличившіяся въ послѣднее время денежные подати и повинности, съ другой—недостатокъ средствъ къ удовлетворенію самыхъ насущныхъ потребностей, неурожаи, бывшіе нѣсколько лѣтъ сряду, и чрезъ постепенное уменьшеніе количества скота грозящіе сдѣлаться хроническими, и невозможность подняться собственными силами, вслѣдствіе отсутствія капитала и вслѣдствіе неразвитости умственной и нравственной, все можетъ повести сѣвернорусское рабочее населеніе къ постепенному упадку, если немедленно-же не будутъ приняты мѣры къ улучшенію этого положенія. При такихъ обстоятельствахъ, всякій, сколько нибудь сочувствующій тяжелому положенію нашего крестьянина, не можетъ долѣе оставаться равнодушнымъ и въ сторонѣ, тѣмъ менѣе земство, которому самъ законъ указываетъ на развитіе мѣстной промышленности, какъ на дѣло, подлежащее его вѣдѣнію. Нѣтъ сомнѣнія, что земство можетъ въ высшей степени благотворно вліять на благосостояніе народа и другими сторонами своей дѣятельности, частію посредствомъ болѣе пра-

вильнаго распредѣленія той части налоговъ и повинностей, которыя подлежатъ его вѣдѣнію, частію посредствомъ попеченія о народномъ здравіи и въ особенности о народномъ образованіи; но кромѣ этихъ нуждъ нельзя пренебрегать и болѣе короткимъ путемъ прямого вліянія на развитіе производительныхъ силъ народа *)). Но для того, чтобы приступить къ выполнению такой важной задачи, необходимо было изучить причины неудовлетворительности экономическаго положенія, дабы выяснить, въ какую сторону должны быть направлены земскія мѣропріятія. Такимъ образомъ и поступили многія земства. Новгородское, напр., еще въ 1868 году признало необходимымъ произвести подробное изслѣдованіе бѣднѣйшихъ мѣстностей губерніи **); затѣмъ Тверское предприняло статистическое изслѣдованіе всей губерніи; Вятское въ 1871 году подвергло изслѣдованію экономическій бытъ сѣверной части губерніи. Примѣру этихъ земствъ послѣдовали Херсонское, Московское, Черниговское, Пермское и другія. Исходною точкою большей частію земскихъ статистическихъ работъ было приведеніе въ извѣстность платежныхъ силъ, въ видахъ уравнительной раскладки земскихъ сборовъ, но на ряду съ такими оцѣночными работами производилось изслѣдованіе и экономическаго положенія населенія. Изслѣдованія эти обнаружили поразительные факты. Въ Вятской губерніи, напр., оказалось, что крестьяне сѣверной ея части, совершенно не обезпечены въ пропитаніи; «при постоянной нуждѣ и при невозможности занимать, они, по необходимости, должны прибѣгать къ какому-нибудь особенному способу покрывать свои дефициты. Способъ, къ которому они прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ, очень не хитрый: крестьяне свой недостатокъ покрываютъ на собственномъ тѣлѣ—не допиваютъ и не доѣдаютъ». Питаясь, главнымъ образомъ, хлѣбомъ и крупой, они «при недостаткѣ, кашницу изъ крупъ замѣняютъ водой, далѣе перестаютъ сѣять муку даже сквозь рѣшето; мало этого, начинаютъ подбавлять въ муку мякины, коры, и чѣмъ болѣе недостатокъ въ хлѣбѣ, тѣмъ эта примѣсь становится больше и больше» ***). Мѣстами обѣднѣніе доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Вотъ, напр., какъ описываетъ другой изслѣдователь, г. Романовъ, положеніе татаръ—Малмыжскаго уѣзда. «Побывавъ лично во многихъ татарскихъ дворахъ, говоритъ онъ, я долженъ былъ убѣдиться въ полной справедливости тѣхъ отзывовъ о бѣдности большинства татаръ Малмыжскаго уѣзда, какіе мнѣ постоянно и со всѣхъ сторонъ приводилось слышать. Въ Янгуловской волости и въ деревнѣ Смаиль Сизнерской волости я почти въ каждомъ татарскомъ дворѣ встрѣчалъ крайнюю бѣдность, бѣдность несомнѣнную, ясно обнаруживающуюся во вѣншемъ видѣ и во всей внутренней обстановкѣ жилищъ.... Я ходилъ изъ одного двора

*) Протоколы засѣданій Тверскаго г. з. с. 1869 г., стр. 260.

***) Сборникъ постановленій Новгородскаго г. з. с. 1865—1877 г., стр. 506.

***) Изслѣдованіе экономическаго быта населенія сѣверной части Вятской губ. Вятка—1871 г., стр. 69.

въ другой, слѣдующій, безъ выбора и мнѣ, за рѣдкими исключеніями, приходилось переходить изъ одной ветхой лачуги въ другую такую-же. Большинство татарскихъ семействъ живутъ въ самыхъ маленькихъ избахъ, да и эти избы большею частію старыя, ветхія и уже разваливаются. Въ ветхихъ и очень небольшихъ оконныхъ рамахъ обыкновенно не достааетъ нѣсколькихъ стеколъ, отверстія заткнуты тряпками, или затянута пузыремъ. Нерѣдко можно было замѣчать, что стѣны избы покачнулись, потолокъ едва держится, по полу не вездѣ безопасно ходить, можно упасть въ подполье, и ко всему этому—вездѣ крайне грязно, въ каждой избѣ какой-то особенный, тяжелый и непріятный запахъ. Въ очень рѣдкихъ дворахъ, у наиболѣе состоятельныхъ татаръ, можно найти извѣстную чистоту, опрятность и хорошее убранство жилищъ. Отъ этой чистоты и убранства татаринъ никогда не откажется, пока его окончательно не принудитъ къ тому крайняя бѣдность, и однако у Малмыжскихъ татаръ, насколько я въ этомъ могъ убѣдиться, нечистота и недостатокъ или полное отсутствіе самыхъ обыкновенныхъ принадлежностей татарскихъ жилищъ составляютъ далеко не исключеніе, а скорѣе общее правило». Такой обстановкѣ жилища соответствуетъ и питаніе: «нѣкоторыя семейства иногда долго питаются однимъ кирпичнымъ чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ или даже только варенымъ картофелемъ, безъ сахара, развѣ только съ козьимъ молокомъ. Нѣкоторыя бѣднѣйшія семейства, предвидя невозможность всегда имѣть чай, собираютъ лѣтомъ и запасаютъ на зиму, чтобы пить вмѣсто чая, пахучую траву, называемую душицею; такимъ-же суррогатомъ чая служить еще иногда у татаръ листь черной смородины». Необходимой принадлежности крестьянскаго хозяйства—скота татары не имѣютъ: «въ очень многихъ татарскихъ дворахъ вовсе нѣтъ никакого домашняго скота, приходится только изумляться тому, что въ дворахъ, владѣющихъ, напр., четырьмя душевыми надѣлами земли, нѣтъ даже овечки, не только лошади или коровы. Эти семейства должны выплачивать ежегодно болѣе 30 руб. податей и сборовъ, а у нихъ всего достоянія не найдется на такую сумму. Въ Янгуловской волости часто встрѣчаются татарскіе дворы, представляющіе одну ветхую и самую маленькую избенку, безъ всякихъ другихъ строеній и даже безъ ограды; если въ такихъ дворахъ имѣется хотя чужая, взятая на кормъ корова, то для нея, обыкновенно, бываетъ на одворицѣ плетневая загородка, сверху почти не прикрытая; единственнымъ кормомъ коровъ служитъ ржаная или яровая солома съ обмолоченными колосьями. Побывавъ въ 87 дворахъ двухъ деревень Янгуловской волости, я нигдѣ не видѣлъ ни одного полѣна дровъ; на топливо идуть исключительно вѣтви и стволы молодого кустарника; мѣстное волостное правленіе отопляется старыми телеграфными столбами». Прямымъ послѣдствіемъ такого бѣдственнаго положенія являются болѣзни, порою—голодный тифъ. «Въ деревняхъ Янгулово и Новый Салаусъ я нашелъ, говорить г. Романовъ, въ нѣкоторыхъ татарскихъ дворахъ больныхъ, болѣзни

которыхъ всего вѣроятнѣе можно объяснить недостаткомъ пищи и вообще дурнымъ питаніемъ. Не случайность, по моему мнѣнію, то обстоятельство, что больные встрѣчаются именно въ самыхъ бѣдныхъ дворахъ; не случайность также и то, что прежде всего подвергаются болѣзни дѣти, которые, конечно, менѣе взрослыхъ способны выносить скудость и дурныя качества пищи *)).

Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Романовымъ, относятся, правда, къ голодному году и описанныя явленія, безъ сомнѣнія, въ нѣкоторой степени обусловливаются постигшимъ мѣстность неурожаемъ, но трудно допустить, чтобы одинъ неурожай могъ довести сколько-нибудь сносный хозяйственный бытъ до такого полного разрушенія; напротивъ, не безъ основанія можно предположить, что голодный годъ только довершилъ упадокъ, начавшійся ранѣе и вызванный причинами болѣе общими. Существованіе такихъ причинъ доказывается послѣдовательнымъ, изъ году въ годъ увеличивающимся упадкомъ крестьянскаго благосостоянія. Если за мѣрило состоятельности признать степень исправности въ податныхъ платежахъ, то Слободской уѣздъ, Вятской губерніи, представитъ намъ поразительное зрѣлище. Здѣсь въ теченіе 9 лѣтъ, съ 1861 г., недоимки въ пяти волостяхъ увеличились съ $5\frac{1}{2}$ до 260,7% оклада. Въ 1861 году, недоимки составляли только 5,3% общей суммы податнаго сбора, затѣмъ недоборъ этотъ постепенно возвышается: въ 1864 году, тяжелою для крестьянъ, вслѣдствіе бывшихъ раннихъ изморозей и падежа скота, онъ достигъ уже 109,0%, въ 1866 онъ составлялъ уже почти двойной окладъ, а въ 1869 г. превышалъ окладъ въ $2\frac{1}{2}$ раза **).

Есть, правда, нѣкоторые признаки, доказывающіе, что общая состоятельность крестьянскаго населенія не уменьшилась; но если это и справедливо, то нельзя не обратить вниманія на тотъ крупный фактъ, что распределеніе богатства въ послѣдніе годы существенно измѣнилось, что одновременно совершаются два процесса—обѣднѣніе однихъ и возрастаніе состоятельности другихъ. Въ послѣдніе годы сельское населеніе распалось на двѣ, рѣзко одна отъ другой отличныя группы; изъ которыхъ одна, одаренная способностью приноравливаться къ современнымъ условіямъ, все болѣе и болѣе упочиваетъ свое благосостояніе, а другая, насчитывающая въ своихъ рядахъ большинство крестьянства, падаетъ въ борьбѣ за существованіе и представляетъ собою зародышъ постепенно развивающагося пролетаріата. Въ нашей предыдущей статьѣ мы указали на измѣненія, происшедшія въ распределеніи скота между домохозяевами Подольскаго уѣзда; не смотря на

*) Докладъ Вятской г. з. у. о мѣрахъ къ обезпеченію населенія В. г. въ продовольствіи и обмѣненіи полей въ 1878 г., стр. 108 и слѣд.

***) По годамъ возрастаніе недоимокъ шло въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1861 г. онъ составляли 5,5%, въ 1862—13,7, въ 1863—53,6, въ 1864—109,9, въ 1865—153,4, въ 1866—191,4, въ 1867—229,6, въ 1868—257, въ 1869—260,7%. Заволжскій. Исслѣдованіе, стр. 74.

то, что общее количество скота въ промежутокъ времени съ 1869 г. по 1877 г. въ уѣздѣ даже увеличилось, на каждую тысячу домохозяевъ двѣнадцать успѣли увеличить число лошадей; но зато семьдесятъ обратились въ безлошадныхъ! Эти послѣдніе домохозяева, не выдержавши борьбы, бросаютъ землю и скоро переходятъ въ разрядъ бездомовыхъ и безпріютныхъ пролетаріевъ, а на ихъ обѣднѣніи строятъ свое благосостояніе сельскіе капиталисты, называемые «міроѣдами», «кулаками». «Міроѣдство, говоритъ кн. Волконскій въ своемъ докладѣ о ревизіи волостей Раненбургскаго уѣзда, растетъ рядомъ съ нуждою. Начиная съ большихъ многолюдныхъ селъ, оно распространяется и захватываетъ самыя бѣдныя деревни. Каждый новый неурожай, каждое новое бѣдствіе доставляютъ ему новую пищу; населеніе должнаеть и подпадаетъ кабалѣ все болѣе и болѣе» *). «Съ каждымъ годомъ кулачество развивается у насъ все больше и больше», пишетъ корреспондентъ *Современныхъ Извѣстій* изъ Вяземскаго уѣзда. «Ростовщики, свидѣтельствуетъ г. Орловъ, являются разрушающею силой въ средѣ нашего крестьянства»; между ними «часто встрѣчаются сельскія власти, которыя свое право собирать подати употребляютъ на то, чтобы получать для себя обильныя выгоды» **). Эти-то ростовщики и «міроѣды», извлекающіе выгоды изъ неблагоприятныхъ условій, въ которыхъ находится крестьянское большинство, и являются обладателями того достатка, который, судя по валовымъ цифрамъ, сохраняется въ нашемъ сельскомъ населеніи. «Наши сельскіе кулаки, пишетъ изъ Вяземскаго уѣзда тотъ-же корреспондентъ, стали покупать земли въ довольно значительномъ размѣрѣ. Посадить дѣловальникъ на бойкомъ мѣстечкѣ лѣтъ пять-шесть, глядишь—и прибрѣтетъ десятинокъ 50—60 и болѣе. Деревня, земля которой придегаетъ къ земельному участку кулака, выносить на себѣ такія операціи этого новаго барина изъ прохвостовъ, что становится просто непонятнымъ, откуда она беретъ эту воловью силу и это чуть не героическое труженичество?» ***)

Въ чемъ-же заключаются причины обѣднѣнія большинства сельскаго населенія?

Этотъ важный вопросъ былъ поставленъ на очередь Смоленскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, назначившимъ въ 1872 году особую комиссію «о коренныхъ мѣрахъ къ улучшенію быта Смоленской губерніи.» Докладъ этой комиссіи, просмотрѣнный другою комиссіею и переданный на предварительное рассмотрѣніе гласныхъ, составилъ предметъ обсужденія въ чрезвычайной сессіи собранія, происходившей съ 28 февраля по 4 марта 1874 года. По собраннымъ комиссіею отзывамъ, главными причинами упадка благосостоянія сельскаго населенія губерніи признаются: 1) прежнею комиссіею—неблагопріятность условій, въ которыя постав-

*) Доклады, стр. 455.

***) Сборникъ, т. I, стр. 128.

***) Смоленскій Вѣстникъ 1880, № 24.

лена поземельная собственность вообще, неблагопріятность, заключающаяся въ томъ, что «сельское населеніе, подразумѣвая подъ этимъ словомъ безразлично всѣхъ землевладѣльцевъ, какъ общинныхъ, такъ и частныхъ, какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ, одно, по преимуществу, несетъ всю тягость податей и повинностей государственныхъ и земскихъ, и повинности эти ложатся не соразмѣрно доходу, доставляемому сельскимъ хозяйствомъ, несоразмѣрно потребностямъ общества.» 2) Гласнымъ И. Н. Давыдовымъ указано на «экономическія условія губерніи, какъ-то: скудость и постоянное истощеніе почвы, краткость періода полевыхъ работъ, недостатокъ земельныхъ надѣловъ при возрастаніи населенія, низкая цѣна на трудъ и отсутствіе промысловъ, общая дороговизна предметовъ потребления, вышешность акциза на вино и существованіе налога на соль, беспорядочность въ употребленіи водки, тягость косвенныхъ налоговъ вообще и, наконецъ, несоразмѣрность сборовъ и выкупныхъ платежей со стоимостью и доходностью земель.» Это-же мнѣніе поддерживали и гласные Д. А. Арбузовъ и В. Г. Степановъ, указывая на дурное качество почвы и частые, вслѣдствіе того неурожаи, недостатокъ выгодныхъ мѣстныхъ заработковъ и совершенная несоразмѣрность средствъ крестьянъ съ лежащими на нихъ повинностями.» Совершенно противнаго взгляда держался гл. Н. А. Мельниковъ (предсѣдатель губернской управы), признававшій за причину упадка благосостоянія сельскаго населенія губерніи «не климатическія или почвенныя условія, а единственно полную деморализацію крестьянскаго сословія.» Всѣ эти мнѣнія были высказаны одинаково голосовно, ни одно изъ нихъ не было подтверждено какими-либо статистическими данными и къ обсужденію ихъ собраніе приступило, также не имѣя подъ руками никакихъ данныхъ. Признавъ за одну изъ причинъ обѣднѣнія «неблагопріятность условій, въ которыя поставлена поземельная собственность вообще», оно отвергло, какъ скудость и истощеніе почвы (по мнѣнію гг. Игнатѣва, Пенскаго и Мельникова, почва Смоленской губерніи, по сравненію съ сосѣдними губерніями, а въ особенности сѣверо-восточными, оказывается никакъ не хуже, но лучше; малая же производительность ея обусловливается недостаткомъ удобрительныхъ средствъ и неумѣньемъ, а частію нежеланіемъ обрабатывать ее, какъ слѣдуетъ), такъ и недостаточность крестьянскихъ надѣловъ и низкій размѣръ заработной платы. Къ этому послѣднему заключенію собраніе пришло на основаніи слѣдующихъ соображеній: «недостатокъ надѣловъ не мыслимъ тамъ, гдѣ крестьяне не желаютъ пользоваться отрѣзными землями, гдѣ они не берутъ въ наймы земель окрестныхъ помѣщиковъ и гдѣ отказываются отъ обработки части своихъ собственныхъ полей, а подобныя явленія повсемѣтны въ Смоленской губерніи.» Что касается до заработной платы, то ее нельзя назвать низкой, такъ какъ средняя стоимость обработки десятины равняется 12 р., т. е., при обыкновенной цѣнѣ на хлѣбъ, и нашей производительности почвы, требуетъ отъ землевладѣльца пожертвованія для обработки большей части

урожая. Не низки цѣны и на другого рода трудъ; такъ, напр., пила кубич. саж. дровъ, стоявшая 3—4 года назадъ не болѣе 1 р., нынѣ возрасла до 2 руб., и въ такой-же мѣрѣ возрасла заработная плата на возку дровъ и на поденныя работы.» Точно такъ-же собраніе не признало несоразмѣрности сборовъ и выкупныхъ платежей со стоимостью и доходностью земель, согласившись съ доводами гл. А. В. Пенскаго, который утверждалъ, 1) что взимаемый правительствомъ процентъ роста и погашенія по выкупнымъ ссудамъ, сравнительно со взимаемыми частными поземельными банками, весьма льготенъ, 2) что выкупная оцѣнка, составляющая за полный надѣлъ, средний числомъ, 106 р. 66²/₃ к. не высока, ибо стоимость земель, отведенныхъ крестьянамъ и удобрявшихся въ теченіи столѣтій, гораздо выше земель помѣщичьихъ, продаваемыхъ мѣстами ниже 20 р. за десятину; 3) что выкупной платежъ не только не превышаетъ доходность земли, но составляетъ не болѣе 7¹/₂—10²/₃% ея. Для вычисленій доходности крестьянской земли г. Пенскій, «не считая возможнымъ выяснитъ въ точности вычисленіемъ ежегоднаго средняго количества посѣва каждаго хлѣба и его примѣрнаго урожая», прибѣгаетъ къ такому приему. Въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи, говоритъ онъ, плата за полную обработку десятины наличными деньгами, съ выдачею части впередъ весной, т. е. въ самое необходимое для крестьянина время, простирается отъ 12 до 20 р.; предполагая, что эта плата равна половинѣ урожая, ибо ничто не мѣшаетъ крестьянамъ браться за обработку изъ-полу, доходность десятины помѣщичьей земли можно принять въ 24—40 р., а такъ какъ вѣками удобрявшіяся крестьянскія земли не хуже помѣщичьихъ, то и ихъ доходность можетъ быть принята въ томъ же размѣрѣ. «Принимая въ соображеніе, что при 4 десятинномъ надѣлѣ, приходится ежегодно около 2 дес. пашни, 1 паровой и приблизительно 1 луговой, общая валовая доходность крестьянскаго надѣла представитъ слѣдующія цифры: съ 2 дес. пашни—отъ 48 до 80 р. и съ 1 дес. луга—около 10 р., что составляетъ отъ одного надѣла 58—90 р. доходности, въ отношеніи къ которой выкупной платежъ въ 6 р. 40 к. съ надѣла составляетъ отъ 7¹/₂ до 10²/₃%—процентъ, конечно, какъ и всякой долгъ, для хозяйства тяжелый, но далеко не несоразмѣрный съ доходностью земли, за выкупъ которой онъ уплачивается.» При этомъ, добавляетъ г. Пенскій, «нельзя не обратитъ вниманія и на то, что крестьяне, приобретающіе посредствомъ выкупа въ полную собственность удобныя и хорошія земли, по сравнительно-умѣренной цѣнѣ, получили въ то же время совершенно даромъ громадный капиталъ свободнаго труда, нынѣ такъ дорого и съ такими неудобствами нанимаемаго прочими землевладѣльцами и ничѣмъ не обезпечиваемаго со стороны работника. Было-бы, казалось, вполне правильно и послѣдовательно, чтобы, независимо отъ дохода съ надѣльной земли, и часть заработка шла на пополненіе платежа, по лежащему на крестьянахъ выкупному долгу».

Отвергнувъ указанныя причины объединѣнія сельскаго населенія, собраніе большинствомъ голосовъ признало за таковыя слѣдующія: 1) деморализацію народа, въ смыслѣ повальнаго пьянства, отсутствіе добросовѣстности при исполненіи различнаго рода обязательствъ, пристрастія и подкупности волостныхъ судей и рѣшеній волостныхъ сходовъ и проч.; 2) тѣ широкія, безконтрольныя права, какими пользуются компаніи желѣзныхъ дорогъ какъ при постройкѣ, такъ и при эксплуатаціи таковыхъ (22 голоса противъ 6); 3) проживаниеъ въ губерніи евреевъ (16 гол. противъ 10); 4) недостаточность мануфактурной и промышленной дѣятельности въ губерніи; 5) существованіе солянаго налога; 6) беспорядочность употребленія народомъ воды, т. е. пьянство и 7) обиліе праздниковъ *).

Такимъ образомъ, по мнѣнію Смоленскаго губернскаго собранія, виновникомъ упадка благосостоянія въ губерніи является никто иной, какъ самъ крестьянинъ, который, получивъ бесплатно «громадный запасъ свободнаго труда», не хочетъ имъ пользоваться, и, говоря словами щедринской сказки, «отлыниваетъ отъ работы». Какъ мы уже сказали, заключеніе это основано не на цифрахъ: Смоленскіе земцы не признали нужнымъ трудиться надъ ихъ собираніемъ и удовольствовались впечатлѣніями, почерпнутыми каждымъ изъ нихъ изъ собственныхъ наблюденій. Между тѣмъ, тѣ же наблюденія, при другой точкѣ зрѣнія, могутъ приводить наблюдателя къ совершенно инымъ выводамъ. Такъ гласный Д. Н. Потемкинъ, въ особомъ мнѣніи, поданномъ въ собраніе, вопреки мнѣнію большинства, свидѣтельствуетъ, что «скудость и стоящая въ связи съ ней малая производительность почвы Смоленской губерніи, за исключеніемъ пяти восточныхъ уѣздовъ, является вполнѣ доказанной не только постояннымъ, изстари ведущимся бѣднымъ положеніемъ крестьянскаго населенія этой мѣстности и тѣми значительными недомками, которыя выросли въ послѣднее время, несмотря на самое дѣятельное настояніе мѣстной администраціи, но также и тѣми ничтожными результатами, къ которымъ въ той же мѣстности приходитъ огромное большинство хозяйствъ помѣщичьихъ. Недостаточность крестьянскихъ надѣловъ доказывается тѣмъ, что въ противоположность указаній, сдѣланныхъ большинствомъ собранія, крестьяне во многихъ случаяхъ вынуждены прибѣгать на весьма для нихъ нелегкихъ условіяхъ, или къ пользованію отрѣзочными землями, или къ арендованію съ половины небольшихъ помѣщичьихъ мнѣній, если же эти случаи не повсемѣстны и не настолько часты, насколько бы это было желательно для пользы и выгодъ крупнаго землевладѣнія, то причиной служить общая непроизводительность земли, дѣлающая всякое исполненіе условій найма затруднительнымъ.» Наконецъ, не отвергая того, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ въ губерніи цѣнности лѣсовъ возвысилась и плата за

*) Журн. чрезв. Смоленскаго г. з. с. съ 28 февр. по 4 марта 1874 г., стр. 29, 74—98.

рубку дровъ, г. Потемкинъ указываетъ однако, что «это измѣненіе, имѣющее значеніе только для мѣстностей, лежащихъ вблизи желѣзныхъ дорогъ, не только не удовлетворяетъ общей потребности населенія, но и далеко не возмѣщаетъ потерю заработковъ, убитыхъ тѣми же желѣзными дорогами, именно извоза и сплава съ портовъ Бѣлаго и Порѣчья» *). Мало того, тотъ же г. Пенскій, который вмѣстѣ съ другими гласными, въ заведеніи 1 марта, жаловался на нежеланіе крестьянъ брать въ аренду помѣщичьи земли, на другой день, когда потребовалось измѣнить аргументацію, ради вычисленія высокой доходности крестьянскихъ надѣловъ, утверждалъ совершенно противное. «Всѣмъ извѣстно, вѣроятно—говорилъ онъ—что въ послѣднее пятилѣтіе большинство имѣній мелкихъ землевладѣльцевъ въ нашей губерніи и значительное количество имѣній землевладѣльцевъ средней руки и даже крупныхъ, отдаются въ обработку крестьянамъ съ половины урожая, и предложенія подобныхъ сдѣлокъ исходятъ, въ большинствѣ случаевъ, отъ самихъ крестьянъ, которые берутся за обработку земли на такихъ условіяхъ гораздо охотнѣе, чѣмъ за наличными деньгами, причемъ кормовыя средства, т. е. солома и мякина нерѣдко остаются въ пользу владѣльца, а только урожай зерна, за отчисленіемъ сѣмянъ, дѣлится пополамъ, и сверхъ того крестьяне, при подобныхъ условіяхъ, принимаютъ на себя еще бесплатную обработку и уборку, исключительно въ пользу владѣльца, огорода и конопляника, стоящую на деньги довольно дорого, и ремонтъ усадебныхъ его построекъ изъ владѣльческаго матеріала.» На такихъ тяжелыхъ условіяхъ крестьяне берутъ землю, несмотря на то, что «помѣщики средней руки и крупные, обладающіе оборотнымъ капиталомъ, сдаютъ большею частію *только земли сущенныя и выпаханныя*, по случаю непропорціональности количества запашки съ числомъ содержимаго ими скота, а, следовательно, и недостатка удобренія» **). Другія данныя, подтверждая послѣднее показаніе г. Пенскаго, совершенно опровергаютъ заключеніе собранія. Изъ свѣдѣній комиссіи, изслѣдовавшей экономическое положеніе крестьянъ Смоленской губерніи, мы узнаемъ, что въ западныхъ, чисто-земледѣльческихъ уѣздахъ губерніи, гдѣ не существуетъ никакихъ промысловъ, надѣлъ въ 3¹/₂ и 4 дес. въ 5 уѣздахъ и въ 4¹/₂ дес. въ уѣздахъ лѣсныхъ (Духовщинскомъ, Порѣчскомъ и Бѣльскомъ) не представляетъ достаточныхъ средствъ для продовольствія ихъ самихъ, рабочаго и домашняго скота. Размѣры запашекъ въ этихъ уѣздахъ большіе, нежели въ другихъ и потому крестьянскій надѣлъ заключаетъ въ себѣ усадьбу, пашню и небольшое количество сѣновоса; выгоновъ и пастбищъ у крестьянъ почти нѣтъ и запрещеніе, послѣ отвода надѣловъ, пасти скотъ на владѣльческихъ выгонахъ поставило крестьянъ въ необходимость нанимать у своихъ бывшихъ владѣльцевъ выгоны и покупать лѣсъ на топливо,

*) Тамъ же, стр. 82.

***) Тамъ же, стр. 90.

платя за эти угоды (за уругу), а чаще отбывая за это извѣстныя работы *). По свидѣтельству корреспондента, заимствованной *Смоленскимъ Вѣстникомъ* (1880 г. № 9) изъ *Вечерней Газеты*, большинство крестьянъ Рославльскаго уѣзда арендуютъ землю у землевладѣльцевъ и городскую у мѣщанъ изъ 3-го и 4-го сноповъ; отсутствіе собственныхъ выгоновъ и пастбищъ ставитъ ихъ въ крайне невыгодныя зависящія отношенія къ землевладѣльцамъ: за право пасты скотъ на землевладѣльческихъ выгонахъ крестьяне или платятъ деньгами (до 200 р. въ Астапковской волости), или отработываютъ за это право по 2 и 3 рабочихъ дня. Сдача угодій подъ приволье является и здѣсь жизненнымъ нервомъ большинства помѣщачьихъ хозяйствъ, страдающихъ общими недугомъ — недостаткомъ рабочихъ рукъ. Вообще, экономическое положеніе крестьянъ этого уѣзда весьма неудовлетворительно. По словамъ того-же корреспондента, «песчаная неплодородная почва никогда не родитъ здѣсь болѣе самъ 2—3, тѣмъ болѣе, что, по недостатку у крестьянъ крупнаго скота, каждый крестьянинъ на свою надѣльную десятину болѣе 30—50 воевъ навозу вывозить не можетъ. Хотя мѣстное земство и назначило нормальную оцѣнку доходности съ десятины пахатной земли въ 25 руб., однако здѣсь нерѣдко случаются такія явленія, что нѣкоторые крестьяне отдають свою надѣльную землю своимъ же однообщинникамъ изъ-за одной уплаты лежащихъ на ней выкупныхъ платежей и повинностей. Земля даетъ мало хлѣба, но много соломы и потому Рославльскій уѣздъ можно назвать соломеннымъ уѣздомъ. Соломой крестьянинъ кроетъ свою хату, солома служитъ его семьѣ постелью, соломой всегда устланъ его дворъ, соломой кормить онъ своихъ тощихъ коровъ. Хлѣбъ, который ѣдятъ здѣшніе крестьяне, крайне дурнаго качества: черный въ буквальномъ смыслѣ этого слова, смѣшанный съ мякиной, гречневой крупой, травой «метлюгомъ», «звонцемъ» и прочими неперевариваемыми суррогатами; но и этого хлѣба хватаетъ только до филипповъ (14-го ноября), рѣдко до Рождества. Собственного сѣна для прокормленія скота точно также не хватаетъ, вслѣдствіе чего сѣно дается однимъ лошадямъ, коровы же никогда не видятъ этого лакомства. Здѣшній скотъ малорослый и тощій, изнуренъ дурнымъ питаніемъ; коровы ни въ какомъ случаѣ болѣе кружки или двухъ молока въ день не дадутъ. Подобно домашнему скоту, и крестьянскія дѣти питаются крайне непитательной пищей, оттого они блѣдны и худы. Мать, неимѣющая возможности кормить своего ребенка сухой, изможденной грудью, даетъ ему сосать комоть этого ужаснаго хлѣба, обмоченный въ водѣ и намазанный толченымъ конопляннымъ сѣменемъ. Мѣстные заработки и промыслы совершенно случайны и непостоянны и рѣдко могутъ дать крестьянину болѣе 40—50 рублей въ годъ. Вустарные промыслы ничтожны и ограничиваются выдѣлкою горшковъ, дугъ, колесъ

*) Докладъ ком. изслѣд. сельск. хозяйст. въ Россіи, прилож. I, отд. III, стр. 29.

(въ Дербужской волости), драньемъ и продажей въ сыромъ и сухомъ видѣ лозовой коры для дубленія кожъ, а также лыкъ для лаптей. Сушеная кора продается по 12—15 коп. за пудъ, сырая по 8—10 коп. Въ прошломъ году крестьяне Гореновской волости продали рославльскихъ купцамъ до 10,000 пуд. сушеной коры и за это получили по 15 р. на брата. Препрежне бортное пчеловодство, которымъ славился нѣкогда Рославльскій уѣздъ, пришло въ упадокъ и о немъ осталось воспоминаніе только въ нынѣшнемъ гербѣ города Рославля—два улья съ золотыми пчелами, служа одной лишь эмблемой прежняго, давно забытаго богатства. Въ 1835 г. въ Рославльскомъ уѣздѣ еще считалось до 4,241 улья (Соловьевъ, сельско-хозяйств. стат. Смоленской губерніи, стр. 339), теперь въ уѣздѣ можно насчитать не болѣе 1,500—2,000 ульевъ, да и то, болшею частью, у однихъ богатыхъ купцовъ и землевладѣльцевъ, у крестьянъ же, какъ рѣдкое исключеніе. Другая, обширная и болѣе выгодная отрасль крестьянскаго производства—пенька, по отсутствію торговой смѣтливости со стороны крестьянъ и безсовѣстной эксплуатаціи крестьянъ со стороны рославльскихъ купцовъ, даетъ крестьянству ничтожныя выгоды.

Такимъ образомъ, хлѣбъ, сѣно, жерди для изгороди, дрова и сучья для топки печей,—все приходится здѣшнему крестьянину покупать на чистыя денешки. Немудрено, что недоимки за крестьянами годъ отъ году растутъ. При вѣрнопостномъ правѣ, именно въ 1851 году, недоимки за помѣщичьи крестьянами Рославльскаго уѣзда числилось 124,329 руб., или по 2 рубля 90 коп. на душу (Соловьевъ, сельско-хозяйств. ст., стр. 252), въ настоящее время, сумма крестьянскихъ недоимокъ возросла до громадныхъ размѣровъ. По собраннымъ корреспондентомъ свѣдѣніямъ, съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Рославльскаго уѣзда недоимки числилось къ 1-му декабря 1879 г.: выкупныхъ текущихъ платежей 27,315 руб. 37 коп., отсроченныхъ—557,248 руб. 72 коп., подушныхъ податей 93,076 руб. 70 коп. и отсроченныхъ—58,215 руб. 18 коп. Итого 736,855 р. 97 к., или по 18 р. 50 к. на каждую ревизскую душу. Но это еще не все. Въ голодные неурожайные 1867, 1868, 1869, 1870 и 1872 годы мѣстное земство выдавало бѣднымъ крестьянамъ вспоможеніе, то въ видѣ муки и сѣмянъ на обсемененіе полей, то въ видѣ денежной ссуды, всего въ количествѣ до 200,000 руб., изъ коихъ крестьянами уплачено было только 17,800 руб. Ссуду эту большинство заемщиковъ едва ли въ состояніи когда-нибудь будетъ уплатить, такъ какъ производительныя силы уѣзда не увеличиваются, а уменьшаются. Одного земснаго долгу числится за крестьянами, вмѣстѣ съ выросшими на капиталъ процентами, 233,547 руб. 89¹/₂ коп., а, включая сюда недоимку земскаго сбора 16,052 руб., всего составитъ 249,599 руб. 89¹/₂ коп. Если къ этому присоединить всю вышепоименованную недоимку, то получится сумма въ 986,455 р. 86 к., т. е. почти по 24 р. 50 коп. на душу. Такъ вотъ итогъ всей прошлой и настоящей экономической жизни крестьянскаго населенія здѣшняго уѣзда».

Въ нелучшемъ положеніи находится населеніе и другаго уѣзда Смоленской губерніи—Порѣчскаго. По словамъ воспроизведенной въ *Смоленскомъ Вѣстникѣ* (№ 19) корреспонденціи *Русскихъ Вѣдомостей*, «мѣстный крестьянинъ даже и въ урожайные годы не можетъ существовать отъ одного земледѣлія. При урожаѣ въ самъ 3 и 3¹/₂, какъ менѣе состоятельныя, такъ и болѣе состоятельныя селенія прикупаютъ на продовольствіе почти такое же количество хлѣба, какое имъ доставляютъ ихъ скудные надѣлы. Прочія статьи земледѣльческаго хозяйства не въ состояніи покрыть собою нужды крестьянина. Дефицитъ его въ продовольствіи составляетъ 12—22 р. на работника, платежи всякаго рода — отъ 21—35 руб. на работника. Необходимыя для крестьянина, при недостаточности угодій и лѣса, затраты на топливо и на арендованіе этихъ угодій падаютъ на работника въ размѣрѣ отъ 6 руб. 33 к. до 7 р. 70 к. Слѣдовательно, каждый работникъ, помимо земледѣлія, долженъ принести съ промысловъ отъ 50—58 руб. Въ дѣйствительности же заработки мѣстнаго населенія далеко не достигаютъ этой суммы. Единственный въ этой мѣстности лѣсной промыселъ состоитъ или въ рубкѣ и возкѣ къ сплавнымъ рѣкамъ балогъ (бревень длин. отъ 2—4 саж. и отъ 9—14 дюйм. въ верхнемъ отрубѣ), или въ сплавлѣ плотовъ по рр. Касплѣ и Западной Двинѣ въ Ригу. На первомъ занятіи работникъ при парѣ лошадей, на собственныхъ харчахъ, за всю зиму успѣетъ заработать 20—25 руб., на второмъ, которое требуетъ весьма ограниченнаго числа рабочихъ и потому доступно весьма немногимъ, — не болѣе 16 руб. За всѣмъ этимъ, недостающіе въ крестьянскомъ бюджетѣ 14—17 р. на работника, не считая еще необходимыхъ для крестьянской семьи расходовъ на разнаго рода домашнія подѣлки и надобности, являются непополненнымъ дефицитомъ, который обуславливаетъ собою платежную несостоятельность мѣстнаго крестьянина и отражается и на качествѣ его продовольствія, и на всей обстановкѣ его жизни. Года четыре тому назадъ крестьянину хватало хлѣба до Великаго поста, черезъ годъ, при неурожаѣ, — до Рождества, при дальнѣйшихъ неурожаяхъ, сдѣлавшихся обычными въ Порѣчскомъ уѣздѣ, сначала только на молотбу; прошлымъ же лѣтомъ не было собрано даже и сѣмянъ. Цѣна ржи поднялась, въ настоящее время, до 11 руб. 50 коп. за четверть; крестьянинъ же покупаетъ ее у кулаковъ по 12 руб. Хлѣбъ печется изъ смѣси двухъ частей и болѣе ячменя или овса на одну часть ржи. Питаніе такимъ неудобоваримымъ продуктомъ уже и теперь связывается весьма печальными послѣдствіями. Такъ, напр., въ с. Подмазовкѣ, передъ святками, умерло нѣсколько человѣкъ и смерть ихъ, по отзыву свидѣтельствовавшаго умершихъ земскаго врача, произошла отъ дурнаго питанія. Въ той же деревнѣ нѣсколько человѣкъ больны по той же причинѣ».

Прочитавши приведенное описаніе крестьянскаго быта, невольно задеешься вопросомъ, неужто, въ самомъ дѣлѣ, крестьяне дошли до такого

безвыходнаго положенія исключительно по своей винѣ, только потому, что злоупотребляя дарованной имъ свободой, они деморализовались, предались пьянству и перестали трудиться. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся къ свѣдѣніямъ о положеніи тѣхъ же крестьянъ во времена крѣпостнаго права. Изъ отзыва комиссіи, изслѣдовавшей въ 1871 г. экономическое положеніе крестьянъ Смоленской губерніи, мы узнаемъ, что въ западныхъ уѣздахъ, къ которымъ принадлежатъ Рославльскій и Порѣчскій, «почти всѣ крестьяне служили барщину; пожѣщичьи запашки были чрезвычайно велики, вслѣдствіе чего почва, и безъ того довольно бѣдная, была сильно истощена. Промысловъ между крестьянами, ни мѣстныхъ, ни отхожихъ не существовало и единственными средствами для заработка крестьянъ, кромѣ земледѣлія, были: зимній извозъ хлѣба и пеньки изъ Орловской губерніи и Рославля къ Бѣльской и Порѣчской пристанямъ; подвозъ къ этимъ же пристанямъ лѣса и сплавъ съ нихъ хлѣба и лѣса къ Ригѣ, т. е. бурлачество по западно-двинской системѣ. Только вблизи городовъ крестьяне зарабатывали небольшія средства подвозомъ дровъ въ города. Поэтому крестьяне въ западныхъ уѣздахъ жили бѣдно. Пищу ихъ, въ большинствѣ случаевъ, составляли пушной и непровѣянный хлѣбъ, котораго у большинства не доставало на годовое продовольствіе. Рабочаго и домашняго скота было мало и скотъ этотъ былъ малорослый и слабый. Сами крестьяне были не только мало энергичны, не смыслены и не предприимчивы, но отличались вообще малымъ ростомъ и слабосиліемъ. На оброкъ крестьяне западныхъ уѣздовъ переходили неохотно и встрѣчавшіеся здѣсь оброки были гораздо ниже, чѣмъ въ восточныхъ уѣздахъ. Вслѣдствіе этого барщинный трудъ представлялъ для пожѣщиковъ западныхъ уѣздовъ единственное средство для полученія доходовъ съ имѣнія, хотя, вообще, доходность имѣній въ западныхъ уѣздахъ была ниже, чѣмъ въ уѣздахъ восточныхъ»^{*)}). Отсюда оказывается, что причины нынѣшняго ужаснаго положенія крестьянъ части Смоленской губерніи коренятся въ условіяхъ ихъ прежняго, крѣпостнаго быта, что къ пользованію свободой они приступили, будучи надорваны, истощены крѣпостнымъ правомъ. Но и свобода не принесла имъ улучшенія; напротивъ, поземельное устройство, въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершилось, еще ухудшило ихъ положеніе. «При общей непроизводительности почвы, говоритъ гласный Д. Н. Потемкинъ, весьма важное значеніе имѣло для крестьянъ Смоленской губерніи то огромное количество земли, которое при прежнихъ порядкахъ было въ ихъ владѣніи; количествомъ угодій въ нѣкоторомъ родѣ замѣнялось ихъ качество. Въ періодъ времени послѣдняго десятилѣтія (писано въ 1871 г.) поземельное владѣніе крестьянъ уменьшилось, потому что отведенный по уставнымъ грамотамъ высшій душевой надѣлъ далеко не соответствуетъ размѣру прежняго ихъ владѣнія.» При этомъ, «въ большинствѣ случаевъ,

^{*)} Докл. Ком. изсл. с. хоз., прилож. I, отд. III, стр. 26.

отъ нихъ отошли значительные отрѣзки земѣи, которыми они сами теперь иногда и пользуются, но не иначе, какъ по особымъ и весьма для нихъ нелегкимъ условіямъ, заключаемымъ съ помѣщиками. Существуютъ примѣры, по которымъ помѣщичьи имѣнія, въ полномъ ихъ хозяйствѣ, обрабатываются крестьянами бесплатно, и только изъ-за права пользоваться отрѣзочной землей, бывшей прежде въ ихъ же владѣніи. Стѣсненіе, которое неминуемо должно было произойти для крестьянъ отъ уменьшенія прежняго ихъ надѣла, предвидѣно закономъ 19 февраля и ст. 175 Мѣстн. Великор. Полож. разрѣшено, въ подобныхъ случаяхъ, по ходатайству крестьянъ, понижать существующій оброкъ, хотя бы онъ былъ ниже причитающагося на нихъ по Мѣстному Положенію. По незнанію крестьянами предоставленнаго имъ права, подобныхъ ходатайствъ не было, и установленное о пониженіи оброка правило никакого примѣненія въ Смоленской губерніи не имѣло. Такимъ образомъ, не смотря на почти повсемѣстное уменьшеніе ихъ прежняго надѣла, крестьяне были обоброчены высшей нормой оброка, изъ которой впоследствии капитализировалась сумма выкупа*).

Если, кромѣ сказаннаго обстоятельства, принять въ соображеніе вызванный проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ упадокъ извоза, составлявшаго единственный промыселъ крестьянъ, сокращеніе помѣщичьихъ запашекъ болѣе чѣмъ на 30% и послѣдовавшее отъ этого уменьшеніе спроса на трудъ, переходъ отъ натуральной повинности къ денежнымъ, притомъ не соответствующимъ доходности земли платежамъ, необходимость арендовать выгоны и покупать топливо, расходуя на это по 1—2 р. въ годъ на душу, непривычну къ промышленнымъ занятіямъ, обусловленную прежней барщинной работой, то станетъ ясно, почему бывшіе помѣщичьи крестьяне накопили громадную недоимку, простиравшуюся къ 15 января 1871 г. въ Духовщинскомъ уѣздѣ до 16 р. 4 к., въ Краснинскомъ—до 17 р. 73 к., а въ Смоленскомъ—до 22 р. 21 к. на душу, тогда какъ недоимка на государственныхъ крестьянахъ тѣхъ же уѣздовъ не превышала 5 р. на душу. «Большіе размѣры надѣловъ и меньшіе, сравнительно, платежи ставятъ государственныхъ крестьянъ въ болѣе выгодное положеніе, сравнительно съ бывшими помѣщичьими. Къ тому же государственные крестьяне, издавна имѣя право располагать свободно своимъ трудомъ, отличаются большею энергіей, смышленностью и предприимчивостью, чѣмъ бывшіе барщинные крестьяне. Они привыкли къ промысламъ и заработкамъ разнаго рода и живутъ зажиточнѣе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ**).

Нельзя думать, чтобы приведенные факты, заимствованные нами частію изъ журналовъ земскаго собранія, частію изъ работъ комиссіи, имѣвшей

*) Письмо къ Предсѣд. Комиссіи для изслѣд. прич. обѣдн. Смол. губ. Журн. См. г. з. с. 22 марта 1872 г., стр. 51.

***) Тамъ же и назв. прилож. I къ докл. ком. изслѣд. с. х. въ Россіи, стр. 31.

въ своемъ составѣ земскихъ представителей, были неизвѣстны гг. Мельникову, Пенскому и другимъ ораторамъ смоленскаго губернскаго собранія, влеймившимъ распущенность и деморализацію народа и отрицавшимъ существованіе другихъ, болѣе коренныхъ причинъ его обѣднѣнія; можно только изумляться той безцеремонности и беззащитности, съ которыми смоленскіе гласные отнесли къ этимъ фактамъ, игнорируя ихъ, не смотря на напоминаніе г. Потемкина, и не представивъ въ ихъ опроверженіе ничего, кромѣ одного частнаго случая — обѣднѣнія отпущенныхъ на волю помѣщикомъ Вистицкимъ съ хорошимъ надѣломъ и ничтожнымъ платежомъ крестьянъ. Не смотря на признанный самимъ собраніемъ упадокъ крестьянскаго благосостоянія, оно отклонило мысль о пониженіи выкупныхъ платежей и сложеніи недоимокъ и, большинствомъ 21 голоса противъ 5, приняло предложеніе г. Мельникова «ходатайствовать объ измѣненіи системы послабленій и отсрочекъ во взысканіи повинностей и о требованіи непремѣнной уплаты ихъ въ установленные сроки.» Какъ будто вся бѣда заключается въ томъ, что недоимки «выбиваются» недостаточно энергично.

Прошло пять лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени положеніе крестьянъ Смоленской губерніи, не смотря на изобрѣтенныя губернскимъ собраніемъ «коренныя мѣры», нисколько не улучшилось; напротивъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше корреспонденцій, есть признаки, свидѣтельствующіе объ ухудшеніи: опять губернію посѣтилъ неурожай, опять населеніе стало испытывать нужду, опять потребовалась помощь со стороны земства. Но за это время и составъ губернскаго собранія измѣнился такъ же мало, какъ экономическое положеніе крестьянъ; только рѣшители судебъ губерніи сдѣлались еще строже, еще неумолимѣе по отношенію къ отлынивающему отъ работы мужику—тунеядцу. Собравшись 5 марта нынѣшняго года въ чрезвычайное собраніе, для обсужденія продовольственнаго вопроса, Смоленскіе земцы, большинствомъ 20 голосовъ противъ 19, отклонили ходатайство Порѣчскаго земства объ отпускѣ ему изъ губернскаго продовольственнаго капитала 20 т. руб. въ ссуду «на покупку хлѣба для продажи его населенію на наличныя деньги и съ допущеніемъ потери для земства въ 50 к. съ четверти», въ виду чрезвычайнаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ. Затѣмъ единогласно были отклонены ходатайства другихъ уѣздовъ о ссудахъ на продовольствіе. «Голода у насъ нѣтъ, говоритъ одинъ изъ наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ ходатайства Порѣчскаго земства, гласный Д. Д. Игнатьевъ,—озимыя поля всѣ засѣяны; обезпеченіе яровыхъ обезпечено; и такъ затѣмъ же, для чего, станемъ мы тратить нашъ и безъ того незначительный продовольственный капиталъ? У земства во всякое время могутъ возникнуть болѣе важныя (?) и даже безусловно неотложныя нужды. Что будемъ мы дѣлать, если до насъ доберется дифтеритъ, откуда возьмемъ средства для борьбы съ нимъ? Вѣдь не всегда же можно надѣяться на помощь Краснаго Креста. Вообще, заключилъ ораторъ, я думаю, что все предпріятіе Порѣчскаго уѣзда и затѣяно только затѣмъ,

чтобы народировать земскою дѣятельностью, и не имѣть ни малѣйшаго основанія.» Въ послѣднихъ словахъ г. Игнатъева уваживается одна изъ причинъ недружелюбнаго отношенія собранія къ разсматривавшемуся ходатайству: это послѣднее исходило отъ уѣзда, во главѣ котораго стоитъ г. Петемпильнъ, столь рѣзко расходящійся во взглядахъ съ губернскимъ большинствомъ, а происхожденіе предложенія изъ неспешащичнаго большинству источника бываетъ, какъ показываетъ практика многихъ губернскихъ собраній, совершенно недостаточнымъ поводомъ для того, чтобы, не смотря ни на что, «провалить» его. Но не это одно побужденіе руководило смоленскими ораторами. Имъ, очевидно, досадно стало, что ссуды изъ собраннаго съ крестьянъ продовольственнаго капитала выдаются все однимъ крестьянамъ, что всѣ толки по продовольственному вопросу ведутся только о мужикѣ. «Если выдавать ссуду для продовольствія земству—разсуждаетъ тотъ же г. Игнатъевъ, то почему же не выдать ее и частному лицу, если оно въ томъ нуждается, если у него случилось какое-нибудь несчастіе, сгорѣлъ домъ, хлѣбъ... Помощь въ видѣ ссудъ направляется на одно сословіе—крестьянство, а почему же тѣ, кто питаетъ народъ, принуждены гибнуть?» *). Дороговизна, по мнѣнію представителя «читателей народа»— вещь очень хорошая: она «дала помѣщикамъ возможность хотъ сколько-нибудь сносно продать хлѣбъ въ нынѣшнемъ году», а крестьянамъ она вреда не причиняетъ, ибо у нихъ есть заработки и дороговизна «только возвышаетъ рабочую плату», такъ что «все, что теряетъ крестьянинъ при дороговизнѣ хлѣба, возвращается ему въ видѣ высокой цѣны на трудъ.» «Ссуда для продовольствія составляетъ помощь одному сословію—крестьянамъ, подхватываетъ гласный П. М. Колечицкій. Но слѣдуетъ подумать и о нашемъ (курсивъ въ подлинникѣ) сословіи—дворянѣ. Среди нихъ во всей губерніи, а особенно въ Рославльскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ, весьма много людей, совершенно бѣдныхъ, которые должны воспитывать своихъ дѣтей, чувствуютъ потребность дать имъ образованіе и тратятъ на это послѣдніе гроши. Да и кромѣ того, и среди духовенства имѣется много бѣдныхъ, которые имѣютъ не меньшее, чѣмъ крестьяне, право на наше вниманіе», добавляетъ какъ бы для очищенія совѣсти дворянинъ—гласный.

Та же дворянская нота, которая такъ громко прозвучала въ засѣданіи всесословнаго губернскаго собранія, осталась не безъ вліянія и на другое постановленіе того же собранія, состоявшееся нѣсколькими мѣсяцами ранѣе—въ декабрьской очередной сессіи. На очереди былъ докладъ управы о мелкомъ поземельномъ кредитѣ, къ которому собраніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ относилось сочувственно, но когда дѣло дошло до ассиг-

*) Очень интересно было бы знать, кто же это питаетъ народъ, замѣчаетъ редакция *Смоленскаго Выстѣника*, изъ котораго (№ 21) мы заимствуемъ свѣдѣнія о засѣданіи собранія. Мы думаемъ, что читатели эти—никто имъ, какъ помѣщики западныхъ уѣздовъ, заботливости которыхъ тамошніе крестьяне обязаны своей отличительной чертой—,малымъ ростомъ и слабосиліемъ“ „несмышленностью“ и недостаткомъ предприимчивости.

нованія 25 т. руб. для образованія основнаго фонда проектированной кассы, собраніе, большинствомъ 35 голосовъ противъ 4, отвергло докладъ управы и на вопросъ «признаетъ-ли собраніе вообще полезной организацию мелко-земельнаго кредита», большинствомъ 29 голосовъ противъ 11, отвѣтило— «нѣтъ».... «Большинство гласныхъ, говоритъ *Смоленскій Вѣстникъ* (№ 2) стало на сторону той идеи, что земская помощь крестьянамъ въ дѣлѣ расширенія ихъ земельной собственности—не своевременна. Какъ мы могли убѣдиться изъ словъ ораторовъ той и другой стороны, вопросъ ставился несомнѣнно на почву строго практическую и какъ говорившіе за земскую помощь, такъ и отвергавшіе ее, констатировали совершенно одинаково неудовлетворительное положеніе нашего экономическаго быта и необходимость отысканія выхода. Но благое желаніе отрицавшихъ земскую инициативу гласныхъ столкнулось съ однимъ очень существеннымъ элементомъ, именно *опасеніями за будущность дворянско-помѣщичьяго хозяйства, находящагося у насъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, далеко не въ блестящемъ положеніи.* Даже и при существующей бѣдности и недостаткѣ кредита въ средѣ крестьянскаго населенія, равновѣсіе нѣсколько нарушено, и факты перехода помѣщичьихъ земель въ руки крестьянъ являются далеко не единичными. Очень понятно, что *при усиленіи средствъ крестьянъ* собственно въ этомъ направленіи и при условіи того же самаго экономическаго быта дворянско-помѣщичье *несуществующее уже равновѣсіе нарушится еще болѣе, и переходъ земель изъ вторыхъ въ первыя руки возрастетъ въ весьма значительной степени.* Эти опасенія, замѣчаетъ газета, которымъ нельзя отказать въ самой полной законности, не встрѣчаютъ, кромѣ того, въ средѣ гласныхъ, стоящихъ за земскую помощь, настолько вѣскаго отпора, чтобы въ умѣ слушателя могло создаться представленіе о существованіи какого-то непреложнаго государственнаго интереса, требующаго безъ колебаній примененія себѣ въ жертву интересовъ извѣстнаго класса людей.»

Приведенныя данныя могутъ, по нашему мнѣнію, служить ключемъ для уразумѣнія и тѣхъ побужденій, которыя вынуждали странныя постановленія, состоявшіяся пять лѣтъ назадъ, по вопросу объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства. Собранію, какъ мы видѣли, не могли быть неизвѣстны дѣйствительныя причины этого явленія, но состоя почти исключительно изъ дворянъ, и не имѣя въ своей средѣ представителей крестьянства, оно отнеслось къ дѣлу съ точки зрѣнія однихъ дворянскихъ сословныхъ интересовъ. Точка зрѣнія вліятельныхъ гласныхъ смоленскаго губернскаго собранія особенно рельефно выразилась въ происходившей на другой день послѣ чрезвычайнаго губернскаго собранія нынѣшняго года сессіи мѣстнаго губернскаго дворянскаго собранія *). Здѣсь земцы-дворяне, не стѣсняемые, какъ въ земскомъ собраніи, всесословной обстановкой, могли откровенно

*) Отчетъ о засѣданіяхъ этого собранія напечатанъ въ *Смоленскомъ Вѣстникѣ* №№ 23—25.

высказать свои задушевные мысли и дѣйствительно ихъ высказали. По поводу предложенія депутатскаго собранія о ходатайствѣ передъ правительствомъ, чтобы право дробленія дворянскихъ имѣній было ограничено определеннымъ минимумомъ, дворянинъ А. Ф. Бартоломей (онъ же губернской гласный отъ Смоленскаго уѣзда) настаивалъ на уваженіи этого минимума въ томъ размѣрѣ, который требуется въ различныхъ губерніяхъ для участія въ земскихъ избирательныхъ сѣздахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, дабы «было гарантировано большее участіе дворянскаго элемента въ земствѣ». По имѣнію почтеннаго земскаго дѣятеля, это нужно для того, чтобы «дворянство приобрѣло сословную связь, силу, важность, устойчивость и большую обособленность отъ другихъ сословій». Стремленіе къ такой «обособленности» дворянства раздѣляется, повидимому, большинствомъ дворянъ Смоленской губерніи, считающей, по свидѣтельству гласнаго кн. П. П. Гурко, «болѣе интеллигентною и способною выполнять назначенія правительства» *). Стремленіе это, вмѣстѣ съ сознаниемъ своего превосходства надъ другими сословіями, высказалось при обсужденіи предложенія того же г. Бартоломея о признаніи несогласнымъ съ достоинствомъ предводителей дворянства полученія ими содержанія отъ *сословій недворянскихъ*. Авторъ предложенія высказывался противъ «какой бы то ни было денежной зависимости дворянскихъ представителей отъ другихъ сословій». Извѣстный нашимъ читателямъ г. Игнатъевъ (защитникъ интересовъ читателей народа, утверждаетъ, что «предводитель дворянства работаетъ для земства не въ качествѣ другаго какого-либо officialнаго или частнаго лица, а по званію своему, какъ представитель *передоваго сословія*», почему онъ, г. Игнатъевъ, «считаетъ оскорбительной для дворянскаго достоинства ту защиту содержанія предводителямъ отъ земства, которая такъ откровенно была объявлена въ мѣстной печати г. Глинкой».... Собраніе единогласно постановило «признать нежелательнымъ и несогласнымъ съ достоинствомъ дворянства, чтобы предводители его получали какое-либо вознагражденіе отъ всесословныхъ учреждений». Но, не смотря на всю глубину проявленнаго собраніемъ дворянскаго гонора, не смотря на гордый девизъ noblesse oblige, пустота дворянской кассы заставляла тѣхъ же дворянъ искать матеріальной помощи другихъ сословій, и ходатайствовать, «чтобы имѣнія, перешедшія отъ дворянъ въ руки другихъ сословій, облагались-бы дворянскимъ сборомъ наравнѣ съ имѣніями дворянскими», а это на томъ основаніи, что, какъ говорилъ все тотъ-же г. Бартоломей, «дворянство расходуетъ значительныя суммы на канцеляріи предводителей дворянства, послѣдніе же стоятъ во главѣ земскаго дѣла и приносятъ пользу всѣмъ сословіямъ; слѣдовательно, было бы справедливо и имъ также принять участіе въ расходахъ дворянства».

*) Журн. Смол. г. з. с. 28 февр.—4 марта 1874 г. стр. 71.

Оба приведенныя, рѣзко противорѣчащія одно другому постановленія исполнѣ соответствуютъ современному положенію русскаго дворянства; въ его средѣ еще живо желаніе сохранить за собою ирѣжнее положеніе сословія передоваго и «перваго въ государствѣ» и «высоко держать дворянское знамя», но въ то же время, оно чувствуетъ, что положеніе это съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе и болѣе шаткимъ, что почва колеблется подъ его ногами. Съ каждымъ годомъ землевладѣльческое значеніе дворянства уменьшается; дворяне, не обладая способностью приноровиться къ современнымъ условіямъ хозяйства, продаютъ свои земли лицамъ торговаго и промышленнаго класса и разбогатѣвшимъ крестьянамъ. Въ одномъ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, помѣщиками, по словамъ мѣстнаго *Вѣстника* (№ 24), продано уже до 80 тыс. десятинъ, изъ которыхъ 0,9 приобрѣтены купцами, какъ русскаго, такъ и еврейскаго происхожденія, и 0,1 крестьянами. Въ Владимірской губерніи, по свидѣтельству записки, поданной въ прошлогоднее дворянское собраніе дворяниномъ Переславскаго уѣзда г. Табаровскимъ, «масса дворянскихъ имѣній, облегчавшая тягость сборовъ на дворянскія потребности своимъ участіемъ въ платежахъ, теперь уже не существуетъ въ дѣйствительности. Большинство имѣній сдѣлалось достояніемъ прочихъ сословій и вышло изъ оклада по платежамъ, оставя послѣдніе на невыбывшихъ дворянскихъ имѣніяхъ.... Переходъ дворянскихъ имѣній къ лицамъ другихъ сословій, трудность взысканія сборовъ съ оставшихся во владѣніи дворянъ имѣній, указываетъ на неблагоустное положеніе дворянскихъ средствъ вообще» *). Въ Тверской губерніи «за послѣднія 15 лѣтъ множество земель перешли отъ дворян-помѣщиковъ къ покупателямъ, которые могутъ извлекать доходъ изъ земли или приложеніемъ къ ней своего чисто-матеріальнаго труда, или же затратою капитала»—къ купцамъ и крестьянамъ **). По Новгородской губ., изъ сравненія смѣтъ и раскладовъ частныхъ дворянскихъ повинностей на трехлѣтіе съ 1865 по 1878 г. оказывается, что общее количество удобныхъ земель, принадлежащихъ дворянству, уменьшилось въ этотъ періодъ времени на 376.070 дес.: по раскладѣ 1866 г. числилось дворянскихъ земель 3.101.398 дес., а въ 1878 г.—2.725.328 дес., на 12,1% менѣе ***). Въ Воронежской губерніи убыль совершилась, въ нѣсколько болѣе короткій періодъ, въ такомъ-же размѣрѣ: въ 1868 г. числилось земель, обложенныхъ дворянскимъ сборомъ 1.485.175 дес., а къ 1877 году убыло 172.731 дес., и осталось 1.314.444 дес., такъ что за девять лѣтъ убыль составила 12%. «Явленіе это, говоритъ мѣстная губернская управа, совершается такъ правильно, неуклонно, что по отношенію къ будущему,

*) Русскія Вѣдомости 1879 г., № 22.

***) Покровский. О платежныхъ средствахъ населенія Тверской губ., стр. 76.

***) Докладъ Новгородской г.з. у. объ организаціи мелкаго земельного кредита, 1878 г., стр. 15.

нѣтъ основаній думать, чтобы это явленіе не только приняло обратное направленіе, но и остановилось. Прогрессъ этого явленія очевиденъ. Если же взвѣситъ также общезвѣстный фактъ, что рѣдкое дворянское имѣніе не заложено, а потому и не обременено ипотечными долгами, то можно съ большою вѣроятностію предположить, что рано или поздно, земли дворянъ останутся только у тѣхъ изъ нихъ, кто имѣеть даръ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, кто къ этому научно подготовленъ, кто себя этому дѣлу посвятилъ». «Дворянство, сословіе въ основаніи своемъ служилое, несло и несетъ съ пользою службу государственную и общественную, но въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, со времени упраздненія крѣпостнаго права, оно себя не заявило и стать сельскимъ хозяиномъ въ массѣ, на томъ лишь основаніи, что владѣть землею, не можетъ, за рѣдкими исключеніями». Дворянство «ищетъ службы государственной, общественной и не только сдаетъ свои земли въ арендное содержаніе, но и продаетъ ихъ» *).

Въ губерніяхъ Тульской и Востромской мы находимъ то же самое: въ первой, съ 1868 по 1870 годъ продано помѣщиками до 900.000 дес. земли, и почти вся эта земля перешла въ руки купцовъ; въ послѣдней — изъ 1.400 усадебъ 308 проданы купцамъ и лѣсопромышленникамъ, а 556 закрылись совсѣмъ. **)

Наконецъ, то же явленіе—уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія—встрѣчаемъ мы и въ Московской губерніи, гдѣ съ 1865 г. по 1876 годъ какъ количество владѣльцевъ изъ дворянъ, такъ и количество принадлежащей имъ земли значительно уменьшилось; первое упало съ 67,17% на 43,00%, т. е. уменьшилось слишкомъ на 24%: въ 1865 г. владѣльцевъ дворянъ было 2784, теперь только 1854. Въ количествѣ же земли уменьшеніе произошло слишкомъ на 20%, такъ какъ въ 1865 году дворянамъ принадлежало 91,61% всѣхъ частно-владѣльческихъ земель, а въ настоящее время только 71,67%. Наоборотъ, землевладѣніе купеческое сильно возрасло: въ 1865 г. владѣльцы изъ купцовъ составляли 10,87% всего числа владѣльцевъ, а теперь 19,75%, т. е. почти вдвое болѣе; тогда ихъ было 430, а теперь 850; количество владѣмой ими земли увеличилось почти въ четыре раза—съ 59.194,6 дес. до 198.227,7 дес. ***). Къ сожалѣнію, отсутствіе статистическихъ данныхъ о движеніи землевладѣнія не даетъ возможности прослѣдить судьбы дворянской поземельной собственности во всей Россіи, но, судя по отзыву комиссіи, изслѣдовавшей положеніе сельскаго хозяйства, есть основаніе думать, что указанное нами для приведенныхъ губерній явленіе замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ. «Частное землевладѣніе, говоритъ комиссія, на первыхъ порахъ

*) Докладъ Воронежской г. з. у. о проектѣ устава земской кассы позем. кредита И. М. О. С. Х., 1879 г.

**) «Дворянскія имѣнія», статья «Новаго Времени», воспроизвед. въ № 32 Смоленск. Вѣстн.

***) Сборн. стат. свѣд. по Московской губ., т. V, вып. 1, стр. 32 и 35.

вообще сохранялось за прежними владельцами, но переходъ имѣній въ другія руки, въ настоящее время, болѣе и болѣе усиливается. Лица торговаго сословія покупаютъ имѣнія, преимущественно, въ черноземныхъ губерніяхъ съ заводскими цѣльями, или для вырубкн лѣсовъ и сдачи пахотныхъ земель въ раздробъ мелкимъ сѣмщикамъ; рѣже—въ нечерноземныхъ—наиболѣе съ цѣлью фабричною, желая пользоваться запрудами и водяными двигателями. Крестьяне жадно покупаютъ земли, какъ въ черноземныхъ, такъ и нечерноземныхъ мѣстностяхъ *)).

Передвиженіе поземельной собственности и переходъ ея изъ рукъ стараго помѣстнаго сословія—дворянства въ руки другихъ сословій совершается несомнѣнно и составляетъ явленіе, вполне естественное. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, на которомъ основывался весь строй стараго дворянскаго хозяйства, условія производства кореннымъ образомъ измѣнились; сельское хозяйство, для успѣшности, стало требовать знанія и капитала, а ни тѣмъ, ни другимъ большинство дворянъ, въ особенности мелко и средне-помѣстныхъ не обладаютъ и потому выдерживать конкуренцію съ капиталистами не могутъ. Въ ихъ неумѣлыхъ рукахъ земля давать дохода, обезпечивающаго ихъ существованіе, не можетъ, а хранить ее только какъ средство для вліянія въ мѣстномъ управленіи, они не въ состояніи, за неимѣніемъ средствъ. Отдача земли въ аренду и даже продажа ея составляютъ для дворянина единственный исходъ, къ которому онъ и прибѣгаетъ. Остановить это естественное теченіе дѣлъ не могутъ, ни ограниченіе дробленія дворянскихъ имѣній, по наслѣдству, ни облегченіе способовъ образованія маіоратовъ, о которыхъ мечтаютъ смоленскіе дворяне, ни учрежденіе дворянскихъ банковъ, подобныхъ проектируемому костромскому дворянствомъ **). Остановить его не можетъ и противодѣйствіе улучшенію экономическаго быта крестьянскаго населенія, котораго такъ боятся смоленскіе земцы. Пусть крестьяне останутся при своихъ теперешнихъ надѣлахъ, пусть даже дойдутъ они до полнаго обезземелія, дворянство, въ силу общихъ экономическихъ условій, всетаки не въ состояніи будетъ удержать за собою свою поземельную собственность: оно (мы говоримъ о дворянствѣ мелкомъ и среднемъ) будетъ вынуждено уступить и свою землю, и свое землевладѣльческое значеніе, но уступить ихъ торговцу, промышленнику. Выиграетъ ли отъ этого дворянство? Въ массѣ, конечно, нѣтъ, ибо въ такомъ случаѣ все вліяніе, обуславливаемое землевладѣніемъ, распредѣлится между купцомъ и крупнымъ землевладѣльцемъ—дворяниномъ, столь же чуждымъ дворянству среднему, какъ и всякій разночинецъ. Выиграетъ-ли отъ такого пережѣщенія поземельной собственности народное хозяйство?—Рѣшительно нѣтъ, ибо наши промышленный и торговый классы еще менѣе, нежели дворянство, склонны и спо-

*) Докладъ Комиссіи, стр. 8.

**). См. *Русскія Вѣдомости* 1879. г., № 192. (перед. ст.).

собны къ земледѣлю: приобретаая землю, они пользуются ею хищнически, вѣстошая въ конецъ, стараясь извлечь изъ нея въ самый короткій срокъ все, что только она можетъ дать *). Въ такихъ рукахъ наше сельское хозяйство не можетъ выйдти изъ своего теперешняго положенія и достигнуть процвѣтанія.

Въ то самое время, когда дворянство, обладающее земельной собственностью въ среднемъ размѣрѣ, спѣшитъ избавиться отъ нея, когда дворяне— крупные землевладѣльцы, въ свою очередь, жалуются на невозможность обработать всю свою землю **) и хлопочуть объ устройствѣ «хуторовъ на владѣльческихъ земляхъ», «о насажденіи въ Россіи» «фермерскаго хозяйства», сословіе земледѣльческое, привычное къ землѣ и въ обработкѣ ея видящее главное обезпеченіе своего существованія, страдаетъ отъ мало-земелья. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи замѣчено, что отведенные крестьянамъ надѣлы, какъ извѣстно, несоразмѣренныя съ дѣйствительной потребностью, оказываются недостаточными для прокормленія крестьянской семьи и уплаты податей; но если недостаточенъ полный, опредѣленный положеніемъ, надѣлъ, то крестьяне, получившіе, такъ называемые, четвертные или даровые надѣлы, вслѣдствіе крайне малаго размѣра послѣднихъ, могутъ считаться почти безземельными. По свѣдѣніямъ, собраннымъ проф. Янсономъ,

*) Мы считаемъ излишнимъ подтверждать фактами сказанное. Желающіе могутъ найти такіе факты въ изобиліи почти во всѣхъ источникахъ, указанныхъ нами по вопросу объ уменьшеніи дворянскаго землевладѣнія.

**) Предсѣдатель учрежденной Московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства комиссіи „по вопросу о хуторахъ и современныхъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства“, г. Столыпинъ рассказываетъ напр., что въ принадлежащей ему Нееловской экономіи, Саратовскаго уѣзда, „изъ легкихъ, выпаханыхъ земель, оставшихся въ 20-лѣтнихъ залежахъ и отстоящихъ на 5—7 верстъ отъ деревни, было поднято съ 1876 года 188 шестидесятныхъ десятинъ (282 каз. дес.); изъ оныхъ 134 дес., послѣ снятія четырехъ хлѣбовъ, по малому количеству получаемаго съ нихъ зерна, предположено обратить вновь въ залежь. Въ экономіи, кромѣ этихъ десятинъ, остается въ залежахъ болѣе 100 шестид. десятинъ; залежи эти идутъ полосой, параллельно съ другими землями, изъ коихъ нѣкоторыя очень хорошаго качества.“ Чтобы воспользоваться этой землею, „сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ четырехъ хуторовъ, для сдачи въ аренду, съ нарѣзкою отъ хорошей земли, а также и отъ залежей, съ обязательствомъ удобрения. Сами условія хозяйства указываютъ здѣсь на устройство хуторовъ: если арендныхъ хуторовъ не строить (а собственную обработку экономія считаетъ невыгодною), то остается бросить отъ 4 до 5 сотъ казенныхъ десятинъ, и платить за нихъ подати. На подобныхъ худшихъ земляхъ въ с. Тарханахъ, Чембарскаго у., было построено три хутора и еще устроено два новыхъ; также въ с. Пушкинѣ, Инсарскаго у., предположено построить два хутора.“ Докладъ въ комиссію, М. 1880, стр. 8. Указанные хутора въ с. Пушкинѣ устроены по той же причинѣ: „естъ, говорить, г. Столыпинъ, земля, которая, такъ сказать, отбываются отъ рукъ, требующія удобрения, предпринять которое экономія считаетъ для себя невыгоднымъ; постройки арендныхъ хуторовъ на такихъ земляхъ упрочатъ урожай.“ 4 докл. комиссіи. М. 1878, стр. 17.

изъ 600.719 душъ, получившихъ въ 32 губерніяхъ надѣлы въ собственность безъ содѣйствія правительства, имѣютъ:

	душъ.	земли въ десят.	въ сколь- кихъ губерн.	средн. колич. земли въ душу.
выкупившіе безъ содѣйствія правитель- ства однѣ усадьбы, съ отказомъ отъ ос- тального надѣла	6.082	2.388,1	12	0,29 дес.
получившіе да- ровые надѣлы.	{ весь надѣлъ	15.465	31.061	20 2,01 >
	{ усад. съ частью надѣл. 343.078	377.743	23	1,10 >
	{ однѣ усадьбы	6.885	4.543,7	16 0,66 >
горнозаводскіе и фабричныя работники.	{ весь надѣлъ	76.799	87.083	2 1,19 >
	{ усад. съ частью надѣл. 49.659	96.155	5	1,94 >
	{ однѣ усадьбы	84.415	25.514,3	8 0,30 >

Такимъ образомъ, въ 32 губерніяхъ находится болѣе 567.000 душъ крестьянъ, имѣющихъ надѣлъ въ размѣрѣ отъ 0,3 до 1,3 дес. Значительная часть этихъ крестьянъ, и именно получившіе даровые надѣлы, «въ трехпольныхъ губерніяхъ принадлежатъ къ большимъ сельскимъ обществамъ, крупнымъ селамъ, которыя стоятъ на большихъ трактахъ и занимались извозомъ и торговлею. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, положеніе ихъ сдѣлалось безысходнымъ: извозный промыселъ упалъ, пришлось обратиться къ земледѣлію, найму земель, цѣна на которыя поднялась, какъ извѣстно, до такихъ размѣровъ, при которыхъ урожаи почти не окупаютъ труда. До того-же положенія мало-по-малу доходятъ всѣ, получившіе четвертные надѣлы и въ многоземельныхъ губерніяхъ, по жѣрѣ вздорожанія и тамъ земель *)». Иллюстраціей къ сказанному можетъ служить слѣдующій примѣръ селенія, получившаго даровой надѣлъ въ Бердянскомъ уѣздѣ. «Поселеніе села Обиточнаго, (бывшее имѣніе гр. Толстой), говоритъ Бердянская уѣздная управа, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, по договору, заключенному съ повѣреннымъ гр. Толстой, получили въ надѣлъ даръ по 1¹/₄ дес. на душу земли, а всего на 689 душъ муж. пола, имѣвшихъ въ то время право на полученіе надѣла, 861 дес, 600 кв. саж., включая въ это число и усадебную осѣдность 60 дес. 1546 кв. саж., такъ что, за исключеніемъ усадебной осѣдности, земельный надѣлъ Обиточенскихъ крестьянъ состоитъ только изъ 800 дес. 1.400 кв. саж.

Недружелюбныя отношенія экономіи гр. Толстой къ обществу, за долгое несогласіе его на сдѣлку по уставной грамотѣ, заставили крестьянъ нанимать необходимую для посѣва землю въ отдаленныхъ мѣстностяхъ и по дорогой цѣнѣ, что при частыхъ неурожаяхъ повело къ тому, что поселеніе лишилось болѣе половины своего скота и окончательно раззорили свое хозяйство. Видя такую безвыходность своего положенія, обиточенцы съ 1872 года стали ходатайствовать о переселеніи части общества—75 семействъ, составляющихъ 185 душъ мужскаго и 116 душъ женскаго пола, на ка-

*) Ю. Э. Янсонъ. Очеркъ распредѣленія поземельной собственности въ Евр. Россіи. „Русская Рѣчь“, 1880 г., № 3, стр. 262 и 264.

зенные оброчные участки, находящіяся въ Бердянскомъ уѣздѣ, но ходатайство это не увѣчалось успѣхомъ. Въ 1873 г. къ ходатайству этому присоединилось и уѣздное земство. Изъ собранныхъ управою свѣдѣній выяснилось, что крестьяне села Обиточнаго засѣваютъ изъ своего душеваго надѣла ежегодно только по 15 саж. (?) на хозяина, остальная затѣмъ земля остается для выпаса домашняго мелкаго скота; затѣмъ остальные посѣвы производятся на наемныхъ земляхъ, на разстояніи до 25 верстъ отъ селенія, съ платой въ годъ до 7 р. за десятину. Сѣнокосеніе производится также на наемныхъ земляхъ, съ платою отъ 2 до 3 р. за десятину. Скота на 276 домохозяевъ оказалось: рогатаго 211 головъ (74 на 100) и лошадей 40—по одной на 7 дворовъ; скотъ этотъ выпасается въ началѣ весны на своемъ надѣлѣ, а потомъ на землѣ гр. Толстой, съ платою отъ 1 до 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ за каждую штуку. Всѣ эти свѣдѣнія были въ 1874 году сообщены губернатору при ходатайствѣ земскаго собранія о дозволеніи части общества переселиться на казенные участки. Но и на этотъ разъ ходатайство не имѣло успѣха.

При такихъ условіяхъ, положеніе обиточенскихъ крестьянъ дошло до того, что «чуть урожай плохъ, обиточенцы остаются въ крайней бѣдности и требуютъ пособія, такъ что съ 1873 года не проходило почти ни одного года, чтобъ они не нуждались въ пособіи и потому имъ было выдано пособіе въ 1873, 1874, 1876 и 1877 гг., всего 13.810 руб. Въ уплату этого долга поселяне Обиточнаго не внесли ничего, да и врядъ ли когда въ состояніи будутъ расплатиться, если только ихъ положеніе не будетъ улучшено радикальнымъ образомъ» *). Не въ лучшемъ положеніи оказываются и фабричные крестьяне, получившіе малые надѣлы, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда фабрики, на которыхъ они работали, закрываются. «Съ закрытіемъ въ Заводской Слободѣ, Гришино тожъ, Рязанскаго уѣзда, говоритъ членъ Рязанской губернской управы А. Н. Левашовъ, стальнаго завода Яковлева, 176 душъ (по ревизіи, а на самомъ дѣлѣ большее количество) остались безъ земли, имѣя для прокормленія специальное мастерство, потерявшее всякое значеніе безъ завода. Чтобы не умереть съ голода, они продолжаютъ фабрикацію ножей и вилокъ, но, конечно, не въ прежнихъ размѣрахъ. Живутъ они, по слухамъ, бѣдно» **).

Но, кромѣ крестьянъ, получившихъ даровые надѣлы, есть не мало такихъ, которые получили надѣлы уменьшенные, за повинности, и положеніе такихъ должно быть еще хуже. Въ одной Московской губерніи, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ послѣдней сессіи губернскаго собранія, насчитывалось около 80 тыс. ревизскихъ душъ крестьянъ, имѣющихъ надѣлы въ размѣрѣ менѣе 2 дес. на душу: 36 обществъ, съ 7,724 душами, имѣютъ менѣе 1 дес. и 438 обществъ, съ 70,390 душами, — отъ 1 до 2 дес.;

*) Постановленія Таврическаго г. з. с., январь 1879 г., прилож. № 6.

**) Доклады членовъ Рязанской г. з. у. о ревизіи волостей. 1876 г., стр. 46.

одно общество Звенигородскаго уѣзда, дер. Дютьково, имѣютъ даже 0,042 дес. на душу (3 $\frac{1}{2}$ дес. усадебной земли на 83 души)! Далѣе, рядомъ съ малоземельными встрѣчаются и совсѣмъ безземельные. Таковы, напр., 10 тыс. татаръ, проживающихъ въ Феодосійскомъ уѣздѣ на владѣльческихъ земляхъ при ничѣмъ не регулированныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ *). Въ Херсонской губерніи число безземельныхъ тоже значительно: въ 1876 году въ одномъ Елисаветградскомъ уѣздѣ ихъ оказалось до 5 тыс. душъ **).

Мы говорили до сихъ поръ о крестьянахъ безземельныхъ, или получившихъ надѣлы въ слишкомъ ограниченномъ размѣрѣ, но и тѣ, которые получили надѣлы полные, далеко не могутъ считаться вполне обезпеченными. Извѣстно, что при установленіи размѣра надѣловъ, имѣлось въ виду сохранить за крестьянами приблизительно тотъ надѣлъ, которымъ они пользовались до освобожденія, безъ соображенія о томъ, насколько онъ соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянской семьи. Между тѣмъ, по надѣленіи крестьянъ, оказалось, что отведенные имъ надѣлы, какъ доказываютъ изслѣдованія проф. Янсона («Опытъ статистическаго изслѣдованія крестьянскихъ надѣловъ и платежей»), въ большинствѣ случаевъ, недостаточны для ихъ пропитанія и это обстоятельство, въ связи съ чрезмѣрной тяжестью податей и сборовъ, лежащихъ на крестьянской землѣ, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ крестьянскаго обѣднѣнія. Это общее заключеніе подтверждается и многими частными фактами, относящимися до различныхъ мѣстностей Россіи. «Въ Херсонской губерніи, по словамъ мѣстной губернской управы, по освобожденіи крестьянъ и по надѣленіи ихъ землею, оказалось, что земли этой для нуждъ крестьянъ недостаточно. Какъ цѣлыя общества, такъ и отдѣльныя лица стали арендовать на различныхъ условіяхъ земли помѣщичьи, при чемъ, не имѣя средствъ и возможности арендовать отдѣльные участки на долгіе сроки, крестьяне вынуждены были арендовать земли подесятинно на годовые сроки, скотъ свой отдавать на выпасъ на извѣстное число мѣсяцевъ. Большинство помѣщиковъ оставили свои имѣнія и, не желая имѣть дѣло съ крестьянами по краткосрочной арендѣ, отдали по контрактамъ всѣ имѣнія въ аренду спекуляторамъ, на сроки болѣе или менѣе продолжительные; все это, конечно, отозвалось весьма невыгодно какъ на землевладѣльцахъ, такъ и на крестьянахъ. Съ увеличеніемъ населенія потребность эта разрослась, но нисколько не увеличились средства къ удовлетворенію ея. Имѣя весьма мало земли, крестьяне не могли развитъ ни одной изъ отраслей хозяйства, наиболѣе прибыльныхъ въ нашемъ краѣ и наиболѣе обезпечивающихъ ихъ существованіе и исполненіе тѣхъ многочисленныхъ повинностей, которыя на нихъ возложены. Вынужденные ограничиваться хлѣбо-

*) Постановл. Таврич. г. з. с. 1879 г., прилож. № 47.

***) Сборникъ Херсонскаго земства 1879 г., № 4, стр. 250.

нашествіемъ и часто на условіяхъ, не вполне выгодныхъ, беря земли изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, крестьяне стали зависить отъ урожаевъ и одинъ неурожай заставлялъ ихъ обращаться за ссудой для продовольствія и обмѣненія полей. Ссуды эти, употребляемыя опять-таки на посѣвы, лишь увеличили долги крестьянъ и сдѣлали ихъ болѣе неоплатными». Сравнивая положеніе крестьянъ съ положеніемъ колонистовъ, управа замѣчаетъ, что крестьяне не могли достигнуть того, чего достигли колонисты, «и едва-ли не единственная тому причина—малоземельность и налоги, превышающіе иногда чистый доходъ отъ ихъ надѣловъ»*. Орловская губернская управа тоже видитъ одну изъ причинъ упадка крестьянскаго благосостоянія въ недостаточности надѣловъ и тяжести платежей. По ея расчету, расходъ крестьянской семьи, при душевомъ надѣлѣ въ 3 десятины, превышаетъ доходъ на 10 р. 75 к. въ годъ, «въ дѣйствительности же онъ превышаетъ значительно болѣе, такъ какъ многія потребности въ хозяйствѣ неуловимы**). Въ Ярославской губерніи, по мнѣнію тамошней губернской управы, «по недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, на которыхъ, за распашкою, остается очень мало покосовъ и почти нѣтъ выгоновъ, крестьянину невозможно обзавестись скотомъ въ количествѣ, достаточномъ для однихъ нуждъ земледѣлія», и дѣйствительно, по собраннымъ управою свѣдѣніямъ, «настоящее количество скота у крестьянъ составляетъ лишь 32¹/₁₀% дѣйствительной въ немъ потребности», сообразно количеству пахатной земли***). Кромѣ недостаточности отведеннаго надѣла, на состояніи крестьянскаго хозяйства не могло не отразиться то обстоятельство, что по уставнымъ грамотамъ отъ многихъ обществъ отошли въ пользу помѣщиковъ земли, которыми они до тѣхъ поръ пользовались, почему размѣры хозяйства должны были сократиться, что иногда въ надѣлѣ постунали земли худшаго качества****), что, наконецъ, самые надѣлы, отведенные даже въ высшемъ размѣрѣ, нарѣдко нарѣзаны такъ, что пользоваться своею землею крестьянамъ почти невозможно: или надѣлъ состоитъ изъ нѣсколькихъ, отдаленныхъ одинъ отъ другого участковъ, или онъ находится въ такомъ отношеніи къ помѣщичьимъ землямъ, что послѣднія поневолѣ должны подвергаться потравамъ со стороны крестьянскаго скота, или въ немъ нѣтъ выгона и т. д. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ крестьянъ арендовать земли у сосѣднихъ владѣльцевъ, иногда

*) Докладъ объ учрежденіи кассы для содѣйствія крестьянскимъ обществ. въ расширеніи ихъ землевладѣнія Сборн. Херс. в. 1879, № 4, стр. 244.

***) Докладъ объ упадкѣ благосостоянія крестьянъ Орловск. г. 1876 г., стр. 18.

****) Записка о земскомъ выкупномъ банкѣ.

*****) По словамъ г. Голубцова (къ вопросу о значеніи долгосрочнаго кредита въ области крестьянскаго хозяйства), въ Шашевской волости, Вологодской губ., «когда, послѣ 1861 г., происходило отмежеваніе надѣльныхъ земель отъ помѣщичьихъ, крестьяне получили почему-то землю, сравнительно, худшую и притомъ въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ они пользовались ею до 1861 г.» *Юридическій Вѣстникъ* 1880 г., № 1, стр. 101.

на весьма невыгодныхъ условіяхъ, въ особенности, когда земли арендуются изъ вторыхъ рукъ. Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, напр... гдѣ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ, земель, находящихся въ надѣлѣ крестьянъ, мало или онѣ для хлѣбопашества неудобны, часть населенія арендуетъ земли у казны, владѣльцевъ и башкиръ; арендаторами башкирскихъ земель являются зажиточные крестьяне, которые отъ себя сдаютъ арендованныя земли своимъ односельцамъ, съ выгодою въ свою пользу отъ 25 до 75 к. съ десятины. Крестьяне, обрабатывающіе земли, дѣлаются предметомъ ужасной эксплуатаціи со стороны посредниковъ-арендаторовъ, живающихъ отъ этой операціи отъ 33 до 100% прибыли на затраченный капиталъ*). Въ Раненбургскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, гдѣ надѣлъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ отъ 1¹/₂ до 2²/₄ дес., а у государственныхъ—отъ 2 до 5 дес., цѣны на земли, вслѣдствіе крестьянской нужды, сильно возрасли—отъ 12 до 14 р. за десятину въ худшихъ мѣстахъ уѣзда и отъ 15 до 17 р. въ лучшихъ. «Хлѣбъ при посредственномъ урожаѣ едва окупить эту цѣну, при плохомъ—придется еще приплатить за солому, а денегъ взять не откуда. Мало-по-малу крестьяне должны, платятъ неаккуратно, и имъ отказываютъ отъ земли. Не смотря на высокую арендную плату, какой самому владѣльцу никогда не получить, по всему уѣзду отдача земли въ наемъ крестьянамъ очень сильно сократилась. Въ зиму 1875—1876 гг. въ Зимаровской и Благоской волостяхъ большинство крестьянъ вынуждены были покупать солому съ господскаго гумна уже повозно—своей не было; за копну платили отъ 1 р. 50 к. до 2 р. Дѣлать нечего—переводятъ скоть и хозяйство падаетъ» **). Въ Московской губерніи крестьянами арендуется громадное количество помѣщичьихъ земель, частію за деньги, частію за работы, и большая часть владѣльческихъ хозяйствъ пользуется работами окрестныхъ крестьянъ за угоды. У одного кн. Мещерскаго, напр., въ Волоколамскомъ уѣздѣ, работаютъ 16 селеній, получающихъ за это отрѣзанную у нихъ землю, которой на долю всѣхъ ихъ приходится 1257,7 дес. и которая составляетъ 44,4% земли, отведенной имъ въ надѣлъ***).

Приведенныхъ указаній, мы думаемъ, достаточно, чтобы убѣдиться въ неудовлетворительности поземельнаго устройства крестьянъ и необходимости принятія мѣръ для устраненія его недостатковъ. Недостатки эти не могли не обратить на себя вниманія земства, и это послѣднее, познакомившись съ условіями крестьянскаго быта, дѣлало разныя попытки къ его улучшенію. Такъ, еще въ 1870 году, Пермская губернская управа, въ запискѣ, поданной сенатору Клушину, дѣлала представленіе о пользѣ

*) Матеріалы для сельско-хоз. статистики Пермской губ., вып. 1. Пермь, 1879 г., стр. 87.

***) Доклады членовъ Рязанской г. з. у., стр. 461.

***) Сборникъ стат. свѣд. по М. губ., т. V, вып. 1, стр. 198. О количествѣ арендуемыхъ крестьянами земель см. т. I—III.

и выгодахъ распродажи въ раздробъ пустопорожныхъ и не имѣющихъ горюзаводской будущности казенныхъ земель небольшими участками, возможно, большому числу соискателей, но такъ какъ эта попытка не имѣла желательныхъ результатовъ, то губернское собраніе, въ 1873 году, ходатайствовало объ отдачѣ такихъ земель въ долгосрочную аренду, но и это ходатайство не получило удовлетворенія. Мотивомъ отказа послужило соображеніе, что «на частныхъ владѣльческихъ земляхъ Пермской губерніи до сихъ поръ ведется хозяйство на степной ладъ, а не фермерское, почему нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы фермерское хозяйство могло быть ведено съ успѣхомъ на казенныхъ земляхъ при отдачѣ оныхъ въ аренду на продолжительный срокъ, тѣмъ болѣе, что при возрастающей арендной платѣ за казенныя земли въ Пермской губерніи, отдача оныхъ нынѣ въ продолжительную аренду была бы убыточна для казны.»*) Столь же безуспѣшно было ходатайство Бердянскаго земства, въ 1874 году, объ отводѣ казенныхъ земель крестьянамъ уже извѣстнаго нашимъ читателямъ села Обиточнаго. Управляющій министерствомъ государственныхъ имуществъ сообщилъ тогда, что онъ не находитъ возможнымъ предоставить обиточенскимъ крестьянамъ казенныя земли, и что «самое разсмотрѣніе земскимъ собраніемъ и управой ходатайства означенныхъ крестьянъ нельзя, по его мнѣнію, признать законнымъ, такъ какъ ни одна статья Полож. о земск. учр. не возлагаетъ на нихъ обязанности заботиться о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, и вообще всѣ дѣла подобнаго рода, въ томъ числѣ надѣленіе безземельныхъ крестьянъ и непосредственно связанное съ нимъ распоряженіе казенными землями, къ предметамъ вѣдомства земскихъ учреждений по закону вовсе не относится». Съ этимъ мнѣніемъ согласилось и министерство внутреннихъ дѣлъ, и ходатайство земскаго собранія не получило дальнѣйшаго хода. Не смотря на отзывъ министерства государственныхъ имуществъ, ходатайство о надѣленіи крестьянъ села Обиточнаго казенной землей возбуждено вновь, въ 1879 году и на этотъ разъ, какъ возбужденное таврическимъ губернскимъ собраніемъ, оно должно будетъ войти на разсмотрѣніе комитета министровъ. На благоприятный исходъ этого ходатайства есть основаніе рассчитывать, такъ какъ правительство въ подобныхъ случаяхъ не всегда отвѣчаетъ отказомъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ таврическомъ губернскомъ собраніи гласнымъ Н. В. Гофманомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ мелитопольское земство ходатайствовало о продажѣ на льготныхъ условіяхъ казенной оброчной земли мѣщанамъ мѣстечка Геническа, и ходатайство это было уважено. Другой случай былъ въ томъ же Мелитопольскомъ уѣздѣ. Стокопанское общество ходатайствовало о продажѣ ему казенной оброчной статьи, и когда на отказъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія была принесена жалоба министру, то онъ предложилъ войти въ разсмотрѣніе этого хо-

*) Указ. «Матеріалы», стр. 90.

дательства на томъ основаніи, что «хотя по закону и не подлежатъ удовлетворенію просьбы о надѣлѣ землею обществъ, получившихъ надѣлъ по владѣннымъ записямъ, но этотъ законъ не относится къ крестьянамъ, которые получили отъ бывшихъ помѣщиковъ въ даръ $\frac{1}{4}$ надѣла».

Отсутствіе помощи со стороны государства въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ улучшение поземельнаго устройства крестьянъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ составляющемъ настоятельную необходимость, побудило нѣкоторыя земства взять это дѣло въ свои руки и, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать расширенію крестьянскаго землевладѣнія. Первый опытъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ Тверскимъ губернскимъ земствомъ. На первыхъ же порахъ своей дѣятельностью, поставивъ на очередь вопросъ объ изученіи нуждъ населенія и объ ихъ удовлетвореніи, Тверское земство дѣлало много попытокъ для возвышенія народнаго благосостоянія: оно хлопотало о развитіи кустарной промышленности, содѣйствуя образованію артелей, помогало устройству артельныхъ сыроварень и образованію ссудо-сберегательныхъ товариществъ, образовавъ даже особую «земскую кассу для развитія народнаго хозяйства и промышленности», съ основнымъ капиталомъ въ 50,000 р., съ цѣлью выдачи ссудъ указаннымъ учрежденіямъ. Въ 1876 г. собраніе обратило вниманіе и на потребность крестьянъ въ землѣ и предоставило управѣ выдавать ссуды нуждающимся обществамъ. Примеру губернскаго собранія послѣдовали два уѣздныя—Весьегонское (въ 1876 г.) и Тверское (въ 1877 г.) Губернское земство имѣло въ оборотѣ по этой операціи около 30,000 р., которые въ разное время были розданы крестьянамъ разныхъ уѣздовъ. Ссуды выдавались на сроки отъ 4 до 6 лѣтъ, съ разсрочкою платежа, за 3—5% годовыхъ, смотря по степени состоятельности занимающаго общества, при чемъ было поставлено условіемъ, чтобы земля имѣла цѣнность, достаточно гарантирующую возвратъ ссуды, чтобы крестьяне приняли участіе въ уплатѣ за купленную землю, отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ покупной суммы, и чтобы земля покупалась общиною, а не отдѣльными хозяевами. Ссуды получали всѣ желающія общества; отказа не было, если крестьяне соглашались подчиняться приведеннымъ правиламъ. До сихъ поръ операція шла удачно; крестьяне охотно и безъ затяжекъ уплачиваютъ занятые деньги, причемъ нѣкоторыя общества уплатили всю ссуду ранѣе срока. Въ декабрѣ прошлаго года состояло въ долгу за крестьянами 13,685 руб. Тверское уѣздное земство раздало 10,800 р., на одинаковыхъ съ губернскимъ условіяхъ, а Весьегонское—1000 р. (въ 1879 году ассигновано собраніемъ 5000 р.) Стремленіе къ покупкѣ земли между крестьянами Тверской губерніи весьма сильно: ежегодно, и безъ содѣйствія земства, крестьяне приобрѣтаютъ въ собственность отъ 15 до 20,000 дес. земли, такъ что съ 1861 года, ими приобрѣтено не менѣе 320,000 дес. Покупка совершается отдѣльными домохозяевами, частію обществами, частію товариществами, при чемъ купленная земля дѣлится, за рѣдкими исключеніями, на участки, не подлежащіе дальнѣйшему передѣлу и свобод-

но переходящіе изъ рукъ въ руки. По собраннымъ В. И. Покровскимъ свидѣніямъ, изъ 480,000 дес. земли, находящейся въ крестьянскомъ частномъ владѣніи, отдѣльными домохозяевамъ принадлежатъ 236,000 дес. (48%), товариществамъ—116,800 дес. (23,7%) и обществамъ—138,000 дес. (28,3%), Большая часть покупокъ, за послѣднія 10 лѣтъ совершалась отдѣльными домохозяевами и товариществами, большая же часть земель, принадлежащихъ, сверхъ надѣла, обществамъ, пріобрѣтены ранѣе, частью во время крѣпостнаго права. Что касается до крестьянъ—домохозяевъ, участвующихъ въ пользованіи купленною землею (отдѣльно, или въ составѣ обществъ и товариществъ), то таковыхъ насчитывается до 65,000, т. е. около 26% крестьянъ домохозяевъ, считая въ томъ числѣ и бобылей.*)

Тверскому земству, такимъ образомъ, принадлежитъ честь перваго почина въ дѣлѣ содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земель. За нимъ, въ хронологическомъ порядкѣ, слѣдуетъ земство Таврическое, которое занималось этимъ вопросомъ въ сессіяхъ 1878 и 1879 годовъ, вслѣдствіе возбужденія его Мелитопольскою уѣздною управою. Выслушавъ заключенія уѣздныхъ собраній, отнесшихся къ переданному на обсужденіе ихъ проекту Мелитопольской управы неособенно сочувственно, собраніе одобрило слѣдующую программу дѣйствій. Матеріальное пособіе земства должно выражаться въ формѣ или гарантіи принятыхъ обществомъ на себя обязательствъ, или ссуды. Гарантія и ссуда выдаются при покупкѣ крестьянами земель, какъ незаложенныхъ въ земельныхъ банкахъ, такъ и состоящихъ у нихъ въ залогъ. Въ первомъ случаѣ земство гарантируетъ продавцу вѣрность уплаты въ срокъ обществомъ причитающихся ему денегъ по совершеніи на имя крестьянъ купчей крѣпости, или же выдаетъ краткосрочную ссуду. Крестьяне, желающіе получить такую гарантію или ссуду, обязаны предварительно заключить съ управою договоръ въ томъ, что они предоставляютъ ей заложить купленную ими землю, съ правомъ получить причитающуюся по залогу сумму, съ тѣмъ, что земство, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, выдаетъ обществу остаточные деньги. Земство гарантируетъ также вѣрность уплаты въ срокъ всей или части причитающейся владѣльцу суммы, сверхъ могущей быть покрытою ссудой изъ земельного банка. Эта гарантія обеспечивается второю закладною. Когда ипѣніе заложено въ банкъ, земство гарантируетъ и даетъ ссуду по такому расчету, чтобы банковый долгъ, вмѣстѣ съ земскою ссудою, не превышали бы опредѣленной губернскимъ собраніемъ нормальной цѣны. Обеспеченіемъ въ этомъ случаѣ служитъ вторая закладная. Для осуществленія этихъ предположеній собраніе постановило: 1) ассигновать на заемобразное пособіе земледѣльцамъ, при покупкѣ земли, изъ земскихъ

*) Свидѣнія о покупкѣ земель крестьянами въ Тверской губерніи обязательно сообщено намъ В. И. Покровскимъ, второму изъ насъ приносимъ нашу искреннюю признательность.

средствъ, 50,000 руб. и гарантировать исправность уплаты до 150,000 р. 2) Въ случаѣ неимѣнія въ наличности суммъ земскаго сбора, уполномочить управу занять потребную сумму изъ другихъ земскихъ капиталовъ, а въ случаѣ недостатка, занять въ банкѣ, или у частныхъ лицъ, даже подъ залогъ принадлежащихъ земству процентныхъ бумагъ. 3) Ссуда и гарантія не должны превышать установленнаго для каждаго уѣзда размѣра, на десятину. 4) За пользованіе капиталомъ, выдаваемымъ въ ссуду, назначено 4 % и $\frac{1}{10}$ % для составленія запаснаго капитала; если же деньги будутъ заняты земствомъ въ банкѣ, или у частныхъ лицъ, то заемщики улачиваютъ тѣ проценты, за какіе сдѣланъ заемъ земствомъ. Порядокъ удовлетворенія ходатайствъ, размѣръ пособія и гарантій, не свыше принятой оцѣнки, предоставленъ, до указанія опыта, губернской управѣ, по соглашенію съ уѣздными *). Сколько намъ извѣстно, предположенія эти не могли получить осуществленія, вслѣдствіе опротестованія приведеннаго постановленія губернаторомъ; тѣмъ же не менѣе, Таврическое земство не отказалось отъ своего намѣренія: по словамъ корреспондента *Голоса* (№ 57). Оно, въ видахъ содѣйствія «какъ крестьянамъ, такъ и несостоятельнымъ лицамъ прочихъ сословій» въ покупкѣ земель, намѣрено просить у правительства ссуды въ 300,000 р, по 4% роста и 3% погашенія; въ случаѣ-же отказа, предполагается выпускъ съ этою цѣлью закладныхъ листовъ на 900,000 руб.

Оба упомянутыя земства разрѣшали поставленный вопросъ исключительно въ пользу крестьянства, и притомъ не отдѣльныхъ лицъ, а сельскихъ обществъ. Такая постановка вызвала возраженія въ Таврическомъ собраніи, въ январской сессіи 1879 года. Гл. Брянскій высказывался за распространеніе обсуждаемой мѣры на всѣ сословія, а гл. Дуранте находить рискованнымъ для земства вступать въ обязательства съ обществами, внутренняя связь которыхъ весьма различна. «Иное дѣло, сказалъ онъ, если бы общества, желающія воспользоваться помощью земства для покупки земель, приобрѣтали послѣднія на правахъ личнаго подворнаго владѣнія». По словамъ гласнаго, въ Феодосійскомъ уѣздѣ, въ теченіе послѣднихъ 7—10 лѣтъ, многія общества приобрѣли покупкою земли, но только тѣ изъ нихъ, въ средѣ которыхъ солидарность членовъ хорошо развита, безспорно и значительно увеличили свое благосостояніе; другія же общества не только не обогатились вслѣдствіе покупки земли, но обѣднѣли и раззорили лучшихъ своихъ членовъ. Произошло это отъ того, что корпоративный духъ этихъ обществъ оказался слишкомъ слабымъ, такъ что въ то время, когда трудолюбивый членъ общества неутомимо работаетъ, а болѣе богатый платитъ изъ собственныхъ средствъ деньги, чтобы не довести земель общества до продажи, многіе члены общества не

*) Постановленія Таврическаго г. з. с., январь 1879 г., стр. 86 и слѣд., и прилож. № 22.

принимали никакихъ мѣръ къ обезпеченію интересовъ общества и вели свои хозяйства дурно. Понятно, что результаты получились печальныя. На сказанное г. Дуранте возражали гг. Винбергъ и Гофманъ, изъ которыхъ послѣдній замѣтилъ, что «едва-ли русскіе крестьяне согласятся на подворное владѣніе. По крайней мѣрѣ, на всѣ запросы правительства всѣ крестьяне отвѣчали, что они желаютъ остаться при исторически выработавшемся общинномъ владѣніи». Собраніе не согласилось съ высказанными гг. Брянскимъ и Дуранте мнѣніями, не смотря на то, что первый пригрозилъ даже губернаторскимъ протестомъ, и какъ мы видѣли, рѣшилось помогать однимъ сельскимъ обществамъ.

Иначе отнеслось къ тому-же дѣлу Новгородское губернское собраніе, въ которомъ, одновременно съ Таврическимъ, въ очередной сессіи 1878 г., былъ возбужденъ вопросъ близкій, къ занимавшему Таврическое земство, хотя и существенно отъ него отличающійся—вопросъ «объ организаціи мелкаго земельного кредита». Въ своемъ докладѣ по этому предмету Новгородская губернская управа трактуеть почти исключительно о нуждахъ мелкаго личнаго землевладѣнія, не касаясь землевладѣнія общиннаго. На тойже точкѣ зрѣнія остановилось и собраніе, признавши «мелкій поземельный кредитъ безусловно необходимымъ для поднятія уровня благосостоянія мелкихъ землевладѣльцевъ и улучшенія сельскаго хозяйства», и поручивши управѣ обратиться къ правительству съ просьбой о разъясненіи, возможно-ли разсчитывать на разрѣшеніе приступить къ организаціи кредита для мелкихъ землевладѣльцевъ на началахъ, изложенныхъ въ докладѣ управы, съ полученіемъ ссуднаго капитала отъ правительства, подъ гарантію земства.

Пока сужденія о содѣйствіи крестьянамъ въ покупкѣ земель и о мелкомъ поземельномъ кредитѣ занимали провинціальныя земства, они проходили мирно и спокойно; изъ журналовъ Тверскаго губернскаго собранія не видно даже, чтобы предложеніе объ отпускѣ ссудъ крестьянамъ, не смотря на свою новизну, вызвало особыя пренія; земскія рѣшенія никого не волновали, никого не беспокоили; даже печать мало занималась ими. Но вотъ, тотъ же вопросъ возбужденъ въ столицѣ, и отношеніе къ нему какъ печати, такъ и самихъ гласныхъ измѣняются: мѣсто покойнаго обсужденія занимаютъ бурныя пренія; возгорается жаркая борьба; возбуждаются различныя опасенія; слышутся намеки и инсинуаціи. Сыръ боръ загорѣлся изъ-за доклада «по вопросу о содѣйствіи крестьянамъ въ покупкѣ земель», внесеннаго уѣздною управою въ Московское уѣздное собраніе, бывшее въ октябрѣ прошлаго года. Въ докладѣ этомъ управа, указывая на недостаточность надѣловъ у крестьянъ Московскаго уѣзда, изъ которыхъ многіе имѣютъ не болѣе 1—2 дес. на душу, предлагала ходатайствовать передъ губернскимъ собраніемъ объ учрежденіи земской кассы для выдачи ссудъ крестьянамъ на покупку земель. Это предложеніе, основанное на статистическихъ данныхъ, вызвало оживленныя пренія, во время которыхъ противники предложенія неумолимо нападали и на докладъ, даже съ литера-

турной стороны, и на приведенныя въ немъ статистическія данныя, и на представленный проектъ устава кассы, выработанный Московскимъ комитетомъ о ссудосберегательныхъ товариществахъ. Главныя силы нападающихъ были направлены на основное положеніе доклада—что упадокъ крестьянскаго хозяйства, главнымъ образомъ, обуславливается малоземельемъ. Крестьянское хозяйство, говорили они, дѣйствительно находится не въ цвѣтущемъ положеніи; но это происходитъ не отъ недостатка въ землѣ, которая въ Московскомъ уѣздѣ, промышленномъ и обладающемъ малопродуктивною почвою, не имѣетъ рѣшительнаго значенія, а отъ совокупности разнородныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ малоземелье играетъ самую незначительную роль. Болѣе серьезными причинами являются: обремененіе крестьянъ непосильными платежами, частыя семейныя раздѣлы, распущенность самихъ крестьянъ, тлетворное вліяніе кабака и т. д. Энергія нападающихъ встрѣтилась съ такою же энергію защитниковъ, преимущественно крестьянъ, которымъ, послѣ трехдневныхъ преній, удалось настоять на своемъ и, не откладывая дѣла, какъ того желали противники, постановить рѣшеніе о ходатайствѣ передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Нобѣда была полная, но наслаждаться ею пришлось недолго. Губернское собраніе отнеслось къ ходатайству уѣзднаго такъ же недружелюбно, какъ и меньшинство уѣздныхъ гласныхъ; оно не хотѣло слушать никакихъ доводовъ, и громаднымъ большинствомъ отвергло это ходатайство, рѣшившись поднять народное благосостояніе посредствомъ улучшенія земледѣльческой культуры. Здѣсь противники ходатайства высказывались гораздо рѣшительнѣе, нежели въ уѣздномъ собраніи: здѣсь были пущены въ ходъ и заявленія о совершенной ненадобности земли для крестьянъ, и прозрачныя намеки на какія-то постороннія вліянія. «Исходной точкою всѣхъ разсужденій, говорилъ одинъ изъ гласныхъ, выставляется потребность въ землѣ и недостатокъ ея, какъ главная причина упадка крестьянскаго хозяйства. Упадокъ несомнѣнно существуетъ, но основная причина его лежитъ не въ недостаткѣ земли, а обуславливается ломкою всего строя жизни, произведенной реформою 19 февраля 1861 г. Недоимокъ весьма много, хозяйства въ упадкѣ, но это кажущееся обѣднѣніе происходитъ отъ того, что непосредственно за реформой, при наступившей безурядицѣ, не обращено было вниманія на правильное пополненіе платежей, недоимки все возрастаютъ, а когда хватились въ послѣднее время, то пришлось прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣрамъ—къ продажѣ скота, различнымъ понужденіямъ, и вотъ теперь то начинаютъ отзываться эти недостатки, дошедшіе до насъ съ 60-хъ годовъ.» Что касается до отношенія народа къ землѣ, то ораторъ полагаетъ, что «многочисленные случаи готовности, съ которой народъ бросаетъ землю, доказываютъ намъ фактически, какъ онъ цѣнитъ эту землю. Голосъ народа противъ земли. Онъ кричитъ: возьмите отъ меня ту землю, которая у меня есть.... Общій голосъ народа противъ покупки земель. Намъ предлагаютъ основаться на данныхъ статистики, но эти данныя

«желаніи народномъ намъ ничего не говорить.» Какъ ни смѣлы пріемы почтеннаго гласнаго, но, повидимому, самъ онъ призналъ недостаточность своей аргументаціи и потому прибѣгъ къ другому оружію, обязательно предложенному ему *Московскими Вѣдомостями*, приписывавшими «непомѣрно раздутую» постановку вопроса въ уѣздномъ собраніи «нездоровымъ литературнымъ вліяніямъ, вредно тяготѣющимъ у насъ не въ одномъ только земствѣ» (№ 279) Вдохновленный органомъ г. Каткова, земскій ораторъ восклицаетъ: «это вопросъ, искусственно возбужденный, вздутый литературой; земству до него мало дѣла; надо покончить съ этимъ вопросомъ, просто отказавшись обсуждать его и провозгласить ему вѣчную память.» Пренія продолжались два дня, наконецъ, послѣ длинныхъ рѣчей, произнесенныхъ всѣми обычными ораторами собранія за и противъ ходатайства, большинство (24 противъ 10) послѣдовало совѣту того же представителя голоса народнаго, рекомендовавшаго «отрясти отъ себя весь этотъ вопросъ, прилипшій къ земству, занесенный извне, не имѣющій въ земствѣ подъ собою почвы...» *).

Откуда же *извне* занесенъ этотъ вопросъ, нарушившій покой Московскаго земства? Какими нездоровыми литературными вліяніями онъ вызванъ къ жизни?—Отвѣта не дають ни земскій ораторъ, ни редація вдохновившей его газеты, но мы находимъ его въ рукописной запискѣ, вышедшей изъ-подъ пера одного изъ видныхъ провинціальныхъ общественныхъ дѣятелей, съ содержаніемъ которой знакомятъ насъ *Русскія Вѣдомости*. Хотя записка эта не была опубликована, но, говоритъ газета (1880 № 9), мы имѣемъ основаніе думать, что авторъ не держитъ ее въ тайнѣ. «Вопросу о содѣйствіи крестьянамъ въ покупкѣ земель записка придаетъ крайне зловредное значеніе. Въ возбужденіи его она видитъ не естественное желаніе увеличить благосостояніе сельскаго населенія, а происки соціально-демократической партіи, которая, лишившись, вслѣдствіе принятыхъ въ послѣднее время административно-полицейскихъ мѣръ, возможности дѣйствовать открыто, взялась за пропаганду идеи о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ. Цѣли, преслѣдуемая при этомъ революціонной партіей, заключаются въ томъ, чтобы вызвать недовольство сельскаго населенія и подорвать значеніе интеллигентнаго сословія—дворянства, которое, вслѣдствіе означенныхъ происковъ, должно лишиться земли и связаннаго съ владѣніемъ ею вліянія на управленіе мѣстными дѣлами. Не довольствуясь закупкою дворянскихъ земель крестьянами, агитаторы принимаютъ мѣры и къ тому, чтобы понизить продажную цѣну этихъ земель. Они понимаютъ, что съ предоставленіемъ крестьянамъ кредита на льготныхъ условіяхъ, усилится спросъ на земли, а съ усиленіемъ

* Отчеты о засѣданіяхъ собраній: уѣзднаго въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* №№ 266, 267, 269, 270, 272, 273, 274, и 276; губернскаго въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*—1879 г. №№ 330 и 331, 1880 г.—№№ 1—5.

спроса, само собою разумеется, возрастуть и цѣны на нихъ; чтобы устранить такое повышение цѣнъ, выгодное для дворянства, агитаторы злоумышленники придумываютъ новое средство — переселеніе крестьянъ. Этимъ средствомъ цѣны на земли будутъ регулироваться и постоянно держаться на низкомъ уровнѣ и, такимъ образомъ, совершится окончательное раззореніе дворянства. Конечно, распространители зловредныхъ учений, а съ ними вмѣстѣ и наивные люди, не понимающіе ихъ намѣреній и безсознательно имъ сочувствующіе и содѣйствующіе, не требуютъ принудительнаго отчужденія дворянскихъ земель въ пользу крестьянъ, но осуществленіе предлагаемой ими мѣры, хотя и на началахъ свободнаго договора, вынудитъ дворянъ къ продажѣ ихъ земель, такъ какъ, вслѣдствіе враждебнаго настроенія крестьянъ—сосѣдей, положеніе землевладѣльца, желающаго оставить свое имѣнье за собою и не уступающаго его крестьянамъ, сдѣлается невыносимымъ. Опасности, которыми угрожаетъ осуществленіе зловредной затѣи всему государству, неисчислимы, а потому, по мнѣнію автора записки, должны быть приняты мѣры для пресѣченія агитации.» Но наряду съ угрозой краснымъ призракомъ, съ разоблаченіями подпольной интриги, съ заботливостью объ общемъ благѣ, въ запискѣ проглядываютъ и тѣ дѣйствительные мотивы, которые вызвали ея появленіе. «Въ ней указывается, между прочимъ, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія вредно и въ томъ отношеніи, что въ случаѣ, если крестьянскій надѣлъ достигнетъ размѣра, достаточнаго для обезпеченія крестьянской семьи, то *крупные землевладѣльцы лишатся рабочихъ рукъ*. Въ этомъ, сдѣланномъ вскользь намека, говоритъ газета, и заключается, по нашему мнѣнію, центръ тяжести, основная мысль записки».

И такъ, мы опять встрѣчаемся съ «опасеніями за будущность дворянскаго—помѣщичьяго хозяйства», которыми проникнуто Смоленское земство, и которыя существуютъ въ дворянской средѣ въ другихъ мѣстностяхъ. Съ такого рода опасеніями находить нужнымъ считается Новгородская губернская управа, приводящая въ своемъ докладѣ «объ организаціи мелкаго земельнаго кредита» «аргументъ, опровергающій опасеніе тѣхъ, которые видятъ въ развитіи мелкаго поземельнаго кредита средство къ окончательному упадку дворянства въ Россіи, изъ рукъ котораго этимъ путемъ, будто бы, можетъ ускользнуть вся поземельная собственность, составляющая основу политическаго вліянія». Такимъ образомъ, повидимому, признается существованіе какого-то неизбѣжнаго антагонизма между хозяйствами крестьянскимъ и владѣльческимъ, какъ будто процвѣтаніе послѣдняго должно основываться на упадкѣ перваго. Между тѣмъ, подобнаго антагонизма, въ дѣйствительности, не существуетъ. Многочисленные факты, приведенные въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи», вполне убѣдительно доказываютъ, что между хозяйствомъ частнаго владѣльца и положеніемъ окружающаго населенія существуетъ тѣсная связь: успѣшность частныхъ хозяйствъ находится въ прямой за-

зависимости отъ степени процвѣтанія хозяйства сосѣднихъ крестьянъ. «Гдѣ крестьяне имѣютъ достатокъ и успѣшно занимаются земледѣліемъ, говоритъ г. Орловъ, арендные цѣны на земли частныхъ владѣльцевъ относительно выше, и земля содержится въ арендѣ лучше, не истощается, какъ тамъ, гдѣ крестьянское земледѣліе находится въ упадкѣ. Если же самъ владѣлецъ занимается обработкою земли, то и тогда для него гораздо выгоднѣе имѣть по сосѣдству крестьянъ, у которыхъ земледѣліе находится въ хорошемъ состояніи: такіе крестьяне, имѣя свободное время отъ собственныхъ полевыхъ занятій, представляютъ собою для землевладѣльца вполне годныя рабочія руки, вооруженныя притомъ надлежащимъ земледѣльческимъ инвентаремъ, а слѣдовательно, трудъ такихъ крестьянъ для землевладѣльца-хозяина гораздо выгоднѣе, чѣмъ трудъ не привыкшихъ къ правильному веденію дѣла рабочихъ, являющихся на работу съ плохими земледѣльческими орудіями» *). Справедливость этого мнѣнія подтверждается и самими владѣльцами, которые, «независимо отъ того, какъ ведется ихъ собственное хозяйство, и въ какомъ оно находится положеніи», въ своихъ отзывкахъ, доставленныхъ управѣ, «все указываютъ на существованіе тѣсной связи между хозяйствомъ частнаго владѣльца и положеніемъ окружающаго населенія. Одни говорятъ, что обработка земли окрестными крестьянами не удалась, или невозможна, такъ какъ взявшись за обработку земли съ одной лошадыю, крестьянинъ не справится съ этимъ дѣломъ; другіе указываютъ на поступательное обѣднѣніе чернорабочаго люда, какъ на вредное условіе; почти все, наконецъ, дѣлаютъ указаніе на фабрики, какъ элементъ, отвлекающій населеніе отъ земледѣлія и тѣмъ тормозящій успѣхи частнаго хозяйства. Словомъ, общая черта всехъ отзывовъ та, что *обѣднѣніе крестьянъ, разрушеніе ихъ земледѣльческаго хозяйства вредно отзывается на культуру частныхъ имѣній*», и это потому, что большинство хозяйствъ Московской губерніи, «не имѣя возможности обходиться тѣми рабочими силами, которыя существуютъ въ имѣніи въ видѣ постоянныхъ вольнонаемныхъ рабочихъ, должны прибѣгать къ помощи сосѣдей-крестьянъ; между тѣмъ, если окрестные крестьяне находятся въ плохомъ земледѣльческомъ состояніи, то рассчитывать на помощь ихъ почти невозможно и добыть ее затруднительно» **). Правда, на ряду съ приведенными мнѣніями слышатся и противоположныя, утверждающія, что «для поднятія уровня сельско-хозяйственной культуры необходимо полное нищенство крестьянъ, которое бы заставило ихъ работать на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ изъ-за куска хлѣба», ибо «только нищій, безпріютный, безземельный рабочій можетъ представить собою въ рукахъ частнаго землевладѣльца-хозяина настоящее орудіе для улучшенія земле-

*) Крестьянское хозяйство. „Сборникъ“, т. II, стр. 58.

***) Каблуковъ. Очеркъ хозяйства частныхъ землевладѣльцевъ. „Сборникъ“, т. V, вып. I, стр. 193.

дѣля, только съ такими рабочими можно братья за всякія сельско-хозяйственныя предпріятія и усовершенствованія»; но подобныя мнѣнія высказываются только такими владѣльцами, которые «сами или совѣмъ почти ничѣмъ не занимаются, или же занимаются такими производствами, при которыхъ рабочій не можетъ ни украсть, ни испортить чего-либо», настоящіе же сельскіе хозяева такого мнѣнія не раздѣляютъ *). Мы не имѣли случая провѣрить справедливость сказаннаго по другимъ губерніямъ, но полагаемъ, что тотъ же фактъ—процвѣтаніе владѣльческихъ хозяйствъ, подъ вліяніемъ благосостоянія и хозяйственной исправности крестьянъ, не можетъ не повторяться и въ другихъ мѣстностяхъ.

Такимъ образомъ, подъемъ крестьянскаго благосостоянія составляетъ одно изъ средствъ для улучшенія хозяйствъ владѣльческихъ, а улучшеніе послѣднихъ является, въ свою очередь, вѣрнѣйшимъ средствомъ для удержанія земель въ рукахъ ихъ нынѣшнихъ владѣльцевъ—дворянъ, вынужденныхъ въ настоящее время продавать свои имѣнія, вслѣдствіе ихъ бездоходности. Ни учрежденіе маіоратовъ, о которыхъ хлопочетъ Смоленское дворянство, ни противодѣйствіе крестьянамъ въ покупкѣ земель, ни даже совершенное запрещеніе такой покупки не въ силахъ удержать земли въ дворянскихъ рукахъ, если земли эти не будутъ приносить дохода. Распродажу дворянскихъ имѣній остановить невозможно, и вопросъ сводится къ тому, въ рукахъ какого общественнаго класса желательно видѣть эти имѣнія. Въ смыслѣ государственномъ, несомнѣнно, слѣдуетъ желать, чтобы земли находились въ рукахъ земледѣльца, какимъ у насъ пона является почти исключительно крестьянинъ; что же касается до интересовъ дворянства, какъ сословія, то и оно едва-ли что-либо потеряетъ, если мѣсто землевладѣльца—дворянина займетъ крестьянская община. Если дворянство не уступитъ этой послѣдней, оно должно будетъ уступить—и, дѣйствительно, уступаетъ—классу торговому, а какъ этотъ классъ относится къ общественной дѣятельности, мы видимъ изъ практики городского управленія. Едва ли можно ожидать полезныхъ результатовъ отъ перехода и земскаго самоуправленія въ руки того класса, который господствуетъ въ самоуправленіи городскомъ.

Наше «обозрѣніе» приняло слишкомъ большіе размѣры, а потому мы должны отложить разсмотрѣніе проектовъ организаціи мелкаго поземельнаго кредита до другаго раза. Пока мы приведемъ только свѣдѣнія о постановленіяхъ земскихъ собраній по вопросу о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія.

— Костромское губернское разсматривало, какъ сообщаетъ *Русскій Курьеръ*, ходатайство кинешемскаго земства о выдачѣ ему заимообразно 10.000 рублей, для оказанія пособія крестьянамъ на приобрѣтеніе ими оставшихся за надѣ-

*) Орловъ, указ. м.

земъ земель. Губернская земская управа, докладывая объ этомъ губернскому земскому собранію, высказала свое мнѣніе, что обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія крестьянъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ количества земли, находящейся въ ихъ распоряженіи; но такъ какъ надѣлы, въ большинствѣ случаевъ, *недостаточны для сколько-нибудь удовлетворительно веденія сельскаго хозяйства*, ибо крестьяне вынуждены арендовать пашенца для скота, то единственною мѣрой, могущей исправить этотъ недостатокъ, по мнѣнію управы, оказывается приобрѣтеніе крестьянами въ собственность отрѣзанныхъ отъ ихъ надѣловъ земель. Достиженіе этой цѣли, при полномъ отсутствіи кредита, для крестьянъ возможно лишь при участіи земства. Поддержанное такими ясными и неотразимыми аргументами губернской управы ходатайство Кинешемскаго земства представлено было на усмотрѣніе губернскаго собранія, которое и передало этотъ вопросъ въ приготовительную комиссію. Последняя, принимая во вниманіе, что нужды подобнаго рода являются не въ одномъ только уѣздѣ губерніи, а во всѣхъ, представила собранію докладъ, въ которомъ предлагало ему — изъ того меньшаго запаснаго земскаго капитала, который имѣется въ немъ въ данное время, отчислить 24.000 руб., въ видѣ основнаго фонда для заимообразныхъ ссудъ уѣзднымъ земствамъ, по ихъ требованію, и удовлетворить справедливое ходатайство Кинешемскаго земства, высказывая при этомъ, что болѣе подробная разработка этого вопроса и основаніе денежнаго фонда, для вспоможенія крестьянамъ всей губерніи, при покупкѣ ими земель, въ настоящее время для земства совершенно невозможны.

Кромѣ того приготовительная комиссія внесла предложеніе, чтобы ссуды давались только крестьянскимъ обществамъ, какъ крупнымъ, такъ и мелкимъ, связаннымъ между собою общиннымъ землевладѣніемъ, какъ болѣе тѣснымъ и надежнымъ, и чтобы ссуды ни въ какомъ случаѣ не выдавались отдѣльнымъ личностямъ, хотя бы и изъ крестьянскаго сословія. При томъ же, чтобы покупка земель крестьянскими обществами могла дѣйствительно принести пользу всѣмъ и не оглащать многихъ, крестьянскія общества должны представить въ уѣздныя земскія управы общественные приговоры о желаніи воспользоваться ссудой по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ своихъ членовъ. Дальнѣйшая же разработка возлагается, по мнѣнію комиссіи, на уѣздныя земства. Докладъ приготовительной комиссіи въ первое засѣданіе принять однако не былъ, не смотря на то, что большинство было съ нимъ согласно.

На другой день приготовительная комиссія вновь внесла проектъ и измѣнила въ немъ только размѣръ ссуды уѣзднымъ земствамъ, а именно не болѣе 5.000 руб. Собраніе приняло проектъ.

— Псковское земство, какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты *Молва*, разсматривало вопросъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ. Губернская земская управа предложила собранію проектъ устройства мелкаго земельного кредита, причемъ, по ея мнѣнію, кредитъ этотъ долженъ быть открытъ только для сельскихъ обществъ. Собраніе, признавая, что сельскія общества представляютъ больше гарантій для уплаты ссуды, чѣмъ отдѣльныя лица, постановило допустить кредитъ и отдѣльнымъ лицамъ, если сельское общество обяжется отвѣтствовать за этихъ лицъ.

— Херсонское губернское собраніе отпустило 13.000 руб. на выдачу заимообразно крестьянскимъ обществамъ на покупку земель и постановило ходатайствовать передъ министерствомъ государственныхъ имуществъ о выясненіи участія земства въ томъ, чтобы казенныя земли поступали въ непосредственное арендное пользованіе крестьянскихъ обществъ, а не спекулянтовъ, а также на какихъ условіяхъ земли эти могли бы приобрѣтаться тѣми обществами.

Кромѣ того, собраніе просило гласнаго кн. Будаева составить записку о томъ, на какихъ началахъ земскій банкъ Херсонской губерніи могъ бы содѣйствовать крестьянскимъ обществамъ въ приобрѣтеніи земель. («Сборникъ Херсонскаго з.» 1879 г. № 4).

— Уфимское губернское собраніе обсуждало докладъ управы «по поводу содѣйствія переселяющимся въ Уфимскую губернію крестьянамъ въ приобрѣтеніи земель». Во время происходившихъ по этому предмету преній, гласными было высказано, что колонизація Уфимской губ., въ виду громадности пространства ея и незначительности населенія, представляетъ неотложную и насущную потребность, и что только путемъ этой колонизаціи возможно развитіе экономическихъ силъ ея, при чемъ большинство гласныхъ призвали необходимымъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи какаго либо кредитнаго установленія, для выдачи ссудъ на приобрѣтеніе земель крестьянамъ, переселяющимся въ Уфимскую губернію изъ внутреннихъ малоземельныхъ губерній. Собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи кредитнаго установленія, для содѣйствія переселенцамъ въ приобрѣтеніи земель, путемъ выдачи имъ денежныхъ ссудъ отъ казны. („Вѣстникъ Уфимскаго земства“, 1880 г., № 1).

— Ярославское губернское собраніе передало составленный губернскою управою проектъ устава „земскаго выкупнаго банка Ярославскаго губернскаго земства“ на разсмотрѣніе комиссіи. Протоколы засѣданій этой комиссіи начали печататься въ „Вѣстникѣ Ярославскаго земства“ (1879 г., №№ 89—90).²

— По словамъ газеты *Берегъ* (№ 18), нѣсколько времени тому назадъ, вдовою Н. Ф. Ржавскаго, въ исполненіе желанія покойнаго мужа, пожертвованъ капиталъ въ 30 т. руб. на основаніе въ с. Большомъ (въ 8 верстахъ отъ Пронска, Рязанской губ.) банка, главнымъ образомъ съ цѣлью оказанія обществамъ крестьянъ уѣзда содѣйствія къ приобрѣтенію ими земель въ собственность. Банкъ этотъ долженъ состоять при Пронскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи подъ отвѣтственностію и наблюденіемъ пронскаго земства, передъ которымъ онъ исключительно и обязанъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Для указанной цѣли, банкъ имѣетъ право выдавать заимообразно долгосрочныя ссуды, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: Право на полученіе этой ссуды имѣютъ лишь общества крестьянъ Пронскаго уѣзда, притомъ при покупкѣ ими имѣній лишь въ предѣлахъ этого уѣзда и въ общую собственность дѣлаго крестьянскаго общества; ссуда выдается въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ покупной цѣны земли, а остальную часть этой цѣны, т. е. $\frac{9}{10}$ общества должно уплатить продавцу земли изъ собственныхъ средствъ. Ссуда пополняется въ теченіи надлежащаго количества лѣтъ, считая за одну по 7% въ годъ и по 2% въ погашеніе, причемъ, такимъ образомъ, размѣръ суммы процентовъ ежегодно долженъ будетъ уменьшаться, пока, наконецъ, все имѣніе не будетъ выкуплено; причемъ, однако, дозволяется, по желанію общества крестьянъ, погашать ежегодно и больше чѣмъ 2%; въ такомъ случаѣ и проценты, конечно, будутъ считаться лишь съ оставшейся въ долгу суммы. Проценты платятся на ссуду 2 раза въ годъ: 1 октября и 1 апрѣля, а деньги въ погашеніе въ размѣрѣ 2%—разъ въ годъ, 1 октября, причемъ въ первый годъ % платятся такимъ образомъ, чтобы сумма этихъ платежей до 1 октября или 1 апрѣля, смотря по тому, что ближе въ этотъ годъ, была присчитана къ первому слѣдующему полугодовому платежу. Платежъ же 2% начинается со втораго года. Сельское общество крестьянъ, желающихъ получить ссуду на приобрѣтеніе въ собственность земли на указанныхъ выше основаніяхъ, должно представить непремѣнному члену Пронскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присут-

ствія: а) письменное, засвидѣтельствованное въ мѣстномъ волостномъ правленіи, условіе общества съ владѣльцемъ объ условіяхъ продажи, съ обозначеніемъ количества, качества, границъ и покупной цѣны угодій, составляющихъ предметъ сдѣлки, и б) постановленный при участіи всѣхъ домохозяевъ общества, имѣющихъ право голоса на сельскомъ сходѣ, приговоръ объ испрошеніи денежной ссуды на покупку означенныхъ въ условіи земель и о принятіи на себя, за круговымъ ручательствомъ, какъ отвѣтственности за исправность платежей по ссудѣ, такъ и обязательства уплатить изъ собственныхъ средствъ, немедленно по разрѣшеніи ссуды, $\frac{1}{10}$ часть покупной цѣны. Непремѣнный членъ, на основаніи произведенной имъ затѣмъ повѣренъ и удостовѣренія въ правильности всего изложеннаго, представляетъ свое заключеніе, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ мірскимъ приговоромъ и условіемъ, въ разанское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которое уже постановляетъ окончательное опредѣленіе о разрѣшеніи обществу купить землю или объ отказѣ въ этомъ. Въ случаѣ разрѣшенія, уполномоченные отъ общества представляютъ всѣ документы въ правленіе банка, которое и разрѣшаетъ ссуду, если по состоянію кассы банка найдется это возможнымъ. Въ мѣсячный срокъ, по разрѣшеніи банкомъ ссуды, общество крестьянъ должно внести въ кассу банка $\frac{1}{10}$ часть покупной цѣны и $\frac{1}{100}$ за 1-е полугодіе; затѣмъ банкъ отсылаетъ всѣ документы къ одному изъ нотаріусовъ для совершенія купчей крѣпости, которая совершается и утверждается на общемъ основаніи, съ тѣмъ лишь добавленіемъ, что: а) въ самой купчей объявляется о подлежащей къ выдачѣ ссудѣ и б) при утвержденіи купчей старшій нотаріусъ накладываетъ на купленное имѣніе запрещеніе, а затѣмъ самую купчую выдаетъ продавцу, который, представивъ ее въ банкъ, получаетъ всю ссуду и $\frac{1}{10}$ часть цѣны, представленную обществомъ крестьянъ. Послѣ этого имѣніе вводитъ крестьянамъ во владѣніе мѣстнымъ мировымъ судьей, на основаніи исполнительнаго листа, выдаваемого окружнымъ судомъ. Впродолженіе до погашенія ссуды, обществу крестьянъ запрещается продавать, закладывать или отчуждать инымъ способомъ купленную при содѣйствіи банка землю, а равнымъ образомъ запрещается и отдавать ее въ аренду постороннимъ лицамъ, болѣе, чѣмъ на одинъ посѣвъ. Въ теченіи означеннаго времени увольненіе изъ такихъ обществъ отдѣльныхъ членовъ допускается не иначе, какъ при соблюденіи правилъ, установленныхъ въ ст. 173. пол. о вык.; за не взносъ въ срокъ процентовъ и постановленія полагаются пени по $\frac{1}{2}$ копѣйки съ рубля въ мѣсяцъ на сумму невнесенныхъ процентовъ погашенія. Затѣмъ, при пропускѣ двухъ срочныхъ платежей, банкъ назначаетъ имущество это въ продажу съ публичнаго торга, которая и производится тѣмъ же порядкомъ, какъ и при просрочкѣ платежей вообще по залогамъ недвижимыхъ имуществъ въ банкѣ, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что: а) торговый листъ составляется правленіемъ безъ описи, прямо по документамъ, имѣющимся въ правленіи; б) въ случаѣ недостатка вырученной суммы для полнаго погашенія ссуды процентовъ и всѣхъ пеней и платежей, — остальная часть суммы взыскивается черезъ мѣстную полицію съ остальнаго движимаго и недвижимаго имущества общества крестьянъ, получившихъ ссуду, и в) въ случаѣ остатка при продажѣ, за погашеніемъ всего долга банку, — остатокъ этотъ отсылается въ земскую управу на предметъ уплаты за общество всѣхъ сборовъ и повинностей на будущее время, безъ выдачи денегъ на руки самому обществу и съ положеніемъ этихъ денегъ въ количествѣ, по расчету управы, въ этотъ же банкъ для приращенія процентовъ и для постепенной траты этихъ денегъ, по мѣрѣ надобности, именно на вышесказанный предметъ. На вкладъ этотъ, изъ 5% годовыхъ, выдается особый билетъ, съ объясненіемъ назначенія этого капитала.

Одно изъ земствъ Приволжскаго края *)).

(ОЧЕРКЪ).

II.

Выполненіе повинностей, расходовъ и дѣлъ.

(Продолженіе).

На ветеринарную часть Карсунское земство обращало мало вниманія. Ежегодно въ распоряженіе управы ассигнуется 1000 р. для принятія мѣръ противъ эпидемій и эпизоотій. Изъ этой суммы, управа расходуетъ, и то только въ послѣдніе годы, половину или около того, на наемъ одного или двухъ ветеринарныхъ фельдшеровъ, которыхъ и командируетъ въ мѣста, гдѣ появляются падежи, снабжая ихъ медикаментами. Въ 1878 году управа представила собранію проектъ устройства ветеринарной части, собраніе отложило это дѣло до слѣдующаго года, а въ послѣднюю сессію нашло, что это дѣло губернскаго земства, а не уѣзднаго.

Второй по значительности необязательный расходъ Карсунскаго земства, есть расходъ на дѣло народнаго здравія. Израсходованные земствомъ на этотъ предметъ 48 т. рублей, по годамъ распредѣляются такъ:

1866	—	1871	1½ т.	1876	9 т.
1867	1 т.	1872	2	1877	5
1868	1	1873	2	1878	5
1869	1	1874	3	1879	5½
1870	1	1875	3½	1880	7½

Изъ этихъ 48 т., 43 даны земствомъ въ распоряженіе училищнаго совѣта, 4 употреблены на учрежденіе стипендіи при Симбирской классической гимназій и 1 т. на выдачу пособій для окончанія образованія. Ассигнуя въ распоряженіе училищнаго совѣта ежегодно отъ 1 т. до 5, земское собраніе предоставляло назначеніе предметовъ, на которые должны были расходоваться эти деньги, всецѣло училищному совѣту, а само довольствовалося выслушиваніемъ краткихъ, и то не каждый годъ представляв-

*) Смот. «Русская Мысль» Февраль и Мартъ.

лихся ему, отчетовъ о положеніи народныхъ школъ въ уѣздѣ. Только въ послѣднюю сессію свою, собраніе, выслушавъ сообщеніе инспектора училищъ, ассигновало на текущій 1880 г. 5 т. по примѣру прежнихъ лѣтъ; въ безотчетное, такъ сказать, распоряженіе училищнаго совѣта и 2 т. исключительно на увеличеніе содержанія преподавателей. Дальнѣйшее участіе Карсунскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія исчерпывается настояніемъ собранія, чтобы образцовое двухклассное училище, устроенное частью на средства казны, частью на деньги училищнаго совѣта и сельскаго общества, было открыто не въ с. Анненковѣ, какъ то предполагалось, а въ Жадовкѣ,—селѣ болѣе торговомъ и населенномъ, и хлопотами о сосредоточеніи училищнаго сбора съ сельскихъ обществъ въ рукахъ училищнаго совѣта. Еще до открытія, въ 1874 году, сего послѣдняго въ его новомъ составѣ, $\frac{1}{3}$ часть общественнаго душеваго на народныя школы сбора, представлялась волостными превленіями въ совѣтъ, который на эти деньги приобрѣтала учебныя пособія. 7 октября 1875 года состоялось слѣдующее постановленіе земскаго собранія:

«Во вниманіе къ тому, что сборъ на учебную часть собирается съ каждой волости неуравнительно съ другими волостями и, что учителя находятся въ зависимости отъ сельскихъ обществъ, относительно своего содержанія, что лишаетъ возможности имѣть хорошихъ учителей—пригласить сельскія общества чрезъ управу: а) производить уравнительный сборъ на учебную часть въ размѣрѣ 20 к. съ души и б) сборъ этотъ представить въ распоряженіе училищнаго совѣта.»

На это постановленіе послѣдовалъ протестъ губернатора, въ которомъ высказано слѣдующее:

«По ст. 12 Высочайше утвержденнаго 25 мая 1874 года положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, размѣръ содержанія и порядокъ отчетности въ денежныхъ суммахъ по начальнымъ народнымъ училищамъ устанавливается тѣми вѣдомствами, на счетъ которыхъ училища учреждены и содержатся, въ распоряженія же по всѣмъ этимъ предметамъ училищныя совѣты не входятъ. На этомъ основаніи комитетъ министровъ отклонилъ ходатайство Сибирскаго губернскаго земскаго собранія сессіи 1873 года, о сосредоточеніи въ вѣдѣніе училищныхъ совѣтовъ ассигнуемыхъ сельскими обществами и земствомъ суммъ на народныя школы.»

Въ силу этихъ соображеній, губернаторъ находилъ, что Карсунское земское собраніе не имѣетъ права ни устанавливать размѣра сборовъ съ сельскихъ обществъ на народныя училища, ни постановлять опредѣленія о представленіи собираемыхъ суммъ въ распоряженіе училищнаго совѣта.

Съ протестомъ этимъ собраніе согласилось, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, 6 Октября 1876 года постановило:

«Ходатайствовать передъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ о сосредоточеніи существующаго съ крестьянъ сбора на учебную часть въ распоряженіе училищнаго совѣта. Предварительно этого ходатайства поручить

управѣ спросить сельскія общества, не пожелаютъ ли они этотъ сборъ предоставить въ распоряженіе училищнаго совѣта, которому отпустить, какъ я въ прошломъ году, 5 т. рублей, но съ тѣмъ чтобы изъ этой суммы выдавались пособія тѣмъ лишь обществамъ, которыя согласятся на сосредоточеніе сбора.»

Ходатайство министромъ отклонено, что же касается до добровольнаго подчиненія желанію собранія, то, благодаря настояніямъ членовъ училищнаго совѣта, большинство которыхъ состоятъ и членами уѣзднаго крестьянскаго присутствія, большая часть волостей подчинилась этому требованію.

Вопросъ о распоряженіи училищными суммами занималъ и озабочивалъ многія земства и нѣкоторыя изъ нихъ пришли къ удовлетворительному разрѣшенію его. Такъ, наприимѣръ, въ Сапожковскомъ земствѣ (Рязанской губерніи) всѣ училищныя суммы сосредоточиваются въ земской управѣ*), которая расходуетъ ихъ по ассигновкамъ двухъ членовъ училищнаго совѣта, избираемыхъ земскимъ собраніемъ, и руководящихся въ выдать этихъ ассигновокъ распоряженіями и постановленіями собранія. Такимъ образомъ, все дѣло находится въ рукахъ земства. Совѣтъ не то въ Карсунскомъ уѣздѣ. Карсунское земство, держась само вдали отъ училищнаго дѣла, сторонясь отъ него, съуживая свое въ немъ участіе до одного только ассигнованія суммъ въ распоряженіе училищнаго совѣта, назойливо и настойчиво вмѣшивается, не имѣя на то никакого права, въ отношенія сельскихъ обществъ къ училищному совѣту. Совѣтъ этотъ — учрежденіе, по составу своему, весьма пестрое, далеко не земское, и для отправленія своихъ обязанностей не часто, — даже не періодически собирающееся. Въ Карсунскомъ совѣтѣ дѣла накапливаются и залеживаются. Въ 1875 году члены совѣта отъ земства докладывали собранію, что ассигнованная земствомъ въ предшествовавшемъ году сумма вся цѣла, вслѣдствіе того, что совѣтъ *не успѣлъ* (это въ теченіе года?!), дать этимъ деньгамъ какое-либо назначеніе, и, хотя въ томъ же докладѣ, члены отъ земства обѣщаютъ собранію, что *«всякія неблагоприятныя условія для успѣха въ дѣлѣ учебномъ будутъ училищнымъ совѣтомъ устранены»*, но это хвастливое обѣщаніе осталось, какъ и нужно было ожидать, однимъ только обѣщаніемъ, и въ Карсунскомъ уѣздѣ, какъ и вездѣ, народной школѣ долго еще придется, бороться съ разными препятствіями и неблагоприятными условіями. Въ ряду послѣднихъ, видное мѣсто занимаетъ бездѣтельность членовъ училищныхъ совѣтовъ. Мы уже сказали, что въ Карсунскомъ уѣздѣ земское собраніе не всегда даже поставляется избираемыми изъ среды его членами совѣта въ извѣстность о томъ, какъ идетъ въ уѣздѣ дѣло народнаго образованія. Одинъ изъ членовъ Карсунскаго совѣта, бу-

*) На это сельскія общества Сапожковскаго уѣзда согласились въ виду поддержки, оказываемой училищамъ со стороны земства.

лучи избранъ на эту должность земскимъ собраніемъ въ 1877 году и, оставаясь въ ней до сихъ поръ, не былъ ни разу въ засѣданіи совѣта и не посѣтилъ ни одной школы, даже той, которая находится у него въ имѣніи. Земскимъ собраніямъ трудно, часто даже невозможно, сдѣлать удачный выборъ. Собраніямъ, въ большинствѣ случаевъ, приходится выбирать или людей занятыхъ, отвлеченныхъ другими обязанностями; или такихъ, которые руководить дѣломъ народнаго образованія и не хотятъ, и не могутъ—не умѣютъ. При нынѣшнемъ составѣ училищныхъ совѣтовъ, единственная рабочая въ нихъ сила это—представители министерства народнаго просвѣщенія, инспекторъ и штатный смотритель. Если въ училищныхъ совѣтахъ что дѣлается, то дѣлается ими, но у нихъ свое специальное назначеніе, сами они люди пришлые, не земскіе и земство разсчитывать на нихъ не можетъ и не должно. И, вмѣсто того, чтобы безъ всякаго права вмѣшиваться въ дѣла сельскихъ обществъ и волостныхъ правленій, Карсунскому земству не мѣшало бы принять на себя весь расходъ по народнымъ училищамъ, а завѣдываніе ихъ хозяйственной частію поручить своей управѣ. Это было бы и болѣе справедливо, и болѣе соответственно требованіямъ закона, правамъ и обязанностямъ земскихъ учреждений и пользѣ, столь великаго и святаго дѣла. Тогда бы хозяйственная часть училищъ велась хозяйственнымъ учрежденіемъ и земство, хотя бы только съ этой стороны, сблизилось съ народной школой и, сроднившись съ нею, сдѣлало бы для нее возможное, предоставивъ училищному совѣту *стоять на стражѣ*, въ чемъ собственно и заключаются главная его обязанность и цѣль его послѣдней реорганизаци. Бремя расходовъ ложилось бы и менѣе чувствительно, и болѣе равномерно, не отягощая собою одно сословіе въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ затронуты не интересы того или другаго села или деревни, не интересы даже Карсунскаго земства, а надежды и умованія всего государства. Дѣйствуя въ такомъ направленіи, Карсунское земство работало бы на почвѣ до известной степени подготовленной, такъ какъ изъ отчета инспектора народныхъ училищъ Карсунскаго уѣзда о состояніи этихъ училищъ въ 1878 году видно, что въ 79 году въ Карсунскомъ уѣздѣ состояло училищъ:

Городскихъ:	мужское	1
	женское	1
Сельскихъ:	мужскихъ	53
	женское	1
	для обоого пола	34

Всего: 90.

Въ видѣ училось:	мальчиковъ	2,687
	дѣвочекъ	258

Всего: 2,945 учениковъ.

Преподаваніемъ занимались: 62 учителя, 12 священниковъ и 16 учительницъ. Законоучителей было 63.

Въ училищныхъ библіотенахъ находится 4,731 томъ, съ 4,396 названіями.

Въ 1878 году израсходовано:

На жалованье учителямъ и награды имъ	18,000 р. *)
На постройку и исправленіе училищныхъ зданій	3,000 >
На отопленіе и освѣщеніе	4,000 >
На покупку письменныхъ принадлежностей	1,500 >
На покупку книгъ	4,000 >

Всего: 30¹/₂ т. р. Осталось на 1879 г. 1,300 р.

Средства эти доставлены:

Сельскими обществами	18,900 р.
Училищнымъ совѣтомъ	8,150 >
Городомъ	1,650 >
Частными лицами	1,000 >
Церковными попечительствами	150 >
Государственнымъ казначействомъ	200 >
Остатки отъ прежнихъ лѣтъ	1,750 >

Съ нынѣшняго года учителя будутъ подраздѣляться на три разряда, съ такими нормами годоваго содержанія:

Перваго разряда не менѣе	240 р.
Втораго > > >	150 >
Третьяго > > >	120 >
Законоучителя > >	36 >

Для установленія этихъ нормъ инспекторъ испрашивалъ у собранія ассигнованія 2,000 р., что, какъ мы видѣли, собраніе исполнило.

Прежде школъ въ Карсунскомъ уѣздѣ было больше. Сельскія общества охотно ихъ заводили и въ 1876 году училищъ насчитывалось 104, въ коихъ обучалось: 2,185 мальчиковъ и 208 дѣвочекъ. Но одновременно съ увеличеніемъ числа учащихся на 552 ученика, 14 школъ прекратили свое существованіе за недостаткомъ средствъ.

Вотъ все, что можно сказать относительно участія Карсунскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія.

Затѣмъ идетъ группа расходовъ и дѣлъ, имѣющихъ между собою нѣкоторую общность въ затрогиваніи мѣстныхъ экономическихъ интересовъ. Таковы расходы и дѣла по пожарной части и мѣры, клонящіяся къ развитію сельскаго хозяйства, торговли, промысловъ и сношеній.

Въ числу мѣръ по пожарной части принадлежитъ обязательное для всѣхъ земствъ снятіе плановъ на селенія и отводъ по этимъ планамъ мѣстъ послѣ пожаровъ. Карсунское земство, начавъ снятіе плановъ въ 1875 году, ежегодно расходуетъ на этотъ предметъ отъ 1¹/₂ до 2 т. рублей. Землемѣры, занимающіеся этимъ дѣломъ, получаютъ отъ земства по 20 и 25 к.

*) Всѣ эти суммы взяты круглыми цифрами.

съ каждаго двора. Въ 1879 году изъ 224 находящихся въ уѣздѣ селеній запланировано было 145.

По постановленію губернскаго земства съ сельскихъ обществъ ежегодно собирается около 4 т. рублей на наемъ сельскихъ трубочистовъ. Деньги эти собираются по утверждаемой уѣзднымъ собраніемъ разверсткѣ, на каждую трубу въ селеніи приходится отъ 6 до 11 к. Всѣхъ трубочистовъ въ уѣздѣ полагается 59 и жалованье имъ назначено отъ 30 до 60 р. въ годъ. Собранныя съ сельскихъ обществъ на этотъ предметъ суммы поступаютъ въ распоряженіе уѣздной управы, которая должна нанимать трубочистовъ и слѣдить за ихъ дѣйствіями. Каждую сессію Карсунское собраніе подымаетъ вопросъ о бесполезности найма трубочистовъ и о напрасномъ обремененіи сельскихъ обществъ этимъ расходомъ. Всѣ гласные единодушно указываютъ, что мѣра, придуманная губернскимъ земскимъ собраніемъ нелѣпа, что трубочисты эти вовсе не нужны, что они ничего не дѣлаютъ, получаютъ даромъ деньги и представляютъ собою какихъ-то земско-общественныхъ пенсіонеровъ. Бывали случаи, что домохозяева, кто угощеніемъ, кто деньгами отдѣлывались отъ должностнаго трубочиста изъ боязни, что онъ испортитъ имъ печи и трубы. Но Симбирское губернскаго собраніе крѣпко держится за свое остроумное изобрѣтеніе и своего постановленія относительно трубочистовъ не отмѣняетъ. Въ виду этого Карсунское земство пустилось на хитрости: собраніе обязываетъ управу нанимать только такихъ трубочистовъ, которые хорошо знаютъ свое дѣло. Управа вызываетъ трубочистовъ, дѣлаетъ имъ экзаменъ, находитъ, что они почти всѣ дѣла своего не знаютъ,—мѣста ихъ остаются вакантными, а сборъ изъ года-въ-годъ не израсходованнымъ. Такъ, въ 1878 году вмѣсто 59 положенныхъ по штату трубочистовъ на службѣ состояло всего 22 и изъ 4,046 р., собранныхъ съ трубовладѣльцевъ, израсходовано 718 р.*)

Въ 1875 году уѣздное собраніе постановило учредить при управѣ депо пожарныхъ трубъ, изъ котораго землевладѣльцы и сельскія общества могли бы прибрѣтать ихъ по покупной оптомъ цѣнѣ и, въ случаѣ желанія, съ разсрочкой платежа. Для этого собраніе открыло управѣ кредитъ въ 2,000 р., а губернская управа ссудила 7,000 р. изъ страховаго капитала. На эти деньги Карсунская управа, въ 1877—78 годахъ, выписала изъ Москвы отъ Листа 83 трубы, которыя съ доставкой обошлись по 123 рубля. 70 трубъ взяли сельскія общества, а 7—землевладѣльцы. Для починки портящихся отъ употребленія трубъ устроена въ городѣ кузница и при управѣ держится машинистъ.

Въ послѣднюю сессію былъ поднятъ въ уѣздномъ собраніи вопросъ о системѣ построекъ безопасныхъ отъ огня, о постройкахъ глинобитныхъ и

*) По дошедшимъ до насъ частнымъ свидѣніямъ Симбирское губернскаго земское собраніе отступило, наконецъ, отъ своего изобрѣтенія и отмѣнило на будущее время наемъ трубочистовъ.

малороссійскихъ крышахъ. Вопросъ этотъ разрѣшенъ ассигнованіемъ 500 р. на наемъ мастеровъ для обученія крестьянъ устройству крышъ малороссійскимъ способомъ. Мѣра, пожалуй, и полезная, но не настолькоъ, какъ увѣрили нѣкоторые гласные, указывавшіе на эти крыши, какъ на главную причину того, что въ Малороссіи пожары легко тушатся и не принимаютъ большихъ размѣровъ. Крыши—крышами, но кромѣ того въ Малороссіи сами постройки, обмазанныя глиною, представляютъ собою мало воспламеняемости, а главное усадьбы окружены садами, — въ большихъ, богатыхъ слободахъ буквально тонуть въ вишняхъ и черешняхъ. Въ Заднѣпровской части Малороссіи усадьбы не идутъ правильными улицами, а раскинуты, удалены другъ отъ друга и, что всего важнѣе, они не соединены заборами и плетнями, вмѣсто которыхъ вырыты широкія канавы и подѣланы земляные валы, обсаженные ползучимъ и колючимъ кустарникомъ (дереза). Въ Великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ постройки скучены, садовъ нѣтъ, заборы деревянные—одни малороссійскія крыши дѣлу мало помогутъ.

Каждое лѣто пожары проходятъ уѣздъ изъ конца въ конецъ, уничтожая цѣлыя села, разоряя население, а между тѣмъ въ докладахъ управы читаемъ:

«Что касается до предложенія губернскаго земскаго собранія уѣздной управѣ, употребить свое вліяніе къ принятію землевладельцами званія пожарныхъ старостъ, то желаніе это можетъ быть выполнено управою только при участіи господъ гласныхъ отъ землевладельцевъ, ибо въ нихъ заключается большинство всѣхъ землевладельцевъ Карсунскаго уѣзда. Господа гласные, какъ лично могутъ взяться за дѣло пожарной части, такъ и пригласить къ нему и другихъ, которые не участвуютъ въ собраніи. Вліяніе самой управы на землевладельцевъ безсильно: землевладельцы, принявшіе званіе пожарныхъ старостъ, начали отказываться отъ этой обязанности, не указывая даже уважительныхъ причинъ».

При такомъ отношеніи къ дѣлу болѣе образованной части мѣстнаго населенія безсильны и безпомощны будутъ всѣ мѣры, не помогутъ ни пожарныя трубы, ни малороссійскія крыши.

Мѣры къ развитію торговли и промысловъ предпринимавшіяся Карсунскимъ земствомъ состоятъ исключительно въ разрѣшеніи открытія базаровъ и представленіи губернскому собранію заключеній уѣзднаго, отнюдительно учрежденія ярмарокъ въ томъ или другомъ селѣ. Что же касается до развитія сношеній, то тутъ Карсунское земство старалось много: оно хлопотало, хотя и безуспѣшно о проведеніи желѣзной дороги, отъ Сызрана до Нижняго, которая, прорѣзала бы весь Карсунскій уѣздъ; оно хлопотало объ улучшеніи судоходства по Сурѣ и выхлопотало принятіе министромъ путей сообщеній этого представленія къ свѣдѣнію; оно хлопотало и выхлопотало проведеніе телеграфа въ Карсунъ и Березники; оно затратило болѣе 9 т. рублей на открытіе, въ чужомъ уѣздѣ, вовсе не-

нужнаго ему почтоваго тракта отъ Никулинской станціи Маршанско-Сызранской желѣзной дороги до села Жадовки. Дѣло въ томъ, что земству необходимо было имѣть въ этомъ селѣ приемъ денежной корреспонденціи. Цѣль эта достигалась единовременной затратой 195 рублей требуемыхъ почтовымъ департаментомъ, для открытія почтовыхъ мѣстъ въ селахъ. Почта доставлялась и отвозилась бы казенными почтовыми лошадьми со станціи Юрловки Пензенско-Симбирскаго тракта, отстоящей отъ Жадовки въ 15 верстахъ. Эта скромная потребность земства совпала съ желаніемъ двухъ мѣстныхъ суконныхъ фабрикантовъ имѣть почтовое сообщеніе между ихъ фабриками и желѣзной дорогой и вотъ результатомъ этого совпаденія является открытіе и содержаніе въ теченіи трехъ лѣтъ (а быть можетъ и нѣсколькихъ трехлѣтій), вовсе земству ненужнаго почтоваго тракта, въ чужомъ уѣздѣ, съ тремя станціями и 14 лошадьми, что обходится по 3 т. въ годъ и причемъ одному изъ указанныхъ фабрикантовъ, земство уплачивается за помѣщеніе въ его домѣ одной изъ трехъ станцій по 150 р. въ годъ *).

Съ 1870 года разъ въ недѣлю весь уѣздъ объѣзжала земская почта. Съ 1877 года почта эта объѣзжаетъ уѣздъ по два раза въ недѣлю. По земской почтѣ могутъ посылаться только простыя письма, газеты и журналы. Мѣстами приема и сдачи служатъ волостныя правленія. Съ отправителей платы не взимается. Почтовый персоналъ состоялъ сперва изъ одного почталіона, потомъ изъ двухъ почталіоновъ и сортировщика;—на это затрачивалось въ первые годы по 240 р., а впоследствии по 950 р. На 1880 годъ, въ смѣту внесено 650 р., такъ какъ оставленъ одинъ только почталіонъ, въ виду сокращенія объѣздовъ земской почты, вслѣдствіи открытія казенныхъ станцій съ приемомъ корреспонденціи въ Жадовкѣ и Березникахъ.

На Карсунскую земскую почту много нареканій и притомъ справедливыхъ. Такъ какъ почта эта денегъ не принимала, то крестьяне, во избѣжаніе поѣздки за 50, 60 верстъ сдавали деньги почталіонамъ частнымъ образомъ, а также поручали имъ получать деньги съ казенной почты. Деньги эти почталіонами заматывались и пропивались, письма пропадали, а газеты, въ особенности во время войны, зачитывались по волостнымъ правленіямъ, къ подписчикамъ или вовсе недоходили, или доходили въ изорванномъ и испачканномъ видѣ. Въ Карсунскую почтовую контору поступали отъ получателей просьбы не сдавать ихъ корреспонденціи на земскую почту. Въ виду всего этого, земское собраніе пришло къ убѣжденію въ необходимости воспользоваться тою легкостью, съ которой, на основаніи Высочайше утвержденнаго 11 Декабря 1876 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта, могутъ быть открываемы въ селеніяхъ казенныя почтовыя станціи съ приемомъ корреспонденціи всякаго рода, и, въ послѣднюю сессію, пору-

*) Въ селѣ Никулинѣ.

чло управѣ войти въ соглашеніе съ почтовымъ департаментомъ, объ открытіи такихъ станцій во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ имѣются пункты земскихъ лошадей. Лошади эти будутъ возить казенную почту съ платою прогоновъ отъ казны. По приведеніи этого весьма полезнаго постановленія въ исполненіе земская почта будетъ упразднена.

Заботы о народномъ продовольствіи въ Карсунскомъ уѣздѣ прилагаются исключительно закономъ установленнымъ порядкомъ: имѣются магазины, имѣется продовольственный капиталъ, изъ магазиновъ и капитала выдаются ссуды, накаплиются недоимки, взыскиваются, снова накапливаются,—словомъ все идетъ своимъ порядкомъ, все то же, что и вездѣ, безъ всякаго добавленія отъ земства какихъ либо самобытныхъ мѣропріятій.

Хлѣбныхъ магазиновъ въ Карсунскомъ уѣздѣ 315. Въ нихъ должно быть хлѣба: озимаго 76 т. четвертей и яроваго 38 т. Въ 1 сентября 1878 года состояло озимаго 20 т., яроваго 11½ т., стало быть, 82½ т. четвертей изъ 114 т. состояли въ долгу.

Нѣкоторые сельскія общества имѣютъ свои продовольственные капиталы, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ сумму 8,300 р.

Земская управа старалась завести общественныя запашки, но мѣра эта не привилась. Въ 1877 году такія запашки дѣлались только тремя обществами. Всего засѣяно было 30 десятинъ. О запашкахъ въ 1878 г. свѣдѣній нѣтъ и надо предполагать, что онѣ вовсе не дѣлались.

Изъ губернскаго продовольственнаго капитала, въ 1878 году, по Карсунскому уѣзду, выдано ссудъ на 13 т. р., изъ коихъ 10½ т. на продовольствіе и 2½—на обмѣненіе.

Какъ на дѣло, близкое къ народному продовольствію, можно указать на попытки Карсунскаго земства завести у себя страхованіе отъ градобитій, нерѣдко посѣщающихъ уѣздъ. Земское собраніе составило комиссію для разработкн проекта этого страхованія. Выработанный комиссіей проектъ перенесенъ былъ губернаторомъ въ губернское собраніе;—губернское собраніе нашло, что такое страхованіе должно быть дѣломъ губернскаго земства, а не уѣздныхъ, и своей комиссію поручило составить проектъ губернскаго земскаго страхованія, по составленіи котораго были затребованы заключенія по немъ уѣздныхъ собраній. Уѣздныя собранія обсуждали, спорили, толковали и заключали, а страхованія все нѣтъ и нѣтъ и дѣло это послѣ пятилѣтнихъ хожденій находится повидимому въ застоѣ; намъ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно, гдѣ оно и что съ нимъ.

Другое дѣло, также имѣвшее цѣлью служить интересамъ сельскаго хозяйства, кончилось тоже ничѣмъ. Въ 1871, 72 и 73 годахъ Карсунское земство составило капиталъ въ 14 т. рублей и предназначило его для основанія общества Взаимнаго Кредита. Уставъ этого общества, общій со всѣми уставами подобныхъ кредитныхъ учрежденій, былъ утвержденъ министромъ финансовъ; но такъ какъ въ назначенный срокъ не набра-

лось установленнаго числа желающихъ вступить въ члены этого общества, то открытіе его не состоялось. Два года спустя, а именно, въ 1876 году, въ земское собраніе былъ внесенъ докладъ управы слѣдующаго содержанія:

«Согласно постановленію одного изъ предыдущихъ земскихъ собраній, было собрано 14 т. рублей для учрежденія общества Взаимнаго Кредита. Учрежденіе это не состоялось, а собранный капиталъ, до сей поры не получилъ еще никакого опредѣленнаго назначенія. Предполагавшееся общество Взаимнаго Кредита не могло осуществиться вслѣдствіе стѣснительныхъ для многихъ условій поступленія въ число его членовъ и конкуренціи многихъ другихъ, уже существующихъ обществъ Взаимнаго Кредита. Съ другой стороны, учреждая такое общество, земство передавало, какъ денежные выгоды, которыя могли бы получиться отъ его операций, такъ и самое веденіе этого банковаго дѣла въ другія руки, совершенно для земства чуждыя. Тѣмъ не менѣе потребность въ какомъ-либо учрежденіи, которое снабжало бы мѣстное сельское хозяйство необходимымъ ему оборотнымъ капиталомъ, въ Карсунскомъ уѣздѣ все болѣе и болѣе ощущается. Только правильно установленное кредитное учрежденіе способно оградить сельское хозяйство Карсунскаго уѣзда, этотъ главный источникъ его матеріальнаго благосостоянія, отъ всякаго рода притязаній и стачекъ торговцевъ, покупателей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и иныхъ неблагопріятныхъ, но временныхъ обстоятельствъ и случайностей, порождаемыхъ, болѣею частью, отсутствіемъ у землевладѣльцевъ палочныхъ капиталовъ. Принявъ все это во вниманіе, земская управа имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе земскаго собранія проектъ устава сельско-хозяйственнаго ссуднаго банка, основнымъ капиталомъ котораго могутъ служить указанныя выше 14 т. р. Такъ какъ главная цѣль проектируемаго учрежденія заключается въ содѣйствіи сельскому хозяйству, то казалось бы правильнымъ и вполне цѣлесообразнымъ, *ссудную* форму кредита установить первенствующей операциею этого учрежденія, т. е. чтобы кредитъ пріобрѣтался не лично тѣмъ или другимъ землевладѣльцемъ, а продуктами его хозяйства. Ихъ количествомъ и цѣнностію наиболѣе правильно опредѣляется валовой доходъ хозяйства, его сила, состоятельность, а стало быть, и размѣръ оборотнаго капитала для него потребнаго».

Основанный на этихъ началахъ проектъ, представленный управой, устанавливалъ слѣдующую организацію банка:

Банкъ находится подъ наблюденіемъ уѣздной управы и уѣзднаго собранія, которымъ исключительно обязанъ отчетностію (§ 3); раіонъ его дѣйствій опредѣляется границами Карсунскаго уѣзда (§ 4); кліентуру банка составляютъ исключительно землевладѣльцы и собственники уѣзда, въ предѣлахъ его занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ или имѣющіе фабрики, заводы и промышленныя заведенія, перерабатывающія продукты сельскаго хозяйства, а также вкладчики банка (§ 5); операции банка гарантируются

всѣмъ достояніемъ Карсунскаго земства (§ 6); правленіе банка состоитъ изъ директора и двухъ членовъ, избираемыхъ уѣзднымъ собраніемъ изъ числа гласныхъ или лицъ, имѣющихъ право быть гласными (§ 11); главные операціи банка: а) выдача ссудъ подъ продукты мѣстнаго хозяйства и сельско-хозяйственныхъ промысловъ и б) приѣмъ этихъ продуктовъ на комиссію для продажи; другія операціи производятся банкомъ, какъ вспомогательные обороты, необходимые для выполненія его главнаго назначенія (§ 37 *); сумма обязательствъ банка не должна превышать болѣе чѣмъ въ 10 разъ его основной и запасный капиталы (§ 38); ссуды не должны превышать $\frac{2}{3}$ стоимости залога по справочнымъ цѣнамъ (§ 42); не должны быть менѣе 300 р. на одно лицо (§ 43) и выдаются на срокъ отъ 3 до 9 мѣсяцевъ (§ 44), подъ соло-вексель и особое обязательство заемщика хранить залогъ и отвѣтствовать всѣмъ своимъ имуществомъ (§ 45); банкъ выдаетъ варранты желающимъ получить ссуду изъ другаго кредитнаго учрежденія и при недостаткѣ суммъ въ кассѣ банка (§ 56).

Комиссія, составленная для разсмотрѣнія этого проекта, одобрила его, а экстренное собраніе, бывшее въ Мартѣ 1877 года, представило его на утвержденіе Министра Финансовъ. Министръ Финансовъ уставъ этотъ не утвердилъ во первыхъ потому, что основной капиталъ учреждаемыхъ земствомъ и частными лицами банковъ кратко-срочнаго кредита, согласно Высочайше утвержденнаго 31 Мая 1873 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, не можетъ быть менѣе 500/т. рублей, а во вторыхъ на томъ основаніи, что банкъ, принимающій вклады не можетъ оставлять представляемое въ залогъ имущество исключительно подъ охраною и отвѣтственностью заемщиковъ какъ то устанавливалось проектомъ, а долженъ складывать и хранить это имущество въ особыхъ принадлежащихъ ему складахъ или оставлять подъ надзоромъ служащихъ у него лицъ, чего въ проектѣ устава не указывалось. Само собою разумѣется, что для уѣзднаго земскаго банка и для средствъ уѣзднаго земства составленіе основнаго капитала въ 500/т. — немисливо, что же касается второй половины отказа Министра Финансовъ, то указанное въ ней обстоятельство составляло слабую сторону проекта и при томъ такую, которую нельзя ничѣмъ исправить. Устройство складовъ, перевозка туда закладываемыхъ продуктовъ, наемъ артельщиковъ, смотрителей и т. п. обходились бы слишкомъ дорого; расходы на это не по силамъ приходились бы и заемщикамъ, и банку, съ довольно умѣренными, въ одномъ уѣздѣ вращающимися оборотами. Ради этого приходилось допустить въ проектѣ весьма неудовлетворительно обезпечивающій порядокъ храненія заложеннаго имущества самими заемщиками, подъ страхомъ уголовной отвѣтственности за его растрату. При такомъ порядкѣ легко могла повториться исторія бывшая въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Государственномъ банкѣ, вы-

*) Банкъ принимаетъ вклады на текущій счетъ, до востребованія и въ опредѣленные сроки

давшемъ въ былое время помѣщикамъ ссуды подѣ такіе сельско-хозяйственные продукты, которые, какъ потомъ оказалось, существовали только въ воображеніи закладчиковъ. Приходилось или отдавать цѣлую губернію подѣ судѣ или обратити краткосрочныя ссуды, но суммѣ своей превышавшія 1½ милліона, въ долгосрочный долгъ. Правительство предпочло послѣднее, но за то навсегда отказалось отъ такой системы обезпеченія кредита.

Жалѣтъ Карсунскому земству объ неутверженіи проектированнаго имъ банка—нечего. Несомнѣнно, что учрежденіе, снабжающее кредитомъ хозяйства мѣстныхъ землевладѣльцевъ принесло бы, быть можетъ, нѣкоторую пользу, придавъ немного болѣе устойчивости цѣнамъ на хлѣбъ; но польза эта, или вѣрнѣе помощь, которую банкъ имѣлъ оказывать, была бы крайне односторонняя. Крестьянѣ и мелкіе землевладѣльцы банкомъ не пользовались бы ужъ потому, что предполагалось выдавать ссуды не менѣе 300 рублей, а въ дѣйствительности, и такія ссуды не брались бы, такъ какъ только значительно болѣе крупныя ссуды могли бы выдерживать тѣ расходы, которые нужно было произвести при залогѣ на поѣздку членовъ банка для осмотра закладываемаго, на перевѣшиваніе и т. п. Банкомъ пользовались бы одни только хозяйства крупныхъ землевладѣльцевъ. Правда, въ 97 § проекта говорится, что послѣ того, какъ запасный капиталъ банка достигнетъ размѣра основнаго т. е. 14/т. рублей, прибыль банка назначается преимущественно на удовлетвореніе нуждъ народнаго образованія и на организацію сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Но это представляется въ такомъ отдаленномъ, туманномъ и неясномъ будущемъ, въ такой зависимости отъ благопріятнаго хода дѣла банка, отъ благонадежности и добросовѣстности его заемщиковъ, что крестьянамъ и мелкимъ землевладѣльцамъ, не имѣющимъ по нѣскольку тысячъ «четвертей» продажнаго хлѣба, жалѣтъ объ неутверженіи устава банка—нечего. Да по видимому и крупныя землевладѣльцы этой достигшей собственно ихъ неудачей не огорчены. Отказъ Министра Финансовъ совѣтъ съ небывалымъ поднятіемъ цѣны на хлѣбъ. Получая по 80 к. за пудъ ржи, Карсунскіе помѣщики забыли и думать о банкѣ и о томъ недавнемъ времени, когда имъ платили за хлѣбъ вдвое менѣе. Мысль о банкѣ, въ томъ или другомъ видѣ всѣми покинута, а собранному для открытія банка капиталу въ 14/т. рублей дано, какъ мы указали, говоря о финансахъ Карсунскаго земства, другое назначеніе, также не выходящее изъ сферы интересовъ исключительно землевладѣльческихъ,—служить въ видѣ запаснаго земскаго капитала нѣкоторымъ оплотомъ отъ слишкомъ настойчиваго требованія уплаты земскаго сбора.

И такъ, усердное выполненіе обязательныхъ повинностей, слишкомъ щедрая раздача пособій семействамъ воинскихъ чиновъ, преобладаніе надъ всѣми расходами расхода на дѣло народнаго здравія и постановка этого дѣла, болѣе или менѣе правильно, но недостаточно изолировано отъ уро-

дующихъ его дразгъ и столкновений; ограниченіе участія земства въ дѣлѣ народнаго образованія ежегоднымъ ассигнованіемъ нѣкоторой, сравнительно незначительной, суммы въ распоряженіе училищнаго совѣта, при устраненіи земской управы и земскаго собранія отъ участія въ хозяйственной даже части училищнаго дѣла и при вмѣшательствѣ ихъ въ отношеніе сельскихъ обществъ къ училищному совѣту; неудачныя попытки содѣйствовать мѣстному сельскому хозяйству учрежденіемъ страхованія отъ градобитій и сельско-хозяйственнаго ссуднаго банка; переложеніе значительной доли земскихъ расходовъ на душевой сборъ съ сельскихъ обществъ,— вотъ чѣмъ характеризуется дѣятельность Карсунскаго земства за все время его существованія, и вотъ на что земствомъ этимъ истрчено 848 т. р.

Тотъ, кто помнитъ прежній строй мѣстно-хозяйственныхъ дѣлъ, отжившіе, благодаря Бога, свой вѣкъ полицейско-административные порядки, тотъ не усомнится что все то, что сдѣлано Карсунскимъ земствомъ далеко оставляетъ за собою все, что могло бы быть сдѣлано, будь полиція непрежнему во главѣ уѣднаго хозяйства. Но если перейти отъ этой условной точки зрѣнія къ дѣламъ и задачамъ земскихъ учреждений, то, къ сожалѣнію, мы должны будемъ признать, что все сдѣланное Карсунскимъ земствомъ не стоитъ на такой почвѣ, которая давала бы ему достаточно силъ для дальнѣйшаго развитія,—правильнаго и плодотворнаго. Мы не видимъ въ дѣятельности этого земства ничего, клонящагося къ поднятію уровня экономическаго благосостоянія мѣстныхъ жителей, безъ чего чахлы будутъ всѣ мѣропріятія земства, непроизводительными останутся всѣ его траты. Въ Карсунскомъ уѣздѣ, какъ вездѣ у насъ въ Россіи, главнѣйшій источникъ благосостоянія жителей—сельское хозяйство и тѣ промыслы, которые съ нимъ связаны, съ нимъ уживаются, ему не мѣшаютъ. Что же сдѣлало для нихъ Карсунское земство? Старалось, и то безуспѣшно, учредить страхованіе отъ градобитій и какой-то банкъ, въ которомъ помѣщики могли бы закладывать свои послѣдки, — хлѣбъ чуть не на корню. И только. А между тѣмъ, вполне благопріятныя условія, которыя указаны нами въ началѣ, не идутъ Карсунскому уѣзду въ прокъ. Земля хороша; неурожаевъ нѣтъ; сбытъ хорошъ; цѣны на хлѣбъ отличныя; а землевладѣльцы запутались, позакладывали и попереzakладывали свои земли, позадолжали разнымъ банкамъ и перебиваются со дня на день. Крестьяне бѣднѣютъ; за годъ, за полтора за полцѣны заонтрактываютъ свои работы, для уплаты податей, а остатки пропиваютъ и обнищавые и пьяные, конечно, всего менѣе думаютъ о школѣ для дѣтей, объ улучшеніи санитарныхъ условій своего жилья, объ улучшеніи культуры не могущихъ прокормить надѣловъ. А тутъ, ко всему этому, упорчивающееся, всюду залѣзающее кулачество, во образѣ скушниковъ крестьянскихъ надѣловъ, земскихъ подрядчиковъ, давателей ссудъ для уплаты податей, радѣющее въ тѣсномъ союзѣ съ кабакомъ, вытягивающимъ послѣдніи крохи, гасящимъ до послѣднаго проблеска здравый смыслъ и пониманіе,

которыми такъ богатъ, такъ въ правѣ гордиться трезвый русскій людъ. Въ Барсунскомъ акцизномъ управленіи ежегодно выправляется отъ 250 до 300 патентовъ на кабаки, трактиры, харчевни и т. п. Двѣ трети этихъ народныхъ язвъ содержатся нѣкоторыми наиболѣе крупными мѣстными землевладѣльцами, прожѣнявшими старо-дворянскія традиціи на болѣе выгодные принципы новаго цикла Щедринскихъ героевъ. Эти триста *заведеній* усердно распоряжаются карманами мѣстныхъ жителей, по своему заботятся о благосостояніи послѣднихъ; а земство ничего не дѣлаетъ, чтобы отвлечь народъ отъ кабака, чтобы поставить его въ условія, неблагоприятующія всякаго рода эксплуатаціи. Земство не можетъ измѣнить системы нашихъ неокладныхъ сборовъ, дающей такое громадное значеніе питейному дому въ бюджетѣ государственныхъ доходовъ и такъ тяжело ложащейся на жизнь народа,—земству не дано права выходить изъ сферы мѣстнаго хозяйства и разрѣшать обще-государственные вопросы, но оно могло бы привязать крестьянина къ дому, могло бы ослабить заманчивость кабака, куда идутъ всѣ тѣ, которымъ дома и голодно, и холодно. Но для этого, прежде всего, надо дать мѣсто крестьянскому труду и развить его на столько, чтобы его прибыльность покрывала не однѣ только подати, но прокармливала крестьянскую семью и возможностью хотя бы самыхъ незначительныхъ сбереженій поощряла къ дальнѣйшей производительности. Въ значительной части Россіи все это сводится къ предоставленію крестьянамъ возможности *покупкой* земли расширять ихъ хозяйства, дополнять то, чего не даетъ надѣлъ, и къ принятію мѣръ, могущихъ способствовать развитію домашнихъ, къ домашнему очагу приковывающихъ и земледѣлію не мѣшающихъ промысловъ. Пусть земство поработаетъ надъ этими вопросами; пусть оно постарается разрѣшить эти весьма не легкія задачи, требующія много труда, осмотрительности и основательнаго изученія сельскаго быта и тогда только оно въ правѣ будетъ разсчитывать на полезность и устойчивость всѣхъ остальныхъ своихъ мѣропріятій. Совпаденіе выполненія земствомъ этихъ его, въ настоящее время, важнѣйшихъ задачъ съ окончаніемъ предпринятаго правительствомъ переустроенія податной системы—главнѣйшее средство отъ золъ и бѣдъ, раздѣдающихъ сельское населеніе, этотъ многочисленнѣйшій и основной элементъ земства. Все это далеко не ново и давно сознается многими; но только земскія учрежденія сторонятся отъ этихъ коренныхъ земскихъ вопросовъ. Въ исторіи разсматриваемаго нами Барсунскаго земства мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда постановки ихъ. Земство несомнѣнно чувствуетъ и сознаетъ, что такъ жить, какъ живетъ — нельзя, невозможно; но эти чувства, это сознаніе въ учрежденія, завѣдывающія зейскими дѣлами, или вовсе не проходятъ, или проникаютъ туда въ искаженномъ видѣ. Явленіе вполнѣ ненормальное, требующее тщательнаго изслѣдованія причинъ, его порождающихъ. тѣмъ болѣе, что оно замѣчается не только въ отношеніи вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, но и въ отношеніи почти всѣхъ отраслей земскихъ дѣлъ.

Переходя отъ общаго къ частному, обратимся къ исторіи жизни органовъ Карсунскаго земства и отправления ими возложенныхъ на нихъ обязанностей и, быть можетъ, въ этой исторіи мы найдемъ нѣкоторые данныя, нѣкоторый матеріалъ для отвѣта на весьма серьезный вопросъ о томъ: почему земскія учрежденія такъ часто дѣйствуютъ въ противность пользѣ и нуждамъ земства; есть ли это результатъ нашей пресловутой неспособности къ самоуправленію, или такое противорѣчіе порождается нѣкоторыми исправимыми недостатками организаціи земскихъ учреждений, препятствующими свободному проникновенію въ сіи послѣднія сознанію и пониманію земскихъ потребностей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ проявляются въ самомъ земствѣ?

Б. Н. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛИТИЧЕСКІЕ СОЮЗЫ.

Въ настоящее время всѣ данныя заставляютъ предполагать, что отказъ министерства Фрейсина, выдать Россіи виновника преступнаго покушенія 19 ноября, произведетъ нѣкоторое охлажденіе во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Франціи. Конечно, послѣдствіемъ невыдачи того или другаго уголовнаго или политическаго преступника не можетъ быть разрывъ дипломатическихъ сношеній между державами; но теперь и малѣйшее недоразумѣніе между Россіей и Французской республикой было бы явленіемъ крайне прискорбнымъ. Во Франціи понимаютъ это лучше, чѣмъ гдѣ-либо, и поэтому-то образъ дѣйствій французскаго правительства въ вопросѣ о Гартманѣ невольно обращаетъ на себя особенное вниманіе и заставляетъ предполагать, что отказъ министерства Фрейсина выдать преступника, отчасти обуславливается также и политическими соображеніями. Какъ ни существенно для французскаго правительства избѣгать всякихъ серьезныхъ внутреннихъ недоразумѣній, но еслибы Франція, въ настоящую минуту, считала возможнымъ и вѣроятнымъ сближеніе съ Россіей, то требованіе Петербургскаго кабинета было бы выполнено, вопреки всѣмъ протестамъ радикальной и ультра-радикальной партій. Для прочнаго союза съ нами, во Франціи готовы бы были сдѣлать много уступокъ. Громадное значеніе подобнаго союза равно сознается въ обоихъ государствахъ и если, до послѣдняго времени, мы постоянно встрѣчали Францію въ рядахъ нашихъ противниковъ, то причину этого явленія ни въ какомъ случаѣ нельзя объяснить отсутствіемъ общихъ интересовъ между этими державами. Ни на востокѣ, ни на западѣ, мы не въ одномъ изъ существенныхъ вопросовъ не сталкиваемся съ Франціей.

Принимая во вниманіе только интересы народа, всякій союзъ можно разсматривать лишь съ одной точки зрѣнія: искусствененъ онъ или естествененъ. Какія бы выгоды ни представлялъ для государства искусственный союзъ, въ концѣ концовъ онъ неизбѣжно долженъ повлечь за собой гибельныя послѣдствія, которыя долгое время неблагоприятно отражаются на жизни народа. Тѣмъ не менѣе естественные союзы встрѣчаются въ

исторіи только, какъ исключенія, тогда какъ казалось бы, что можетъ быть проще, какъ рѣшеніе вопроса о томъ: интересы какихъ державъ наименѣе сталкиваются?

А разъ, какъ рѣшенъ этотъ вопросъ, не трудно опредѣлить уже, гдѣ слѣдуетъ искать союзника. Хотя въ частной жизни люди всегда почти руководствуются такими соображеніями, но почему-то въ политикѣ считаютъ необходимымъ дѣйствовать иначе, забывая, что въ природѣ все повинуется однимъ и тѣмъ же законамъ.

Признаніе значенія естественныхъ союзовъ почти также существенно для развитія государства, какъ и признаніе принципа «национальностей»— и какъ отъ того, такъ и отъ другаго находится въ прямой зависимости благосостояніе народа. Сколько бы силъ и сколько бы богатства было сохранено, еслибы не гонялись за временнымъ успѣхомъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что впослѣдствіи державы будутъ группироваться исключительно по общности интересовъ, и только подобная группировка можетъ способствовать упроченію мира. Благодаря ей, каждый спорный вопросъ будетъ затрогивать не только интересы той державы, которой онъ непосредственно касается, но и всѣхъ остальныхъ, связанныхъ съ ней общностью интересовъ. И теперь уже европейскія государства нерѣдко стремятся сообща рѣшать международные вопросы, но такъ какъ при этомъ каждое правительство ищетъ обыкновенно извлечь изъ рѣшенія лично для себя наибольшую выгоду, то вслѣдствіе этой разрозненности, въ большинствѣ случаевъ, постановленія международныхъ конгрессовъ бывають неудовлетворительны. При правильной же группировкѣ державъ будутъ получаться вполне удовлетворительныя рѣшенія и столкновения между непосредственно заинтересованными сторонами сдѣлаются почти немыслимыми. Въ настоящее, напримѣръ, время легко можетъ произойти столкновение между Россіей и Англіей по восточному или средне-азиатскому вопросамъ, и подобная война была бы локализована. Въ случаѣ же, еслибы оба государства имѣли естественныхъ союзниковъ, заинтересованныхъ въ обезпеченіи ихъ интересовъ, то всякое недоразумѣніе между Россіей и Англіей могло бы разъясниться. Со временемъ же дѣйствительные интересы каждой изъ державъ на столько бы выяснились, что мы, можетъ быть, могли бы даже сдѣлаться союзникомъ Англіи. При настоящихъ же условіяхъ, объ искреннемъ сближеніи между нами и англичанами не можетъ быть и рѣчи.

Новыя идеи и новые принципы сознаются и вырабатываются обществомъ. Правительства неохотно принимаютъ ихъ и уступаютъ ихъ требованіямъ, только когда эти принципы вполне укореняются въ народѣ. Подобное явленіе мы видимъ и нынѣ по отношенію къ вопросу объ естественныхъ союзахъ. До текущаго столѣтія почти не возбуждался вопросъ объ искусственности или естественности того или другаго союза. Въ настоящее же время, не только въ печати, но и въ правительственныхъ кружкахъ этой идеѣ начинаютъ придавать большое значеніе. На югѣ и

юго-западѣ Европы раздаются голоса о естественности союза между Франціей, Италіей и Испаніей. Швеція сближается съ Даніей, Бельгія съ Голландіей; не разъ возникалъ вопросъ о союзѣ Россіи съ Сѣверо-Американскими Штатами; недавно еще повторяли въ печати, что естественнѣе союзъ между Россіей и Японіей. Всѣ вышеупомянутые союзы не носятъ на себѣ характера сдѣлки съ цѣлью извлеченія временной выгоды, а вызываются дѣйствительными потребностями народа и политическими условіями, и этимъ то отличаются они отъ тѣхъ, къ которымъ привыкли прибѣгать европейскія правительства, и результатомъ которыхъ были лишь многочисленныя войны.

Но пройдетъ еще много лѣтъ прежде, чѣмъ вполне опредѣлится правильная группировка державъ; до тѣхъ же поръ, пока всѣ государства не будутъ руководствоваться при политическихъ соображеніяхъ исключительно интересами народа, настоящій порядокъ не отживетъ своего вѣка. Что, напримѣръ, общаго можетъ имѣть тотъ или другой образъ правленія въ государствѣ съ вопросомъ о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ заключать съ нимъ союзъ; а, между тѣмъ, въ исторіи можно указать много примѣровъ, гдѣ перемена въ образѣ правленія измѣняла взаимныя отношенія двухъ государствъ. Извѣстно, напримѣръ, что преобразование Франціи въ республику въ концѣ минувшаго столѣтія возстановило противъ нея всѣ европейскія правительства. На направленіе политики также въ значительной степени вліяютъ родственныя связи между лицами, стоящими въ главѣ правленія;—личныя симпатіи и антипатіи государственныхъ дѣятелей и, наконецъ, степень прочности правительства, вступающаго въ переговоры о союзѣ. Кому, напримѣръ, изъ политическихъ дѣятелей не приходилось слышать, что такая-то держава желала бы сблизиться съ другой, но не увѣрена въ прочности существующаго въ послѣдней порядка, и опасается, что, съ переменою правленія, рухнетъ и союзъ. Понятно, что подобныя опасенія сдѣлались бы немислимы, еслибы при выборѣ союзниковъ руководствовались исключительно общностію интересовъ. Никакое родство и никакая форма правленія не могли бы разорвать этотъ союзъ. Что можетъ быть естественнѣе сближенія съ тѣмъ, кто не имѣетъ причинъ вредить намъ и у кого наиболѣе общихъ интересовъ съ нами; а, между тѣмъ, какъ рѣдко принимается въ политикѣ это въ соображеніе.

Въ Европѣ, въ настоящее время, по отношенію къ Россіи, можно указать только на одно первостепенное государство, которое бы удовлетворяло этимъ условіямъ, это—Французская республика и поэтому-то послѣднія недоразумѣнія, возникшія между Парижемъ и Петербургомъ, особенно прискорбны. Наши существенные народныя интересы не только нигдѣ не сталкиваются, но и не могутъ столкнуться съ интересами Франціи, хотя политику Франціи относительно Россіи, за послѣдніе годы, нельзя признать дружественной. Впрочемъ, отвѣтственность за существовавшія долгое время неудовлетворительныя взаимныя отношенія между этими государствами въ

значительной степени ложится на Францію или вѣрнѣе на тѣ правительства, которыя руководили судьбою послѣдней. Англофильская политика Орлеановъ и Наполеона, какъ извѣстно, не доставила Франціи никакихъ существенныхъ выгодъ и послужила только къ усилению Великобританіи. Наполеонъ, впрочемъ, понималъ несостоятельность ея и вслѣдствіе этого предлагалъ императору Николаю союзъ. Къ сожалѣнію, республиканская Франція, не смотря на громадную услугу, оказанную ей нами передъ герцеговинскимъ возстаніемъ, повторяетъ ошибки низвергнутыхъ правительствъ, хотя, дѣйствуя такъ, руководствуется совершенно другими соображеніями. Немного еще прошло лѣтъ со времени Берлинскаго конгресса и у всѣхъ еще живо въ памяти, то незавидное положеніе, которое занимали на немъ представители Франціи, дѣйствовавшіе подъ вліяніемъ маркиза д'Израэли, вопреки своимъ собственнымъ интересамъ. Дѣйствительно, трудно понять—въ виду какихъ интересовъ Франція поддерживала раздробленіе Болгаріи, уменьшеніе территориальнаго приобрѣтенія Черногорскаго княжества и измѣненіе мало-азіатской границы.

На Балканскомъ полуостровѣ, если не считать Румыніи и Константинополя, не могутъ быть затронуты ея интересы и установленіе тамъ того или другаго порядка вещей имѣетъ для Франціи только второстепенное значеніе. Еще меньшее значеніе для нея имѣетъ Арменія и въ особенности тѣ округа, которые урѣзаны у Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Для Россіи же, напротивъ, обѣ эти части Турецкой имперіи имѣютъ громадное значеніе. Другія же части Турціи, на которыя постоянно обращало и продолжаетъ обращать вниманіе французское правительство—Египетъ, Сирія, Тунисъ и Триполи, находятся совершенно внѣ сферы интересовъ Россіи. Слѣдовательно, въ восточномъ, т. е. одномъ изъ самыхъ главныхъ Европейскихъ вопросовъ, нѣтъ данныхъ не только для вражды между Россіей и Франціей, но даже и для соперничества, если не считать только палестинскаго вопроса, касательно правъ католическаго и православнаго духовенства въ Іерусалимѣ; но и въ этомъ вопросѣ не трудно прійти къ полному соглашенію, да едва ли не слѣдуетъ уже его считать совершенно поконченнымъ. Поэтому-то нельзя не удивляться, что въ восточномъ вопросѣ намъ часто приходилось сталкиваться съ Франціей.

Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, Парижскій и Лондонскій кабинеты, подъ предлогомъ рѣшенія Турецко-Египетской распри, тайно составили планъ освободить Порту отъ вліянія Россіи и поставить ее подъ обще-европейскую гарантію, т. е. добиться того, что было достигнуто только послѣ Крымской кампаніи. Этому плану сочувствовала и Австрія, но самымъ горячимъ сторонникомъ его была тогда Франція. На предложеніе Меттерниха созвать для рѣшенія египетскаго вопроса конференцію въ Вѣнѣ, русское правительство отвѣчало категорическимъ отказомъ. Въ депешѣ къ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ отъ 18 Іюля 1839 г., графъ Нессельроде писалъ между прочимъ: «Англія и

Франція намѣрена заключить сдѣлку, направленную, повидимому, какъ бы въ пользу Турціи, а въ дѣйствительности противъ Россіи....»—«Объ державы имѣютъ въ виду только одну цѣль—устроить на востокѣ порядокъ вещей, прямо враждебный Россіи....» Тайные замыслы западныхъ правительствъ были обнаружены и они не достигли цѣли. Болѣе всѣхъ державъ за эту интригу пришлось заплатить Франціи. Россія вошла въ соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ и французское министерство узнало объ измѣнѣ Англій только тогда уже, когда вопросъ былъ рѣшенъ. Негодованіе въ Парижѣ по этому случаю было такъ велико въ то время, что правительство одно время помышляло было о вооруженномъ вмѣшательствѣ и долго не могло примириться съ тою ролью, которую ему пришлось разыграть. До какой степени достигало раздраженіе во Франціи видно изъ угрозы Тьера—наводнить 900 т. французской арміей Германскій союзъ. Но эти угрозы Парижскаго кабинета не поколебали Россію. Въ письмѣ къ гр. Фикельмонсу гр. Нессельроде высказалъ между прочимъ: «Будете сильны и единодушны и Франція попытается назадъ». Канцлеръ не ошибся: послѣ паденія министерства Тьера, французское правительство значительно понизило тонъ, а въ послѣдствіи и само присоединилось къ Англо-Русскому союзу. Прошло болѣе сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Франція пришлось перенести первое униженіе за свою руссофобскую политику и въ теченіи этого времени не разъ еще ей дорого приходилось расплачиваться за подобную политику; но уроки исторіи, повидимому, мало поучительны.

Замѣчательно, что даже торговые интересы Франціи не связаны съ восточнымъ вопросомъ, такъ какъ до послѣдняго времени ввозъ ея въ Турцію едва достигаетъ ничтожной суммы въ 50 милліоновъ франковъ; а, между тѣмъ, французское правительство все еще смотритъ на Россію съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и опасеніемъ. Подобное отношеніе къ Россіи было бы, хотя отчасти, понятно, если бы наши интересы сталкивались съ интересами Франціи въ Европѣ, но даже и этого нельзя усмотрѣть при самомъ внимательномъ изученіи общаго политическаго положенія Европы. Существенные для Франціи вопросы: рейнскій, бельгійскій, даже, пожалуй, швейцарскій, нисколько не затрагиваютъ интересовъ Россіи и при разрѣшеніи ихъ въ благопріятномъ для Франціи смыслѣ, конечно, не насъ она встрѣтитъ въ рядахъ своихъ противниковъ. Нашъ же польскій вопросъ хотя и имѣетъ для французовъ значеніе, но только вслѣдствіе традиціонной анти-русской политики Франціи, а не по существу. До вступленія Россіи въ число европейскіхъ государствъ, французское правительство должно было искать на востокѣ союзника и нашло его въ Польшѣ. Съ этого времени установилась связь между Польшею и Франціей, связь которая поддерживается и до настоящей минуты; но такъ какъ измѣнилось политическое положеніе Европы, то интересы Франціи не требуютъ болѣе возстановленія Польши.

А, между тѣмъ, взаимныя отношенія между французскими и русскими правительствами много оставляютъ еще желать.

Вотъ что писалъ по поводу этихъ отношеній въ прошедшемъ году одинъ изъ нашихъ выдающихся политическихъ дѣятелей: «Трудно сказать, какъ отнеслась бы къ этой попыткѣ *) Франція, если бы въ ней по сію пору жилъ и правилъ Наполеонъ III. Политика покойнаго императора отличалась всегда такою туманностью, такимъ фантазерствомъ, что о томъ, какъ бы онъ поступилъ въ данномъ случаѣ, можно только догадываться. Всего вѣроятнѣе, что онъ сталъ бы опять на сторону Англіи, по старой привычкѣ и въ силу прежнихъ политическихъ и торговыхъ отношеній, тѣсно связавшихъ оба государства. Обративъ вниманіе на то, какъ относится къ англичанамъ современная республиканская Франція, мы убѣждаемся, что такая догадка вполне основательна. Ничто не можетъ ослабить во французахъ симпатій къ Англіи и отучить ихъ отъ услужливости, отъ какого-то рабскаго подслуживанія видамъ британскаго кабинета. Они успѣли забыть то равнодушіе, съ которымъ ихъ старый союзникъ допустилъ совершиться разгрому 1870 года и не замѣчаютъ въ своемъ странномъ ослѣпленіи, что всѣ настоящія дѣйствія этого союзника, какъ то: захватъ Кипра, покушенія на преобладаніе въ Египтѣ и Малой Азіи—ведутъ къ тому, что англичане рано или поздно сдѣлаются хозяевами Средиземнаго моря, въ очевидный ущербъ французскимъ интересамъ.

Относительно насъ французы настроены иначе, чѣмъ ясно доказывается, какъ сильно и пагубно бываетъ дѣйствіе человѣческихъ заблужденій и увлеченій на рациональную политику. Въ сущности намъ не изъ чего ссориться; а, между тѣмъ, французское общество смотритъ на Россію неприязненно. Большинство этого общества двигаютъ, какъ извѣстно, двѣ силы: клерикализмъ и революція, которыя съ нами ужиться не могутъ. Умѣренная партія, правда, не подчиняется вліянію этихъ силъ, но тоже насъ не любитъ, такъ какъ почти вся составлена изъ орлеанистовъ и руководится преданіями политики орлеанскаго дома, связаннаго съ Англіей дружбою и родствомъ. Сторонниковъ сближенія съ Россіей не оказывается даже въ средѣ бонапартистовъ, тоже проникнутыхъ ультрамонтанствомъ. Горькій опытъ прошлаго не научилъ ихъ относиться здраво и трезво къ политическимъ положеніямъ и соображать ихъ выгоды и невыгоды.»

Со многими изъ вышесказанныхъ нашихъ публицистомъ и дипломатомъ взглядовъ нельзя не согласиться; но едва ли основательно приписывать отчужденіе отъ насъ Франціи только клерикализму и революціи; есть много и другихъ не менѣе, если не болѣе, существенныхъ причинъ, вызывающихъ это прискорбное явленіе, такъ, напримѣръ, союзъ трехъ сѣверныхъ державъ имѣлъ громадное вліяніе на отношеніе къ намъ французскаго народа.

*) Къ попыткѣ рѣшить восточный вопросъ.

Сближеніе между Россіей и Франціей имѣеть еще ту хорошую сторону, что оно можетъ состояться безъ нарушенія общеевропейскаго мира и, напротивъ, служить отчасти къ его обезпеченію. Было бы крайне прискорбно, если бы на союзъ съ Франціей смотрѣли, какъ на нѣчто враждебное, отъосительно котораго - нибудь изъ нашихъ сосѣдей. Какъ человѣкъ ищетъ гдѣ лучше, а рыба—гдѣ глубже, такъ и государство должно заботиться о присканіи такого политическаго положенія, которое наиболѣе обезпечило бы его отъ всякихъ случайностей. Россія такъ далека отъ агрессивной политики, что приписывать ей воинственные замыслы могутъ только враги ея. Тѣмъ не менѣе, сближеніе съ Франціей несомнѣнно подало бы поводъ къ подобнымъ истолкованіямъ. Нѣкоторыя нѣмецкія газеты даже утверждали, будто бы кн. Бисмаркъ имѣеть въ своихъ рукахъ документы, подтверждающіе, что, прошлою осенью, Россія попыталась образовать Франко-Италіано-Русскую лигу противъ Австро-Германскаго союза. Опроверженіе этихъ извѣстій послѣдовало со стороны французскаго министра президента *), который въ разговорѣ съ корреспондентомъ одной австрійской газеты призналъ это вымысломъ. «Публикѣ необходимо было бы ознакомиться съ сборникомъ этихъ документовъ, находящихся, по словамъ молвы, въ рукахъ германскаго канцлера. Такимъ сборникомъ пугали публику и въ прошломъ году послѣ свиданія въ Александровѣ, съ присовокупленіемъ, впрочемъ, что это свиданіе не состоялось бы, если бы кн. Бисмаркъ ранѣе сообщилъ вѣсть о такихъ актахъ императору Вильгельму. Басня объ этихъ документахъ продолжаетъ кружить по свѣту потому, что не была опровергнута ни со стороны Россіи, ни со стороны Германіи», вполне основательно замѣтили «Петербургскія Вѣдомости».

Безпристрастно обсуждая настоящее политическое положеніе, напротивъ, должно прійти къ убѣжденію, что, только при правильной группировкѣ державъ, Европа можетъ считать себя обезпеченной отъ новой войны. Между союзомъ съ Франціей и войной съ Германіей и Австріей или Англіей нѣтъ ничего общаго, и связывать одно съ другимъ, по меньшей мѣрѣ, неосновательно. Намъ нисколько не желательно имѣть какія-либо непріятности и недоразумѣнія ни съ одной изъ этихъ державъ и, конечно, не Россія подастъ теперь къ этому поводъ. Обнародованное 19 февраля кабинетное письмо императора Вильгельма къ Государю Императору свидѣтельствуетъ, что и со стороны Германіи нельзя ожидать какихъ-либо недружелюбныхъ поступковъ относительно Россіи. Письмо это не можетъ не быть сочувственно встрѣчено русскимъ обществомъ и служить одной изъ лучшихъ гарантій спокойствія въ Европѣ.

*) На дняхъ извѣстія эти были опровергнуты и офиціознымъ „Agence Générale Russe“.

«Предстоящій возвратъ того дня,—сказано въ этомъ письмѣ,—въ который Ваше Величество, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, приняли бразды правленія, даетъ мнѣ желанный случай выразить мою радость о томъ, что дружба, связавшая нашихъ въ Бозѣ почивающихъ родителей, сохранилась и въ нашихъ настоящихъ отношеніяхъ.»

«Въ воспоминаніи о времени, въ которое эта дружба доказана была на дѣлѣ, я почерпаю увѣренность въ томъ, что она сохранится неизмѣнно до конца дней моей жизни.» Категорическое заявленіе германскаго императора, что дружба сохранится до конца его дней, совершенно разсѣиваетъ всѣ тѣ опасенія, которыя возникли въ Европѣ послѣ побѣды кн. Бисмарка въ Вѣну, по случаю союза между Германіей и Австріей. Письмо императора Вильгельма служитъ лучшимъ доказательствомъ, что Германія заключила съ Австріей не наступательный, а лишь оборонительный союзъ и поэтому, слѣдуя миролюбивой политикѣ, Россія можетъ считать себя обезпеченной отъ войны. А, въ настоящее время, мы только и желаемъ мира.

Но не смотря на нашу вполне миролюбивую политику, Россіи необходимо вполне уяснить себѣ ту группировку державъ, которая представляется вѣроятной, при настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ укрѣпляющагося въ обществѣ сознанія необходимости искать естественныхъ союзниковъ. Убѣжденіе, что для Россіи подобнымъ союзникомъ можетъ быть Франція, настолько уже проникло въ общество, что почти вся русская періодическая печать, не смотря на неблагоприятный образъ дѣйствій министерства Фрейсина по Гартманскому вопросу, высказывалась въ принципѣ за союзъ съ Франціей.

Въ случаѣ же, если бы со временемъ дѣйствительно состоялось сближеніе между этими двумя государствами, къ нимъ, по всей вѣроятности, пригнула бы и Италія, въ виду того, что союзъ ея съ этими державами наиболее отвѣчаетъ также и ея интересамъ.

Дѣйствительно, остальные европейскія великія державы не могутъ быть естественными союзниками Италіи (впрочемъ и относительно Франціи не всѣ еще счеты окончательно сведены у итальянцевъ, но при условіяхъ данной минуты послѣдняя представляется все же наиболее солидарной съ Италіей державой). Главнымъ противникомъ Италіи, въ настоящій моментъ, является Австрія, и первая, конечно, не можетъ пристать къ тому лагерю, въ которомъ находится послѣдняя. Не смотря на постоянный обмѣнъ дружественныхъ привѣтствій, австрійское и итальянское правительства чувствуютъ и сознаютъ, что ихъ раздѣляетъ много спорныхъ вопросовъ, мирно разрѣшить которые, безъ посредничества Европы, представляется почти невозможнымъ. «Italia irridenta», открыто возбуждающая одинъ изъ самыхъ существенныхъ австро-итальянскихъ вопросовъ, пользуется болѣе или менѣе сочувствіемъ всѣхъ итальянцевъ и многіе не принимаютъ въ ней участія лишь потому, что считаютъ теперь несвоевременнымъ возбуждать

вопросъ о возстановленіи Италіи въ ея естественныхъ границахъ. Тѣмъ не менѣе въ виду того, что принципъ національности долженъ рано или поздно восторжествовать, нельзя не признать основательность національных стремленій «Italia irridenta», что понимаютъ, конечно, и сами австрійцы. Но едва ли и, убѣдившись въ невозможности навсегда удержать за собою итальянскія земли, Австрія добровольно согласится уступить ихъ Италіи, хотя, по всей вѣроятности, охотно изъявитъ согласіе обмѣнять ихъ на территоріальныя пріобрѣтенія на Балканскомъ полуостровѣ. Постоянно усиливающееся вліяніе «Неискупленной Италіи», проявляющееся въ болѣе или менѣе шумныхъ демонстраціяхъ противъ австрійцевъ, невольно возбуждаетъ въ послѣднихъ опасенія, что миръ будетъ нарушенъ. Сильное же сочувствіе народа къ Италіи въ южномъ Тиролѣ и Триестѣ свидѣтельствуешь, что Австріи не легко будетъ ихъ удержать за собой. Разбрасываніе прокламацій, заявляющихъ о сочувствіи къ Италіи и ненависти къ австрійцамъ и демонстраціи, явно враждебныя Австріи, сдѣлались почти обыкновенными явленіями въ Триестѣ. Насколько, вообще, серьезно анти-австрійское движеніе между итальянцами, можно судить также и по тому, что не смотря на дружественныя сношенія между римскимъ и вѣнскимъ кабинетами, Австрія сосредоточила къ южномъ Тиролѣ значительныя силы, опасаясь, что итальянское правительство не въ состояніи будетъ противиться требованію народа и столкновеніе съ Италіей сдѣлается неизбѣжнымъ. На дняхъ послѣднее отвѣтило такою же мѣрою и усилило корпусъ, расположенный на границѣ Тироля.

Но интересы этихъ двухъ государствъ сталиваются не въ однихъ только итальянскихъ провинціяхъ Австріи. Италія не желала бы также допустить Австрію сдѣлаться полною хозяйкой на Балканскомъ полуостровѣ. Не говоря уже объ Албаніи, на которую въ Римѣ, несомнѣнно, имѣютъ нѣкоторыя виды, подчиненіе Габсбургамъ Балканскаго полуострова не въ интересахъ Италіи и потому также, что въ этомъ случаѣ усилится вліяніе Австріи на Средиземномъ морѣ, а также весь восточный берегъ Адриатическаго моря навсегда будетъ утраченъ для торговли Италіи. Всѣ эти соображенія, естественно, мѣшаютъ сближенію Австріи съ Италіей и побуждаютъ послѣднюю искать себѣ союзниковъ между другими державами. Но искреннимъ союзникомъ Италіи не можетъ быть ни Германія, ни Великобританія и ей, слѣдовательно, не приходится задумываться при выборѣ. О союзѣ съ Германіей не можетъ быть и рѣчи, потому что интересы послѣдней болѣе солидарны съ интересами Австріи и она не промѣняетъ послѣднюю на Италію; прочное же соглашеніе между этими послѣдними державами, какъ мы видимъ, при настоящихъ условіяхъ, положительно немислимо. Несравненно болѣе данныхъ для сближенія Италіи съ Великобританіей; но явное стремленіе послѣдней занять преобладающее положеніе на Средиземномъ морѣ настолько нарушаетъ интересы первой, что союзъ съ Англіей также положительно неосуществимъ; интересы же Россіи и Франціи

(если не считать вопроса о Ниццѣ) ни въ одномъ изъ существенныхъ вопросовъ не сталкиваются съ итальянскими. Этимъ и можно только объяснить сравнительно дружелюбный ея образъ дѣйствій по отношенію къ Россіи. Не смотря на укоренившееся на западѣ убѣжденіе, что Россія преслѣдуетъ постоянно завоевательныя цѣли, итальянскіе агенты нигдѣ и никогда почти не выступали противниками русскихъ, а, напротивъ, старались содѣйствовать соглашенію между послѣдними и представителями другихъ государствъ. Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ подобной дѣятельности итальянскихъ агентовъ можетъ служить образъ дѣйствій делегата Италіи въ Румелійской комиссіи; благодаря его безпристрастности проведены были многіе законы, обезпечивающіе благосостояніе этой провинціи. Вообще, отношенія итальянскаго правительства къ Россіи, въ послѣднее время, были болѣе дружественны, чѣмъ большинства другихъ великихъ державъ и это объясняется все болѣе и болѣе проникающимъ въ итальянское общество убѣжденіемъ, что ни въ одномъ изъ международныхъ вопросовъ мы не будемъ противниками Италіи.

Въ настоящую минуту, слѣдовательно, нашими естественными союзниками должны быть Италія и Франція; но нѣтъ ни малѣйшаго основанія вслѣдствіе этого считать остальные Европейскія державы нашими врагами. Правда, интересы Россіи менѣе солидарны съ ихъ интересами; но изъ этого не вытекаетъ необходимости не только столкновенія съ которой либо изъ державъ, но и охлажденія взаимныхъ отношеній. Однако союзъ съ этими державами не принесъ бы намъ пользы. Такъ, напр., относительно Англій даже самые горячіе сторонники ея не могутъ не признать, что, при сложившихся въ англійскомъ обществѣ взглядахъ на права и обязанности каждой изъ сторонъ, наши и англійскіе интересы на столько противорѣчатъ одни другимъ, что, кромѣ временной сдѣлки, немислимо никакое другое соглашеніе. Приблизительно то же самое должно сказать и относительно Австріи. Все болѣе и болѣе выясняющееся, въ послѣднее время, стремленіе имперіи Габсбурговъ, сдѣлаться Балканскимъ государствомъ, не можетъ быть одобрено Россіей.

Оставаясь главою Германскаго союза, Австрія не была нашимъ политическимъ противникомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ началъ выясняться австрійскій *Drang nach Osten*, наши отношенія должны были измѣниться. Россія добровольно не откажется отъ приобрѣтеннаго уже ею вліянія на Балканскомъ полуостровѣ и стремленія упрочить и распространить его, а этому несомнѣнно будетъ противиться Австрія. Третья великая держава, Германія, дружественныя отношенія которой къ Россіи слѣдуетъ считать теперь вполне обезпеченными, по своимъ интересамъ, также не будетъ, при данныхъ условіяхъ, нашимъ естественнымъ союзникомъ, хотя надо надѣяться, что между нами не возникнетъ никакихъ, даже самыхъ ничтожныхъ, недоразумѣній. Въ февральскомъ политическомъ обзорѣнн «Русской Мысли» подробно изложено въ чемъ именно солидарна Германія съ Австріей и

какія существенныя выгоды первая имѣетъ въ виду извлечь изъ союза съ послѣдней. Россія, какъ славянская держава, не можетъ сочувствовать въ принципѣ подобнымъ соображеніямъ. Всякое поглощеніе славянскихъ народностей должно нарушать интересы Россіи, которая рано или поздно войдетъ въ соглашеніе со всѣми славянами и тогда между ними и нами установятся взаимныя отношенія, обеспечивающія благосостояніе обѣихъ сторонъ. Но все это, конечно, въ весьма отдаленномъ будущемъ. Тѣмъ не менѣе мы теперь уже должны готовиться къ этому будущему, такъ какъ степень удовлетворительности его находится въ прямой зависимости отъ того образа дѣйствій, которому отнынѣ Россія будетъ слѣдовать. Вполнѣ понимая въ чемъ именно сталкиваются наши интересы съ интересами Германіи, мы болѣе чѣмъ когда либо должны дорожить поддержаніемъ дружественныхъ сношеній съ этою державою и было бы желательно, чтобы и нѣмецкая печать спокойно и безпристрастно относилась къ интересамъ Россіи. Къ сожалѣнію, послѣдняя, съ нѣкотораго времени, нерѣдко обсуждаетъ общее положеніе дѣлъ въ Европѣ и наше отношеніе къ Германіи далеко не безпристрастно. Многія брошюры, издаваемые въ Берлинѣ, даже явно враждебны Россіи. Все это свидѣтельствуетъ, что въ нѣкоторой части нѣмецкаго общества кроется недовольство Россіей и желаніе вредить намъ. Изъ вышедшихъ въ послѣднее время въ Германіи руссофобскихъ брошюръ особеннаго вниманія заслуживаетъ «Походъ Германіи противъ Россіи и Франціи въ 1880—81 г.» *).

Брошюра эта обращаетъ на себя вниманіе не глубиною мысли и не тщательной разработкой вопроса объ отношеніяхъ Германіи къ Россіи, а взглядами, сложившимися, повидимому, въ нѣкоторыхъ слояхъ нѣмецкаго общества, относительно группировки державъ и результатовъ этой группировки. Брошюра была замѣчена большинствомъ нѣмецкихъ газетъ, сказавшихъ о ней по нѣскольку словъ.

На заглавномъ листѣ брошюры написано: «Составлена въ память пятидесятилѣтія сраженія подъ Варшавой». Эта тенденціозная надпись уже даетъ отчасти понятіе о характерѣ самой брошюры.

«Въ іюнѣ 1880 г.,—такъ начинается она,—общее политическое положеніе такъ усложнилось, что десятаго числа этого мѣсяца объявлена была война. Италія объявила нейтралитетъ». Далѣе сообщается, что послѣдняя выставила двѣ обсервационныя арміи въ 350 тысячъ человекъ. Англія тоже объявила нейтралитетъ. Затѣмъ въ брошюрѣ подробно разсказывается ходъ военныхъ операцій. Германія, въ союзѣ съ Австріей, съ успѣхомъ ведетъ борьбу съ Россіей и Франціей. Нѣмцы съ сѣвера, австрійцы съ юга подступаютъ къ Варшавѣ, гдѣ русская армія принимаетъ генеральное сраженіе и терпитъ неудачу. Тѣмъ временемъ, въ борьбу влѣ-

*) Der Feldzug Deutschland's gegen Russland und Frankreich in den Jahren 1880—81. Berlin.

пивается также и Италия, но побѣду одерживаютъ тоже австрійцы. Между тѣмъ, чрезвычайные успѣхи союзниковъ въ Россіи вынуждаютъ послѣднюю заключить отдѣльный миръ съ Германіей и Австріей, по которому она уступаетъ часть своей территоріи. Неудачи, понесенныя итальянцами, побуждаютъ и ихъ заключить миръ съ союзниками. Оставшись одна, Франція не въ силахъ продолжать борьбу и новый президентъ французской республики, принцъ Наполеонъ, заключаетъ договоръ, по которому Франція обязывается уплатить 12 милліардовъ контрибуціи; послѣ чего Европа, подъ покровительствомъ австро-германскаго союза, пользуется миромъ. Хотя и въ самой грубой формѣ, но въ этой брошюрѣ высказываются за-таенныя желанія извѣстной части нѣмецкаго общества, сознающаго, что сближеніе между Россіей и Франціей должно состояться, но усматривающей въ этомъ сближеніи нѣчто, враждебное Германіи. Въ Германіи сознаютъ также, что вторымъ естественнымъ союзникомъ Россіи должна быть Италия. Поэтому-то въ вымышленной борьбѣ, описанной въ упомянутой брошюрѣ противникомъ Австріи и Германіи является и Италия. Вѣроятность подобной группировки державъ высказывается не въ одной Германіи; эти же мысли приходится встрѣчать, какъ во французской, такъ и въ итальянской прессѣ, слѣдовательно, надо полагать, что эти предположенія имѣютъ серьезныя основанія; только что тамъ тѣ же мысли высказываются несравненно спокойнѣе, чѣмъ въ Германіи, и безъ воинственнаго задора.

Союзъ между Россіей, Франціей и Италіей пока еще остается предположеніемъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ, но, тѣмъ не менѣе, все же предположеніемъ; во всякомъ случаѣ подобный союзъ не могъ бы угрожать спокойствію Европы и имѣлъ бы характеръ чисто оборонительный. Союзъ же между Германіей и Австріей есть уже фактъ, хотя о немъ мы пока не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Россія, конечно, не можетъ не обращать на этотъ союзъ вниманія; но было бы ошибочно считать неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его нарушеніе нашихъ дружественныхъ отношеній къ этимъ державамъ. Всѣ официальные сообщенія, обнародованныя за послѣднее время по поводу нашихъ сношеній съ Германіей, только подтверждаютъ предположеніе о прочности нашей дружбы съ этой имперіей. Тѣмъ не менѣе, союзъ Германіи съ Австріей не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но разъ, какъ Россія можетъ спокойно смотрѣть на сближеніе Австріи съ Германіей и не считаетъ его признакомъ враждебнаго къ намъ расположенія этихъ государствъ, трудно понять, отчего они могли бы усмотрѣть что-либо нарушающее ихъ интересы въ сближеніи Россіи съ Франціей. Однако, когда въ печати распространился слухъ, что прошлаго осенью шли переговоры между Россіей, Италіей и Франціей о союзѣ, то утверждали, что переговоры эти произвели крайне неблагоприятное впечатлѣніе въ Берлинѣ и что даже едва ли не повредили нашимъ дружественнымъ отношеніямъ съ Германіей. Трудно провѣрить насколько осно-

вательны всѣ эти слухи; но было бы крайне прискорбно, если бы въ руководящихъ берлинскихъ кружкахъ не слѣдовали нашему примѣру и продолжали усматривать въ естественныхъ союзахъ что-либо нарушающее интересы Германской имперіи.

Всѣ данныя заставляютъ предполагать, что Германія и Австрія заключили только оборонительный союзъ, хотя, по всей вѣроятности, не въ узкомъ смыслѣ обезпеченія своихъ политическихъ границъ. Надо думать, что эти державы взаимно обязались поддерживать свои интересы и въ вопросахъ, не касающихся территоріальнаго обезпеченія, хотя степень поддержки будетъ зависеть, конечно, отъ усмотрѣнія каждой державы и мнѣніе непосредственно заинтересованной не можетъ быть обязательно ея союзнику. Такихъ вопросовъ за послѣднее время накопилось не мало и разрѣшеніе многихъ изъ нихъ въ томъ или другомъ смыслѣ имѣетъ международное значеніе; поэтому-то соглашеніе между Австріей и Германіей должно принести какъ той, такъ и другой державѣ значительныя выгоды. Съ нѣкотораго времени даже въ образѣ дѣйствій агентствъ этихъ государствъ замѣчается солидарность и нельзя не усмотрѣть глубокую политическую мудрость въ созданіи подобнаго положенія для заинтересованныхъ сторонъ. Первыя державы, заключившія естественный союзъ, извлекутъ несомнѣнно наибольшія выгоды.

Въ послѣднее время упорно держались слухи о намѣреніи Англіи присоединиться къ Австро-Германскому союзу. Справедливы ли эти слухи — пока еще вопросъ, но если бы они подтвердились, то это бы было крайне невыгодно для всѣхъ остальныхъ европейскихъ державъ, остающихся разрозненными. Не говоря уже о томъ, что этотъ союзъ угрожалъ бы европейскому миру, нельзя не признать, что онъ былъ бы тоже и въ ущербъ всѣмъ остальнымъ европейскимъ державамъ. При взаимной поддержкѣ трехъ великихъ державъ, всякій международный вопросъ рѣшался бы согласно съ ихъ интересами. Къ счастью для Европы, въ настоящій моментъ, есть положительныя данныя, указывающія, что пока еще подобнаго союза нѣтъ основаній опасаться. Для того же, чтобы вполне выяснитъ возможность и даже вѣроятность такого союза, необходимо опредѣлять какъ взаимныя отношенія Германіи и Австріи къ Англіи, такъ и отношенія каждой изъ этихъ державъ къ другимъ государствамъ.

Министерство Биконфильда, признавая своимъ главнымъ политическимъ противникомъ Россію, вступило въ сношеніе съ Австріей еще передъ началомъ второй восточной войны; но Австрія, будучи до нѣкоторой степени связана тройственнымъ союзомъ, не могла принять на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ Великобританіи. Впрочемъ, въ то время и для с.-джемскаго кабинета не вполне еще ясно опредѣлилось, въ чемъ именно необходимо было условиться съ Австріей. Послѣ С.-Стефанскаго мира всѣ эти вопросы значительно выяснились и весной 1878 г. между Лондономъ и Вѣною шла оживленная дипломатическая переписка. Россія въ то время

напрягала всѣ силы, чтобы получить согласіе европейскихъ державъ на принятіе условій С.-Стефанскаго мира. Интересы имперіи Габсбурговъ и торійскаго кабинета побуждали ихъ противодействовать Россіи. Россія, препятствуя обоимъ въ достиженіи ихъ политическихъ цѣлей, однимъ своимъ существованіемъ, не могла опираться на эти державы и естественно встрѣтила ихъ въ лагерѣ своихъ политическихъ противниковъ.

Австрію сближаетъ съ Англіей (если послѣдняя слѣдуетъ завоевательной политикѣ) не только сознаніе необходимости бороться противъ вліянія Россіи, но также и отсутствіе такихъ условій, которыя могли бы вызвать между ними соперничество или серьезныя недоразумѣнія. Сдѣлавшись Балканской имперіей, первая не будетъ такъ заботиться о Константинополѣ, какъ въ настоящее время заботится Россія, не имѣющая выхода Чернаго моря, и, слѣдовательно, въ Вѣнѣ охотно сдѣлаютъ Великобританіи уступки въ вопросѣ о Босфорѣ и Дарданеллахъ. Послѣдняя же, обезпечивъ въ этомъ вопросѣ свои интересы, не будетъ препятствовать австрійцамъ хозяйничать на Балканскомъ полуостровѣ; Австрія же, съ своей стороны, можетъ отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ мало-азиатскія дѣла. Всѣ эти компромиссы настолько просты и ясны, что было бы странно предполагать, что вѣнскій и лондонскій кабинеты не вполне разработали ихъ, въ особенности же при министерствѣ Биконфильда, постоянно руководствовавшимся агрессивной политикой.

Положеніе Англіи относительно Германіи нѣсколько иное и пока еще не вполне выяснилось, хотя нельзя указать ни на одинъ изъ вопросовъ, въ которомъ могли бы столкнуться эти два государства. Связующимъ звеномъ для Германіи и Англіи служитъ имперія Габсбурговъ. И въ Лондонѣ, и въ Берлинѣ, со времени заключенія Берлинскаго трактата, одинаково горячо желали поддержать *Drang nach Osten* Австріи и въ этомъ стремленіи послѣдней видѣли обезпеченіе своихъ собственныхъ интересовъ. Поэтому сближеніе между этими державами становилось не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ; только вопросъ еще: можно ли признать союзъ между Великобританіей, съ одной стороны, и Германіи и Австріи, съ другой, естественнымъ. Послѣдняя находится въ переходномъ состояніи, и что со временемъ выработается изъ нея—трудно сказать еще. Какъ государство, не сложившееся въ опредѣленную форму, она постоянно затрагиваетъ интересы всѣхъ своихъ сосѣдей, и Германія, связавши себя съ ней союзомъ, вынуждена сообразоваться въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ съ принятымъ ими положеніемъ по отношенію къ Австріи. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя стѣсненныя условія должны неблагоприятно отозваться на интересахъ Германіи; впрочемъ, пока еще это и не можетъ быть весьма ощутительно. Тѣмъ не менѣе, отчужденіе отъ нея Италіи безспорно обусловливается союзомъ Германіи съ Австріей. Въ виду этихъ-то обстоятельствъ, трудно теперь опредѣлить естественныхъ союзниковъ Германіи, и вопросъ этотъ не можетъ быть вполне выясненъ, пока

не опредѣлится будущее положеніе имперіи Габсбурговъ. Начавшіеся было переговоры о союзѣ между Германіей и Англійей теперь, съ избраніемъ либеральнаго министерства, не приведуть ни къ какимъ существеннымъ результатамъ. Присоединеніе Англии къ Германіи и Австріи встрѣчаетъ еще затрудненія и въ отношеніяхъ между Франціей и Великобританіей. Между англичанами есть много сторонниковъ сближенія съ французскою республикой, и поэтому-то правительство, которое пренебрегло бы этими симпатіями, приняло бы на себя тяжелую отвѣтственность. Недавно еще глава партіи вигговъ заявлялъ о несочувствіи либеральной партіи нѣкоторымъ стремленіямъ Австріи. Несочувствіе же это обуславливалось отчасти теперешними отношеніями между Франціей и Австріей, которыя не могутъ не озабочивать всѣхъ сторонниковъ первой.

Не смотря на неоднократныя заявленія австрійской официальной и офиціозной прессы объ искренности расположенія Вѣнскаго кабинета къ Франціи, послѣдняя не безъ опасенія смотритъ на Австро-Германскій союзъ и считаетъ его нарушающимъ ея интересы. Намѣреніе Германіи ослабить Французскую республику открыто высказывалось еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ и, какъ извѣстно, оно не было приведено въ исполненіе, по независившимъ отъ нѣмцевъ обстоятельствамъ. Теперь же, когда Германія вступила въ союзъ съ Австріей, опасенія враждебнаго со стороны ея образа дѣйствій еще болѣе усилились во Франціи. Въ послѣднее время, неоднократно даже возникали слухи о приготовленіяхъ Германіи къ новому походу въ союзѣ съ Австріей, хотя послѣдняя непосредственно не сталкивается ни въ одномъ изъ существенныхъ вопросовъ съ Франціей и можетъ быть враждебна послѣдней только, какъ союзница Германіи и политическій противникъ естественныхъ союзниковъ Франціи, Италіи и Россіи; но едва ли обязательства, связывающія два государства по отношенію къ другимъ державамъ, могутъ довести ихъ до столкновенія.

Напротивъ, правительства, заинтересованныя въ вопросѣ только, какъ союзники, должны бы способствовать соглашенію противниковъ. При естественной группировкѣ державъ, государства, занимающія подобныя положенія, несомнѣнно, будутъ служить именно къ упроченію мира. Не имѣя пужды прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, а, напротивъ, заботясь о томъ только, какъ бы избѣгать недоразумѣній, они могутъ вліять на рѣшеніе своихъ союзниковъ, и, желая изъ своихъ собственныхъ выгодъ сохранить миръ, конечно, всегда будутъ стараться успокоить страсти и выяснить, въ чемъ именно нарушаются интересы каждой изъ сторонъ и какъ можно согласовать интересы соперничающихъ державъ. Исторія даетъ намъ много примѣровъ, гдѣ даже случайные союзники имѣли сильное и благотворное вліяніе на принятіе того или другаго рѣшенія прямо заинтересованныхъ въ вопросѣ державъ. Легко представить себѣ какія благоприятныя результаты для обезпеченія всеобщаго благосостоянія принесетъ

дѣятельность посредниковъ, когда всё государства стануть слѣдовать политикѣ естественныхъ союзовъ.

Но трудно предвидѣть, когда можетъ вполнѣ выясниться группировка державъ, такъ какъ Англія, будучи однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ европейской семьи, до настоящей минуты еще недостаточно опредѣлила, въ чемъ именно заключаются ея существенные интересы, и гдѣ граница, далѣе которой она можетъ спокойно смотрѣть на перемѣны, происходящія въ политическомъ и экономическомъ мірѣ. Съ точки зрѣнія маркиза д'Израэли, нѣтъ ни одного международного вопроса, который не затрогивалъ бы интересовъ Великобританіи, такъ какъ владѣнія ея находятся во всѣхъ частяхъ свѣта, и она имѣетъ торговыя сношенія со всеми государствами. Интересы Англіи, по мнѣнію бывшаго перваго министра королевы Викторіи, требуютъ полного подчиненія ей азіатской и африканской торговли и преобладающаго вліянія въ Средиземномъ морѣ: По мнѣнію же либеральной партіи, всѣ вопросы, не грозящіе ослабленію жизненныхъ силъ Англіи, не могутъ быть существенными для нея. Результатъ пятилѣтней дѣятельности лорда Биконсфильда не говоритъ однако въ пользу его политики, и англійскіе избиратели, лучшие судьи, уже выразили ей свое неодобреніе. Нельзя, конечно, не признать, что англійскій премьеръ сдѣлалъ много вреда Россіи; но, тѣмъ не менѣе, Англія отъ его образа дѣйствій выиграла мало; во всякомъ случаѣ, потери, понесенныя ею, не вознаграждаются добытыми результатами. Планъ его, который въ последнее время былъ почти обнаруженъ, заключался приблизительно въ слѣдующемъ: подчинить своему вліянію все пространство отъ Египта до границы Китая и Бухары, имѣть въ своихъ рукахъ торговый центръ, связывающій три части свѣта и, благодаря этому условію, господствовать на всѣхъ рынкахъ. Понятно, что Малая Азія и Персія входили въ тотъ районъ, который долженъ былъ находиться въ зависимости отъ Англіи. Для достиженія этой цѣли требовалось ослабить Россію и, по возможности, изолировать тѣ державы, которыя могли бы препятствовать подобнымъ стремленіямъ; но, не смотря на поразительную дѣятельность, выказанную торійскимъ министерствомъ, оно ни на шагъ не приблизилось къ той цѣли, достиженіе которой поставило себѣ задачей. Кипрская конвенція, признавшая за Великобританіей право на покровительство Малой Азіи, въ дѣйствительности, нисколько не упрочила вліянія Англіи въ этой части Турецкой имперіи, и прежніе порядки тамъ не измѣнились. Въ Египтѣ стремленіе Великобританіи занять первую роль также не могло быть удовлетворено, и ей приходится раздѣлять тамъ вліяніе съ Французской республикой. Приобрѣсть же преобладающее значеніе ей едва ли удастся даже и вполслѣдствіи, такъ какъ она встрѣтитъ еще соперника въ Италіи. Въ Средней Азіи положеніе Англичанъ, не смотря на одержанные ими успѣхи, весьма затруднительно, и трехлѣтняя война съ Авангцами не только не приблизила ихъ къ той цѣли, которую преслѣдуетъ лордъ Биконсфильдъ.

но скорѣе даже отдалило отъ нея. Наконецъ, въ Персін, не смотря на дѣятельную интригу англійскаго посланника въ Тегеранѣ, Сэра Томсона нѣтъ удалось подчинить себѣ правительство шаха, и даже общаго передать Персін Герать не отдалило шаха отъ союза съ Россіей. Очевидно, что политика бывшаго премьера не привела Англію ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ, хотя, безспорно, крайне тяжело отозвалась на нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ и въ особенности на Россіи. Въ настоящую минуту, впрочемъ, трудно произнести окончательный приговоръ надъ политическою дѣятельностью лорда Биконсфильда въ минувшее пятилѣтіе, такъ какъ страна не позволила ему довести до конца начатое имъ дѣло. Бывшій глава оппозиціи лордъ Гартингтонъ мѣтко, хотя и нѣсколько рѣзко, очертилъ въ своемъ избирательномъ манифестѣ дѣятельность торійскаго министерства.

«Лордъ Биконсфильдъ утверждаетъ, пишетъ Гартингтонъ, что министры ея величества сохранили Европѣ миръ, который онъ совершенно правильно признаетъ необходимымъ для благосостоянія всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Между тѣмъ министры королевы не предупредили и даже, можетъ быть, вызвали войну на юго-востокѣ Европы. Англійское преобладаніе провозглашалось въ циркулярныхъ нотахъ, но за тѣмъ ступивалось въ секретныхъ конвенціяхъ. Территориальное увеличеніе Россіи, нарушеніе цѣлости и неспрямошвенности Оттоманской имперіи шло прямо въ разрѣзъ съ заявленными цѣлями англійской правительственной политики. Улаженіе восточнаго вопроса, приписываемое себѣ правительствомъ, виждется, преимущественно, на англо-турецкой конвенціи, по которой Порта обязалась произвести надлежащія реформы въ азіатскихъ владѣніяхъ султана. Со времени подписанія этой конвенціи дѣло осуществленія этихъ реформъ не подвинулось ни на шагъ. Министры королевы Викторіи и сами не отрицаютъ, что представленія ихъ по этому поводу передъ Блестательной Портою остались до сихъ поръ совершенно безуспѣшными. Конвенція остается все еще мертвою буквою. Два года тому назадъ правительство оффиціально заявляло, что пограничная черта, опредѣленная берлинскимъ протоколомъ, дастъ Греціи все то, чего она могла, разумнымъ образомъ, требовать. На самомъ же дѣлѣ Греція до сихъ поръ еще не удовлетворена и щекотливый греко-турецкій вопросъ по настоящее время еще не разрѣшенъ. Такимъ образомъ, политика англійскаго правительства не привела къ ожидаемымъ результатамъ, между тѣмъ, она возложила на страну громадную отвѣтственность. Приобрѣтеніе острова Кипра, въ дѣйствительности, ни мало не увеличиваетъ военнаго могущества англійской націи, а потому не можетъ служить равноцѣннымъ вознагражденіемъ за упомянутую громадную отвѣтственность. Въ Африкѣ министры ея величества были вовлечены въ войну, которую сами признавали ненужною. Война эта не принесла ни чести, ни выгодъ взаимно потраченныхъ на нее жертвъ людьми и деньгами. Въ Афганистанѣ мина-

стерство вызвало войну, разрушившую государство, независимость и дружба котораго, по мнѣнію самого нынѣшняго правительства, а также и его предшественниковъ, являлись весьма существенными элементами безопасности индійской границы. Политика нынѣшняго правительства вовлекла Индію не только въ единовременные, но также и въ постоянные громадные расходы, опредѣлить которые съ точностью представляется теперь невозможнымъ. Между тѣмъ, уже и теперь потребовалось для уравниванія индійскаго бюджета значительно урѣзать сѣтвы публичныхъ работъ, исполненіе которыхъ является необходимымъ условіемъ развитія благосостоянія Индіи и обезпеченія ея населенія отъ голода. Законная доля вліянія Англіи въ снискантіи европейскихъ державъ постоянно служила также и цѣлью стремленій либеральной партіи. Партія эта стремилась къ упомянутой цѣли, по меньшей мѣрѣ, также искренно и во всякомъ случаѣ болѣе успѣшно, чѣмъ это дѣлаетъ нынѣшнее правительство. Независимость Бельгіи была создана либеральнымъ англійскимъ правительствомъ. Успѣшныя мѣры, принятыя правительствомъ Гладстона для огражденія независимости и неприкосновенности бельгійской территоріи, представляютъ рѣзкій контрастъ съ обще-извѣстными результатами турко-любивой политики лорда Биконсфильда. По мнѣнію либеральной партіи, политическое вліяніе Англіи зиждется не на хвастливыхъ притязаніяхъ на гегемонію въ Европѣ; вліяніе это обуславливается твердостью и умѣренностью ея политики, вытекающими изъ сознанія нравственной и матеріальной силы, которая проявляетъ Англія въ союзѣ съ прочими державами въ интересахъ мира, справедливости и свободы. Какъ уже сказано, нынѣшнее правительство, утверждая, будто оно имѣло преобладающее вліяніе на европейскія дѣла, на самомъ дѣлѣ, не привело къ окончательному разрѣшенію ни одинъ изъ вопросовъ, въ которые оно вмѣшивалось.

Объясненіе политики кабинета, сдѣланное лордомъ Биконсфильдомъ и канцлеромъ казначейства С. Норткотомъ, не можетъ быть признано достаточнымъ и удовлетворительнымъ. Какъ тотъ, такъ и другой оставляютъ многіе вопросы совершенно безъ разъясненій и избѣгаютъ вдаваться въ подробности относительно внѣшней политики Англіи, предпочитая прибѣгать къ общимъ мѣстамъ. «Могущество Англіи», писалъ лордъ Биконсфильдъ вице-королю Ирландіи, по поводу выборовъ, «и сохраненіе мира въ значительной степени зависятъ отъ приговора, который будетъ на этотъ разъ постановленъ страною. Нынѣшніе министры королевы Винторіи имѣли возможность обезпечить сохраненіе мира, являющагося необходимымъ условіемъ благоденствія воѣхъ вообще цивилизованныхъ народовъ и въ высшей степени желательнаго, съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ. Между тѣмъ, огражденіе этого величайшаго блага не можетъ быть результатомъ пассивной политики невмѣшательства. Европейскій миръ зиждется, если не на преобладаніи, то на участіи Англіи въ снискантіи европейскихъ державъ. Кажущаяся невзвѣстность относительно исхода

предстоящихъ общихъ выборовъ до известной степени парализуетъ теперь благотѣльное вліяніе Англіи.» Понятно, что избиратели не могли быть удовлетворены подобными объясненіями.

Сэръ Норткотъ, въ посланіи къ своимъ избирателямъ, нѣсколько опредѣленнѣе характеризуетъ политику павшаго кабинета и приводитъ нѣкоторые доводы въ защиту его образа дѣйствій. Но, подобно Биконсфильду, уклоняется отъ подробнаго разбора всей дѣятельности кабинета за истекшіе пять лѣтъ. «Не смотря на чрезвычайныя трудности и усложненія, писалъ С. Норткотъ, парламентъ поддержалъ честь страны и отстаивалъ ея право на подобающее мѣсто и вліяніе среди прочихъ державъ. Хотя ему и не удалось избѣгнуть строгой критики со стороны известнаго числа лицъ, критики, проявлявшейся какъ внутри, такъ и внѣ парламента, онъ пользовался тѣмъ не менѣе поддержкою націи, признававшей его патріотизмъ и мужественную стойкость въ защитѣ великихъ интересовъ, которые надлежитъ ограждать британскому парламенту. Иностранная, колониальная и внутренняя его политика была проникнута однимъ и тѣмъ же духомъ, одинаковою рѣшимостью поддержать величіе, неприкосновенность и единство имперіи, соединить болѣе тѣсными узами всѣ народы, состоящіе въ подданствѣ королевы, и всѣ классы общества, изъ которыхъ слагается національное могущество Англіи. Парламентъ старался предотвратить войну, и тамъ, гдѣ оказалось это невозможнымъ, онъ успѣлъ, по крайней мѣрѣ, ограничить ея распространеніе, предотвративъ вмѣстѣ съ тѣмъ усложненія, въ одинаковой степени угрожавшія специальнымъ англійскимъ интересамъ и сохраненію европейскаго мира. Онъ торжественно провозгласилъ твердую рѣшимость англійскаго народа сохранить за собою, усилить и защитить великую колониальную индійскую свою имперію.»

Въ настоящее время, когда во главѣ правленія Англіи стало либеральное министерство, программа торійскаго кабинета не имѣетъ уже того значенія, которое придавали ему еще нѣсколько недѣль тому назадъ, но тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду того вліянія, которое несомнѣнно будутъ оказывать торіи на политику теперешняго министерства. Впрочемъ, дѣйствительную программу министерства Биконсфильда нельзя вполнѣ уяснить себѣ изъ сдѣланныхъ имъ и канцлеромъ казначейства заявленій; многіе тайные замыслы павшаго кабинета не были, да и не могли быть имъ обнародованы, такъ какъ подобная откровенность еще болѣе уменьшила бы ряды его сторонниковъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые данныя заставляютъ убѣждаться, что если бы англійскіе избиратели высказались за политику маркиза д'Израэли, то Великобританія заключила бы союзъ съ Германіей и Австріей. Желаніе этихъ послѣднихъ державъ, имѣть своимъ союзникомъ Англію, естественно и понятно, и не можетъ служить угрозой европейскому миру. Но чего могла бы искать Англія, вступая въ подобный союзъ; огражденіе какихъ интересовъ и обезпеченіе отъ чьего послѣдствія потребовало бы его заключеніе? Едва ли

даже самъ англійскій премьеръ имѣеть возможность дать на этотъ вопросъ вполне удовлетворительный отвѣтъ.

Готовность искать сближенія съ Германіей и Австріей обуславливалась лишь агрессивной политикой лорда Биконсфильда и если бы ему удалось достигнуть своей цѣли, то европейскому миру грозила бы серьезная опасность. Заключивши союзъ съ Великобританіей, какъ Австрія, такъ и Германія были бы увлечены торійскимъ кабинетомъ въ авантюристскую политику, а вопросъ еще—извлекали ли бы они изъ этого дѣйствительныя выгоды. Ни одно государство не могло еще достичь политическаго или торговаго преобладанія надъ всѣми другими государствами; а въ послѣднее время Англія явно стремилась занять первенствующее положеніе между европейскими державами. Общественное мнѣніе Великобританіи высказалось противъ подобныхъ стремленій правительства и нельзя не признать, что путь, на который вступилъ, было, лордъ Биконсфильдъ, былъ крайне опасенъ для Англіи. Какъ ни скрывало министерство своихъ затаенныхъ цѣлей, но народъ разгадалъ ихъ и успѣшилъ высказать порицаніе завоевательнымъ стремленіямъ правительства.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что павшій кабинетъ имѣлъ широкіе планы и ожидалъ только одобренія страны, чтобы начать приводить ихъ въ исполненіе. За мѣсяць еще до выборовъ, лордъ Салюсбери почти прервалъ всѣ дипломатическіе переговоры по самымъ существеннымъ и даже спѣшнымъ вопросамъ и старался уклониться отъ всякаго опредѣленнаго заявленія относительно намѣреній кабинета по вопросамъ, затрагивающимъ интересы другихъ государствъ. Видно, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ опасался стѣснить себя свободу дѣйствій въ случаѣ, если политика кабинета будетъ одобрена избирателями. Обеспечивъ союзъ съ Германіей и Австріей, торіи намѣревались приступить къ разрѣшенію восточнаго вопроса и рѣшить его въ ущербъ интересамъ Россіи, которая, по мнѣнію бывшихъ англійскихъ министровъ, не рискнула бы приблизиться къ рѣшительнымъ мѣрамъ, въ виду союза трехъ великихъ державъ. Эти же соображенія заставили англійскій кабинетъ отклонить предложенія Россіи войти въ соглашеніе съ Англіей.

Съ паденіемъ министерства Биконсфильда измѣнилось и политика Англіи, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что нѣкоторое время Великобританія не будетъ угрожать европейскому миру. Порицанія, высказанныя однимъ изъ руководителей либеральной партіи, намѣренію торійскаго кабинета сближаться съ Австріей можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доказательствъ, что о тройственномъ союзѣ Великобританіи, Германіи и Австріи не можетъ быть теперь и рѣчи. Англійское правительство не намѣрено уже преслѣдовать завоевательныхъ цѣлей и, слѣдовательно, подобный союзъ не представляетъ для него никакого интереса. Изъ манифеста лорда Гартингтона видно, что оно твердо рѣшило развивать силы Англіи лишь мирнымъ путемъ. Биржа, служащая однимъ изъ лучшихъ барометровъ для опредѣленія степени обез-

печенности мира, встрѣтила побѣду либераловъ повышеіемъ вѣхъ фондовъ; явленіе это можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что опасенія войны обуславливались лишь политикой торійскаго министерства, а не затрудненіями, представлявшимися при разрѣшеніи вопросовъ.

Взгляды либеральнаго министерства на отношенія Англійи къ другимъ государствамъ даютъ основанія предполагать, что намъ не трудно будетъ войти въ соглашеніе съ ними. Насколько, конечно, прочно можетъ быть подобное соглашеніе нельзя еще сказать теперь что-нибудь определенное, но, во всякомъ случаѣ, оно обезпечитъ намъ *спокойствіе на нѣкоторое время* и дастъ возможность оправиться отъ тяжелыхъ послѣдствій восточной войны. Французская печать заявляетъ даже о возможности союза между Россіей, Франціей и Англійей; но подобныя предложенія, по меньшей мѣрѣ, преждевременны, такъ какъ до тѣхъ поръ, пока не выяснится вполне, какъ будущее положеніе Россіи, такъ и положеніе Англійи, о союзѣ между нами не можетъ быть и рѣчи, и послѣдствія такого союза могли бы быть крайне неблагоприятны для одной изъ сторонъ. Желательно бы было, впрочемъ, чтобы можно было разрѣшить всѣ спорные вопросы при наименьшихъ жертвахъ. Новый англійскій кабинетъ даетъ основанія предполагать, что онъ, съ своей стороны, готовъ способствовать достиженію этой цѣли. Гладстонъ и лордъ Гартингтонъ хорошо понимаютъ, что даже самые блестящіе успѣхи, о которыхъ могъ бы только мечтать лордъ Биконсфильдъ, не обезпечили бы положеніе Англійи. Россія, какъ могущественная держава, не могла бы примириться съ той ролью, которую хотѣлъ предоставить ей бывший премьеръ. Будучи принуждена подчиниться неблагоприятному для нея порядку, она постоянно стремилась бы измѣнить его, и Великобританія должна бы была напрягать свои силы, чтобы противодействовать ей; а можно ли поручиться, что со временемъ не наступилъ бы моментъ, когда условія сдѣлались бы благоприятными для Россіи? Парижскій трактатъ можетъ служить хорошимъ примѣромъ того, какъ непрочны условія, стѣсняющія естественное развитіе народа. Поэтому-то руководители либеральной партіи предполагаютъ обезпечить интересы Англійи не новыми завоеваніями и стѣсненіемъ другихъ государствъ, а выясненіемъ своихъ отношеній къ послѣднимъ и упроченіемъ связи съ пріобрѣтенными уже колоніями поднятіемъ уровня ихъ благосостоянія.

Хотя подобная политика безспорно заслуживаетъ симпатій, но было бы неосновательно предполагать, что Англійю нельзя теперь считать нашимъ противникомъ. Положеніе ея, по отношенію къ Россіи, не измѣнилось; не только борьба между нами и англичанами не будетъ имѣть уже того остраго характера, который желалъ придать ей маркизъ д'Израэли. Тѣмъ не менѣе о союзѣ между Великобританіей и Россіей въ настоящую минуту не можетъ быть и рѣчи. Вообще, при теперешнихъ условіяхъ, Англійа едва ли заключитъ союзъ съ какой-нибудь изъ европейскихъ державъ, если не пожертвуетъ нѣкоторыми изъ своихъ интересовъ.

Постоянное стремленіе англичанъ распространять свое вліяніе сдѣлало ихъ соперниками большинства европейскихъ державъ и поэтому, пока не опредѣлится кругъ интересовъ Великобританіи, она не будетъ имѣть въ Европѣ естественныхъ союзниковъ. Вслѣдствіе этого, Англія при предстоящей группировкѣ державъ останется изолированной. Но подобное исключительное положеніе не повредитъ ей; напротивъ, вліяніе ея при этомъ быть можетъ усилятся даже, такъ какъ другія державы будутъ стараться привлечь ее на свою сторону; а при добровольномъ соглашеніи съ ними она выиграетъ несравненно болѣе, чѣмъ сколько доставили бы ей блестящіе успѣхи лорда Биконсфильда, для обезпеченія которыхъ требовались бы постоянныя жертвы.

Англія, слѣдовательно, можетъ спокойно смотрѣть на группировку державъ на континентѣ и, по всей вѣроятности, либеральное министерство не будетъ принимать въ этой группировкѣ прямого участія. Какъ бы ни раздѣлились европейскія державы, интересы Великобританіи, какъ ихъ понимаютъ виги, не пострадаютъ при этомъ. Для нея теперь важно, чтобы европейское равновѣсіе не было нарушено; а именно, только эту цѣль державы и могутъ имѣть въ виду, заключая между собой естественные союзы. Слѣдовательно, всѣ опасенія за спокойствіе Европы, возбужденныя слухами о союзѣ Россіи съ Франціей, неосновательны. Напротивъ того, только въ томъ случаѣ, если дѣйствительно состоится Франко-Русско-Итальянскій союзъ подобно тому, какъ состоялся уже Австро-Германскій, миръ можно считать почти обезпеченнымъ. Современемъ обстоятельства выяснятъ, конечно, въ которомъ изъ двухъ лагерей присоединится Великобританія. Надо полагать, однако, что, при другихъ обстоятельствахъ, даже союзъ ея съ Австріей и Германіей не будетъ угрозою европейскому миру.

Дѣло о выдачѣ Франціей русскому правительству архангельскаго жѣщанина Льва Гартмана заслуживаетъ особеннаго вниманія не только съ юридической точки зрѣнія, но и съ политической. Оно даетъ намъ возможность составить понятіе объ отношеніяхъ къ Россіи теперешняго французскаго правительства и уяснить себѣ на сколько мы можемъ на него разсчитывать на будущее время.

Первое впечатлѣніе, производимое чтеніемъ обнародованныхъ Правительственнымъ Вѣстникомъ документовъ, дѣлаетъ крайне неблагоприятное, для Франціи впечатлѣніе. Но тщательно разбирая это дѣло, нельзя не признать, что, въ дѣйствительности, большинство грубыхъ промаховъ и неловкихъ приемовъ французскаго правительства обусловливается, главнымъ образомъ, желаніемъ избѣгнуть необходимости отказать Петербургскому кабинету въ выдачѣ преступника, когда обстоятельства дѣла на столько уже выяснились, что Гартманъ будетъ вынужденъ признать себя виновникомъ преступленія 19-го Ноября и просить о защитѣ, какъ политическій преступникъ. Министерство Фрейсине въ виду поднятой радикальной партіей агитаціи было бы поставлено въ невозможность исполнить наше

требованіе и должно бы было категорически заявить, что лицо, совершившее варваръ 19-го Ноября, какъ обвиняемое въ политическомъ преступленіи, не можетъ быть выдано. Несомнѣнно, что мотивированный подобнымъ образомъ отказъ произвелъ бы въ Россіи несравненно болѣе тягостное впечатлѣніе, чѣмъ извѣстіе объ освобожденіи Гартмана за недостаткомъ уликъ. Поступая такимъ образомъ, французское правительство сводило все дѣло на личный вопросъ кн. Орлова, какъ и выразился министръ иностранныхъ дѣлъ въ разговорѣ съ г. Молчановымъ, корреспондентомъ Новаго Времени.

Не входя въ обсужденіе того, на сколько добросовѣстенъ подобный образъ дѣйствій, нельзя не признать однако, что поступая такимъ образомъ въ Парижѣ не имѣли въ виду нарушить дружественныя сношенія съ Россіей, а, напротивъ, желали смягчить свой отказъ. Тѣмъ не менѣе несостоятельность доводовъ, приводимыхъ французскими прокурорами за освобожденіе Гартмана слишкомъ очевидна и естественно должна была возбудить раздраженіе. Конечно, не юристъ, подобный г. Казо, могъ бы придать имъ серьезное значеніе; напр. такой фактъ, какъ признаніе компетентнымъ лицомъ, что Гартманъ, утверждавшій будто онъ уроженецъ Берлина, говоритъ по нѣмецки, не какъ Берлинскій житель, а какъ Прибалтійскій нѣмецъ, приводится прокуроромъ въ защиту обвиняемаго. По мнѣнію прокурора, изъ того, что обвиняемый говоритъ, какъ балтійскій нѣмецъ, можно заключить, что онъ не уроженецъ Архангельской губерніи. Дѣлая подобный выводъ, представитель обвиненія какъ бы нарочно упустилъ изъ виду, что почти всѣ русскіе усвоиваютъ произношеніе остзейскихъ нѣмцевъ. Министръ же юстиціи, въ своемъ докладѣ, выпускаетъ даже заявленіе эксперта, что обвиняемый не можетъ быть уроженецъ Берлина, какъ показываетъ, а лишь указываетъ, что въ виду остзейскаго выговора задержаннаго лица едва ли возможно предполагать въ немъ Архангельскаго мѣщанина Гартмана. На другой еще болѣе неловкій пріемъ французскихъ судебныхъ властей было указано даже «Правительственнымъ Вѣстникомъ», — такъ отказъ выдачи преступника мотивированъ между прочимъ недоказанностью виновности Гартмана, тогда какъ по смыслу циркуляра бывшаго министра юстиціи Дюфора отъ 12 Октября 1875 г. не правительство должно доказывать виновность лица, которое оно требуетъ выдать, а самъ обвиняемый обязанъ представить доказательства своей невинности.

Несостоятельность доводовъ, представленныхъ французскимъ правительствомъ равно очевидна какъ для самихъ французовъ, такъ и для русскихъ, и объясняется только желаніемъ избѣгнуть необходимости дать болѣе рѣзкій отказъ Россіи послѣ того, какъ всѣ доказательства были бы представлены. Къ сожалѣнію, министерство Фрейсине не приняло во вниманіе одного обстоятельства, а именно, что въ Петербургѣ своевременно поняли бы его затруднительное положеніе по отношенію къ радикальной партіи, пользующейся теперь громаднымъ вліяніемъ во Франціи, и от-

казались бы отъ требованія выдачи Гартмана. Такимъ образомъ, французское правительство, не оскорбляя Россіи и не возстановляя противъ себя радикальную партію, вышло бы изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставило его Гартманское дѣло. Послѣдствіемъ избавившись отъ Гартмана высылкою его за-границу, министерство Фрейсине оставило вопросъ о выдачѣ уголовныхъ преступниковъ политическаго оттѣнка открытымъ и возбудило противъ себя справедливыя нареканія въ неослѣдовательности. Дѣйствительно странно, что государство, недавно еще выдавши преступника подобнаго Гартману, нѣкоего Духовскаго, мотивировавшаго свое преступленіе также политическими соображеніями, отказывается подъ явно придуманнымъ предлогомъ въ выдачѣ другаго, такого же преступника. Это тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что Франція заключила съ нѣкоторыми государствами конвенціи о выдачѣ обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ лицъ, и въ числѣ уголовныхъ преступленій поименовывается также покушеніе на жизнь царственныхъ особъ. Подобная конвенція заключена Франціей, напр. съ Бельгіей и Баваріей. Дѣйствуя болѣе обдуманно, французское правительство избѣгло бы нареканій и наши отношенія къ Франціи не были бы поколеблены. — Странно, какъ Министры не поняли, что не въ нашихъ интересахъ возбуждать недоразумѣнія во Франціи и подрывать довѣріе страны къ правительству. Чѣмъ прочтѣе установившійся тамъ порядокъ вещей, тѣмъ это выгодноѣ для насъ, и несомнѣнно, что Россія предпочла бы отказаться отъ выдачи Гартмана, лишь бы не вызвать правительственнаго кризиса. Подобный отказъ, конечно мотивированный, далъ бы возможность министерству не только упрочить дружественныя сношенія съ Россіей, но и поднять бы значеніе кабинета въ глазахъ самихъ французовъ. Всего этого не сообразили французскіе политики—юристы и сдѣлали промахъ, на который нельзя негодовать, но о которомъ едва ли возможно не сожалѣть.

Къ счастью обоихъ государствъ, въ Петербургѣ, повидимому, поняли чѣмъ обусловливался неблаговидный, по отношенію къ намъ, поступокъ французскаго правительства и не придали ему того значенія, которое враги Россіи желали придать. Наши отношенія къ Франціи не могутъ быть нарушены частными промахами того или другаго правительства, и промахи эти не вызовутъ взаимнаго раздраженія между русскими и французами. По полученіи извѣстія объ отказѣ намъ выдать Гартмана, поднимался даже вопросъ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ французскою республикой и предоставленія Германіи полной свободы дѣйствія на западѣ Европы. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобный рѣшительный шагъ тяжело бы отозвался на судьбѣ французскаго народа. Но послѣдствія его были бы также неблагоприятны и для Россіи, хотя первое время мы и не ощущали бы ихъ. Ослабленіе нашего естественнаго союзника подрывало бы и наше вліяніе въ Европѣ, и по этому-то Россія не только не могла, но и не должна была такъ поступить. Намъ надо въ настоящее время болѣе

чѣмъ когда—либо поддерживать Францію и держаться той политики, которой руководствовался государственный канцлеръ въ 1875 г. Слова, сказанныя въ Берлинѣ передъ Герцеговинскимъ возстаніемъ, не должны быть забываемы нашими дипломатами. Надо надѣяться, что теперь, съ возвращеніемъ въ Парижъ кн. Орлова, во Франціи убѣдятся, наконецъ, въ искренности и безкорыстїи нашей политики, и на будущее время мы будемъ обеспечены отъ новыхъ недоразумѣній, подобныхъ возникшимъ по случаю отказа министерства Фрейсине выдать виновника преступленія 19-го ноября.

Влад—овъ.

Поземельныя приобрѣтенія и уступки Россіи за послѣдніе тридцать лѣтъ. 1850-1880.

Послѣдніе - обнародованныя статистическія данныя показываютъ, что Россія къ 1 января 1880 года занимаетъ 395,189 кв. г. миль,*) а тридцать лѣтъ назадъ она простиралась лишь на 375.000 кв. миль, считая тутъ даже тѣ земли, которыя были заняты кавказскими горами, тогда еще непокорными. Приращеніе ея пространства, стало быть, очень значительно съ конца первой половины нашего вѣка и доходитъ до 20,000 кв. миль, что слишкомъ вдвое болѣе Франціи. Но закончено ли оно? Если же не закончено, то чего нужно бы еще желать?

Пора, конечно, перестать думать о завоеваніяхъ, имѣющихъ цѣлью одно увеличеніе размѣровъ нашего отечества, которое многими смѣшивается съ его величіемъ; но время также сознательно высказаться на счетъ того, имѣемъ ли мы все, что нужно, чтобы государственная и національная область наша могла считаться естественнымъ цѣлымъ, такимъ цѣлымъ, что всякая прибавка къ нему или отверженіе отъ него той или другой мѣстности влекли за собою существенный ущербъ для интересовъ народа русскаго. Деятнадцатый вѣкъ, есть вѣкъ окончательнаго раздѣла земной суши между большими народностями. Кто сдѣлаеть въ этотъ вѣкъ ошибку, тотъ не поправитъ ее потомъ долго и будетъ страдать отъ того, истощаясь въ усиліяхъ, быть можетъ, совершенно напрасныхъ.

Такой сознательный взглядъ на государственную территорию, впрочемъ, привился уже, отчасти, если не къ массамъ русскаго народа, то, по крайней мѣрѣ, къ передовымъ его представителямъ. Мы добровольно сдѣлали съ 1850 года двѣ важныя уступки, продавъ Соединеннымъ Штатамъ сѣверо-американскія колоніи наши и отказавшись въ пользу Японіи отъ Бурильскаго архипелага. Съ другой стороны, мы сознательно и

*) Цифра эта, быть можетъ, нѣсколько болѣе истинной, въ виду сомнительнаго очертанія на картахъ сѣвернаго берега Азіи, гдѣ важныя неточности обнаружены Норденшильдомъ.

не безъ успѣхъ приобрѣли Амурскій край, тѣ части Кавказа, которыя еще оставались во власти горцевъ, и значительную часть турецкихъ Грузинъ и Арменій. Наконецъ, отчасти волею, отчасти неволею, мы сдѣлали много важныхъ поступательныхъ шаговъ въ Туркестанѣ и въ Джунгаріи. Оцѣнить всѣ эти перемены, показать ихъ значеніе для будущности Россіи—такова цѣль настоящаго очерка.

Начнемъ съ отдаленнѣйшаго востока.

Съоро-американскія владѣнія, отъ Берингова пролива на востокъ до 237-го градуса восточной долготы отъ Ферро, а на юго-востокъ, до берега Великаго океана, даже до 248-го, приобрѣтены были Россіею въ самомъ концѣ XVIII столѣтія (1799) и притомъ по почину не правительства, а частной торговой компаніи, въ которой выдающуюся роль игралъ купецъ Шелеховъ. Уже въ 1804 году явилась надобность удостовѣриться, что обѣщаютъ эти отдаленныя колоніи, и потому туда посланъ былъ камергеръ Рязановъ, зять Шелехова, назначенный въ то же время и посланникомъ въ Японію. Съ тѣхъ поръ сомнѣнія въ пользѣ этихъ колоній возражались нерѣдко, такъ какъ государство изъ нихъ ощутительной пользы не извлекало, а, между тѣмъ, въ случаѣ вѣншей войны съ какою-нибудь морскою державою, должно было нести тяжелое бремя ихъ обороны. Конечно, акціонеры компаніи, люди болѣе или менѣе вліятельные, были противъ этого взгляда. Получая хорошіе доходы отъ звѣринаго промысла, они не прочь были обѣщать и всему русскому народу важныя выгоды отъ владѣнія ими, акціонерами, отдаленною и обширною землею. Но правительство не могло вдаваться въ обманъ. Особенно труднымъ стало его положеніе во время восточной войны 1853—56 годовъ, когда для охраненія колоній отъ захвата Англіи пришлось поставить ихъ подъ охрану Соединенныхъ Штатовъ. Плохое внутреннее управленіе колоніями, возбуждавшее неудовольствіе туземцевъ, вызвало также желаніе покончить съ этимъ «неудобнымъ» владѣніемъ, и потому въ началѣ шестидесятыхъ годовъ была произведена новая ревизія его адмираломъ Поповымъ, послѣ чего вопросъ о продажѣ далекой земли сосѣдямъ ея по Великому океану и нашимъ, *soi-disant*, политическимъ друзьямъ, американцамъ, былъ въ основѣ рѣшенъ. Окончательная уступка состоялась въ 1867 году, за семь милліоновъ долларовъ золотомъ, при чемъ обнаружилось, на сколько наши «друзья» были дѣйствительно друзьями. Выговоривъ себѣ право занять территорію раньше уплаты денегъ и даже ассигнованія ихъ конгрессомъ, вашингтонскіе политики были потомъ не прочь если не уклониться вовсе отъ расплаты, то проволочить дѣло до какой-нибудь благопріятной для нихъ случайности. Приходилось русскому посланнику въ Вашингтонѣ посылать дорогія депеши по атлантическому канату, даже дѣлать денежные подарки вожакамъ партій въ конгрессѣ (напр. 15,000 д. г. Б-у), чтобы ускорить дѣло. Наконецъ, оно заключилось, болѣе или менѣе, благополучно, и теперь Россія освободилась отъ

владѣній на американскомъ материкѣ и въ Алеутскомъ архипелагѣ. Но корытныя американцы не прочь бы подвести подъ категорію бывшихъ владѣній россійско-американской компаніи и острова Командорскіе, лежащіе вблизи береговъ Азіи. Даже болѣе того: они уже много лѣтъ приглядываются въ Чукотской землѣ, гдѣ, по ихъ словамъ, нѣтъ русскихъ владѣній, такъ что земля эта можетъ считаться ничьею, т. е. можетъ быть сдѣлана американскою. Ими ежегодно ввозится туда немало табаку, мануфактурныхъ надѣлій и водки, за которые они пріобрѣтаютъ почти всю добычу чукчей отъ рыбнаго и звѣринаго промысловъ. Была даже съ ихъ стороны попытка учредить въ Чукотской землѣ факторію, и потому въ послѣдніе годы для охраненія нашихъ, уже занятыхъ земель, намъ приходилось посылать крейсеровъ въ Берингово море, и очень можетъ быть, что придется посылать ихъ ежегодно, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и даже завести двѣ-три постоянныя станціи, напр., на устьѣ Анадыри, въ бухтѣ Св. Лавренція и въ губѣ Колючинской, у сѣвернаго конца которой зимовалъ Норденшильдъ.

Изложивъ эти основныя данныя объ исторіи пріобрѣтенія и утраты нами сѣверо-американскихъ владѣній,*) имѣвшихъ пространство свыше 23,000 кв. миль, мы въ правѣ теперь спросить себя: вполнѣ ли основательно мы поступали при послѣднемъ актѣ? Что колоніи приносили мало выгоды Россіи—это справедливо; что охранять ихъ въ военное время было трудно—это также несомнѣнно; наконецъ, что американцамъ хотѣлось пріобрѣсти ихъ въ силу извѣстнаго ученія Монров—это опять неоспоримо. Но противъ этихъ трехъ основныхъ мотивовъ купли-продажи желающіе могли бы выставить немало возраженій. Во первыхъ, бывшія наши американскія колоніи, по климату и естественной производительности, были вовсе не изъ худшихъ русскихъ земель. Благодаря существованію извѣстнаго морскаго теченія, куро-сиво, этого гольфстрима Тихаго океана, Ситха, Аляска и Алеутскій архипелагъ отличаются климатомъ болѣе теплымъ, чѣмъ многія другія части Россіи, и если лѣтомъ не бываетъ тамъ жаровъ, то и зимой нѣтъ большой стужи. Вслѣдствіе этого, а также значительной влажности воздуха, страна богата лѣсами, которыхъ великолѣпіе прекрасно изобразилъ Кьитлицъ въ атласѣ къ «Путешествію Литке», и если мы не умѣли пользоваться этимъ богатствомъ, то вина падаетъ на насъ самихъ. Не забудемъ, что въ Шанхаѣ, Фуцзеу-фу и Гонконгѣ мачтовые деревья продаются по 120—150 металлическихъ рублей. Различныя металлы, не исключая и золота, найдены нынѣ въ нѣдрахъ «территоріи Аляски»; у береговъ ея ловится много бобровъ, моржей и тюленей, а въ сосѣднихъ моряхъ промышляютъ китовъ.

*) Не касаясь, впрочемъ, колоніи Россіи на берегу Калифорніи, которую мы добровольно оставили еще въ 1846 г., предъ самымъ открытіемъ въ сосѣдствѣ ея, на Сакраменто, золотыхъ приисковъ.

Бто и́шалъ намъ пользоваться всѣмъ этимъ въ немалой для себя вы-
годѣ? Переселивъ въ колоніи нѣсколько тысячъ русскихъ людей, особен-
но изъ бѣдныхъ сѣверныхъ губерній, населенныхъ звѣропромышленни-
ками и рыболовами, мы могли бы расширить русскую національную об-
ласть на 23,000 кв. миль, земля во всякомъ случаѣ болѣе производи-
тельныхъ, чѣмъ киргизскія и туркменскія степи. Во вторыхъ, что ка-
сается охраны колоній во время войны, то можно замѣтить, что если бы
отправлять въ Тихій океанъ передъ каждой войной, хоть треть того фло-
та, который теперь бесполезно замерзаетъ каждую зиму въ Балтійскомъ
морѣ и оставался на кронштатскомъ рейдѣ, вотъ уже двѣ войны, то, ко-
нечно, мы обезпечили бы полную безопасность не только американскихъ
колоній, но и владѣній нашихъ у восточныхъ береговъ Азии. Да сверхъ
того, моряки наши имѣли бы широкую практику отъ постоянныхъ пла-
ваній не въ шхерахъ, гдѣ имъ не съ кѣмъ будетъ сражаться, и гдѣ они
ежегодно губятъ по кораблю, а въ океанахъ.... Что американцы желали
приобрѣсти американскую землю—это понятно; но вѣдь не силою же до-
бивались они отъ насъ этого приобрѣтенія; уступать же обширную стра-
ну ради одной «дружбы», ради ожиданія въ «будущемъ» политическаго
союза—по меньшей мѣрѣ наивно.... Впрочемъ, оставимъ все дѣло о про-
дажѣ американскихъ колоній безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, какъ вполнѣ
и безвозвратно рѣшенное. Сожалѣть о ихъ уtratѣ значило бы теперь
почти то же, что горевать о соединенномъ съ нею прекращеніи незахода
солнца надъ русской имперіей.... Дѣльнѣе будетъ замѣтить, что при про-
дажѣ колоній мы связали себя условіемъ, котораго смыслъ едва ли осо-
бенно для насъ выгоденъ. Разумѣемъ оговорку о связи съ русскою цер-
ковью тѣхъ лицъ православнаго исповѣданія, которыя остались въ быв-
шихъ нашихъ владѣніяхъ, но сдѣлались американскими гражданами. Если
бы мы вздумали строго слѣдить за поддержаніемъ этой связи, то, конеч-
но, въ короткое время поссорились бы съ американцами; если же этой стро-
гости не имѣлось въ виду, то, кажется, незачѣмъ было и договаривать-
ся о вѣроисповѣданіи людей, совѣсти которыхъ, во всякомъ случаѣ, ни-
кто не сталъ бы насиловать въ странѣ такой полной религіозной свободы,
какъ Соединенные Штаты. Не возникни, въ силу сказаннаго условія, рус-
скаго епископства въ Санъ-Франциско, не было бы, конечно, и тѣхъ «со-
блазновъ», которые имѣли мѣсто въ православной общинѣ этого города,
къ невыгодѣ русскаго имени.

Въ другой части Тихаго океана, близъ береговъ материка азіатскаго,
нами сдѣланы съ 1850 года: приобрѣтеніе Сахалина и уступка Курильскихъ
острововъ. Два эти событія находятся въ тѣсной между собою связи.

Въ 1805 году посланникъ нашъ, Рязановъ, недовольный приѣмомъ япон-
цевъ и желая имъ отомстить за это, послалъ двухъ морскихъ офицеровъ,
Хвостова и Давыдова, съ судномъ на Сахалинъ, чтобы объявить эту, ни-
кому непринадлежавшую землю, русскимъ владѣніемъ. Такъ какъ по берегамъ

Сахалина каждое лѣто появлялись японскія рыболовныя ватаги, а зимою оставалось нѣсколько японскихъ сторожей, то іеддоское правительство приняло къ сердцу дѣйствіа Давыдова и Хвостова и сочло ихъ непріязненными со стороны Россіи. Въ силу того оно, въ 1811 году, хитростью захватило Головнина съ нѣсколькими моряками въ плѣнъ, а свободнымъ спутникамъ ихъ объявило, что не выпуститъ плѣнниковъ до тѣхъ поръ, пока Россія формально не откажется отъ своихъ домогательствъ на Сахалинъ. Отказъ этотъ съ нашей стороны былъ сдѣланъ въ формѣ признанія дѣйствій Хвостова и Давыдова самовольными. Такимъ образомъ, не могло быть съ нашей стороны больше и рѣчи объ этой землѣ. Но вотъ, въ 1854 году, т. е. одновременно съ первою экспедиціею вдоль Амура является въ Нагасаки, а потомъ въ Симоцу, адмиралъ Путятинъ и заключаетъ договоръ, въ силу котораго островъ Сахалинъ объявляется «еще неразграниченнымъ» между Россіею и Японіей, какъ будто Россія имѣла все-таки на него какія-нибудь права. Потомъ, въ 1867 году, условіе это подтверждается г. Стремоуховымъ съ поясненіемъ, что «островъ состоитъ въ нераздѣльномъ владѣніи Японіи и Россіи», но что «туземцы—свободны.» Такого необыкновеннаго положенія страны въ 1200 кв. миль еще не встрѣчалось въ исторіи международнаго права, а потому нужно было изъ него выйти. И этотъ выходъ особенно былъ желателенъ для насъ, такъ какъ, съ присоединеніемъ амурскихъ владѣній, Сахалинъ пріобрѣлъ большую важность: стратегическую, потому что онъ запираетъ входъ въ рѣку Амуръ, и экономическую, потому что на немъ находятся пріиски каменнаго угля, очень нужнаго для нашего флота въ Японскомъ морѣ. Переговоры тянулись довольно долго и, наконецъ, въ 1875 году увѣнчались успѣхомъ. Сахалинъ сталъ исключительно нашимъ, но зато мы уступили Японіи Курильскій архипелагъ. Мало того: за японцами оставлено право ловить у сахалинскихъ береговъ рыбу, что, со временемъ, когда островъ заселится русскими, можетъ повести къ нѣкоторымъ неудобствамъ. Мы не станемъ предугадывать, чѣмъ еще предстоитъ намъ поплатиться за отказъ японцевъ отъ этого права; но замѣтимъ, что японскихъ рыбопромышленныхъ заведеній никогда не было на Сахалинѣ сѣвернѣе 48-го градуса широты, что лежащая на югъ отсюда часть острова имѣетъ не болѣе 215 кв. миль, и что уступленный нами Курильскій архипелагъ занимаетъ почти половину этого пространства.

Настоящимъ вознагражденіемъ за уступки, сдѣланныя нами въ Америкѣ и на Тихомъ океанѣ, нужно признать не семь милліоновъ долларовъ, не исправленіе двукратной дипломатической ошибки относительно Сахалина, а присоединеніе Амура. Амурскій край, въ томъ видѣ, какъ онъ признанъ за нами айгунскимъ (1858 года) и пекинскимъ (1860) договорами, занимаетъ около 11.000 квадратныхъ миль и, вѣроятно, со временемъ станетъ одною изъ лучшихъ частей Россіи, не смотря даже на печальное начало исторіи его заселенія. Положеніе его у береговъ Великаго океана, гдѣ притомъ есть много превосходныхъ гаваней, обезпечиваетъ за нимъ первостепенное

политическое и коммерческое значеніе; физико-географическія его условія напоминаютъ среднюю полосу Россіи, отъ Петрозаводска до Курска, съ тою разницею, что зимы тамъ суровѣе, чѣмъ на меридіанѣ названныхъ городовъ въ европейской Россіи, лѣтомъ же во многихъ мѣстахъ содѣлаютъ виноградъ и другія растенія, свойственныя лучшимъ частямъ Европы *). Впрочемъ, уподобленіе Амурскаго края европейско-русскимъ землямъ никогда не можетъ быть точнымъ потому, что европейская Россія есть равнина, а амурскій бассейнъ богатъ горами; изъ этихъ горъ нѣкоторыя подходятъ къ снѣжной линіи, которая тамъ, вблизи Охотскаго моря, спускается тысячь до пяти съ половиною футовъ даже въ широтѣ 51°. Отъ того не нужно думать, чтобы вся эта страна, лежащая между 54-мъ и 42-мъ градусами широты, была годна для осѣдлой, земледѣльческой жизни. Напротивъ, горныя мѣстности, прилегающія къ Становому водораздѣлу и отчасти къ хребту Сихота-Алинь, никогда не будутъ годны для этой цѣли, и въ нихъ можно ожидать развитія только такихъ промысловъ, которые свойственны сѣверной половинѣ Урала или Олонецкой губерніи. По приблизительному соображенію, для земледѣлія въ Амурскомъ краѣ пригодна лишь треть всѣхъ земель, двѣ же другія трети должны быть оставлены подъ лѣсами и пастбищами или предоставлены на пользу горной промышленности, которая можетъ современемъ развиться, такъ какъ въ странѣ уже тамъ извѣстны желѣзныя руды, золото и каменный уголь. Но и 3.600 кв. миль плодородной, хорошо орошенной почвы—приобрѣтеніе важное, лишь бы умѣть имъ воспользоваться. Къ сожалѣнію, мы, какъ извѣстно, не отличились въ послѣднемъ отношеніи. Не говоря уже о качествахъ нашей колонизаціи, о которой напомнимъ, что ея размѣры до сихъ поръ незначительны: какихъ-нибудь пятьдесятъ тысячъ переселенцевъ въ двадцать шесть лѣтъ представляютъ явленіе жалкое, могущее только навести на мысль, что мы лишены способности къ колонизаціи, не смотря на то, что въ теченіе трехъ вѣковъ имѣли обширный опытъ въ Сибири, въ степяхъ, на Кавказѣ и пр. Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе причинъ этого неуспѣха; но необходимо замѣтить, что отъ него очень недалеко до полного пораженія. Китай въ двадцать лѣтъ, съ 1858 года, сдѣлалъ уже большіе успѣхи въ развитіи своихъ военныхъ силъ, и нѣтъ причины думать, что онъ не пойдетъ далѣе. А потомъ, еслибъ почему-нибудь у него началась война съ нами, онъ можетъ нанести намъ много вреда на Амурѣ, даже, быть можетъ, лишить насъ всѣхъ амурскихъ владѣній, какъ было въ XVII вѣкѣ. Особенно можно опасаться за потерю края между озеромъ Ханкаемъ и моремъ, гдѣ, благодаря неискусству нашихъ пограничныхъ *коммисса-*

*) Среднія годовыя температуры равны: въ Николаевскѣ 2°, 7, въ Петрозаводскѣ 2°, 5, во Владивостокѣ 4°, 7 и въ Курскѣ 4°, 9; наиболѣе жаркій мѣсяць въ Курскѣ имѣетъ ср. тем. 19°, 3, а во Владивостокѣ 20, 5°; наиболѣе холодный въ Курскѣ—9°, 9, во Владивостокѣ—13° Ц.; впрочемъ, цифры эти не особенно точны.

ровъ 1859—60 годовъ *), владѣнія наши представляютъ лишь узкую полосу земли, которую легко захватить движеніемъ войскъ изъ Нингуты и Хунь-Чуня. Съ другой стороны, мы должны опасаться въ Приморской области иного, гораздо болѣе могущественнаго врага—Англій. Богатый южноусурійскій край, съ его превосходными гаванями, представляетъ слишкомъ много соблазна для такой властолюбивой морской націи, какъ англичане. И какъ они всѣми силами стараются охватить, по возможности, весь земной шаръ съѣтью своихъ морскихъ станцій и торговыхъ колоній, которыя доставляютъ имъ возможность эксплуатировать другіе народы; то почти нельзя сомнѣваться, что при первой войнѣ съ Россією они употребятъ всѣ мѣры для захвата, если не всего берегового пространства между Кореею и устьемъ Амура, то хотя лучшихъ частей его, а также, быть можетъ, и Сахалина, на которомъ мы боремся съ ними не можемъ, потому что островъ пока не имѣетъ своего хлѣба и легко можетъ быть, изъ опасенія блокады, оставленъ слабымъ нашимъ отрядомъ, тамъ находящимся. По непонятной для насъ причинѣ положеніе наше на Сахалинѣ доселѣ не упрочено даже такою стратегическою мѣрою первой необходимости, какъ сооруженіе укрѣпленія близъ Погоби, т. е. въ точкѣ, гдѣ островъ больше всего сближается съ материкомъ, и гдѣ намъ необходимо укрѣпиться какъ для того, чтобы имѣть стратегическій *tête-de-pont* на случай отступленія съ Сахалина, такъ и просто для того, чтобы командовать проливомъ, черезъ который идетъ путь изъ Японскаго моря въ устье Амура.

Всѣ эти военно-политическія соображенія получаютъ особую важность въ виду новѣйшихъ заявленій англійскихъ журналовъ и даже людей государственныхъ, которымъ съ недавняго времени еще вторятъ оффиціозные журналы Германіи. Нескрываемая отнынѣ цѣль англо-германской политики—создать Россіи опаснаго противника изъ Китая и поддержать его именно въ атакѣ на наши теперешнія, недавно-приобрѣтенныя владѣнія у береговъ Японскаго моря, причемъ Англій легко будетъ получить, за услуги китайцамъ, безъ большихъ хлопотъ, напр. Новгородскую гавань и островъ Русскій, командующій Владивостокомъ. Сэръ Стафордъ Норткотъ, британскій министръ финансовъ, въ виду затрудненій, испытываемыхъ Англією въ Ирландіи и Авганистанѣ, желавшій убавить Россію, недавно говорилъ въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей, что Англія въ «дружбѣ» съ нами и *еще* не думаетъ отнимать у насъ какихъ-нибудь земель, но именно это *еще* и показываетъ, что рано или поздно такой оборотъ дѣлъ наступитъ,

*) Собственно говоря, одного изъ нихъ, Будогоскаго, который, имѣя въ своемъ распоряженіи обширныя средства для предварительнаго обследованія страны въ 1859 году, что дало бы возможность придумать разумную границу, ограничился весьма поверхностными съемками и не далъ не только точнаго, но и никакого описанія осматриваемой страны. Отъ того верховья Суйфуна и сѣверный берегъ Ханкаа остались во власти Китая, которому если они и нужны, то лишь для того, чтобы производить давленіе на Россію.

и, конечно, гавани въ южно-усурійскомъ краѣ и Сахалинѣ будутъ первою цѣлью наступательныхъ дѣйствій англійскихъ морскихъ и военныхъ силъ. Лондонскіе журналы прямо говорятъ, что Англія должна воспользоваться современными недоумѣніями между Китаемъ и Россіею по кульджинскому дѣлу и убѣдить правительство богдыхана отвѣчать на «захватъ» русскими Бульджи захватомъ же южно-усурійскаго края, гдѣ мы доселѣ такъ слабы. И берлинская печать не скрываетъ, что, въ случаѣ войны съ нами, Германія надѣется найти себѣ союзника въ Небесной имперіи.

Соображая все это, мы, кажется, безъ опасенія упрека въ пессимизмъ, можемъ сказать, что какъ ни цѣнны сами по себѣ приобрѣтенія, сдѣланныя нами, благодаря смѣлому и энергическому почину Г. И. Невельскаго и Муравьева въ Амурскомъ краѣ и на Сахалинѣ, они ни приносятъ Россіи той пользы, которую должны бы приносить по своему географическому положенію, и составляютъ предметъ немаловажныхъ для нея заботъ и даже опасеній, вполнѣ основательныхъ. Чтобы извлечь пользу и, по возможности, устранить опасности, по крайнему нашему разумѣнію, представляется необходимымъ:

1) Какъ можно скорѣе колонизировать земли, лежащія восточнѣе Усури и впаденія въ нее Сунгачи и притомъ непремѣнно русскими людьми. Недостатка въ переселенцахъ быть не можетъ, потому что въ европейской Россіи есть губерніи, гдѣ народъ бѣдствуетъ отъ недостатка свободныхъ земель. Разумѣется при этомъ, что поселенцы должны быть, по возможности, освобождены отъ чиновничьей опеки, и что имъ нужно открыть кредитъ для расходовъ по совершенію переѣзда (всего лучше моремъ изъ Одессы) и для устройства себѣ на новыхъ мѣстахъ, по ихъ выбору, съ указаніемъ лишь въ общихъ чертахъ округовъ, гдѣ они должны поселиться. Такъ называемый, «добровольный флотъ» можетъ оказать тутъ Россіи существенную услугу.

2) Для успѣха экономическаго и вообще гражданскаго развитія края, уничтожить казачье управленіе и самую казачью войска на Амурѣ и Усури.

3) Не предоставлять въ новомъ краѣ никому монополій, подобныхъ той, которую мы видѣли на Сахалинѣ, гдѣ каменноугольныя копи отданы въ эксплуатацію монополисту.

4) Перевести значительную часть, примѣрно треть, бесполезно гнѣющаго въ Балтійскомъ морѣ военнаго флота въ Тихій Океанъ для охраны нашихъ побережій отъ нападеній съ моря.

5) Въ случаѣ отказа китайцевъ ратифицировать договоръ о Кульджѣ, заключенный ихъ уполномоченнымъ Чунъ-Хоу въ 1879 году, предложить имъ новую сдѣлку, основанную на восстановленіи границы между западнымъ концомъ озера Зайсана и Мусартскимъ проходомъ въ томъ видѣ, какъ она была до 1864 года, т. е. на уступкѣ имъ не только Кульджи, но и Зайсанскаго приставства въ замѣнъ увеличенія нашихъ владѣній

въ южно-усурійскомъ краѣ до Мурени и до водораздѣла, отдѣляющаго бассейнъ Ханкай и Суйфуна отъ водоема Хурхи (Муданъ-Узана).

Это послѣднее предложеніе, очевидно, находится въ связи съ пограничнымъ вопросомъ въ Джунгаріи, а потому мы и перейдемъ теперь къ его разсмотрѣнію.

Начало второй половины XIX вѣка застало русско-китайскую границу въ сѣверо-западной Монголіи и Джунгаріи въ слѣдующемъ видѣ. Отъ Шабинъ-Дабаса, гдѣ начался рубежъ, условленный въ 1728 году, граница шла извилинами къ верховьямъ Чуи, откуда, по вершинамъ Алтайскихъ горъ, къ истокамъ Нарыма и по этой рѣкѣ до Иртыша; далѣе вверхъ по этой рѣкѣ, по западному берегу озера Зайсана и по линіи китайскихъ карауловъ, тянувшейся отсюда прямо на югъ къ Чугучаку. За Чугучакомъ линія продолжалась почти по меридіану, направляясь къ сѣверо-восточному концу хребта Джунгарскаго Алатау, шла по этому хребту и, послѣ перехода нашего въ 1854 году за р. Или, пересѣкала эту рѣку противъ устьевъ Чарына и тянулась вдоль этой рѣчки до ея истока изъ Небесныхъ горъ. Но граница эта не была утверждена никакимъ трактатомъ, а потому генераль Игнатъевъ, заключая пекинскій договоръ, вставилъ въ него условіе, что на пространствѣ отъ Алтая до Тянь-Шаня государственные рубежи будутъ опредѣлены особыми уполномоченными. Эти уполномоченные и условились, въ 1864 году, въ Чугучакѣ, провести новую границу, причемъ озеро Зайсанъ, за исключеніемъ крайней восточной его оконечности *), отошло все къ Россіи, а съ нимъ и зазайсанская степь по Тарбагатайскаму хребту. Этимъ способомъ Россія приобрѣла около 600 квадратныхъ миль, но большею частію мало куда годныхъ степей. Приобрѣтена была также междугорная долина Бухгармы, къ заселенію мало годная. На югъ же отъ Чугучака граница хотя и была условлена по линіи китайскихъ карауловъ, но въ дѣйствительности какими-нибудь знаками не обозначена, такъ какъ въ 1865 году Джунгарія была объята возстаніемъ, и китайцамъ было не до разграниченія. Въ 1871 году, какъ извѣстно, мы вынуждены были оружіемъ водворить порядокъ въ Кульджинскомъ округѣ (900 кв. миль), отпавшемъ отъ Китая и имѣвшемъ своего султана, на котораго опирались беспокойные мусульмане во всѣхъ окрестныхъ мѣстностяхъ. Эту завоеванную оружіемъ страну мы, однакожъ, не присоединили къ своимъ владѣніямъ, а только заняли временно, объявивъ китайцамъ, что они получаютъ ее, когда водворятся прочно въ другихъ при-тянь-шаньскихъ оазисахъ, лежащихъ на пути изъ Бульджи въ Пекинъ. Но съ того времени прошло уже около восьми лѣтъ, а это условіе не исполнено, не смотря на то, что китайцы истребили джунгарскихъ и мало-бухарскихъ бунтовщиковъ и стали прочной ногой въ Турфанѣ, Урумци, Манасѣ и другихъ мѣстностяхъ по

*) У которой однакожъ русскими казаками издавна производилась рыбная ловля, такъ что собственно одна эта часть Зайсана и была намъ нужна.

дорогъ изъ Бульджи въ Пекинъ. Въ прошломъ 1879 году особое посольство ихъ, прибывшее въ Петербургъ, успѣло, наконецъ, заключить договоръ о возвращеніи кульджинскаго оазиса подъ власть богдыхана; но какъ при этомъ съ нашей стороны были выговорены условія, на которыя пекинское правительство, повидимому, не желаетъ согласиться, то обмѣна ратификацій договора, а, слѣдовательно, и его исполненія доселѣ не послѣдовало. Наши замѣчанія по этому поводу мы уже сдѣлали выше и повторимъ еще разъ: чѣмъ отъ большей части нашихъ приобретений въ Джунгаріи, сдѣланныхъ съ 1860 года на счетъ Китая, мы откажемся въ пользу этой имперіи, тѣмъ будетъ лучше, лишь бы въ замѣнъ этого получить небольшое увеличеніе территории въ южно-усурийскомъ краѣ. Противнаго мнѣнія, мы увѣрены, могутъ быть только офицеры и чиновники семипалатинской и семирѣченской областей, для которыхъ съ установленіемъ точной границы отъ западнаго конца Зайсана прямо на Хабаровъ-Асу, Чугучакъ, джунгарскій Алатау и Чарынъ закроется сфера дешевыхъ военныхъ и гражданскихъ подвиговъ; люди же знакомые съ истиннымъ положеніемъ вещей во всей русской Азіи, конечно, раздѣляютъ наше мнѣніе, тѣмъ болѣе, что на всемъ протяженіи Зайсанскаго приставства и Кульджинскаго округа едва ли есть и 35 квадратныхъ миль, годныхъ для водворенія земледѣльческихъ поселеній.

Кромѣ официально присоединенныхъ земель на Бухтармѣ и около Зайсана и временно занятаго Кульджинскаго округа, мы послѣ 1850 г. завладѣли, отчасти на счетъ Китая же, бассейномъ озера Иссыкъ-Куля и гористою страной на югъ отъ него, въ верховьяхъ Сыръ-Дарьи, т. е. вообще землями дикоплеменныхъ киргизовъ. Какъ ни ничтожно это приобретение въ экономическомъ смыслѣ, но, въ виду параллельнаго ему движенія впередъ на западъ, къ сторонѣ Ташкента и Бокана, оно имѣетъ свое значеніе, которое еще усиливается, если вспомнить, что въ сосѣднемъ Восточномъ Туркестанѣ мы имѣемъ самый слабый пунктъ китайской имперіи, производя на который давленіе, легче всего можемъ попутить китайцевъ къ слѣдованію нашимъ политическимъ видамъ въ Азіи вообще. Общее протяженіе земель, принадлежащихъ къ бассейнамъ Иссыкъ-Куля и Нарына, составляетъ до 2.500 кв. миль, изъ которыхъ лишь 30 или 40 годны для осѣдлаго населенія. Желать какихъ-нибудь переизмѣнъ въ очертаніи этихъ земель съ юга, нѣтъ нималѣйшаго основанія, и все, чего могутъ требовать здравая политика, стратегія и экономическая наука въ этой странѣ, есть проведеніе хорошей торговой дороги отъ Иссыкъ-Куля въ Кашгаръ, чему уже и положено начало, по крайней мѣрѣ, между Кутемандами и укр. Нарынскимъ.

Подвигаясь далѣе къ западу отъ Семирѣчья, въ предѣлы области Сыръ-Дарьинской и всѣхъ русскихъ владѣній южнѣе ея, мы должны замѣтить, что въ началѣ второй половины нашего вѣка, т. е. едва 30 лѣтъ назадъ, всѣ эти земли принадлежали Россіи. Правда, въ 1847 году было осно-

вано близъ устья Сыра укрѣпленіе Рамское, но, собственно говоря, власть коганцевъ на низовьяхъ этой рѣки была опрокинута лишь въ 1853 году, со взятіемъ Акмечети. Итакъ, все протяженіе областей Сыръ-Дарьинской и Ферганской, отдѣловъ Самаркандскаго и Амударьинскаго, въ совокупности 19.800 кв. миль, составляетъ приобрѣтеніе Россіи въ послѣдніе тридцать лѣтъ. Со включеніемъ южной части Семирѣчья (2.500 кв. миль), это почти то же, что уступленные нами Соединеннымъ Штатамъ сѣверо-американскія земли, а по политическому положенію даже нѣчто болѣе важное. Но зато экономическое значеніе этого приобрѣтенія есть не только нуль, но и величина отрицательная. Завоеванная страна приноситъ намъ не доходы, а убытки, и едва ли будетъ приносить что-нибудь, пока въ составъ русскихъ владѣній не войдетъ весь Туркестанъ, т. е. вся арало-каспійская низменность, до подножій Гиндукуша и горъ Хоросанскихъ. Безпокойное населеніе страны и сосѣдство независимыхъ Бухары, мелкихъ владѣній по верховьямъ Окса и обширныхъ туркменскихъ степей служатъ источникомъ безпрестанныхъ опасеній за цѣлость этихъ новопріобрѣтенныхъ провинцій и заставляютъ держать тамъ много войскъ, которыя поглощаютъ гораздо больше издержекъ, чѣмъ край приноситъ доходовъ. Предѣлы нынѣшнихъ нашихъ туркестанскихъ владѣній на юго-востокѣ и югѣ просто нераціональны, потому что не совпадаютъ ни съ какиимъ естественнымъ рубежомъ, ни съ этнографическими границами. Поэтому и по указанной сейчасъ политической невыгодѣ сосѣдства Бухары и Туркменіи, мы должны желать, чтобы эти предѣлы были какъ можно скорѣе перенесены на югъ къ водораздѣламъ, съ которыхъ берутъ начало рѣки арало-каспійской низменности. Это, конечно, обременитъ насъ еще 11—12.000 кв. мильми степей, но за то дастъ возможность вдоль всей государственной границы Туркестанскаго края учредить русскія осѣдлости, которыми, какъ желѣзною цѣпью, будутъ замкнуты со всѣхъ сторонъ мѣстности, издавна служившія ареной большихъ политическихъ неурядицъ и обширныхъ народныхъ волненій, отзывавшихся на всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Тогда можно будетъ уменьшить число войскъ на новой окраинѣ, а, слѣдовательно, и бюджетъ расходовъ ея.

Противъ этого движенія впередъ, во всякомъ случаѣ исторически *неизбѣжнаго*, нерѣдко слышалось въ 1860—70-хъ годахъ, да иногда слышится и теперь, возраженіе, что оно неполитично, потому что раздражаетъ Англію. Едва ли нужно пояснять, что это возраженіе высказывается людьми, чуждыми не только патріотизма, но и дальновидности. Ихъ можно бы спросить: отъ чего же англичане нисколько не заботятся о томъ, что ихъ движенія за Индъ въ Белуджистанъ, Авганистанъ и въ Кашмиръ, могутъ не нравиться Россіи? Отъ чего эти англичане прямо говорятъ, что будутъ защищать Индію отъ Россіи помощью туркменскихъ шаекъ, хорошо вооруженныхъ и руководимыхъ искусными офицерами.... да не только говорятъ, а и дѣйствуютъ соотвѣтственно этимъ словамъ? Развѣ русскій

народъ находится въ вассальной зависимости отъ англійскаго, что долженъ интересамъ его подчинить свои собственные?

Мы не станемъ говорить про логическую и нравственную сторону вопроса, а только про политическую. Упомянувъ сейчасъ объ исторической неизбежности занятія нами всего Туркестана, мы не сказали ничего, что не истекало бы изъ прежнихъ судебъ его. Россія начала свое движеніе за пр. Уралъ и Иртышъ съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Сколько ни было дѣлаемо ею попытокъ остановиться хоть на какой-нибудь линіи, эти попытки оказывались тщетными. Основали мы Кокчетавъ и Баянъ-ауль, чтобы прикрыть отъ грабежей номадовъ наши поселенія на Иртышѣ и на Горькой линіи, и потребовалось черезъ нѣсколько лѣтъ основать Акмола, Каркараны, Аягузь, чтобы прикрыть передовую линію новою, еще болѣе выдающеюся впередъ. Стали мы прочною ногою въ Акмолахъ и Аягузѣ,—явилась надобность основать Улутау, Актау, Капалъ и т. д. Напрасно думали мы въ Оренбургскомъ краѣ не переходить Урала (Лина): въ 1845 году пришлось основать укрѣпленія на Ирғизѣ и Тургаѣ, чтобы положить предѣлъ волненіямъ степи, возбужденнымъ мятежнымъ султаномъ Кенисарою; основавъ же ихъ, мы вынуждены были черезъ нѣсколько лѣтъ перешагнуть на Сыръ-Дарью. Другаго исхода тутъ и быть не могло. Запирать постепенно, полосами, всѣ среднеазиатскія степи, которыя не заняты китайцами—это несчастная доля Россіи, доля, которую она могла бы миновать только тогда, когда тѣ же степи занялъ бы какой-нибудь другой цивилизованный народъ съ юга или востока. Но какъ такого народа нѣтъ, то приходится намъ, однимъ намъ, тянуть историческое тягло, котораго происхожденіе относится ко временамъ нашествія Батяи, и котораго главныя фазы суть: побѣды русскихъ князей на поклоненіе въ орду, куликовская битва, сверженіе татарскаго ига, покореніе Казани и Астрахани, переходъ Ермака за Уралъ, подданство Аблай-хана, основаніе русскихъ колоній въ степяхъ, покореніе Ташкента, походъ въ Хиву, плѣнъ коканскаго хана и пр. Пусть кто-нибудь изъ политиковъ, противящихся поступательному движенію Россіи въ Средней Азій, докажетъ, что между этими событіями нѣтъ роковой связи, какъ между частями одной волны, изъ отливной, обратившейся въ приливную. Если же доказать этого нельзя, то, разумѣется, намъ остается искать всѣхъ средствъ, чтобы движеніе было какъ можно менѣе обременительно для русскаго народа и поскорѣе окончилось покоемъ у прочнаго берега. Берегъ этотъ и видѣнъ уже въ недалекомъ разстояніи, причѣмъ та пристань, которой особенно нужно искать, лежитъ въ верховьяхъ Аму-Дарьи, у подножія Гиндукуша, въ Ваханѣ, Бадакшанѣ, Кундузѣ, Хульмѣ, Балѣ, Серипулѣ и Майменѣ, населенныхъ таджиками и узбеками и лишь недавно подпавшихъ подъ власть авганъ. Только что обнародованные результаты смѣлаго путешествія въ эти страны полковника Гродскаго позволяютъ думать, что поставленіе этихъ мѣстностей въ зависимость отъ Россіи

не только не встрѣтитъ препятствія со стороны мѣстнаго населенія, но даже будетъ поддержано имъ, такъ какъ узбеки и таджики не любятъ авганцевъ и, напротивъ, хвалятъ русское господство надъ ихъ соплеменниками въ Туркестанѣ. Движеніе наше въ эти мѣста, часть которыхъ еще недавно принадлежала вассалу Россіи, эмиру бухарскому, не представляетъ большихъ трудностей, такъ какъ дороги проходятъ большею частію по странамъ воздѣланнымъ, и во всякомъ случаѣ оно несравненно легче, чѣмъ напр. экспедиція въ Мервъ, о которой теперь говорятъ нѣкоторые журналы и которая, въ дѣйствительности, представляется почти немѣлющею смысла и можетъ представить не мало трудностей. Мервскій оазисъ не замыкаетъ аралокаспійской низменности съ юга и долженъ, по всей вѣроятности, стать *внутреннимъ* владѣніемъ Россіи, а не пограничнымъ, подобно тому, какъ станетъ внутреннимъ же владѣніемъ Хива. Его, поэтому, гораздо лучше обойти съ юга, по балхо-гератской дорогѣ, чѣмъ атаковать съ сѣвера, гдѣ онъ находитъ защиту въ страшныхъ пустыняхъ, тянущихся между Мервю и Чарджуемъ.

Слѣдую географическому порядку, мы должны бы теперь сказать нѣсколько словъ о приобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ съ 1850 года въ Закаспійскомъ краѣ. Но, собственно говоря, такихъ приобрѣтеній почти нѣтъ, а есть только упроченіе русской власти въ сѣверной части этого края, по крайней мѣрѣ, на Мангышлакѣ, до основанія Красноводска и двухъ-трехъ укрѣпленныхъ постовъ на линіи Атрека, гдѣ мы скорѣе являемся осажденными, чѣмъ повелителями. При этомъ любопытно, что, по совершенно непонятнымъ причинамъ, нами съ 1869 года добровольно сокращенъ районъ основаннаго въ томъ году Красноводска черезъ признаніе сѣверною границею Персіи не Бара-су, какъ было въ дѣйствительности, а Атрека, на всемъ нижнемъ теченіи котораго осѣдлыя поселенія почти невозможны вслѣдствіе пустынности края, малаго количества воды въ рѣкѣ, ея горькосолонаго вкуса и трудности развести ее, изъ глубокаго ложа, по оросительнымъ канавамъ. Результатомъ этой ошибки вышло то, что если бы нужно было выразить цифрами пространство земель, подвластныхъ Россіи въ красноводскомъ приставствѣ, то пришлось бы написать: *два-три* квадратныя мили, т. е. лишь тѣ мѣстности, которыя находятся подъ огнемъ Красноводска, Чата и Чикишляра. Правда, нами установлены сборы съ юмудовъ, проводящихъ зиму въ Персіи, а гдѣто на сѣверѣ отъ Атрека; но это не значитъ, чтобы названные туркмены стали русскими подданными. Думали было мы расширить сферу нашего вліянія завоеваніемъ сразу большой полосы земли вдоль по Атреку и по сѣверной подошвѣ Кепеть-дага; но экспедиція прошлаго 1879 года, предпринятая въ большихъ размѣрахъ, не удалась, какъ то и имѣлъ смѣлость предсказывать авторъ этихъ строкъ и въ своихъ письмахъ къ нѣкоторымъ военнымъ лицамъ, близко стоявшимъ къ дѣлу, и даже публично, въ одной изъ большихъ газетъ (Бирж. Вѣд. 1878 г. № 92). Замѣтимъ при этомъ,

что та же экспедиция, и притомъ сопряженная съ гораздо меньшими пожертвованіями, непременно была бы успѣшною, если бы ее предпринять не въ 1879 году, а напр. въ 1872 или 1874-мъ, когда туркмены были подъ впечатлѣніемъ страха отъ перваго появленія русскихъ и отъ разгрома Хивы, когда англійскіе агенты еще не проникали къ нимъ и не снабжали ихъ деньгами и оружіемъ, когда, наконецъ, Персія относилась благосклонно ко всѣмъ нашимъ движеніямъ, имѣвшимъ цѣлюю остоепенить туркменскихъ хищниковъ, дѣлавшихъ набѣги подъ самыя стѣны Астрабада, Мешхеда и пр.

Сводя теперь результаты территоріальныхъ приобрѣтеній и уступокъ Россіи въ пространствѣ на востокъ отъ Каспійскаго моря до Тихаго океана и принимая, на основаніи вычисленій Стрѣльбицкаго, нѣсколько фиктивную цифру пространства Закаспійскаго военнаго отдѣла, въ 5.940 кв. миль, мы находимъ, что нами съ конца 1850 по 1 января 1880 года.

Приобрѣтены:

Островъ Сахалинъ	1.290 кв. м.	
Амурскій край	11.000	» »
Долина Бухармы и приайсанскія степи	900	» »
Южная часть Семирѣчинской области	2.500	» »
Фергана, Сыръ-Дарьинская область, Самаркандскій и Аму-Дарьинскій отдѣлы	19.700	» »
Закаспійскій отдѣлъ	5.940	» »
Итого	41.330	» »

Уступлены:

Сѣверо-американскія колоніи	23.000	» »
Курильскій архипелагъ	90	» »
Итого	23.090	» »
Разница приобрѣтеній и уступокъ, составляющая чистую прибыль	17.340	» »
Бромъ того взять во временное владѣніе Кульджинскій округъ	900	» »
Итого	18.240	» »

Для приобрѣтенія рациональныхъ границъ кажется полезнымъ или даже необходимымъ:

Присоединить еще:

Бассейны озера Ханкая и рѣки Суйфуна	120	» »
Бухару, Хиву, Туркменію и Арганскій Туркестанъ	13.000	» »
Итого	13.120	» »

Уступитъ:

Зазайсанскій край	400 кв. м.
Кульджинскій округъ	900 » »
Итого	1.300 » »

или, въ окончательномъ выводѣ увеличить русскую территорію на 11.820 кв. миль, причемъ государственная граница будетъ идти, начиная отъ юго-восточнаго угла Каспія, по подножію горъ Хоросанскихъ, Паропамиза и Гиндукуна, по водораздѣлу между бассейнами Окса, Яксарта и Иссыкъ-куля съ одной стороны и Тарима съ другой, до горы Ханъ-Тенжи, по Чарыму, Джунгарскому Алатау и поперекъ хребта Тарбагатай къ западному концу Зайсана, отсюда же къ Шабинь-добачу и далѣе до устья Мурели въ Усури по существующимъ рубежамъ, а, наконецъ, по хребтамъ, отдѣляющимъ озеро Хемской отъ Мурени и бассейнъ Суифуна отъ водоемовъ Хурки и Тумени, а потомъ по низовью этой рѣки. Все, что лежитъ внѣ этой черты, было бы напраснымъ обремененіемъ Россіи; напротивъ, все, что заключается внутри ея, составляетъ естественную государственную область русскаго народа.

Переходя съ восточнаго берега Каспія на западный, мы вступаемъ на почву Кавказа. Здѣсь, какъ извѣстно, въ 1850 году были двѣ довольно обширныя, независимыя отъ Россіи, земли: въ Дагестанѣ и Чечнѣ — государство Шамиля (500 кв. миль) и за Кубанью и Лабой, до Чернаго моря (950 кв. миль) — хаотическое смѣшеніе независимыхъ горскихъ племенъ. Обѣ эти земли теперь принадлежать уже Россіи; но условія, при которыхъ состоялось это присоединеніе горскихъ земель къ Россіи, были не одни и тѣ же, а потому послѣдствія сдѣланныхъ завоеваній очень различны. Русскій народъ никогда не долженъ забывать великихъ государственныхъ заслугъ графа Евдокимова, изгнавшаго горцевъ съ западнаго Кавказа. Эта земля теперь стала существенно русскою, и неудачная попытка турокъ на восточномъ берегу, Чернаго моря, въ 1877 году, лучше всего доказываетъ, что тутъ власть ислама не возстановится никогда, именно потому, что по всему этому берегу нѣтъ горцевъ. Къ сожалѣнію, по удаленіи черкесовъ изъ этой береговой полосы, не было принято энергическихъ мѣръ для заселенія ея, а какія поселенія и возникли, то они заняты инопорядцами, греками, болгарами, румынами, а не русскими, чуть ли не потому, что въ Тифлисѣ русскіе не считаются годными къ мореплаванію, морскимъ промысламъ и торговлѣ, хотя дѣятельность ихъ на Каспійскомъ морѣ могла бы доказать противное. Будемъ надѣяться, что эта ошибка скоро исправится, и что коренной законъ политики, чтобъ окраины государства были заселены господствующимъ племенемъ, возстановится во всей силѣ. Черноморскій и Сухумскій округи станутъ тогда простымъ продолженіемъ Кубанской области, съ которою они такъ тѣсно связаны географическимъ положеніемъ и исторіей. Желѣзная дорога отъ станицы Кавказской на

Бѣлорѣченскую и потомъ по долинѣ Питша на Туапсе, гдѣ можно устроить портъ, вѣроятно, также не останется неосуществленною, такъ какъ отъ проведенія ея много зависить экономическая участь благодатнѣйшаго края Россіи.

Совсѣмъ не то, что западный Кавказъ, покоренный не далѣе 1864 года, представляютъ бывшія владѣнія Шамиля въ Чечнѣ и Дагестанѣ, вошедшія въ составъ русской державы съ 1859 года. Тутъ мы не только оставили горцевъ на ихъ родинѣ, но даже препятствовали удаленію въ Турцію тѣхъ изъ нихъ, которые желали того. Въ результатѣ получились многочисленные бунты, благодаря которымъ еще въ 1877 году, т. е. черезъ 18 лѣтъ послѣ плѣненія Шамиля, мы должны были въ двухъ небольшихъ внутреннихъ провинціяхъ держать 30,000 войска, которыя могли бы быть съ пользою употреблены въ это время на турецкой границѣ. Вѣроятно, впрочемъ, урокъ 1877 года не пройдетъ даромъ, и если не мы, то наши дѣти увидятъ Дагестанъ и Чечню прочно умиротворенными и постепенно сливающимися съ Россіею, какъ слились съ нею царства Астраханское и Казанское.

Въ Закавказьѣ важную переимѣну въ очертаніи государственной границы произвели условія берлинскаго договора 1878 года. Къ Россіи присоединены Батумъ и Карсъ, два пункта большой важности, первый—торговый, второй—военный. Мы еще не имѣемъ окончательной карты новой граничной черты, но тѣ данныя, которыя вошли уже въ научный оборотъ, показываютъ, что объемъ нашихъ приобрѣтеній въ Арменіи и бывшей турецкой Грузіи составляетъ 468 кв. миль. Это немного въ количественномъ отношеніи, но важно въ качественномъ. Богатая лѣсная Батумская область и нѣсколько степная, но плодородная Карсская могутъ дать мѣсто для довольно обширной колонизаціи изъ малоземельныхъ русскихъ провинцій; стратегическое положеніе наше за Кавказомъ значительно усилено; значительная часть христіанъ-армянъ освободилась отъ турецкаго ига и получила возможность мирно трудиться для своего преслѣпанія. Но мы не должны изъ-за этихъ выгодъ забывать и нѣкоторыхъ неудобствъ завоеванія 1877—78 годовъ, именно усиленіе армянскаго населенія въ Кавказскомъ краѣ, гдѣ оно и безъ того постоянно служило источникомъ непріязни къ Россіи со стороны всѣхъ прочихъ инородцевъ. Торгаши армяне, становясь подъ защиту русскихъ законовъ и особенно русскихъ властей, къ которымъ умѣютъ подлаживаться, жестоко эксплуатируютъ все остальное населеніе Кавказа и не даютъ ему возможности тѣсно слиться съ русскою націею. Они, кромѣ того, являются сильными эксплуататорами самой русской казны въ видѣ поставщиковъ, подрядчиковъ, откупщиковъ и т. н. Наконецъ, у нихъ, подъ русскимъ владычествомъ, начали возникать стремленія къ восстановленію независимаго армянскаго государства, значительно расширеннаго противъ историческихъ предѣловъ армянской національности черезъ возникновеніе, въ XIX вѣкѣ,

большихъ армянскихъ колоній въ тѣхъ частяхъ Кавказскаго края, гдѣ армяне едва были терпимы, какъ бродячіе торгаши. Поэтому, становясь на національно-русскую точку зрѣнія, которую, кажется, нельзя обвинить въ *узкости*, мы можемъ пожелать, чтобы дальнѣйшаго присоединенія къ Россіи армянскихъ земель не было, и даже чтобы тѣ земли бывшихъ санджаковъ Карсскаго и Батумскаго, которыя оставлены турками, курдами и лазами, ушедшими въ 1877 — 79 годахъ въ Турцію, были предоставлены въ пользованіе не армянъ, а собственно русскихъ людей, особенно сектантовъ, которые свои превосходныя колонизаторскія способности уже доказали множествомъ примѣровъ.

Берлинскій трактатъ, признавшій за Россіею обладаніе Батумомъ и Карсомъ, утвердилъ за нею и возвращеніе большей части того клочка земли въ Бессарабіи, который былъ потерянъ въ 1856 году по Парижскому договору. Ключекъ этотъ, величиною не болѣе 153 кв. миль, имѣетъ большую важность: онъ господствуетъ надъ нижнимъ Дунаемъ и, слѣдовательно, ставитъ въ извѣстнаго рода зависимость отъ Россіи не только мелкія государства Балканскаго полуострова, но даже Австрію. Хотя по условію берлинскаго договора на берегахъ Дуная, ниже Желѣзныхъ воротъ, не должно возникать крѣпостей, но и безъ того во власти Россіи пресѣчь судоходство по этой рѣкѣ для всякой враждебной ей націи, такъ какъ у Рени и вообще отъ устья Прута до начала дельты, весь Дунай находится подъ выстрѣлами русскихъ пушекъ. Сверхъ этой стратегической важности обладаніе нижнимъ Дунаемъ имѣетъ и промышленную: наше пароходство имѣетъ нынѣ въ своемъ распоряженіи національную русскую пристань для торговли предметами, которые производитъ богатая отъ природы нижнедунайская низменность. Наконецъ, важно и то, что Россіи возвращенъ край, который именно она сдѣлала цвѣтушимъ не далѣе, какъ въ первой половинѣ нашего вѣка. Болгарскія и иныя колоніи въ южной Бессарабіи есть одно изъ лучшихъ произведеній русской политики, которая, къ сожалѣнію, дала только слишкомъ преобладающее значеніе инородческимъ элементамъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы покровительствовать предпочтительно коренному русскому.

Но, указывая на важность и выгоду возвращенія Измаильскаго уѣзда, мы не должны упустить изъ вида и проистекающаго изъ него неудобства. Отнынѣ, и на долгое время, Россія имѣетъ на бессарабской границѣ рьянаго врага въ лицѣ Румыніи, которой очень не хотѣлось расстаться съ богатыми болгарскими и другими поселеніями въ бывшемъ Буджакѣ. Конечно, большая часть сварливыхъ дѣйствій бухарестскаго правительства, бывшихъ въ 1878 — 79 годахъ, объясняется подстрекательствами извнѣ, главнымъ образомъ, изъ Вѣны и Берлина; но какъ бы ни было, мы можемъ почти не сомнѣваться, что Румынія станетъ непременно въ ряды коалиціи противъ Россіи, если такая коалиція образуется, и цѣлью ея при этомъ будетъ, конечно, не одинъ Измаильскій уѣздъ, а и вся Бессарабія,

гдѣ въ составѣ населенія такъ много румынъ. Вотъ почему созданіе хорошаго опорнаго пункта въ углѣ, образуемомъ Дунаемъ и Прутомъ, намъ представляется дѣломъ разумной предусмотрительности.

Дѣлая теперь общій взглядъ на приобрѣтенія Россіи, сдѣланныя съ 1851 года на западѣ отъ Каспійскаго моря, мы видимъ, что они не особенно велики по объему (1918 м., если не считать южной части Бессарабіи); но нѣтъ сомнѣнія, что они важны по ихъ политическому значенію. Закончено ли ими наше движеніе къ югу, или они составляютъ только промежуточный шагъ къ дальнѣйшимъ присоединеніямъ? Про нѣкоторыя мѣстности, напр. про Бессарабію, можно съ увѣренностію сказать, что дальше Россія не пойдетъ, развѣ если потребуется ея помощь для балканскихъ мелкихъ государствъ, угрожаемыхъ напоромъ германизма; но и тутъ территоріальныя приобрѣтенія сомнительны, да, по справедливости сказать, и не нужны. Что касается до границы съ Малою Азіею, то мы не можемъ забывать, что, по конвенціи турецкаго правительства съ Англіею, послѣдняя обязалась блюсти за цѣлостью малоазійскихъ владѣній султана; но, впрочемъ, придавать этой конвенціи особаго значенія не слѣдуетъ. Англія умѣетъ въ удобныя минуты заключать подобныя договоры, дающіе ей несомнѣнныя выгоды (напр. въ данномъ случаѣ приобрѣтеніе Кипра), но она не начнетъ войны изъ-за соблюденія ихъ, если не будетъ видѣть новой прямой выгоды для себя и особенно если останется единственною союзницею Турціи. Она предпочтетъ раздѣлить владѣнія султана между Россіею и собою, лишь бы при этомъ на ея долю досталась львиная доля, напр. всѣ малоазійскіе берега въ Средиземномъ морѣ и особенно Дарданеллы и Босфоръ, къ завладѣнію которыми она такъ усердно стремится.

М. Венковъ.

Женева, январь 1880 года.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Н. И. МАМОНТОВА.

Москва.

Бузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

С.-Петербургъ.

Невскій проспектъ, № 46-я.

За послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя
книги:

«Эсхатологическія сочиненія и сказанія» въ древне-русской письменности и вліяніе ихъ на народныя духовныя стихи. Исслѣдованіе *В. Сахарова*. Тула. Цѣна 1 р. 50 к.

Ф. Ф. Мартенсъ. «*Россія и Англія въ Средней Азій*», съ измѣненіями и дополненіями автора, переводъ Барона *Б. Ф. Таубе*. СПб. 1880 г. Цѣна 75 к.

«*Лучшія тепличныя и оранжерейныя растенія*». II. Растенія цвѣточныя. Руководство для садовниковъ и любителей тепличной, оранжерейной и комнатной культуры. Составилъ *В. С. Уильямсъ*, перевелъ съ дополненіями для Россіи *П. Волкенштейнъ* изд. 2-е. СПб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Философія Шопенгауера I. Теорія познанія и метафизика. Кн. *Д. Цертеллева*.

«*Факты въ воспріятіи*». Рѣчь, читанная въ день основанія Берлинскаго Университета 3-го Августа 1878 г. профессоромъ *Гельмольцемъ*. СПб. 1880 г. Цѣна 40 к.

С. Карновича. «*Самозванцыя дѣти*». Историческая повѣсть въ 3-хъ частяхъ изъ временъ Императрицы Екатерины II. СПб. 1880 г. Ц. 2 р.

И. Кашарова. «*Нужды русскаго народа*». СПб. 1880 г. Ц. 1 р.

Н. И. Веселовскаго. «*Свѣдѣнія объ оффиціальному преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи*». СПб. 1880 г. Ц. 1 р.

«*Исторія Россіи*». Соч. *Д. Иловайскаго*. Ч. II. (Владимірскій періодъ). М. 1880 г. Цѣна 2 р.

Полежаева. «*Престолъ и Монастырь*». Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ изъ русскихъ лѣтописей 1682—1689 г. СПб. 1880 г. Ц. 2 р. 75 к.

«Основанія лѣсоразвѣдѣніе въ степяхъ Южной Россіи Амаціи». (*Robinia pseudo-acacia* L.). Ея исторія, употребленіе и лѣсоразвѣдѣніе съ приложеніемъ наставленія о степномъ лѣсоразвѣдѣніи дуба, ясеня, берестовъ, кленовъ, айланта, гледичіи, тополей и ивъ (вербъ) съ чертежами. Руководство для землевладѣльцевъ. Составилъ *В. Гомилевскій*. Одесса 1880 г. Цѣна 2 р. 50 к.

«Собана». Естественная исторія собаки, описаніе различныхъ породъ, выборъ и воспитаніе, всевозможныя дрессировки, болѣзни и лѣченіе ихъ съ рисунками. М. 1880 г. Цѣна 75 к.

«Матеріалы для изученія современнаго положенія землевладѣнія и сельскохозяйственной промышленности въ Россіи», собранныя по распоряженію Министра государственныхъ имуществъ. Вып. I. СПб. 1880 г. Цѣна 60 к.

Эдуарда Фримана. «Общій очеркъ исторіи Европы». Переводъ съ послѣдняго пятаго англійскаго изданія, подъ редакцію Я. Г. Гуревича съ приложеніемъ хронологической таблицы Фримана. СПб. 1880 г. Ц. 1 р.

Карла Шмидта. «Исторія педагогики», изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Исторія педагогики отъ Лютера до Пестолоци. Изд. 3-е дополненное и исправленное Рихардомъ Ланге. Переводъ Эдуарда Циммермана, томъ 3-й изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1880 г. Ц. 5 р. 50 к.

Л. Н. Попова. «Изъ первобытной жизни челоука» съ 167 рисунками въ текстѣ. СПб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

«Лѣсной альманахъ на 1880 г.» по официалнымъ свѣдѣніямъ У отдѣленія Лѣснаго Департамента. Составилъ *А. Матернъ*. СПб. 1880 года. Цѣна 2 р. 50 к.

Л. Соболевъ. «Англо-Авганская распря» страница изъ исторіи восточнаго вопроса. СПб. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Гюисманъ Марта. «Исторія погибшей». Романъ. Переводъ съ французскаго М. Г. М. СПб. 1880 г. Цѣна 1 р.

«Земля и люди», всеобщая географія *Элизе Реклю* IV Бельгія, Голландія, Великобританія и Ирландія, Острова Сѣверной Атлантики съ 78 рисунками. СПб. 1880 г. Цѣна 8 р.

«Справочная книга» для мировыхъ судей, чиновъ полиціи, волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и для лицъ, имѣющихъ дѣла у мировыхъ судей. Составилъ кандидатъ правъ Московскаго Университета *А. П. Всеволожскій* в. 3-й. М. 1880 г. Ц. 1 р. 60 к.

«Нигилизмъ и литературное развитіе» *А. Незлобина*. Одесса 1880 г. Цѣна 60 к.

Теорія словесности курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Баталинъ*. (Теоретическое приложеніе къ изборнику статей). М. 1880 г. Ц. 40 к.

«Двадцать дѣтскихъ пѣсенъ», приспособленныхъ къ подвижнымъ играмъ. Составили *М. Д. Мамонтова* и *М. Т. Соловьева*. М. 1880 г. Ц. 1 р.

«Нисшая алгебра» курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *М. Медяникъ*. Тамбовъ 1880 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Э. Фриманъ и В. Стебсъ. «*Опыты по исторіи Англійской конституціи*». Переводъ съ англійскаго студентовъ московскаго университета подъ редакцію *М. Ковалевскаго*. М. 1880 г. Цѣна 2 р.

«Изъ дѣйствительной страны миллиардовъ». Парижскіе этюды и очерки *Макса Нордау*. Переводъ съ нѣмецкаго. СПб. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Записки Л. А. Каратыгина 1805—1879 г. изданы и редактированы сыномъ покойнаго Каратыгина. СПб. 1880 г. Цѣна 2 р. 50 к.

«*Всеобщая исторія литературы*» составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ подъ редакціей *В. О. Корша*. В. I. СПб. 1880 г. Цѣна 1 р.

«*Индивидуализація и усовершенствование желѣзнодорожныхъ устройствъ*». Баронъ *М. М. Фонъ Веберъ*. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *Н. В. Бернацкаго*. М. 1880 г. Цѣна 60 к.

«*Исторія русской церкви*». *Е. Голубинскаго*, экстраординарнаго профессора Московской духовной Академіи, т. I періодъ I Киевскій или домонгольскій. Первая половина тома. М. 1880 г. Цѣна 4 р.

«*Разсказы изъ отечественной исторіи 1812 г.*». Книга для чтенія всѣхъ возрастовъ *С. М. Любецкаго*. М. 1880 г. Цѣна 2 р.

В. Соловьева. «*Критика отвлеченныхъ началъ*». М. 1880 г. Ц. 3 р.

Всѣ требованія исполняются немедленно и аккуратно. Магазины просятъ гг. иногородныхъ при выпискѣ книгъ до 10 р. прилагать на пересылку ихъ приблизительно 20 к. съ рубля, при требованіи же болѣе чѣмъ на 10 руб. — 10 коп.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛѢСОВОДСТВО

ЖУРНАЛЬ

МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ

и

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ 1880 году.

Журналь выходитъ ежемѣсячно книжками каждая не менѣе 10 листовъ, а Газета еженедѣльно въ 4 д. л. большаго формата, въ 16 страницъ или 32 столбца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ:	Безъ пересылки и доставки.	Съ доставкой на домъ въ Пе- тербургъ.	Съ уплатою и пересылкою въ другія мѣста.
Журналь	4 р.	4 р. 50 к.	4 р. 50 к.
Газета	3 »	4 » — »	3 » 90 »
Журналь вмѣстѣ съ Газетою. 7 »		8 » 50 »	8 » 15 »
На полгода:			
Журналь	2 » 20 к.	2 » 45 »	2 » 50 »
Газета	1 » 70 »	2 » 20 »	2 » 20 »
Журналь вмѣстѣ съ Газетою. 3 » 70 »		4 » 45 »	4 » 35 »

Съ доставкою за границу: Журналь на полгода 2 р. 70 к., на годъ 5 р. Газета: на полгода 2 р. 25 к., на годъ 4 р. 10 к.

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться съ своими требованіями исключительно по слѣдующему адресу: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» и «Земледѣльской Газеты» (Большая Садовая, № 44). Въ Петербургѣ подписка принимается въ редакціи, въ комиссіонерствѣ «Работникъ», при сельско-хозяйственномъ музеѣ министерства государственныхъ имуществъ (Соляной переулочекъ) и почти во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ — въ комиссіонерствѣ «Работникъ» (Театральная площадь, д. Бронникова) и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ).

ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ
„ТИФЛИССКІЙ ВѢСТНИКЪ“
 въ 1880 году.

Съ 1-го января будущаго 1880 года „Тифлисскій Вѣстникъ“ будетъ издаваться: ЕЖЕДНЕВНО, не исключая ни понедѣльниковъ, ни послѣ праздничныхъ дней, при участіи нынѣшняго состава редакціи.

Вслѣдствіе увеличенія числа номеровъ газеты, подписная цѣна на газету нѣсколько измѣняется. Годовая подписка назначается: въ Тифлисѣ (съ доставкой на домъ)—12, съ пересылкою по Имперіи—13, съ пересылкою по почтовому союзу—18 руб.

СРОКИ:	Въ Тифлисѣ съ доставкой.		По Имперіи.		По почтовому союзу.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
На 12 мѣсяцевъ	12	—	13	—	18	—
» 6 »	6	50	7	—	9	50
» 4 мѣсяца	4	50	5	—	7	—
» 3 »	4	—	4	50	5	50
» 1 мѣсяцъ	1	50	2	—	2	50

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Тифлисѣ, въ редакцію „Тифлисскаго Вѣстника“.

Въ Тифлисѣ подписка принимается, кромѣ конторы газеты (Эриванская площадь, д. № 3), въ газетномъ агентствѣ Шавердова.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1880 ГОДУ

ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

Возобновленный съ 1878 года „Журналъ м. п. с.“ будетъ издаваться и въ предстоящемъ году по слѣдующей программѣ:

а) Оффиціальная часть и срочныя публикаціи, подъ названіемъ «Указатель правительственныхъ распоряженій по министерству путей сообщенія»—ежедневно;

б) Неоффиціальная—ежемесячно.

Подписная цѣна полного экземпляра «Журнала» съ «Указателемъ за годъ»—9 р. съ пересылкою, и 8 р. 40 к.—безъ пересылки; за полгода: 5 р. съ пересылкою, и 4 р. 50 к.—безъ пересылки.—Служащимъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія допускается разсрочка подписной цѣны по третямъ года.

Подписная цѣна: одной оффиціальной части, т. е. «Указателя», за годъ—2 р. 40 к. безъ пересылки и доставки, а съ пересылкою—3 р.; за полгода—1 р. 60 к. безъ пересылки и 1 р. 85 к. съ пересылкою одной неоффиціальной, т. е. «Журнала» безъ «Указателя»—6 р. за годъ съ пересылкою и доставкой, безъ пересылки—5 р. 40 к.; за полгода—3 р. 50 к.

Подписка принимается въ зданіи м. п. с. въ общей журнальной части, гдѣ производится и продажа отдѣльныхъ экземпляровъ изданія за истекшій годъ: «Журналъ»—по 1 р. за книжку, «Указатель»—25 к. за №.

Примѣчаніе: Какъ подписныя деньги, такъ и за отдѣльные экземпляры, отнюдь не должны быть высылаемы и представляемы въ министерство, а вносятся самими подписчиками въ мѣстные казначейства, для причисленія къ доходамъ м. п. с. § 7 ст. 1 смѣты сего министерства; въ редакцію же (департаментъ общ. дѣлъ м. п. с., по Фонтанкѣ, № 99) должны быть присылаемы только квитанціи во взносѣ сихъ денегъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1831 ГОДУ

ВАЗА

СУЩЕСТВУЕТЪ 48 ЛѢТЪ

ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Выходитъ 1-го и 15-го числа наждаго мѣсяца большими тетрадами.

24 номера журнала, **12** рукодѣльно-модныхъ и **12** литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстія и т. п.).
1000 подписчицъ въ томятъ.
24 модныя гравюры.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ.
21 вырѣзанныхъ выкроекъ въ натуральную величину.
6 листовъ раскрашенныхъ узоровъ.
Карманный календарь на 1880 годъ.

Возрастающій съ каждымъ годомъ успѣхъ журнала даетъ редакціи возможность увеличить цѣнность и изящество премій. — Преміи, предназначенныя для 1880 года, выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ. Желаніе могутъ видѣть ихъ въ редакціи.

Каждый подписчикъ 1880 года получить ШЕСТЬ ПРЕМІЙ, а именно:

- 1) **ВАРХАТНЫЯ** золотомъ вышитыя туфли (вышивка исполнена по заказу редакціи настоящими серебряными черезъ огонь вызолоченными нитями).
- 2) **ДВѢ** олеографич. картины (pendant) заграничной работы.
- 3) **КОРЗИНКА** для туалетнаго стола. Тисненая вырѣзка изъ золоченой латуны. Часть работы.

- 4) **БОЛЬШАЯ ПОДУШКА** для дивана. Роскошный букетъ. Матеріалъ полный для букета и для фона. Узоръ для исполненія раскрашенный и въ натуральную величину.
- 5) **ВЫПИВКА** для бюара на французской кашѣ. Матеріалъ полный и узоръ раскрашенный. Полевые цвѣты.
- 6) **ЗАКЛАДКА** для книги съ тисненою вырѣзкой и вышивкой (Souvenir).

Преміи выдаются и рассылаются всѣ заразъ: городскимъ — въ Январѣ, иногороднымъ подписавшимся въ ноябрѣ — въ январѣ. Подписавшимся въ декабрѣ — въ февралѣ. Позднѣйшимъ подписчикамъ въ теченіи февраля и марта.

Разсрочка допускается чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій . . . 7 р. — к. (безъ перес. 6 р. — к.) Съ ПРЕМІЯМИ 5 руб. дорево.
На полгода безъ премій . . . 4 р. — к. (безъ перес. 3 р. 40 к.) На укупорку премій редакція
На 3 мѣсяца безъ премій . . . 1 р. 80 к. (безъ перес. 1 р. 41 к.) проситъ высыл. 42 к. марками.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „ВАЗА“. Лештуковъ пер., д. № 13.

**ОТВЕРТА ПОДПИСКА
НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ГИГИЕНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ**

„ЗДОРОВЬЕ“

Органъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Издаваемый подъ редакціей профессора Гигіены въ Императорской Медико-хирургической Академіи А. П. Доброславина, при ближайшемъ участіи профессоръ Гигіены въ университетахъ Казанскомъ, Кіевскомъ и Харьковскомъ—И. П. Скворцова, В. Л. Субботина и А. И. Якобія, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. Е. Андреевскаго, докторовъ Архангельскаго, Губнера, Эрисмана и др.

Въ наступающемъ 7-мъ году изданія Редакція журнала «Здоровье» имѣетъ въ виду слѣдовать прежней программѣ — распространять въ популярной формѣ изложенія гигиеническія истины и предлагать обществу наиболее дѣлособравннны мѣры для охраненія здоровья. Какъ и прежде, всѣ стороны быта—гигіена дѣтей, воспитанія, школьной жизни, гигиена взрослыхъ въ различныхъ отрасляхъ профессій, гигиена казармъ, больницъ и др. общественныхъ учреждений, городовъ, ихъ ассенизація, вопросы дезинфекціи, медикополицейскія мѣры для охраны доброкачественности пищи, воды, напитковъ и пр. не менѣе важные отдѣлы здравоохраненія будутъ наложены въ общедоступной формѣ. Кроме того журналъ постоянно заботится о сообщеніи свѣдѣній, касающихся санитарной дѣятельности земствъ и городскихъ управленій, равно какъ и о санитарныхъ новостяхъ заграничной литературы. Библиографическія указанія о всѣхъ новыхъ книгахъ по гигиенѣ тоже найдутъ въ журналѣ свое мѣсто, какъ и въ прошедшіе годы. Всѣ труды и протоколы Общества охраненія народнаго здравія помѣщаются въ журналѣ «Здоровья».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годъ съ пересылкой, 5 руб., за полгода съ пересылкой, 3 руб.

Гг. служащіе подписываются чрезъ своихъ казначеевъ.

Иногородные адресуютъ деньги и требованія въ редакцію, помѣщающуюся на Выборгской сторонѣ по Нижегородской улицѣ, № 4, въ зданіи Императорской Медико-Хирургической Академіи, а городскихъ подписчиковъ проситъ обращаться въ контору журнала, въ типографію Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8.

оъ изданіи въ 1880 году

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНАГО ЖУРНАЛА

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

(годъ третій).

Въ 1880 году «Историческая Библиотека» будетъ выходить при участіи тѣхъ же лицъ, по той же программѣ и въ тѣ же сроки.

Программа: романы, повѣсти, рассказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія; историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи и матеріалы.

Согласно съ намѣченною цѣлью, редакція пожелала и будетъ помѣщать въ журналъ свои же произведенія, которыя, при литературномъ достоинствѣ, совершенно вѣрны и исторической истинѣ. Содержаніе журнала 1879 года, заключающагося для послѣднихъ выписокъ: беллетристическаго содержанія — Семейство Шалонскихъ (изъ семейныхъ преданій 12 года), Е. Туръ; Новгородскій погромъ, ист. пов. Политковского; Очерки древне-римской жизни, Т. Симонса; Престоль и Монастырь (хроника-романъ 1682—1689 г.) Ш-6-скаго; Кларошане (сцена), В. В.; Переписка папы Климента XIV съ Карлино Бертиняци, Соколова; Съ русскимъ караваномъ, Н. Огородникова; Жанна де-Монфоръ, ист. пов. Витта; Воспоминаніе изъ Кавказской боевой жизни, Горюнова; Рассказъ плѣнника (изъ Хивинской экспедиціи), Д. И. Минаева; За живой изгородью (вандейская война), ист. пов. Витта; Семинаристъ, Богословскаго; Новгородскія Вылины, Аванарія; ученаго содержанія—Флоренція въ XIV в., ист.-кул. очеркъ, Красноперова; Очеркъ Провансальской поэзіи любви, Деларю; Описаніе Московія по реляціямъ Карлейля, Павловскаго; Арсеній архіеп. Эллассонскій, Оглоблина; Пугачевскій бунтъ по Кастеру, Деларю; Индусы и Будда, Новоселова; Сервантесъ, покойн. проф. Салина; Тюремный вопросъ, Никитчина; Основныя эпохи въ исторіи Англіи, Павлова и мн. друг., не счтая мелкихъ статей. Въ будущемъ же году (редакція предполагаетъ увеличить объемъ книгъ) будутъ помѣщены, кромѣ многихъ другихъ, слѣдующія произведенія: Царскій выборъ, ист. пов. Политковского, Тѣни Прошлаго (Виронъ и Волиноскій), хроника-романъ Шубарскаго (псевдонимъ) автора «Престоль и Монастырь», Атика по Дункеру, матеріалы для русской исторіи XVIII в., Послѣдніе Стюарты, нѣсколько переводовъ лучшихъ иностранныхъ историческихъ сочиненій и др.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к., съ перес. 8 руб. Подписка принимается въ редакціи (Вол. Садовая, д. 121, кв. 12) и въ книж. магазинѣ Я. Исакова, гос. дв., № 24. Иногородные благоволятъ адресовать въ Петербургъ, въ Редакцію журнала «Историческая Библиотека» (Вол. Сад., д. 121). Гг. Подписчики текущаго года получаютъ всѣ вышедшіе номера.

Готовится къ печати и выйдет въ свѣтъ около 15-го числа бу-
дущаго мая мѣсяца

СКОМОРОХЪ,

ВТОРОЙ АЛЬМАНАХЪ «БУДИЛЬНИКА» на 1880 ГОДЪ:

изящный томикъ in-8° (форматъ альманаха «Будильника» 1879 года);
болѣе 150 столбцовъ текста (стихи и проза); краткій календарь-
мѣсяцесловъ на текущій годъ (къ первымъ 500 экземплярамъ, кромя
того, будетъ приложенъ отрывной листъ святцевъ на 1880 годъ и, къ
нему, отпечатанная золотомъ обложка: «календарь-портмоне»); рисунки
(жанры) гг. Лебедева, Малышева, Чичагова, Залѣсскаго и Кланга
(всего семь рисунковъ, роскошно отпечатанныхъ въ два тона.) Подписка
будетъ приниматься въ главной конторѣ редакціи „Будильника“ (Москва,
Леонтьевскій пер., домъ Мичинера)—ТОЛЬКО ДО 15 АПРѢЛЯ, въ
виду слѣдующаго:

каждый подписчикъ, выславшій, вмѣстѣ съ подписными деньгами, свою
фотографическую карточку (подробности см. ниже), найдетъ въ „Аль-
манахъ“

 свой собственный портретъ

(конечно—не карикатурный), исполненный на камнѣ гг. Клангомъ или
Чичаговымъ и отпечатанный, въ форматъ полной страницы книги, на
превосходной тонкой бумагѣ. На оборотѣ фотографической карточки
обязательно должны находиться: имя, отчество, фамилія и адресъ под-
писчика. По отпечатаніи портрета, карточка возвращается заказчику въ
цѣлости. Такъ какъ заготовленіе, можетъ быть, нѣсколькихъ тысячъ
портретовъ потребуетъ не мало труда и времени, то Редакція и про-
ситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ: по возможности ускорить требованія.

Заказы на одни портреты (безъ «Альманаха») не принимаются.

Подписная цѣна—2 руб., съ перес. 2 р. 20 коп. за экз.

Вывлашіе десять рублей, получаютъ пять экз. „Альманаха“ и оле-
ографію съ картины Кизля: „Лѣвнивка“—**БЕЗПЛАТНО.**

Цѣна „Альманаха“ безъ портрета—1 р., съ перес. 1 р. 20 коп.

Подробныя рекламныя—см. въ «Будильникѣ».

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1880 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГИЕНЫ.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВЪДОМОСТИ“.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„Врачебныя Вѣдомости“ будутъ выходить въ 1880 году безъ предварительной цензуры.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гігіены, извѣстій о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго, земско-врачебнаго дѣла, разсмотрѣніе и обсужденіе профессиональных и общественныхъ вопросовъ—вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи „Врачебныхъ Вѣдомостей“. Прошло уже четыре года, какъ начали выходить «Врачебныя Вѣдомости», восполняя дѣйствительный пробѣлъ специальной прессы — отсутствіе такого періодическаго органа, который-бы имѣлъ своими задачами бытовые, корпоративные и общественные вопросы, и неуслоннаго стремленія газеты дать мѣсто самостоятельнымъ, независимымъ мнѣніямъ, заботы о точности выходовъ газеты и объ удовлетвореніи существенныхъ потребностей врачей, разьединенныхъ на огромномъ пространствѣ, не остались безслѣдны. Наши попытки образовать, наконецъ, органъ русскихъ врачей встрѣчены сочувственно и внимательно товарищами по наукѣ и профессіи. Это выразилось значительное увеличивающимся количествомъ самостоятельныхъ, научныхъ и бытовыхъ сообщеній, большимъ участіемъ врачебныхъ силъ въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ жизни и быта, многими указаціями, направленными къ газетѣ, чѣмъ она пользовалась съ благодарностью въ видахъ дѣла, интереса и пользы читателей. «Врачебныя Вѣдомости» не щадили усилий, чтобы дать читателямъ, въ возможно сжатой формѣ, безъ лишннихъ размазываній какъ выводы современныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ и заключенія, вытекающія изъ явленной жизни, руководясь, главнымъ образомъ, *практичностью* первыхъ и полезностью послѣднихъ. Насколько газета успѣла выполнить свои задачи, конечно, судить могутъ сами читатели; но, тѣмъ не менѣе, она вправѣ указать, что всегда и во всемъ преслѣдовала принципы свободной профессіи, улучшенія ея положенія въ смыслѣ улучшенія положенія ея членовъ, ратовала за свободу личности и труда, находя для того основы въ наукѣ и точныхъ ея указаціяхъ. Желанія ея и въ этомъ направленіи расширить свои отдѣлы получили, наконецъ, удовлетвореніе. «Врачебныя Вѣдомости» ввели справочный отдѣлъ о свободныхъ врачебныхъ вакансіяхъ въ земствахъ и пр., сдѣлавшаяся въ слѣдствіи источникомъ для возмѣщенія объявленій въ другихъ медицинскихъ изданіяхъ. Земскія и др. учрежденія отнеслись къ этому сочувственно и „Врачебныя Вѣдомости“ имѣли возможность сообщать *соосерменно* о многихъ мѣстахъ для врачей. Въ виду удобства читателей, газета на будущій годъ приняла мѣры къ большому расширенію и этого отдѣла. — Въ 1880 г. «Врачебныя Вѣдомости» будутъ выходить по той же программѣ.

ПО Д И С К У С И О Н А .

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣсяца.
Безъ пересылки	6 р.	4 р.	2 р.
Съ пересылкой и доставкой	8 »	5 „	3 „

Подписна принимается въ *Петербургѣ*—въ конторѣ редакціи „Врачебныхъ Вѣдомостей“, Владимирская 7, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ подписку и иныя требованія исключительно въ контору редакціи «Врачеби. Вѣдом.»

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ПРОДАЮТСЯ:

РУКОВОДСТВО КЪ КЛИНИЧЕСКОМУ ИЗСЛѢДОВАНИЮ И ДІАГНОСТИКѢ

проф. Р. Гагена, съ русскомъ переводѣ. Цѣна 60 коп. въ колѣнкор. перепл. 75 коп.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ ПРОШЛУЮ ВОЙНУ.

П. Илинскаго. Цѣна 1 р. 75 к., съ пересыл. 2 р., веленев. и колѣнкор. перепл. 3 р.

ОВЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1880 ГОДУ
ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ шесть разъ въ годъ, книжками отъ 20 до 25 листовъ, подъ редакцію *проф. Володимірова* и Тов. Об.-Пр. Сената *Н. Денпа*.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ.	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города	9 р.

Подписчики, желающіе получить, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія:

съ доставкой въ С.-Петербургѣ	13 р.
съ пересылкой въ другіе города	13 р.

РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА рассылаются немедленно по выходѣ отдѣльныхъ листовъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 р. съ доставк. въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго права», въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою, а въ Москвѣ—на Никольской улицѣ.

Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 2 линия, домъ № 7.

Подписна на 1880 годъ продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Вторая книга журнала (Мартъ—Апрѣль) выйдетъ 1-го Апрѣля. Въ ней будутъ помѣщены: 1) Указонія и распоряженія правительства. 2) Личный составъ. 3) Протоколы уголовного отдѣленія С.-Петербургскаго юридическаго общества. 4) О незаконнорожденныхъ, *А. Кистяковскаго*. 5) Кандидаты на судебныя должности (вопросъ судебной политики). 6) Стокгольмскій конгрессъ, *Н. Таганцева*. 7) Научная обработка исторіи права въ русской литературѣ, *М. Липинскаго*. 8) О выдачѣ преступниковъ, *Н. Латяшева*. 9) О составительномъ процессѣ по уставу гражд. суд. 1864 г. *Проф. Окольскаго*. 10) Библиографія и. *Гольмстена, Даневскаго, Таганцева и Володимірова*. 11) Практика русскаго суда: а) о кассационныхъ поводахъ по дѣлу Ландсберга; б) опредѣленія общаго собранія С.-Петербургскаго окружнаго суда; 12) Судебная хроника: Памяти стараго суда (Саратовскій процессъ), *П. Левенсона*. 13) Замѣтки: а) Подлежатъ ли несовершеннолѣтніе отдачѣ въ исправительныя отдѣленія? б) Имѣютъ ли окружныя суды право возбуждать преслѣдованія? в) Могутъ ли кандидаты на судебныя должности нести судебскія обязанности? г) Можетъ ли судъ постановлять о вводѣ во владѣніе имѣніемъ, если въ основаніе просьбы о вводѣ представлена межевая книга съ планомъ? *Г. Верболаевскаго*. 14) Разныя извѣстія. 15) Объявленія (Всего въ книгѣ 28 листовъ).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
ВЪ 1880 ГОДУ
НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“
(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ),
ВЪ ПРОГРАММУ КОТОРОЙ ВОЙДУТЬ:

I. Отдѣлъ статей и изслѣдованій по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II. Отдѣлъ общихъ политическихъ извѣстій и политическихъ телеграммы. III. Хроника или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV. Отдѣлъ хроники о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V. Фельетонъ. Въ немъ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI. Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной, желѣзно-дорожной, театральнй репертуаръ, почтовые и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также разнаго рода частныя объявленія. VII. Прибавленіе къ „Оренбургскому Листку“.

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Этотъ отдѣлъ выходитъ по четвергамъ бесплатно и заключаетъ въ себѣ: политическія телеграммы, дневникъ мѣстныхъ происшествій, календарныя свѣдѣнія и разнаго рода частныя объявленія.

Примѣчаніе. „ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“ выходитъ въ форматѣ половины обыкновеннаго листа.

Газета „Оренбургскій Листокъ“ выходитъ по воскресеньямъ, а „Листокъ Объявленій“ по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію съ „Прибавленіемъ“ **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Редакція покорнѣе проситъ лицъ, знающихъ мѣстный край, присылать ей какъ статьи и изслѣдованія, такъ и сообщенія свои, касающіяся мѣстной жизни, съ какою бы то ни было ея стороны. Статьи, корреспонденція и требованія редакція проситъ адресовать: въ Оренбургъ, въ редакцію газеты „Оренбургскій Листокъ“, Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, при типографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ—Издатель **Ив. Евфимовскій-Мировицкій.**

Ueber das Nationalgefühl. Friedrich II und Jean Jacques Rousseau. Zwei Festreden in öffentlichen Sitzungen d. Akademie d. Wissenschaften zu Berlin gehalten von Emil Du Bois-Reymond. (О національномъ чувствѣ. Фридрихъ II и Ж. Ж. Руссо. Двѣ торжественныя рѣчи, сказанныя въ засѣданіяхъ Берлинской Академіи науки Емилемъ Дюбуа-Ремономъ).

XIV. Внутреннее обозрѣніе	25
XV. Земство.	
1. Земское обозрѣніе	44
2. Одно изъ земствъ Приволжскаго края. Очеркъ. Б. Н. Н.	84
XVI. Политическое обозрѣніе	99
XVII. Поземельныя приобрѣтенія и уступки Россіи за послѣднія тридцать лѣтъ. М. Венюкова	124
XX. Объявленія.	

Въ конторѣ Редаціи, въ Москвѣ, на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Роlederъ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Фодотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и рассказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина—Сны на яву. Собрание стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвиг (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

За перемѣну адреса подписчики «Русской Мысли» благоволятъ присылать 25 коп. марками.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

Издается безъ предварительной цензуры

КНИГАМИ

отъ 20-ти до 30-ти листовъ ежемѣсячно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

Безъ доставки	15 руб.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 »
Съ пересылкою въ другіе города	17 »
За границу	19 »

Книжные магазины пользуются обычной уступкой.

Допускается разсрочка подписной платы для лицъ, подписывающихся только въ конторѣ редакціи, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 12 р., 11 р. или 10 р., соотвѣтственно цѣнѣ безъ доставки, съ доставкою или пересылкою; и къ 1 Юля—5 р.

Подписка принимается въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ, и въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Роледеръ.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную доставку журнала только относительно тѣхъ подписчиковъ, которые подписываются въ ея конторѣ или высылаютъ деньги на имя ея конторы.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію, подлежатъ возврату, въ теченіи года со времени ихъ доставленія, за исключеніемъ имѣющихъ объемъ менѣе шести листовъ писчей бумаги, которыя возвращенію не подлежатъ.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.

Издатель В. М. Лавровъ.

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

AN INITIAL FINE OF 25 CENTS
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN
THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY
WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH
DAY AND TO \$1.00 ON THE SEVENTH DAY
OVERDUE.

SEP 20 1980

ICLF (N)

Th. 9091.

14 Feb '50 HG

MAR 10 1986

LIBRARY USE MAR 20 '86

FEB 15 1980

IN STACKS

AUG 15 1979

REC. CIR. AUG 30 1973

~~SEP 9 1985~~

OCT 8 1985

REC CIR OCT 28 1985

REC CIR FEB 15 1986

LD 21-100m-7,39(402s)